



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

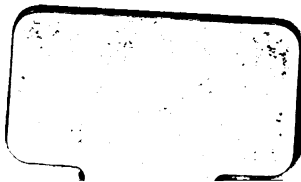
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Lu 278975 d. 80



ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

161
ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

161

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ И С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

ТОМЪ СЛXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866



КУЗЬКА,

МОРДОВСКИЙ БОГЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ИСТОРИИ МОРДОВСКАГО НАРОДА.

Статья вторая.

V.

Уже пущены были въ ходъ всѣ тайныя продѣлки, приготовляющія мордовскій народъ къ обоготворенію Кузи-богова, какъ въ деревнѣ Кужадонѣ, состоящей на половину изъ мордвовъ, на половину изъ русскихъ и отстоящей верстахъ въ десяти отъ Мавраши, проявилась рѣдкая красавица, мордовская дѣвушка, по имени Афросинья; въ тотъ же годъ, какъ Кузь-богову быть провозглашеннымъ земнымъ богомъ, Афросинья минуло восемнадцать лѣтъ. Она была дочь достаточнаго мордвина, Назара Панагина—ненаглядное дѣтище отца съ матерью. Національная мордовская одѣжа, уродливая сама по себѣ, не могла обезобразить дѣвушку: мѣдныя серьги съ заячьимъ пухомъ въ ея ушахъ казались золотыми; вставленныя въ нихъ простыя стеклышки казались алмазами; «кисляма» (выстриженные на лбу волосы) шли ей къ лицу; «шущпанъ» (бѣлый холщовый балахонъ) какъ нельзя лучше обрисовывалъ ея прекрасно сложенный станъ; «сустугъ» (висящій на груди продолговатый лоскутъ, вышитый красными шерстями и унизанный серебряными монетами) не скрадывалъ бѣлизны и румянца миловидной дѣвушки; даже «марѣна» (висящая назадъ на поясу тонкая подушка, вышитая шерстами, съ пропущенной надъ ней толстой вышитой косоплеткой въ видѣ хвоста) была на ней изящна. Самая пустыниѣйшая вещь на милой и красивой мордовонѣ была мила и красива. На Афросинья буквально исполнялась русская пословица: «не одѣжа краситъ человекъ, а человекъ одѣжу».

Во время лѣтнихъ гулянокъ по полямъ, рощамъ и лугамъ и зимнихъ по улицамъ, около Афросиньи увивались не только жор-

Т. СLXVIII. — Отд. I.

довские парни, но и русские, которые нарочно для нея приходили на мордовскую сторону. Последние, возвратившись на свою сторону, дразнили «мордочкой Офросей» своих русских сосѣдокъ, которыя заочно посылали ее въ преисподнюю, желали ей исчезнуть, сквозь землю провалиться; но Афросинья, на зло имъ, жила, цвѣла, и сама не понимая того, переманивала на мордовскую сторону русскихъ парней. Множество жениховъ изъ мордвы, и хорошихъ и добрыхъ (брачныя связи русскихъ съ мордвами въ ту пору бывали только по принужденію со стороны помѣщиковъ) засылали къ Афросинѣ свахъ, но она объявляла, что покуда еще ни на что не смѣняетъ свою дѣвичью волюшку; любящіе ее до безумія отецъ съ матерью ей ни въ чемъ не прекословили, а вотчинные начальники, бывшіе съ руки Панягину, ее не неволили въ замужество.

Недаромъ Афросинья отвергала всѣ искательства ея сердца. У нея была тайная, сердечная зазнобушка: на концѣ Мордовской улицы деревни Кужадона, у одной несчастной вдовушки росъ паренѣкъ — сиротинка, красавчикъ бѣдненькій, по имени Пахомъ. Съ его кругленькой говорушки вились темнорусныя мягкія кудерюшки, на его смугленькихъ щекахъ всегда игралъ румянецъ аленькій. Онъ поетъ пѣсни — соловьемъ заливается; пустится плясать — летаетъ словно по воздуху; заведетъ рѣчь, такъ къ самой душенькѣ и ластится. Паренѣкъ-красавчикъ былъ еще не женатъ, даромъ-что было ему уже восемнадцать лѣтъ. Пахомъ и Афросинья пришли другъ другу по душѣ, и такъ крѣпко слюбилась, что, казалось, сама судьба не была въ состояніи разорвать ихъ сердечнаго союза.

У Пахома только и было добра, что темнорусныя кудерюшки да удалое молодечество. Не было у бѣднаго ни хорошей обувочки, ни нарядной одѣвочки. Между тѣмъ, проповѣдь Кузи-богова о тайной милостинѣ, проникла и въ деревню Кужадонъ.

— Родимый ты мой, батюшка, и ты, умильная моя матушка! — сквозъ слезъ завопила разъ Афросинья передъ своимъ отцомъ съ матерью. — Не знаю отчего, переболѣло все мое сердечушко, обуяла меня тоска смертная: знать, испортили меня люди недобрые, знать, набрела я на что-нибудь положенное неспроста. Не лечите вы меня травами-кореньями, не ведите меня къ старушкамъ-знахаркамъ, не пойте меня наговорной водой съ угольковъ. По-лечите вы меня дѣлами добрыми, подайте вы за мое здоровье тайную милостинку — слышь, она къ Богу-то больно доходная. Намедни я видѣла въ дугахъ паренька сиротинку, Пахома безталаннаго: ни обувочки на немъ, ни одѣвочки; середь нарядныхъ парней онъ словно оплеванный, за деревья-кустики отъ стыда все

прячется. Будьте милостивы, родимые! Подайте ему одёвочку ради самаго Христосика, не отрадить ли Богъ мою душеньку, не сойдетъ ли съ мово ретива сердца тоска смертная.

Отъ отца съ матерью никогда и ни въ чемъ не было отъязу своему ненаглядному дѣтищу, да и просила-то ихъ дочь во имя божіе. Тотчасъ въ ея распоряженіе отданъ тончайшій и бѣлѣйшій холстъ. Дѣвушка-рукодѣльница, устроивъ съ милымъ тайное свиданье, сняла съ него мѣрку, скроила, сшила, и такъ изуврасила балахонъ кумачомъ и разными узорами, что такого наряднаго не было ни у одного мордовскаго парня во всей деревнѣ. Снести тайную милостынку взялась сама же Афросинья, и милостынка, разумѣется, достигла по назначенію.

Кузя-боговъ обыкновенно не оставлялъ ничего хорошаго въ мордовскомъ народѣ, особенно по части женской красоты, чего бы онъ ни попробовалъ загрести въ свои хищныя лапы; но до сихъ поръ Афросинья не удостоилась его секретнаго волокитства. Дѣло въ томъ, что у Кузьмы въ это время была любовница, молодая и пригожая вдовая солдатка-мордовка, изъ той же деревни Кузадона. Молодица очень дорожила расположеніемъ богатаго, могущественнаго и щедраго любовника, кѣтя тайкомъ отъ него и отъ людей привѣчала къ себѣ въ велью молодого женатаго мордвина; и чтобы не нажить себѣ соперницы, описывала передъ Кузьмой свою односелку, прославившуюся красотой Афросинью, самыми темными красками: и коса-то она, и горбата, и криворота, и паршива (шелудивость — болѣзнь очень распространенная въ мордовскомъ народѣ того времени). Вѣриль, или не вѣриль Кузьма извѣтамъ своей завистливой любовницы, только онъ былъ совершенно доволенъ ею по части своихъ сердечныхъ потребностей; да притомъ у него были въ это время затѣяны такія важныя и многосложныя дѣла, что ему было не до новыхъ любовныхъ связей. Но сокровище, котораго онъ не искалъ и не домогался, само попало къ нему случайно.

Пригожимъ женщинамъ нѣтъ нигдѣ подъ луной такого плохого житья, какъ въ деревняхъ матушки святой Руси. Несчастной красавицѣ нельзя сходить ни на колодезь за водицей, ни на рѣчку помыть бѣлье, нельзя показать носу передъ добрыми людьми, чтобы ее не сглазили: непредупредительные обычаи отказали здѣшнимъ красавицамъ въ покрывалѣ. За то и лекарство противъ глазу попечительная судьба положила подъ руками: на то въ вадомъ селенѣ преемственно существуютъ двѣ-три старушки, которыя за грошъ или за яйцо умоютъ больную съ глазу — и какъ рукой снимуть.

Разъ, въ равнюю весну, по утреннему морозу, Афросинья

собралась на рѣчку съ платьемъ. Обвертѣвъ ноги онучами, захлеставъ ихъ шнурами, и окончательно обувшись въ чачуры (сапоги безъ голенищъ), она пошла. На рѣчкѣ, подъ горой, за усадьбами, собралась куча бабъ и дѣвокъ, мордовскихъ и русскихъ. Крикъ, визгъ женскихъ голосовъ, стукъ вальковъ раздавались по долу; водные брызги, отражая солнечные лучи, производили безчисленные радуги. Вдругъ съ полуденной стороны подулъ легкій вѣтерокъ, и съ нимъ вмѣстѣ пахнуло тепло, поддерживаемое яснымъ солнцемъ. Тронулась съ горъ вода, и превратилась въ быстрый, гремящій потокъ. Афросинѣ пришлось идти домой чуть не по колѣно водой; чачуры и онучи не могли защитить ея ногъ отъ холодной воды. Къ вечеру Афросинья почувствовала ознобъ и головную боль; ночью открылся жаръ и грезны. На другой день хуже. Всѣ три старухи, поочередно повившія больную водой съ угольковъ, не принесли ей ни малѣйшаго облегченія. Отецъ съ матерью свалились съ печали. Ужъ они трехалтынную свѣчку ставили Николѣ; стригли у больной ногти, волосы, и связавъ вмѣстѣ съ золой да съ солью въ тряпочку, вѣшали въ лѣсу на кустики; по вечерней и утренней зарямъ прощались съ сырой землей на перекресткахъ (эти повѣрья мордва заимствовали отъ русскихъ) — ничто не помогало.

— Да что вы не свозите дѣвку въ Макашу къ Кузѣ-богову, али не покучитесь ему, чтобы онъ самъ побывалъ къ вамъ? — надумилъ кто-то растерявшихся Панягинныхъ. — Онъ только мертвыхъ не ставитъ на ноги, а то всѣмъ бываетъ отъ него польга.

Дѣлать нечего, мать на другой день повезла свою больную дочку въ Макашу къ Кузѣ-богову, который на ту пору случился дома. Мать ввела больную въ его келью.

— Будь милостивъ, дядя Кузя-боговъ, вопила мать, валяясь въ ногахъ у Кузмы: — вылечи мою дочку Офросиньку; что хошь возьми съ насъ, только пособи нашему горю великому.

Между тѣмъ, Кузя-боговъ съ удивленіемъ уставилъ свои глаза на больную дѣвушку, которая, повѣся голову, сидѣла на кутникѣ; ему казалось, что такой красавицы онъ никогда и нигдѣ не видывалъ: огладившая его нижегородская красавица представлялась ему въ сравненіи съ этой больной — уродомъ.

— Ее сглазила на рѣкѣ самая злющая баба, по зависти къ ея пригожеству, произнесъ Кузьма, внимательно осмотрѣвъ больную и распросивъ мать о началѣ болѣзни: — да я покучусь Христосику, чтобы выгнать изъ рабы божіей, сколько ни нашло въ нее притокъ.

Озабоченная мать не обратила вниманія на выраженіе Кузьмы: «въ ея пригожеству»; но сама больная почему-то, при этомъ словѣ, вздрогнула: ей хотѣлось не нравиться никому за пригожество, кромѣ одного Пахома.

Кузя-боговъ назначилъ больной положить передъ образами двѣсти земныхъ поклоновъ безъ перерыву и не свидая шубника, а матери поручилъ считать поклоны какъ можно вѣрнѣе, съ угрозою, что если она ошибется въ счетѣ, леченіе будетъ не-дѣйствительнымъ, и нужно будетъ больной снова положить всѣ двѣсти поклоновъ.

Кузьма зажегъ восковую свѣчу передъ иконами, и сталъ читать въ большой книгѣ; Афросинья принялась класть земные поклоны, а мать считать ихъ. Послѣ сотни поклоновъ, сдѣланныхъ съ величайшими усиліями, больная пришла въ полное изнеможеніе, и задохнувшись, растянулась по полу, какъ безжизненный пластъ.

— Злющая баба далеко увязила порчу въ твою душеньку, произнесъ Кузя-боговъ: — если ты, раба божія, не домолишься остальную сотню поклоновъ, порча останется въ тебѣ, и ты будешь вѣкъ не человекъ.

Въ головѣ Афросиньи мелькнула мысль, что Пахомъ не будетъ любить испорченную кликушу, и больная рѣшилась или умереть, или кончить назначенное число поклоновъ.

Къ концу подвига мать поддерживала ее подъ руку съ одной стороны, а Кузьма охотно поддерживалъ ее съ другой. Прикосновеніе къ молодому тѣлу красавицы, таинственно полуоткрытому для посторонняго осязанія, электрической силой пробѣгало по всему организму сладострастнаго шарлатана, и падало на его сердце жгучими желаньями.

Поклоны кой-какъ кончились. Послѣ нѣкотораго отдыха, Кузьма далъ больной выпить стаканъ чего-то, вѣроятно сонныхъ вапель, и уложилъ ее на кутникъ; когда больная уснула, лекаръ накрылъ ее тулупомъ, и больная проспала, какъ убитая, до самаго вечера. Покуда она спала, Кузьма завелъ нескончаемый разговоръ съ матерью Панагиной, въ которомъ, подъ видомъ благочестивыхъ наставленій, очень искусно вывѣдывалъ ея собственныя и чужія тайны, не скучая баблѣмъ многословіемъ, и не пренебрегая никакими сообщаемыми ему мелочными обстоятельствами: такому-то способу развѣдыванія Кузьма и былъ обязанъ знаніемъ людскихъ тайнъ и даже предугадываніемъ будущаго.

Больная встала буквально мокрая отъ обильнѣйшаго поту. Давъ ей постепенно прохолодиться, Кузьма отпустилъ своихъ гостей домой.

— Всѣ девять притовъ теперь вышли изъ тебя, раба божія

Офрося, связавъ Кузьма своей пациенткѣ на прощаньи: — только одна десятая еще осталась у тебя въ правомъ боку. Теперь выгнать ее нельзя, а черезъ недѣлю будетъ можно. Ровно черезъ недѣлю объ эту же самую пору приходи ко мнѣ пѣшкомъ: милосливый Христосикъ пособитъ мнѣ справиться съ самой злоющей остальной приткой; не придешь — къ злоющей приткѣ воротятся всѣ девять притоковъ. Кабы вы сегодня не побывали ко мнѣ, ровно черезъ недѣлю объ эту самую пору смерть пришла бы къ десяти засаженнымъ притвамъ, и посѣла бы рабу божію Офросю косою.

Мать Панягина, въ благодарность за излеченіе дочери, вручила Кузьмѣ чистый и бѣлый холстъ, который былъ принятъ имъ съ достоинствомъ нестяжательнаго человѣка.

— Вашихъ подарковъ, сказалъ онъ при этомъ: — для меня самого ненужно, а для бѣдной братіи возьму и раздѣлю, какъ велитъ Христосикъ.

Черезъ недѣлю Кузьма, повидимому, готовился къ очень важному посѣщенію, и былъ причесанъ, приглаженъ и въ лучшей одеждѣ; въ его бельѣ было прибрано и вычищено, но онъ отказывалъ во весь этотъ день въ приемѣ всѣмъ посѣтителемъ. Сидя за столомъ надъ раскрытой большой книгой, онъ то и дѣло обертывался къ волоковому окну, вглядываясь во всѣхъ проходящихъ мимо. Когда солнце заворотило на вечеръ, вдругъ мимо окна мелькнула женская фигура, и тотчасъ входитъ въ его келью Афросинья, не та томная и болѣзненная дѣвушка, которая была здѣсь недѣлю тому назадъ, а полная красоты, свѣжести и жизни. Афросинья, не подозрѣвая въ святомъ человѣкѣ нивалныхъ особыхъ чувствованій въ отношеніи къ себѣ, очень просто напомнила ему о себѣ; Кузьма, вовсе растерявшійся-было, кое-какъ овладѣлъ собой, зажегъ свѣчу передъ иконами и сталъ читать въ большой книгѣ. Голосъ его дрожалъ, слова въ книгѣ прыгали въ его глазахъ, нечистые помыслы лишали его самообладанія... Лекаръ оборачивается къ Афросинѣ, владеть книгу на ея голову и читаетъ. Вдругъ тяжелая книга сворачиваетъ голову набокъ, и Афросинья явственно чувствуетъ прикосновеніе къ своей щекѣ махнатыхъ губъ. Благоговѣйная къ священной обстановкѣ своего леченія, дѣвушка думала въ простотѣ своей невинной души, что это такъ и нужно по совершаемому надъ ней обряду, и нисколько не смутилась; между тѣмъ, Кузьма, кончивъ обрядъ, сѣлъ на лавку, посадивъ дѣвушку противъ себя на другую.

— Теперь десятая притка на ходу, вѣщимъ голосомъ говорилъ Кузьма: — а девять сестеръ летаютъ невидимками около, да не знаютъ куда и дѣваться безъ десятой сестры. Если ты хочешь, раба божія Офрося, чтобы всѣ десять притоковъ убѣжали отъ тебя

за круты горы, за текуція рѣки, за темны лѣса, за тридевять земель, за море-окіанъ — ты скажи мнѣ безъ утайки, не любилъ ли съ какимъ парнемъ?

— Люблюсь, грѣшница передъ милосливнымъ Богомъ, набожно отвѣтила Афросинья, которую вынудило къ признанію чувство самосохраненія.

— А съ чѣмъ парнемъ?

— Съ нашимъ куладонскимъ, Пахомомъ-сироткой, едва внятно отвѣчала Афросинья, зардѣвшись какъ макъ цвѣтъ.

— Напрасно вы слюбились до поры до времени, произнесъ Кузьма по нѣкоторомъ молчаніи: — вы другъ другу не сужены. Я читалъ судьбы божіи; тамъ написано, что черезъ два года, черезъ два мѣсяца да черезъ два дня я овдовѣю, а ты будешь моей женой.

Смертная блѣдность, смѣнившая алый цвѣтъ лица Афросиньи, служила для Кузьмы доказательствомъ ея сильной привязанности къ Пахому-сиротѣ, и отказомъ Кузьмѣ во взаимности. Кузьма пустился въ рассказы о своихъ богатствахъ, о своихъ сношеніяхъ съ небесными существами, объ обладаніи народомъ, о власти надъ жизнью и смертью каждаго человѣка. Афросинья ясно показывала, что она ничѣмъ этимъ не дорожить, и готова любить съ однимъ только Пахомомъ. Вечерняя пора и отсутствіе въ кельѣ постороннихъ людей, вводили Кузьму въ искушеніе; но онъ еще былъ въ состояніи столько овладѣть собою, чтобы удержаться отъ злодѣяства, которое могло бы разомъ разрушить всѣ его важныя предпріятія, и перемѣнилъ тонъ своей рѣчи.

— А тебя, рабу божію Офросю, я избавлю ото всѣхъ при-токъ и ото всѣхъ лихихъ болѣстей, круто поворотилъ рѣчь свою Кузьма.

Кузьма далъ ей выпить стаканъ какой-то жидкости, и наказавъ ей хранить открытую тайну божьихъ судебъ, проводилъ ее въ свою семейную избу, гдѣ она ночевала покойно, безъ особенныхъ приключеній. Поутру она ушла домой, чувствуя себя вполне здоровою и вполне несчастною.

Кузьма почувствовалъ къ Афросинѣ привязанность роковую и не отвратимую, какой не имѣлъ онъ и къ нижегородской благородной любовницѣ. Борьба съ возникшей страстью была бы уже напрасна и бесполезна. Можетъ статься, подъ вліяніемъ этой страсти, въ умѣ Кузьмы и составилъ окончательно планъ отложиться со всѣмъ народомъ отъ поповъ и отъ церкви, и сдѣлаться для него всемогущимъ божествомъ, чтобы въ составѣ народа овладѣть и предметомъ своей роковой страсти. Умный и разсудительный мордвинъ достаточно понималъ рискъ своего громаднаго замысла; онъ былъ

въ состояніи завѣсить всѣ его опасности; у него было достаточно смысла понять, что при малѣйшей ошибкѣ съ его стороны, и при малѣйшей неудачѣ его многосложныхъ расчетовъ, онъ дорого заплатится передъ русскимъ начальствомъ за совращеніе въ ересь цѣлаго народа; но роковая страсть увлекла его на рѣшительный шагъ, въ бездну собственной гибели.

Время шло. Афросинья, не вида никакихъ притязаній со стороны Кузи-богова, почла себя имъ забытою, подумавъ, что онъ нашелъ для себя лучшую мордочку, и перемѣнилъ иначе судьбы божіи, и успокоилась. Послѣ нарядной одѣвочки, она успѣла добыть своему милому Пахому хорошую обувочку, а за ней и нарядную шапочку: молодчику уже не было надобности прятаться на гулянкахъ за деревья-кустики, и стоять поодаль отъ своей братьи словно оплеваннымъ. Но вдругъ Афросинья слышитъ отъ отца съ матерью тайную вѣсть, что Кузя-боговъ сталъ земнымъ богомъ: вѣщее сердце дѣвушки ёкнуло.

V.

Когда мордвинъ Кузьма былъ провозглашенъ богомъ, каждую ночь стали навѣщать его въ кельѣ съ небесъ ангелы съ разными навазами отъ Христосика. Кузьма-богъ угощалъ летающихъ къ нему ангеловъ сыченнымъ пивомъ, медовымъ квасомъ, зеленымъ виномъ, лучшей мордовской стряпней и разными лакомствами, до которыхъ они, дескать, были большіе охотники. Мордва, узнавъ объ этомъ, завалили Кузьку-бога предметами ангельскаго угощенія.

Разъ, рассуждая о летавшихъ ангелахъ въ кругу своихъ посѣтителей, Кузьма-богъ намекнулъ обиняками, что если кто въ такую-то ночь, около первыхъ пѣтуховъ, заглянетъ въ окно его кельи, тотъ сподобится увидѣть прилетѣвшихъ къ нему ангеловъ. Между тѣмъ, Кузьма-богъ въ назначенное время поставилъ въ простѣнѣ между окнами своей кельи три закрытыхъ ящика, наглухо отдѣленныхъ другъ отъ друга; въ стѣнкахъ ящиковъ, обращенныхъ къ противоположной стѣнѣ, повѣсилъ по бумажному вырѣзку, занавѣсивъ каждый тонкой непроницаемой бумагой, а передъ вырѣзками приготовилъ по свѣчѣ; противоположная стѣна состояла изъ темноцвѣтной и плотно-сколоченной досчатой ширмы; передъ доской поставленъ былъ столъ, на которомъ стояло нѣсколько бураковъ, деревянныхъ стакановъ, крашеныхъ деревянныхъ блюдъ со стряпней и лакомствами. Въ сумерки, около кельи Кузьки-бога зашумела толпа любопытныхъ мордвовъ. Гдѣ-то пропѣлъ пѣтухъ, мордва облѣпили волоковыя окна кельи, въ которой была непроглядная тьма. Кузьма-богъ, наблюдавшій изъ

она за движеніями толпы, зажегъ всѣ три свѣчи въ закрытыхъ ящикахъ, потомъ быстро снялъ всѣ три занавѣски — и на противоположной стѣнѣ мгновенно появились, словно проникли сквозъ стѣну, три свѣтлыхъ ангела, которые освѣтили стоящій передъ ними столъ, сидящаго возлѣ нихъ Кузьку-бога и всю келью. Кузька-богъ, посредствомъ протянутой ниточки, пошевеливалъ свѣчами, и ангелы шевелились. Пораженные нечаянностію и чуднымъ видѣніемъ, мордва отскакивали отъ оконъ, давая просторъ глядѣть другимъ; черезъ нѣсколько минутъ, ангелы мгновенно исчезли, мелькнувъ въ воздухѣ, и оставивъ послѣ себя въ кельѣ мрачную темноту: мордва пришли въ ужасъ, закричали, завизжали и разбѣжались безъ памяти по домамъ, разглашая видѣнное ими чудо.

Въ одну ночь, прилетѣвшіе къ Кузькѣ-богу два ангела съ поклономъ отъ Христосіа, и достаточно уподчиванные хлѣбомъ-солью и разными угощеніями, снесли его по воздуху на одну поляну въ глубинѣ дремучаго лѣса, и здѣсь указали ему священное мѣсто: эту поляну Кузька-богъ уже давно высмотрѣлъ, и имѣлъ въ виду. А какъ ночь была темна, то Христосіеъ прислалъ на поляну съ небесъ мѣсяца, который былъ уже тутъ, почтительно встрѣтилъ прилетѣвшихъ, и посвѣтилъ имъ осмотрѣть мѣсто.

Поляна, указанная Кузькѣ-богу ангелами, была довольно обширна для помѣщенія множества богомольцевъ, и очень удобна для предначертаннаго богослуженія. Она была верстахъ въ пяти отъ Маграши, и верстахъ въ двухъ отъ Серѣжи; со всѣхъ сторонъ окружалъ ее дремучій лѣсъ. Въ южной сторонѣ поляны, стояло шесть страшенныхъ вѣковыхъ дубовъ, которые касались другъ друга вѣтвями, и были другъ отъ друга въ столь равномъ разстояніи, какъ-будто они нарочно были такимъ образомъ посажены. Съ дуба на дубъ были перекинуты по нижнимъ сучьямъ толстыя перекладины, на которыхъ были намощены доски, такъ-что подъ тѣнью дубовъ образовался помостъ, возвышавшійся аршина на полтора отъ земли. Съ восточной стороны помоста былъ устроенъ иконостасъ о трехъ ярусахъ съ христіанскимъ святѣмъ; поперегъ cadaго яруса были прикрѣплены длинныя жерди, къ которымъ прилѣплялись во время богослуженія восковыя свѣчи; передъ иконостасомъ ставилась жаровня для куренія ладаномъ. Сучья всѣхъ шести дубовъ были изувѣшаны маленькими мѣдными образками, которые казались стадомъ воробьевъ, готовыхъ слетѣть при появленіи человѣка; при вѣтрѣ, или сотрашеніи помоста, эти образки толкались другъ о дружку, и производила какой-то особенно страшный звонъ. На восточномъ концѣ помоста,

ставился во время богослуженія налой для большой книги; на западномъ концѣ ставилась скамейка, въ видѣ престола, покрытая холстомъ съ разными фигурными каймами: здѣсь, въ положенное время, садился Кузька-богъ лицомъ на западъ.

Двадцать-пять человекъ мордвовъ, подъ руководствомъ Мокоея, были цѣлую недѣлю заняты разчисткою лѣса для конной дороги изъ Макараши на священную поляну. Эта дорога была единственною для всѣхъ мордвовъ; мордва, жившіе на другой сторонѣ Серѣжи, должны были подъѣхать къ Макарашѣ, чтобы попасть на поляну. Дорога эта соединялась съ существовавшими прежде лѣсными дорогами посредствомъ обманчивыхъ крутыхъ поворотовъ, таеъ что непривычному ѣздоку или пѣшеходу невозможно было попасть на поляну безъ проводника. Дорога обходила болота и обширные овраги, но какъ будто намѣренно направлялась на мелкія рѣчки и небольшіе овражки, черезъ которые были надѣланы удобно-разбираемые мостики.

Между тѣмъ, въ правомъ боку помоста, строилась обширная изба для помѣщенія Кузьки-бога, какъ человека, съ тремя волоковыми окнами, обращенными на полдень. Саженахъ въ сорока отъ этой избы, передъ ея окнами, между рѣдкими деревьями, быстро возникалъ обширный сарай. За сараемъ лѣсъ постепенно густѣлъ и склонялся къ живописному долу, по которому катился ручей. Въ вершинѣ оврага, который упирался въ долъ, былъ сильный родникъ, дающій начало текущему доломъ ручью; родникъ этотъ былъ разчищенъ и разрытъ, въ него былъ пущенъ дубовый срубъ, и такимъ образомъ устроился обширный колодезь, извѣстный подъ названіемъ «святого ключа»; вода изъ ключа стекала по дубовымъ колодамъ. Въ видахъ предосторожности, Кузька-богъ перемѣстилъ сюда свой богатый пчельникъ, который былъ разставленъ за ручьемъ по скату, обращенному къ дслу, и огороженъ крѣпкимъ плетнемъ. Старикъ, отецъ Кузьки-бога, былъ обреченъ на безвыходное житье на пчельникѣ. Пчельникъ былъ нѣсколько удаленъ отъ священной поляны съ тою цѣлю, чтобы пчелы не могли нападать съ своими жадами на сходящійся сюда для богомолья народъ. Впрочемъ, изба Кузьки-бога и сарай, поставленные на священной полянѣ, могли безъ большихъ подозрѣній быть названы хозяйственными принадлежностями пчельника; всѣ принадлежности богослуженія и всѣ признаки божественнаго достоинства Кузьки-бога могли быть, въ случаѣ опасности, скоро разобраны и припрятаны. Мѣдные образки, висѣвшіе на дубовыхъ сучьяхъ, и иконостасъ съ деревянными иконами можно было почестъ за принадлежности часовни, устроенной для храненія пчель отъ дьявольскаго навожде-

нія: такіа часовни были въ порядкѣ вещей и между русскими пчеловодами.

По ближайшимъ мордовскимъ селеніямъ, признавшимъ Кузьму богомъ, была подана тайная повѣстка, что новое доходное къ Богу моленье начнется въ слѣдующее воскресенье, въ такомъ-то лѣсу и на такой-то полянѣ, по дорогѣ къ которой будутъ разставлены провожатые, и что каждый богомолецъ долженъ явиться сюда съ приношеніями по-мощи по-силѣ отъ трудовъ своихъ праведныхъ. Набожные мордва еще наканунѣ приготовили посильныя жертвы, чтобы явиться на священную поляну не съ пустыми руками. У мордвина Филиппа, Данилина сына, мордовской деревни Чертовки, былъ опасно больной сынъ-мальчикъ. Чтобы вымолить у новаго бога выздоровленіе для мальчика, семейство рѣшило свезти на священную поляну пудовъ пять ржаной муки въ жертву Кузь-богу, и для этой цѣли въ субботу вечеромъ, была приведена изъ стада вороная лошадь. Наступила ночь, семейство Данилы предалось беззаботному сну. На разсвѣтѣ Данила вздумалъ провѣдать на дворѣ своего вороного, но что же онъ видитъ? Задвижка, которою были заперты заднія ворота, выкачана, самыя ворота растворены, а лошадь уведена. Тотчасъ по всей деревнѣ поднялась тревога. Искрестивши ближнюю окрестность, същичики воротились ни съ чѣмъ, лошадь точно въ воду канула. Бросились-было къ отъявленному вору, односельцу Гришкѣ Бакулину, на котораго первоначально было подозрѣніе, но Гришка, выбѣжавъ къ народу босикомъ и въ рубашкѣ, самъ вызвался быть въ числѣ същичиковъ. Дѣло рѣшили наконецъ тѣмъ, чтобы принести жалобу въ этой кражѣ самому Кузь-богу.

Кража Данилиной лошади тотчасъ дошла до свѣдѣнія Кузьми-бога, который предвидѣлъ, что разбирательство этого дѣла будетъ поручено ему; да ему и самому нужно было настоящій день, съ котораго начинается его высокая карьера, ознаменовать какимъ либо чудомъ. Всего необходимѣе было узнать дѣйствительнаго вора. Несмотря на краткость времени, оставшагося до моленья, Кузька-богъ, чрезъ дядю Мокея, пустилъ множество агентовъ на развѣдки. Развѣдки дѣлались обыкновенно такимъ образомъ, что не понимали истинной цѣли ни тѣ, которые разспрашивали, ни тѣ, которые отвѣчали на разпросы. Развѣдки были направлены на Гришку Бакулина; были приведены въ извѣстность каждый его шагъ, каждое движеніе. Дознано, что Гришка вечеромъ проходилъ мимо дома Данилы и потомъ позади его огорода; а сосѣдъ Гришки, Сидорка, передъ свѣтомъ видѣлъ подъ навѣсомъ Гришкина двора какую-то страшную *стѣнь*, которая

мельтешила отъ заднихъ воротъ къ сѣнямъ. Собравъ всѣ свѣдѣнія, Кузька-богъ рѣшилъ, что Данилову лошадь угралъ Гришка Бакулинъ. Тотчасъ вору была назначена священная роль при наступающемъ богослуженіи, и Кузька-богъ готовился нарочно послать за нимъ; но вскорѣ получено извѣстіе, что Гришка самъ идетъ на священную поляну. Несмотря на закаленную въ воровствѣ и въ другихъ злодѣйствахъ свою душу, Бакулинъ опасался наткнуться въ Кузькѣ-богѣ на дѣйствительнаго бога, и чтобы задобрить его въ свою пользу, вздумалъ, подражая набожнымъ мордвамъ, сходить на новое богомолье и тамъ поставить нѣсколько свѣчъ святыю Христосикову. Бакулинъ пришелъ на священную поляну за нѣсколько времени до открытія моленья, и на каждый ярусъ иконостаса налѣпилъ по восковой свѣчкѣ, а тамъ пускай-дескать сами святые разбираются промежь себя, кому будутъ свѣтить эти свѣчки. Между тѣмъ Кузька-богъ, предъ началомъ богослуженія, приказалъ дядѣ Мовею выбрать изъ предшшихъ богомольцевъ четверыхъ мордвовъ рыжихъ, высочайшихъ ростомъ, единственныхъ силачей, чтобы каждый изъ нихъ былъ не моложе тридцати и не старше сорока лѣтъ отроду. Эти четыре человекъ должны были вести на холстахъ однопоршняго быка на заколеніе въ священную жертву; такими таинственными условіями Кузька-богъ очень удачно замаскировалъ намѣренность выбора Гришки на эту должность, а Гришка, начинавшій-было робѣть, ободрился этимъ выборомъ. Кромѣ того, Кузька-богъ далъ Мовею слѣдующее тайное наставленіе:

— Слушай, дядя Мокей! говорилъ онъ, подавая своему агенту деревянный стаканъ, котораго внутренность была вымочена какою-то жидкостью.—Какъ четверо рыжихъ управятся съ быкомъ, ты поднеси имъ за труды по этому стакану вина пзъ этой вотъ кадки. А подноси вино вотъ какъ: сперва налей ковшомъ стаканъ вина, чтобы не пролилось ни капли, да поднеси рыжему Гришкѣ Бакулину; какъ онъ выпьетъ, опять налей полный стаканъ, всполосни да выплесни на сыру землю. А тутъ этакъ же налей, да поднеси рыжему Андрюшкѣ, послѣ опять налей, всполосни да выплесни. А тутъ налей да поднеси рыжему Кирюшкѣ, опять налей, всполосни да выплесни. А тутъ налей, да поднеси рыжему Якишкѣ, опять налей, всполосни да выплесни. А до той поры стаканъ этотъ покрой вотъ этой крышкой, чтобы въ него не пошла муха, али гадина какая, али вѣтеръ. Да смотри, не смѣшайся въ рыжихъ-то: первому поднеси Гришкѣ.

Вокругъ священнаго помоста были разставлены лари, кадки, ведра, чашки и разная посуда для принятія твердыхъ и жидкихъ приношеній. Все это наполнялось по мѣрѣ прибывающихъ на

полянѣ богомольцевъ, изъ которыхъ каждый являлся съ какимъ нибудь приношеніемъ. Около помоста суетились выбранные приставники, которые принимали приношенія, распредѣляли ихъ согласно желанію усердствующихъ по разнымъ святымъ: «это Христосику», «это Кузь-богу», «это христосиновой матушкѣ» и т. д. Солнце стояло уже высоко, на полянѣ зашевелились густыя толпы мордвовъ и мордвовокъ. Выбранные приставники зажгли всѣ свѣчи, налѣпленные въ трѣхъ ярусахъ иконостаса, которые казались въ это время огненными полосами; закурили въ жаровнѣ и установили должный порядокъ въ богомольцахъ. Когда всѣ приготовления кончились и настала тишина, вдругъ изъ избныхъ сѣней отворилась дверь, непосредственно ведущая прямо на помость; изъ двери появился Кузьба-богъ, въ бѣломъ мордовскомъ балахонѣ, изукрашенномъ разными вышивками и золотыми позументами; на груди его сіяло къ солнцу какое-то священное изображение, вышитое серебромъ и золотомъ; на головѣ его была красная бархатная шапочка, вышитая во многихъ мѣстахъ золотомъ и осыпанная какими-то блестками, на подобіе архіерейской митры; лѣвою рукою онъ опирался на посохъ, перевитый разнообразнѣйшими лентами и позументами. Едва Кузьба-богъ ступилъ на помость, тотчасъ перекладныя, на которыхъ онъ былъ утверждёнъ, затряслись и съ ними вмѣстѣ затряслись дубовые сучья: теньванья другъ о дружку мѣдныхъ образковъ затянули протяжный, то замирающій, то усиливающійся звонъ. Народу показалось, что двѣ воско-яровыя свѣчи, поставленныя по сторонамъ престола, при приближеніи Кузьки-бога, зажались сами собою. Кузьба-богъ подошелъ сперва къ престолу, и оборотившись на западъ, благословилъ народъ въ *два перста*: мордва, руководимые Мокеемъ, отвѣтили ему поклоненіемъ до земли. Потомъ Кузьба-богъ подошелъ къ наложу, и оборотившись на востокъ къ иконостасу, сталъ читать въ большой книгѣ: покуда онъ читалъ, народъ молился въ *два перста*. По окончаніи непонятнаго чтенія, Кузьба-богъ снова подошелъ къ западной сторонѣ помоста, благословилъ народъ попрежнему и трюкнулся на престолъ: тотчасъ теньбающіе мѣднѣе образки залились, переливаясь въ лѣсныхъ отголоскахъ и придавая всѣмъ дѣйствіямъ Кузьки-бога таинственную торжественность.

Собственно моленье кончилось и началось жертвоприношеніе. Четверо рыжихъ атлетовъ тащили къ помосту рыжого одношортнаго быка, который до сихъ поръ стоялъ вѣвъ круга богомольцевъ; быкъ былъ опутанъ чистыми холстами, которыхъ концы составляли лямки, тащимыя четырьмя атлетами. По бокамъ ведомаго быка шли два мордвина съ зажженными свѣчами въ пра-

вухъ рукахъ, мордва при этой церемоніи пѣли на своемъ языкѣ какія-то пѣсни, невозвратнѣ погибшія для потомства. Среди игры въ пузыри и пѣсенъ быкъ былъ подведенъ къ самому помосту, гдѣ нѣсколько мордвовъ, при помощи рыжихъ атлетовъ, повалили быка наземь и закололи съ церемоніями, тоже недошедшими до потомства. Кровь священнаго быка служила сигналомъ къ кровопролитію животныхъ, въ большомъ множествѣ приведенныхъ на поляну. Часть отъ каждаго заколотога животнаго отгладывалась въ священную жертву: изъ этихъ сносимыхъ со всѣхъ сторонъ поляны частей возникали около помоста громадныя кучи мяса, каждая во имя того святаго, которому часть жертвовалась; такъ одна куча принадлежала Христосику, другая Кузь-богу, третья христосиковой матушкѣ и т. д. На концахъ поляны закурились огни: это варили въ котлахъ разныя мяса. Дада Мокей угостилъ рыжихъ атлетовъ по буквальному наказу Кузьки-бога.

Когда заколенія животныхъ, жертвоприношенія и вся народная сумятица кончились, выбранные приставники, погасивъ всѣ свѣчи, подали народу знакъ молчанія; народъ, разсѣянный по полянѣ, повалилъ къ помосту и сталъ передъ нимъ какъ стѣна. Гришка Бакулинъ, чувствуя себя дурно, но не желая навлечь на себя подозрѣній безвременнымъ уходомъ съ своего поста, оставался тутъ же. Кузька-богъ, вставъ съ престола и опершись на посохъ, произнесъ къ народу слѣдующую рѣчь на мордовскомъ языкѣ:

— Почкенные старички и всѣ вы мордва—люди боговы! Если вы не станете забывать насъ съ ними (ораторъ при этомъ оборотился и торжественно указалъ рукою на образа), да будете слушаться, такъ и мы васъ не забудемъ: будемъ родить вамъ хлѣбца; вашу скотинушку будемъ беречь отъ притки, отъ злого глазу да ото всѣхъ лихихъ болѣстей; велимъ домовнымъ дѣдушкамъ гладить ее да холить, только вы ее хорошенько поваривайте; оборонимъ ваши дома и дворы отъ шайтановъ да отъ пожаровъ; дадимъ спорынью всякому вашему задѣлю—и вы поживете въ добрѣ да въ радости, непоминаючи лихомъ насъ съ Христосикомъ, да небось и прочіихъ святыхъ будете покорно благодарствовать. Если же вы насъ съ ними не будете слушаться, али станете забывать, такъ и мы съ Христосикомъ васъ забудемъ: на нужно время не дадимъ вамъ дождичка, али вовсе спрячемъ отъ васъ красно солнышко; на вашу скотинушку напьемъ волковъ да медвѣдей, притку и всяку лиху болѣсть, а на вашу птицу напустимъ коршуновъ да ястребовъ; за что вы ни приметесь, ни въ чемъ не будетъ вамъ удачи: въ лѣсу обойдетъ васъ лѣшій, на водѣ утащитъ васъ ко дну водяной шайтанъ, на дорогахъ разшибетъ васъ встрѣчный, въ избѣ задавитъ васъ

домовой. Лошадушки ваши будутъ лягливы, коровушки бодливы, овечушки блудливы, собаки стануть бросаться на своихъ хозяевъ, вся скотинушка отстанеть отъ своихъ дворовъ. На взсъ самихъ нашьлемъ зимній морозъ, лѣтню жару, лихоманки да огневицы, порчи, нечисту силу, шолудей, семейну несугласицу, горя, бѣды и всяку страду; пришьлемъ къ вамъ смертенъку лютую — моромъ поморимъ васъ, а на томъ свѣтѣ сбросимъ васъ въ тартарары: тамъ прикуемъ васъ по большущимъ наваленнымъ печамъ, одѣнемъ васъ ежовыми шушпанами, обуемъ васъ въ сапоги съ вострыми гвоздями, будемъ кормить васъ мышами, лягушками да ящерицами, поить васъ дегтемъ да горячей смолой. Если хотите себѣ добра здѣсь и тамъ (ораторъ указаль рукою на небо), такъ ходите сюда на моленье, да несите подарочки мнѣ, Кузь-богу, Христосику и всѣмъ тамошнимъ святымъ. Несите намъ, у кого что съищется: мы будемъ принимать ваши подарочки безъ правежа (безъ опредѣленнаго налога). Знайте же, почвенные старички и всѣ вы мордва—люди боговы, что всѣ ваши приносы мнѣ и имъ (Кузьба-богъ опять указаль рукою на образа) не пропадутъ занапрасно, а воротятся къ вамъ съ прибылью. Если вы принесете намъ хлѣбца али холстика — мы за это пошьлемъ на ваши поля дожличка во время, да велимъ красному солнышку погрѣть мать-сыру землю: ваши сусѣки будутъ завсегда полнымъ-полнехоньки, и вы не спознаете ни голодухи, ни нужды, ни бѣдности. Если вы намъ пожертвуете денегъ по-помощи, по-силѣ; такъ по нашей милости, да по нашему благословленію вдвое выгоднѣе продастся у васъ лишній хлѣбецъ и другое прочее лишнее. Если вы принесете намъ медку, мы не какъ поны-церковники, не забудемъ вашихъ подарочковъ, оборонимъ ваши улейки отъ лихого человѣка да отъ бѣсовскихъ напастей: ваша пташка божья (пчела) будетъ сыта, тепла, плодна и сохранна. Вашимъ пивцомъ, винцомъ, морѣннымъ кваскомъ да хорошей страпенькой мы поподчумъ небесныхъ гостей вашимъ именемъ: кошъ кои и не воискушаютъ чего изъ этого, все-таки они будутъ для васъ подобрѣе—вѣдь не вино дорого гостю, а дорога честь. Вы принесете намъ бычка, али коровушку, али овечку, али барашка, али гуська, али уточку, али курочку—мы съ Христосикомъ благословимъ за это вашу скотинушку, ужъ небось не украдутъ ее у васъ воры; а кошъ и украдутъ, такъ мы разъящемъ ее, воротимъ хозяину, а вора покараемъ... Христосиковы ангелы невидимками летаютъ безъ перерыву и по лѣсамъ, и по полямъ, и по рѣкамъ, и по лужьямъ, и по болотамъ, и по дорогамъ, и по загуменьямъ, и по улицамъ, и по дворамъ; они залетаютъ въ избы окошвами да дверями, а ежели окошки да двери приперты,

такъ влетаютъ черезъ трубу. Ко мнѣ, Кузь-богу, они важинну ночь летаютъ не этакъ, какъ въ другимъ прочимъ: я пушаю ихъ чинно въ дверь, вижу ихъ съ крылышками и хорошенъкими личиками. Я говорю съ ними глазъ на глазъ, веду съ ними пріятельство и панибратство, угощаю ихъ хлѣбомъ-солью и всѣмъ, что у меня съищуется послаще. Такъ ангелы христосиковы, вездѣ летаючи, видятъ и знаютъ почесть все на свѣтѣ, да пересказываютъ сперва Христосику, а тутъ мнѣ, Кузь-богу. Этакимъ-то манеромъ развѣ рѣдкій воръ отъ насъ прокрадется, и развѣ рѣдкую покраденную вещь мы не можемъ отыскать. Ангелы христосиковы творятъ на воровъ большую жалобу: замаялись-де мы день и ночь летаючи по бѣду свѣту, да подглядываючи кражи и всякія худыя бездѣльства. Мы съ Христосикомъ согласились приняться за воровъ покрѣиче, чтобы не давать ни единому вору пощады. Ежели кто украдетъ хошь малую вещь у сусѣда али у кого другого, тотъ нигдѣ не спрячется отъ насъ съ Христосикомъ—мы этакъ же согнемъ его въ дугу, какъ вотъ этого вора—Гришку Бакулина.

Гришка Бакулинъ, долго переминавшійся съ ноги на ногу, наконецъ не вынесъ внутренней жестокой боли и сильныхъ обличеній народнаго бога, шарахнулся и въ это время повалился по землѣ съ корчами и болѣзненными криками. Народъ отсторонился отъ Гришки, который сталъ оттого въ виду у всѣхъ.

— Дѣдушка Данила! произнесъ Кузьма-богъ, обращаясь къ мордвину, у котораго прошедшую ночь была украдена лошадь, и который, какъ старикъ, стоялъ впереди богомольцевъ:—у тебя новѣйшей ночью уведена лошадь со двора?

— Уведена, Кузя-богъ, отвѣчалъ Данила, выступивъ изъ народа.

— А кто, мекаешь, увелъ твою лошадь?

— А богъ-знаетъ, Кузя-богъ: боюсь погрѣшить напрасно.

— Гришка! сказывай, гдѣ Данилова лошадь; кою ты свелъ у него со двора новѣйшей ночью?

Гришка молчалъ; робкое аванье прошло по всему народу.

— Слушай, Гришка! продолжалъ Кузьма-богъ: — если ты не скажешь, куда дѣвалъ Данилову лошадь, сейчасъ же велю бѣсамъ калеными щипцами вытянуть изъ тебя душу, да самаго тебя вмѣстѣ съ ней утащить въ тартарары, а тамъ посадить тебя въ огонь на вѣки вѣчнше. А если скажешь да во всемъ признаешься, мы съ Христосикомъ простимъ вину твою, да испѣлимъ тебя; ты будешь живъ и здоровъ, да насъ съ Христосикомъ будешь добромъ поминать.

— Прости меня, Кузя-богъ! закричалъ Бакулинъ среди кор-

чей:—лошадь увелъ я, она теперь привязана къ Поганому кусту на той сторонѣ Серѣжи.

— Миѣ нонѣшней же ночью повѣстили ангелы, что ты увелъ Данилову лошадь да привязалъ въ лѣсу, къ Поганому кусту, говорилъ Кузька-богъ Бакулину вслухъ всего народа:—это мы съ Христосикомъ согнули тебя въ дугу за вину твою; и слетѣтъ бы тебѣ нонче же, къ вечеру, въ тартарары, кабы ты не попалъ къ намъ сюда на послугу, въ нашемъ святомъ моленьи, да не признался въ винѣ своей. Мы съ Христосикомъ прощаемъ тебя въ великомъ грѣхѣ и ворочаемъ тебя на сей свѣтъ на житее земное, только чтобы впредь не воровать. Радость скорбящихъ посылаетъ тебѣ стаканъ святаго питья: какъ выпьетъ его кающійся рабъ божіи Григорій, такъ и будетъ здоровъ. А ты, дѣдушка Данила, возьми у Поганого куста свою лошадушку, да благодарствуй насъ съ Христосикомъ.

Кузька-богъ вынулъ изъ-подъ своего престола стаканъ какой-то жидкости, который приналъ изъ его рукъ дядя Мокей и далъ выпить больному. Потомъ больного, по приказанію Кузьки-бога, отвели подъ навѣсъ сарая. Дѣдушка Данила немедленно отправился за своей лошадыю.

— Почкенные старички и всѣ вы мордва—люди боковы, опять началъ Кузьма-богъ говорить народу, когда поуналась сумятица.—Смотрите же, не воруйте, не наводите на гнѣвъ меня съ Христосикомъ: сами видите, что мы съумѣемъ съ ворами справиться. Въ праздники такъ и быть гулять—гуляйте, только не напивайтесь до пьяна. Накладываю на васъ вотъ какую заповѣдь: чтобы робятѣмъ до 16 лѣтъ не пить ни вина, ни пива, а до 25 лѣтъ не пить вина; этакъ же дѣлать дѣвкамъ да бабамъ. Не разорять вамъ отца съ матерью, не буянить, не драться, oprичъ что по доброй волѣ али ради потѣхи, и то чинно да чтобы старики блюли при этомъ порядокъ. Дѣти, слушайте своихъ отца съ матерью! Мужья съ женами живите въ сугласи, да не гуляйте другъ отъ дружки! Кто насъ съ Христосикомъ не будетъ слушаться, того мы согнемъ въ дугу, какъ вора Гришку. Аминь!

Послѣднее старовѣрское слово Кузька-богъ произнесъ громчайшимъ голосомъ и прошелъ въ сѣни. Черезъ нѣсколько времени онъ явился къ народу изъ другой двери тѣхъ же сѣней, въ своемъ обненовенномъ полумонашескомъ одѣяніи.

Велѣно подойти всѣмъ нищимъ и убогимъ, которыхъ онъ одѣлилъ мѣдными монетами отъ имени Христосива. Потомъ дана народу воля дѣлать, что кому угодно; а челоуѣкъ десять вліятельнѣйшихъ семейныхъ главъ были приглашены Кузькой-богомъ въ его избу искушать хлѣба-соли. Гости чинно разсѣлись за сто-

лами, которые тянулись отъ переду до самаго кутнига; самъ Кузька-богъ помѣстился впереди подъ образницей. За столомъ прислуживали набожнѣйшія мордовки и сынъ Кузьки-бога. Передъ обѣдомъ помолились на иконы въ два перста. Обѣдъ начался подношеніемъ каждому гостю по очереди и съ соблюденіемъ старшинства по стеклянной рюмкѣ вина на подносѣ. Прежде всѣхъ поднесли Кузькѣ-богу, который, принявъ рюмку, сказалъ, обращаясь къ своимъ гостямъ:

— Небесные гости, и то не всѣ, бываючи у меня, употребляютъ вина не больше, какъ по одной вотъ этой рюмочкѣ: ну, и намъ, грѣшникамъ земли, вѣдно употреблять никакъ не больше столько. Кто воискушаетъ вино, давайте выпьемте по одной... Здравствуйте, гости любящіе!

Выпитая рюмка поставлена опять на подносѣ. Старики-гости, видя въ первый разъ такой необыкновенный для нихъ способъ угощенія, по возможности перенимали всѣ дѣйствія Кузьки-бога, часто мѣшаясь и путаясь. Вино было поднесено въ первый и послѣдній разъ за всѣмъ обѣдомъ.

Обѣдъ состоялъ изъ шести кушаній, изъ которыхъ нѣкоторыя были вовсе незнакомы мордвамъ, однакожь показались имъ очень вкусными. За вторымъ кушаньемъ было поднесено всѣмъ по очереди по деревянному ставану (у мордвовъ употреблялись одни деревянные) очень густаго пива на подносѣ.

— Небесные гости, и то не всѣ, сказалъ Кузька-богъ, принявъ стаканъ въ руку:—употребляютъ пива не больше, какъ по два ставана: и мы мордва—люди боговы, будемъ дѣлать поихнему.

Передъ третьимъ кушаньемъ было поднесено по второму ставану пива; а передъ четвертымъ по такому же ставану медоваго морѣнаго квасу.

— Небесные гости, и то не всѣ, сказалъ при этомъ Кузька-богъ:—употребляютъ медоваго квасу не болѣ, какъ по три ставана. Давайте, сами будемъ и другимъ велимъ дѣлать поихнему.

Во время обѣда не былъ забытъ и больной Багулинь; отъ Кузькиной трапезы была послана къ нему подъ сарай порція яства и напитоковъ съ противоядіемъ.

— Объ эту самую пору бытъ бы вору Грише въ вохтахъ бѣсовскихъ, да летѣтъ бы въ тартарары, кабы не я его помиловалъ, говорилъ при этомъ Кузька-богъ.—Мы съ Христосикомъ за то простили да пустили его душеньку на свѣтъ, что онъ покался въ грѣхѣ своемъ.

По поводу этой рѣчи Кузька-богъ училъ за обѣдомъ своихъ гостей, чтобы вся мордва ходила къ нему *на духъ*, и ни въ чемъ бы передъ нимъ не таилась. О церкви онъ относился

уклончиво и неопредѣленно; а касательно поповъ говорилъ утвердительно, что они Христосика и въ глазъ не видывали, и что они только подарочки берутъ, а дѣла не дѣлаютъ. Одинъ гость, мордвинъ очень разсудительный, замѣтилъ при этомъ, что хоть мордва и пошли теперь по истинной вѣрѣ, а рожь-то все-таки плоха, въ яровое хоть и съ серпомъ не ходи.

— Почвенные старички! твердо отвѣчалъ Кузька-богъ, который давно предвидѣлъ это возраженіе, нисколько его неозадачившее.—Нонѣшней ночью самъ Христосикъ обѣщалъ пожаловать ко мнѣ съ тремя ангелами сюда на новоселье: мы съ нимъ хорошенъко посоветуемся объ недородѣ хлѣбушка, и поможемъ въ горѣ мордвамъ—людямъ боговымъ. Въ слѣдующее воскресенье придете сюда на моленье, и я обо всемъ возвѣщу вамъ.

За пятымъ и шестымъ кушаньями было поднесено по второму и третьему стакану медоваго квасу, и обѣдъ кончился. Новый способъ угощенія на подносѣ и въ стеклянной посудѣ, а также новая стряпня дали поводъ угостившимся мордвамъ думать, что все это такъ водится у небожителей, отъ которыхъ и заимствовалъ весь порядокъ Кузька-богъ. Старики-гости вышли изъ-за стола, помолились въ два перста, поблагодарили хозяина за угощеніе, очень умѣренное въ напиткахъ, и выслушавъ различныя наставленія, разошлись по своимъ деревнямъ.

По уходѣ отъ Кузьки-бога стариковъ-гостей, онъ велѣлъ позвать къ себѣ полухвораго Бабулина.

Кузька-богъ принялъ обличеннаго и пристыжоннаго вора ласково и важно.

— Какуюсь рабы божій начинаютъ свое обращеніе къ Богу покаянiемъ, началъ Кузька-богъ:—повѣдай же мнѣ, рабъ божій, что довело тебя до воровства, нужда ли какая, навадка ли злая, смуты ли недобрыхъ людей, али чуешь — надъ тобой что подѣлано?

— Повѣдаю тебѣ, Кузя-богъ, всю сущую правду: и нужда меня гнала воровать, и злая навадка тянула меня къ этому грѣху великому, и люди недобрые меня смущали, и чую, что надо мной неспроста подѣлано. Да, знать, твоя, Кузя-богъ, власть великая, знать, твоя молитва къ Богу доходная, знать, ангелы-то небесные тебѣ больно знакомые—ну-ка какую ты душу грѣшную пустилъ на бѣлый свѣтъ для покаянiя, другимъ грѣшникамъ для кѣзненiя, своей святой душѣ для спасенiя... Прости меня, Кузя-богъ!—завопилъ Бабулинъ, съ рыданіемъ повалившись ему въ ноги.

— Встань, рабъ божій Григорій, да говори все, что тебѣ нужно.

*

— Воровать я теперь уж не стану, покарай меня Господи, говорилъ Бакулинъ, вставъ и поникнувъ головой. Уж не пожалѣю слушши на работу, али стану ходить по миру да поить-кормить дѣтушекъ. Не стану пить ни вина, ни пива, ни медоваго квасу. Одно меня сокрушаетъ: за мое за окаянство я былъ проклятъ своими родителями, они такъ и померли меня не простими; на ту пору я въ острогѣ сидѣлъ. Моей бѣдности я теперь не боюсь, но какъ мнѣ жить безъ родительскаго благословія.

Кузька-богъ, замѣтивъ въ Бакулинѣ энергичнаго и фанатическаго человѣка, рѣшился привязать его къ себѣ невозвратно и сдѣлать изъ него богатое орудіе своихъ обширныхъ замысловъ.

— Коли ты въ грѣхахъ своихъ покаялся, такъ не быть тебѣ въ бѣдности: Христосикъ на нонѣшней же недѣлѣ пришлетъ тебѣ и коровушку, и лошадушку, и овечушекъ, и всякаго хлѣбушка, и во всякой всячинѣ тебѣ будетъ изобиліе. А ангелъ Господень принесетъ тебѣ съ того свѣта отъ отца съ матерью родительское благословіе, и ты поживешь свой вѣкъ въ счастья и радости.

VI.

Божественная карьера Кузьки-бога очень прочно утвердилась; совершаемая имъ чудеса вознесли его въ мнѣніи народномъ на необъятную высоту; слава о немъ быстро распространялась по всему краю не только между мордвами, но и между русскими. Усерднѣйшимъ прославителемъ мордовскаго пророка явился мордвинъ Бакулинъ, который привязался къ нему фанатически всѣми силами своей энергической души; да и самъ Бакулинъ, быстро перемѣнившій образъ своей жизни и сдѣлавшійся изъ отчаяннаго вора человѣкомъ чрезвычайно набожнымъ, былъ живымъ, ходячимъ и говорящимъ чудомъ Кузьки-бога. Определенія Кузьки-бога равнялись определеніямъ самой судьбы: онъ легко могъ возмутить цѣлый край на свою защиту, еслибы она спонадобилась.

Всеобщая увѣренность въ сверхъестественныхъ силахъ Кузьки-бога помогала ему лечить болѣзни самыми пустыми средствами. Для него часто достаточно было ободрить больного однимъ словомъ, чтобы больной почувствовалъ облегченіе. Незлечимыя болѣзни Кузька-богъ угадывалъ съ необыкновенною точностію вслѣдствіе своей наблюдательности и долговременной практики, и отъ неотвязчивыхъ доукъ въ этомъ случаѣ онъ очень удачно отдѣлывался популярнымъ изреченіемъ: «такъ на роду написано», или изреченіемъ, соотвѣтственнымъ своему званію: «скорая смерть

раба божія такого-то написана въ большой книгѣ Христосика». Если Кузька-богъ и ошибался когда въ распознаваніи болѣзней, такъ самыя его эти изреченія дѣлали болѣзнь безнадежною и смертельною. Пользуясь довѣріемъ народа, онъ зналъ непосредственно многія тайны, и это обстоятельство, въ соединеніи съ его особенною провицательностію, помогало открывать ему воровъ и краденныя вещи. Онъ очень оригинально выпутывался въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ открыть тѣхъ или другихъ: «летающіе по свѣту ангелы», говорилъ онъ окраденному, «не доглядѣли вора да не попали на то мѣсто, гдѣ лежитъ покража; а Христосикъ все-таки не дастъ тебѣ бѣдному плаваться и пришлетъ тебѣ лошадушку (или коровушку, или мучки или одеженки, суда по тому, что покрадено). А воръ не попользуется твоимъ добромъ— Христосикъ согнетъ его въ дугу, да такъ онъ и маѣся до поры до времени». Впослѣдствіи времени, если воръ и кража рѣшительно не отыскивались, Кузька-богъ подпускалъ или поднималъ окраденному вещь, какая у него пропадала. Изъ своихъ приверженцевъ-агентовъ, которые исполняли его распоряженія буйвально и безсознательно, одному Кузька-богъ велитъ привязать въ лѣсу на примѣтномъ мѣстѣ лошадь (Кузька-богъ мѣнялъ на имя Могея лошадьми для этой цѣли), или другую скотину, облекши свое распоряженіе обычною тапштвенностію; а другому агенту, неимѣющему съ первымъ никакихъ сношеній, велитъ взять съ примѣтнаго мѣста лошадь, подпустить ее ко двору окраденнаго, постучавъ и крикнувъ въ окно: «Христосикъ прислалъ вамъ лошадушку». Кромѣ того, что огромное богатство Кузьки-бога доставляло ему средства къ такимъ тратамъ, убыль лошадушки или другихъ предметовъ возвращалась къ нему, хотъ не скоро и не въ одинъ приемъ, въ видѣ хлѣба, мяса, меду, холстовъ, денегъ и т. п. Если Кузька-богъ не могъ иногда отыскивать самыхъ покражъ, за то никогда не случалось, чтобы онъ не отыскивалъ вора: Кузька-богъ поступалъ и съ подозрѣваемыми ворами точно такъ же, какъ съ дѣйствительными. Если воръ упорствовалъ въ признаніи и указаніи мѣста; гдѣ спрятаны покраденныя вещи, или ихъ проматывалъ, или не могъ сказать о нихъ потому, что не кралъ ихъ, во всякомъ случаѣ его непременно гнуло въ дугу, подобно Бабулину: воръ этотъ былъ счастливъ, если немедленно обращался за помощію къ Кузькѣ-богу; въ противномъ случаѣ отравѣ, поднесенная черезъ агентовъ, была предоставляема своему естественному дѣйствию, и воръ умиралъ медленно и неизбежно. Отравѣ давалась въ такихъ пропорціяхъ, чтобы больной долгое время былъ способенъ къ излеченію приемомъ противоядія, или умиралъ бы неподозрительною смертію.

Услужливые агенты Кузьки-бога помогали ему не только въ преслѣдованіи воровства, но и въ доставленіи всѣхъ нужныхъ для него свѣдѣній, гдѣ и что дѣлается.

Богослуженіе, учрежденное Кузькой-богомъ на священной полянѣ, состояло, очевидно, изъ трехъ элементовъ—древней мордовской вѣры, изъ богослуженія православной церкви, и изъ обрядовъ знакомой ему раскольнической секты. Часто бывая въ Нижнемъ въ прежнюю пору, Кузька-богъ имѣлъ случай видѣть архіерейское служеніе, которое очень понравилось впечатлительному мордвину: потому-то въ собственномъ богослуженіи онъ старался придать своей личности обстановку архіерейскую. О священномъ изображеніи, украшавшемъ грудь Кузьки-бога во время богослуженія, онъ говорилъ, что это изображеніе вышивалась для него Христосикова матушка со святой Пятницей. Въ подражаніе раскольникамъ онъ имѣлъ въ виду набрать изъ мордвовъ для религиозныхъ услугъ двѣнадцать апостоловъ и святую Пятницу, очень популярную у мордвовъ-христіанъ. Цѣль учрежденія такой іерархіи была не та, чтобы сдѣлать великолѣпнѣйшими религиозные обряды, къ которыхъ избранные участвовали въ качествѣ прислуги, а чтобы Кузька-богъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи самыхъ фанатичныхъ распространителей своей вѣры и на все мордовское населеніе навинуть съѣть самага бдительнаго надзора. Касательно своей безопасности отъ преслѣдованія со стороны русскихъ властей Кузька-богъ вѣроятно рассчитывалъ на преданность къ себѣ мордовскаго народа, въ которомъ женщины и дѣти не умѣли говорить порусски и слѣдовательно не могли выдать народной тайны. Есть основаніе догадываться, что Кузька-богъ имѣлъ намѣреніе дѣйствовать впоследствии открыто, и въ этомъ случаѣ рассчитывалъ на все русское простонародіе, которое онъ привлекалъ къ себѣ своими чудесами, на содѣйствіе родственныхъ мордвовъ ясачныхъ, къ которымъ онъ, спустя нѣкоторое время послѣ объявленія себя богомъ, посылалъ своихъ агентовъ, а также, какъ мы сказали, и на Большую Мордовію.

Наступило слѣдующее воскресенье — день, назначенный для второго моленья по Кузькиной вѣрѣ. Мордва собралась сюда въ большемъ противъ прежняго числѣ, потому что новую вѣру приняли еще нѣсколько мордовскихъ деревень. Къ сараю, находившемуся въ сорока саженахъ отъ священнаго возвышенія, въ теченіе недѣли примкнула пятистѣнная изба, съ пятью волоковыми окнами. Въ виду этой избы, противъ священнаго возвышенія, видѣлись два дуба, очищенные отъ сучьевъ, согнутые въ одну сторону, и связанные вершинами вмѣстѣ. Никто на всей землѣ, кромѣ одного Кузьки-бога, не зналъ цѣли, съ которою дубья

согнуты, и каждый богомолец толковалъ эту диковинку по-своему.

Когда кончились моленіе и жертвоприношенія по прежде-описаннымъ обрядамъ, Кузька-богъ всталъ съ своего престола и произнесъ:

— Станьте впередъ, рабы божіи: Мокей Прокошинъ, Григорій Бакулинъ (Кузька-богъ пересчиталъ двѣнадцать мужчинъ) и раба божія Степанида-солдатка Кужадонская!

Всѣ поименованныя лица выдвинулись изъ народа и стали въ рядъ.

— Христосику на небесахъ помогаютъ двѣнадцать вѣрныхъ опосталовъ и святая Пятница; и мнѣ, Кузь-богу, наказано за-вести такихъ же помощниковъ. Православные мордва люди-богфы! не знаетъ ли кто за этими людьми чего недобраго, такъ скажите мнѣ по чистой совѣсти!

Въ народѣ послышался одобрителный говоръ.

— Будьте же вы, рабы божіи, моими опосталами; а ты, раба божія Степанида, будь моей Пятницей, служите мнѣ, да Христосику вѣрой-правдою! Унимайте народъ-боговъ отъ воровства, отъ мотовства, отъ пьянства, отъ распутства, да отъ всѣхъ недобрыхъ дѣлъ; а вы, православные, мордва люди-богфы, ихъ слушайте! Наказываю всѣмъ вамъ сохранять нашу святую вѣру въ тайной тайности. А кто не сохранитъ нашей тайной тайности, да выдастъ русскимъ нашу святую вѣру, того я велю разорвать на вонъ-этихъ двухъ дубьяхъ согнутыхъ... Вѣрный мой опосталъ Григорій, покажи примѣръ, чтобы всѣ взылились отъ малаго до великаго!

Бакулинъ, получивши отъ Кузьки-бога наставленіе, какъ дѣйствовать, схватилъ на плечи приготовленнаго теленка, и направился къ согнутымъ дубьямъ, куда повалилъ за нимъ и весь народъ. Тамъ онъ привязалъ теленка задними ногами къ вершинамъ того и другого дуба, и повѣсивъ его стремглавъ, ждалъ дальнѣйшихъ приказаній. Кузька-богъ подаль съ священнаго возвышенія условный знакъ, и Бакулинъ повелъ лезвеемъ косы по толстой веревкѣ, связующей согнутыя вершины. Дубья съ визгомъ выпрямились, живой теленокъ разорвался такъ быстро, что не могъ усмотрѣть глазъ; разорванныя части мелькнули въ воздухѣ; мельчайшіе брызги тейлой крови понесли по полянѣ, и въ видѣ красноцвѣтнаго пара окалили народъ и ближнія вещи; оторванная напрочь голова взвилась вверхъ, и упала въ сотнѣ саженьяхъ отъ мѣста; бѣлая половина туловища, оторвавшись отъ веревки, шлепнулась на землю; меньшая, обвивши вершину,

повисла на ней; печонка и легкое, выравшись съ своего мѣста, воткнулись въ сучья сосѣдняго дуба; внутренности разлетѣлись въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько времени, народу ведѣно занять прежнее мѣсто, и Кузька-богъ продолжалъ говорить передъ нимъ свою рѣчь.

— Православные мордва, люди-боговы! Чтò вы теперь видѣли, это самое будетъ всякому, кто скажетъ русскимъ про нашу святую вѣру, да укажетъ мѣсто, куда мы собираемся для моленья. Измѣнщикъ не спрячется отъ насъ съ Христосикомъ ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ глубокихъ оврагахъ, ни на чужой сторонущиѣ. Христосиковы ангелы отыщутъ провлятаго измѣнщика, гдѣ бы онъ ни былъ; мы приведемъ его сюда, а вѣрный опосталь Григорій разорветъ его на вонъ этихъ дубьяхъ; поганая вровь обаяннаго грѣшника польетъ мать-сыру землю. Душа его прямо слетитъ въ пренсподнюю, въ когти самому сатанѣ, и вѣчными мукамъ его не будетъ конца во всѣ вѣки вѣчные: тамъ его заставятъ по семидесяти-семи разъ на день лизать каленую сковороду за то, что своимъ долгимъ языкомъ выдалъ наше святое таинство. Мы съ Христосикомъ не дадимъ пощады за этотъ грѣхъ ни большому ни малому, ни старику ни молодому, ни мужику ни бабѣ, ни парню ни дѣвкѣ. Слушайте же вы, православные, мордва люди-боговы! закажите своимъ женамъ, сыновьямъ, дочерямъ, пасынкамъ, падчерицамъ, внукамъ, правнукамъ, всему роду-племени, чтобы никому, oprичъ мордвовъ людей-боговыхъ, не открывать нашего здѣшняго сходбища да нашего моленья, чтобы про нашу святую вѣру говорили одни почвенные старички, а молодые парни, малые ребята, да всѣ бабы и дѣвки, чтобы не говорили про нее ни разъединаго словечушка ни другу ни недругу, ни роднѣ ни чужому, ни тверезому ни пьяному, ни конному ни пѣшему, ни сидячему ни лежащему, ни ходячему ни стоящему. А вы, мои вѣрные опосталы, и ты, моя честная Пятница, управляйтесь съ мордвами, народомъ боговымъ построже, да поглядывайте за нимъ позорче! Кто объ нашемъ тайномъ таинствѣ промолвится супротивъ моего крѣпкаго навазу, того ведите прямо сюда, да и на дубья; за того человекъа молить — не замолить, выкупать — не выкупить, плакать — не выплакать. А на тебѣ, мой вѣрный, опосталь Григорій, еще есть непрощѣнный грѣхъ — нѣтъ на тебѣ родительскаго благословенія. Да за твою вѣру великую, за покаянье усердное, за моленье долгое — вотъ тебѣ и родительское благословеніе. Христосиковъ ангель принесть его мнѣ съ того свѣта отъ твоихъ праведныхъ родителей; они благословляютъ тебя на добрыя дѣла, да желаютъ жить тебѣ долгіе вѣка.

Въ правой рукѣ Кузьки-бога блисталъ маленькій образъ, украшенный фольгой.

— Прими родительское благословеніе, поставь къ образницѣ на первѣ мѣсто, молись на него и день и ночь, поминай добромъ своихъ праведныхъ родителей, да служи мнѣ съ Христосикомъ вѣрой-правдою!

Бабулянь подошелъ къ священному возвышенію и съ бл гого-вѣніемъ принялъ изъ рукъ Кузьки-бога икону—родительское благословеніе.

— Почтенные старички и всѣ вы, православные мордва людп-боговы!—продолжалъ Кузька-богъ свою рѣчь къ народу.—Послѣ прошлаго моленья ночью пожаловалъ ко мнѣ сюда на новоселье самъ Христосикъ и съ нимъ три ангела. Христосикъ долго журилъ меня за васъ: «зачѣмъ-де ты, Кузя-богъ, потакаешь православнымъ—позволяешь имъ воровать, да пьянствовать, да лѣниться на работу? Не жалѣй, дескать, Кузя-богъ, воровъ—и русскихъ и мордовъ, гни ихъ въ дугу безъ пощады; а не перестанутъ воровать—такъ и карачунъ: того-де они и стоютъ—пускай-де отвѣдаютъ клещей дьявольскихъ, пускай поносятъ ежевую рубашку, походятъ въ сапсгахъ съ острыми гвоздями, посидятъ въ накаленной печи, пощуютъ кипячую смолу, поѣдятъ змѣй, да ящерицъ, да мышей, да лягушекъ. А пьяницъ на трои сутки на холодъ да на голодъ. Лѣнтыямъ копать канавы да на недѣлю на-хлѣбъ, на-воду. Съ именемъ Христосиковымъ ходить только погорѣлымъ да убогимъ-юродливымъ». — А какъ, молю, Христосикъ, православнымъ-то промаются нонѣшній неурожайный годъ?—Христосикъ велѣлъ на это сказать православнымъ вотъ что. Мордвамъ людямъ-боговымъ чтобы нонѣшній годъ ни покупать хлѣбъ, ни продавать. У кого есть лишній хлѣбецъ, тотъ пускай раздастъ его взаимы до будущаго урожая, а тамъ получить за малѣнку (мѣру) полторы малѣнки. Мой вѣрній опосталъ Мокей (который былъ номинальнымъ владѣльцемъ огромныхъ имуществъ Кузьки-бога), у тебя три амбара и во всѣхъ сусѣни полны хлѣбушкомъ: ты отложи-ка себѣ хлѣба, сколько требуется тебѣ на годовой домашній обиходъ, а остатки раздай бѣднымъ по полторы малѣнки за малѣнку. Это же дѣлайте всѣ, у кого есть лишній хлѣбецъ. А вы, бѣдняки, не сумѣвайте занимать хлѣбъ за малѣнку по полторы малѣнки; въ будущій годъ Христосикъ посулилъ уродить православнымъ мордвамъ людямъ-боговымъ всякаго хлѣбца вволю, да и цѣны на хлѣбъ сдѣлать не ниже нонѣшнихъ: такъ и выходитъ за малѣнку полторы малѣнки и достаточнымъ-то выгодно, да и бѣднымъ-то вольготно—они обѣмяются, проживутъ тяжелый годъ безъ нужды, безъ

крупнушки, и скотинушку-то не продадутъ за полдѣногъ, да и работать-то будетъ на чемъ; а въ слѣдующій урожайный годъ и съ долгами-то расплатятся, и на годовой-то обиходъ запасутъ, да и продать на нужду кой-чего останется. Этакимъ-то манеромъ и поправятся всѣ православные. А если кто изъ мордвовъ людей-боговыхъ продастъ нонѣшній годъ хоть одну малѣнку хлѣба до Оксини полухлѣбницы (24 января), домъ у того раскатать по бревну. А скотинушку, особливо лошадушекъ, зря не продавать, oprичъ что вовсе лишнюю. У мордвовъ людей-боговыхъ, чтобы ни одной полоски во всѣхъ поляхъ не оставалось безъ посѣву. Любо матушкѣ, сырой землѣ, какъ сохой да бороной проводить по ней кормилицѣ частыя бороздки, словно дѣвкадочка чешетъ родимую матушку частымъ гребешкомъ; а кто пашетъ рѣдко да съ цѣлзнами, на того мать-сыра земля очень сердится и не родитъ хлѣбушка. Скотинушку не морить, особливо лошадушекъ; если нечѣмъ прокормить ее, лучше продать лишнюю, а остальную кормить и поить досыта. Одѣжу и постелю съ родителей (т.-е. съ покойниковъ) не бросать въ овраги къ русскимъ, а сперва вымыть ее въ трехъ водахъ, вывѣсить на вѣтеръ на трои сутки, а тутъ потреблять на домашній обиходъ. А кому коли нечѣмъ нонѣшній годъ заплатить оброка восподамъ да подушныхъ великому осударю, такъ пускай богатые заложать за бѣдныхъ по полтора рубля за рубль на цѣлый годъ. Ты, мой вѣрный опосталь Мокей, пусти-ка на свѣтъ свою золоту-казну—заставь за себя молить Бога мордвовъ людей-боговыхъ. А какъ вы, православные, не попротивитесь да послушаетесь Христосика, такъ вамъ и нонѣшній неурожай будетъ въ урожай.— А черезъ одиннадцать годовъ, одиннадцать мѣсяцевъ да одиннадцать дней—говорилъ мнѣ Христосникъ—не томя мордва, а и всѣ русскіе будутъ люди-богвы, всѣ познаютъ вѣру истинную Христосикову да Кузину: въ ту пору хлѣбецъ будетъ родиться самъ собой, скотинушка будетъ приходиться сама на дворъ изъ лѣсовъ дремучихъ, рѣки оборотятся медовой сытой, дубовые жолуди оборотятся наливными яблочками, на всякой травкѣ-муравкѣ повиснетъ ягода спѣлая; въ ту пору не будетъ ни голоду, ни холоду, морозная зимушка уйдетъ отъ насъ далеко на северъ, а съ полдень придетъ къ намъ лѣто красное да теплое. А до той поры вѣра Христосикова да Кузина будетъ гонимая, одни мордва люди-богвы... Угостилъ я Христосника и употчивалъ, и съ нимъ всѣхъ троихъ ангеловъ. Моя хлѣбъ-соль имъ очень по нравилась, и на небо они полетѣли мной довольные. А на прощаньи Христосникъ сказалъ мнѣ вотъ что: «Мнѣ, Христосику, служатъ денно и ночью ангелы; трое ангеловъ теперь со

мною — мои слуги особенны, они вездѣ со мною и на землѣ и на небѣ. И тебѣ, Кузя-богъ, не годится быть безъ слугъ вѣрныхъ. Всѣ мордва люди-богемы служатъ тебѣ вѣрой-правдою; да надо же и тебѣ имѣть слугъ особенныхъ. Выбери себѣ трехъ дѣвицъ чистыхъ, непорочныхъ, посели ихъ на здѣшнемъ святомъ мѣстѣ въ монастырскихъ келейкахъ, пускай онѣ молятся Богу день и ночь, будутъ тебѣ слугами вѣрными; пускай онѣ живутъ у тебя въ послушаніи да спасаютъ свои душеньки». Тотчасъ подхватили Христосика ангелы и съ нимъ улетѣли на небо... Почтенные старички и всѣ вы мордва люди-богемы! По велѣнію Христосикову я выбралъ трехъ дѣвицъ, чистыхъ, непорочныхъ мнѣ Кузь-богу въ услуженіе, а имъ во спасеніе: Кузюдонскую Афросинью Панягину, Терюшевскую Мавру Селякину, да Макрашскую Офимью Бакчину. Не знаетъ ли кто за ними какихъ пороковъ, такъ говорите по совѣсти.

Три названныя дѣвицы принадлежали къ порядочнымъ домамъ и слыли во всей терюханской мордвѣ первыми красавицами, особенно Афросинья Панягина. Но красота выбранныхъ дѣвицъ не возбудила въ мордовскомъ народѣ никакихъ подозрѣній касательно намѣреній Кузьки-бога; потому что внѣшняя красота, особенно женская, по мнѣнію мордвовъ, такъ же пріятна небожителямъ, какъ и людямъ сего свѣта. На вопросъ Кузьки-бога слышался въ народѣ одобрительный говоръ.

— Нѣтъ ли здѣсь отцовъ-матерей этихъ дѣвицъ чистыхъ, непорочныхъ? снова спросилъ Кузька-богъ, и тотчасъ вышли изъ толпы три пожилыхъ мордвина и одна мордвка. — Любъ ли вамъ выборъ вашихъ дочерей-дѣвицъ мнѣ Кузь-богу въ услуженіе, а имъ во спасеніе?

Слава чистоты и непорочности, сопряженная съ этимъ выборомъ, была лестна для отцовъ-матерей, а спасеніе дѣвицъ было по душѣ ихъ родителямъ, отжившимъ страстную пору жизни.

— Любъ, лебъ, Кузя-богъ! единогласно отвѣчали родители избранныхъ дѣвицъ.

— Вы, мои вѣрные опосталы, поучите дѣвицъ чистыхъ, непорочныхъ уму-разуму, да закону божьему; а ты, моя честная Пятница, довѣдайся объ ихъ чистотѣ, да шей имъ по монашескому шуппану! Въ слѣдующее моленіе приведите ихъ сюда: пускай онѣ поселятся въ этихъ-вонъ монастырскихъ келейкахъ, спасаютъ тамъ свои душеньки, да будутъ у меня въ послушаніи.

Обязанность, возложенная на апостоловъ, состояла только въ томъ, чтобы выучить избранныхъ дѣвицъ молиться въ два пер-

ста да по чоткамъ; обязанность Пятницы была — освидѣтельство-вать дѣвицъ въ отношеніи ихъ чистоты тѣлесной, то-есть нѣтъ ли на каждой изъ нихъ шолудей, которыми могли бы заразиться и другія дѣвицы: паршивые и шелудные у мордвовъ почитались нечистыми въ религіозномъ смыслѣ, какъ проваженные у евреевъ.

По окончаніи богослуженія, Кузька-богъ, переоблачившись въ свою обыкновенную одѣжу, вышелъ на поляну, гдѣ опять обдѣлилъ нищихъ мѣдными монетами отъ имени Христосига. Апостолы занялись разборкою и уборкою цѣлыхъ грудъ различныхъ приношеній, въ которыхъ была назначена и въ ихъ пользу опредѣленная доля. По окончаніи всѣхъ хлопотъ, въ избѣ Кузьки-бога былъ данъ апостоламъ и почетнѣйшимъ старикамъ обѣдъ, при которомъ въ числѣ прочихъ прислуживала и честная Пятница. Послѣ обѣда Кузька-богъ занялся устройствомъ апостольскаго служенія. Мокей назначенъ верховнымъ апостоломъ—начальникомъ прочихъ одиннадцати апостоловъ. Всѣ мордовскія селенія были раздѣлены на части въ родѣ приходоу, изъ которыхъ къ каждому былъ назначенъ особый апостолъ, выбранный нарочно изъ надежнѣйшихъ мѣстныхъ жителей. Бакулину былъ назначенъ обширнѣйшій приходъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ мордовскихъ деревень, такъ что обязанность учить божьему закону всѣхъ трехъ дѣвицъ, чистыхъ, непорочныхъ, пала на одного Бакулина. Такимъ распредѣленіемъ апостольскаго служенія Кузька-богъ какъ не надо лучше обезпечилъ свою вѣру отъ огласки, о которой мордвамъ было страшно и подумать; дѣйствительно, трудно было явиться предателю, который при такомъ надзорѣ не былъ бы тотчасъ замѣченъ и не миновалъ бы согнутыхъ дубевъ.

Кужадонская молодая солдатка, возведенная Кузькой-богомъ въ санъ «честной Пятницы», видѣла въ новомъ своемъ достоинствѣ новое доказательство прочнаго расположенія къ ней всемогущаго любовника; въ дѣвицахъ чистыхъ-непорочныхъ, она никакъ не предполагала найдти себѣ соперницъ, и порученіе, данное ей касательно этихъ дѣвицъ, она рѣшилась исполнить такъ, чтобы угодить во всемъ народному владыкѣ. Выбранныя дѣвицы, поочередно посѣщаемыя апостоломъ Григоріемъ, плакали подъ его вдохновенныя похвалы Кузь-богу и плохо перенимали сложеніе двухперстнаго креста и моленье по чоткамъ; особенно Афросинья, не находя возможности свидѣться съ милымъ Пахомомъ передъ живой разлугой, до такой степени предалась своему горю, что близка была къ сумасшествію. Но вотъ наступило роковое воскресенье, и прощай свѣтъ со всѣми его радостями.

VII.

Всѣ религиозныя церемоніи третьяго мордовскаго моленья на священной полянѣ кончились, и вслѣдъ затѣмъ съ сѣверной стороны поляны послышалось многоголосное женское завыванье: то голосили матери, тетки и другія родственницы трехъ привезенныхъ дѣвицъ, обреченныхъ на монастырское затворничество; своимъ родственницамъ подтягали и сами дѣвицы. Идущимъ въ направленіи къ священному возвышенію дѣвицамъ предшествовала честная Пятница, и процессія, окруженная народною толпой, медленно подвигалась впередъ. Дѣвицы, бывшія въ національныхъ одѣжахъ, были переодѣты въ кельѣ Кузьба-бога въ приготовленные для нихъ монашескіе подрасники, поверхъ которыхъ были повѣшены ихъ суставы; на ихъ головы были надѣты черныя невысокія камлавки: въ этомъ видѣ Пятница ввела дѣвицъ на возвышеніе и поставила въ рядъ передъ сидящимъ на престолѣ Кузьбой-богомъ. Кузьба-богъ, раздавъ дѣвицамъ по зажженной свѣчѣ, подошелъ къ налою и нѣсколько времени читалъ что-то въ большой книгѣ, дѣвицы въ это время молились въ два перста; потомъ снова подошелъ къ дѣвицамъ, и приказавъ обнажить ихъ головы, постригъ каждую поочередно. По постриженіи имъ были розданы чотки, иначе называемыя лѣстовки.

— Вотъ вамъ, непорочныя дѣвицы, по лѣстовкѣ, сказалъ при этомъ Кузьба-богъ:— молитесь Богу, не лѣнитесь. Христосикъ накрѣпко наказалъ, чтобы вы каждый божій день вечеромъ за спаньѣ да утромъ послѣ умыванья проходили по цѣлой лѣстовкѣ, выходить, чтобы вы творили по сту поклоновъ: девять поясныхъ да одинъ земной. А кирямки вамъ велѣно отростить. А ежели коя изъ васъ, непорочныя дѣвицы, не сохранитъ своего дѣвства да слюбится съ парнемъ али съ мужикомъ, ту велѣлъ Христосикъ связать по рукѣ да по ногѣ съ любодѣемъ, да обоихъ живыхъ закопать въ землю. Смотрите же, не провинитесь; ангелы Христосиковы будутъ день и ночь надъ вами надглядывать, да повѣщать мнѣ съ Христосикомъ. А вы, мои вѣрные опосталы, десять воскресеній сряду наряжайте сюда по двадцати-пяти человекъ копальщиковъ, рыть могилы глубокія, да другихъ двадцать-пять человекъ, тѣ могилы закапывать. Рыть могилы вечеромъ по воскресеньямъ, а зарывать вечеромъ по субботамъ, чтобы чистыя и непорочныя дѣвицы, глядя на могилы, вазнились да берегли отъ грѣха свои душеньки. Если какая дѣвица провинится, ту сейчасъ же закопать живую въ могилу; а если недѣлей не будетъ за ними провинностей, одну могилу пустую завалить въ субботу вечеромъ, а другую рядомъ выкопать вечеромъ въ воскресенье. Христосикъ на-

казалъ въ десять недѣль перерыть десять могилъ отъ моей келейки до келейки монастырской: дѣвицы чистыя, непорочныя, мимо этихъ могилъ будутъ ходить ко мнѣ на послушаніе, да помнить, чтб имъ наказано. А твоя служба, моя честная Пятница, Христосику очень похвалилась, и за ту службу Христосику украситъ тебя золотымъ вѣнцомъ; черезъ шесть пятницъ въ седьму пятницу, ты получишь большую радость. А до той поры служи мнѣ съ Христосикомъ вѣрой-правдою.

Закумуристаго пророчества Кузьки-бога никто не понималъ, ни народъ, ни сама кужадонская солдатка. Однакоже, пророчество это исполнилось въ точности и въ опредѣленное время. Кузька-богъ дознался про тайныя связи Пятницы съ ея возлюбленнымъ мордвиномъ. Какъ будто въ исполненіе того, чтб написано въ большой христосиковой книгѣ, у этого мордвина въ скоромъ времени заболѣла жена, и недѣли черезъ четыре померла. При содѣйствіи Кузьки-бога, вдовецъ присватался къ вдовѣ «Пятничѣ», и черезъ шесть пятницъ въ седьму пятницу, состоялся ихъ бракъ.

Непорочныя дѣвицы были проведены прямо въ келью Кузьки-бога, гдѣ былъ приготовленъ для нихъ съ провожатыми родственниками обѣдъ. Между тѣмъ, Кузька-богъ, одѣлая нищихъ мѣдными монетами, усмотрѣлъ среди народа Пахома-сиротку, который въ это время одиноко и съ грустнымъ видомъ торился около монастырскихъ келей.

— Мой вѣрннй опосталъ Григорій! сказалъ Кузька-богъ, обращаясь къ Бакулину. — Вонъ тамъ, я вижу, бродитъ кужадонскій Пахомъ-сиротка. Христосику больно жалливъ къ сиротамъ: сходи-ка за нимъ, да приведи его съ нами пообѣдать.

Мужской полъ былъ усаженъ за столомъ на правой сторонѣ, а женскій на лѣвой; новыя монашенки сидѣли подрядъ около самаго кутника. При появленіи въ избу Пахома-сиротки, котораго привелъ сюда Бакулинъ, Афросинья замѣтно измѣнилась въ лицѣ, чтб не скрылось отъ пронизательнаго Кузьки-бога. Кузька-богъ посадилъ Пахома рядомъ съ собой, такъ что послѣдній могъ переглядываться съ Афросиньей; изъ этихъ переглядываній Кузька-богъ словно по книгѣ читалъ исторію взаимныхъ чувствъ Пахома и Афросиньи, частію уже ему извѣстныхъ. Взрослымъ мужчинамъ и женщинамъ было поднесено за всѣмъ обѣдомъ по рюмкѣ вина, по два стакана пива и по три стакана медоваго квасу; Пахома и монашенкамъ было поднесено по огромному стеклянному стакану медоваго квасу, морѣнаго и самого сильнаго. Монашенки, подверженныя въ настоящемъ случаѣ множеству

устремленныхъ на нихъ постороннихъ внимательныхъ взоровъ, отказывались отъ подносимаго имъ напитка.

— Ангелы христосиковы, коли бывають у меня въ гостяхъ, хошь и не всѣ, за всякій разъ воискушаютъ въ честь хозяина по одному ставанчику медоваго квасу, громко произнесъ Кузьба-богъ:—и вы, непорочныя дѣвицы, воискушайте по одному ставану, а больше мы васъ неволить не станемъ.

Монашенки, потупя глаза, выпили по цѣлому ставану.

Во всѣ окна избы были уставлены снаружи нѣсколько любопытныхъ глазъ и явственно слышался шопотъ единогласной похвалы пригожеству Афросиньи; и точно, ея бѣлое, нѣжное и миловидное лицо, съ чернымъ одѣваніемъ и черной камилавкой, производило контрастъ, чарующій взоры, а ея грустный видъ пробуждалъ глубокую жалость. Самъ Кузьба-богъ, тайкомъ любовавшійся ею, едва не терялъ присутствіе духа, столь нужное въ его настоящихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ на лицахъ всѣхъ трехъ монашенокъ, отъ морѣнаго квасу, выступила краска, усиливающая ихъ пригожество. Мавра и Афимья, сидѣвшія рядомъ, шептались другъ съ дружкой и порой, зажавши рты, хихикали; ихъ занимала и удивляла каждая бездѣлушка; онѣ брали съ каменныхъ тарелокъ изюму, пряниковъ, рожековъ, конфетъ и другихъ сластей, передавая другъ дружкѣ на ухо удивленіе невиданной посудѣ и невиданнымъ лакомствамъ. Одна Афросинья сидѣла одиноко, словно горькая сиротка. Кузьба-богъ, притворяясь безстрастнымъ и наблюдая монашенокъ будто мимоходомъ, успѣлъ проникнуть въ глубину души каждой.

— Рабъ божій Пахомъ-сиротка! сказалъ Кузьба-богъ къ концу обѣда.—Кабы у тебя былъ родимый батюшка, гдѣ бы тебѣ ходить до этой поры неженатымъ? Да не тужи, за сиротами-то Богъ. На этой недѣлѣ Христосикъ пришлетъ тебѣ и лошадушку, и коровушку, и овечку съ двумя ярочками. Есть у тебя и суженая, дѣвушка благочестивая, справнаго отца дочь, у Макарашинскаго Терентья Окузова Маланья. Дѣвка смирная, работающая да пригожая. (Съ этой Маланьей Кузьба-богъ въ настоящихъ обстоятельствахъ почелъ за нужное прекратить свои тайныя связи, обогативъ ее разными нарядами и подарками и вознамѣрившись выдать замужъ за пригожаго парня). Мы васъ обвинчаемъ отурочкой (наскоро): я буду у тебя посаженнымъ отцомъ, а ты будешь мнѣ замѣсто родного дѣтища. Дядя Назаръ — Кузьба-богъ обратился къ Панягину — ты поѣдешь отсюда домой въ Кузандовъ, такъ свези съ собой и Пахома-сиротку. А ты, мой вѣрный опосталь Григорій, нонче же повѣсти Макарашинскому Терентью Окузову, чтобы онъ снаряжалъ свою дѣвку подъ вѣнецъ съ Па-

хомомъ-сироткой. Свадьба будетъ въ эту среду; опосталь Мокей подниметь свадьбу на свой счетъ.

Кузька-богъ, смѣтивъ, зачѣмъ Пахомъ-сиротка пробрался на священную поляну, лишилъ его всякой возможности перемолвить-ся съ Афросиньей, и участь любящихся парня и дѣвки рѣшена невозвратно. Послѣ обѣда монашеновъ проводили въ монастырекъ подъ надзоръ трехъ старицъ; туда перенесли гребни, ленъ и прочій скарбъ дѣвничьяго руководѣля. Монашенки были помѣщены въ общирной общей кельѣ съ тремя волоковыми окнами, единственный входъ въ которую былъ изъ смѣжной небольшой избы, назначенной для помѣщенія трехъ старицъ. Старицы были еще въ силѣ, ихъ обязанность была исправлять всѣ черныя работы, топить печки, стирать, мыть бѣлье, трепать для монашеновъ ленъ, мыкать мочки и т. п. Главная обязанность старицъ была наблюдать за поведеніемъ дѣвицъ-монашеновъ; съ этою цѣлю день и ночь поочередно — одна изъ нихъ непремѣнно должна была бодрствовать, повуда снали двѣ другія, чтобы надзоръ за дѣвицами былъ непрерывнымъ. Къ каждой дѣвицѣ была приставлена особая старица, которая должна была провозать свою послушницу къ Кузькѣ-богу на послушаніе, и во время отлучекъ изъ монастырка. Старицы были избраны изъ бѣднѣйшихъ и безродныхъ мордоговъ, облагодѣтельствованы, во всемъ обезпечены Кузькой-богомъ и преданы ему фанатически. Такимъ образомъ Кузька-богъ, какъ нельзя лучше, оградилъ непорочныхъ дѣвицъ отъ всѣхъ внѣшнихъ соблазновъ. Въ настоящій день Кузька-богъ, уловивъ свободное время, посѣтилъ свой монастырекъ, далъ нѣсколько наставленій старицамъ и ихъ пригожимъ послушницамъ и ушелъ, наказавъ Афросиньиной старицѣ привести дѣвушку къ нему въ келью на послушаніе, какъ только смеркнется.

Итакъ сердечная зазнобушка Кузьки-бога теперь у него въ рукахъ; нетерпѣливый мордвинъ не могъ дождаться ночи, когда сожметъ Афросинью въ своихъ объятіяхъ. Солнце очень медленно шло къ своему закату; поляна стала пустѣть; двадцать-пять мордоговъ принялись рыть зловѣщую могилу въ четыре сажени длины и въ сажень глубины, и вончили ее къ сумеркамъ. Афросинья, горящая о невозвратной потерѣ всѣхъ радостей и трепещущая за неизвѣстное будущее, повѣся голову, пробиралась въ сумерки, въ сопровожденіи своей старицы, въ келью Кузьки-бога — на послушаніе, которое представлялось ей въ качествѣ бича за прошлыя грѣхи. По приближеніи къ самой кельѣ, Афросиньѣ довелось идти могильной насыпью: связь съ Пахомомъ вдругъ мелькнула въ ея головѣ; на Афросинью напалъ неодоли-

мый ужасъ, ноги ея подкосило, и она тихо опустилась на насыпь, едва не свалившись въ могилу. Встревоженная старица позвала на помощь Кузьку-бога, который, словно изъ земли выросши, мигомъ выялъ причину настоящаго положенія Афросиньи.

— Отведи, старушка богова, непорочную дѣвицу назадъ въ монастырскую келью, сказалъ Кузька-богъ: — да вели привести сюда ко мнѣ на послушаніе непорочную Мавру. А ты, непорочная Афросинья, не страшайся: я наказалъ ангеламъ-невидимкамъ загоразивать тебя своими крылошками отъ всѣхъ бѣдъ да напастей; къ середѣ будь готова ко мнѣ на послушаніе.

Черезъ нѣсколько времени въ келью къ Кузьмѣ-богу входитъ старица, ведя за собою Мавру. Старица, получивъ приказаніе, ушла, а Мавра съ Кузькой-богомъ остались наединѣ. Окна были скрыты.

Послушаніе дѣвицы сладострастному мордвину началось тѣмъ, что Кузька-богъ завелъ съ нею хитрыя замауры, отъ которыхъ постепенно переходилъ къ самому дѣлу. Потомъ огонь въ кельѣ былъ погашенъ, и они остались въ потемкахъ. Мавра оказала Кузькѣ-богу мало сопротивленія. Главное ея возраженіе состояло въ томъ, что она боится быть закопанной въ могилу; но Кузька-богъ скоро разсѣялъ ея страхи. Онъ увѣрилъ дѣвицу, что любовная связь съ нимъ—Кузей-богомъ совсѣмъ не то, что съ простымъ человѣкомъ — не составляетъ никакого грѣха, не лишаетъ дѣвушку чистоты и непорочности, а потому и не влечетъ за собою никакого наказанія; что онъ, Кузя-богъ, во всѣхъ отношеніяхъ есть лицо исключительное. Всему этому Мавра была очень рада. Ея животныя побужденія не были облагорожены чувствомъ изящнаго, между тѣмъ связь съ владыкою народнымъ, обладателемъ несметныхъ богатствъ, ведущимъ блестящую и роскошную жизнь, льстила дѣвичьей суетности; а сладкая ѣда, довольный сонъ, непринужденная работа и полная обеспеченность во всемъ были дѣвкѣ по душѣ; притомъ же наслажденія, за которыя навазываютъ мордовскихъ дѣвокъ въ домашнемъ быту нагайками, здѣсь сопровождались доброй славой, почетомъ, лаской, подарками и убѣжденіемъ въ безгрѣшности. Самъ Кузька-богъ смотрѣлъ на себя, какъ на лицо, возвышающееся надъ всѣми общечеловѣческими правами и обязанностями, ни передъ кѣмъ неотвѣтственное и никому неподсудное. Преслѣдуя пороки въ другихъ, онъ оправдывалъ ихъ въ себѣ тѣмъ, что его собственное воздержаніе вознаграждалось воздержаніемъ десятковъ тысячъ человѣкъ, а его пороки достаточно искупались внушаемыми имъ добродѣтелями вѣрннанаго ему свыше народа. Въ

этомъ отношеніи Кузька-богъ, очевидно, оставилъ далеко за собою того раскольника, у котораго воспитывался.

Кузька-богъ проводилъ Мавру обратно въ монастырь уже около полуночи, наказавъ ей держать языкъ покороче, съ угрозою въ противномъ случаѣ попасть въ могилу; то-есть на любопытные спросы о послушаніи Мавра должна была отвѣчать, что она прошла съ Кузей-богомъ двѣ или три лѣстовки, а больше нигугу. Подруги, пробужденныя приходомъ Мавры съ послушанія, съ любопытствомъ спрашивали ее о томъ, чтб она дѣлала у Кузи-бога. Чувствовавшая позывъ ко сну Мавра отдѣлалась отвѣтомъ, что обо всемъ этомъ онѣ сами узнаютъ, когда дойдетъ до нихъ очередь послушанія.

Въ слѣдующую ночь послушаніе у Кузьки-бога исправляла непорочная Афимья такимъ же порядкомъ, какъ и Мавра. Молодая послушница, лишь только увидала первую вырытую могилу, назначенную для погребенія ихъ живо, струсили-было не на шутку, тряслись словно въ лихорадкѣ и выли, разошедшись по разнымъ угламъ своей кельи; но вотъ проходятъ сутки, проходятъ другія и третьи—могила растопырилась какъ дура. Сперва Мавра, а потомъ Афимья, ставъ беззаботно веселыми, мало по малу ободрили и Афросинью. Самъ Кузька-богъ посѣщалъ ежедневно своихъ послушницъ, обращался съ ними чрезвычайно ласково и уходилъ отъ нихъ не иначе, какъ обдѣливъ по цѣлому бураку орѣховъ, пряниковъ, изюму, рожковъ и другихъ лакомствъ.

Между тѣмъ въ деревнѣ Кужадонѣ происходили самыя дѣятельныя приготовленія въ браку Пахома-спротки съ Маланьей Окузовой. Лишь только Пахомъ воротился съ моленья, въ ту же ночь въ его двору была подпущена во имя Христосиба лошадушка, на другую ночь коровушка, на третью овечка съ двумя ярочками. Несмотря на такую щедрость невидимаго благодѣтеля, Пахомъ женился на Маланѣ насильственно, и лишь потому, что не имѣлъ средствъ противиться рѣшенію всемогнато Кузьки-бога. Терентій Окузовъ радъ былъ угодить Кузькѣ-богу исполненіемъ его воли, а сама Маланья охотно смѣняла непригожаго, суроваго и пожилого мордвина на парня-красавца.

Е....

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Часть третья.

ДЕРЮШЕТТА.

КНИГА ВТОРАЯ.

ДЕСВОТИЗМЪ БЛАГОДАРНОСТИ.

II.

КОЖАНЫЙ ЧЕМОДАНЪ.

Въ Сен-Сансонѣ всѣ были на ногахъ съ разсвѣтомъ, и уже стали сбѣгаться изъ Сен-Пьер-Пора. Воскресеніе Дуранды производило на островѣ такой же шумъ, какъ нѣкогда чудо Ла-Салетты, на югѣ Франціи. На набережной стояла толпа, глазѣя на трубу, торчавшую изъ бота. Всѣ очень бы желали посмотрѣть на машину, и дотронуться до нея; но Летьерри, сдѣлавъ, при дневномъ свѣтѣ, снова торжественный осмотръ машины, поставилъ на боть двухъ матросовъ, приказавъ имъ никого близко не подпускать. Нечего было дѣлать, пришлось довольствоваться однимъ созерпаніемъ трубы. Толпа дивилась. Только и разговору было, что о Жильятѣ, судили о немъ и пересуживали, находя, что его прозвище кудесникъ шло къ нему какъ нельзя болѣе; однако всеобщее удивленіе большею частью оканчивалось фразой: «все же неприятно имѣть на островѣ людей, способныхъ на такіа дѣла».

Съ набережной можно было видѣть, какъ месь Летьерри сидѣлъ за столомъ противъ огня. Онъ писалъ, устремивъ одинъ глазъ на бумагу, другой на машину. Онъ такъ былъ углубленъ въ свое занятіе, что только разъ пріостановился, чтобъ позвать Дусъ и спросить у нея о здоровьѣ Дерюшетты. Дусъ отвѣчала: «барышня встала и ушла». Месь Летьерри тогда замѣтилъ: «очень

*

умно, что она пошла подышать воздухомъ. Ночью ей сдѣлалось дурно отъ духоты. Было слишкомъ много народу въ комнатѣ. Потомъ удивленіе, радость, къ тому же и окна были закрыты. Славный у нея будетъ мужъ!» И онъ снова принялся писать. Онъ ужъ запечаталъ два письма на имя самыхъ извѣстныхъ торговцевъ лѣса въ Бременѣ и доканчивалъ третье.

Шумъ колеса на набережной вдругъ заставилъ его поднять голову. Онъ высунулся изъ окна и увидалъ на тропинкѣ, ведущей въ Бю-де-ла-Рю, мальчишку съ тачкой. Этотъ мальчишка направился къ Сен-Пьер-Шору. Въ тачкѣ былъ кожаный, желтый чемоданъ, испещренный мѣдными и оловянными гвоздями.

Месь Летьерри остановилъ мальчишка.

— Куда ты идешь?

Мальчикъ остановился и отвѣчалъ:

— На *Каширъ*.

— Зачѣмъ?

— Отдать этотъ чемоданъ.

— Ну, такъ ты тоже отнесешь эти три письма.

Месь Летьерри отворилъ ящикъ въ своемъ столѣ, вынулъ изъ него веревочку, связалъ ей свои три письма и бросилъ связку мальчишку, который обѣими руками поймалъ ее налету.

— Ты скажешь капитану *Кашира*, что это отъ меня, и чтобъ онъ не потерялъ. Это въ Германію. Въ Бременъ черезъ Лондонъ.

— Я не увижу капитана, месь Летьерри.

— Отчего?

— *Каширъ* не стоитъ у набережной.

— А!

— Онъ на рейдѣ.

— Дѣйствительно. Оттого, что вода низка.

— Я увижу только перевозчика.

— Ты его попросишь поберечь письма.

— Да, месь Летьерри.

— Въ которомъ часу отходить *Каширъ*?

— Въ двѣнадцать.

— Въ полдень, сегодня; но приливъ набѣгаетъ. Онъ будетъ противъ него.

— А вѣтеръ за него.

— Мальчуганъ, сказалъ месь Летьерри, указывая пальцемъ на трубу машины:—ты это видишь? этому и вѣтеръ и приливъ ни почемъ.

Мальчишка положилъ письма въ карманъ, и толкая передъ собой тачку, направился къ городу. Месь Летьерри крикнулъ:

— Дусь! Грація!

Грація пріотворила дверь.

— Месь, что угодно?

— Войди и дожидайся.

Месь Летьерри взял лист бумаги и принялся писать. Еслибъ Грація, стоявшая за нимъ, была любопытна и протянула немного голову, она могла бы прочесть изъ-за его плеча слѣдующее:

«Я пишу въ Бремени на счетъ лѣса. Весь день я буду занятъ съ плотниками. Починка пойдетъ живо. Ты, съ своей стороны, ступай къ пастору и достань разрѣшеніе на бракъ. Я хочу, чтобъ свадьба была какъ можно скорѣй, хоть сейчасъ. Я занимаюсь Дурандой, ты займись Дерюшеттой».

Онъ поставилъ число, и подписался: *Летьерри*.

Онъ не потрудился запечатать записку, сложилъ ее вчетверо и подалъ Граціи.

— Отнеси это Жильяту.

— Въ Бю-де-ла-Рю?

— Въ Бю-де-ла-Рю.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОТПЫТИЕ КАШМИРА.

I.

БУХТА ВЛИЗЬ ЦЕРКВИ.

Въ Сен-Сансонѣ не можетъ быть толпы безъ того, чтобъ Сен-Пьер-Поръ не опустѣлъ. Всякое любопытное явленіе или вещь—всасывающій насосъ. Въ маленькихъ городкахъ, новости быстро распространяются; съ самаго восхода солнца, у гернсейцевъ не было важнѣе дѣла, какъ идти посмотрѣть на трубу Дуранды подъ окнами месь Летьерри. Всѣ прочія дѣла стусевались передъ этимъ. Смерть ректора Сен-Асафа была забыта; и помину не было уже о почтенномъ Эбenezерѣ Кодрэ, объ его неожиданномъ богатствѣ и отъѣздѣ на *Кашмиръ*. Машина Дуранды, привезенная съ Дувровъ, была великимъ вопросомъ: никто не хотѣлъ вѣрить этому. Кораблекрушеніе Дуранды вазалось необыкновеннымъ фактомъ, но спасеніе вазалось невозможнымъ. Каждый спѣшилъ удостовѣриться собственными глазами. Всѣ занятія были прерваны. Длинными рядами тянулись семейства мѣщанъ, отъ *сосѣда до месь*, мужчины, женщины, джентльмены, матери съ дѣтьми, и дѣти съ куклами, направлялись со всѣхъ сторонъ отъ Сен-Пьер-Пора въ Бравэ, чтобъ взглянуть на

«штуку». Много лавокъ въ Сен-Пьер-Порѣ было закрыто; торговля замерла, всеобщее вниманіе сосредоточивалось на Дурандѣ; ни одинъ купецъ не сдѣлалъ хорошаго дѣльца въ этотъ день, кромѣ одного золотыхъ дѣлъ мастера, который съ удивленіемъ послѣ рассказывалъ, что продалъ вѣнчалное кольцо «какому-то человѣку, который, казалось, очень торопился, и спросилъ у него адресъ пастора». Тѣ лавки, которыя остались незакрытыми, служили сборнымъ мѣстомъ для широкаго обсуживанья чудеснаго спасенія Дуранды. Ни одного прохожаго въ Иврезъ, который нынче называютъ богъ-знаетъ почему Кэмбридж-Паркъ; ни души въ Гай-Стритъ, которая тогда называлась Большой-Улицей; ни въ Смит-Стритъ, которую называли Кузнечной улицей; ни души въ Готвиллѣ, и даже эспланада была пуста. Можно было подумать, что было воскресенье. Какой-нибудь царственный гость, дѣлая смотръ милиціи въ Анкресѣ, не лучше бы очистилъ городъ отъ жителей. Весь этотъ беспорядокъ изъ-за какого-нибудь ничтожнаго Жильята заставлялъ, конечно, пожимать плечами важныхъ, акуратныхъ людей.

Церковь Сен-Пьер-Пора, съ тремя торчащими другъ подлѣ друга шпицами, съ трансептомъ и иглой, находится на самомъ берегу, въ глубинѣ бухты. Она привѣтствуетъ пріѣзжающихъ и прощается съ отъѣзжающими. Эта церковь служитъ заглавной буквой для длинной фразы, составляемой фасадомъ города на океанѣ.

Она въ одно и то же время приходская Сен-Пьер-Пора, и главная на всемъ островѣ. Въ ней служитъ викарій епископа, чловѣкъ съ большою властью.

Гавань Сен-Пьеръ, теперь обширная и величлѣбная, была въ то время, и даже десять лѣтъ тому назадъ, гораздо менѣе, чѣмъ гавань Сен-Сансона. Это были двѣ выпуклыя, громадныя циклопскія стѣны, почти соединявшіеся на концѣ, гдѣ находился маленький бѣлый маякъ. Подъ этимъ маякомъ узкій проходъ, гдѣ и теперь видна цѣпь съ двойными кольцами, закрывавшая его въ средніе вѣка—пропускалъ въ бухту корабли. Представьте себѣ полуоткрытые клещи морского рака, и это будетъ гавань Сен-Пьера. Эти клещи захватывали частицу моря, и заставляли ее почти всегда быть гладкой, какъ зеркало. Но иногда при восточномъ вѣтрѣ, въ гавани, особливо въ проходѣ, волны бушевали, и умнѣе было въ это время не входить въ нее. Это и сдѣлалъ *Кашмиръ*. Онъ стоялъ на рейдѣ.

При восточномъ вѣтрѣ корабли охотно поступали такъ, тѣмъ болѣе, что тогда имъ не приходилось платить за стоянку въ портѣ. Въ такихъ случаяхъ, лодочники, отраженные изъ города,

честные моряки, которыхъ новый портъ стеръ съ лица земли, сажали въ свои лодки, съ пристани, или прямо съ морского берега путешественниковъ съ ихъ поклажей, и перевозили ихъ на отходящіе корабли, часто въ очень бурное время, но всегда благополучно. Восточный вѣтеръ—боковой вѣтеръ и очень попутный для переѣзда изъ Англїи во Францію; перекатываешься съ волны на волну, но не чувствуешь килевой качки.

Когда отъѣзжающій корабль стоялъ въ гавани, всѣ отправлялись изъ гавани; когда же онъ былъ на рейдѣ, всякій могъ садиться на лодку съ любого мѣста на берегу. Во всякой маленькой бухточкѣ или заводи было лодочниковъ «въ волю».

Одна изъ такихъ бухточекъ называлась Гавелэ. Эта маленькая гавань была очень близка отъ города, но такъ уединенна, что казалась очень далекой. Этимъ уединеніемъ она была обязана окружающимъ ее, подобно рамкѣ, высокимъ утесамъ форта Георга, который господствуетъ надъ этой скромной заводью. До Гавелэ достигали нѣсколькими тропинками. Самая прямая шла по берегу; она имѣла то преимущество, что по ней въ пять минутъ можно было дойти до города и до церкви, и тотъ недостатокъ, что два раза въ день покрывалась волнами прилива. Другія тропинки, болѣе или менѣе крутыя, извивались по развалинамъ утесовъ. Даже и днемъ въ Гавелэ царствовалъ полусвѣтъ. Громадные камни нависли тутъ со всѣхъ сторонъ. Густо разросшія терновникъ и массы хвороста распространяли какъ-бы прїятный мракъ надъ этимъ безпорядкомъ утесовъ и волнъ; не можетъ быть уголка мирнѣе этой бухты, въ тихую погоду; нѣтъ ничего бурнѣе ея во время шваловъ. Тутъ были вѣтви, которыхъ концы постоянно купались въ морской пѣнѣ.

Весной это мѣсто было полно цвѣтовъ, птичьихъ гнѣздъ, благоуханія, бабочекъ, пчель. Благодаря недавнимъ сооруженіямъ, эти дикія прелести теперь не существуютъ болѣе, ихъ замѣнили прекрасныя, прямыя линїи; тутъ есть каменные стѣны, набережныя, сады, насыпи, искусство справилось съ прихотливыми очертаніями горъ и съ неправильностями утесовъ.

II.

ОТЧАЯНІЕ ВСТРѢЧАЕТСЯ СЪ ОТЧАЯНІЕМЪ.

Было около десяти часовъ утра; *четверть ранне*, какъ говорятъ на Гернсеѣ.

Толпа, повидимому, прибывала въ Сен-Сансонѣ. Жители въ лихорадочномъ любопытствѣ направлялись всѣ къ сѣверной сто-

ровѣ острова, и Гавелэ, который лежитъ къ югу, былъ еще уединеннѣе, чѣмъ обыкновенно.

Однакожь тамъ видѣлись лодка и лодочникъ. Въ лодкѣ былъ дорожный мѣшокъ. Лодочникъ, казалось, ожидалъ кого-то.

На рейдѣ стоялъ *Кашмиръ* на якорѣ; собираясь отплыть только въ полдень, онъ еще не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ снятію съ якоря.

Прохожій, который съ какой нибудь крутой тропинки утеса вздумалъ бы прислушиваться, могъ услышать говоръ въ Гавелэ, а еслибъ онъ наклонился чрезъ утесъ, то увидалъ бы въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лодки, въ глухомъ уголку, скрытомъ отъ лодочника камнями и вѣтвями, двухъ людей, мужчину и женщину: Эбенезера и Дерюшетту.

Эти темныя убѣжища на берегу моря, которыя вводятъ въ искушенія купальщицъ, не всегда бываютъ такъ уединенны, какъ полагаютъ. То, что тамъ происходитъ, можетъ быть и наблюдаемо и подслушано. За тѣми, которые въ нихъ укрываются, очень легко слѣдить, благодаря густотѣ зелени и множеству тропинокъ. Камни и деревья, скрывающіе ищущихъ уединенія, могутъ скрыть также и свидѣтеля.

Дерюшетта и Эбенезеръ стояли другъ противъ друга, рука въ руку, не спуская глазъ одинъ съ другого. Дерюшетта говорила. Эбенезеръ молчалъ. Слеза дрожала на его рѣсницахъ, но не падала.

Отчаянье и пламенная страсть выражались на благочестивомъ челѣ Эбенезера. Къ этому еще примѣшивалась и горькая покорность судьбѣ—покорность, враждебная вѣрѣ, хотя происходящая отъ нея. Это лицо, доселѣ чисто-ангельское, начинало принимать какое-то роковое выраженіе. Тотъ, кто доселѣ размышлялъ только о догматѣ, сталъ размышлять о рокѣ, размышленіе—очень вредное для пастора. Часто вѣра страдаетъ отъ этого. Преклоняться передъ неизвѣстнымъ — возмущаетъ гордый умъ. Человѣкъ—рабъ случайностей. Жизнь—постоянный рядъ новостей; мы это переносимъ. Мы никогда не знаемъ, съ какой стороны неожиданно ударитъ насъ случайность. Несчастье и благополучіе являются и исчезаютъ какъ неожиданные гости. Они имѣютъ свой законъ, свой путь, свое кругообращеніе, внѣ человѣка. Добродѣтель не влечетъ за собой счастья, порокъ не влечетъ несчастья; совѣсть имѣетъ одну логику, судьба другую; нѣтъ между ними ничего общаго. Ничего нельзя предвидѣть. Мы живемъ въ какомъ-то хаосѣ, и день за день. Совѣсть прямой путь, жизнь—вихрь. Этотъ вихрь неожиданно навѣваетъ на голову человѣка и мракъ и ясное небо. Судьба не знаетъ деликатности

переходовъ. Колесо ея иногда вертится такъ скоро, что человѣкъ съ трудомъ различаетъ промежутокъ между одной перипетіей и другой и связь вчерашняго съ нынѣшнимъ. Эбenezеръ былъ вѣрующій—и разсуждалъ; священникъ—и поддавался страстямъ. Мрачныя облака застилали умъ Эбenezера, находившагося подъ вліяніемъ страсти.

Онъ слишкомъ любовался Дерюшеттой.

Эти два существа боготворили другъ друга.

Во взглядѣ Эбenezера видѣлось нѣкое обожаніе отчаянія.

Дерюшетта говорила:

— Вы не уѣдете. У меня на это не хватаетъ силъ. Видите, я думала, что смогу съ вами проститься, но не могу. Нельзя себя заставить быть въ силахъ. Зачѣмъ вы приходили вчера? Не надо было приходить, если вы хотѣли уѣхать. Я съ вами никогда не говорила. Я васъ любила, но я этого не знала. Только въ тотъ первый день, когда господинъ Геродъ читалъ исторію Ревекки и когда ваши глаза встрѣтились съ моими, я почувствовала, что щеки у меня запылали и я подумала: «о! какъ Ревекка должна была покраснѣть!» Но это все равно, еслибъ мнѣ сказали третьяго дня: «ты любишь ректора», я бы засмѣялась. Вотъ это-то и ужасно, въ этой любви. Она подкралась какъ измѣна. Я не остерегалась. Я ходила въ церковь, я васъ видѣла, я думала, что всѣ чувствуютъ, какъ я. Я васъ не упрекаю, вы ничего не сдѣлали для того, чтобъ я васъ полюбила, вы не старались объ этомъ; вы на меня только смотрѣли; не ваша вина, если вы смотрите на людей, а это повело къ тому, что я васъ полюбила. Я сама этого не подозрѣвала. Когда вы брали книгу, это былъ свѣтъ; когда ее другіе брали, она была просто книга. Вы иногда подымали на меня глаза. Вы говорили объ архангелахъ, вы были сами архангелъ. Всему, что вы говорили, я невольно вѣрила. До васъ я не знаю, вѣрила ли я въ Бога. А со времени вашего пріѣзда, я стала молиться. Я говорила Дусъ: одѣвай меня скорѣй, чтобъ мнѣ не опоздать къ службѣ. И я бѣжала въ церковь. Это значило быть влюбленной. Я этого не знала. Я говорила про себя: какъ я становлюсь набожна. Вы мнѣ открыли, что я не для Бога ходила въ церковь. Я ходила ради васъ—это правда. Вы прекрасны, вы хорошо говорите; когда вы подымали руки къ небу, мнѣ казалось, что вы держали мое сердце въ вашихъ бѣлыхъ рукахъ, я была сьумасшедшая и этого не замѣчала. Хотите, я вамъ скажу, въ чемъ вы виноваты—въ томъ, что вошли вчера въ садъ, что со мной говорили. Еслибъ вы мнѣ ничего не сказали, я бы ничего и не знала. Вы бы уѣхали; я, можетъ быть, погрустила бы, но теперь я умру. Теперь, когда я знаю, что васъ

люблю, вамъ ѣхать нельзя. О чемъ вы думаете? Вы какъ будто меня не слушаете.

Эбенезеръ отвѣчалъ:

— Вы слышали, что вчера было сказано?

— Увы!

— Что жь дѣлать?

Съ минуту они оба молчали. Эбенезеръ продолжалъ:

— Мнѣ только одно и остается—уѣхать.

— А мнѣ—умереть. О! я желала бы, чтобы моря не было, а чтобы было одно небо. Мнѣ вѣжется, что это бы все примирило, мы бы отправились вмѣстѣ. Вамъ не слѣдовало говорить со мной. Зачѣмъ вы со мной говорили? Теперь вы не можете уѣхать. Что со мной будетъ? Я вамъ говорю, что я умру. Что вамъ будетъ за прибыль, когда я буду на кладбищѣ. О! мое бѣдное сердце! Я слишкомъ, слишкомъ несчастна. Однакожь, мой дядя не злой человѣкъ.

Это было въ первый разъ въ жизни, что Дерюшетта, говоря о месь Летгерри, называла его *моимъ дядей*. Донныѣ она всегда говорила: *мой отецъ*.

Эбенезеръ сдѣлалъ шагъ назадъ и подаль знакъ лодочнику. Послышался шумъ багра о камни и прыжокъ человѣка въ лодку.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала Дерюшетта.

Эбенезеръ подошелъ къ ней.

— Это необходимо, Дерюшетта.

— Нѣтъ, никогда! За машину! Развѣ это возможно? Видѣли ли вы вчера этого отвратительнаго человѣка? Вы не можете меня бросить. Вы умны, вы отыщете средство. Не можетъ быть, чтобы вы собирались уѣхать, и велѣли мнѣ придти сюда. Я вамъ ничего худаго не сдѣлала. Вы не можете жаловаться. Вы на этомъ кораблѣ хотите отправиться? Я этого не хочу. Вы меня не покинете. Неба не отворяють для того, чтобы снова запереть его. Я говорю вамъ, что вы останетесь. Да еще и часъ не насталъ. О! я люблю тебя.

И прижимаясь къ нему, она вѣрно обвила его шею руками, какъ-бы желая этими сложенными и перекрещенными руками сдѣлать, въ одно и то же время, цѣль Эбенезеру и молитву Богу.

Онъ высвободился изъ ея легкихъ объятій, несмотря на то, что что она противилась, сколько могла.

Дерюшетта опустилась на выпуклость утеса, покрытую плющомъ, и безотчетливымъ движеніемъ поднявъ рукавъ своего платья до локтя, показала свою обнаженную, прекрасную руку.

Неподвижный взгляд былъ отуманенъ слезами. Лодка приближалась.

Эбенезеръ взялъ ея голову въ обѣ руки; эта дѣвушка походила на вдовицу, а этотъ молодой человѣкъ—на дѣдушку. Онъ прикасался въ ея волосамъ съ какой-то благоговѣйной осторожностью, на нѣсколько мгновений приковался къ ней взоромъ, потомъ поцаловалъ ее въ лобъ, тѣмъ поцалуемъ, отъ котораго, кажется, должна бы народиться звѣзда, и голосомъ, въ которомъ дрожала неизъяснимая грусть и вмѣстѣ разставаніе души съ тѣломъ, онъ сказалъ ей роковое слово, это слово бездны:

— Прощай!

Дерюшетта разразилась рыданіями.

Въ эту минуту они услышали тихій и серьезный голосъ, который говорилъ:

— Отчего вы не женитесь?

Эбенезеръ обернулся. Дерюшетта подняла глаза.

Передъ ними стоялъ Жильятъ. Онъ вышелъ съ боковой тропинки.

Жильятъ былъ совершенно другой человѣкъ, чѣмъ вчера. Онъ причесался, выбрился, обулся, на немъ была бѣлая матросская рубашка съ большимъ отлогимъ воротомъ, онъ нарочно надѣлъ самое новое свое платье. На мизинцѣ у него было золотое кольцо. Онъ казался совершенно спокоенъ. Его загаръ принялъ багровый оттѣнокъ.

Болѣющая бронза—вотъ на что походило его лицо.

Они взглянули на него съ изумленіемъ. Хотя его трудно было признать, но Дерюшетта его узнала. Что касается до его словъ, то они были такъ далеки отъ ихъ настоящихъ мыслей, что совсѣмъ узколызнули отъ ихъ вниманія.

Жильятъ снова произнесъ.

— Какая вамъ нужда прощаться? Женитесь. Тогда вы уйдете вмѣстѣ.

Дерюшетта вздрогнула. Она дрожала съ головы до ногъ.

Жильятъ продолжалъ:

— Мнѣ Дерюшеттѣ двадцать-одинъ годъ. Она зависить только отъ себя. Ея дядя—ей только дядя. Вы другъ друга любите...

Дерюшетта перебила его и тихо спросила:

— Какимъ образомъ вы здѣсь?

— Женитесь, продолжалъ Жильятъ.

Дерюшетта начинала постигать, что говорилъ ей этотъ человѣкъ. Она пробормотала:

— Мой бѣдный дядя...

— До свадьбы онъ отказалъ бы въ своемъ согласіи, сказалъ

Жильяты:—послѣ свадьбы онъ согласится. Тѣмъ болѣе, что вы тотчасъ ѣдете. Когда вы возвратитесь, онъ проститъ.

Жильяты прибавилъ съ отгнномъ горечи:

— Къ тому же, онъ теперь ужъ ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ о перестройкѣ своего парохода. Это его займетъ во время вашего отсутствія. Дуранда его утѣшитъ.

— Я не желала бы оставить послѣ себя кому-нибудь горе, проговорила Дерюшетта, въ какомъ-то оцѣпененіи, въ которомъ слышалась радость.

— Оно не будетъ продолжительно, замѣтилъ Жильяты.

Эбенезеръ и Дерюшетта были какъ-бы въ столбнякѣ. Они теперь начинали приходить въ себя. По мѣрѣ того, какъ уменьшалось ихъ смущеніе, значеніе словъ Жильяты имъ становилось понятнѣе. Кое-что для нихъ оставалось еще въ туманѣ, но не имъ было сопротивляться. Легко поддаешься тому, кто спасаетъ. Не возражаешь, когда слова пускаютъ въ рай. Во всей позѣ Дерюшетты, слегка прижавшейся къ Эбенезеру, было что-то вполне согласное съ тѣмъ, что говорилъ Жильяты. Что же касается до загадочнаго присутствія этого человѣка и его словъ, которыя особенно поражали Дерюшетту, то это были вопросы второстепенные. Тотъ человѣкъ говорилъ имъ: Женитесь. Это было ясно. Если была отвѣтственность, онъ бралъ ее на себя. Дерюшетта смутно понимала, что по какимъ-то причинамъ онъ имѣлъ право на это. Что онъ говорилъ про месь Летьерри, было справедливо. Эбенезеръ пробормоталъ въ раздумѣ:—дядя, не отецъ.

Онъ покорился развращающему вліянію неожиданной, счастливой переменѣ. Всѣ сомнѣнія и возраженія, которыя могли ему представиться, какъ пастору, разрѣшались въ этомъ бѣдномъ влюбленномъ сердцѣ.

Голосъ Жильяты вдругъ сдѣлался отрывистъ и грубъ; въ немъ слышалась какъ-бы лихорадочная дрожь:

— Живо Черезъ два часа *Кашмиръ* отходить.—У васъ есть еще время, но немного; пойдите.

Эбенезеръ посмотрѣлъ на него со вниманіемъ.

Вдругъ онъ воскликнулъ:

— Я васъ узнаю. Вѣдь это вы спасли мнѣ жизнь!

Жильяты отвѣчалъ:

— Не думаю.

— Тамъ, на мысу Банковъ.

— Я не знаю этого мѣста.

— Въ тотъ день, какъ я пріѣхалъ.

— Зачѣмъ мы теряемъ время? сказала Жильяты.

— И я не ошибаюсь: вы герой вчерашняго вечера.

— Можетъ быть.

— Какъ васъ зовутъ?

Жильятъ возвысилъ голосъ:

— Перевозчикъ, подожди насъ. Мы сейчасъ возвратимся. Сударыня, вы меня спрашивали, какъ я здѣсь очутился; это очень просто—я шелъ за вами. Вамъ двадцать-одинъ годъ. Въ здѣшней странѣ, когда дѣвушка совершеннолѣтняя и зависить только отъ себя, свадьбу можно сдѣлать въ четверть часа. Пойдемте береговой тропинкой. Она безопасна, приливъ будетъ только въ полдень. Но нельзя терять ни минуты. Идите за мною.

Дерюшетта и Эбenezеръ, казалось, совѣтовались взглядами. Они стояли одинъ подлѣ другого, не шевелились; они словно ошьянѣли. Бываютъ такого рода странныя нерѣшимости на краю этой пропасти, счастья. Они понимали, не понимая.

— Его зовутъ Жильятомъ, сказала тихо Дерюшетта Эбenezеру.

Жильятъ продолжалъ съ нѣкоторой властью:

— Чего вы ждете? Я говорю, чтобы вы шли за мною.

— Куда? спросилъ Эбenezеръ.

— Туда.

И Жильятъ указалъ пальцемъ на колокольню церкви.

Они пошли за нимъ.

Жильятъ шелъ впереди. Его поступъ была тверда. Они же шатались.

По мѣрѣ приближенія къ колокольнѣ, на этихъ прекрасныхъ, непорочныхъ лицахъ Эбenezера и Дерюшетты все болѣе и болѣе показывалась улыбка. Близость церкви ихъ освѣщала блескомъ блаженства. Во впалыхъ глазахъ Жильята была ночная тьма.

Его можно было принять за призракъ, ведущій двѣ души въ рай.

Эбenezеръ и Дерюшетта не вполне отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что должно было произойти. Вмѣшательство этого чело-вѣка было для нихъ соломенной, за которую хватается утопающій. Они слѣдовали за Жильятомъ съ покорностью отчаянья. Кто чувствуетъ, что умираетъ, тотъ мирится со всѣми случайностями. Дерюшетта, болѣе неопытная, была и довѣрчивѣе. Эбenezеръ думалъ: Дерюшетта была совершеннолѣтняя. Англійскіе свадебные обряды очень просты, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ, гдѣ приходскіе ректоры имѣютъ почти независимую власть; но все же согласится ли дева въ обвинять ихъ, не спросивъ даже, согласенъ ли дядя? Это еще былъ вопросъ. Однакожь, можно было попробовать. Во всякомъ случаѣ, это была задержка.

Но что это былъ за человекъ? И если это въ самомъ дѣлѣ

тотъ, кого месь Летьерри вчера объявилъ своимъ зятемъ, то какъ объяснить его теперешній поступокъ? Онъ, преграда, превращался въ провидѣнiе. Эбенезеръ не сопротивлялся, онъ соглашался на все безмолвно, поспѣшно, какъ человекъ, чувствующій, что его спасаютъ.

Тропинка была неровная, мѣстами сырая. Эбенезеръ, погруженный въ думы, не обращалъ вниманiя ни на лужи, ни на обломки камней. Отъ времени до времени Жильятъ оборачивался и говорилъ Эбенезеру:

— Берегитесь этихъ камней, дайте ей руку.

III.

Предусмотрительность самоотверженiя.

Когда они входили въ церковь, была половина одиннадцатаго. По причинѣ ранней поры, а также и потому, что изъ города всѣ ушли въ этотъ день, церковь была пуста.

Однакожь, въ углубленiи, близъ стола, который въ реформатскихъ церквахъ замѣняетъ алтарь, виднѣлись три человекъ; то были деканъ, его дьячокъ и письмоводъ. Деканъ, который былъ достопочтенный Жюменъ Геродъ, сидѣлъ; остальные двое стояли.

На столѣ лежала открытая библiя.

Рядомъ лежала другая книга—метрическiй списокъ прихода, тоже открытая, и внимательный глазъ могъ бы замѣтить въ ней только что написанную страницу, на которой не просохли еще чернила. Подлѣ были перо и чернильница.

Видя входящаго въ церковь Эбенезера Кодрѣ, Жюменъ Геродъ всталъ.

— Я васъ жду, сказалъ онъ:— все готово.

Дѣйствительно, деканъ былъ въ облаченiи.

Эбенезеръ посмотрѣлъ на Жильята.

Деканъ прибавилъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, товарищъ.

И онъ повлился.

Этотъ поклонъ не подавался ни вправо, ни влѣво. Было очевидно по направленiю зрачка декана, что онъ видѣлъ только одного Эбенезера. Эбенезеръ былъ служитель алтаря и джентльменъ. Деканъ не включалъ въ свое привѣтствiе ни Дерюшетту, которая стояла рядомъ, ни Жильята, который стоялъ позади. Его взглядъ былъ вмѣстительнымъ знакомъ; въ которомъ заключался одинъ Эбенезеръ. Строгое соблюденiе подобныхъ отгвнковъ въ обращенiи поддерживаетъ порядокъ и благоустройство обществъ.

Деканъ продолжалъ съ пріятной, но гордой вѣжливостью:

— Товарищъ, я васъ вдвойнѣ поздравляю. Вашъ дядя умеръ, и вы женитесь; одинъ васъ обогатилъ, другая осчастливитъ. Впрочемъ, теперь, благодаря пароходу, который снова пустятъ въ ходъ, месь Летьерри тоже разбогатеетъ, я это хвалю. Месь Летьерри родилась въ этомъ приходѣ, я справился въ метрической книгѣ; она совершеннолѣтняя, и можетъ располагать собою; къ тому же ея дядя, который составляетъ всю ея семью, согласенъ. Вы желаете обвѣнчаться тотчасъ, потому что уѣзжаете, я это понимаю; такъ-какъ это свадьба приходскаго ректора, то мнѣ бы, конечно, хотѣлось побольше торжественности. Но чтобъ вамъ быть пріятнымъ, я сокращу церемоніи. Актъ уже написанъ и внесенъ въ книгу, остается только вписать имена. По закону и обычаю, вѣнчанье можетъ быть совершенно немедленно послѣ подписи акта. Огласка, требуемая порядкомъ, уже сдѣлана. Я беру на себя маленькую неправильность, потому что заявленіе о посяганіи на бракъ должно было быть внесено въ книгу за семь дней ранѣе; но я снисхожу къ крайности и необходимости вашего отъѣзда. Да будетъ такъ. Я васъ обвѣнчаю. Мой дьячокъ будетъ свидѣтелемъ жениха; что касается до свидѣтеля невесты...

Деканъ обернулся къ Жильяту.

Жильятъ кивнулъ головой.

— Этого достаточно, сказалъ деканъ.

Эбенезеръ молчалъ. Дерюшетта олицетворяла въ эту минуту окаменѣлый восторгъ.

Деканъ продолжалъ:

— Несмотря на все это, все же есть препятствіе.

Дерюшетта сдѣлала движеніе.

Деканъ продолжалъ:

— Посланный месь Летьерри, находящійся здѣсь на лицо, который просилъ для васъ позволеніе на бракъ и подписалъ объявленіе въ книгѣ—и деканъ большимъ пальцемъ лѣвой руки указалъ на Жильята, чтобъ не называть его по имени—этотъ посланный сказалъ мнѣ сегодня утромъ, что месь Летьерри слишкомъ занятъ, чтобъ придти самому, но желаетъ, чтобъ свадьба совершилась безотлагательно. Это желаніе, выраженное только словесно, недостаточно. Въ виду неправильности, которую я беру на себя, я не могу приступить къ вѣнчанію прежде, чѣмъ спрошу самого месь Летьерри, или хоть по крайней-мѣрѣ увижу его подпись. Какъ бы я ни былъ готовъ услужить вамъ, но я не могу довольствоваться одними словами. Мнѣ надо имѣть письменное доказательство.

— За этимъ дѣло не станетъ, сказалъ Жильятъ.

И онъ подалъ достопочтенному декану какую-то бумагу.

Деканъ схватилъ бумагу, пробѣжалъ ее глазами, и пропустивъ нѣсколько строчекъ, вѣроатно ненужныхъ, прочелъ вслухъ:

«Ступай къ декану за разрѣшеніемъ. Я хочу, чтобъ свадьба была какъ можно скорѣе. Самое лучшее было бы тотчасъ».

Онъ положилъ бумагу на столъ, и произнесъ:

— Подписано: Летьерри. Оно было бы почтительнѣе, еслибъ письмо было адресовано на мое имя. Но такъ-какъ дѣло идетъ о товарищѣ, я довольствуюсь этимъ.

Эбенезеръ снова посмотрѣлъ на Жильята. Бываетъ, что одна душа читаетъ другую душу. Эбенезеръ чувствовалъ, что тутъ есть ложь; но онъ не имѣлъ силы, а можетъ даже ему и въ голову не пришло обнаружить обмана. Повинуясь ли силѣ скрытаго отъ всѣхъ геройства, или отъ затмѣнія разсудка неожиданнѣмъ ударомъ счастья, но онъ не сказалъ ни слова.

Деканъ взялъ перо и съ помощью дьячка наполнилъ пробѣлы въ написанной уже страницѣ, потомъ онъ выпрямился и знакомъ пригласилъ Эбенезера и Дерюшетту приблизиться къ столу.

Церемонія началась.

Это была странная минута. Эбенезеръ и Дерюшетта стояли рядомъ передъ пасторомъ. Кто видѣлъ во снѣ, что онъ женится, тотъ чувствовалъ тоже, что они теперь чувствовали.

Жильятъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи за колоннами въ полумракѣ.

Дерюшетта, вставая утромъ, виѣ себя отъ отчаянья, думая о смерти и саванѣ, одѣлась вся въ бѣлое. Эта грустная идея была какъ нельзя болѣе встать теперь для свадьбы. Бѣлое платье—нарядъ невѣсты. Могила—то же вѣнчаніе.

Дерюшетта какъ-бы сіяла свѣтомъ. Она никогда не была тѣмъ, чѣмъ въ эту минуту. Она имѣла всегда недостатокъ быть слишкомъ хорошенькой, но не довольно прекрасной. Недостатокъ ея красоты, если это можно назвать недостаткомъ, заключался въ излишней граціи. Дерюшетта въ покойныя минуты, необуреваемая страстью или горемъ, была—мы уже упоминали эту подробность—въ особенности мила. Когда милая дѣвушка преобразается, то переходитъ въ идеаль дѣвицы. Дерюшетта, возвышенная любовью и страданіемъ, если намъ позволять такъ выразиться, получила это повышеніе; она была такъ же чиста, невинна, но съ болѣшимъ достоинствомъ, такъ же свѣжа, но съ болѣшимъ благоуханіемъ. Это была маргаритка, превратившаяся въ лилію.

Ея щоки были еще влажны отъ слезъ. Слеза еще, можетъ быть, скрывалась въ ея улыбкѣ. Осушенные слезы, еле примѣтныя—темный, но пріятный уборъ для счастья.

Деканъ, стоя у стола, положилъ палецъ на открытую библию и громко спросилъ:

— Нѣтъ ли препятствій?

Никто не отвѣчалъ.

— Аминь, сказалъ деканъ.

Эбenezеръ и Дерюшетта приблизились на шагъ къ достопочтенному Жавмэну Героду.

— Джо Эбenezеръ Кодрэ, желаешь ли ты имѣть супругой эту женщину?

Эбenezеръ отвѣтилъ:

— Желаю.

Деканъ продолжалъ:

— Дуранда-Дерюшетта Летьерри, желаешь ли ты имѣть мужемъ этого человѣка?

Какъ лампа гаснетъ отъ лишняго масла, такъ Дерюшетта изнемогада отъ избытка счастья. Она скорѣе пробормотала, чѣмъ говорила: «желаю».

Тогда, по прекрасному обряду англиканской церкви, деканъ посмотрѣлъ вокругъ себя, и во мракѣ церкви раздался этотъ торжественный вопросъ:

— Кто отдаетъ эту женщину этому человѣку?

— Я, сказалъ Жильять.

Настало молчаніе. Эбenezеръ и Дерюшетта почувствовали какой-то неясный, тяжелый гнетъ среди ихъ восторга.

Деканъ положилъ правую руку Дерюшетты въ правую руку Эбenezера, и Эбenezеръ сказалъ Дерюшеттѣ:

— Дерюшетта, я беру тебя женою себѣ, съ тѣмъ, что будешь ли ты лучше или хуже, богаче или бѣднѣе, больна или здорова, я буду любить тебя до смерти и въ томъ даю тебѣ клятву.

Деканъ положилъ правую руку Эбenezера въ правую руку Дерюшетты, и Дерюшетта сказала Эбenezеру:

— Эбenezеръ, я беру тебя себѣ мужемъ, съ тѣмъ, что будешь ли ты лучше или хуже, богаче или бѣднѣе, боленъ или здоровъ, я буду любить тебя и повиноваться тебѣ до смерти, въ чемъ и даю тебѣ клятву.

Деканъ спросилъ:

— Гдѣ кольцо?

Этого никто не ожидалъ. Эбenezеръ, застигнутый врасплохъ, не имѣлъ кольца.

Жильять снялъ съ мизинца золотое кольцо и подаль его декану. Вѣроятно, это было обручальное кольцо, купленное утромъ у ювелира въ Сен-Пьер-Портѣ.

Т. СLXVIII. — Отд. I.

Деканъ положилъ кольцо на книгу, потомъ подалъ его Эбенезеру.

Эбенезерь взялъ дрожащую лѣвую ручку Дерюшетты, надѣлъ кольцо на четвертый палецъ и сказалъ:

— Этимъ кольцомъ сочетаюсь съ тобою.

— Во имя Отца, и Сына и Святого Духа, произнесъ деканъ.

— Аминь, прибавилъ дьячокъ.

Деканъ возвысилъ голосъ:

— Вы—супруги.

— Аминь, произнесъ дьячокъ.

Деканъ сказалъ:

— Помолнмся.

Эбенезерь и Дерюшетта обернулись къ столу и стали на колѣни.

Жильятъ остался стоя, и лишь опустилъ голову.

Они преклонили колѣна передъ Богомъ; онъ преклонился передъ судьбой.

IV.

Твоей женѣ, когда ты женишься.

Выйдя изъ церкви, они увидѣли *Кашмиръ*, снаряжавшійся въ путь.

— Какъ разъ во-время, замѣтилъ Жильятъ.

Они направились по тропинкѣ, которая вела къ Гавлэ.

Они шли впереди, Жильятъ теперь шелъ позади.

Оба они были словно ясновидящіе. Только они, если можно такъ выразиться, перемѣнили родъ помѣшательства. Они не отдавали себѣ отчета ни гдѣ они, ни что дѣлають, а только машинально слѣшили куда-то; они забыли о существованіи всего на свѣтѣ, они не могли связать двухъ идей; они знали только, что теперь принадлежали другъ другу. Въ подобныя тревожно восторженныя минуты такъ же невозможно думать, какъ невозможно плыть среди бурчаго потока. Изъ бездны мрака они внезапно упали въ цѣлюю Ниагару радостей и блаженства. Они словно разомъ переселились въ рай. Они молчали, потому что ихъ души слишкомъ много говорили другъ другу. Дерюшетта сжала руку Эбенезера.

Порою шаги Жильята напоминали имъ объ его присутствіи. Они оба были глубоко троуты, но молчали: избытокъ чувствъ всегда разрѣшается столбнякомъ. Для нихъ этотъ столбнякъ былъ блаженствомъ, но онъ все же тяготилъ ихъ. Они были обвиняемы. Они уѣзжали, но они вскорѣ свидатся. Жильятъ поступилъ бла-

городно—вотъ и все. Они оба питали къ нему пламенную, не вполне сознаваемую благодарность. Дерюшетта чувствовала, что ей предстояло еще что-то распутать. Но пока они принимали свою участь съ благодарностью. Они чувствовали, что они въ полномъ распоряженіи этого рѣшительнаго человѣка, который своею властью упрочилъ ихъ счастье. Говорить съ нимъ, распришивать его было невозможно. Избытокъ впечатлѣній подавлялъ ихъ. Эта растерянность была въ нихъ понятна.

Событія иногда можно сравнить съ градомъ: они сыпятся на васъ, они васъ огорошиваютъ, оглушаютъ. Внезапность необычныхъ приключеній, вторгающихся въ мирное теченіе жизни, дѣлаетъ вскорѣ эти приключенія совершенно непонятными для тѣхъ, кто отъ нихъ страдаетъ или выигрываетъ. Самъ не понимаешь, что съ тобой творится. Раздавленъ, а самъ того не примѣчаешь, увѣнчанъ—а самъ не берешь въ толкъ. Въ особенности разнообразны были ощущенія Дерюшетты за эту послѣдніе нѣсколько часовъ: сперва блаженство, Эбenezеръ въ саду; затѣмъ кошмаръ, этотъ уродъ объявленъ ея мужемъ; далѣе отчаяніе, ея ангелъ готовъ было отлетѣть отъ нея, и теперь счастье, беспредѣльное счастье съ туманной далью: этотъ уродъ возвращаетъ ей ея ангела, этотъ Жильятъ, вчерашнее чудовище, сегодня является ея спасителемъ. Она не отдавала себѣ ни въ чемъ отчета. Очевидно, что Жильятъ съ утра имѣлъ одну заботу, какъ бы поскорѣе ихъ обвинчатъ; онъ все приготовилъ: видѣлъ декана, отвѣчалъ за Летгерри, подписалъ контрактъ. Вотъ какимъ образомъ могло уладиться дѣло. Но Дерюшетта не могла взять этого въ толкъ; впрочемъ, еслибъ она даже и поняла, какъ дѣло уладилось—она не никогда не поняла бы, почему оно такъ уладилось.

Закрѣвъ глаза, мысленно воздать хвалу провидѣнію, забыть и жизнь и землю, позволить этому доброму демону унести себя на небо—вотъ все, что ей оставалось дѣлать. Разъясненіе было бы слишкомъ длинно, а просто поблагодарить было бы слишкомъ мало. Она молча блаженствовала.

Въ нихъ оставалось почти лишь на столько сознанія, чтобы идти по дорогѣ. Подъ водою виднѣются частицы губки, которыя кажутся, по причинѣ серебристыхъ пузырьковъ, бѣлыми. Тамъ и они лишь на столько были свободны отъ помраченія, чтобы отличить море отъ земли, и Кашмиръ отъ другихъ судовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они были въ Гавлэ,

Эбenezеръ вошелъ первый въ лодку; Дерюшетта хотѣла послѣдовать за нимъ, но почувствовала, что ее удерживаютъ за рукавъ. Это былъ Жильятъ, осторожно коснувшійся пальцемъ до складки ея платья.

— Сударыня, сказаць онъ: — вы не ожидали такъ собраться въ путь. Я думалъ, что вамъ можетъ понадобится платье и бѣлье. Вы найдете на *Кашмиръ* сундукъ съ дамскими вещами. Этотъ сундукъ достался мнѣ послѣ покойной матери. Онъ предназначался моей женѣ. Позвольте предложить его вамъ.

Дерюшетта какъ будто очнулась отъ сна. Она обернулась къ Жильяту; Жильятъ продолжалъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Я не желаю васъ задерживать, но видите ли, сударыня, я полагаю, что мнѣ нужно объяснить вамъ. Въ тотъ день, когда случилось несчастье, вы сидѣли въ залѣ, и вы сказали одно слово. Вы не припоминаете этого, и немудрено: нельзя помнить всякое слово, что скажешь. Месь Летьерри былъ въ большомъ горѣ, и правду сказать, судно было прекрасное и приносило хорошую пользу. Случилась эта бѣда, всѣ были взволнованы. Все это, конечно, успѣли забыть. Не одно это судно погибло между скаль. Нельзя же все думать объ одномъ и томъ же. Только вотъ что я вамъ хотѣлъ сказать. Когда говорилосъ, что никого не найдется пойти туда, я отправился. Они говорили, что это невозможно; нѣтъ, не это было невозможно. Спасибо вамъ, что вы слушаете меня немножко. Если я отправился туда, то не для того, чтобы оскорбить васъ, сударыня. Впрочемъ, это началось прежде. Я знаю, вамъ теперь спѣхъ. Еслибъ поговорить, можетъ, и припомнилось бы, да что въ томъ проку. Все началось съ того дня, когда былъ снѣгъ. А потомъ какъ-то разъ я проходилъ мимо васъ, и мнѣ показалось, что вы улыбнулись. Вотъ и все объясненіе. А вчера я не успѣлъ зайти домой—я былъ, прямо съ работы, весь оборванный, я васъ перепугалъ, вамъ стало дурно, я былъ виноватъ, такъ не показываются въ люди, прошу васъ, не сердитесь на меня. Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать. Вы уѣзжаете. Погода хорошая. Вѣтеръ восточный. Прощайте, сударыня. Вѣдь я долженъ же былъ объяснить вамъ, не правда ли? Это послѣдняя минута.

— Я думала все объ этомъ сундукѣ, отвѣтила Дерюшетта.— Зачѣмъ же вы не сбережете его для вашей жены, когда вы женитесь?

— Сударыня, отвѣчалъ Жильятъ:—я вѣрно никогда не женюсь.

— Жаль. Вы такой добрый. Благодарю васъ.

И Дерюшетта улыбнулась. Жильятъ улыбнулся ей въ отвѣтъ. Затѣмъ онъ помогъ ей сойти въ лодку.

Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа, лодка, въ которой сидѣли

Эбenezеръ и Дерюшетта, подѣзжала къ стоявшему на рейдѣ *Каширу*.

V.

ВЕЛИКАЯ МОГИЛА.

Жильятъ направился берегомъ, быстро перешелъ въ Сен-Пьер-Поръ и продолжалъ путь все тѣмъ же берегомъ къ Сен-Сансону, избѣгая дороги, которая, благодаря ему, была полна прохожими.

Ему уже давно былъ извѣстенъ способъ пробираться невидимкой изъ конца въ конецъ страны. Онъ зналъ тропинки и проходы, которыхъ не зналъ никто другой; онъ имѣлъ всѣ дикія привычки существа, которое сознаетъ, что оно никому нелюбимо; онъ всегда старался быть недоступнымъ. Еще ребенкомъ, не встрѣчая сочувствія во взорахъ людей, онъ всегда держался въ сторонѣ; съ лѣтами эта привычка превратилась въ инстинктъ.

Онъ миновалъ Эспланаду, затѣмъ Салерію. Отъ времени до времени онъ оборачивался, чтобъ взглянуть на *Каширу*, только что поставившій паруса. Вѣтру было мало; Жильятъ подвигался быстрѣе *Каширы*; онъ шелъ по самой окраинѣ скалъ, омываемой моремъ. Начинался приливъ.

Вдругъ онъ остановился, и отвернувшись на минуту отъ моря, взглянулъ на дубовую рожицу, виднѣвшуюся изъ-за скалы, скрывавшей дорогу въ Валъ. Это было мѣстечко, носившее названіе Низкихъ-Домовъ. Тамъ, подъ этими деревьями, пальчикъ Дерешютты начерталъ когда-то на снѣгу его имя, *Жильятъ*. Давно уже, очень давно этотъ снѣгъ успѣлъ стаять.

Онъ продолжалъ свой путь.

День былъ восхитительный. Лучше этого дня еще не было въ этомъ году. Въ этомъ утрѣ было что-то брачное. Это былъ одинъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, въ которые май разорвется въ конецъ. Вся природа, кажется, занята этимъ праздникомъ, который задаетъ она сама себѣ. За всѣми возможными голосами — лѣса какъ и деревни, волны какъ и воздуха, слышалось воркованіе. Первые мотыльки на первыхъ розахъ. Все было новое въ природѣ — травы, мхи, листва, ароматы, лучи. Казалось, что солнца никогда прежде не было видно. Прибрежныя гальки были вымыты заново. Глубокая пѣсня деревьевъ была пѣта новорожденными птицами. Пожалуй, что яичная скорлупа, разбитая ихъ маленькими клювами, была еще съ ними въ гнѣздѣ. Вспархиваніе неокрѣвшихъ еще крылышекъ присоединялось къ трепету листвы. Шорохъ перваго полета сливался съ звуками первой пѣсни. Это

была очаровательная болтовня всѣхъ вдругъ — снигирей, щеглять, дятловъ, синиць, воробьевъ. Сирень, ландышъ, дафніи, глицины разнообразили свѣжую зелень растеній. Красивая, мелкая ряска, очень обыкновенная на Гернсеѣ, покрывала изумрудной пеленой поверхность воды. Трясогуски, въюція такіа излщія гнѣзда, полоскались въ этихъ водахъ. Въ просвѣтахъ густой листвы видѣлось синее небо. Нѣсколько бѣлыхъ облаковъ, граціозно извиваясь, преслѣдовали другъ друга, какъ шаловливыя нифмы. Казалось, что невидимыя уста обмѣнивались поцелуями. Каждая старая стѣна, словно молодой изъ-подъ вѣнца, щеголяетъ пучкомъ левкоя. Сливы были въ цвѣту, рагитникъ былъ также въ цвѣту. Эти бѣлыя и золотисто-желтыя пирамиды блестяли между вѣтвей деревьевъ. Казалось, весна высыпала всю свою сокровищницу серебра и золота въ прозрачную корзину лѣса. Молодые побѣги были совсѣмъ зеленые. Въ воздухѣ раздавались влики «добро пожаловать». Гостепріимное лѣто отрывало свои хоромы дальнимъ птицамъ. Это была пора прилета ласточекъ. Кисти диваго терновника окаймляли дороги въ ожиданіи кистей боярышника. Прекрасное и малое были въ добромъ сосѣдствѣ; гордое дополнялось граціознымъ, большое не стѣсняло малаго, ни одна нота не терлась въ общемъ хорѣ. Микроскопическія красоты занимали необходимые планы въ общей картинѣ; все было ясно, какъ въ прозрачной водѣ. Какой-то наплывъ силъ, какой-то таинственный избытокъ жизни заставлялъ угадывать скрытую, напряженную работу весеннихъ соковъ. Кто блисталъ — блисталъ больше, кто любилъ — любилъ лучше. Въ цвѣткѣ слышался гимнъ, изъ звука выходили лучи. Великая гармонія была разлита повсюду. Жизнь, только что пробудившаяся, состязалась съ жизнью, бывшею ключомъ. Каждый цвѣтокъ въ тайнѣ обѣщалъ плодъ. Дѣвственные сердца тревожно бились. Воспроизведеніе существъ, предопредѣленное всеобъемлющей душой вселенной, совершалось повсемѣстно. Все живущее заключало бравы. Было ясно, было свѣтло, было тепло; сѣвось изгороди мелькали группы рѣзвившихся дѣтей. Яблони, сливы, грушевыя и персиковыя деревья, были осыпаны бѣлыми или розовыми цвѣтами. Въ травѣ пестрѣли первоцвѣты ромашки, амариллисы, гадцента, фіалки, вероники. Золотистыя букашки сновали между камнями. Подснѣжные покрывали своими пурпуровыми цвѣтами соломенныя крыши. Пчела была за работой. Воздухъ былъ полонъ ропота моря и жужжанія насѣкомыхъ.

Когда Жильятъ дошелъ до Сен-Сансона, приливъ еще не достигъ глубины залива, такъ что онъ могъ перебраться пѣшкомъ подъ самыми стѣнами чинившихся кораблей. Рядъ плоскихъ

камней, разбросанных на небольших расстояниях одинъ отъ другого, облегчаетъ эту переправу.

Никто не замѣтилъ Жильята. Народъ столпился на другомъ концѣ порта. Тамъ его имя было на всѣхъ устахъ. О немъ такъ много говорили, что на него не обращали вниманія. Онъ прошелъ такъ-сказать подъ прикрытіемъ толковъ и шума, произведеннаго его возвращеніемъ.

Онъ издали увидѣлъ ботъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ бросилъ якорь, увидѣлъ трубу и четыре цѣпи, увидѣлъ рабочихъ, сбѣпившихся вокругъ машины, услышалъ веселый, громкій голосъ Летьерри, распорядившагося работами.

Онъ вошелъ въ переулокъ. Ни одного встрѣчнаго, всѣ были въ гавани. Жильятъ направился вдоль низенькой стѣны сада. Онъ остановился около угла, кое-гдѣ заросшаго дикимъ просурнякомъ; онъ увидѣлъ снова тотъ камень, на которомъ сидѣлъ; увидѣлъ скамью, на которой сидѣла Дерюшетта; увидѣлъ снова дорожку, на которой тогда обнялись двѣ тѣни.

Онъ продолжалъ свой путь. Онъ поднялся на холмъ Вальскаго замка и спустился съ него, направляясь къ Бю-де-ла-Рю.

Гуме-Паради было пустынно.

Онъ засталъ свой домъ въ томъ же видѣ, въ какомъ оставилъ его, отправляясь утромъ въ Сен-Пьер-Поръ.

Одно окно было открыто. Въ него виднѣлась его волынка, повѣшенная на гвоздь на стѣнѣ.

На столѣ лежала маленькая библія, подаренная Жильяту однимъ незнакомцемъ, который былъ Эбенезеръ.

Ключъ былъ въ двери. Жильятъ подошелъ къ двери, заперъ ее на два обора, положилъ ключъ въ карманъ, и пошелъ далѣе.

Онъ направился къ морю.

Онъ прошелъ діагональю черезъ садъ, не обращая вниманія на клумбы, но избѣгая наступить на жимолость, которую онъ посадилъ, потому что ее любила Дерюшетта.

Онъ перелѣзъ черезъ ограду и спустился на прибрежныя скалы.

Онъ направился по узкой грядѣ каменьева, соединявшей Бю-де-ла-Рю со скалой, называемой Рогъ, на которой находилось кресло Гильд-Гольм-Урь.

Онъ шагаль съ одного камня на другой, какъ гигантъ по вершинамъ горъ. Дѣлать эти шаги по хребтамъ камней, было почти такъ же трудно, какъ идти по коньку крыши.

Одна рыбачка, бродившая съ сачкомъ въ водѣ, и уже возвращавшаяся на берегъ, крикнула ему въ слѣдъ: «Берегитесь! Море идетъ».

Онъ продолжалъ свой путь.

Достигнувъ скалы Рогъ, образующей оконечность узкой косы, онъ остановился. Здѣсь начиналась вода.

Онъ оглянулся.

Въ открытомъ морѣ стояло нѣсколько барокъ на якорѣ. Онѣ выѣхали на ловлю. Отъ времени до времени по нимъ пробѣгали серебрянныя, свергавшія на солнцѣ струйки. Это вытягивали изъ воды сѣти. *Каширъ* еще не былъ на высотѣ Сен-Сансона—онъ поднялъ марсель. Онъ былъ теперь между Гермъ и Жету.

Жильятъ обогнулъ утесъ. Онъ добрался до той природной лѣстницы въ скалѣ, которая вела къ креслу Гильд-Гольм-Урь, и по которой, мѣсяца три тому назадъ, онъ помогъ сойти Эбеневеру. Онъ взомель на нее.

Почти всѣ ступеньки были уже подъ водою. Только двѣ-три оставались сухи. Онъ взомель по нимъ. Онъ добрался до кресла, взглянулъ на него, приложился ладонью къ глазамъ, провель ея отъ одной брови къ другой — жестъ, которымъ какъ будто отталкиваютъ отъ себя прошлое—и усѣлся на этомъ уступѣ, имѣя отвѣсный утесъ за спиною и океанъ подъ ногами.

Въ эту минуту *Каширъ* проходилъ мимо круглой, приземистой, словно затонувшей въ морѣ башни, съ одинакимъ сторожемъ и одинокой пушкой. Башня эта означаетъ полдороги между Гермъ и Сен-Пьер-Поромъ.

Надъ головой Жильята, въ разцелинахъ скалы, трепетали, словно вздрагивали, какіе-то цвѣты. Вода, на сколько видѣлъ глазъ, была лазуреваго цвѣта. Такъ-какъ вѣтеръ былъ восточный, то на Сергѣ, видимомъ только съ западной стороны, не было видно буруновъ. Вдали виднѣлись берега Франціи, въ видѣ неяснаго тумана, и длинная желтая полоса песковъ Кортре. Порою мелькали въ воздухѣ бѣлые мотыльки. Они любятъ носиться надъ моремъ.

Вѣтерокъ былъ едва примѣтенъ. Эта лазурь неба и вода была неподвижна. Никакое волненіе не измѣняло очертавіи свѣтлыхъ, темныхъ, синихъ полосъ, означавшихъ отмели и болѣе глубокія мѣста.

Каширъ, чтобы захватить болѣе вѣтру, поставилъ всѣ марсалисели. Онъ весь завернулся въ паруса. Но такъ-какъ вѣтеръ былъ косой, то онъ долженъ былъ пройти вдоль самого берега. Онъ оставилъ за собою Сен-Сансонъ, миновалъ замокъ Валь. Онъ теперь долженъ былъ обогнуть косу Бю-де-ла-Рю.

Жильятъ слѣдилъ за нимъ.

Воздухъ и волны, казалось, дремали. Приливъ набѣгалъ не волною, а вздувался незамѣтно для глазъ. Вода прибывала безъ колебанія. Сдержанный ропотъ океана походилъ на лепетъ ребѣнка.

Изъ гавани Сен-Сансона долетали глухіе удары молотка. Это плотники хлопотали о поднятіи машины. Эти звуки едва долетали до Жильята изъ-за скалы, прислонившись къ которой онъ сидѣлъ.

Кашмиръ подвигался незамѣтно, какъ привидѣніе.

Жильять ожидалъ.

Тихій всплескъ и внезапное ощущеніе холода заставили его взглянуть внизъ. Вода подступила къ его ногамъ.

Онъ глянулъ на мгновеніе внизъ, и снова поднялъ голову.

Кашмиръ былъ совсѣмъ близко.

Обрывъ, въ которомъ дожди промыли кресло Гильд-Гольм-Урь, былъ такъ отвѣсенъ, и море въ этомъ мѣстѣ такъ глубоко, что суда могли проходить въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ утеса.

Кашмиръ поровнялся. Онъ словно выросъ изъ воды и вытянулся, какъ тѣнь. Снасти отчетливо выступали на синемъ фонѣ неба. Длинные паруса, залитые розовымъ свѣтомъ солнца, казались прозрачными. Волны съ тихимъ ропотомъ разступались передъ носомъ. Этотъ величественный силуэтъ скользилъ, не встрѣчая никакого препятствія. Вся палуба была какъ на ладонѣ.

Кашмиръ, можно сказать, чуть не задѣлъ скалу.

Лодманъ былъ у румпеля; юнга лѣзъ на ванты; нѣсколько пассажировъ, облокотившись на бортъ, любовались ясностью утра; капитанъ курилъ. Но не это обратило на себя вниманіе Жильята.

На палубѣ былъ уголокъ, весь залитый солнцемъ. Туда-то обратилъ онъ свои взоры. Тамъ были Эбенезеръ и Дерюшетта. Они жались другъ къ другу, какъ двѣ птички, грѣющіяся въ лучахъ полудня, на маленькой скамейкѣ съ клеенчатымъ навѣсцемъ, какія всегда можно видѣть на англійскихъ судахъ, и на которыхъ врасуется подпись «for ladies only». Голова Дерюшетты лежала на плечѣ Эбенезера, рука Эбенезера обхватывала талию Дерюшетты. Они сидѣли рука въ руку. Эти два существа, созданныя изъ самой невинности, отличались другъ отъ друга, какъ могли бы отличаться два ангела. Въ ней было болѣе дѣвственнаго, въ немъ болѣе звѣзднаго. Ихъ чистыя объятія были особенно выразительны. Это былъ весь гименей, и вмѣстѣ вся стыдливость. Эта скамья была уже альковъ и почти гнѣздо. Въ то же время это была слава, тихая слава любви, убѣгающей отъ кого-то на облагѣ.

Тишина была небесная.

Во взорахъ Эбенезера сіяло блаженство, уста Дерюшетты шевелились, и среди этой тишины, въ то самое мгновеніе, когда *Кашмиръ* поровнялся съ Гильд-Гольм-Уромъ, Жильять услышалъ нѣжный, гнѣдой голосъ Дерюшетты, которая сказала:

— Посмотри, кажется, на скалѣ сидитъ человѣкъ.

Это видѣніе промелькнуло.

Каимиръ миновалъ косу Бю-де-ла-Рю, и разсѣкая передъ собою волну, вышелъ въ море. Черезъ какія-нибудь четверть часа, его мачты и паруса представлялись въ видѣ обелиска на горизонтѣ. Жильятъ былъ по колѣно въ водѣ.

Онъ слѣдилъ за удалявшимся судномъ.

Въ открытомъ морѣ вѣтеръ посвѣжѣлъ. Жильятъ могъ видѣть, какъ на *Каимиръ* подняли ундер-лисели и кливеръ, чтобы воспользоваться вѣтромъ. *Каимиръ* уже вышелъ изъ гернсейскихъ водъ. Жильятъ не спускалъ съ него глазъ.

Вода была ему по поясъ.

Приливъ быстро прибывалъ. Время летѣло.

Чайки съ беспокойствомъ летали вокругъ него. Казалось, онѣ хотѣли предупредить его. Быть можетъ, между ними были его старыя знакомцы съ Дувровъ.

Прошелъ часъ.

Вѣтеръ, дувшій въ открытомъ морѣ, не долеталъ до рейда, но *Каимиръ* быстро удалялся. Онъ летѣлъ со всей возможной быстротою. Онъ былъ теперь на высотѣ Каскетъ.

У подошвы утеса Гильд-Гольм-Уръ не было вовсе пѣны. Ни одна волна не ударялась въ его гранитныя стѣны. Море тихо вздувалось. Теперь вода была Жильяту по плечи.

Прошелъ еще часъ.

Каимиръ вышелъ уже изъ водъ Ориньи. На минуту онъ скрылся за утесомъ Ортахъ. Потомъ снова появился, какъ послѣ затмѣнія. Онъ бѣжалъ на сѣверъ. Онъ вошелъ въ открытое море. Онъ представлялся въ видѣ свѣтлой точки, свергавшей подъ солнечными лучами.

Птицы съ тревожнымъ крикомъ кружились надъ Жильятомъ.

Изъ воды выставлялась только его голова.

Море росло съ зловѣщимъ спокойствіемъ.

Жильятъ, неподвижный, невозмутимый, не терялъ изъ виду *Каимира*.

Приливъ почти достигъ своего предѣла. Приближался вечеръ. За спиною Жильята, нѣсколько рыбацкихъ судовъ возвращались въ гавань.

Жильятъ не спускалъ глазъ съ корабля.

Этотъ неподвижный взоръ не имѣлъ ничего подобнаго себѣ на землѣ. Въ этомъ трагически-спокойномъ зрачкѣ было что-то невыразимое. Въ этомъ взорѣ можно было прочесть и несбывшіяся мечты, и угрюмую покорность выпавшей долѣ. Такимъ взоромъ слѣдять за падушею звѣздой. Отъ времени до времени,

надъ нависшими бровями этихъ уставившихся въ одну точку глазъ, пробѣгала какая-то небесная тѣнь. Между тѣмъ, какъ необозримая водная пелена тихо подымалась вокругъ Гильд-Гольм-Ура, невозмутимое спокойствіе мрака застилало глубокой взоръ Жидьята.

Кашмиръ теперь представлялся неяснымъ пятномъ, тонувшимъ въ туманѣ. Нужно было знать: гдѣ онъ, чтобъ найти его.

Мало-по-малу, это пятно, лишенное всякаго очертанія, стало блѣднѣть.

Потомъ оно стало еще меньше.

Потомъ оно разсѣялось.

Въ то мгновеніе, когда корабль исчезъ на горизонтѣ, голова скрылась подъ водой. Осталось одно безпредѣльное море.

К о н е ц ъ .

БАРЧУКИ.

КАРТИНЫ ПРОШЛАГО, БЕЗЪ ПЛАНА И СВЯЗИ.

Schönes Leben! Süßze Gewohnheit des Daseins und Treibens...

(Goethe).

I.

Нашъ Илья-Муромецъ.

Исторія застаётъ меня курносимъ и черномазымъ мальчуганомъ съ взъерошенными волосами, въ холстинковой рубашкѣ безъ пояса, въ башмачонкахъ съ опустившимися до полу чулками. Лобъ у меня былъ крутой и круглый, какъ согнутое колѣно, глазѣнки калмыцкіе, но черные и угольные, волосы вились и путались. Ходилъ я, посматривая изподлобья и выпятивъ животъ, словно беременная баба; ногами шмыгаль, а руками цѣплялся за все, мимо чего проходилъ. Звали меня собственно Гриша, но этого христіанскаго названія ни я, ни вы, читатель, ни разу не могли бы услышать за безчисленнымъ множествомъ вличекъ и сокращеній, влючь къ которымъ извѣстенъ былъ только Богу, да мнѣ.

Зналъ я тогда, что живу въ Лазовкѣ, что папенька—баринъ, а мы барчуки, маменька—барыня, а сестры барышни; что у насъ есть лакеи, дѣвки, дворня и мужики. Цѣну нашей Лазовки я полагалъ въ миліонъ; въ это заблужденіе ввелъ меня одинъ разъ всеобщій нашъ споръ между собою, при участіи обѣихъ нянекъ, Матвѣевны и Натальи. Илюша говорилъ, что тысяча, Матвѣевна — что сто тысячъ, а Боря отстаивалъ, что миліонъ. Онъ былъ старшій, и мы ему повѣрили.

Я вѣрилъ, что нѣтъ вещи выше нашего дома, кромѣ трехъ итальянскихъ тополей, стоявшихъ передъ балкономъ въ саду. Эти тополи носили у насъ человѣческія названія: жиденскій и пониже назывался отецъ Симеонъ, толстій и высокій—дьяконъ,

а третій, слегка растрепанный, почитался за дьяча. Въ нашихъ глазахъ очертанія ихъ имѣли разительное сходство съ фигурами деревенскаго причта.

Папеньку я считалъ страшнѣе и могущественнѣе всѣхъ людей, и признавалъ за нимъ безусловное право всѣмъ приказывать и всѣхъ наказывать. Даже при мечтаніяхъ объ опасности войны, меня долго успокаивала мысль, что французы меня не смѣютъ убить; потому что я папенькѣ скажу.

Идеаломъ физической силы и безстрашія я признавалъ брата Петра, который очень часто выворачивалъ мнѣ руку и давалъ тумака между лопатокъ. Про Петрушу мы знали нѣсколько древнихъ сагъ, прославлявшихъ его храбрость: онъ схватилъ за горло огромную лохматую овчарку, сорвавшуюся съ цѣни; онъ вышибъ кулакомъ дверь чулана, въ который его заперли за наказаніе, и много другихъ. Про Петрушу мы очень любили разспрашивать няньку Наталью, сравнивая его съ различными другими, пугавшими насъ существами. Такъ мы спрашивали ее: «кто сильнѣе—тридцать разбойниковъ или Петруша?» или «кто, няня, побѣдитъ: два медвѣдя, пять львовъ и китъ, или Петруша?»

Иногда же, въ припадкѣ пытливости, приходилось сочетать вмѣстѣ вещи, совершенно ужъ неподходящія, напримѣръ: «кто кого одолѣетъ—три волка, семь разбойниковъ и привидѣнье, или Петруша?»

Поэтому, когда Петрушу папенька свѣлъ въ кабинетъ — намъ это казалось чѣмъ-то несбыточнымъ, противоестественнымъ, и мы напряженно ожидали какого-нибудь происшествія, какой-то опасности для папеньки и торжества петрушиной силы. Петруша увѣрялъ насъ, что у него все желѣзное, что ему небольно отъ розогъ; мы ему почти вѣрили, потому что онъ никогда не кричалъ подъ розгами, а только какъ-то глухо рычалъ. Его свѣли довольно часто, а за молчанье еще поворачивали розги другимъ концомъ, то-есть корнями, что несравненно больнѣе, какъ мнѣ извѣстно по опыту.

Петруша былъ нелюдимъ съ большими: съ папенькой, съ маменькой и съ гостями. Гостей онъ просто ненавидѣлъ, особенно франтовъ. Во время пріѣзда ихъ, онъ обыкновенно стоялъ въ спальнѣ за дверью и смотрѣлъ въ щелку; повременамъ онъ отбѣгалъ отъ щелки, держась обѣими руками за носъ и фыркая отъ смѣха. Если пріѣзжалъ чужой мальчикъ, красиво одѣтый и говорящій пофранцузски, то Петруша вводилъ его куда-нибудь во флигель или на гумно, и тамъ билъ и общипывалъ, надсмѣхаясь надъ его модничаньемъ. То же дѣлалъ онъ, если кто-нибудь изъ насъ наряжался въ модное платье. Сильнѣе всего онъ не-

навидѣлъ воротнички, манжетки и французскій языкъ. Все это виѣстъ онъ называлъ *подлостью*, и готовъ былъ за это заплевать и избить всякаго изъ насъ.

Петруша былъ очень некрасивъ собою; лобъ еще круче и шишковатѣе, чѣмъ у меня, глаза еще уже и дальше другъ отъ друга, носъ картошкою, скулы азиатскія, самъ широкій, сутуловатый, руки тяжелыя и всегда грязныя.

Когда мать подходила къ нему съ ласкою или брала его за руку, онъ хмурился, потуплялся, вырывался прочь и даже отталкивалъ ее, не подымая глазъ, бормоча только: «да ну-те васъ!»... Его трудно было любить старшимъ.

Но среди братьевъ онъ былъ въ большомъ почетѣ и любви; его всѣ считали добрымъ и великодушнымъ.

Добра онъ не имѣлъ никакого: ни книги, ни бумаги, ни ящичка, и очень мало игрушекъ; онъ и не любилъ собирать ничего.

Послѣ обѣда, завтрака, ужина и во время двухъ чаевъ, Петруша обыкновенно выходилъ на двѣичье крыльцо съ кусками хлѣба, молокомъ, костями и помоями, и начиналъ свистѣть и кричать, сзывая дворовыхъ собакъ. Онъ ихъ очень любилъ, и его первое наслажденіе было одѣлать ихъ кормомъ. За то онъ всегда провожали его гурьбою въ поле, въ олешникъ, купаться, или когда онъ просто гулялъ по двору. Онъ такъ любилъ собакъ, что цаловалъ дворняшекъ прямо въ носъ и клалъ ихъ съ собою на постель.

Если гдѣ нибудь въ избѣ или на кухнѣ сунуть собаку кочергою или прищемить хвостъ — Петруша былъ виѣ себя, бросалъ свои занятія и мчался черезъ весь дворъ на защиту пса. Помню, какъ мнѣ досталось отъ него за то, что я свистомъ созвалъ къ крыльцу собакъ и не бросилъ имъ ѣсть.

— Ты зачѣмъ же звалъ ихъ? спросилъ онъ у меня, блѣднѣя.

— Да такъ, поласкать!...

— Нужны имъ очень твои мерзкія ласки, вотъ же тебѣ! — вывернулъ мою ручонку, поставилъ къ себѣ спиною, да какъ треснетъ промежъ лопатокъ въ хребетъ...

Съ тѣхъ поръ никогда мы не смѣли являться къ собакамъ, безъ хлѣба.

Любилъ онъ еще ходить въ конюшни по стойламъ, зналъ всѣхъ лошадей по имени, и по малѣйшимъ примѣтамъ могъ рассказать все обо всякой, не только упряжной, но и табунной.

Когда мы рисовали или вырѣзали штучки изъ бумаги, Петруша только и рисовалъ, и рѣзалъ, что лошадей съ жеребятами.

Еще была у него одна странная привычка: онъ очень любилъ сильный вѣтеръ; какъ только подымется, особенно осенью —

выбѣжить сейчасъ на выгонъ безъ шапки, сломаешь огромную ракитовую вѣтку съ листьями и держать на вѣтру, чтобы шумѣла и качалась; иногда натываетъ нѣсколько штукъ такихъ вѣтокъ въ землю, отойдетъ и любуется цѣлый часъ — какъ онѣ гнутся по вѣтру.

Учился онъ очень лѣниво, и его трудно было засадить за учење. Гувернантки боялись его дерзости, маменька знала его упорство, а жаловаться папенькѣ нельзя было ежедневно. Отъ французскаго просто наотрѣвъ отказывался, и насъ заставлялъ неучиться, потому что, говорилъ онъ, мы русскіе, а не французы.

Какъ только завидить изъ класса, что черезъ дворъ ѣдутъ мужики съ возами — сейчасъ выбѣжить на крыльцо и начать травить мужицкихъ собакъ своими. Зрѣлище собачьей драки доводило его до лихорадочнаго восторга. Онъ зналъ на память всѣхъ сосѣднихъ собакъ, помнилъ всѣхъ скольконибудь замѣчательныхъ проѣзжихъ собакъ, и умѣлъ рассказывать намъ про ихъ силу и драки прежняго времени столько интереснаго, что этими рассказами болѣе всего заставлялъ любить себя.

Всякая собака у него словно подъ номеромъ была, по крайней-мѣрѣ мы были убѣждены, что его классификація собакъ и лошадей цѣлаго околodeга—была совершенно безошибочна.

Къ нему мы обращались за разрѣшеніемъ всѣхъ сомнѣній въ этой сферѣ, и усумниться въ его приговорѣ для насъ казалось немислимымъ. Даже своихъ куколь-лошадей приносили мы къ нему, чтобы онъ рѣшилъ, какой конь быстрѣе или красивѣе, или сильнѣе; по его указанію мы среди куколъ своихъ признавали одного первымъ жеребцомъ, другого вторымъ, третьимъ и т. д. Это утверждалось на вѣкъ; всѣ мы покорялись безусловно; ронять никто думать не могъ. Когда привозились куколы изъ Коренной или Курска, то прежде всего онѣ должны были подвергнуться освашенію отъ Петруши: всѣ бѣжали къ нему съ желаніемъ задобрить въ свою пользу и выманить благопріятный отзывъ о своихъ куклахъ.

«Петя, посмотри пожалуйста—миѣ купили разнощива; какъ его назвать?»—«Покажи-ка сюда!» возьметъ посмотреть:—«назови его Селифанъ».—«Значить, онъ, Петя, здоровый?»—Петя опять посмотреть, повернетъ въ разныя стороны: «да, это, братъ, здоровый; это будетъ теперь третій силачъ!»—«Значить, сильнѣе Ильюшинаго Василья?»—Вѣжишь сейчасъ къ Ильюшѣ, весь ликующій: «братцы, слышали? Ильюшинъ Василій четвертый силачъ, а мой Селифанъ третій».—«Нѣтъ, врешь; кто сказалъ?»—«Ей-богу, Петруша сказалъ».—«Нѣтъ, ты врешь; Петруша миѣ самъ сказалъ, что

мой третій силачъ». — «Ахъ врешь, мой третій! — нѣтъ, мой!» — и опять бѣгутъ къ Петрушѣ, суятъ ему наперерывъ обѣ кулы: «Петя, кто сильнѣе: Василій, или его новыи разношникъ?» Петя опять смотритъ и вертитъ, и рѣшительно говорить: «разношникъ сильнѣе; видишь, какой онъ плотный и кулакъ какой!» — «Да какъ же, Петя, сравни-ва плеча; вѣдъ у моего гораздо шире?» — Петя сравнитъ: «плеча-то шире, да мало бы что! онъ поплотнѣе будетъ; видишь, какой здоровый. А твой за то сильнѣе всѣхъ остальныхъ, твой четвертый силачъ!» И отойдутъ отъ него: одинъ торжествующій, другой — глубоко огорченный.

II.

ОБРАЩЕНІЕ ВЪ ХРИСТІАНСТВО.

Съ гувернантками и гувернерами у насъ были самыя враждебныя отношенія; мы между собою раздѣлили весь домъ на два народа: одинъ *мы*, маленькіе, то-есть *наказываемые*; другіе — *они*, большіе, или *наказывающіе*. Мы составляли изъ себя *республику семибратку* (потому что насъ было семь братьевъ), и вождемъ нашимъ былъ атаманъ — Боря.

Это все выдумывали старшіе братья, а мы только безхитростно исповѣдовали этотъ символъ вѣры. Сестры относились нами къ большимъ, потому что не годились къ намъ въ казаки. Гувернантки и учителя, вѣроятно, перемѣнялись очень часто и, вѣроятно, были очень скверны, если сколько нибудь довѣрять миеологическимъ воспоминаніямъ своимъ. На зарѣ исторіи, приблизительно въ эпоху троянской войны, вспоминается мнѣ какой-то несчастный Адольфъ Федоровичъ, нѣмецъ въ короткомъ табашномъ плащѣ. Его имя и табашный плащъ казались Петрушѣ, поэтому и всѣмъ намъ, чѣмъ-то до такой степени жалкимъ, смѣшнымъ и противнымъ, что убѣжденіе это надолго вросло въ наши головы абсолютною аксіомою. Намъ казалось, что больше нѣмецинства не могло содержаться ни въ одномъ другомъ имени и ни въ какомъ другомъ плащѣ. Адольфъ Федоровичъ имѣлъ жену Марью Леонтьевну и коричневую старую собачку на низенькихъ лапкахъ, въ родѣ табурета, съ отвислымъ брюхомъ. Всѣ они жили въ диванной, и у Амишки на грязной подушкѣ мы постоянно видѣли разноцвѣтныхъ пицавшихъ щенятъ. Амишку мы также, конечно, ненавидѣли, считали ее нѣмецкой собакой, слѣдовательно полною дрянью, и при всякомъ случаѣ напускали на нее свою обожаемую Орельку. Адольфа Федоровича мы главнымъ образомъ ненавидѣли за то, что онъ ни разу не свазалъ

ни одного слова порусски и пытался насъ, казаковъ-семибратцевъ, сдѣлать нѣмцами. Передъ классами онъ водилъ насъ гулять на полчаса и былъ чрезвычайно акуратень и строгъ. Не успѣемъ, бывало, мы раззудить руки, какъ уже слышимъ анаоемское: Kinder! nach Hause! Этого мы ему никогда не могли простить и считали время его правленія за самое несчастное для насъ.

Скоро послѣ того, уже не въ такомъ туманѣ, представляется мнѣ Степанъ Федоровичъ, русскій учитель, вѣроятно изъ бурсаковъ, съ синею опухшею губою, толстый и грубый, одѣвавшійся какъ лакей. Его воспитаніе памятно для меня лично по одному немаловажному обстоятельству.

Первый разъ привели меня къ нему учиться грамотѣ. Мнѣ стало извѣстно о грозящей мнѣ участи дня за четыре, отъ старшихъ братьевъ. Они очень стращали меня рассказами объ ученьѣ и о томъ, что дѣлають обыкновенно учителя; всѣ ихъ ковы были раскрыты мнѣ въ очію, противъ всякихъ обычныхъ козней я былъ заботливо предупрежденъ и вообще начиненъ полнымъ зарядомъ страха и ненависти къ ученью вообще и къ учащимъ въ особенности. За два дня до кризиса я не выдержалъ и сталъ прятаться подъ кровать, гдѣ лежалъ животомъ на пыльномъ полу и давилъ пальцемъ влоповъ; первый день я пролежалъ такъ до двухъ часовъ, но по какому-то случаю не былъ никѣмъ замѣченъ.

На другой день, я опять залѣзъ подъ кровать, и съ сжатымъ сердцемъ вслушивался въ шумъ шаговъ. Когда классъ начался, стали вливать меня. Я придвинулся къ стѣнѣ и притаялъ дыханіе. По всѣмъ комнатамъ бѣгали сестры, гувернантки, мать, и громко кричали мое имя; забѣгали не разъ и ко мнѣ въ комнату, но опять сейчасъ же уходили. Я лежалъ, припавъ лицомъ къ стѣнѣ, и зажмуривъ глаза, ничего не помня отъ сраха. Надъ моими ушами разсылали дѣвокъ за мной во флигель, въ садъ, но я не давалъ голоса. Слышно было, какъ потребовали изъ класса братьевъ, стали ихъ спрашивать, повели къ отцу, слышенъ былъ какой-то зловѣщій крикъ, шумный разговоръ, объясненія. Наконецъ по корридору зашумѣли шаги, много народу идетъ ближе и ближе къ моей маленькой дѣтской, въ которой жилъ только я съ Ильюшею. Маменькинъ голосъ впереди всѣхъ, съ нимъ смѣшивается визгливый голосъ Ильюши. Ильюша былъ только годомъ старше меня, но гораздо способнѣе и учился съ старшими братьями и даже лучше всѣхъ ихъ. Онъ былъ очень ядовитъ и болтливъ на языкъ, безсиленъ, но большая злючка и замѣнялъ силу своею вертлявостью и назойливостью. Ему доста-

вляло нѣкоторое удовольствіе видѣть несчаствіе когонибудь изъ братьевъ, и онъ умѣлъ смѣяться весьма обидно для насъ. Оттого мы его звали *жмлою*, *змѣйкою*, *капкою* и т. п. Ему доставалось часто отъ Петруши и Борьки, но онъ никогда не уступалъ никому, и съ нимъ было страшно схватываться. Всѣ мы знали, какъ въ одной знаменитой борьбѣ его съ Петрушею, когда этотъ совсѣмъ смялъ и уже душилъ его, Ильюша прокусилъ ему до крови животъ и тѣмъ вырвался изъ Петрушинныхъ лапъ. Оба они были тогда же высѣчены, но Ильюшу мы особенно боялись трогать послѣ этого случая. Ильюша стоялъ вообще нѣсколько особнячкомъ среди другихъ братьевъ; былъ очень честолюбивъ и любилъ самостоятельность; всегда находилъ неудобства въ планахъ атамана, старался сдѣлать по своему, черезъ что не проходило съ нимъ почти часу безъ ссоры и брани. Онъ ругался и спорилъ такъ визгливо, что какъ бубенчикомъ покрывалъ всѣ наши голоса, а отъ злости у него слюни такъ и брызгали изъ рта. Онъ еще маленькій, почти на рукахъ, въ бѣшенствѣ выдиравъ себѣ волосы и катался по полу, по разсказамъ Матвѣевны. Видъ имѣлъ Ильюша худенькій; глаза голубые, блондинъ самый нѣжный и вмѣстѣ блѣдный, синія жилы такъ и просвѣчивались сквозь кожу. А учился такъ отлично, что Петрушѣ послѣ каждаго класса хотѣлось его за это побить. Петрушѣ, упорно враждовавшему съ ученьемъ, особенно не нравилось, что Ильюша, какъ злой хвастуншба, всегда высказывалъ впередъ, съ своимъ знаніемъ; Петя, бывало, не успѣеть рта раскрыть, а Ильюша ужъ наговорилъ съ три короба; и какъ все помнилъ, бездѣльникъ! Девяти лѣтъ нѣсколько томовъ Карамзина самъ прочелъ и все слово въ слово разсказывалъ.

— Вонъ онъ, подъ кроватью! прожогъ идругъ меня измѣнительскій голосъ Ильюши.

Чья-то сердитая рука схватила меня за ногу; приподняли висѣвшій край одѣяла, и много лицъ нагнулось ко мнѣ подъ кровать. Я смутно слышалъ кругомъ хохотъ, угрозы, уговоры, но инстинктивно рѣшился защищаться до послѣдняго. Отчаянно обнявъ обѣими руками ножку кровати, я попробовалъ прыгаться и кричать, какъ только могъ. Послѣ я не помню, что было; какаютужасная, тяжелая греза. Кричащаго, барахтающагося и падающаго на полъ, меня таки притащили къ Степану Федоровичу и сдали ему на руки.

III.

Навѣгъ черевцовъ.

— Братцы! скорѣй пойдѣмте нападать! дѣвки несутъ себѣужинать!...

Петруша говорилъ это, запыхавшись, съ жаромъ въ лицѣ и съ какою-то строгою озабоченностью во взглядѣ. Онъ только что вбѣжалъ со двора. Мы всѣ сидѣли внизу, около круглаго стола и сонливо суслили пальцами уголки истрепанныхъ грамматикъ и географій. Завтра былъ урокъ учителя, за которымъ ѣздили въ городъ. Дядька Софонъ дремалъ подь монотонное чириванье сверчка, въ полусумракѣ нагорѣвшей сальной свѣчки. Однако, корпусъ свой онъ держалъ прямо, будто неспящій, и только медленно подавался имъ впередъ, слегка полевывая носомъ.

Всѣ разомъ были на ногахъ. Дѣло было слишкомъ знакомое, чтобы нуждаться въ планѣ и распоряженіяхъ. Петруша бѣжалъ впередъ, словно боясь утратить одну минуту, въ какомъ-то сосредоточенномъ увлеченіи. Никто ничего не говорилъ. Тяжелая дверь нижнихъ сѣнецъ отворилась съ трескотнею и шумомъ, болтая привязанными къ блоку кирпичами. Синяя холодная ночь съ мелкими звѣздами, будто наполненная стоящими въ воздухѣ морозными иглами, пахнула въ наши жаркія лица, завянувшія отъ сидѣнія надъ книгой въ тепло-наполенной комнатѣ. Бодростью и свѣжестью кольнуло во всѣ жилки. Снѣгъ лежалъ сплошною матовою глыбою между строеній усадьбы. Выше его было что-то густое, черное, еще выше голубое, но глазъ ничего не могъ хорошо разсмотрѣть. Озябшіе худые сапожонки проворно заскрипѣли по снѣгу...

Въ строеніяхъ мелькали огни, рѣдкіе, красноватые... Чья-то черная фигура двигалась отъ застольной къ дому, не столько видимая, сколько чуемая и слышимая... Ильюша! вырывай хлѣбъ, а я валить буду... прошепталъ свѣшнымъ голосомъ Пьерръ. Весело билось сердеченко! Чудилось, будто мы хищные горцы, страшные и непобѣдимые разбойники, отъ которыхъ спасенія нѣтъ, которыхъ нельзя ни поймать, ни предупредить никакими силами. Зябко и забористо было нестись въ одной рубашонкѣ по этимъ глубокимъ, бѣлымъ сугробамъ, вѣрнко стиснутымъ теперь ночнымъ морозомъ, къ которымъ едва приставала тонкая подошва. Кулачонки горѣли и зудѣли, прося боя, въ груди стучало мелкою дробью отъ нетерпѣнія и волненія.

— Тсс... Бросайся!...

— Смерть или копелекъ! раздается отчаянный голосъ:—руби, коли, сарынь на кичку! подхватываютъ другіе голоса; и въ то же время испуганный крикъ: ахъ, мои батюшки! да что же это такое... И въ то же мгновеніе, чужая черная фигура разомъ опрокидывается затылкомъ назадъ, раздаются вопль, плескъ выроненныхъ щей; въ воздухѣ какъ цѣпа, взмахиваютъ проворные кулаки:

трахъ-трахъ!... Какая-то другая фигура съ крикомъ мчится на помощь, но уже кулаки, сапожки и разгоряченныя груди мгновенно разсыпались въ стороны и несутся назадъ черезъ снѣгъ, какъ степные жеребята, веселые и ликующіе.

— Я отбилъ хлѣбъ! шепчетъ чей-то торжествующій голосъ, когда шайка вбѣжала по высокому крыльцу въ темныя сѣни передней.

— Дай мнѣ откусить! Дай и мнѣ!... Протягиваются многочисленныя руки, и кусокъ получерстваго кислаго хлѣба переходитъ отъ одного рта къ другому. Всѣ жуютъ его съ какимъ-то наслажденіемъ, какъ что-то необыкновенно дорогое и вкусное. Ни одно бушанье за ужиномъ не стѣется съ такимъ аппетитомъ. Своя добыча, своєю кровью куплена; запрещенный плодъ, не входящій въ официальную программу ѣды; ѣшь не хлѣбъ, а горделивое сознаніе своей удали и независимости. Братцы! я сорвалъ съ нея платокъ!... говоритъ Петруша:—его надо бросить куда нибудь, чтобы не нашли у насъ.—Ну, ужъ досталось ей! Я ее такъ грохнулъ, что нескоро подымется.—Сдержанный, но радостный хохотъ шайки отвѣчаетъ Петрушѣ.—Петя, вѣдь это Василиса? пицить тоненькій и взволнованный голосенокъ.

— Василиса... Ты развѣ не видѣлъ, какал огромная... Она у нихъ самая силачка, а небось шлепнулаеь не хуже всякой Федосьи-восолапки!

— А какъ я ее, Петя, по плечу треснулъ! продолжаетъ тотъ же голосенокъ... Будеть меня помнить! счастье ея еще, что не въ високъ пришлось, а то бы я ее на мѣстѣ уложилъ... И маленький вулаченокъ, величиною въ куриное яйцо, грозно потрясса среди толпы.

На дворѣ между тѣмъ слышенъ громкій, безпокойный разговоръ и ругательства.

— Братцы, теперь надо на нижнюю дѣвичью напасть; онѣ теперь ужинають.

— Ого-го! вотъ какъ мы ихъ! заливаясь счастливымъ смѣхомъ пицить тотъ же дѣтскій голосенокъ.—Надо вѣдь, Петя, сначала ночники потушить...

— Петя, хочешь я потушу ночникъ? вызывается Ильюша.

— Ну, хорошо, ты сначала одинъ пробрадешься въ нижнюю дѣвичью, чтобы никто тебя не видалъ; а мы спрячемся кругомъ. Какъ задунешь ночникъ, мы сейчасъ вкрякнемъ и бросимся на нихъ...

— Вотъ это отлично, вотъ такъ молодець, Петя, виѣ себя отъ радости шепталъ тоненькій голосокъ.—Ну, ужъ я имъ теперь задамъ! будутъ мои вулачища помнить... А не взять ли мечи?

— Гдѣ теперь за мечами ходить! мы и безъ мечей зададимъ имъ баню. Только ужь, ребята, не даваться въ плѣнъ, до послѣдней капли крови биться.

Голосенокъ волновался какъ въ лихорадкѣ.

— Клянусь тебѣ, Петя, что я живой не отдамся въ плѣнъ... Слышите же, братцы, не выдавать другъ друга... Надо, Петя, на мечѣ поглядѣться... давайте, братцы, на мечѣ поглянемся...

— Тсс... Она подходитъ къ лѣстницѣ... Ты за ея платьемъ вползи... Никго не увидитъ... командоваль Петруша Ильюшѣ.— Валяй, ребята... Не отставать!

Опять проворно заскрипѣли по морозу частые шаги, и семь черкесовъ перемахнули съ передняго крыльца за дѣвичье, откуда спускалась крутая лѣстница въ каменную, почти подземную комнату со сводами, такъ-называемую нижнюю дѣвичью. Тамъ была столовая и спальня почти всѣхъ дѣвокъ. Другая дѣвичья, почище, была наверху, въ обычномъ мѣстѣ. Василиса, ворча и ругаясь, сходила по скрипучимъ ступенькамъ, а за нею, изогнувшись какъ хорекъ и прикрываясь тѣнью ея платья, ползъ на четверенкахъ нашъ Ильюша. Мы смотрѣли на него издали съ уваженіемъ и трепетомъ, какъ на безстрашнаго абрека, проникающаго въ нѣдра непріятельскаго стана. Двое насъ помѣстились у входа, двое подъ овнами, еще двое посланы были черезъ верхнія сѣни зайти сънутри дома. Дрожа отъ холода, переминаясь съ ноги на ногу, мы пристыли жадными глазами къ сценѣ, открывавшейся передъ нами. Мы безъ слѣда забыли въ эту минуту свои уроки, свои низъ, гнѣвъ маменьки, ужинъ, холодъ. Точно волчата, подергавшіеся въ стаду, мы горѣли однимъ неудержимымъ желаніемъ — ринуться въ битву. Удаля просилась наружу, побѣждая холодъ и страхъ. Нижняя дѣвичья была вся объята краснымъ свѣтомъ топившейся печки. Широкая, раскаленная пастъ ея то и дѣло глотала охапки золотистой соломы, которую бросала дѣвушка, топившая печь.

Съ веселымъ и говорливымъ трескомъ коробились, дымились и потомъ всплывали языками эти соломенные груды. Высоко гудѣло въ трубѣ вылетавшее пламя и его красный свѣтъ, то сползалъ, то опять расползался вверхъ по темнымъ сводамъ; за нимъ то словно гнались, то словно убѣгали отъ него чернιά тѣни, смотря по тому, ослабѣвало или разгоралось пламя.

Штубъ пятнадцать дѣвушекъ сидѣли въ разныхъ мѣстахъ на лавкахъ, сундукахъ и табуреткахъ за прѣлками и тѣцкимъ станкомъ. Прѣлки дружно вертѣлись и гудѣли; ноги дѣвокъ ходили ходенемъ. Громкій, почти врывливый разговоръ заглушалъ и шумъ прѣлокъ, и трескъ горѣвшей соломы... Всѣ кричали и го-

ворили разомъ. Посрединѣ стоялъ столъ съ чашкою горячихъ щей, ложками и хлѣбомъ... На столѣ закопченный, дымящій ночникъ. Василиса рассказывала, стоя у стола и махая руками... Нашъ Ильюша уже лежалъ подъ столомъ, не шевелясь ни однимъ мускуломъ... Такая отрадная противоположность между этою жарко-наполенною, залитою свѣтомъ комнатою, этимъ теплымъ ужиномъ и шумнымъ работающимъ многочисленнымъ, и съ другой стороны между этою онѣмѣвшею, застывшею отъ холода, ночью, темною, безпріютною и безжизненною... Морозъ пробираетъ все злѣе и злѣе; на кончикахъ пальцевъ, словно деревяшки повисли... Вотъ бы теперь къ печкѣ, ва солому!... Чего же это Ильюша ждетъ, не тушить?

— Петя! холодно... жалобно пищалъ недавно еще задорный голосъ...

Ему нѣтъ отвѣта.

— Петя! слышался съ другой стороны... что, намъ еще стоять? или домой?

Отвѣта нѣтъ...

Свѣтъ подъ окнами поскрипываетъ какъ-то нетерпѣливо и часто... открытое бездонное небо все крѣпче и крѣпче тянетъ и высасываетъ всякій теплый вздохъ, всякій случайный слѣдъ земнаго тепла... У окна кто-то глубоко закашлялъ...

— Тсс... тсс!...

Вдругъ красныя обна потухли; раздался рѣзкій стукъ.

Обѣ двери, внутреннія и надворныя, распахнулись настезъ. «Ура—а!» загремѣло въ темнотѣ...

— Смерть злодѣямъ!...

Тяжело пѣвалилась какая-то скамейка, затрещала опрокинутая прялка, кто-то взвизгнулъ, кто-то ругнулъ, на столѣ что-то зазвенѣло. «Батюшки! да что же это такое? Вѣдь это разбой просто»... вопилъ неистовый голосъ...

— Трахъ-трахъ! Валяй, ребята!

— Нѣтъ пардону! запищалъ другой отчаянный голосъ.

— Держите ихъ, дѣвушки! дверь заприте! Понесемте ихъ къ барынѣ... слышалось въ промежуткахъ всеобщей стукотни и крика...

— Щи прольете, баловники!... Да что же это, право, такое... Бѣгите за барыней, Матрена...

И опять: трахъ... трахъ!...

— Не выдавайте, ребята!... меня наверхъ тащутъ!

— Охъ, господи... убили совсѣмъ, озарники этикіе... Охъ, да чѣмъ же это онъ!...

— Братцы, Костю потащили... Костю отбивать! кричить запыхавшійся Петруша.

Свалка дѣлается всеобщая. Не видя и не помня ничего, махаешь кулачонками, вцѣпляешься въ платья, ухватываешься за притолки... Какія-то тяжелыя, неповоротливыя туловища придавливаютъ тебя то къ стѣнѣ, то другъ къ другу, какія-то грубыя руки ташутъ и отрываютъ тебя! Захваченные куски хлѣба, раскрошившись, высыпаются изъ твоихъ стиснутыхъ пальцевъ; на щеки чувствуешь жгучую боль, ссадивъ кожу о камень стѣны. Кто-то локтемъ ударилъ подъ лѣвое ребро; головѣ душно и тѣсно подъ тяжестью навалившихся и обступившихъ кругомъ большихъ людей...

— Ура! Смерти или живота! кричить опять разъяренный голосъ Петруши, сопровождаемый оханьемъ, стонами, бранью и громомъ паденья... Убилъ совсѣмъ... ахъ, мои матушки... да онъ никакъ палкой бьетъ... что же это только барыня смотритъ?

— Ура! не отдамся живой. Помоги, Петя! кричитъ Костя, тщетно барахтаясь въ рукахъ четырехъ здоровыхъ дѣвокъ, ужь притащившихъ его къ внутренней лѣстницѣ.

Опять охи, крикъ, ругня, опять кто-то упалъ затылкомъ о полъ. Это Петруша съ двумя братьями освобождалъ Костю.

— Отбили, отбили!... Спасайся кто можетъ!

Побѣжали назадъ къ наружному ходу. Дѣвка, загородившая дверь, была во мгновение опрокинута; по ея трупу хищники прорвались къ лѣстницѣ.

— Братцы, меня схватили!... горько завопилъ тоненькій голоносокъ. Но уже было поздно; Петруша и за нимъ всѣ мы неслись къ своему низу, за переднее крыльцо, горячіе и встрепаанные, ничего болѣе не слыша.

Маменька торопливыми шагами спускалась въ нижнюю дѣвичью со свѣчей и двумя дѣвками...

IV.

Чики-чики-чики!

«Медиоланъ, Миланъ на рѣгѣ Оланѣ... Лоди, на рѣгѣ Аддѣ, гдѣ дѣлается славный сыръ пармезанъ!...» прилежно вытягивалъ Ильюша, развалившись на стулѣ и стараясь громкимъ голосомъ скрыть волненіе крови, отъ котораго еще не успѣло успокоиться его сердце.

«Аршинъ, алтынъ, кадетъ, турокъ...» подъячковски распѣвалъ Костя, также качаясь и стуломъ и корпусомъ, заткнувъ пальца-

ми уши и глядя въ потолокъ. Но его багровое, вспотѣвшее и встревоженное лицо комически противорѣчило этимъ тщетнымъ усиліямъ придать себѣ видъ невиннаго школьника.

Петруша сидѣлъ блѣдный и озабіи; только калмыцкіе глаза его сурово свергали. Онъ мычалъ что-то полатинѣ, угрюмо склоняя *amargantus viridis*. Около глаза его красѣла царапина.

Всѣ мы были заняты самымъ серьезнымъ и дружнымъ манеромъ; о битвѣ не было и помину. Гулъ отъ зубрениа разбудилъ дядьку Софона, который никакъ не могъ понять, съ чего это мы такъ жарко вдругъ принялись за уроки, но во всякомъ случаѣ похвалилъ насъ за это.

— Вотъ умники, господа... такъ-то лучше. И маменькѣ вашей пріятности больше будетъ, коли учитель останется доволенъ... Безъ ученя господамъ нельзя; безъ ученя только нашему брату-хаму, рабамъ вашимъ въ пору, потому мы ваши рабы, вы наши господа. Вотъ что...

«Удино; близъ него находится селеніе Кампоформіо, гдѣ былъ заключенъ миръ въ 1797 году», ткнулъ Ильюша.

«Res, res, rei, rem, re... rem, res...» тѣжко гудѣлъ Петруша, закрывъ ладонью книжку и отвѣчая себѣ на память.

На узкой лѣстницѣ скрипѣли медленные и тяжелые шаги и шелестили знаменья юбки.

«Пьяченца, древняя Плазенціо», выкрикивалъ Ильюша, учащая темпъ и усиливая тонъ, сѣрые глаза его испуганно косились на дверь. Мы забарабанили дружнѣе и громче, но у всякаго на душѣ лежало что-то очень зловѣщее, и всѣ мы съ замираніемъ сердца оправляли волосы и платье, не переставая однако выкрикивать урокъ.

— Скажите, пожалуйста, какими невинными усѣлись! раздался надъ нашими ушами розовой голосъ.— Какъ будто ни въ чемъ не бывало; прилежаніе, подумаешь, какое вдругъ нашло. Этимъ меня не проведете — не безпокойтесь.

Мы сидѣли, потупя голову, боясь взглянуть на маменьку всѣ, кромѣ Ильюши.

— Что такое, маменька? удивленно спросилъ онъ.

— Онъ еще спрашиваетъ. Прошу покорно! Въ нижней дѣвчѣй кто сейчасъ былъ?

— Въ нижней дѣвчѣй? почти оскорбленно повторилъ Ильюша, даже привставъ со стула. Онъ казался крайне недоумѣвающимъ и обиженнымъ.

— Ну да, ну да, въ нижней дѣвчѣй. Вѣдь вы всѣ сейчасъ бѣгали въ нижнюю дѣвчѣю! настаивала мать.

— Мы? въ нижней дѣвчѣй? продолжалъ изумляться Ильюша

съ видомъ самой простодушной искренности:—Да мы цѣлый вечеръ здѣсь внизу сидѣли, мамаша, хоть у Софона спросите... Мы къ завтраму уроки учимъ.

— Мы даже и не выходили ни разу; какъ же бы мы могли, мамаша, раздѣвшись выйти? заговорили всѣ мы, ободренные наглѣмъ запрятельствомъ нашего хитро-умнаго Улисса, и въ первый разъ осмѣливаясь взглянуть на маменьку.

— Это точную правду они докладывать изволятъ, сударыня, доложилъ Софонъ, стоявшій у печки въ почтительной позѣ, съ заложенными назадъ руками.

— Да какъ же ты это говоришь, старый, когда мнѣ всѣ дѣвки сейчасъ сказали; я сама въ нижней дѣвичьей была, всю эту гутерьму еще застала.

— Что вы, сударыня, сумлѣваться изволите? Слѣпой я, что ли? День-деньской таи съ ними сижу; какъ же мнѣ не видать? Эти полоумныя брешутъ, зря; не изъ чего вашу милость беспокоятъ. Я и самъ не покую ребѣнка, коли что вижу; а напраслину взводить зачѣмъ же? Напраслину негодится взводить.

Къ несчастію, въ это время маменька взглянула на Петрушу. Царапина подъ глазомъ сдѣлалась у него совсѣмъ пунцовая и проступала кровью; рукавъ его бешметка былъ оторванъ почти совсѣмъ, и изъ-подмышки упорно выглядывали бѣлые клочки рубашки, несмотря на всѣ старанья Петруши придавить ихъ плечомъ.

— Ахъ вы, негодяи, негодяи... проговорила мать, укоризненно качая головою.—Встань и подойди сюда...

Пьеръ всталъ, оскорбленный, понуря голову, неуклюже и неохотно. При этомъ движеніи рукавъ сползъ до половины руки и обнаружилъ уже на чистоту мокрую отъ пота рубашку. Въ то же время мы всѣ увидѣли, что лѣвый бортъ Пьерова сюртучка висѣлъ, какъ ухо лягавой собаки на третьей петлѣ.

— Господи, Господи! въ ужасѣ говорила мать, всплескивая руками:—на что ты только похожъ? Гдѣ ты могъ такъ убраться?

Пьеръ стоялъ къ ней немного бокомъ и что-то глухо мычалъ, словно обиженный.

— Весь испариванъ, изорванъ, измазанъ! продолжала между тѣмъ мать, разсматривая его въ неописанномъ огорченіи:—подумаютъ, что ты съ кошками на крышѣ дрался...

— М-м... м-м... ворчалъ Пьеръ, вздергивая правымъ плечомъ, какъ-бы желая отодвинуть имъ досадную ему рѣчь.

Потомъ подняли меня съ моимъ ссаднемъ на щекѣ, съ мокрыми сапожонками, оттаявшими отъ снѣга въ теплой комнатѣ; подняли Костю, оказавшагося безъ праваго сапога, оставленнаго

имъ въ добычу дѣвкамъ, и съ окровавленными зубами, которые онъ показалъ только послѣ разныхъ молчаливыхъ увертокъ, будучи наконецъ вынужденъ заговорить, слѣдовательно раскрыть свои ротъ.

У хитроумнаго Улисса были открыты и тщательно обслѣдованы продранныя, въ пыли испачканныя, колѣнки, на которыхъ онъ съ такимъ самоотверженіемъ подкрадывался къ ночнику; а также и слѣды коноплянаго масла на рубашкѣ, которое онъ нечаянно пролилъ изъ того же знаменитаго ночника. Но всѣ эти, сами по себѣ убѣдительныя доказательства, были ничто въ сравненіи съ послѣднимъ убійственнымъ доводомъ, который былъ открытъ маменькою ранѣе всѣхъ другихъ, но, по жестокосердію ея, былъ прибереженъ намъ на закуску.

Когда привели въ маменькину спальню нашу скорбную колонну, со всѣми ея знаками недавняго отличія на фізіономіяхъ и одѣяніяхъ — мы вдругъ увидѣли у большаго маменькинаго кресла заплаканную бѣлобрысую фигуру нашего храбреца Саша, попавшаго въ плѣнъ при всеобщемъ отступленіи. Его пухлыя щоки, измазанныя въ мѣлу и въ пыли, приняли несказанно, жалобное выраженіе; голубые, смѣлые глазенки его глядѣли тускло и скучно; смѣшная нижняя губа какъ-то горько подбиралась въ ротъ, и крупныя слезы капали изъ глазъ на полъ. Обѣими руками онъ бережливо держалъ верхній край панталонъ своихъ, кои, увы, не сохраняли уже прежняго дѣвственнаго вида своего, но краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, что ихъ неприкосновенность попорана, ихъ честь запятнана навѣки. Сашу высѣли. Мы это узнали всѣ въ одинъ мигъ, взглянувъ на его огорченную рожицу и на его сконфуженную позу. Ужасная мысль оледенила сердца наши. На диванѣ лежали связанные въ пучокъ отвратительныя ракивовые побѣги, созданныя Творцомъ на погибель и посрамленіе всего мальчишечьяго рода. О, для чего земля родить ихъ и дожди ихъ поливаютъ?

Толпа дѣвокъ съ разбитыми въ кровь губами, съ синяками подъ глазами, опростоволошенныя, въ изорванныхъ платьяхъ и фартукахъ, стояла здѣсь, причитывая, рассказывая, жалуясь, плача, упрашивая. Мы ничего не слышали. Мы стояли рядышкомъ у стѣны, сосредоточенныя на одномъ ужасномъ видѣннн. Упреки маменьки, вопли и жалобы дѣвокъ — все это носилось около насъ какою-то тяжкою, туманною атмосферою, въ которой нельзя было ничего разглядѣть. Мы чувствовали, что все кончено, что усилія тщетны, и судьба неизбѣжна. Вопросъ только въ томъ: маменька или папенька? Слабый лучъ надежды мелькалъ намъ въ лицѣ Саша; по его антуражу можно было догадываться, что маменька.

Но съ другой стороны, какой смысл имѣть этотъ гнѣвный отвѣтъ дѣвущикѣ, послышавшейся намъ изъ кабинета: «хорошо, сейчасъ приду!» Куда *приду*, и что *хорошо*?

Костя уже нюнить, потерявъ стыдъ и надежду. *Илюша* растерянно облизывается и жуётъ свои губы, чтобы не закапать слезами. Петруша стоитъ въ мрачномъ отчаяннѣ, какъ обреченный адскимъ богамъ. У меня на сердцѣ что-то болѣзненно поднимается и надрывается, въ глазахъ какой-то горячій песокъ, и какое-то томительное нутье въ наиболѣе заинтересованныхъ партіяхъ организма.

Маменька—еще бы ничего! Она обыкновенно водить за руку, а ты пляшешь кругомъ. При такомъ методѣ, при всей безконечной свѣрности его, есть все-таки нѣкоторое утѣшеніе, частью въ извѣстной самостоятельности движеній, возвышающей тебя нравственно, частью въ удачныхъ уклоненьяхъ отъ града частыхъ, но не очень сильныхъ ударовъ. Съ помощью нѣкоторой опытности, мы сноровились придавать своему организму такой уголъ отклоненія и такое быстрое вращеніе, которые значительнымъ образомъ подрывали вредоносность маменькиныхъ стремленій. Наконецъ крикъ и просьбы играли важную роль.

Но—ссылаюсь на безпристрастіе читателей—что можетъ сдѣлать самый гибкій, самый опытный въ подобныхъ экспериментахъ организмъ, очутившись на особо-устроенномъ для него матрацѣ, въ опрокинутомъ на носъ положеніи, лишенный всѣхъ покрововъ, дарованныхъ человѣку природою на защиту отъ мраза и тѣлесной скорби? Даже ногамъ не удается ни разу брыкнуть для отпариванья наносимыхъ ударовъ. При описываемомъ методѣ—мрачной принадлежности папенькинаго кабинета—остается опереться только на внутреннія силы своего духа и страдать какъ Цезарь, молча считая удары, завернувшись въ свою тогу... Да! когда бь хотъ тогу!...

Эти мысли неотступно занимали умы всѣхъ насъ, всѣхъ, кромѣ Саши, для котораго ранѣ насъ наступила извѣстность и успокоительная опредѣленность положенія.

Папенька или маменька? Бѣгать или лежать? стучало у насъ въ груди и головѣ.

Въ корридорѣ послышались тяжелые и рѣшительные шаги. Мы вздрогнули.

— Папенька, не маменька! глухо промчалъ Петя, словно въ отвѣтъ на безмолвные запросы нашихъ сердецъ, и будто разомъ освободясь отъ мученій неизвѣстности, спокойно сложилъ на груди свои руки.

— Пошелъ за мной въ кабинетъ! раздался строгій голосъ.—
Аринка, позови Никанора!

Петруша пошелъ быстро, развязно и смѣло.

Онъ показывалъ этимъ свое полное презрѣніе къ замышляемой противъ него обидѣ, свою казацкую храбрость и безбоязненность. Дверь кабинета затворилась; мы слышали, какъ, ступая на носки грубыхъ сапогъ своихъ, вошелъ туда Никаноръ. Слухъ нашъ сдѣлался тонокъ, какъ у асновидящихъ, насчетъ всѣхъ другихъ способностей и чувствъ. Глухой ревъ раздался-было изъ кабинета, и тотчасъ же стихъ. Пьеръ вспомнилъ, что онъ желѣзный, что онъ не долженъ кричать. Прошло нѣсколько минутъ.

«Подай еще розогъ!» раздался грозный голосъ. Тишина не прерывалась; только сдавленный гулъ едва слышно долеталъ до нашихъ ушей.

Странныя мысли занимали обыкновенно мою голову всякій разъ, какъ мнѣ приходилось мучительно ожидать своей очереди. Желанье спастись отъ грядущей чаши доходило до такой силы, что фантазія прибѣгала для его осуществленія къ гомерически-нелѣпнымъ средствамъ. То я въ пыли угла, гдѣ стою, нахожу вдругъ безцѣнный алмазъ и прячу его тайкомъ въ кулакъ; меня ведутъ въ кабинетъ, и я слѣдую, какъ будто ни въ чемъ не бывало, торжествуя въ душѣ побѣду; вотъ раздѣваютъ меня. «Отпустите меня!» восклицаю я, повелительно; никто не слушаетъ, хотять меня власть. И вдругъ—рука моя раскрывается, алмазъ засверкалъ... «Прочь, возьмите этотъ брильянтъ, и больше не касайтесь меня!» Всѣ въ неопisanномъ изумленіи и восторгѣ; разумѣется, я свободенъ, меня съ триумфомъ окружаютъ братья.

Или вдругъ представится, что я—плѣнный рыцарь, что 12 удалыхъ товарищей ждутъ уже подъ окнами моего сигнала. Не успѣлъ Никаноръ прикоснуться ко мнѣ—раздается свистъ. Окна съ шумомъ распахиваются, двери слетаютъ съ петель, и мои витязи, потрясая сѣкирами, врываются въ комнату. Коли, руби!...

Еще мечталось часто, что какой-то волшебникъ, давно подмѣтившій мою необыкновенную доброту и хорошо знающій мою невинность, какимъ нибудь самымъ замисловатымъ манеромъ, и въ самую опасную минуту является неожиданнымъ защитникомъ. «Оставьте его, я его покровитель!» объявляетъ онъ остолбенѣвшей публикѣ и простираетъ надо мною свой жезлъ.

Но за то, о, читатель, сугубо больно и оскорбительно возвращаться къ неумолимой дѣйствительности послѣ этихъ сладкихъ грезъ, успѣвшихъ хоть на нѣсколько минутъ искреннѣйшимъ образомъ убаюкать напуганное сердце.

«Приведите сюда Ильюшу!» послышалась новая команда, отъ

звука которой я разомъ потерялъ всякую вѣру въ волшебника, въ двѣнадцать рыцарей и въ брильянтъ.

Ильюша двинулся съ плачемъ и мольбами; у меня заходили жилы, и колѣнки гнулись.

— Не буду, не буду, папенька, не буду, голубчикъ, не буду, вотъ вамъ христось не буду, ей-богу же не буду! визжалъ Ильюша, вертясь какъ угорь, норовя ухватить папеньку и за руку, и за розгу.

— Чиви-чиви-чикъ! свистѣло въ воздухѣ.

— Простите, не буду! ой, больно, папенька, больно! ой, умру, больно! визгъ и вопли наполняли весь домъ до послѣдняго угла. Мы всѣ, и даже сами дѣвки, только что пострадавшія, притихли, какъ воробьи въ грозу.

— Ой, зарѣзалъ, зарѣзалъ! вопилъ Ильюша, натужаясь изо всѣхъ силъ и брыкаясь освобожденными ногами. Маменька не выдержала и бросилась въ кабинетъ, откуда донеслись до насъ ея упреки и безпокойный голосъ:

— Мѣры не знаетъ... оставь, оставь!...

— Ой, умру, умру! ой, батюшки, умру! стоналъ Ильюша, всхлиывая и обливаясь слезами, хотя розги давно валялись на полу, и онъ уже подбиралъ свои штанишки. Его не сѣкли и одной минуты, но онъ кричалъ такъ, какъ будто его потрошили. Маменька была такъ напугана, что не пустила въ кабинетъ ни меня, ни остальныхъ братьевъ. Мы были спасены на краю бездны.

Внизу всѣ сошлись, пострадавшіе и уцѣлѣвшіе. Мы были унылы и словно придавлены, нисколько не радостны за свое избавленіе. Петруша, напротивъ того, былъ доволенъ и веселъ.

— Чтò ты такъ оралъ, жила? насмѣшливо обратился онъ къ Илюшѣ. — А еще казакъ! Я сказалъ: не крикну! — и не крикнуть. Я желѣзный... Ну, постой же, братцы, мы завтра не такъ оттрепемъ эту шельму, Василису! Это она маменькѣ пожаловалась... Я ее угощу!...

Его глаза сверкали, и онъ глядѣлъ на насъ смѣло и самоувѣренно.

— Барчуки, кушать поставлено! крикнулъ сверху буфетчикъ Гаврило. — Ужь за столъ сѣли!...

За ужиномъ была любимая наша саламата со сметанкою, и намъ такъ ѣлось! А какъ потомъ спалось хорошо, Господи, ты мой боже! Хотъ бы разъ когда нибудь теперь выспаться такъ, какъ въ эту незабвенную ночь послѣ ночного набѣга, генеральной битвы и генеральнаго чиви-чиви-чикъ.

ЗАРЪЧЕНСКІЙ.

(До слѣдующей книжки).

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИСЬ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть вторая.

ХVIII.

НЕ ПРИРУЧИТЬ!

Леди Кастельтауерсъ напрасно безпокоилась: лишняго прибора за столомъ не было. Мисъ Колонна не сошла къ обѣду, извиняясь сильной головной болью, и синьоръ Монтекуккуди занялъ ея мѣсто. Обѣдъ, впрочемъ, все-таки былъ неудаченъ. Графъ, хотя сидѣлъ быть любезнымъ хозяиномъ, вяло игралъ свою роль, и жестоко тосковалъ въ душѣ. Саксенъ, прискакавшій весь въ пыли и мыль минутъ за пять до обѣда, смотрѣлъ устало и разсѣянно, и былъ вовсе не похожъ на самого себя, всегда веселаго и оживленнаго. Джуліо Колоннѣ, поглощенному итальянской политикой, было не до разговоровъ, такъ что, отчасти вслѣдствіе отсутствія Олимпіи, отчасти благодаря неопредѣленному тяжелому чувству, неразлучному со всякими сборами и разставаніемъ, за столомъ царствовало общее унылое настроеніе. Одна мисъ Гатертонъ была разговорчива и оживлена, какъ всегда. Найда Саксена противъ обыкновенія молчаливымъ, она утѣшилась, болтая съ пріѣзжимъ, и разспрашивала синьора Монтекуккуди о Сициліи и Неаполѣ, Калатафими, Палермо, Гарибальди, Викторѣ-Эммануилѣ, сколько душѣ ея было угодно.

Колонна, этимъ временемъ, сидѣвшій налѣво отъ леди Кастельтауерсъ, изъяслялъ сожалѣніе о неудачѣ какихъ-то своихъ плановъ.

— Я былъ въ надеждѣ, говорилъ онъвполголоса:—что изъ этого что нибудь выйдетъ еще раньше.

— И я тоже надѣялась, другъ мой, и радовалась за васъ, ласково отвѣчала леди Кастельтауерсъ.

— Я вполне рассчитывалъ, что узнавъ, какъ неожиданно насъ отсюда вызываютъ, онъ выскажется сегодня, но, вмѣсто того, онъ съ утра велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь, и не сходилъ съ нея весь день.

— Это странно.

— Очень. Отъ души жалѣю, что не удалось намъ пробить у васъ еще хоть недѣлю.

— Еще не поздно измѣнить ваши планы.

Колонна отрицательно покачалъ головою.

— Измѣнить ихъ такъ же для меня невозможно, сказалъ онъ:— какъ измѣнить ходъ планетъ.

— Такъ оставьте хоть Олимпію у меня. Она больна—не годится въ дорогу.

— Я самъ думалъ просить васъ, но она рѣшилась ѣхать со мною.

— Очень жаль, *amico*, еще разъ замѣтила графиня, въ эту минуту гораздо болѣе думавшая о томъ, какъ бы доставить своему сыну состояніе мисъ Гатертонъ, нежели о томъ, какъ удержать богатаго жениха для дочери своего друга, и обратилась въ мистеру Валькиншо.

Но у Колонны въ запасъ была еще одна карта. Когда дамы удалились, онъ сѣлъ на опроставшееся мѣсто рядомъ съ Саксеномъ, и сказалъ:

— Не ждали мы, не гадали, что придется такъ внезапно уѣзжать, мистеръ Трефольденъ; но я надѣюсь, что еще будемъ видѣть васъ въ Лондонѣ.

Саксенъ отвѣтилъ легкимъ поклономъ, и пробормоталъ что-то такое, въ родѣ «очень пріятно» или «благодарю за вниманіе».

— Вы, кажется, сами послѣ-завтра возвращаетесь въ городъ.

Саксенъ отвѣтилъ:

— Вѣроятно.

— Такъ вы должны дать мнѣ слово зайти къ намъ. Вы насъ найдете, впродолженіе слѣдующихъ двухъ недѣль, въ Портландскомъ отелѣ, но послѣ этого времени мы, вѣроятно, уже будемъ на пути въ Италію.

Саксенъ снова поклонился, и передалъ сосѣду графинѣ съ виномъ.

Колонна началъ догадываться, что тутъ что-то не просто.

— Когда, разставаясь, друзья хотятъ обезпечить себѣ вѣрное свиданіе, сказалъ онъ:—а мы, надѣюсь, съ вами друзья, мистеръ Трефольденъ—лучше всего назначить день. Вы не откажетесь обѣдать съ нами, въ четвергъ, въ нашемъ отелѣ?

— Не знаю, могу ли... началъ Саксенъ.

— Какое нелюбезное вступленіе!

— Я такъ давно не былъ въ городѣ, продолжалъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:—и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль буду имѣть такъ мало свободнаго времени, что врядь-ли могу обѣщать напередъ.

Джуліо Колонна не вѣрилъ ушамъ своимъ. Не далѣе какъ вчера, юный миллионеръ ухватился бы за всякую соломенку, за тѣнь приглашенія, чтобы только ирриблизиться къ Олимпіа, а сегодня... Неужели онъ отступаетъ? Не обидѣлся ли онъ чѣмъ нибудь? Итальянецъ коснулся руки Саксена и съ самой пріятной улыбкой сказалъ:

— Я съ вами такъ не разстанусь, любезный сэръ. Кто дѣлаетъ добро моей родинѣ—дѣлаетъ его мнѣ, а вы были такимъ щедрымъ благодѣтелемъ для нашего дѣла, что сдѣлали меня должникомъ вашимъ на всю жизнь. Поэтому я не могу дозволить вамъ изъ друга сдѣлаться для насъ просто знакомымъ. Я на васъ смотрю, какъ на друга, и вы, какъ другъ; должны обѣщать мнѣ отвѣдать моей хлѣбъ-соли, прежде нежели я пошину Англію.

Саксенъ съ радостью бы отдалъ лучшую свою кровную лошадь—отдалъ бы всѣхъ своихъ лошадей и вдобавокъ кабриолетъ, чтобы только знать, какою успѣхъ имѣло сватовство графа. Но, находясь въ неизвѣстности объ этомъ предметѣ, онъ отдѣлался, какъ могъ.

— Я буду у васъ обѣдать, синьоръ Колонна, если только это будетъ мнѣ возможно, сказалъ онъ какъ-то рѣзко.—Во всякомъ случаѣ я буду у васъ; но пока я не знаю еще хорошенько своего положенія относительно... относительно другихъ моихъ друзей, я не могу дать вамъ положительнаго обѣщанія.

— Нечего дѣлать, постараюсь довольствоваться и этимъ, добродушно возразилъ итальянецъ; но онъ чувствовалъ, что Саксенъ Трефольденъ остерегается его, и что его не приручить, и въ душѣ проклиналъ невѣдомую силу, которая, какъ говорило ему его вѣрное чутье, стала поперекъ его плановъ.

Вечеромъ поздно, когда всѣ уѣхали, и леди Кастельтауерсъ удалилась въ свои покои, а Саксенъ остался единственнымъ гостемъ въ домѣ, пріятель сошли въ курительную, просторную, удобную комнату, смежную съ библіотекой, съ выходомъ въ тотъ же тихій садъ.

— Ну, спросилъ Саксенъ съ жадностью:—какою успѣхъ?

Графъ сперва заперъ за собою дверь, и потомъ уже отвѣчалъ—однимъ только, но многозначительнымъ словомъ:

— Никакого.

— Какъ, никакого?

— Да такъ, что чѣмъ скорѣе мы достанемъ яхту, о которой мы съ тобой говорили, и чѣмъ скорѣе выберемъ въ открытое море, тѣмъ я буду больше радъ. Она мнѣ отказала.

Несмотря на искреннюю дружбу къ графу и всѣ великодушныя свои рѣшенія, сердце Саксена радостно забилося.

— Отказала? сказалъ онъ.—На какомъ основаніи?

— На патріотическихъ основаніяхъ, отвѣчалъ онъ мрачно.

— Неужели потому, что ты англичанинъ?

— Нѣтъ; даже не потому, чтобы она меня не любила, а потому, что если она когда нибудь отдастъ свою руку, то только человѣку, который будетъ имѣть возможность «сдѣлать для Италіи» больше того, что можетъ сдѣлать для нея твой покорнѣйшій слуга.

— Сдѣлать больше для Италіи! медленно повторилъ Саксенъ.

— Именно такъ! Это, другими словами, значить, знаешь что? Вотъ что: что, при всей своей красотѣ, чистотѣ, родовой гордости, Олимпія Коломна въ одинъ прекрасный день продастъ себя—*продастъ себя*, сдѣлаетъ несчастными и себя и мужа своего, и меня уничтожить—ради своей родины! Будь я такъ же богатъ, какъ ты, она бы за меня вышла. Сдѣлай ты ей завтра предложеніе, она за тебя выйдетъ. Будь ты при этомъ старъ, уродъ, невѣжа—словомъ все, что хочешь, только не Бурбонъ и не Габсбургъ—она, по всей вѣроятности, все-равно вышла бы.—А меня все-таки любить!

— Увѣренъ ли ты въ этомъ?

— Такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что она живетъ и дышетъ.

— Развѣ она... созналась?

— Нѣтъ, но и отрицать не посмѣла. Да, наконецъ, я самъ это видѣлъ, чувствовалъ. Есть минуты въ жизни, когда всѣ люди дѣлаются ясновидящими: я сегодня былъ ясновидящимъ.

Саксенъ молчалъ.

— И это—патріотизмъ! вдругъ съ горечью разразился графъ.—Я слыхалъ, что добродѣтели, доведенныя до крайности, дѣлаются пороками, но до сегодняшняго дня никогда не вѣрилъ этому. Что касается итальянскаго дѣла... ты знаешь, Трефольденъ, что я былъ его вѣрнымъ, преданнымъ сторонникомъ; но теперь... *теперь я его ненавижу.*

Послѣднія слова онъ медленно процѣдилъ сквозь зубы, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ прочувствовалъ ихъ.

Затѣмъ пріятели долго еще сидѣли за книгами и ландвартами, и до глубокой ночи строили всякіе планы.

XIX.

СВОРЫ ВЪ НОРВЕГІЮ.

— Мы съ Кастельтауерсомъ ѣдемъ въ Норвегію!

Слова эти съ утра до вечера не сходили съ языка Саксена, и самъ Саксенъ находился въ припадкѣ лихорадочной дѣятельности. Его товарищи въ Эректеумѣ по своему, вяло, а все-таки значительно интересовались его планами, и не скупились на совѣты, особенно тѣ изъ нихъ, которые въ жизнь свою не переѣзжали Свагерака. И за каждый совѣтъ Саксенъ былъ безконечно благодаренъ, покупалъ все, что только кто присовѣтуетъ, и дѣлалъ невообразимые запасы мясныхъ эссенцій, закупоренной въ банки и жестянки дичи и рыбы, морскихъ сухарей, винъ, водокъ и ликѣровъ, снарядовъ для рыбной ловли, непромокаемыхъ охотничьихъ сапоговъ, патентованныхъ палатокъ, шведскихъ и норвежскихъ грамматикъ и лексиконовъ, карманныхъ телескоповъ, микроскоповъ и револьверовъ, непромокаемой одежды, и всякаго тому подобнаго разорительнаго хлама. Сверхъ того онъ заказалъ два полныхъ мореходныхъ одѣянія, и роскошную книгу для шханцеваго журнала въ ярко-пунцовомъ сафьянномъ переплетѣ, съ патентованнымъ замкомъ, потому что надо замѣтить, что Саксенъ счелъ недостойнымъ себя нанять яхту: онъ ее купилъ, заплатилъ за нее, окрестилъ ее, и вполне намѣревался разыграть по всѣмъ правиламъ роль хозяина и капитана, разумѣется подъ руководствомъ настоящаго, свѣдущаго моряка.

Во всемъ этомъ, Лоренсъ Грѣторексъ выказалъ особенную услужливость и обязательность. Онъ даже не полѣнился самъ съѣздить съ Саксеномъ въ Портсмуть, чтобы свести его съ однимъ своимъ знакомымъ, корабельнымъ строителемъ, у котораго, на счастье его, было именно то, что ему было нужно: американская яхточка, стройная и граціозная, какъ американская красавица; и такъ-какъ ея хозяину очень хотѣлось сбыть, а Саксену смерть хотѣлось купить ее, то тутъ же ударили по рукамъ.

Затѣмъ надо было позаботиться о наймѣ хорошаго шкипера и экипажа, о грузкѣ безчисленныхъ запасовъ Саксена, сдѣлать пробную прогулку кругомъ острова Вайта, и вообще заняться тѣми безчисленными, восхитительными, какъ будто бы дѣловыми приготовлениями, которыя придаютъ забавѣ яхтоваго плаванія видъ такого важнаго дѣла. Во все это время Грѣторексъ, который, надо ему отдать справедливость, былъ дѣйствительно благодаренъ своему благодѣтелю, и искалъ случая быть ему полезнымъ всѣмъ, что было въ его силахъ, только бы не было рѣчи объ уплатѣ

нѣкоего незначительнаго долга—то и дѣло катался изъ Лондона въ Портсмуть, изъ Портсмута—въ Лондонъ, помогаль Саксену во всѣхъ безчисленныхъ коммерческихъ хлопотахъ, и вообще оказывался безцѣннымъ помощникомъ и совѣтчикомъ.

И Саксену было бездна дѣла. Ему некогда было хандрить, да если сказать всю правду, пожалуй, и охоты особенной не было. Чтѣ такое, въ самомъ дѣлѣ, было его горе въ сравненіи съ горемъ графа? То же, что легкая царापина въ сравненіи съ глубокой, смертельной ранюю. Кастельтауерсъ любилъ Олимпію четыре года, Саксенъ былъ ея поклонникомъ какихъ нибудь четыре недѣли. Кастельтауерсъ признался ему спокойно, безъ всякихъ фразъ и безъ малѣйшаго интересничанья, что онъ не думаетъ, чтобы когда нибудь могъ любить другую женщину—Саксенъ же вовсе не могъ сказать того же о себѣ; онъ, напротивъ, чувствовалъ, что для него настоящая любовь еще впереди. Когда онъ соображалъ всѣ эти обстоятельства, ему было такъ грустно за своего друга, что онъ, наконецъ, почти сталъ стыдиться собственнаго своего горя; мало того, ему просто совѣстно стало смотрѣть на крушеніе своей мимолетной надежды, какъ на горе. Олимпія никогда его не любила. Ее манило только богатство его, и то только ради Италіи. Онъ понялъ, что мисъ Гатертонъ права. Она была буквально права, сравнивая его съ курицей, несущей золотыя яйца. Конечно, это не совсѣмъ лестно, но и то сказать, не лучше ли, что курица спаслась, поплатившись только какимъ нибудь яйцомъ-другимъ? И такъ Саксенъ рѣшился смотрѣть на вещи философомъ, не выдавалъ своей тайны, весь отдался приготовленіямъ къ плаванію, и рѣшился какъ можно скорѣе изгладить изъ сердца прекрасный образъ Олимпіи.

Наконецъ, все было въ готовности. Хорошенькая яхточка стояла на якорѣ въ портсмутской гавани, и только ожидала прибытія своего повелителя, и Саксенъ, въ послѣдній разъ обойдя ее хозяйскимъ дозоромъ, съ блестящаго фалконета на бакѣ до немѣнѣ блестящихъ кастрюль и сковородъ въ камбузѣ, спѣшилъ въ Лондонъ, чтобы провести послѣдній вечеръ до отъѣзда съ Вильямомъ Трефольденомъ.

— Ну, не красotka ли она, Грѣторексъ?

Таковы были первыя его слова, по выѣздѣ изъ Портсмута.

— Знаете, чтѣ я вамъ скажу, дружокъ? возразилъ банкиръ съ той милой непринужденностью, которая столькимъ изъ его пріятелей приходилась непонутру.—«Албула»—просто прелестнѣйшая игрушка, какая когда либо гуляла по синю морю. Еслибы она была построена нарочно для васъ, она не могла бы быть лучше для васъ.

*

— Желалъ бы я знать, что скажетъ Кастельтауерсъ, когда увидать ея!

— Если у него хоть на половину столько вкуса, сколько я ему приписываю, онъ подтвердитъ мое сужденіе. Гдѣ вы съ нимъ съѣдетесь—въ Лондонѣ или Портсмутѣ?

— Въ Лондонѣ, оттуда вмѣстѣ и поѣдемъ. Мы надѣемся сняться съ явора часамъ къ тремъ пополудни.

— А долго вы пробудете?

— Мѣсяца два или три.

Грэтторексъ задумался и закурилъ сигару.

— Если я могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезенъ въ ваше отсутствіе, Трефольденъ, вы знаете, что можете располагать мною, сказалъ онъ, наконецъ:—то-есть, если понадобится при-смотреть за какими нибудь акціями, или получить какіе нибудь проценты.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Саксенъ: — только за этимъ у меня смотреть мой родственникъ.

— Гм! И нѣтъ у васъ другого повѣреннаго по дѣламъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Вы не сочтете за дерзость, если я васъ спрошу, какъ вы распорядились своимъ капиталомъ? Поймите, любезный другъ, что я не прошу васъ отвѣчать на мой вопросъ, если это вамъ сколько нибудь неприятно, но мнѣ бы хотѣлось знать навѣрное, что братецъ вашъ, мистеръ Трефольденъ, устроилъ дѣла ваши по возможности выгодноѣ.

— Само собою! съ жаромъ отвѣчалъ Саксенъ.

— У насъ, на востокъ отъ Темплъ-Бара, ничего не разумѣется «само собою», сухо возразилъ банкиръ.

Но замѣчаніе его осталось безъ вниманія.

— Болѣе половины денегъ у меня въ англійскомъ банкѣ, отвѣчалъ его спутникъ.

— Безопасно, но приносить не болѣе трехъ 0/0, замѣтилъ банкиръ.

— Остальное помѣщено въ... въ одномъ обществѣ.

— Въ какомъ? быстро спросилъ Грэтторексъ.

— А! этого ужъ я не могу сказать. Это еще повуда секретъ.

Лицо банкира значительно вытянулось.

— Жаль, сказалъ онъ коротко.

— Нѣтъ причины жалѣть. Предпріятіе великолѣпное—ничего подобнаго еще не бывало за послѣдніе полвѣка, а главное—успѣхъ вѣрный. Дайте срокъ, скоро заговорятъ о немъ.

— Надѣюсь, что это не южно-австралійскія брилліантовыя копи.

— Нѣтъ, нѣтъ, будьте спокойны.

— Кто вамъ посовѣтоваль? Мистеръ Трефольденъ же?

— Да, и самъ весь свой капиталъ помѣстилъ туда же.

— Значить, въ самомъ дѣлѣ, увѣренъ въ успѣхѣхъ?

— Вполнѣ. Онъ, видите ли, у нихъ повѣренный, по юридической части, и знаетъ всю подноготную.

— А кто такіе директора?

— Не знаю; кажется, я въ томъ числѣ, засмѣялся Саксенъ.

— А другіе?

— Не имѣю о нихъ ни малѣйшаго понятія.

— Однако, видали же вы ихъ на общихъ собраніяхъ?

— Никогда. Да и не было еще, кажется, никакихъ собраній.

Банкиръ покачалъ головой.

— Свѣрно, сказалъ онъ.—Скажу вамъ откровенно, дружище, нехорошо.

— Право, не понимаю, что васъ такъ смущаетъ, сказалъ Саксенъ.

Грѣторексъ ничего не отвѣчалъ и нѣсколько времени молча курилъ; затѣмъ разговоръ возвратился къ яхтѣ; тамъ они разболтались о Норвегіи, о ловлѣ лососовъ и тысячѣ другихъ предметовъ, сопряженныхъ съ предстоящимъ путешествіемъ, до той минуты, пока наконецъ пожали другъ другу руки, разставаясь на платформѣ лондонской станціи.

— Честное слово, Трефольденъ, очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы довѣрили мнѣ названіе этого общества, серьезно сказалъ банкиръ.

— Не могу.

— Это бы мнѣ дало возможность слѣдить со стороны за вашими интересами, пока васъ не будетъ здѣсь.

— Вы очень добры, сказалъ Саксенъ:—но я далъ слово сохранить это втайнѣ, и не намѣренъ измѣнять ему. Къ тому же, я имѣю полнѣйшее довѣріе къ разсудительности моего родственника.

Житель Сити многозначительно пожалъ плечами.

— Коли сказать вамъ всю правду, любезный другъ, сказалъ онъ:—я бы не сталъ довѣрять Вильяму Трефольдену за глаза ни на грошъ. Ну, полноте же, не смотрите на меня, какъ будто я вамъ предлагаю взорвать на воздухъ парламентскія палаты. Я понимаю, что говорю грубо, но не я одинъ такого мнѣнія о Вильямѣ Трефольденѣ. Вы, можетъ быть, скажете мнѣ на это, что мнѣ лично есть за что его не любить—весьма справедливо, да не въ томъ сила. Я говорю вамъ въ сію минуту подъ вліяніемъ не своихъ предубѣжденій, а дружбы моей къ вамъ. Вы поступили съ нами истинно попріятельски, вопреки вашему брат-

цу, и я былъ бы радъ отъ души, еслибы я въ свою очередь могъ вамъ быть полезенъ.

— Вѣроятно, опять-таки вопреки моему родственнику, возразилъ Саксенъ полусутоливо, но еще болѣе разсерженный.—Нѣтъ, благодарю васъ, мистеръ Грѣторексъ; намѣреніе у васъ прекрасное, я вполне увѣренъ, но въ этомъ дѣлѣ вы не можете быть мнѣ полезны иначе, какъ отказавшись отъ несправедливаго предубѣжденія.

— Упрямецъ!... Ну, Богъ съ вами, Трефольденъ, до свиданія—*bon voyage!*

— До свиданія, мистеръ Грѣторексъ.

И на томъ разстались.

XX.

Обѣдъ тѣте-à-тѣте.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ во владѣніе своимъ состояніемъ, нашему юному Телемаку удалось залучить своего ментора къ себѣ на обѣдъ. Не разъ онъ его приглашалъ на пышные обѣды въ клубъ, въ Ричмондъ, въ Блэкваллъ, на уютные обѣды *tête-à-tête* на своей сент-жемс-стритской квартирѣ, и менторъ систематично и непреклонно отказывался отъ всѣхъ до одного. Поэтому настоящій случай былъ положительнымъ событіемъ, и Телемакъ, нѣкоторымъ образомъ прославившійся своимъ умѣньемъ угощать друзей, устроилъ настоящій эпикурейскій обѣдецъ по случаю чести, которую оказывалъ ему его причудливый родственникъ.

Страпцій пріѣхалъ къ Саксену на квартиру. Столъ былъ украшенъ цвѣтами; на буфетѣ, во льду и просто въ бутылкахъ, были разставлены разные сорта винъ, и множество самыхъ лакомыхъ блюдъ, о какихъ только можетъ мечтать самый взыскательный *gourmet*. Обѣдъ былъ заказанъ по сосѣдству въ одномъ изъ первыхъ ресторановъ, и кушанья ежеминутно привозились въ кѣбахъ, такъ что въ этомъ случаѣ можно было буквально примѣнить слова какого-то поэта, что каждое блюдо является «не яствомъ, а гостемъ».

— Воспитаніе—великое дѣло, Саксенъ, сказалъ Трефольденъ, когда они, покончивъ съ обѣдомъ, забавлялись съ персиками и ананасомъ.—Послѣдній разъ, какъ мы съ вами обѣдали вдвоемъ, это было въ Рейхенау. Васъ тогда очень удивило, что я не давалъ вамъ упиваться лафитомъ съ водою, и вы понятія не имѣли о трюфляхъ. Вы ихъ называли «гадкими черными пробками», если не ошибаюсь.

— А теперь я отличаю бѣлый эрмитажъ отъ шато-икема, и умѣю цѣнить по достоинству геній грековъ, которые пекли шесть-десять сортовъ хлѣба.

— Жаль только, что ново-приобрѣтенныя вами познанія не особенно пригодятся вамъ въ Норвегіи. Да, кстати, вы мнѣ должны пятьсотъ-шестьдесятъ фунтовъ.

— Это за что?

— За восемь картинъ масляными красками, изъ которыхъ каждая стоитъ пожалуй два фунта.

И Трефольденъ, смѣясь удивленному виду Саксена, разсказалъ ему, какъ онъ купилъ эти картины у мистрисъ Ривьеръ.

— Я къ нимъ заходилъ раза два или три, сказалъ онъ:—и каждый разъ не скупился вашимъ чистаганомъ. Въ первый разъ я купилъ четыре картины, потомъ двѣ, потомъ еще двѣ. Онѣ, кажется, совсѣмъ бѣдны, и очень рады деньгамъ.

— Не болѣе рады имъ, чѣмъ я—случаю помочь имъ, сказалъ Саксенъ.—Когда вы ихъ видѣли въ послѣдній разъ?

— Дней пять назадъ. Онѣ въ то время совсѣмъ собрались въ Италію, и теперь, я думаю, порядочно уже отъѣхали. Мать плоха. Она нисколько не походитъ на нашу общую пріятельницу, леди Кастельтауерсъ.

— Въ какое мѣсто Италіи онѣ поѣхали?

— Въ Ниццу, куда я и долженъ написать къ нимъ, еслибы появился покупатель на остальные картины. Прикажете, чтобы явился, или довольно пова посорили деньгами?

— Нѣтъ, нѣтъ, непременно отыщите покупателя, отвѣчалъ Саксенъ.—Пятисотъ-шестьдесятъ фунтовъ на долго не хватитъ.

— Вамъ, конечно; но для нихъ такая сумма—цѣлое состояніе.

— Я хочу, чтобы у нихъ было сто фунтовъ годового дохода.

— Это значитъ, что нашъ воображаемый цѣнитель искусства долженъ издержать двѣ тысячи фунтовъ. Помилуй, братецъ, онѣ никогда не повѣрятъ такой свирѣпой страсти къ живописи.

— Попробуйте увѣрить ихъ. Въ пріятныя невозможности такъ легко вѣрится.

— Хорошо, посмотрю. А впрочемъ, вѣдь онѣ все-таки бабы, а бабъ въ чемъ угодно увѣришь.

— Не правда ли, она очень хорошенькая? спросилъ Саксенъ, какъ-бы невзначай, на что Трефольденъ, разсматривая свою рюмку на свѣтъ, отвѣчалъ съ большимъ равнодушіемъ:

— Н... не могу сказать, не особенно.

— Да это просто рафаэлевская мадонна! съ негодованіемъ заступился Саксенъ.

— Очень можетъ быть, только я не любитель мадоннъ. Олимпія Колонна на мой вкусъ въ десять разъ лучше.

Саксенъ промолчалъ.

— Видѣлись ли вы съ Колоннами съ тѣхъ поръ, какъ они уѣхали изъ Кастельтауерса? спросилъ Трефольденъ, глядя на него нѣсколько пытливо.

— Нѣтъ—некогда было. — Однако, расскажите-ка что нибудь о нашей компаніи.

Многое нашлось разсказать о компаніи — о большомъ инженерномъ складѣ, строящемся въ Каирѣ; о землемѣрахъ, уже отправленныхъ для измѣренія линіи; объ ученой комиссіи, уже снаряженной для отысканія предполагаемыхъ угольныхъ копей; о директорахъ, выѣхавшихъ въ Багдадъ и Тегеранъ, а главное—объ удивительной выгодѣ, которую каждый акціонеръ можетъ ожидать въ какіе нибудь шесть или восемь лѣтъ.

— Еслибы я не собрался въ Норвегію, сказалъ Саксенъ:—я бы провѣтилъ на Средиземное море, осмотрѣлъ бы работы и привезъ бы вамъ вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ ихъ.

— Врядъ ли теперь еще стоитъ ѣхать, отвѣчалъ страпчій:—черезъ годъ, пожалуй, будетъ на что посмотрѣть.—Ну, а теперь—прощайте.

Саксенъ проводилъ родственника до двери, и неохотно простился съ нимъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ бы поцаловалъ его въ обѣ щеки, какъ при первой встрѣчѣ съ нимъ въ Швейцаріи, но цивилизація постерла съ него аркадскій пушокъ, и онъ удержался отъ чувствительныхъ изліяній.

Онъ едва успѣлъ возвратиться въ свою комнату, позвонить и потребовать огня, и только что усѣлся за письменный столъ, съ намѣреніемъ написать нѣсколько прощальныхъ записокъ и привести въ порядокъ свои разбросанныя бумаги, какъ къ подъѣзду съ громомъ подкатилъ кабріолетъ, раздались поспѣшныя шаги въ прихожей, и знакомый голосъ спросилъ: дома ли онъ? Еще минута, и передъ нимъ стоялъ лордъ Кастельтауерсъ.

— Какими судьбами сегодня? воскликнулъ Саксенъ.—Ужъ не случилось ли чего?

— Вотъ что, отвѣчалъ его другъ:—Колонну требуютъ въ Палермо, онъ *долженъ* ѣхать сейчасъ же. Онъ думалъ проѣхать въ Сицилію изъ Генуи, но есть какіе-то замыслы противъ него, и его тайно предупредили, что его могутъ арестовать, если увидать въ одномъ изъ французскихъ или сардинскихъ портовъ. Я пріѣхалъ спросить тебя, не отвезешь ли *ты* его?

— Въ Сицилію-то?

— Ну, да, кругомъ, черезъ Гибралтаръ. Для Колонны нѣтъ

болѣе безопаснаго маршрута, а на сѣверъ мы еще успѣемъ, какъ высадимъ его по назначенію. Или это тебя затруднитъ?

— Нимало. Мнѣ все равно, въ какую сторону повернуть; я даже гораздо болѣе радъ на югъ, чѣмъ на сѣверъ, если на то пошло.

— Значить—ладно?

— Ладно. Пусть только 'синьоръ Колонна будетъ въ Портсмутѣ завтра пораньше.—Однако, Кастельтауерсъ, вѣдь ты, кажется, возненавидѣлъ итальянское дѣло, и знать его больше не хотѣлъ?

Графъ печально улыбнулся.

— Съ свободою можно поссориться, какъ ссорился Горацій съ Лидіей, сказалъ онъ;—но невозвратиться къ ней нельзя, потому что разлюбить её невозможно.

XXI.

Сицилія и Харпедда.

День за днемъ «Албула», съ швейцарскимъ флагомъ на мачтѣ, распустивъ бѣлыя крылья, быстролетной чайкой мчалась по поверхности воды. Живописные острова залива, окутанный туманомъ утесъ Финистеръ; гибралтарская скала, ослѣпляющая своей бѣлизною подъ знойнымъ блескомъ полуденнаго солнца; грозная гора Абила, призрочно отдѣляющаяся отъ смутно виднѣющагося очертанія африканскаго берега; далекіе хребты Сьерры-Невады; наконецъ, испанскіе острова, зеленѣющіе апельсинными и лимонными рощами, одни за другими возникали изъ морской синевы, мелькали мимо путешественниковъ, и снова утопали въ дымчатой дали. Повременамъ не видать было земли ни съ той, ни съ другой стороны. Иногда, напротивъ, яхточка скользила такъ близко отъ дѣсистыхъ мысовъ, что ѣдущіе на ней могли слышать звонъ монастырскихъ колоколовъ, и перекликаніе часовыхъ, рассказывающихъ по валамъ омываемыхъ моремъ крѣпостей. Но по большей части они держались открытаго моря, направляясь прямо къ Сициліи. И все это время оба друга почти безвыходно проводили на палубѣ, приобретаая мореходскія познанія, съ каждымъ днемъ болѣе сближаясь, и предоставляя синьору Колоннѣ полную свободу исписывать въ каятѣ листъ за листомъ, своими мелкими каракулями. То было для нихъ дивное время. Дни стояли золотые, ночи звѣздныя, и путешественники засыпали подъ музыку морского плеска.

— Давай-ка сюда зрительную трубку, Трефольденъ, однажды

сказалъ лордъ Кастельтауерсъ. — Надо разглядѣть хорошенько этотъ паровой фрегатъ. Не могу разобрать его флага.

Они уже много дней провели на морѣ, и были не болѣе какъ въ восемнадцать часахъ отъ Палермо. Далеко налѣво отъ нихъ, блѣдно-голубая черта обозначала южную оконечность острова Сардиніи, а прямо на встрѣчу къ нимъ, оставляя за собою по ясному небу легкой дымный слѣдъ, неся фрегатъ, обратившій на себя вниманіе лорда.

— Онъ, кажется, идетъ въ нашу сторону, замѣтилъ Саксенъ.

— То-есть несется прямо на насъ, возразилъ графъ:— и пушки на немъ есть—что-то нехорошо смотреть.

— Однако, ты не думаешь, чтобы онъ намѣревался абординовать насъ?

— Напротивъ, думаю.

Лордъ Кастельтауерсъ подошелъ къ лѣстницѣ и вызвалъ Колонну.

— Взгляните-ка въ трубу на этотъ пароходъ, сказалъ онъ.— Кстати, дайте и перу отдохнуть.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ итальянецъ, и вышелъ на палубу.

Лицо его омрачилось при видѣ приближающагося парохода. Онъ взялъ зрительную трубу, приладилъ фокусъ себѣ по глазамъ, секундъ десять молча и пристально вглядывался въ пароходъ, и возвративъ ее, проговорилъ одно только слово:

— Неаполитанскій.

— Но не посмѣетъ же онъ насъ тронуть.

Въ лицѣ Колонны выразилось сомнѣніе.

— Еслибы мы вѣхали подъ англійскимъ флагомъ—дѣло другое, сказалъ онъ:— но съ швейцарскимъ флагомъ не думаю, чтобы очень поцеремонились. Во всякомъ случаѣ, на основаніи блокаднаго положенія, они вправѣ сдѣлать обыскъ, чтобы убѣдиться, не веземъ ли мы военной контрабанды.

— Боже мой, воскликнулъ Кастельтауерсъ:—что же тутъ дѣлать?

Синьоръ Колонна задумался объ отвѣтѣ, но когда заговорилъ, говорилъ быстро и рѣшительно.

— Если капитану есть до насъ какое нибудь дѣло, сказалъ онъ:—то оно относится единственно ко мнѣ—онъ меня ищетъ. Но ему не съѣхаться съ нами еще по крайней-мѣрѣ десять минутъ. Я успѣю поспрятать свои бумаги. Если мистеръ Трефольденъ одолжитъ мнѣ одно изъ своихъ лоцманскихъ пальто, и если вы оба будете называть меня сэромъ Томасомъ Уайльдомъ, я не боюсь быть открытымъ. Я говорю поанглійски довольно хорошо,

чтобы обмануть любого неаполитанца. Я уже испыталъ это въ болѣе критическія минуты. Помните же: сэръ Томасъ Уайльдъ. У меня есть паспортъ на это имя, въ случаѣ еслибы спросили.

Съ этими словами онъ побѣжалъ назадъ въ свою каюту, спрятавъ свои письма и бумаги, поспѣшно облекся въ одно изъ саксеновыхъ синихъ пальто, сверкающее безчисленными пуговицами съ неминуемыми якорями, закурилъ коротенькую глиняную трубочку, надвинулъ шапку пониже на брови, растянулся во всю длину на диванѣ, и спокойно сталъ дожидаться, что будетъ дальше.

— Намъ съ парохода дѣлаютъ сигналъ, чтобы мы легли въ дрейфъ.

— Такъ что же? ляжемъ на всякій случай.

— Одинъ изъ офицеровъ, кажется, собирается къ намъ.

— Милости просимъ.

Лордъ Кастельтаурсъ улыбнулся, несмотря на свое безпокойство.

— Этотъ человѣкъ холоденъ какъ льдина, сказалъ онъ Саксену:— а вѣдь знаетъ, что узнай его эти люди, ему предстоитъ качаться на самой высокой изъ башенъ Сент-Эльмо, не далѣе какъ черезъ сорокъ-восемь часовъ!

Огромный фрегатъ уже грозно высился рядомъ съ крошечной яхточкой, хмурясь на нее всѣми своими портами съ палубой, населенной вооруженными людьми.

Спустили лодку, и два неаполитанца, старшій лейтенантъ и подвахтенный офицеръ, явились на яхту.

Лейтенантъ былъ какъ нельзя вѣжливей, и съ величайшей учтивостью извинялся за непрошенное посѣщеніе. Онъ освѣдомился о названіи и назначеніи яхты, объ имени ея владѣтеля, и именахъ всѣхъ находившихся на ней.

Лордъ Кастельтаурсъ, принявшій на себя роль посредника, отвѣчалъ на итальянскомъ языкѣ, что яхта называется «Албула»; что она собственность мистера Трефольдена, швейцарскаго джевлъмена, который катается на ней по Средиземному морю для своего удовольствія, вмѣстѣ со своими пріятелями, лордомъ Кастельтаурсомъ и сэромъ Томасомъ Уайльдомъ, что послѣдніе оба—англійскіе подданные; что дѣли они не имѣютъ никакой, какъ уже сказано, кромѣ собственнаго удовольствія, и не могутъ сказать, куда именно поѣдутъ; весьма вѣроятно въ Аѳины; еще вѣроятнѣе въ Смирну или Константинополь.

Signor Luogotenente повдонился, и спросилъ, не имѣетъ ли *milord* Трефольденъ намѣреніе высадиться въ Сицилію?

Графъ отвѣтилъ, что мистеръ Трефольденъ въ Марсалѣ вѣроятно запасется свѣжей водою.

— *Milord* не везетъ оружія, пороха, военныхъ аммуницій?

— Ничего, кромѣ бронзоваго фалконета, который синьоръ *Luogotenente* видитъ на палубѣ, съ его принадлежностями.

Неаполитанецъ объяснилъ, что онъ поставленъ въ необходимость заглянуть въ трюмъ, который и былъ весьма любезно раскрытъ для осмотра. Затѣмъ онъ просилъ позволенія посмотреть каюту, и сошелъ въ нее въ сопровожденіи Трефольдена и Кастельтаурера, оставляя подвахтеннаго на палубѣ.

— Приятель нашъ, сэръ Томасъ Уайльдъ, сказалъ графъ, представляя лейтенанта и мнимаго баронета другъ другу легкимъ движеніемъ руки.

Колонна, все еще лежавшій на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ и допотопнымъ прибавленіемъ къ «Times» въ рукѣ, поднялъ голову при этихъ словахъ, лѣниво всталъ, чопорно поклонился, и не сказалъ ничего. Неаполитанецъ отвѣтилъ на его поклонъ поклономъ, сдѣлавъ нѣсколько любезныхъ замѣчаній о миломъ убранствѣ маленькой каюты, и снова сталъ извиняться за причиненное хозяевамъ безпокойство. Онъ пояснилъ, что настоящее возстаніе ставитъ правительство его величества въ необходимость имѣть строгій надзоръ за всѣми судами, плывущими по направленію къ Сициліи, причемъ замѣтилъ, что эта обязанность далеко неприятна для офицеровъ его величества, но исполненіе ея крайне необходимо. Въ заключеніе онъ объявилъ, что ему остается соблюсти только еще одну формальность, а именно—побезпокоить *milordi* прочтеніемъ имъ вслухъ прокламаціи, съ примѣтами и описаніями нѣкоего Джуліо Колонны, извѣстнаго политическаго преступника, за поимку котораго его величество, король Обѣихъ Сицилій, предлагаетъ награду въ двѣ тысячи піастровъ. Есть основаніе полагать, прибавилъ онъ, что этотъ самый Джуліо Колонна и теперь находится на пути въ Сицилію.

Затѣмъ онъ вынулъ бумагу изъ своего бумажника, и, снявъ шляпу, прочелъ вслухъ, отъ имени своего государя и повелителя, чрезвычайно подробное и вѣрное исчисленіе наружныхъ примѣтъ особы синьора Колонны, съ описаніемъ его глазъ, носа, рта, зубовъ, волосъ, бороды, усовъ, роста и цвѣта лица, что синьоръ Колонна выслушалъ съ добродушнымъ спокойствіемъ, способнымъ провести самаго Мефистофела.

— О чемъ это онъ ораторствуетъ? спросилъ онъ, когда офицеръ окончилъ чтеніе. — Вѣдь я поитальянски-то не понимаю.

Саксенъ съ трудомъ удержался, чтобъ не расхохотаться, пова

Кастельтауерсъ съ подобающей важностью переводилъ прокламацію для назиданія воображаемаго сэра Томаса.

Колонна усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Э! сказалъ онъ.—Поиски ихъ—дрянь-дѣло. Все равно, что ловить ласточку налету!

На это лейтенантъ, который хотя не понялъ словъ, но понялъ тонъ ихъ и жестъ, съ достоинствомъ выпрямился, и нѣсколько обидчиво возразилъ, что человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь—извѣстный измѣнникъ, и рано ли поздно ли, а непременно попадетъ въ руки правосудія.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ каюты не совсѣмъ такъ любезно, какъ вошелъ въ нее, а мордъ Кастельтауерсъ, взойдя на палубу вмѣстѣ съ нимъ, сталъ извиняться за своего пріятеля.

— Сэръ Томасъ нѣсколько рѣзокъ въ манерахъ, сказалъ онъ:—но ужь всѣ мы, англичане, таковы.

На что неаполитанецъ отвѣтилъ ловкимъ комплиментомъ, относящимся собственно къ графу, и распострился. Онъ возвратился на свой корабль вмѣстѣ съ своимъ подвахтеннымъ; обмѣнялись на прощаніе салютами; фрегатъ съ пыхтѣньемъ тронулся. и въ нѣсколько минутъ синяя морская полоса, раздѣлявшая оба корабля, уже расширилась на пол-мили.

— Ура! вскричалъ графъ.—Пожалуйте-на наверхъ, сэръ Томасъ, и давайте кричать ура за Франциска второго! Таки выбрались благополучно изъ Сциллы.

— И изъ Харибды ужь заодно, отвѣчалъ Колонна снизу, удѣ онъ снималъ съ себя Саксеново синее пальто.—Знаете, почему я не пошелъ на палубу?

— Нѣтъ; а что?

— Потому, что я успѣлъ разглядѣть лицо другого офицера, въ ту минуту, какъ онъ вскочилъ на палубу.

— А вы его знаете?

— Еще какъ! Имя его — Галеотти. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, онъ прибывалъ либераломъ, и былъ моимъ секретаремъ въ Римѣ въ 1848 г.

XXII.

ПАЛЕРМО.

Передъ нами гигантскій загибъ зыбчатой синевы, раскинувшійся неправильнымъ полумѣсяцемъ по откосу свѣтлаго какъ янтарь песку, точно золотой ятаганъ, ноложенный рядомъ съ волнами; обширный полукругъ воздѣланныхъ скатовъ, возвышающихся другъ надъ другомъ безконечными террасами и уступами,

которые пестрѣли виноградниками, вилами и жнивами; кое-гдѣ одинокій монастырь съ своей стройной колокольней, выглядывающей изъ-за деревьевъ — широкія полосы тусклой зелени маслинъ — и, еще выше, густые кущи каштановыхъ деревьевъ и остролиственника, а вкругомъ всего и возвышаясь надъ всѣмъ — полукругомъ замыкающій панораму исполинскій амфитеатръ горъ, съ подножьемъ, одѣтымъ въ чудную зелень, и съ опаленными зноемъ вершинами, запускающихъ свои корни въ мягко переливающееся море, а хребтами свесими рисующихся зубчатой линіей на свѣтломъ небѣ...

— Палермская бухта!

Таково было восклицаніе, вырвавшееся у обоихъ пріятелей, когда «Албула» обогнула мысъ S.-Gallo, около 4-хъ ч. пополудни на слѣдующій день послѣ своей встрѣчи съ неаполитанскимъ фрегатомъ. Колонна, часъ уже стоявшій на палубѣ въ нѣмомъ ожиданіи, протянулъ обѣ руки, какъ будто хотѣлось ему заключить въ объятія свои всю дивную панораму, и прошепталъ какія-то тихія слова — привѣтъ или молитву.

— Да! палермская бухта! восторженно повторилъ лордъ Кастельтауерсъ:— прелестнѣйшая бухта въ Европѣ, что бы тамъ ни говорили неаполитавцы! Вонъ та далекая точка—Чефалу, а это— Монте-Пеллегринно, увѣнчанный святынею св. Розалин; далѣе, вонъ въ томъ ущельи—Монреале, а эта сторона, мимо которой мы теперь ѣдемъ, называется Конка д'Оро. Смотри, вотъ уже виднѣются и палермскіе куполы.

— А тутъ, сказалъ Колонна, указывая на флагъ, лѣнливо развѣвающійся со стѣнъ маленькой башни на самомъ берегу:— тутъ, слава и благодареніе небу — трехцвѣтный флагъ Італіи.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ яхта подъѣзжала ближе, какъ-бы изъ бухты поднялись передъ ними шпицы, башни, сверкающіе куполы и мраморные бѣлые дворцы. Часовой на *Molo* подбросилъ шапку на воздухъ и крикнулъ: *Viva Garibaldi!* когда они проѣхали мимо его. Гавань роилась крупными и мелкими судами всѣхъ видовъ и родовъ—сперонарами, фелуками, пароходами, катерами, гичками, лодками—и на каждомъ изъ нихъ весело красовался національный флагъ на мачтѣ или на бугшпиритѣ. На избережныхъ толпились красныя рубашки, сардинскіе мундиры и воинствующіе монахи, а около самой пристани, подъ тѣнью форта Галита, стоялъ большой отрядъ гарибальдійцевъ, чловѣкъ не менѣе тысячи, опираясь на мушкеты, и болтая неумолчно, съ возможно-полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ дисциплинѣ. Въ ту минуту, какъ крошечная яхточка Саксена проскользнула подъ бѣганцами огромнаго неуклюжаго англійскаго парохода, че-

ловѣкъ десять или двѣнадцать красныхъ рубашекъ преспокойно вышли изъ фронта и подошли къ самому краю набережной, чтобы рассмотреть пріѣзжихъ.

Въ эту минуту одинъ изъ итальянскихъ офицеровъ, перегнувшись черезъ бортъ парохода, вскрикнулъ:

— *Ecco il Colonna!*

Это имя было-разслышалъ одинъ изъ солдатъ на набережной. Оно пронеслось изъ устъ въ уста, перешло въ громкій возгласъ; возгласъ былъ подхваченъ, повторенъ съ усугубленной силою, воздухъ имъ огласился и стѣны крѣпости откликнулись на него. Въ мигъ пристань была обступлена, палуба каждаго суда закишѣла народомъ, и мощный привѣтъ все болѣе и болѣе разрастался.

— *Colonna! Colonna!*

Онъ обнажилъ голову передъ привѣтствующимъ его народомъ, но едва-ли изъ тысячи одинъ могъ разглядѣть его на такомъ разстояніи. Такъ прошло нѣсколько секундъ, и возгласы съ каждой минутой дѣлались болѣе страстными и нетерпѣливыми, какъ вдругъ отъ большого парохода отдѣлилась лодка, и молодой офицеръ причалилъ къ яхтѣ и приказалъ своимъ гребцамъ поднять весла.

— *Signore*, сказалъ онъ, почтительно держа шапку въ рукѣ:— *sua eccellenza*, генераль Гарибальди находится на пароходѣ, и проситъ васъ пожаловать къ нему на палубу.

Блѣдный отъ волненія Колонна обратился къ Саксену и графу, и сказалъ:

— Пойдемте со мною.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Кастельтауерсъ:— ступайте одинъ, лучше будетъ. Свидимся погода.

— Значить, въ гостиницѣ «Тринакриа»?

— Хорошо.

Итакъ Колонна ступилъ на палубу парохода «City of Aberdeen», и изъ среды группы офицеровъ въ красныхъ рубашкахъ, стоявшихъ на ней, вышелъ одинъ, болѣе другихъ загорѣлый, и взявъ его за обѣ руки, братски съ нимъ поцаловался.

Тутъ крики съ изступленіемъ повторились, всѣ овна кругомъ гавани распахнулись, всѣ балконы покрылись зрителями, войска на набережной выстроились и сдѣлали на караулъ, и фортъ Галита экспромтомъ салютовалъ героевъ двадцатью-однимъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Оба молодые люди посмотрѣли другъ на другъ и улыбнулись. Они кричали не хуже другихъ, и докричались до хрипоты, такъ что когда Саксенъ спросилъ пріятеля: «А что, Кастельтауерсъ, не убраться ли намъ потихоньку, пока еще не утихла буря?» графъ

съ радостью согласился на его предложеніе, которое и было немедленно приведено въ исполненіе.

Они отошли отъ парохода, бросили якорь у самой набережной, подозвали ближайшаго лодочника, и нѣмъ незамѣченные, пробрались къ другой пристани, нѣскольکو поодаль отъ первой.

— А теперь, Трефольденъ, сказалъ лордъ Кастельтауерсъ, едва ступили они на берегъ:—объѣздимъ-ка, братъ, съ тобою Палермо.

— *Scusate*, раздался около нихъ пріятный голосъ:—не примете ли вы меня въ путеводители?

То былъ молодой офицеръ съ «*City of Aberdeen*», который, незамѣченный, поѣхалъ за ними и догналъ ихъ въ ту самую минуту, какъ они причалили.

Въ одну минуту всѣ три молодые люди побратались радушными пожатіями руки, и такъ свободно и весело болтали вмѣстѣ, какъ будто мѣсяць были знакомы.

— Бывали вы уже въ Палермо? спросилъ сициліанецъ.

— Я былъ—четыре года назадъ, отвѣчалъ графъ.

— *Ah Dio!* Какъ печально онъ измѣнился съ тѣхъ пор! Откуда вамъ не видно всего, что надѣлала провлятая бомбардировка, но далѣе, около *Piazza Nuova*, такое опустошеніе, что страхъ: церкви, монастыри, дворцы — все разрушено, и сотни тѣлъ еще лежатъ непогребенныя среди развалинъ! За то отплатимъ же имъ при Мелаццо.

— При Мелаццо? повторилъ Саксенъ.—Гдѣ же это?

— Какъ? развѣ вы не знаете?

— Ничего мы не знаемъ изъ того, что случилось, послѣ нашего отъѣзда изъ Англій, съ живостью сказалъ лордъ Кастельтауерсъ.—Что же вы говорили о Мелаццо?

Они уже шли по направленію къ *Strada di Toledo*, спивно къ гавани; но при этихъ словахъ новый ихъ пріятель схватилъ каждого изъ нихъ за руку, и послѣшно потащилъ обратно на набережную.

— Видите вы этотъ большой пароходъ? воскликнулъ онъ, указывая на «*City of Aberdeen*»:—тотъ самый, на который генераль пригласилъ *il Colonna*?

— Видимъ.

— А эти войска, разставленныя вдоль пристани?

— Видимъ, видимъ.

— Ну, такъ слушайте же: это все отборный народъ: тысячи двѣсти человѣкъ—цвѣтъ экспедиціи. Они теперь ждутъ приказанія състь на пароходъ, а часамъ къ десяти вечера, сегодня же, на всѣхъ парахъ понесутся изъ гавани. Генераль Козенцъ съ своими *Caccitori* уже отправился—еще вчера вечеромъ; самъ

же Гарибальди ѣдетъ съ нами на «City of Aberdeen». Меладцо отсюда недалеко, мы будемъ тамъ еще до разсвѣта, но драгься, говорятъ, не будемъ до послѣ-завтра.

— Ахъ, да вѣдь это прелесть что такое! вскричалъ Саксень.

— Да, таки повезло вамъ — попасть на осаду на первый же день приѣзда! возразилъ сициліанецъ.—Я такъ вотъ уже три недѣли какъ здѣсь, и еще ничего не дѣлалъ, только помогалъ при срытіи *Castello*—куда какъ весело! Часть-другой еще ничего, ну, а потомъ и надоѣстъ таскать камни изъ стѣнъ, когда знаешь, что за ними не сидятъ *Regi*.

Онъ ихъ опять провелъ на Толедо, указывая по дорогѣ на тѣ мѣста, гдѣ особенно люто свирѣпствовала борьба, дѣлая вопросы и отвѣчая на ихъ вопросы, и заливаясь веселой болтовней съ безпечнымъ простодушіемъ мальчика.

Звали его, какъ онъ разсказалъ новымъ своимъ товарищамъ, Сильвіо-Бэни. Онъ былъ сыномъ палермскаго землевладѣльца, имѣющаго зѣмли на другомъ концѣ острова, и въ настоящее время служилъ адъютантомъ при генералѣ Медичи. За годъ передъ тѣмъ онъ уже дрался при Сольферино, въ качествѣ волонтера, но не имѣлъ намѣренія поступить въ регулярное войско, находя, что одно дѣло — драгься за свободу, а драгься за четыре *paoli* подневной платы—опять совсѣмъ другое. Онъ думалъ воздѣлывать маслины и виноградъ до конца вѣка, и прожить такою же сельскою жизнью, какъ предки его, лишь бы не проводила его въ нимъ преждевременно какая-нибудь шальная пуля.

Не умолкая ни на минуту, сициліанецъ провелъ Саксена и Кастельтауерса по главнымъ улицамъ города, представлявшаго поистинѣ страшное зрѣлище для глазъ, непривычныхъ къ ужасамъ войны. Тутъ ваялись остатки знаменитыхъ баррикадъ 27-го мая, тамъ возвышались полуразрушенныя стѣны университета, зданіе *Pretorio*, какъ рѣшето, пробитое пулями; далѣе монастырь *dei Sette angeli*, отъ котораго уцѣлѣлъ лишь одинъ остовъ. Еще далѣе прошли они мимо величаваго палаццо, лишеннаго кровли и оконъ, мимо почернѣлыхъ фундаментовъ церкви, когда-то прославленной своими архивами — по цѣлой улицѣ, зданія которой съ обѣихъ сторонъ держались на подпоркахъ, и ежеминутно угрожали паденіемъ—мимо массивныхъ обломковъ женскаго монастыря, въ которомъ безпомощныя сестры заживо сгорѣли безъ малѣйшей возможности къ спасенію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва остался камень на камнѣ; въ другихъ же огненная буря пронеслась безвредно и не оставила слѣдовъ.

Немного погодя, изъ обширнаго пространства, заваленнаго непроходимыми грудами развалинъ, и зараженнаго смрадомъ не-

психороненныхъ труповъ, они вышли въ другую часть города, пестрѣющую гуляющими, съ блестящими *caffè*, наполненными праздными потребителями: тутъ, съ кровли публичныхъ зданій, весело развѣвался національный флагъ, и такимъ же безопаснымъ чередомъ шла вѣчно неумолчная, пестрая суетливость южно-итальянскаго житья, какъ будто бомбы и гранаты—такія явленія, самое названіе которыхъ было неизвѣстно сициліанскому слуху.

Саксену казалось непостижимымъ, какъ могутъ эти люди упивать мороженое и рѣзаться въ домино, какъ будто среди ихъ давно-давно не случалось ничего такого, что способно возмутить ровное теченіе ихъ существованія. Такое хладнокровіе ему казалось невпразимой безчувственностью и безсердечіемъ, и, не имѣя привычки скрывать своихъ мыслей, онъ напрямикъ это высказалъ своему итальянскому спутнику.

Итальянецъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Они такъ обрадовались свободѣ! пояснилъ онъ, тономъ извиненія.

— Но какое же они имѣютъ право радоваться, когда мертвцы ихъ лежатъ непохороненные у самыхъ ихъ пороговъ? воскликнулъ Саксенъ съ негодованіемъ. — Какое они имѣютъ право забывать о сотняхъ безвинныхъ женщинъ и дѣтей, задавленныхъ и задушенныхъ въ собственныхъ жилищахъ, или о неаполитанцахъ—ихъ палачахъ?

— *Ah, gli assassini!* Ужь за это мы съ ними повѣтаемся при Мелатцо, быстро возвратилъ офицеръ.

Таковъ ужъ сициліанскій нравъ. Виды, наполняшіе графа и Саксена жалостью и ужасомъ, вызывали только мимолетное облако на лицѣ ихъ новаго знакомаго. Онъ такіе виды имѣлъ передъ глазами впродолженіе трехъ недѣль и освоился съ ними. Онъ могъ болтать и смѣяться въ самой оградѣ смерти, шаловливо карабкался по баррикадамъ, показывалъ мѣсто, гдѣ королевскія войска, *Regi*, были отражены, съ какой точки ворвались гарибальдійцы, разглагольствовалъ объ уступкѣ Ниццы, о вѣроятной продолжительности войны, о монахахъ, сбирахъ, иностранныхъ волонтерахъ, и о всѣхъ—тысячѣ и одномъ предметѣ, сопряженныхъ съ революціоннымъ дѣломъ, и вообще думалъ гораздо болѣе о наступающей экспедиціи, нежели о минувшей бомбардировкѣ.

Вдругъ въ ту самую минуту, какъ они вышли на *Marina*, изъ форта Галита раздался пушечный выстрѣлъ, и ихъ сициліанскій пріятель поспѣшно распростился съ ними.

— Это намъ сигналъ собираться на пароходъ, сказалъ онъ. — Если вы будете въ Мелатцо прежде, чѣмъ завяжется дѣло, спро-

сите меня. Я могу вамъ пригодиться. Во всякомъ случаѣ постараюсь.

— Этого обѣщанія мы не забудемъ, живо сказалъ Саксенъ.

— *Addio fratelli!*

И эти три молодые человѣка, ожидавшіе предстоящаго сраженія, какъ какой-нибудь *partie de plaisir*, которые еще за часъ были совершенно чужими другъ для друга, но пришли въ столкнове- ніе благодаря случаю, а подружились черезъ общую всѣмъ имъ любовь къ свободѣ, безпечную храбрость и вѣру въ святость одного и того же дѣла, обнялись и разстались, буквально, какъ братья.

Оставшіеся вдвоемъ пріятели велѣдъ затѣмъ отправились-было прямо въ гостиницу «Тринаврія», но узнавъ, что Колонны еще нѣтъ, немедленно повернули къ набережной. Тутъ засталъ они густую толпу, и увидали «City of Aberdeen» съ разведенными парами и палубою, покрытою войсками.

Народъ колыбался въ необузданномъ волненіи и стоялъ такой сплошною массою, что молодымъ людямъ такъ же легко было бы протолкнуться черезъ каменную стѣну, какъ черезъ эту живую преграду, отдѣляющую ихъ отъ пристани. Изъ восклицаній обру- жающихъ они поняли, что войска стояли на палубѣ, а самъ Гарибальди находился въ кают-компаніи. Поминутно поднимался крикъ въ честь котораго нибудь изъ офицеровъ, на мгновеніе появляющагося на палубѣ; иногда же просто отъ полноты сердечной, толпа вдругъ разражалась бурными *evviva!*

Но вотъ офицеръ изъ *Cacciatori*, съ извѣстнымъ всѣмъ знач- комъ изъ пѣтушинныхъ перьевъ на шляпѣ, бѣгомъ пронесся по набережной. Толпа разступилась передъ нимъ, точно волшеб- ствомъ, и на него посыпались благословенія и дружескія *addio*.

— Знаете вы, кто это такой? спросилъ Саксенъ окружающихъ.

— Нѣтъ, Господь съ нимъ! отвѣчалъ одинъ.

— Мы только знаемъ, что онъ идетъ за насъ сражаться, ска- залъ другой.

— Мадонна и всѣ святые да хранятъ его! прибавилъ третій.

Въ эту минуту толпа внезапнымъ движеніемъ подалась на- задъ, изъ тысячи гортаней вырвался могучій возгласъ, раздался пушечный выстрѣлъ, «City of Aberdeen» тронулся!...

Еще мгновеніе, и вся эта масса пошатнулась, разбилась, от- хлынула подобно могучему морскому прибою, и полилась черезъ *Porta Felice*, провозная пароходъ вдоль приморскаго гулянья *della Marina*. Войска на палубѣ стояли неподвижно, съ руками, приложенными къ шляпамъ, въ знакъ прощальнаго привѣта на- роду. Толпа стремительно бѣжала вдоль берега, плавала, съумас-

шествовала, хлопала въ ладони, не переставая кричать: «*Viva Garibaldi! Viva la Libertà!*» Одна женщина упала на колѣна посреди набережной, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, и стала громко молиться за освободителей.

Графъ и Саксенъ молча стояли прижавшись другъ къ другу, и глядѣли вслѣдъ за исчезающимъ пароходомъ, прислушиваясь къ поминутно слабѣющимъ и удаляющимся крикамъ.

— Боже милостивый! сказалъ Кастельтауерсъ: — что за страшная вещь расшевеленное человѣческое чувство, когда оно проявляется въ такихъ размѣрахъ! Посмотрѣлъ бы я на этотъ народъ, какъ онъ срывалъ замки!

Саксенъ вздохнулъ полной грудью, прежде нежели отвѣчалъ, и слова его повидимому не имѣли отношенія къ замѣчанію графа.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Кастельтауерсъ? сказалъ онъ: — мнѣ чувствуется, какъ-будто намъ не приходится здѣсь оставаться даже полчаса лишнихъ. Ради-бога, купимъ пару красныхъ рубашекъ и пустимся за ними въ погоню во всю прыть крошки «Албулы»!



ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Соч. А. Т. ГРИММА.

ALEXANDRA FEODOROWNA, Kaiserin von Russland, von A. Th. Grimm.
1866. Leipzig.

Статья четвертая.

Х.

Послѣ свадьбы старшей великой княжны, въ императрицѣ замѣтна стала, вмѣсто выраженія полного счастья, нѣкоторая сумрачность, которую она не скрывала даже при появленияхъ своихъ въ публикѣ. Этотъ оттѣнокъ, хотя онъ ускользалъ отъ большей части постороннихъ, но сильно поражалъ приближенныхъ къ ней лицъ и, наконецъ, она сама слѣдующимъ образомъ высказалась по этому поводу: «Мною овладѣваетъ тихая грусть, даже просто горе, при мысли, что мой семейный кружокъ въ зимнемъ дворцѣ убавился; при этомъ я не могу отъ себя скрывать, что и наследникъ скоро со мною разлучится и оснуетъ собственный домашній очагъ, и что въ скоромъ времени за нимъ послѣдуютъ и остальные мои дочери. Освященіемъ новаго зимняго дворца обозначился конецъ счастливой поры моей жизни; лучшее время, прожитое мною, какъ матерью и женою, безвозвратно погибло вмѣстѣ съ старымъ дворцомъ. Мало того, что молодость и здоровье мнѣ измѣняются, меня и счастье, кажется, собирается покинуть». Дѣйствительно, тамъ, гдѣ есть счастье, всякая переменна—враждебный элементъ, и государыня не обманывала себя, говоря, что она вступила въ новый жизненный періодъ. Около того времени портретная галерея зимняго дворца обогатилась портретомъ императрицы во весь ростъ, написаннымъ одной англичанкой, мистрисъ Робертсонъ; на этой картинѣ она представлена еще въ полной прелести молодости, но ея грустное настроеніе выражается въ бѣлой розѣ, которую она держитъ въ рукѣ, и листья которой начинаютъ опадать. Портретъ

этотъ ни по рисунку, ни по колориту, не можетъ сравниться съ мастерскими изображеніями императрицъ Екатерины Великой и Маріи Теодоровны, которыя находятся въ романовской галереѣ; онъ не льститъ оригиналу и еще менѣе идеализируетъ его, но прекрасно передаетъ то тихое, свѣтлое настроеніе, въ которомъ государыня такъ часто въ послѣдніе годы показывалась публикѣ. Въ романовской галереѣ есть еще одинъ портретъ Александры Теодоровны, англійскаго художника Доу — того самого, который писалъ портреты русскихъ генераловъ, участвовавшихъ въ войнахъ съ французами. Главная разница между этими двумя произведеніями заключается въ томъ, что на картинѣ мистрисъ Робертсонъ вы видите императрицу въ полномъ царственномъ величїи, за которымъ однако ясно проглядываютъ слѣды многихъ тяжкихъ перенесенныхъ испытаній, тогда какъ на картинѣ Доу передъ вами счастливая великая княгиня, обитательница анчковскаго дворца, мать двухъ прелестныхъ малютокъ: тутъ ужасы 14 декабря и холеры не коснулись еще счастливой безпечности улыбающейся молодой жены и матери.

Грустное предчувствіе государыни, предвидѣвшей постепенное разрушеніе своего семейнаго счастья, незамедлило отчасти сбываться. Къ неудовлетворительному состоянію ея здоровья, снова пострадавшаго отъ пребыванія въ Петербургѣ въ суровое зимнее время, несмотря на всѣ предосторожности и спокойную жизнь, которую она вела съ самого возвращенія царской фамилии въ восстановленный зимній дворецъ, прибавилось еще безпокойствіе, внушаемое ей постоянно получаемыми прискорбными извѣстіями о болѣзни отца ея, короля прусскаго, которая оставляла весьма малую надежду на выздоровленіе семидесятилѣтнаго старца. Дѣйствительно, силы его съ каждымъ днемъ упали, и въ апрѣлѣ уже было объявлено докторами, что никакія искусственныя средства не въ состояніи поддержать въ немъ потухающую искру жизни. Отъ императрицы, несмотря на собственное ея болѣзненное состояніе, невозможно было утаить безнадежность положенія короля и когда она, 3 іюня, прибыла въ Берлинъ съ великой княжной Ольгой Николаевной, то застала его уже почти въ безпамятствѣ. 7 іюня приѣхалъ и самъ императоръ, но умирающій тестъ уже не узналъ его, и въ вечеру того же дня скончался. Подъ впечатлѣніемъ этого событія и послѣдовавшей за нимъ печальной церемонїи, путешествіе императрицы въ Эмсъ, конечно, уже не сопровождалось такимъ отраднымъ расположеніемъ духа, какъ первое ея посѣщеніе Рейна вмѣстѣ съ отцомъ и мужемъ; все же эмскія воды принесли ей видимую пользу. Ея вторая дочь, великая княжна Ольга Николаевна, раздѣляла съ нею ея однообразное одиночество, и государь не жи-

данно обрадоваль ее, отправивъ къ ней на недѣлю великаго князя Константина Николаевича. Кромѣ того, она оживила свой тихій кружокъ, допустивъ въ него двѣ изъ первыхъ европейскихъ знаменитостей: безсмертнаго Мейербера и царя пьянцовъ — Франца Листа, которыхъ она приняла съ равною привѣтливостью, хотя и оказывала больше душевнаго расположенія своему гениальному соотечественнику, автору «Роберта» и «Гугенотовъ», съ которымъ ей въ первый разъ приводилось лично встрѣтиться. Одной изъ причинъ этого сближенія была симпатичная личность великаго композитора, который былъ столько же милъ и непретендательнъ въ свѣтскомъ обращеніи, какъ глубокъ и недосягаемъ въ музыкальной области. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ уже извѣстнымъ пѣннстомъ, и однажды удостоился искренней похвалы Шиллера за бетховенскую сонату, сыгранную имъ на одномъ музыкальномъ вечерѣ, въ домѣ отца своего. Теперь талантъ его, какъ исполнителя, доставилъ опечаленной больной императрицѣ много отраднхъ часовъ, во время которыхъ онъ ее знакомилъ съ лучшими мѣстами «Гугенотовъ», на сколько это возможно было съ помощью одной рояли. Такимъ образомъ время, назначенное для пребыванія государыни въ Эмсѣ, прошло нѣсколько одиноко и монотонно, но и не безъ такихъ минутъ и впечатлѣній, которыя бы могли впоследствии служить матеріаломъ къ пріятнымъ воспоминаніямъ. Еще прежде отъѣзда своего она достовѣрно узнала, что семья ея въ скоромъ времени увеличится новымъ членомъ, въ лицѣ шестнадцатилѣтней принцессы Маріи гессен-дармштатской, избранной наслѣдникомъ въ подруги жизни во время его путешествій по Европѣ, въ которыхъ онъ провелъ немногіе годы, немедленно послѣдовавшіе за объявленіемъ его совершеннолѣтія; и такъ императрица возвратилась въ Россію уже въ сопровожденіи молодой принцессы, рѣшившейся безотлагательно послѣдовать за нею на новую свою родину, гдѣ свадьба ея совершилась по истеченіи полугодя, предоставленнаго ей для ознакомленія съ языкомъ и обычаями страны.

Если въ послѣднія зимы, вслѣдствіе нездоровья государыни и повесенной ею утраты, шумныя общественныя увеселенія не достигали въ столицѣ такого разгара, какъ въ былые годы, за то замѣнявшіе ихъ концерты и музыкальные вечера, какъ публичныя такъ и частныя, дали сильный толчокъ развитію въ высшихъ кругахъ музыкальнаго вкуса и наклонности. Петербургъ весь обратился къ меломаніи, подъ вліяніемъ примѣра, который подавалъ ему самъ дворъ, и присутствія въ его средѣ плеяды величайшихъ музыкальныхъ именъ той эпохи, да и многихъ послѣдующихъ эпохъ. До этого времени казалось, будто царская фамилія оказывала нѣкоторое предпочтеніе живописи передъ музыкой: самъ императоръ лю-

биль рисовать военныя сцены и эскизы подъ руководством Заурейда, и это занятіе въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ нерѣдко раздѣляли съ нимъ его дочери; государыня часто посѣщала эрмитажъ. Но въ послѣднее время все это значительно измѣнилось: государю, заваленному дѣлами и заботами, давно уже не выдавалась ни одна свободная минута, которую бы онъ могъ посвятить своему любимому развлеченію; государыня же ни разу почти не могла отважиться на прогулку по эрмитажу, не платясь за это удовольствіе вѣрной простудой. Вслѣдствіе этого она рѣшилась поочередно переселять на время къ себѣ въ кабинетъ свои любимыя картины испанской и итальянской школы, и исключительно обратилась къ музыкѣ, какъ къ единственному почти развлеченію, вполне доступному при ея условіяхъ, и, притомъ, имѣющему большее общественное значеніе, нежели живопись, которая болѣе или менѣе обособляетъ тѣхъ, кто ею занимается, тогда какъ музыка, требующая участія возможно большаго числа лицъ, въ качествѣ либо исполнителей, либо слушателей, этимъ самымъ служитъ соединяющимъ элементомъ, особенно удобнымъ и драгоценнымъ тамъ, гдѣ одно изъ обязательныхъ занятій жизни должно состоять въ томъ, чтобы свести и по возможности слить въ одно гармоническое цѣлое многочисленное и разнородное общество. Со времени пожара зимняго дворца, въ особенности обнаружилась въ царской фамилии любовь къ оперѣ, пѣнію и такъ-называемой комнатной музыкѣ. Къ этому времени слѣдуетъ отнести открытіе залы дворянскаго собранія, что на Михайловской улицѣ, назначенной для баловъ и маскарадовъ, но еще болѣе для блестящихъ концертовъ, которыми филармоническое общество, съ самаго основанія своего, не переставало ежегодно дарить музыкально развитую часть публики, привлекая ее не только выборомъ исполняемыхъ твореній, но и громкими именами первыхъ современныхъ знаменитостей, по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго искусства, поочередно приглашавшихся участвовать въ этихъ концертахъ, которые вскорѣ приняли и до сихъ поръ сохранили размѣры истиннаго, нетерпѣливо-ожидаемаго знатоками и любителями художественнаго торжества. Дилетанты-артисты въ короткое время размножились въ высшемъ обществѣ до неимовѣрной степени; рядомъ съ двумя графами Вильгорскими ярко свѣтился талантъ полковника А. Львова, съ которымъ смѣло могъ состязаться молодой гвардейскій офицеръ Бахметевъ; каждый разъ, какъ внезапно пробудившееся влеченіе къ музыкальнымъ наслажденіямъ обращалось на пользу патріотическихъ и благотворительныхъ цѣлей, въ оркестрѣ то и дѣло мелькали серебряныя и золотыя эполеты наперерывъ съ черными придворными фраками; хоры исполнялись исключительно любителями изъ высшаго круга; между дамами дво-

ра было много пьянистокъ, достигнувшихъ, по большей части подъ руководствомъ Гензельта, изумительнаго совершенства исполненія.

Въ довершеніе музыкальнаго упоенія, охватившаго петербургское общество съ 1839 г., берега Невы еще разъ привѣтствовали знаменитѣйшую изъ европейскихъ пѣвицъ, Генриетту Зонтагъ, теперь уже графиню Росси, жену сардинскаго посланника при русскомъ дворѣ. Возвращеніе ея въ столицу, столь гостеприимно принявшую ее во время ея перваго, недолговременнаго пребыванія въ ней, было неменьшимъ праздникомъ для графини, нежели для самаго общества и двора; она была встрѣчена съ восторженнымъ радушіемъ, какъ дорогая, ни на минуту незабытая гостя и немедленно заняла то почетное мѣсто, которое по праву принадлежало ея выдающейся изъ обыкновеннаго ряда личности, но которымъ она, въ несчастію, не вполне могла пользоваться въ Туринѣ, гдѣ заносчивая пьемонтская аристократія считала вступленіе нѣмецкой пѣвицы въ ея ряды чуть не преступнымъ покусеніемъ на права и достоинства гордаго сословія. Графъ Росси, вслѣдствіе своей женитьбы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергался какому-то остракизму и оставался отстраненнымъ отъ государственной службы, пока ему наконецъ, въ видѣ особенной милости, не было дано посланническое мѣсто въ Бразиліи, потомъ, уже послѣ значительнаго времени, въ Голландіи, а наконецъ при Германскомъ Союзѣ. Но и тутъ жена его находилась внѣ своей естественной сферы. Хотя она ограничивала свою музыкальную дѣятельность нѣсколькими частными домами, однако и это уже подвергало ее нѣкоторому, полутерятому нареканію со стороны чопорныхъ членовъ женской половины дипломатическаго корпуса, которая, будучи исключительно аристократическаго состава, была на столько безтактна и неделикатна, что пользовалась каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы заставить графиню чувствовать всю неловкость ея положенія. Тогда какъ нѣкогда отпрягали лошадей отъ кареты пѣвицы и осыпали ея цвѣтами, теперь какой нибудь секретарь посольства задумывался о томъ, подобаешь ли женѣ его сдѣлать первый визитъ женѣ посланника. Понятно, какъ широко и привольно вздохнулось этой чуткой артистической натурѣ, столько лѣтъ томившейся подъ безчисленными, невидимыми увалами микроскопическихъ булавотъ нѣмецкой щепетильности, когда она снова перенеслась въ среду, сочувствующую ея таланту и личности, и увидѣла себя окруженною неподдѣльнымъ расположеніемъ общества и двора, привыкшихъ высоко цѣнить великихъ виртуозовъ, и принимавшихъ, напримѣръ, Тальберга съ бѣльшимъ почетомъ, нежели посланниковъ не одной изъ второстепенныхъ державъ. Для графини раскрылись всѣ домъ и сердца. Вскорѣ послѣ своего представленія при дворѣ, она была

приглашена на одно изъ тѣхъ интимныхъ вечернихъ собраний, для вмѣщенія которыхъ кабинетъ императрицы оказывался достаточно просторнымъ. Государыня встрѣтила графиню съ такою же ласкою, съ какою, восемь лѣтъ передъ тѣмъ, она приняла пѣвицу, Генриетту Зонтагъ, и съ удивленіемъ должна была убѣдиться, что талантъ ея, несмотря на удаленіе отъ театра, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого удаленія, развился до идеальности. Государыня и небольшое окружающее ее общество, въ особенности были очарованы и приведены въ религіозно-восторженное настроеніе ея исполненіемъ дивной Шубертовой мелодіи «*Ave Maria*». Графиня охотно позволяла себя слушать и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ, какъ напримѣръ у генерала Львова, у графовъ Віельгорскихъ; во всему городу хотѣлось ее услышать и со всѣхъ сторонъ громче и громче стали раздаваться вопросы—не приметъ ли она участія въ предстоящемъ патріотическомъ концертѣ? Пѣвица Генриетта Зонтагъ съ полной готовностью отозвалась на подобное желаніе публики, но графинѣ Россіи предстояло множество значительныхъ препятствій къ исполненію его. Туринскій дворъ недоволенъ былъ уже тѣмъ, что она пѣла въ небольшихъ обществахъ, но, разумѣется, не могъ воспретить ей пѣнія въ границахъ дилеттантизма; за то противъ ея предполагается появленія передъ публикою послѣдовалъ формальный запретъ. Но императоръ Николай не имѣлъ привычки отказываться отъ своихъ желаній ради подобныхъ узкихъ предрасудковъ, и приказалъ объявить отъ его имени туринскому двору, что достоинство посольства нисколько не пострадаетъ, если графиня будетъ соучаствовать своимъ талантомъ въ обществѣ, быть причисленнымъ къ которому считается за честь первыми и самыми старинными фамиліями имперіи. Вслѣдъ за этимъ заявленіемъ было получено официальное согласіе двора. Къ несчастію, концерты въ этомъ году еще происходили въ прежней, Энгельгардтовской залѣ, и только сравнительно незначительной части публики могло быть дозволено восхищаться предметомъ всеобщаго поклоненія, хотя исполненіе и повторялось до четырехъ разъ, подъ названіемъ «генеральной репетиціи». Но съ этой минуты графиня пользовалась уже большей свободой дѣйствій въ собственномъ своемъ домѣ и другихъ частныхъ домахъ, и стала душою нѣсколькихъ образовавшихся музыкальныхъ кружковъ. Когда же на слѣдующій годъ новая зала дворянскаго собранія должна была быть обновлена патріотическимъ концертомъ, то уже не было рѣчи о томъ, чтобы графиня отказала ему въ своемъ участіи. Ее при этомъ случаѣ поддерживала, извѣстная до тѣхъ поръ только красотою, баронесса Крюденеръ, великолѣпнымъ контральто и глубокими музыкальными познаніями, и, съ содѣйствіемъ графини Бен-

гендорфъ, князя Григорія Волконскаго и еще одного любителя, Пашкова, финалы изъ «Дон-Жуана» и «Гугенотовъ» были исполнены въ такомъ совершенствѣ, какое едва представляла итальянская опера въ Парижѣ. Послѣ этого блестящаго концерта, графиня приняла приглашеніе отъ приходившаго въ то время въ нѣкоторый упадокъ филармоническаго общества, и зала снова переполнилась публикой. Съ этого времени ей пришлось положить границы своей готовности принимать участіе въ безчисленныхъ частныхъ концертахъ, чтобы избѣгнуть не только злоупотребленій ея добротою, но и неприятныхъ толковъ, которые кое-гдѣ возникали уже даже по поводу участія ея въ концертѣ филармоническаго общества.

Впродолженіе зимы, послѣдовавшей за возвращеніемъ императрицы изъ Эмса, графиня Росси продолжала занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ обществѣ и при дворѣ, и попрежнему была душою интимныхъ музыкальныхъ вечеровъ, которые государыня правильно устраивала по воскресеньямъ въ своемъ кабинетѣ. Въ этомъ году нѣкогда знаменитая, но уже значительно состарѣвшаяся пѣвица Паста посѣтила Петербургъ, но скоро возвратилась на Западъ, далеко неудовлетворенная оказаннымъ ей приѣмомъ, и не успѣвъ въ своемъ намѣреніи основать въ Россіи итальянскую оперу. Но пребываніе Пасты въ Петербургѣ возбудило въ государынѣ желаніе еще разъ увидать графиню Росси, въ одной изъ ея неподражаемыхъ ролей. Желаніе это было съ восторгомъ принято всѣмъ дворомъ, но далеко не встрѣтило одобренія въ дипломатическомъ корпусѣ, члены котораго уступили только убѣжденіямъ вліятельнаго и общепочитаемаго посланника австрійскаго, графа Фикельмона. Концертная зала зимняго дворца была обращена въ театръ, а мѣста оставлены не болѣе какъ для двухсотъ зрителей. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находились фрейлина Бартенева и графъ Иванъ Матвѣевичъ Толстой, другъ наследника и слугникъ его во время его путешествій, обладавшій прекрасно разработаннымъ голосомъ. Второстепенныя роли тоже исполнялись придворными лицами. Выборъ палъ на «Соннамбулу», Беллини—оперу, которую императрица предпочитала изъ всѣхъ новѣйшихъ итальянскихъ твореній. Эту роль графиня Росси менѣе другихъ любила играть, за то пѣла ее съ неподражаемой душой. Въ числѣ двухсотъ зрителей, допущенныхъ на представленіе, было весьма немного лицъ, видѣвшихъ великую артистку на театрѣ до ея замужества. Уже при генеральной репетиціи слушатели разразились оглушительными взрывами аплодисментовъ, что было тѣмъ замѣчательнѣе, что маленькая публика состояла почти исключительно изъ однихъ пожилыхъ мужчинъ и дамъ. Многіе изъ неприняшен-

нихъ предлагали придворнымъ лакеямъ значительныя суммы за какое бы то ни было мѣсто въ какомъ нибудь уголку или корридорѣ—но напрасно. Государыня, по окончаніи въ высшей степени удачнаго представленія, не знала, какъ благодарить пѣвицу, которая, со своей стороны, была, можетъ быть, еще болѣе признательна государынѣ, доставившей ей, послѣ столького времени томительнаго артистическаго бездѣйствія, случай снова испытать свои силы въ знакомой и давно покинутой сферѣ. Но вдругъ въ городѣ распространилась вѣсть, что, слѣдующимъ лѣтомъ, графъ будетъ отозванъ своимъ правительствомъ и назначенъ къ берлинскому или вѣнскому двору. Въ то время были истощены всѣ предположенія относительно причинъ подобной перемѣны; но вѣроятнѣе всего, что причиной тутъ было собственное желаніе графа, столько же потому что, несмотря на свое дипломатическое значеніе, его личность оставалась почти совершенно въ тѣни, сравнительно съ личностью его жены, какъ и потому, что издержки, сопряженныя съ пребываніемъ въ Петербургѣ при такихъ условіяхъ, превышали средства, доставляемыя ему туринскимъ дворомъ, и личное его, далеко неблестящее, состояніе. Самой графинѣ грустно было разставаться съ Петербургомъ: она знала, что нигдѣ не будетъ такъ опѣнена и любима. Государыня тоже далеко неравнодушно простилась съ тою, которая въ продолженіе трехъ лѣтъ доставляла ей столько возвышенныхъ наслажденій, и послѣ ея отъѣзда, дѣйствительно послѣдовавшаго около середины лѣта 1841 г., рѣшилась вознаграждать себя и все столичное общество за отсутствіе простившагося съ нимъ навѣки его музыкальнаго кумира, переселеніемъ въ Петербургъ изъ Парижа итальянской оперы на осенніе и зимніе мѣсяцы. Вслѣдствіе пробудившагося съ такой силой музыкальнаго чувства, это стало положительной потребностью общества. Примѣръ графини Росси разсѣялъ опасенія итальянскихъ пѣвцовъ, боявшихся утратить на сѣверѣ свои голоса, хотя, по правдѣ сказать, лучшимъ изъ нихъ, какъ напримѣръ Рубини, почти болѣе нечего было и терять. Правда, что требованія ихъ превышали все, до тѣхъ поръ слышанное, но петербургская дирекція еще до прибытія ихъ составила абонементный списокъ, который съ избыткомъ покрылъ всѣ расходы, и, что еще неслыханнѣе въ театральныхъ лѣтописяхъ, былъ уплаченъ за шесть мѣсяцевъ впередъ.

• Въ зиму, предшествовавшую пріѣзду итальянцевъ, изъ Берлина прибылъ давно желанный Листъ, и вечеромъ того же дня на минуту навѣдался въ графу Вельгорскому. Тамъ, уже задолго до него, собралось блестящее общество, среди котораго великій артистъ явился въ дорожномъ пальто и съ дорожной палкой, какія употребляются при восшествіи на высокія нѣмецкія горы. Не было

границь нетерпѣннѣю послушать его, но онъ напрямикъ объявилъ, что не намѣренъ дотронуться до инструмента, пока его не послушаетъ дворъ. Подобно любому вельможѣ, онъ со своей свитой занималъ цѣлый флигель отеля, въ которомъ остановился, и держалъ открытый столъ; приборъ посѣтителей у его подъѣзда былъ гораздо еще сильнѣе, чѣмъ даже у подъѣзда графини Росси. Несмотря на свое заявленіе, онъ на слѣдующій вечеръ, послѣ прѣзда, игралъ у принца Ольденбургскаго въ присутствіи лично знакомаго еще ему Гензельта, и затѣмъ, уже при императорскомъ дворѣ, при необыкновенно многочисленномъ обществѣ. Сначала всѣ были поражены, изумлены, и, по правдѣ сказать, озадачены его игрою, и никто не рискнулъ первый высказать свое сужденіе. Самъ императоръ оставался холоденъ и невозмутимъ — онъ рѣшительно не понималъ, чтобы можно было ставить игру Листа на одну доску съ пѣніемъ Росси. Музыкальное чувство государя никогда не было съ особенной заботливостью разработано; музыка для него существовала лишь трехъ родовъ: либо церковная, либо военная, либо оперная и народная. Изъ оперъ онъ выше всѣхъ ставилъ «Дон-Жуана», и почти всегда требовалъ повторенія терцета и одной изъ арій Дон-Октавіо; въ другихъ операхъ, какъ напримѣръ въ «Фенеллѣ», онъ предпочиталъ хоры, точно также и въ операхъ Мейербера. Игра на фортепяно никогда не имѣла для него ни малѣйшей прелести, и въ исполненіи Листа онъ видѣлъ только достоинство преодоляемыхъ трудностей. Но артистъ какъ-бы поставилъ себѣ задачей вынудить у государя одобреніе; онъ сыгралъ нѣсколько военныхъ маршей, и сдѣлалъ ими затронуть его слабую струну. Послѣ нѣсколькихъ дней, послѣдовалъ первый публичный концертъ Листа въ залѣ дворянскаго собранія, при стеченіи четырехъ тысячъ слушателей; этотъ вечеръ принесъ ему пятьдесятъ-четыре тысячи франковъ, и приведенная въ восторгъ публика не знала, какъ величать знаменитаго артиста. Его называли то Наполеономъ, то Шекспиромъ, наконецъ, даже Мефистофелемъ фортепянной игры; всѣ добивались чести принять у себя человѣка, сдѣлавшагося въ полномъ смыслѣ львомъ сезона, и Петербургъ началъ уже съ завистью поглядывать на Москву, опасаясь, чтобы онъ тамъ не остался долѣе, чѣмъ на берегахъ Невы. Вращаясь въ высшемъ обществѣ, Листъ отличался рѣдкой пріятностью обращенія въ разговорѣ, былъ остроуменъ не менѣе Россини, и не относился къ второстепеннымъ артистамъ свысока, подобно Тальбергу, такъ что вездѣ производилъ глубокое и благопріятное впечатлѣніе. Онъ съ ранней молодости привыкъ къ повлону парижскаго большого — и пустого — свѣта, но не былъ имъ избалованъ; за то онъ никогда не высказывался весь передъ много-

численной незнакомой публикой, и скорѣе презиралъ, нежели искалъ одобреніе толпы. Онъ самъ сознавалъ, что никакое исполненіе на его инструментѣ не въ состояніи замѣнить пѣнія, и что одна только многосторонность можетъ придать игрѣ его прочное достоинство. Выслушавъ всякаго другого піаниста два раза, вы его разгадываете; но всесторонность Листа была такъ поразительна, что заставляла забывать всѣхъ другихъ. Онъ весьма ловко выбралъ время своего появленія въ Петербургѣ, приурочивъ его между отъѣздомъ графини Росси и прибытіемъ итальянцевъ. Императрица слышала его не только при дворѣ и въ публичныхъ концертахъ, но и въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ, и откровенно созналась, что онъ въ небольшой гостиной совсѣмъ другой чело-вѣкъ, нежели въ громадной концертной залѣ».

Лѣтомъ 1842 г., императоръ и императрица праздновали свою серебряную свадьбу; ничто не печалило это семейное торжество, кромѣ сожалѣнія о томъ, что отецъ государыни не раздѣлялъ его, какъ они надѣялись еще въ 1840 г. При этомъ случаѣ не было шумнаго, всенароднаго празднества; праздникъ ограничился тѣснымъ семейнымъ кружкомъ, къ которому на это время присоединился и новый король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, въ первый разъ послѣ 1818 г. посѣтившій Петербургъ, и до тѣхъ поръ весьма мало лично знакомый съ своимъ царственнымъ зятемъ, съ которымъ онъ, по характеру и стремленіямъ, во многихъ отношеніяхъ представлялъ совершеннѣйшій контрастъ.

XI.

Празднованіе серебряной свадьбы, которое во всякой семьѣ обозначаетъ важную эпоху, было послѣднимъ, вполне мирнымъ и счастливымъ эпизодомъ жизни Александры Θεодоровны. До сихъ поръ, несмотря на ея постоянно увеличивающееся болѣзненное состояніе, домашнее счастье ея не нарушалось ни однимъ изъ тѣхъ переломовъ, которые оставляютъ въ душѣ неизлечимую тоску: всѣ семеро ея дѣтей, ея радость и гордость, цвѣли повидимому здоровьемъ и счастьемъ, и хотя старшіе уже въ свою очередь основали новые семейные очаги, но и они не удалились отъ родительскаго крова и родной земли. На дочерей, неразлучныхъ съ нею съ рожденія, она смотрѣла съ особенной нѣжностью и гордостью, не вѣдая, что одна изъ нихъ — младшая, самая любимая, давно уже отмѣчена страшной болѣзью, которая на нашемъ суровомъ сѣверѣ, словно съ какимъ-то хищническимъ злорадствомъ истребляетъ по преимуществу самыя нѣжно-взлелѣяныя надежды, самыя прелестныя существа. Какъ была любима великая княжна

Александра Николаевна, какъ искренно оплакиваема, когда злая чухотка такъ внезапно пресѣкла ея молодую, только-что расцвѣтающую жизнь — это всякому извѣстно, или по личнымъ воспоминаніямъ, или по тому, что рассказываютъ тѣ, которые были свидѣтелями неподдѣльной горести, поразившей весь городъ въ тѣ печальные дни. Дѣйствительно, въ характерѣ ея, во всей ея личности было нѣчто столь безыскусственное и привлекательное, противъ чего не могъ устоять никто, встрѣчавшійся съ нею хотя бы мелькомъ, издалека. Даже когда она проходила по улицѣ, въ сопровожденіи своей гувернантки, мисъ Гиггимботомъ, она поражала прохожихъ, незнавшихъ ее въ лицо. «Въ чертахъ ея выражалась болѣе нежели обыкновенная, какъ-бы обязательная привѣтливость, которую такъ рано внушаютъ царскимъ дѣтямъ, болѣе нежели веселость безпечнаго ребѣнка: онѣ дышали такимъ благородствомъ и добротою, которыя отличали ее отъ прочихъ ея сверстницъ, даже отъ ея старшихъ сестеръ. При малѣйшей улыбкѣ ея маленькаго рта, по всему лицу ея разливался какой-то теплый свѣтъ, каждое ея слово обворожало того, къ кому оно было обращено, потому что каждое слово ея выходило изъ добраго теплаго сердца. Съ десятаго года въ ней обнаружилось большое музыкальное дарованіе; она тогда уже любила слушать бетховенскія «Adagio», а тринадцати лѣтъ сама уже играла ихъ съ рѣдкимъ пониманіемъ. Она часто сожалѣла, что положеніе ея, какъ великой княжны, не дозволяло ей ознакомиться съ жизнью во всей ея богатой 'разносторонности, и не могла подавить въ себѣ желаніе узнать природу болѣе величественную, нежели какой она является въ окрестностяхъ Петербурга. Она прыгала отъ радости, когда узнала, что ей предстоитъ ѣхать вмѣстѣ съ матерью въ Крайтъ, въ Баварію. «Софья Ивановна! радостно обратилась она къ своей гувернанткѣ: «мы увидимъ Альпы и будемъ рвать альпійскія розы: ужъ я знаю, кому буду приносить букеты!» Во все время дороги, великая княжна съ глубокимъ, восторженнымъ чувствомъ описывала братьямъ и сестрамъ свои впечатлѣнія, и осенью, по возвращеніи въ Царское Село, изливала все счастье, переполнившее ея душу въ это лѣто въ безконечныхъ разсказахъ; но именно въ это время замѣтили, что она въ послѣдніе пять мѣсяцевъ не въ мѣру выросла, и при всѣхъ усиліяхъ не могла скрыть не очень сильнаго, но неотвязнаго кашля, который сначала приписали простудѣ, схваченной въ горахъ, или быстрому росту, и долго считали незначительнымъ явленіемъ. Кашель, дѣйствительно, унялся, одно время даже совсѣмъ пропалъ, и хотя повременамъ снова возвращался въ болѣе или менѣе сильной степени, однако, постоянно приписывался даже докторами какой-нибудь случайной причинѣ — то морозу, то излишней су-

хости воздуха въ зимнемъ дворцѣ, и не возбуждалъ особенной тревоги. Между тѣмъ, въ великой княжнѣ, со времени ея возвращенія изъ-за границы, обнаружился положительный и замѣчательный талантъ къ пѣнію. Бартенева первая замѣтила ея прекрасный голосъ, и обратила на него вниманіе императрицы, которая поспѣшила совѣтоваться по этому поводу съ графиней Росси; послѣдняя пришла въ восторгъ отъ обширности и звучности этого молодого, но полного и гибкаго органа, и серьезно упрасивала государыню не оставлять такого драгоценнаго дара природы безъ должной разработки. Учителемъ великой княжны былъ избранъ итальянецъ Солива, и она, въ теченіе года правильнаго преподаванія, оказала громадныя успѣхи. Но, по окончаніи этого года, Солива выразилъ значительныя опасенія на счетъ состоянія здоровья своей ученицы, и гувернантка поспѣшила увѣдомить объ этомъ докторовъ. Къ несчастью, послѣдніе сочли это предупрежденіе итальянца за непрошеное и неумѣстное вмѣшательство въ ихъ должность, и увѣреніями своими успокоили даже тревожныя материнскія опасенія императрицы. Словомъ, не было предпринято ничего для предотвращенія грозящаго гибельнаго недуга. Наружность великой княжны была болѣе цвѣтушая, нежели когда-либо, только кашель упорно возвращался, но такъ-какъ онъ рѣдко беспокоилъ ее во время пѣнія, то всѣ окружающіе предавались полнѣйшему спокойствію. Между тѣмъ, Солива почему-то долженъ былъ уѣхать изъ Россіи. Государыня снова обратилась къ графинѣ Росси, которая предложила выписать изъ Праги свою бывшую учительницу пѣнію, нѣкую синьору Чекка, а до пріѣзда ея вызвалась сама заниматься съ великой княжной. Александра Николаевна невыразимо обрадовалась представившейся ей возможности изучать ея любимое искусство подъ руководствомъ величайшей изъ современныхъ пѣвицъ, и съ особеннымъ увлеченіемъ исполняла одинъ изъ любимыхъ романсовъ графини, на слова Гёте: «Jhr verblühet, süsse Rosen» (Вы отцвѣтаете, прелестныя розы), не предчувствуя, что въ этой, полной задушевной грусти пѣсни, она воспѣваетъ саму себя...

«Однако, вскорѣ послѣ отъѣзда графини Росси изъ Петербурга, новая учительница великой княжны, синьора Чекка, тоже замѣтила ея гувернанткѣ, что нѣкоторыя ноты въ ея пѣніи производятъ на нее тяжелое впечатлѣніе, и заставляютъ задумываться о состояніи легкихъ ея ученицы. Испуганная англичанка сообщила слова учительницы на этотъ разъ уже самой императрицѣ, которая рѣшилась поручить Мандту изслѣдовать грудь дочери съ стетоскопомъ. Подобное изслѣдованіе во всякой частной семьѣ не представляло бы никакого затрудненія, но при дворѣ поднялась страшная буря между лейб-медиками, не только противъ Мандта, но и противъ самой

государыни. Мандтъ передъ этимъ уже лишился довѣрія великой княжны Маріи Николаевны и многихъ придворныхъ дамъ, которыя при настоящемъ случаѣ всячески загоразживали ему путь къ Александрѣ Николаевнѣ. Докторъ Раухъ, постоянный врачъ молодой великой княжны, уже былъ отдаленъ отъ нея Мандтомъ, и теперь боялись, чтобы онъ не былъ совсѣмъ вытѣсненъ отъ двора. Чтобы предупредить это, враги Мандта, которыхъ у него было видимо-невидимо, употребили всѣ старанія, чтобы успокоить государыню и возстановить великую княжну противъ ненавистнаго имъ иностранца, такъ что предполагаемое изслѣдованіе не состоялось. Такимъ образомъ, втайнѣ увеличивалось зло, котораго она должна была неминуемо пасть жертвой. Въ городѣ никто ничего не зналъ о всемъ, что происходило во дворцѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, находящихся въ близкихъ отношеніяхъ со дворомъ, которыя со своей стороны тоже были того мнѣнія, что, дѣйствительно, не слѣдовало давать Мандту и въ этомъ случаѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло, и что опасность — воображаемая».

Когда наступилъ ей восемнадцатый годъ, великая княжна появилась въ общественномъ кругу матери, и своей ласковой кротостью, непринужденной веселостью, умной, полной души бесѣдою, вполне овладѣла сердцами всѣхъ посѣтителей зимняго дворца. Здоровье ея какъ будто основательно поправилось, и когда, лѣтомъ 1843 г., она стала невѣстой принца Фридриха-Вильгельма Гессенскаго, и писала кому-то изъ родныхъ за границу: «Я такъ счастлива, что мнѣ ничего не остается желать» — никого изъ ея близкихъ не печалило даже отдаленное предчувствіе того, что этому счастью предстоитъ такой скорый и горькій конецъ — скорый, даже сравнительно съ тѣмъ недолгимъ срокомъ, каковымъ болѣею частію ограничиваются въ жизни радости, безъ того уже мимолетныя. Нареченный женихъ великой княжны былъ сынъ ландграфа Вильгельма гессенскаго, который, будучи женатъ на сестрѣ тогдашняго короля датскаго, Христиана VIII, давно уже безвыѣздно жилъ въ Копенгагенѣ, гдѣ предстояло поселиться и Александрѣ Николаевнѣ. Поэтому, она прилежно и съ увлеченіемъ занялась изученіемъ датской исторіи и литературы, и сама государыня раздѣляла съ нею эти занятія, которымъ она почти исключительно посвящала свободные часы впродолженіе немногихъ мѣсяцевъ, отдалявшихъ ее отъ января 1845 г. — времени, назначеннаго для ея свадьбы. Но вдругъ разрушительный кашель снова появился вмѣстѣ съ зимними холодами, и на этотъ разъ съ такой силою, противъ которой не могъ устоять прекрасный голосъ ея, и къ великому своему прискорбію, ей пришлось совершенно отказаться отъ пѣнія. Она блѣднѣла, худѣла, и когда, послѣ пріѣзда принца Фридриха около рождества,

начались дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ, ея единственнымъ желаніемъ было, чтобы силы не измѣнили ей среди утомительныхъ обрядовъ предстоящаго дня.

Городъ, между тѣмъ, съ радостнымъ ожиданіемъ готовился къ увеселеніямъ и празднествамъ, въ которыхъ общество рассчитывало провести первыя недѣли наступающаго года, по случаю двойнаго торжества, назначеннаго къ январю мѣсяцу въ царской семьѣ — такъ-какъ одновременно со свадьбой Александры Николаевны, должна была быть отпразднована и свадьба кузины ея, великой княжны Елисаветы Михайловны, выхившей за герцога нассаускаго. Январскія празднества не обманули общихъ ожиданій; мимическое представленіе Оберона, пѣніе Рубини, Тамбурины, Віардо, Гризи, неслыханный блескъ женскихъ нарядовъ, униженныхъ брилліантами и драгоцѣнными камнями на много милліоновъ, превратили залы зимняго дворца въ истинно волшебные чертоги, но сама невѣста поразила присутствующихъ своимъ блѣднымъ, болѣзненнымъ видомъ, и не разъ съ видимымъ изнеможеніемъ говорила окружающимъ: «какъ хочется мнѣ покою, ѣе поселиться въ моемъ тихомъ, уютномъ кабинетѣ, возвратиться къ моимъ занятіямъ!» Тотчасъ послѣ свадьбы, герцогъ нассаускій увезъ свою молодую жену на берега роднаго Рейна, но Александра Николаевна заняла отдаленный флигель зимняго дворца, и казалась вполне счастливою тѣмъ, что могла сохранить милая ея сердцу обстановку и привычки. Она вела совсѣмъ почти уединенную жизнь, но тѣ немногія лица, которыя часто ее видѣли, находили разительную перемѣну во всемъ ея существѣ. Въ ней не только безслѣдно исчезла юношеская свѣжесть, но, казалось, самое душевное ея настроеніе омрачилось подъ гнетомъ невидимыхъ, но глубокихъ страданій. Дѣйствительно, болѣзнь, такъ долго таившаяся въ ея организмѣ, какъ тлѣющій огонь, теперь разразилась съ пожирающей силой, и разрушала ее съ неудержимой быстротою. Государыня весь постъ провела почти безотлучно при дочери, и послѣднюю надежду на выздоровленіе ея полагала на переѣздъ въ Царское Село. Но перемѣщеніе только истощило скудѣющія силы больной, и ускорило неминуемую развязку. Наконецъ, доктора Раухъ и Маркусовъ рѣшились приготовить императрицу къ ожидаемому ее жестокому удару; первымъ ея движеніемъ было настоятельно требовать совѣта Мандта, и съ этой цѣлью всѣми силами старалась она устранить несправедливое предубѣжденіе великой княгини противъ него. Мандтъ въ то время былъ единственнымъ докторомъ въ Петербургѣ, употреблявшимъ стетоскопъ при изслѣдованіи грудныхъ болѣзней, и подвергался за эту особенность осмѣянію со стороны многихъ изъ своихъ собратьевъ. Великая княгиня на этотъ разъ

безпрекословно согласилась на просьбу матери, и на слѣдующій день Мандтъ явился въ ея спальню, въ сопровожденіи постоянно пользовавшихся ее докторовъ. Изслѣдованіе одного изъ легкихъ осталось безъ дурного результата, и улыбка надежды уже появилась на лицахъ присутствующихъ, но дѣло приняло другой оборотъ, при изслѣдованіи второго легкаго, когда Мандтъ, съ ухомъ плотно прижатымъ къ стетоскопу, приложенному къ груди больной, спросилъ: «Какъ ваше высочество провели сегодняшнюю ночь?» Отвѣтъ сопровождался такимъ страшнымъ внутреннимъ хрипѣньемъ, что самъ желѣзный Мандтъ съ испугомъ выронилъ свой инструментъ: бѣдная больная сама произнесла свой приговоръ. Мандтъ сообщилъ своимъ товарищамъ результатъ своихъ наблюденій полатини, чтобы шадить по возможности чувства государыни, но самое это обстоятельство навело ее на истину, и она потребовала полного, безутайнаго объясненія. Для этого она повела докторовъ въ свой собственный кабинетъ, и тутъ услышала изъ устъ врача, пользовавшагося ея безусловнымъ довѣріемъ, что нѣтъ ни малѣйшей надежды на спасеніе ея дочери, и что лучше всего было бы воротить государя, который только за нѣсколько дней передъ тѣмъ предпринялъ путешествіе въ Англію, оставшееся тайной для всѣхъ, кромѣ его семейства и самыхъ приближенныхъ лицъ. Послѣдующія затѣмъ недѣли были самыя мучительныя во всей жизни Николая Павловича и Александры Теодоровны. Они провели ихъ безотлучно у изголовья дочери. О борьбѣ съ болѣзнию и приближающейся смертью не могло быть и рѣчи; они могли только день и ночь слѣдить за постепеннымъ, но быстрымъ отливомъ покидающихъ ее силъ и жизни, послѣдняя искра которой угасла 28-го іюля, черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія младенца, скончавшагося черезъ два часа послѣ своего появленія въ свѣтъ.

Тотчасъ послѣ похоронъ, царская фамилія переѣхала сперва въ Петергофъ, а потомъ на осень въ Гатчину и государыня цѣлые мѣсяцы предавалась своему горю и отрѣшилась отъ всего внѣшняго міра. При тогдашней ея слабости, доктора ей предписали избѣгать встрѣчи съ лицами, бывшими нѣкогда близкими и дорогими усопшей великой княгинѣ, потому что, при подобныхъ свиданіяхъ, послѣднія силы ея истощались въ слезахъ, и обмороки повторялись почти каждый день. Поэтому общество, окружавшее ее, ограничивалось ея штатомъ, и приближенные старались развлекать ее серьезными чтеніями, избѣгая въ разговорѣ всего, что могло напомнить ей покойную дочь. Но однажды одинъ изъ близкихъ друзей царскаго дома и постоянныхъ посѣтителей зимняго дворца, немедленно по возвращеніи своемъ изъ-за границы, явился прямо въ покои императрицы, и, не зная предписанія докторовъ, велѣлъ о себѣ

*

доложить. Съ государыней сдѣлался сильнѣйшій обморокъ, какъ только она услышала его имя, и дежурный камердинеръ поспѣшно отправилъ посла за государемъ. Послѣдній, при первомъ взглядѣ на перепуганное лицо посланнаго, тотчасъ же догадался, что случилось съ государыней, но попросилъ крѣвзаго въ кабинетъ, и сталъ разспрашивать его о его путешествіи. Вдругъ среди разговора императоръ перебилъ гостя: «Въ вашихъ рукахъ должно быть чудное письмо, которое Александра Николаевна писала къ вамъ прошлаго года въ Парижъ». Гость вынулъ письмо изъ бумажника и подаль его государю, который самъ прочелъ его вслухъ государынѣ. Оба со слезами цаловали дорогія строки, и возвращая ихъ тому, кому онѣ принадлежали, государь сказалъ: «Я съ каждымъ днемъ болѣе чувствую, чего мы лишились!»...

Послѣ кончины Александры Николаевны, въ обществѣ распространилось мнѣніе, что жизнь ея могла бы быть спасена, еслибы она, подобно своей кузинѣ, великой княгинѣ Елисаветѣ Михайловнѣ, тотчасъ послѣ свадьбы покинула убійственный для нея сѣверъ, и всѣ превозносили счастье молодой герцогини, поселившейся на берегахъ Рейна, въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ краевъ Германіи. Рѣдкіе русскіе путешественники проѣзжали Нассау, не посѣтивъ ее и не убѣдившись лично въ ея счастіи. Ея родители почти ежедневно слушали рассказы возвращающихся изъ за границы о томъ, какъ похорошѣла она, какъ весела и счастлива въ своемъ новомъ мѣстопребываніи. Каковъ же былъ ужасъ ихъ, когда ихъ словно громомъ поразила телеграмма, извѣщающая, что дочь ихъ, 28-го января, день въ день черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ кончины кузины ея, Александры Николаевны—скончалась вмѣстѣ съ новорожденнымъ младенцемъ! Такъ исполнилось пророчество императрицы, предвѣщавшей горестныя семейныя перемѣны, при свадьбѣ своей старшей дочери, въ такое время, когда домашнее счастье еще вполнѣ улыбалось ей. Одно за другимъ опустѣли два мѣста въ кругу царской семьи. Памятникъ въ висбаденской греческой часовнѣ, въ Царскомъ Селѣ комната, въ которой скончалась Александра Николаевна, обращенная въ часовню, да хижина у пруда, близъ которой она кормила своихъ лебедей, да и то опустѣвшая, потому что лебеди были рѣдкой породы—черные, и мало по малу перевелись—вотъ все, что оставили по себѣ эти два молодыхъ существа, столь безвременно исчезнушія съ лица земли, казавшись, общавшей имъ столько радостей и наслажденій.

ХII.

Послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ уединеніи и слезахъ, здоровье императрицы окончательно подкосилось, и врачи снова на-

стоятельно требовали, чтобы она либо провела где нибудь на водахъ. Оставалось рѣшить, где именно?—вопросъ весьма затруднительный, тѣмъ болѣе, что доктора, нѣсколько разъ замѣчавшіе, что возвращеніе въ Петербургъ изъ теплаго края въ сырые осенніе мѣсяцы уничтожало всю пользу, полученную отъ лѣтняго леченія, непремѣнно требовали, чтобы государыня пробыла за границей цѣлый годъ, а подобное требованіе было особенно неприятно государю, такъ-какъ онъ именно въ это время сдѣлалъ заграничныя путешествія крайне затруднительными для русскихъ вообще и не любилъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлать исключеній въ пользу своего семейства. Однако онъ уступилъ убѣжденіямъ докторовъ, сообразивъ, что столь долгое пребываніе въ Крыму неудобно по ужасному состоянію дорогъ, неизмѣнно тамъ царской резиденціи и отсутствію всѣхъ почти условій цивилизованной жизни. Но когда ему назвали Палермо, какъ цѣль путешествія, онъ снова отступилъ, не только потому, что разстояніе показалось ему слишкомъ огромно, но приходилось по дорогѣ проѣзжать слишкомъ много странъ, касаться слишкомъ большого числа столицъ, и вслѣдствіе этого подвергаться слишкомъ многимъ и стѣснительнымъ условіямъ. Мандтъ, однакоже, первый высказавшій это предложеніе, побѣдилъ своимъ упорствомъ даже сопротивленіе Николая Павловича, который наконецъ сдался на его доводы, но, уступая, почти грозно объявилъ врачу: «Вы у меня вынудили согласіе, слѣдовательно вы совѣстью своей отвѣчаете мнѣ за результаты». «Но Мандтъ не такой былъ человекъ, чтобы пугаться отвѣтственности, которую онъ вполне сознавалъ еще прежде, нежели государь такъ торжественно возложилъ ее на его совѣсть; тѣмъ менѣе смущался онъ громкимъ ропотомъ большей части общества, и даже неодобреніемъ своихъ берлинскихъ собратьевъ, и спокойно провезъ своихъ царственныхъ спутниковъ черезъ Берлинъ, Мюнхенъ, Миланъ, Геную и Неаполь прямо въ Палермо. Уже начало путешествія оправдало его предсказанія: едва Альпы были оставлены позади, какъ государыня видимо начала оживать; несмотря на это, государь только въ Генуѣ примирился съ деспотомъ-врачомъ. Онъ и самъ не могъ не подчиниться обаянію непривычнаго отдыха подъ незнакомымъ ему итальянскимъ небомъ. 10 (22) октября путешественники прибыли въ Палермо въ восхитительную погоду, и тутъ уже государь поблагодарилъ Мандта за совѣтъ. Путешествіе было окончено благополучно, и онъ не моръ не сознаться, что въ Сициліи небо яснѣе и воздухъ мягче въ октябрѣ, чѣмъ въ Петергофѣ среди лѣта. Удивительные силуэты горъ, жаркій волоритъ, разлитый по всему ландшафту, рдѣющіе золотомъ апельсины и померанцы—все неволью плѣняло императора, и онъ ис-

кренно сожалѣлъ о краткости времени, которое ему можно было провести въ этомъ раю. Государыня давно ознакомилась со странно усерднымъ чтеніемъ, но все же то, что представилось ей, превзошло и ея ожиданія. Подъѣзжая къ берегу, она еще съ парохода увидѣла множество дѣвушекъ въ пестрыхъ нарядахъ, предлагающихъ на продажу роскошныя розы и другіе душистые, южныя цвѣты, а посади ихъ тянулась длинная вереница словесъ, нагруженныхъ апельсинами, лимонами и дынями; живое, подвижное выраженіе южныхъ физиономій, а за всею сценою—вѣнецъ изъ горъ самыхъ причудливыхъ очертаній, въ особенности же омываемый моремъ Монте-Пеллегринно—все это вызвало у нея невольный возгласъ изумленія и восторга. Впрочемъ, назначенное для нея мѣсто жительства находилось не въ самомъ Палермо, а въ одномъ изъ сосѣднихъ *borghi*, Оливуцца, на разстояніи четверти часа ѣзды отъ города. Дорога туда пролегаетъ между садами, фонтанами и нѣсколькими памятниками эпохи арабскаго владычества. Самое мѣстечко или *borgo* Оливуцца состоитъ почти исключительно изъ апельсиновыхъ, померанцевыхъ и лимонныхъ рощъ, окружающихъ богатныя дачи, которыя на зимнее время остаются пустыми. Почти всѣ эти виллы построены изъ мрамора и принадлежатъ знатнымъ палермскимъ семействамъ. Для государыни была приготовлена виλλα Бутера, которая не была ни изъ самыхъ великолѣпныхъ, ни изъ самыхъ обширныхъ, но представляла во внутренности дома нѣсколько сѣверныхъ удобствъ, потому что сама княгиня Бутера была русская, урожденная княгиня Шаховская. Еще задолго до пріѣзда императрицы были высланы изъ Россіи печники, которые устроили въ домѣ русское отопленіе — потребность, неизвѣстная сициліанцамъ, наслаждающимся такимъ климатомъ, при которомъ розы круглый годъ цвѣтутъ на воздухъ; но въ отношеніи комнатной температуры русскіе избалованы, или вѣрнѣе изнѣжены даже сравнительно съ жителями Германіи, и можно безъ преувеличенія сказать, что въ описываемую зиму, сѣверные обитатели Оливуцца извели большее количество дровъ, нежели весь Палермо въ совокупности. Виλλα, по своему объему, могла вмѣстить только императрицу и великую княжну Ольгу Николаевну; остальные ея спутники и спутницы расположились по разнымъ сосѣднимъ помѣщеніямъ. Жилище государыни изнутри и снаружи утопало въ цвѣтахъ. Несмотря на глубокою осень, ни одно растеніе, ни одно дерево не бросало своего наряда, и привѣтливое небо юга, казалось, ласкалось къ сѣверной царицѣ своей вѣчно-юной весной. Такимъ образомъ осуществлялась для нея мечта, во всю жизнь непокидавшая ее. Она по часамъ засматривалась на Пеллегринно, врасующійся всѣми отливами перламутра, на темный бархатъ луговъ, на воло-

той румянецъ померанцевъ, и, казалось, жила только воздухомъ и на воздухѣ. Когда наступали короткіе южные сумерки и доктора принуждали ее возвращаться въ комнаты, она повиновалась имъ съ ропотомъ, какъ непослушное дитя, торгуясь изъ-за лишней четверти часа. Послѣ немногихъ недѣль уже, она такъ пополнила, что снова могла носить браслетъ, который въ Петербургѣ принуждена была скинуть съ исхудалой руки. Кто видѣлъ ее при отъѣздѣ изъ Россіи и теперь, въ декабрѣ, долженъ былъ сознаться, что она поздоровѣла и помолодѣла на десять лѣтъ.»

Послѣ отъѣзда императора, государыня зажила той тихой, однообразной жизнью, которая служитъ лучшимъ лекарствомъ въ хроническихъ нервныхъ расстройствахъ, и имѣетъ такую прелесть среди такихъ условій, какими обладаетъ благословенная Сицилія. Выѣзды ей были строго запрещены; за то она часто принимала у себя посѣщенія. Первымъ дорогимъ гостемъ у нея былъ великій князь Константинъ Николаевичъ, прибывшій съ русской эскадрой вскорѣ послѣ отъѣзда государя; затѣмъ явились наслѣдныи принцы виртембергскіи, и принцы Александръ и Георгъ прусскіе; но дороже всѣхъ было для государыни общество ея младшей сестры Александрины, вдовствующей великой герцогини мекленбург-шверинской, пріѣхавшей въ Палермо съ дочерью своей, принцессой Луизой, чтобы провести тамъ зиму близъ сестры, съ которою послѣ 1817 года она видѣлась только изрѣдка, мелькомъ, когда имъ удавалось обѣимъ вмѣстѣ гостить въ Берлинѣ у отца. Обѣ сестры теперь назывались однимъ именемъ — Александра, но въ интимныхъ бесѣдахъ, государыня попрежнему оставалась для сестры и племянницы «Schwester Charlotte» и «Tante Charlotte». Великая герцогиня занимала вмѣстѣ съ дочерью смежную съ виллою Бутера виллу герцога Серрадифалько, отдѣленную отъ первой только рѣшетчатыми чугунными воротами, которыя оставались растворенными, такъ что оба сада образовали одно общее владѣніе. Принцесса Луиза, двумя годами моложе своей кузины, великой княжны Ольги Николаевны, была ея постоянной подругой и спутницей во всѣхъ поѣздкахъ и прогулкахъ. Но большую часть своего времени, великая княжна, сдѣлавшаяся уже послѣ пріѣзда въ Палермо невѣстой принца виртембергскаго, посвящала большой матери, съ которой разлучалась на рѣдкіе часы. Король и королева неаполитанскіе окружали свою царственную гостью постояннымъ вниманіемъ и изрѣдка навѣдывались къ ней, но никогда между ними и ею не установились никакія отношенія, кромѣ строго этикетныхъ; натура государыни не имѣла ничего общаго съ ними, и болѣе частое и долгое пребываніе ихъ среди ея общества, скорѣе отуманило бы, нежели бы увеличило общее веселое настроеніе, потому что

при неаполитанскомъ дворѣ еще была въ полной силѣ натянутость прошлаго столѣтія, прямая противоположность тону, введенному Александрой Ѳеодоровной въ окружающій ее міръ. Изъ собственной ея свиты, въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ къ государынѣ находился баронъ Мейендорфъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, которому императоръ довѣрилъ большую на все время ея пребыванія въ Италіи, поручая ему неотлучно сопровождать ее до самого ея возвращенія въ Россію. По своему многостороннему развитію, разнообразнымъ знаніямъ и рѣдкому умѣнью владѣть словомъ и перомъ, баронъ былъ какъ-бы созданъ для того, чтобы быть постояннымъ собесѣдникомъ императрицы, которая во всѣхъ отношеніяхъ имъ дорожила. Но изъ всѣхъ членовъ ея штата, самыя трудныя обязанности выпали на долю графа Шувалова, который, въ качествѣ гофмаршала, долженъ былъ заботиться о благосостояніи и удобствахъ не только самой государыни, но и каждаго изъ членовъ ея свиты. Непосредственное дамское общество императрицы состояло изъ статс-дамъ — княгини Салтыковой, графини Тизенгаузенъ и фрейлины Нелидовой. Доктора Мандтъ и Маркусъ жили не въ Оливуцца, а въ самомъ Палермо, откуда ежедневно пріѣзжали.

«По правдѣ сказать, большая часть спутниковъ императрицы далеко не такъ восторгалась пребываніемъ въ Палермо, какъ она сама, промѣнявъ вихрь одного изъ европейскихъ дворцовъ на сравнительную тишину и уединеніе, дотошъ чуждое имъ; къ красотамъ природы многіе оставались весьма равнодушными, и перенесенные въ сферу, столь различную отъ зимняго дворца, оторванные отъ круга ихъ знакомствъ, немилосердно жаловались на скуку. Единственное исключеніе былъ графъ Шуваловъ, имѣвшій здѣсь столько же занятій, какъ и въ Петербургѣ. Стали придумывать какую-нибудь забаву, препровожденіе времени, и рѣшили-было устроить домашніе спектакли; государыня съ удовольствіемъ согласилась на эту мысль, но Мандтъ съ диктаторской непреклонностью запретилъ исполненіе ея, опасаясь послѣдствій малѣйшаго нравственнаго возбужденія для государыни. Отъ правильнаго, спокойнаго образа жизни, онъ ожидалъ для ея здоровья по крайней-мѣрѣ столько пользы, какъ и отъ самого климата, и поэтому не скрывалъ своего неудовольствія, каждый разъ, когда даже король посѣщалъ Оливуцца. При распредѣленіи часовъ каждаго дня, императрица соблюдала слѣдующій, однажды установленный порядокъ, при которомъ она съ каждымъ днемъ пріобрѣтала новыя силы. Она въ зимніе мѣсяцы вставала въ восемь часовъ, употребляла на туалетъ нѣсколько минутъ, и тотчасъ же сходила въ садъ, гдѣ и завтракала на свѣжемъ воздухѣ. Въ это

время она принимала только родныхъ и дѣтей своихъ. Погода при этомъ до того благоприятствовала ей, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ей не болѣе, какъ нѣсколько разъ пришлось провести утро въ своей комнатѣ. Свитѣ своей она добродушно давала выспаться попетербургски. Послѣ часа, проведеннаго въ саду, она возвращалась въ свой кабинетъ и садилась за свою корреспонденцію. Вслѣдъ за этимъ, вмѣстѣ съ членами ея семейства, являлся къ ней баронъ Мейендорфъ, и сообщалъ ей важнѣйшія политическія извѣстія, избавляя ее этимъ отъ труда самой читать газеты. Все остальное время до второго завтрака, посвящалось исключительно серьезной бесѣдѣ. Еще до пріѣзда великаго князя Константина, она усердно занималась исторіей Италіи и Сициліи. Теперь живые рассказы великаго князя пробудили въ ней желаніе ближе узнать Италію и въ особенности Римъ. Поэтому она правильно слушала чтенія о вѣчномъ городѣ, чтобы при посѣщеніи его не сдѣлаться жертвой докучливыхъ *ciceroni*. Эти утреннія бесѣды ограничивались семейнымъ кружкомъ императрицы. Но по окончаніи ихъ, все русское населеніе Оливуцца собиралось въ саду Бутера; музыка играла любимыя ея пьесы, и на родинѣ Беллини исполнялись нѣмецкіе и русскіе напѣвы, рядомъ съ сициліанскими народными пѣснями. Въ это время дня, обыкновенно сговаривались на счетъ какой-нибудь поѣздки, причемъ, ради государыни, къ несчастію приходилось ограничиваться только ближайшими окрестностями. Но она тѣмъ уже была неописанно счастлива, что могла кататься на открытомъ воздухѣ, окруженная зеленью и цвѣтами въ такіе мѣсяцы, которые въ Петербургѣ она проводила почти безвыходно въ своей комнатѣ. По возвращеніи съ подобной поѣздки, она еще отдыхала часъ до обѣда, подвергавшагося строгому надзору врачей, и къ которому она приглашала самое малое число лицъ. Вечеромъ маленькое общество опять сходилось часа на два, а къ одиннадцати уже всѣ расходились. Такъ-какъ этотъ однообразный порядокъ продолжался цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, то можно бы подумать, что государынѣ подъ конецъ все-таки должно было становиться скучно, но она, напротивъ того, не могла безъ страха помышлять о прекращеніи этой жизни. Все, что могло напомнить придворный этикетъ, было устранено; мужчины всѣ ходили въ статскихъ платьяхъ, исключая за общимъ столомъ, къ которому являлись и мужчины и дамы. Часы, которые императрица въ зимнемъ дворцѣ по необходимости посвящала перемѣнѣ туалетовъ, она здѣсь проводила въ покоѣ и пріятной бесѣдѣ; въ этой новой для нея странѣ и жизни, самый дневникъ ея требовалъ отъ нея больше времени, нежели въ Петербургѣ, такъ-какъ она аккуратно вносила въ него все, что она переживала, все, что ее поражало,

чтобы имѣть возможность возвратиться къ прошлому, даже по прошествіи многихъ лѣтъ. Свита ея пользовалась предоставляемой ей свободой, чтобы усердно посѣщать палермское общество и театры; за то и древняя столица употребляла всѣ усилія, чтобы сѣвернымъ гостямъ выказать жизнь на югѣ въ самомъ пріятномъ свѣтѣ.

«Зимній сезонъ былъ открытъ баломъ въ казино, на которомъ двадцать дѣвицъ, первыя красавицы города, въ сициліанскихъ костюмахъ—платьяхъ шафраннаго цвѣта, бѣлыхъ передникахъ, полосатыхъ чулкахъ—съ нитями коралла на рукахъ и шеѣ, и рожамъ въ волосахъ, съ изумительной легкостью плясали тарантеллу подъ щелканіе кастапетовъ. Вслѣдъ за ними явились двадцать мальчиковъ, въ одеждѣ донскихъ казаковъ, и выказали меньшую ловкость въ исполненіи нѣкоторыхъ русскихъ плясокъ. За первыми танцами послѣдовали вальсы, польки, кадрили, экосезы, исполняемые тѣми же двадцатью казако-сициліанскими парами, пока послѣ этого полутеатральнаго представленія, вся публика была приглашена участвовать въ танцахъ, продолжавшихся цѣлую ночь. Вскорѣ затѣмъ, многія знатныя палермскія семейства вызвались принимать русское общество въ своихъ палаццо, такъ-какъ рядомъ со многими падшими или поблѣднѣвшими именами, сициліанская аристократія могла похвалиться и многими истинно-вняжескими домами. Въ первомъ ряду между ними стоялъ домъ Монтелеоне, потомковъ Фернана Кортеса. Ихъ палаццо находится въ центрѣ Палермо, и балная зала, которую они раскрыли обществу, украшена бронзовымъ бюстомъ завоевателя. Своимъ необыкновеннымъ внутреннимъ устройствомъ, этотъ палаццо переноситъ посѣтителей въ шестнадцатое столѣтіе; родъ Монтелеоне до сихъ поръ владѣетъ обширными помѣстьями въ Мексикѣ. Если этотъ родъ по историческимъ воспоминаніямъ превосходилъ всѣ остальные палермскіе дома, то домъ герцога ди-Колобрія, богатствомъ своимъ, оставлялъ всѣ прочіе далеко за собою. Главная зала его мраморнаго палаццо вмѣщала въ себѣ восемьсотъ человѣкъ, и приводила иностранцевъ въ изумленіе роскошью своихъ половъ и стѣнъ, выложенныхъ драгоценными разноцвѣтными сициліанскими мраморами, извѣстными подъ названіемъ *Diaspri di Sicilia*, и составляющими нѣчто среднее между мраморомъ и настоящей яшмой. Великолѣпію самого палаццо вполне соответствовало и гостепріимство, оказываемое въ немъ. Лучшей красою дома была сама молодая герцогиня, прелестная флорентинка, существо обворожительное и по красотѣ и по уму.

ПРУДОНЪ ОБЪ ИСКУСТВЪ.

(Искусство, его основанія и общественное назначеніе. *Очиненіе Прудона. Переводъ подъ редакціею Н. Курочкина. Спб. 1865 г.*)

Bound to the earth, he lifts his eye to heaven.
Byron.

(Прикованный къ землѣ, онъ поднимаетъ взоръ свой къ небу).

I.

Книга Прудона объ искусствѣ, не такъ давно явившаяся въ русскомъ переводѣ, подавшемъ намъ поводъ говорить о ней, написана по случаю, и именно по слѣдующему. Современный французскій художникъ Густавъ Курбэ, художникъ, по словамъ самого Прудона, «прославившійся парадоксальностію своихъ произведеній», приготовилъ къ выставкѣ 1863 года картину, которая не только не удостоилась принятія, но подверглась запрещенію явиться даже между отверженными произведеніями. Картина называлась «Возвращеніе съ конференціи». Сюжетъ картины былъ взятъ изъ того обычая французскаго сельскаго духовенства, по которому оно каждый мѣсяць, въ каждомъ отдѣльномъ кантонѣ, собирается по очереди у одного изъ священниковъ на такъ-называемыя конференціи или совѣщанія. Совѣщанія эти имѣютъ цѣлю поддержку сословнаго духа и теологическія разсужденія и, обыкновенно, заканчиваются «братскимъ банкетомъ». Конечно, не обходится безъ того, чтобы благочестивое собраніе не расходилось по домамъ болѣе слабыми стопами, чѣмъ приходило; напротивъ, это такъ обыкновенно, что скептическіе люди всю цѣль конференцій ставятъ только въ братскихъ банкетахъ. Такъ возвращеніе съ одной-то изъ такихъ конференцій, или такихъ банкетовъ, представляла картина Курбэ. Она, какъ сказано, была отвергнута самымъ обиднымъ образомъ. Совѣтъ выставки, съ своей стороны, призналъ ее на столько неудовлетворительной въ художественномъ отношеніи, что отказалъ дать ей помѣщеніе въ

Palais d'Industrie, а полиція сдѣлала остальное: она не дала ей мѣста даже между отверженными произведеніями. И это довольно понятно: какъ скоро картина съ подобнымъ сюжетомъ не была произведеніемъ художественнымъ, она могла быть только голымъ скандаломъ, а скандалы относятся къ вѣдомству полиціи. Отзывы знатоковъ и любителей объ этой картинѣ, въ свое время, проникли даже въ нашу печать. Въ нихъ во всѣхъ картина разбиралась по принципамъ и правиламъ, свойственнымъ художеству, а не полиціи, и они всѣ сходились въ томъ, что картина, дѣйствительно, заслужила свое отверженіе. Но Прудонъ былъ возмущенъ подобнымъ остракизмомъ, который онъ сполна объяснялъ одними морально-полицейскими соображеніями. Какъ писатель, эксцентричный до возможной степени, онъ питалъ глубокую симпатію къ эксцентричному до крайности художнику. Прудонъ видѣлъ въ Густавѣ Курбѣ художника, съ котораго должна начаться эпоха новаго «возрожденія» искусства—художника, который каждую свою картину поднималъ отсталое и запоздалое искусство до того уровня, который соотвѣтствовалъ бы умственному и нравственному развитію настоящаго времени. Словомъ, Прудонъ полагалъ, что распорядители выставки 1863 года, во имя соображеній, чуждыхъ искусству, во имя узкой морали и полицейскаго устава, отвергли самую нравственную и самую назидательную картину, какая только была написана въ настоящемъ столѣтіи. И онъ тогда же положилъ написать свою книгу объ искусствѣ, представивъ въ ней апологію непринятого гениа. Какъ писатель объ искусствѣ, Прудонъ весь характеризуется этимъ порывомъ. Возмущенный тѣмъ, что картину Густава Курбѣ осудили, какъ онъ думалъ, не по извѣстному принципу «искусства для искусства», а по основаніямъ, совершенно чуждымъ искусству, онъ однако и объ этомъ принципѣ (о немъ даже въ особенностях), и объ этой картинѣ Курбѣ, и вообще о всей области искусства, будетъ судить какъ чисто-разсудочный мыслитель и моралистъ, то-есть станетъ на ту же полицейскую точку зрѣнія, за которую осуждаетъ судей Густава Курбѣ. Собственно та сторона искусства, безъ которой искусство немислимо и невозможно, для него не существуетъ точно такъ же, какъ она, по его мнѣнію, не существовала для полицейскихъ моралистовъ, недопустившихъ на выставку будто бы лучшую картину нашего вѣка. Разница въ томъ, что Прудонъ безконечно смѣлѣе этихъ моралистовъ и заходитъ далѣе, чѣмъ могла бы позволить себѣ самая пуританская полиція въ мірѣ. Такъ по своей привычкѣ — выражать свою мысль какъ можно точнѣе и искреннѣе, онъ, въ защиту своего кліента, заявляетъ, что искусство, отъ самыхъ пер-

вѣхъ временъ до появленія первой картины Густава Курбэ въ 1851 году, вообще было не чѣмъ другимъ, какъ «соумышленникомъ тираніи, проституціи и пауперизма!»

И однако книга Прудона не экспромптъ. Случай, по которому она написана, былъ для Прудона тѣмъ же, чѣмъ обыкновенно бываетъ случай, когда обстоятельства заранѣе подготовили событіе. Какъ писатель, отдавшій всѣ силы своего замѣчательнаго ума разрѣшенію социальныхъ задачъ, онъ естественно долженъ былъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какое мѣсто принадлежитъ искусству между другими человѣческими занятіями. Экономическое значеніе искусства занимало Прудона и прежде, и его думы объ этомъ предметѣ были вполне готовы и отчасти были даже выражены. Имъ не доставало лишь того, чтобы быть высказанными въ нѣкоторой связи и утвержденными на философскихъ основаніяхъ. Оттого, обратившись специально къ этому предмету, Прудонъ обнимаетъ его широко, какъ показываетъ самое заглавіе его книги, которое есть слѣдующее: «Искусство, его основанія и общественное назначеніе».

Вы, безъ сомнѣнія, приготовлены къ тому, чтобы въ первыхъ же строкахъ изслѣдованія Прудона встрѣтиться съ неожиданностію, которую трудно предвидѣть. На этотъ разъ этотъ неистощимо-оригинальный писатель вступаетъ на трудный путь своихъ изысканій провозглашеніемъ принципа «всеобщей подачи голо-совъ» въ искусствѣ. Желаніе ли это оригинальности, или полная искренность? И то и другое, въ полной мѣрѣ. Отвращеніе Прудона къ битой тропѣ и принятому мнѣнію было такъ глубоко, что онъ не могъ принудить себя думать одинаково съ другими даже тамъ, гдѣ вовсе невозможны два различныя мнѣнія. Отсюда та страшная масса парадоксовъ, которые сдѣлали его какимъ-то исполнскимъ фейерверкеромъ умственнаго міра. Но въ то же время, по самому ли складу своего ума, или по условіямъ своего развитія (бываютъ такіе умы и такія развитія) онъ, въ любомъ его изслѣдованіи, изъ всѣхъ сторонъ изслѣдуемаго предмета хотѣлъ и могъ видѣть только ту одну, которая поражала его наиболѣе непосредственно; кромѣ того, взятую сторону онъ изолировалъ еще искусственнымъ образомъ, и до того предавался этому искусству, что въ концѣ концовъ получались совершенно фантастическіе выводы. Почти всегда случалось, что черезъ нѣсколько времени онъ возвращался къ предметамъ своего изслѣдованія въ другой разъ; тогда онъ приступалъ къ нимъ съ прямо противоположной стороны и приходилъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. При этомъ онъ утверждалъ, что онъ хотѣлъ этого, что онъ поступалъ такимъ образомъ по своей доброй волѣ и по обду-

манному плану, потому что таковы, по его мнѣнію, роковые законы человѣческой діалектики, которые *есть* представлялись ему въ видѣ *одного* чудовищнаго кошмара, столь извѣстнаго подъ именемъ *антиноміи*. Но очевидно, что если законы эти — роковые, то о хотѣніи попасть или не попасть въ этотъ діалектическій капканъ нечего и говорить. Во всякомъ случаѣ совершенно вѣрно, что односторонность была судьбою Прудона; и онъ съ такою покорностію и фанатизмомъ отдавался этой судьбѣ, что даже такіе, недостойные репутаціи французскаго ума, каламбуры, какъ «собственность есть кража», или «лучшій родъ правленія — анархія», мы должны признать въ немъ совершенно искренними; должны согласиться, что когда онъ называлъ эти жалкіе каламбуры лучшими научными опредѣленіями, какія только сдѣланы въ нашъ вѣкъ, то дѣлалъ это безъ всякой тѣни шарлатанства. Точно такъ же мы не имѣемъ права заподозрить его искренность и теперь, когда верховнымъ судьей и цѣнителемъ въ области искусства онъ провозглашаетъ *suffrage universelle*.

Но прежде покажемъ, собственными его словами, что онъ дѣйствительно считаетъ законнымъ примѣненіе этого принципа къ искусству. Какъ мы уже замѣтили, онъ дѣлаетъ это въ первой же главѣ, гдѣ старается утвердить свое право быть изслѣдователемъ и критикомъ по предмету искусства.

«Я — говорить Прудонъ — ничего не знаю научнымъ образомъ ни о живописи, ни о скульптурѣ, ни о музыкѣ. Я всегда любилъ произведенія этихъ искусствъ, какъ каждый диваръ любитъ все то, что ему кажется красивымъ», какъ дѣти любятъ рисунки. Я принадлежу къ числу этого неисчислимаго множества, которое ничего не знаетъ объ искусствѣ, которое часто не различаетъ школы, неспособно опредѣлить ловкость рисунка, побѣжденную трудностью, не знаетъ ни техническихъ средствъ, ни процессовъ искусства; но въ концѣ концовъ все честолюбіе художниковъ только и состоитъ въ томъ, чтобы заслужить хорошее мнѣніе этого множества, только для него живетъ и творить искусство. Толпа, къ которой я принадлежу, имѣетъ право высказывать свое неодобреніе или предпочтеніе, выражать свой вкусъ, импонировать свои требованія артистамъ, и никто, ни правительство ни эксперты, не могутъ говорить за нее и считать себя въ этомъ случаѣ ея представителями. Она можетъ ошибаться, и даже очень часто, въ своемъ пристрастіи, въ выборѣ того, что ей особенно нравится; но все-таки она главный судья и громко произноситъ свои приговоры. Она можетъ сказать безапелляціонно: я такъ хочу, и вы артисты обязаны меня слушаться, такъ-какъ, если ваше искусство противорѣчитъ моему вдохновенію, если оно хочетъ властвовать моей фантазіей, вмѣсто того, чтобы ей подчи-

ваться, если оно не захочетъ признать моихъ сужденій, если оно не для меня, то я презираю всѣ его чудеса, я его отрицаю».

Кажется, «толпа» и «неисчислимое множество» настолько опредѣлительные термины, что назвавъ положеніе Прудона, провозглашаемое въ этихъ строкахъ, «всеобщей подачей голосовъ», мы имѣли на то полное основаніе. Прудонъ, очевидно, признаетъ одну только критику — «неисчислимаго множества»; онъ желалъ бы возвысить эту критику до чего-то серьезнаго, предъ чѣмъ должны склоняться художники; словомъ — онъ открыто отдаетъ знаніе и эрудицію подъ верховный контроль невѣжества. Горе художникамъ, еслибы Прудонъ въ пользу этого положенія своего могъ привести достаточныя основанія.

По счастью, художники могутъ радоваться, потому что это невозможно. Въ приведенныхъ строкахъ мы видимъ, что положеніе Прудона опирается на одно неправильное мнѣніе и одну бессильную угрозу.

Неправильнымъ мнѣніемъ мы считаемъ то, будто въ концѣ концовъ художники все свое честолюбіе ставятъ въ угрожденіи «неисчислимому множеству». Бессильная угроза состоитъ въ томъ, будто «безчисленное множество» можетъ подчинить художниковъ собственнымъ его фантазіямъ, сказавъ имъ: «въ противномъ случаѣ я отрицаю ваше искусство со всѣми его чудесами».

Начнемъ съ мнѣнія. Чтобы отдать ему полную справедливость и оцѣнить его по достоинству, мы обязаны замѣтить, что въ ходѣ мышленія Прудона оно является логическимъ выводомъ, который кажется ему неопровержимымъ. Онъ признаетъ, что первою, основною причиною искусства служить эстетическая способность, которая такъ же врожденна нашему виду, какъ умъ и совѣсть. Но, по его мнѣнію, эта первая причина порождаетъ другую, которая въ свою очередь одна только дѣлаетъ возможнымъ прогрессъ въ искусствѣ, или усовершенствованіе въ этой области: это—чувство самоуваженія или самолюбіе. Первая изъ этихъ причинъ, выражаясь собственными словами Прудона, «даетъ зерно творческой дѣятельности; вторая служитъ для него двигающей силой, обуславливающей ея развитіе». А такъ-какъ величайшее удовлетвореніе самолюбію состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться сочувствіемъ и одобреніемъ «безчисленнаго множества», то отсюда и выходитъ, что заслуживать это одобреніе и угождать этому безчисленному множеству составляетъ все честолюбіе художниковъ. Однако, если подобный выводъ мы признаемъ даже безспорнымъ, то все-таки это не имѣетъ никакой важности. Для правильнаго умозаключенія о томъ, возможно ли нѣтъ считать

«безчисленное множество» безапелляционнымъ судьей въ дѣлѣ искусства, главную важность составляетъ не то, *чѣмъ* служить для самолюбія художниковъ доброе мнѣніе «безчисленнаго множества», а то, *какъ* образуется это мнѣніе. Пусть приобрѣтеніе славы, которая есть не что иное, какъ одобреніе «безчисленнаго множества», будетъ высочайшею цѣлю для художниковъ. Но вопросъ въ томъ, какъ составляется эта слава или это одобреніе. «Безчисленное множество» само ли фабрикуетъ свое мнѣніе, и способно ли оно къ этому, или этотъ трудъ за него выполняютъ другіе, а его заставляютъ только кричать, то-есть — исполнять его истинную роль?

Этотъ вопросъ требуетъ только быть поставленнымъ, чтобы сдѣлать несерьезнымъ всякій споръ о правѣ «безчисленнаго множества» на верховную критику въ дѣлѣ искусства.

Для того, чтобы судить или составить критическое мнѣніе о произведеніи искусства, будетъ ли это картина, рисунокъ или статуя—необходимы три различные рода знанія. Это, во-первыхъ, близкое знакомство съ естественными фактами, которые избраны художникомъ для воспроизведенія; во-вторыхъ, нѣкоторое знакомство, болѣе или менѣе основательное, съ техническими средствами, которыя употреблены для воспроизведенія этихъ фактовъ; наконецъ, третьихъ, философское или системное пониманіе интеллектуальнаго элемента въ произведеніи — пониманіе, которое давало бы возможность критику указать данному произведенію его истинное мѣсто въ ряду другихъ произведеній и въ исторіи искусства.

Съ перваго раза можетъ показаться, что «безчисленному множеству» долженъ быть нечуждъ по крайней-мѣрѣ одинъ изъ этихъ родовъ знанія: это—знаніе воспроизводимыхъ фактовъ или предметовъ. Однако, и это не вѣрно. Одного простаго, непосредственнаго знанія о томъ, что такой-то воспроизведенный фактъ дѣйствительно существуетъ, можетъ быть довольно для васъ самихъ, но недовольно для того, чтобы вы были критикомъ. Подобное знаніе, взятое само по себѣ, въ своей ограниченности, даже просто ни къ чему непригодно. Критикъ дѣлается возможнымъ только тогда, когда изъ знанія уединенныхъ и раздробленныхъ фактовъ у него составилось общее пониманіе ихъ, въ связи со всею средою, къ которой они относятся, когда для него дѣлается ясна ихъ причинная зависимость отъ этой среды, когда самую эту среду онъ способенъ повимать по ея отношеніямъ къ другимъ жизненнымъ средоточіямъ—словомъ, когда онъ носитъ въ себѣ цѣлое міровоззрѣніе, выработанное до художественной отчетливости. Для примѣра можно взять родъ живописи, самый до-

ступный для «безчисленнаго множества»—жанровый. Въ этомъ родѣ можно указать хоть на такую популярную картину, какъ «Сватовство майора», кисти Федотова. Фактами этой картины нужно признать, вопервыхъ, самое событіе, послужившее сюжетомъ художнику, самое это сватовство майора въ гостинодворскомъ купеческомъ семействѣ, самое это явленіе, какъ обусловленное складомъ нашего общества; потомъ, сцену дѣйствія, т.-е. комнату, гдѣ принимаютъ майора, съ ея меблировкой и убранствомъ, какъ характеризующими семейный бытъ среды, избранной художникомъ; далѣе, всѣ лица, представленныя на картинѣ, и ихъ платья, со включеніемъ покроя и моды; наконецъ, всѣ положенія этихъ лицъ, которыми опредѣляются ихъ роли въ дѣйствіи и ихъ взаимное значеніе относительно другъ друга. Кажется, ничто не можетъ быть проще и общепонятнѣй этихъ фактовъ. Однако, картина Федотова была для публики, въ свое время, почти такимъ же откровеніемъ, какъ «Мертвыя души» Гоголя и первая комедія Островскаго. Отчего такъ? Оттого, что видѣть факты въ ихъ непосредственности, въ ихъ переходящей случайности и разрозненности—это одно дѣло; а собирать ихъ въ порядки, обобщать ихъ до такой степени, чтобы они получили собирательное значеніе непреходящихъ типовъ—это другое дѣло. Для перваго нужно имѣть только глаза, какъ у «безчисленнаго множества»; второе требуетъ, чтобы мы обладали не для всѣхъ общюю наблюдательностію, чтобы были одарены способностію легко воспринимать контрасты и поражаться ими, наконецъ, намъ должно быть извѣстно то безпокойство души, которое вообще портитъ жизнь недюжиннаго человѣка при каждой встрѣчѣ его съ чѣмъ бы ни было частнымъ и загадочнымъ—до тѣхъ поръ, пока онъ не отыщетъ общій законъ и разгадку. Потому, обращаясь къ приведенному нами примѣру, можно сказать съ полнымъ правомъ, что откровеніе этого художественнаго произведенія состояло не въ самыхъ фактахъ, которые не были новыми, а въ томъ, что при новомъ свѣтѣ сдѣлалось возможнымъ знать ихъ по новому. Оно состояло въ мировоззрѣніи художника, въ томъ, что міръ этихъ фактовъ онъ освѣтилъ веселымъ солнцемъ своего юмора. Онъ отыскалъ центръ, изъ котораго нужно смотрѣть на ихъ группу. Онъ открылъ неистощимый источникъ хорошаго смѣха тамъ, гдѣ прежде видѣли простое житейское дѣло, отчасти безразличное, отчасти даже похвальное.

И вотъ отъ «безчисленнаго множества» требуется, чтобы его знаніе было такое же полное; требуется, чтобы отбросивъ свое притязаніе — подчинить художника своей фантазіи, оно могло и умѣло, наоборотъ, подчиниться его фантазіи — словомъ, чтобы

при видѣ художественнаго произведенія оно сразу усвоило себѣ міровоззрѣніе художника. И это требуется еще не для того, чтобы быть хорошимъ критикомъ, а только для того, чтобы не быть глупымъ зрителемъ. Спрашивается: легко ли это? Міровоззрѣнія, какъ извѣстно, не падаютъ съ неба готовыми, а приобретаются трудомъ, вниканіемъ, изученіемъ и размышленіемъ. И это въ особенности слѣдуетъ сказать о тѣхъ міровоззрѣніяхъ, которыя «обозрѣваютъ жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!» Этотъ родъ пониманія — самый трудный, и дается только людямъ съ значительнымъ развитіемъ. Какъ на объяснительный примѣръ того, что значитъ понимать комизмъ, можно обратиться къ театру и указать на то, какъ разнообразно въ различныхъ его ярусахъ смѣются игрѣ однихъ и тѣхъ же артистовъ, хотя бы это были Мартыновъ или Гаррикъ. Игра этихъ артистовъ, какъ вы должны допустить, возбуждала смѣхъ въ партерѣ, и возбуждала его такъ же въ райтѣ и (надѣмся, это не совсѣмъ анахронизмъ) въ «Русскомъ Словѣ». Но это два различныя смѣха. Въ то время, какъ партеръ видѣлъ въ этихъ артистахъ—единственнаго и несравненнаго Гаррика и единственнаго и несравненнаго Мартынова, райку и «Русскому Слову» они должны были представляться, и представлялись, не болѣе какъ клоунами старыхъ англійскихъ театровъ, или петрушками нашихъ ярмарокъ.

Такимъ образомъ, изъ трехъ родовъ знанія, необходимыхъ для того, чтобы быть судьей искусства, мы не можемъ признать за «безчисленнымъ множествомъ» даже легчайшаго изъ этихъ знаній—знанія фактовъ. Оно оказывается несостоятельнымъ даже съ этой стороны, потому что отъ него требуется, чтобы оно подходило къ предмету искусства съ міровоззрѣніемъ, а оно подходитъ съ однимъ зрѣніемъ. Въ остальныхъ знаніяхъ Прудонъ самъ отказывается своему «безчисленному множеству». Онъ рѣшается сказать, что оно «ничего не знаетъ объ искусствѣ: не различаетъ шволь, неспособно опредѣлить ловкость рисунка и побѣжденную трудность, не знаетъ ни техническихъ средствъ, ни процессовъ искусства»; онъ рѣшается сказать это, и тѣмъ кажется страннѣе, что «въ концѣ концовъ» онъ все-таки признаетъ «безчисленное множество» верховнымъ критикомъ искусства. Но если отъ картины отнять все то, что онъ перечисляетъ какъ недоступное «безчисленному множеству», что же отъ нея останется для критики? Одинъ холстъ. Прудонъ думаетъ, что останется еще идея или принципъ, нравственный или политическій, въ чемъ, по его мнѣнію, и заключается самый цѣнный элементъ картины. Это мнѣніе онъ проводитъ черезъ всю свою книгу и

выражаетъ его сто разъ. Но ему можно отвѣчать сто разъ, что идея не картина, что художника дѣлаетъ не идея, что прекрасная идея въ дурной картинѣ можетъ быть отнесена только къ тѣмъ добрымъ намѣреніямъ, изъ которыхъ въ аду сдѣлана мостовая, и что вообще, относительно этого предмета, гораздо справедливѣе мнѣніе одного изъ соотечественниковъ Прудона, выраженное въ слѣдующей золотой фразѣ, достойной всего вниманія художниковъ: «l'idée qui se cache sous un tableau de Raphaël, est peu de chose; c'est le tableau seul qui compte» (Ренанъ). Да и почему человѣкъ, ничего незнающій объ искусствѣ, неразличающій школъ, неспособный опредѣлить достоинство рисунка, ничего непонимающій относительно техническихъ средствъ живописи, можетъ однако понимать идею картину? Положимъ, иногда можетъ; но иногда можетъ и ошибиться, и такъ непростительно, какъ никогда не должны ошибаться критики; множество ошибокъ этого рода обратились въ анекдоты. Случай подобной ошибки недавно былъ приведенъ въ одной изъ статей этого журнала, и онъ весьма умѣстно можетъ быть повторенъ здѣсь. Покойная императрица Александра Феодоровна, показывая кому-то изъ придворныхъ любимую картину свою «Іоаннъ Богословъ» Доминикино, спросила его мнѣнія объ этой картинѣ. Царедворецъ отвѣчалъ, что картина прекрасна, но что сходство съ ея величествомъ не довольно близко. Онъ принялъ картину за портретъ государыни. Вотъ что значитъ не различать школъ. Можно Зарянку смѣшать съ Доминикино, и русскую царицу съ Іоанномъ Богословомъ. И неужели же это будетъ критика? А между тѣмъ разсказчикъ настоятельно замѣчаетъ, что царедворецъ былъ человѣкъ вполне умный и вполне образованный, и только не былъ способенъ понимать живопись ни въ какомъ другомъ отношеніи, кромѣ идеи.

Но мы напрасно такъ долго останавливаемся на неправильномъ мнѣніи, съ которымъ не соглашаемся. Съ точки зрѣнія Прудона всѣ наши доказательства—прахъ. Пусть будетъ совершенно вѣрно, что «безчисленное множество» не можетъ импонировать на художниковъ—по праву, но оно, какъ истинный тиранъ, можетъ достигнуть этого насиліемъ. Привыкнувъ разумѣть толпу, какъ всеокрушающую политическую силу, Прудонъ, какъ это и свойственно такому атлетическому представителю принциповъ 89 года, хочетъ признавать за этою толпою ея способность все сокрушать и въ эстетикѣ. Пусть ея компетентность будетъ ничтожна, а ея судъ нелѣпъ и незаконенъ, но въ концѣ концовъ она, въ своемъ качествѣ «безчисленнаго множества», можетъ сказать художникамъ: будьте покорны моей фантазіи, или я отрицаю

*

ваше искусство. Страшная угроза, если бы она была действительна. Но она недействительна; въ ней нѣтъ никакой обязательной силы, и художники совершенно безопасно могутъ отрицать эту угрозу. Въ действительности, «безчисленному множеству», принимаемому въ смыслъ демагоги, вовсе нѣтъ и никогда не было никакого дѣла до искусства; его разрушительныя наклонности никакимъ образомъ не могутъ угрожать искусству, и оно никогда не думало ни признавать, ни отрицать его; а если бы и вздумало, то художники могли бы, и даже были бы обязаны отвѣтить ему безъ церемоніи: ты отрицаешь не одно искусство, но отрицаешь такъ же мыло и гребенку, отрицаешь сельскую школу, и признаешь только кабакъ. Но въ действительности, вопросами и предметами искусства интересуется только та часть «безчисленнаго множества», которая называется публикой и состоитъ изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ, слѣдственно изъ людей, которымъ можно не придавать особенно надменныхъ претензій, какъ это дѣлаетъ Прудонъ, уже потому, что имъ свойственна боязнь нелѣпости. Дѣло въ томъ, что публика не можетъ ни разсуждать, ни говорить такъ, какъ разсуждаетъ и говоритъ за нее Прудонъ. Онъ разумѣетъ эту публику, какъ республику, и притомъ своевольную до попиранія разума. Но если область искусства можетъ быть названа республиканскою, то это будетъ самая аристократическая республика; это будетъ республика, гдѣ управляютъ одни только признанные авторитеты, а граждане, хотя не чувствуютъ никакого деспотизма, но за то ни въ какомъ случаѣ не деспотируютъ.—Кто эти авторитеты?—Милороды и сѣры—знатоки и любители.—Кто эти граждане?—Благовоспитанная публика, которая притомъ столь благовоспитана, что никогда не имѣетъ своего мнѣнія. Это, повидимому, противорѣчитъ общепризнанному и несомнѣнному факту; отрицаніе общественнаго мнѣнія, хотя бы это было въ искусствѣ, можетъ показаться нелѣпостью. Действительно, фактъ несомнѣнный, что такое мнѣніе, которое называется общественнымъ, принадлежащимъ публикѣ, существуетъ даже относительно предметовъ искусства; кромѣ того, невозможно не признать, что мнѣніе это почти всегда бываетъ справедливымъ и безапелляционнымъ, какъ скоро оно разъ установилось. Но мы знаемъ уже, что требуется знать для того, чтобы составить такое мнѣніе, и знаемъ также, что публика не имѣетъ этихъ требуемыхъ знаній. Слѣдственно, въ «концѣ концовъ» она не можетъ считаться и первымъ источникомъ обращающихся въ ней эстетическихъ приговоровъ и мнѣній. Этимъ источникомъ служатъ эксперты. Это они, это названные нами авторитеты, первые фабрикують

тѣ приговоры, которые, изливаясь въ публику путемъ газетъ, журналовъ и живой рѣчи, перерабатываются потомъ въ общественное мнѣніе. Великое значеніе публики, какъ раздавательницы славы, конечно, нисколько не уменьшается подобнымъ объясненіемъ ея приговоровъ: она тѣмъ не менѣе остается «гласомъ божіимъ» и послѣднею инстанціей. Но только это инстанція, гдѣ приговоры экспертовъ не измѣняются, а получаютъ лишь свою санкцію. Публика — это тѣ высокія особы, которыя на торжественныхъ актахъ въ школахъ приглашаются принять на себя почетный трудъ—врученія награды.

Но опять, намъ и это не служить въ пользу.

Признаніе экспертовъ, какъ ни соотвѣтствуетъ оно истинному положенію вещей, ставитъ насъ въ противорѣчіе съ новымъ принципомъ Прудона, который съ тѣмъ вмѣстѣ составляетъ новое основаніе его предыдущему положенію. Прудонъ не признаетъ авторитетовъ (надѣмся, что это слово не болѣе оскорбительно для нашего чувства равенства, какъ и *эксперты*). Онъ не признаетъ ихъ даже возможными. Они потому невозможны, что единственный критерій искусства, это—личный вкусъ каждаго. А о вкусахъ не спорять. «Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ—вкусъ, это—сама свобода; артистъ, котораго произведеніе будетъ нравиться наибольшему числу, долженъ быть признанъ за величайшаго изъ всѣхъ, потому что его идеаль будетъ самымъ могущественнымъ: другого правила не существуетъ».

Это мнѣніе, отрицающее всякія правила въ критикѣ искусства, можно назвать классическимъ. Мы припоминаемъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ оно было высказано, тоже въ видѣ принципа и почти въ тождественныхъ выраженіяхъ съ Прудономъ, нашими академиками. Это было въ тотъ годъ, когда академія имѣла рѣдкое счастье присудить въ одинъ разъ за два литературныя произведенія полную уваровскую премію: г. Островскому—за «Грозу» и г. Писемскому—за «Горькую судьбину». Изъ отчета о присужденіи этой преміи стало извѣстно, что рецензентъ, которому сдѣлано было приглашеніе принять на себя трудъ критическаго разбора «Горькой судьбины», не призналъ эту драму достойною преміи. Но академія, какъ извѣстно, присудила ее, и въ томъ же отчетѣ было приведено основаніе, почему она не согласилась съ рецензентомъ. Мы хорошо помнимъ, что она разсуждала почти такъ, что «хотя отзывъ рецензента и неблагоприятенъ для драмы г. Писемскаго, однако публика считаетъ г. Писемскаго писателемъ того же порядка, къ которому принадлежитъ и г. Островскій; потому, отказать г. Писемскому въ преміи было бы крайне неосторожно; быть можетъ, публика будетъ находить, что и

это его произведение не ниже его таланта и не слабѣе произведенія г. Островскаго: судить о произведеніяхъ художества всякій воленъ по своему вкусу; правилъ, которыя были бы обязательны для вкуса, не существуетъ».

Однако это не только невѣрно, но почти невѣроятно, что такъ могли разсуждать, съ одной стороны—Прудонъ, съ другой—академія. Мнѣніе академіи было, въ свое время, оцѣнено по достоинству въ этомъ самомъ журналѣ, и сколько намъ помнится, оно не избѣгло весьма позволительнаго въ этомъ случаѣ юмора. Въ самомъ дѣлѣ, если Прудонъ и академія правы, то академическій обычай, существующій въ цѣломъ мірѣ, приглашать экспертовъ передъ каждою художественною выставкою или раздачей художественныхъ премій—большая ошибка. Тогда гораздо сообразнѣе съ принципомъ и цѣлю—дѣлать отношенія въ полицейскія мѣста, а также во всякаго рода собранія, особенно земскія, можетъ быть даже къ директорамъ клубовъ, и просить отъ этихъ мѣстъ и лицъ сообщеній о настроеніи общественнаго вкуса; и дѣлать это слѣдовало бы не передъ выставками, а послѣ. Это будетъ самый правильный критическій приемъ, какъ скоро признать правильнымъ принципъ личнаго вкуса. Но опять, и тутъ встрѣчается соображеніе, которое отнимаетъ всякую цѣлесообразность даже и у этого критическаго приема. Потому что, если личный вкусъ есть самъ по себѣ законъ, и такихъ законовъ признается безчисленное множество, то не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь собирательномъ, общественномъ приговорѣ, какъ результатѣ общественнаго вкуса. Притомъ, личный вкусъ дѣло преходящее, дѣло одного дня, нерѣдко одного часа; даже вкусъ «безчисленнаго множества», когда оно сходится въ своихъ вкусахъ, часто проживаетъ не болѣе времени, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы, на примѣръ, изъ Москвы въ Петербургъ пришло сообщеніе о настроеніи общественнаго вкуса. Такимъ образомъ критика искусства, которая бы произносила свои приговоры не на одинъ день, и даже не на одинъ годъ, а по возможности—навсегда, является не то что трудной, но немислимой. Принципъ личнаго вкуса отрицаетъ ее въ самыхъ глубинахъ ея возможности. И, между прочимъ, послѣдній выводъ изъ этого принципа будетъ тотъ, что Прудонъ напрасно написалъ свое критическое изслѣдованіе объ искусствѣ, а академія, вмѣсто того, чтобы подвергать произведенія состязателей рецензіямъ, напрасно не заведетъ лотереи для розыгрыша искомой преміи.

Но легко указать ту ошибку мышленія, которая необходимо приводитъ къ подобному заключенію. Прудонъ и академія разсматриваютъ вкусъ, какъ особенную способность каждаго человѣ-

ческаго существа, и отъ этого является у нихъ безчисленное множество вкусовъ, равное такому же количеству законовъ; между тѣмъ разсматривать его слѣдуетъ просто какъ человѣческую способность, какъ одну для всѣхъ людей, и слѣдственно, равную одному только закону. Ошибка эта походить на то, какъ еслибы кто сталъ утверждать, что въ дѣлѣ мышленія закономъ служить не вообще логика, а личная логика cadaго. Мы настаиваемъ на этой параллели, потому что она довольно точно объясняетъ дѣло. Вкусъ есть такая же принадлежность нашей эстетической способности, какъ логика принадлежность нашего ума; чѣмъ вкусъ служитъ для первой, тѣмъ логика для второго; ихъ отправленія какъ нельзя болѣе близки. Неоспоримо, что личныя логики тоже безчисленны, и что самая ббольшая часть ихъ принадлежитъ къ такимъ, по которымъ слѣдуетъ, что, напримѣръ, просыпанная соль предвѣщаетъ несчастіе, или дважды два—стеариновая свѣчка. Однако, если вы способны разсуждать логично, для васъ остается обязательной одна только логика. И когда вы разсуждаете, то для убѣжденія въ томъ, дѣйствительно ли вы логично разсуждаете, вамъ не нужно справляться нетолько въ клубахъ или собраніяхъ, но даже въ академіяхъ. Личныя вкусы въ дѣлахъ вкуса значать то же, что личныя логики относительно логики.

Прудонъ допускаетъ, что искусство, какъ выраженіе нашихъ идей и предметовъ внѣшней природы, необходимо должно имѣть свою причинную разумность (*de la raison*); потому оно должно бы, повидимому, допускать и авторитетную, обязательную для всякаго разума критику. «Но—говоритъ онъ—эта артистическая разумность, не поставляя задачею себѣ точность (*ne visant point à l'exactitude*), не подчиняется, какъ разумность діалектическая или математическая, неизмѣннымъ и неумолимымъ формуламъ; средствами для ея выраженія не служатъ опредѣленія, силлогизмъ, или теорема: иначе всякій математикъ былъ бы артистомъ, всякій артистъ—юрисконсультъ и философъ». И отсюда опять необходимое заключеніе, что о вкусахъ не спорять—*de gustibus non disputandum*. Но здѣсь, что ни положеніе, то произволь. Впервыхъ, не совсѣмъ правильно будетъ сказать, чтобы искусство не ставило своею задачею точность: вѣрность природѣ, и притомъ тѣмъ болѣе цѣнная, чѣмъ она совершеннѣе, есть всѣмъ извѣстное требованіе отъ искусства; и хотя художественная вѣрность не такая же точность, какъ всякая другая, но все же она не хуже всякой другой. Вторыхъ, совершенно невозможно сказать, чтобы различныя занятія, сходныя по ихъ точному характеру, давались намъ сами собою, въ силу одного только этого сходства, какъ скоро мы

знаемъ одно изъ нихъ; иначе всякій искусный астрономъ былъ бы отличнымъ химикомъ. Потому, если математики вообще не артисты, а артисты вообще не математики, то причина этому не та, что математика наука точная, а искусство неточно, но только та, что для математики нуженъ одинъ родъ знаній, а для художника другой; то-есть, это будетъ та же самая причина, по которой астрономы вообще не химики, а химики вообще не астрономы. Наконецъ, если само искусство выражается не опредѣленіями, силлогизмами или формулами, а красвами, звуками, формами, то это не дѣлаетъ невозможными ни философію искусства, ни его критику, основанную на этой философіи, съ опредѣленіями и силлогизмами. Слѣдственно, это не дѣлаетъ невозможными и самые споры о вкусахъ. Да и какъ не спорить о нихъ, если возвышеніе вкусовъ есть такая же задача искусства, какъ задача науки — возвышеніе умовъ, какъ задача права — возвышеніе совѣсти.

Безспорно, что личный вкусъ имѣетъ свои права, которыхъ никто не можетъ ни отнять, ни опровергнуть; поставленный въ свои точныя границы, онъ вполне законенъ и свободенъ отъ всякаго посягательства. Важно и нужно знать только эти границы. Знаменитая формула «о вкусахъ не спорять» столько же опредѣляетъ ихъ, сколько и совсѣмъ отрицаетъ. Дѣло въ томъ, что о вкусахъ, а также и о цвѣтахъ, дѣйствительно не спорять; подобные споры считаются даже нелѣпными, безцѣльными, ни къ чему неведущими: это—фактъ, признаваемый всѣми, и въ томъ числѣ такими писателями, какъ Прудонъ, и такими авторитетами, какъ академія. Но съ другой стороны, подобные споры встрѣчаются на каждомъ шагу; шумомъ этихъ споровъ можно наполнить любую азіатскую ярмарку, или составить изъ нихъ александрійское книгохранилище; и спорамъ этимъ невозможно отказать ни въ совершенной дѣльности, ни въ плодотворности результатовъ: это тоже фактъ, признаваемый всѣми, не исключая Прудона и академіи. Вотъ затрудненіе, изъ котораго любопытно найти выходъ.

Но, кажется, это болѣе любопытно, чѣмъ трудно. Этотъ выходъ, мы полагаемъ, будетъ найденъ, если личный вкусъ съ его правами будетъ подведенъ подъ общую категорію личныхъ правъ. Если всѣ подобныя права имѣютъ своею границею ненарушимость правъ ближняго, то отчего же и личному вкусу не подходить подъ это правило? Причины нѣтъ никакой; и это и есть его истинная граница, его принципъ и его сфера. Пока симпатіи, антипатіи и прихоти личнаго, преходящаго вкуса не навязываются никому другому, остаются чисто-субъективными—

тогда онѣ воплотѣ законы, и тогда о вкусахъ не спорять. Но если личная особенность, капризъ или невѣжество претендуютъ сдѣлаться общимъ положеніемъ, деспотировать надъ художниками, обратиться въ правило, замѣнить собою философію искусства—о! это слишкомъ много. и тогда о вкусахъ спорять. Обратимся къ примѣру. Если вы говорите, что вы не любите малины и терпѣть не можете пурпуроваго цвѣта, тогда вы съ вашимъ личнымъ вкусомъ совершенно правы; васъ нетолько нельзя опровергнуть, но и опровергать невозможно. Но если, довѣряясь вашему вкусу, вы будете говорить, что малина вообще северная ягода, и цвѣтъ пурпура вообще гнусный цвѣтъ—тогда съ вами будутъ спорить. Перенесите этотъ примѣръ на искусство. Вамъ можетъ не нравиться общій колоритъ картины, и вы совершенно правы; вы не выносите такого рода освѣщеніе, и вамъ никто не противорѣчитъ; но только вы должны помнить, что это ни для кого не было и задачей, чтобы оно вамъ правилось: задача состояла въ томъ, чтобы возсоздать освѣщеніе, которому примѣры есть въ природѣ. На сколько эта задача достигнута, на сколько природа перешла на полотно—это подлежить рѣшенію свѣдущихъ людей, и для личнаго вкуса тутъ нѣтъ ни малѣйшей доли. Гдѣ же его доля? И если то, что сейчасъ сказано объ освѣщеніи, можетъ быть сказано такъ же относительно рисунка, экспрессіи, компановки, перспективы, такъ-какъ познанія свѣдущихъ людей даютъ имъ возможность судить о всемъ этомъ съ ясностію и убѣдительностію силлогизма—то гдѣ же въ самомъ дѣлѣ она, эта доля личнаго вкуса?

Увы, лучше бы не спрашивать. Намъ могутъ отвѣтить: повсюду! и это будетъ совершенная правда; то-есть это будетъ почти полная правда, если мы будемъ имѣть въ виду критику, озаряющую общественный смыслъ собственно въ нашей странѣ. Тутъ мы встрѣтимъ такое раздолье личнаго вкуса, которое способно опечалить... даже академію. Касается ли дѣло Шекспира и Пушкина, или Рафаэля, театровъ, оперы, художественныхъ выставокъ—тутъ мы постоянно должны удивляться одному только разнообразію вкусовъ, и ничему болѣе. Развѣ еще той отвагѣ, съ которою каждый отдѣльный вкусъ стремится заявить свое личное вавилонство. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ образцы, которые никогда не будутъ превзойдены. Такъ, мы можемъ указать на критика, который, разбирая Пушкина, имѣлъ цѣлю доказать, и разумѣется, доказалъ какъ дважды два, что нашъ великій поэтъ не былъ какимъ-то «мыслящимъ реалистомъ», чѣмъ, конечно, и не угодилъ на вкусъ критика. Тотъ же критикъ, въ томъ же разборѣ, вѣроятно изъ боязни быть заподозрѣн-

нымъ хотя бы въ тѣни сходства съ какимъ бы ни было чело-
 ловѣческимъ вкусомъ, имѣлъ похвальную смѣлость, цитируя
 стихи великаго поэта, писать ихъ по цѣлымъ страницамъ, какъ
 прозу. Изъ безчисленнаго множества подобныхъ невѣроятнос-
 тей, намъ припоминается извѣстная параллель, проведенная
 другимъ отважнымъ критикомъ, между гг. Аскоченскимъ и Тур-
 геневымъ, причемъ, г. Аскоченскій, какъ авторъ какого-то «Ас-
 модѣя нашего времени», найденъ писателемъ высшаго порядка,
 чѣмъ г. Тургеневъ; стало быть, одного порядка съ Гоголемъ и
 Диккенсомъ. Намъ припоминается рецензентъ, который, увидавъ
 въ театрѣ «Воеводу» Островскаго съ домовымъ на сценѣ, по-
 смѣялся по этому случаю смѣхомъ добраго кирасирскаго коня
 надъ предразсудками и суевѣрїями г. Островскаго. Намъ припо-
 минаются сапоги, которые лучше Пушкина; картины первѣйшихъ
 мастеровъ, которыя дешевле полотна, ими запачканнаго; нако-
 нецъ мы можемъ указать на цѣлую литературную дѣятельность,
 хотя очень краткую, употребленную на то, чтобы доказывать
 на разные манеры, «что никакое нарисованное яблоко не можетъ
 сравниться съ настоящимъ яблокомъ»... въ какомъ отношеніи сра-
 вниться? Не спрашивайте. Въ этомъ сопоставленіи, несмотря
 на то, что на разъясненіе его истратился цѣлый писатель и еще
 съ прибавкою другого, все-таки невозможно ни открыть, ни за-
 подозрить какую бы ни было хорошо продуманную мысль. Всѣ
 эти скандалы, которые въ самомъ Вавилонѣ не показались бы
 маленькими, всѣ они громко вопіютъ о господствѣ личнаго вку-
 са. Это такъ, это вѣрно. Но съ одной стороны, этимъ дока-
 зывается, что господство личнаго вкуса есть скандалъ. А съ дру-
 гой стороны, минута, переживаемая скандалами, и теперешнее
 отношеніе къ нимъ общества служатъ доказательствомъ, что го-
 сподство предопредѣлено не скандаламъ. Кажется, невозможно
 ошибиться въ знаменїяхъ, которыя свидѣтельствуютъ, что узнавъ
 истинную цѣну личныхъ вкусовъ и взглядовъ, то-есть личнаго
 невѣжества, попиранїя принциповъ и отвращенїя отъ знанїй,
 общество не желаетъ, наконецъ, ничего лучшаго, какъ руковод-
 ства людей свѣдущихъ и компетентныхъ. И такимъ образомъ,
 можно сказать окончательно, что принципъ, который мы отвер-
 гаемъ — принципъ нефилософскій, и поэтому, неустойчивый и
 ненадежный: широко примѣненный къ дѣлу, онъ немногимъ пе-
 режилъ Прудона даже тамъ, гдѣ вѣрила въ него академія, его
 пережившая.

Установивъ свое право, какъ одного изъ безчисленнаго мно-
 жества, быть критикомъ искусства, Прудонъ, прежде чѣмъ вос-
 пользоваться этимъ правомъ конкретнымъ образомъ, еще долго

остається въ области эстетики какъ философскій изслѣдователь. Онъ поднимаетъ вопросы о сущности прекраснаго, о природѣ эстетической способности, объ идеализмѣ и реализмѣ, объ идеалѣ, наконецъ о цѣли и назначеніи искусства. Остановиться на всемъ этомъ сколько нибудь пространно, можетъ быть, значило бы требовать отъ вниманія читателей больше, чѣмъ можно, а не остановиться на всемъ этомъ невозможно. Потому, мы сколько-нибудь пространно остановимся лишь на самомъ существенномъ, на самомъ общинтересномъ и такомъ, что по преимуществу служило и служить популярнѣйшимъ предметомъ споровъ, собственно въ нашей литературѣ. О всемъ остальномъ мы заявимъ свое несогласіе съ Прудономъ—потому что намъ опять приходится заявлять несогласіа—совершенно кратко.

Такъ мнѣніе Прудона, хотя впрочемъ не новое, о томъ, будто прекрасное существуетъ само по себѣ, не какъ наше сознаніе, представленіе или чувство, а какъ реальная объективность, существующая внѣ насъ, никакимъ образомъ не должно, по нашему мнѣнію, пользоваться правомъ гражданства между людьми свѣдущими. По его мнѣнію, гармонія тоновъ и цвѣтовъ была бы гармоніей, симметрія была бы симметрией и пропорціональность—пропорціональностью, еслибы даже вовсе некому было ощущать, чувствовать и понимать это.

«Идея прекраснаго — говоритъ онъ — наперекоръ тому, чему учатъ великіе философы, не есть простое представленіе нашего разума, но имѣетъ свою собственную объективность. Еслибы она представляла только созданіе общности способностей человека, не имѣла реальности въ природѣ, то это была бы нелѣпость. Развѣ прекрасное не состоитъ именно въ послѣдовательности, симметріи, въ пропорціональности, гармоніи цвѣтовъ, тоновъ, движеній, которыя могутъ измѣряться по объему, вычисляться цифрами, являться или исчезать при простомъ соединеніи или выдѣленіи матеріи?»

Мнѣніе, противное высказанному въ этихъ строкахъ, Прудонъ считаетъ грубымъ заблужденіемъ метафизиковъ. Но если тутъ есть грубое заблужденіе, то, конечно, самого Прудона. Не метафизики только, но физики и физиологи, и въ томъ числѣ такіе, о которыхъ (какъ, напримѣръ, о Вундтѣ) трудно сказать, чтобы они не были матеріалисты, давно признаютъ это мнимое заблужденіе полной истиной положительной науки; по крайней-мѣрѣ они представляютъ данныя, по которымъ можно заключать объ этомъ, какъ научной истинѣ. Наука опредѣляетъ, напримѣръ, свѣтъ, какъ колебаніе ээира, звукъ—какъ волнообразное движеніе воз-

духа; вотъ реальныя объективности, признаваемыя наукой за существующія внѣ насъ: движеніе, колебаніе — ничего болѣе. Но это колебаніе ээира становится свѣтомъ и цвѣтомъ, только достигая нашего глаза; это движеніе воздуха становится звукомъ, только достигая нашего уха. Доказать противное—не существуетъ возможности. Наука отнимаетъ эту возможность тѣмъ, что она опредѣлила даже число колебаній для каждаго цвѣта: красному дала она четыре бильюна колебаній въ секунду, фіолетовому восемь бильюновъ. Вотъ образчикъ того азыка и мышленія, которые общеприняты между учеными относительно этого предмета. По словамъ одного изъ нихъ, «выраженіе: *я вижу такой-то цвѣтъ*, значить — мой глазъ теперь получаетъ столько-то бильюновъ толчковъ въ секунду» (Тиндаль). По мнѣнію другого: «довольно того, чтобы въ положеніи желтаго патна на нашемъ зрачкѣ была малѣйшая особенность, и вы, не будучи ни слѣпымъ, ни близорукимъ, уже видите цвѣта по своему, принимаете, напримѣръ, черное за красное». Но если таковы научныя факты, то, конечно, не метафизики удаляются отъ истины, отказываясь понимать мелодію звуковъ и гармонію цвѣтовъ, помимо природы человѣка и внѣ ея, а Прудонъ, который понимаетъ эту мелодію и эту гармонію. Въ сущности, подобное пониманіе, хотя это не для всѣхъ можетъ казаться очевиднымъ, значить то же, что пониманіе права, нравственности и добродѣтели безъ нравственнаго существа.

Подобнымъ же образомъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Прудона, будто эстетическая способность, по своему характеру, есть способность второстепенная, несамостоятельная. Злоупотребляя филологическимъ значеніемъ слова (*aïsthesis*—женскій), онъ видитъ въ этой способности скорѣе природу женскую, предназначенную для подчиненности, чѣмъ мужскую, имѣющую своимъ призваніемъ господство, почему и самому искусству даетъ точно такую же роль и мѣсто, какъ въ нашемъ сознаніи, такъ и въ исторіи. По его мнѣнію, выражаясь его собственными словами:

«Характеръ искусства болѣе женственный, чѣмъ мужественный; назначеніе его подчиненность, и окончательное его развитіе должно установиться на основаніи юридическаго и научнаго развитія человѣческаго рода. Прогрессъ въ искусствѣ, если только прогрессъ существуетъ, будетъ такъ-сказать только внѣшній, независимый отъ внутренней сущности самого искусства. Предоставленное своимъ собственнымъ средствамъ, искусство, склонное по своей сущности къ фантазіямъ, будетъ постоянно обращаться къ самому себѣ, и такимъ образомъ обречено на неподвижность и застой».

Но ошибочность мнѣнія Прудона, выраженнаго въ этихъ строкахъ, будетъ понятна тотчасъ, какъ только хорошо будетъ понята сущность его доказательства. Доказательство это состоитъ въ томъ, что Прудонъ изолируетъ эстетическую способность, представляетъ ее уединенной, вырываетъ ее изъ гармонической среды нашей природы, и указывая на нее въ этомъ невозможномъ для нея состояніи, предлагаетъ вамъ судить о ея средствахъ; то-есть, онъ васъ спрашиваетъ: что было бы съ эстетическою способностію и каково процвѣтало бы человѣческое искусство, еслибы у человѣка были отняты его разумъ и совѣсть? Но кто пользуется правомъ поставять такіе вопросы, тотъ такъ же даетъ право не отвѣчать на нихъ. Изолируйте разумъ отъ совѣсти и другихъ способностей, и онъ будетъ такой же безпомощный; изолируйте совѣсть отъ ума и чувства—и она будетъ ничѣмъ, хотя теперь служить основаніемъ человѣческой нравственности. Прогрессъ искусства, безъ сомнѣнія, будетъ только внѣшній, если художники будутъ стоять внѣ исторіи, внѣ умственного и нравственного движенія, увлекающаго всѣхъ другихъ людей, внѣ интересовъ всякаго рода и вида, кромѣ своихъ красокъ да мазилокъ, которыми размазываются эти краски: ихъ искусство будетъ китайское искусство. Но подобнаго рода соображеніе даетъ право заключать только о томъ, что художники не должны быть круглыми невѣждами, а не о томъ, что наша эстетическая способность, какъ первичная причина искусства, есть способность женственная, и что ея роль—роль подчиненности. Впрочемъ, если такое собственно заключеніе не слѣдуетъ изъ посылокъ Прудона, за то онъ не оставляетъ сомнѣнія о томъ, откуда оно слѣдуетъ. Ему надоѣло слышать о свободныхъ художникахъ и свободномъ искусствѣ, и онъ думалъ, что пора имъ напомнить о подчиненности и ограничить эту свободу. Но она и такъ ограничена. Объ этой пресловутой свободѣ болѣе говорятъ, чѣмъ ей вѣрятъ. Впервые, художники вовсе не думаютъ, вмѣстѣ съ Прудонемъ, будто «вкусъ есть сама свобода»; и это ихъ стѣсняетъ. Вовторыхъ, художники, подъ опасеніемъ перестать быть таковыми, не могутъ сдѣлаться, напримѣръ, моралистами, какъ того хотѣлось бы Прудону; и это уже новое для нихъ стѣсненіе. Наконецъ, художники, говоря строго и разумія истинныхъ художниковъ, не болѣе свободны предаваться своимъ фантазіямъ, чѣмъ, напримѣръ, моралисты и философы, потому что не менѣе ихъ обязаны служить истинѣ: это ихъ главная заповѣдь, и самая стѣснительная. Нужно ли тѣснить ихъ еще болѣе?

Сужденія Прудона объ идеализмъ и реализмъ не на столько опредѣленны, чтобы съ ними можно было согласиться, или ихъ оспаривать. Онъ говоритъ, напримѣръ:

«Возьмите у сосѣдняго мясника кусокъ говядины, свинины или баранины, положите его подъ объективное стекло такъ, чтобы въ камер-обскурѣ на металлической пластинкѣ, покрытой йодомъ, получилось обратное изображеніе предмета; очевидно, что это изображеніе, произведенное свѣтомъ, какъ картина, съ точки зрѣнія искусства, кажется, не выражаетъ собой ничего идеальнаго. Но не говорите, что тутъ вовсе нѣтъ идеальнаго: общечеловѣческое чувство скажетъ противное».

Кажется, болѣе грубаго натурализма невозможно представить. Было бы странно утверждать, что въ фотографическомъ портретѣ, даже цѣлой коровы, или цѣлой свиньи, можетъ быть что нибудь идеальное. Но кусокъ ихъ мяса?... И, однако, Прудонъ въ то же время объявляетъ себя величайшимъ врагомъ грубаго натурализма и, дѣйствительно, высказывается на этотъ счетъ съ величайшею ясностію. Искусство безъ идеала, по его мнѣнію, бессмыслица; простую копировку природы или поддѣлку подъ нее онъ считаетъ не только доказательствомъ ничтожества копировщика, но и поруганіемъ копируемыхъ предметовъ; величайшій художникъ долженъ быть и величайшимъ идеализаторомъ. «Утверждать противное — говорить онъ — значило бы искажать всѣ наши понятія, лгать на нашу природу, отрицать красоту и отодвигать цивилизацію къ первобытной дикости». Но и противъ этого можно замѣтить, что Прудонъ самъ же даетъ основаніе утверждать это противное, которое, повидимому, для него такъ противно. Онъ полагаетъ (и при этомъ самъ сознается, что это для всѣхъ можетъ показаться неожиданнымъ и достойнымъ удивленія)—онъ полагаетъ, что природа въ одно и то же время и реальна и идеальна; по его мнѣнію, нѣтъ въ ней предмета, въ которомъ не было бы хоть сколько нибудь идеальнаго, такъ что приведенные куски говядины, если это будетъ *прекрасная* говядина, идеальны, по его словамъ, даже безъ фотографіи; и фотографія есть только уступка съ его стороны. Правильное заключеніе изъ этого будетъ то, что Прудонъ не вправѣ считать копировщиковъ поругателями изображаемыхъ ими предметовъ, такъ-какъ въ ихъ копіи природа будетъ являться и реальной, и въ то же время идеальной, а это именно и составляетъ, или должно бы составлять верховную задачу художниковъ. Истина состоитъ въ томъ, что природа только реальна; все, на чемъ только можетъ остановиться въ ней глазъ нашъ, все, что ему *видно* въ ней, все это только реально; идеальное то, чего *не видно*, на что природа дѣлаетъ только намеки, къ чему она даетъ только ключъ. Изложенное нами мнѣніе Прудона, однако, не таково. Гдѣ же его право порицать копировщиковъ? Но извѣстно, что подобныя противорѣчія, и еще несравненно болѣшія, у Прудона болѣе чѣмъ нерѣдки; они составляютъ всю

его природу; ихъ обыкновенно, и довольно вѣроятно, объясняютъ тѣмъ, что Прудонъ всегда принимался писать, когда процессъ его мышленія былъ еще въ полномъ броженіи; но еще вѣрнѣе будетъ сказать, что въ этомъ сильномъ умѣ процессъ броженія никогда не пришелъ къ концу; это, конечно, его недостатокъ, но этимъ же, замѣтимъ встати, объясняется и его необычайная сила; если Прудонъ всегда почти съ быстротою воздушнаго хищника, съ силою бури гонится за предметомъ своего изслѣдованія, то это потому, что задачи, которыя онъ принимался рѣшать, для него не были еще рѣшены предварительнымъ мышленіемъ, и онъ еще пытался только сдѣлать это, а не то что излагалъ уже найденное рѣшеніе. Въ настоящемъ случаѣ несомнѣнно одно, что Прудонъ никогда не былъ другомъ матеріализма или грубаго натурализма. Великій мастеръ на крупныя выраженія и циническія выходы, онъ пользовался этимъ оружіемъ противъ этого рода ученій самымъ безопаснымъ образомъ, всякій разъ, когда только было нужно или только можно. И всетаки его книга объ искусствѣ, главнѣйшимъ образомъ, есть апологія Курбѣ, признаваемого общимъ мнѣніемъ, и отчасти выдаваемого самимъ Прудономъ, за грубѣйшаго реалиста.

Не болѣе удачнымъ, хотя болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ предъидущее сужденіе Прудона, должно казаться его пониманіе идеала. Онъ думаетъ сдѣлать точное опредѣленіе идеала тѣмъ, что проводитъ параллель и показываетъ соотношеніе между идеаломъ и идеей; для этого онъ приводитъ примѣры. Но при этомъ оказывается, что то, что онъ называетъ идеей, вовсе не идея, а то, что принимаетъ за идеаль, вовсе не идеаль. Вотъ два изъ такихъ примѣровъ:

«Идея: безопаснѣе жить въ скромной долѣ, чѣмъ занимать высокое общественное положеніе. Идеаль: дубъ и тростникъ. Идея: нѣжность матери. Идеаль: курица и цыплята, пеликанъ, двуутробка, женщина кормящая грудью ребенка, флорентинскій левъ».

Здѣсь мы видимъ, что въ одномъ случаѣ, Прудонъ беретъ нравственную сентенцію, въ другомъ отвлеченное, тоже нравственнаго свойства, понятіе, и называетъ эту сентенцію и это понятіе идеями; поясняетъ ихъ поучительными примѣрами, и называетъ эти примѣры идеалами. Очевидно, что эти идеи Прудона могутъ быть названы идеями лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется на обыкновенномъ языкѣ, который однако очень далекъ отъ критической точности; выраженіе «мнѣ пришла въ голову идея» въ обыкновенномъ разговорѣ значитъ просто «мнѣ пришла въ голову мысль», или только ее подо-

біе. Но не настаивая на этой странной неточности и соглашаясь принимать всякую мысль за идею, все-таки нельзя признать, чтобы параллель Прудона чтонибудь объясняла. Впрочемъ, когда дѣло идетъ объ искусствѣ, то не надо забывать того общепризнаваемаго положенія, что художники мыслятъ образами. Поэтому, если они своими произведеніями осуществляютъ идеи, то осуществляютъ не то, что этимъ словомъ обозначается на языкѣ обыкновенномъ или даже философскомъ, а то, что обозначало это слово у перваго его изобрѣтателя. Извѣстно, что Платоновы идеи—это совершеннѣйшіе архитипы, модели или образцы, относительно которыхъ всѣ сотворенныя вещи только слабыя представленія. Это слѣдственно то самое, что приближается къ нашему понятію идеала. И слѣдственно, идеи художниковъ и ихъ идеалы находятся не въ какомъ либо соотношеніи между собою, а совершенно тождественны, они одно и то же. Подражая примѣру Прудона, можно бы сказать: *идея* — святость, *идеаль* — мадонна. Но это весьма трудно понимается, и почти вовсе не понимается. Когда Рафаэль писалъ свою мадонну, то его идеей не было отвлеченное понятіе святости, а созерцаемая имъ форма, которую, если вѣрить сказанію, онъ созерцалъ однажды не внутренними только, а даже внѣшними очами, какъ видѣніе. Но эта идея—идеаль. Поэтому-то и вѣрно, что абстрактная идея, выражаемая картиной Рафаэля, значитъ очень мало, а все значитъ сама картина. Вотъ-то, нелегко понять, почему мать, кормящая грудью ребенка, можетъ почитаться идеаломъ нѣжности? Сама по себѣ эта картина, какъ картина природы, воспринимаемая однимъ только внѣшнимъ зрѣніемъ, есть не болѣе какъ грубѣйшій реализмъ. Этотъ реализмъ можетъ быть переведенъ и на картину рисованную. И тогда, вмѣсто идеала нѣжности, мы получимъ картину, которая, по словамъ самого же Прудона, будетъ служить только поруганіемъ изображеннаго на ней предмета. И слѣдственно, если бы какой-нибудь истинный художникъ захотѣлъ воспользоваться подобнымъ сюжетомъ, то его идеей было бы не отвлеченное только понятіе нѣжности, и не мать, кормящая только ребенка грудью, а мать, провиннутая нѣжностью къ питающемуся ея грудью ребенку; то-есть опять-таки созерцаемая художникомъ форма. Это будетъ его идея, но это же будетъ и его идеаль.

Слѣдующій принципъ, на которомъ мы должны остановиться... Но это принципъ, передъ которымъ на этотъ разъ лучше остановиться; потому что это принципъ, на которомъ у насъ съ давнихъ поръ принято останавливаться не иначе, какъ для надругательства—принципъ, на который истощенъ весь смѣхъ нашей печальной сатиры, все пренебреженіе такъ-называемой личной критики, даже поруганіе «безчисленнаго множества», принципъ давно объявленный трупомъ и изъѣденный всякаго рода тлею, начинающая отъ юмористовъ «Искры» до рецензентовъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», словомъ—это принципъ «искуства для искусства».

Incognito.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ХОЛОДНЫЕ.

— — —
XXXVIII.

ВЯЗЕМСКАЯ ЛАВРА. *)

4-го квартала бывшей 3-ей Адмиралтейской, нынѣ Спасской части, числится домъ князя Вяземскаго. Это собственно не домъ, а цѣлые тринадцать домовъ, сгруппировавшіеся на весьма обширномъ пространствѣ и раздѣленные разными закоулками, проходными и непроходными, глухими дворами. Всѣ тринадцать флигелей имѣютъ между собою сообщеніе, такъ что составляютъ какъ-бы одно нераздѣльное цѣлое.

Если вы пойдете по правой набережной Фонтанки, направляясь отъ Семеновскаго моста къ Обуховскому, то на правой же сторонѣ непременно замѣтите домъ изящной архитектуры во вкусѣ барокко. Онъ красноватаго цвѣта; карнизы и окна украшены лѣпною работою; крытый подъѣздъ съ двумя большими фонарями, съ бронзовыми скобками и зеркальными стеклами, ведетъ во внутренность этого изящнаго дома. Большія зеркальныя же стекла, въ дубовыхъ рамахъ, украшаютъ всѣ окна. Въ одномъ изъ нихъ торчитъ чучело попугая, въ другомъ, на третьемъ этажѣ, виднѣются два изящные мраморные кувшинчика.

* Въ средѣ пролетаріевъ, воровъ и мошенниковъ, населяющихъ окрестности Сѣнной площади, домъ князя Вяземскаго извѣстенъ подѣ шуточнымъ названіемъ Вяземской лавры. Мы удерживаемъ это названіе, какъ характеристическое имя, данное тѣмъ слоемъ общества, о которомъ нынѣшнее придется намъ говорить, при описаніи Вяземскаго дома.

Въ какую пору дня ни довелось бы вамъ идти мимо, вы никогда не замѣтите за этими зеркальными стеклами ни малѣйшаго признака жизни: вамъ никогда не мелькнетъ оттуда обликъ человѣческой фигуры. Въ какую бы пору вечера и ночи ни бросили вы взглядъ на эти окна, вамъ никогда не придется замѣтить въ нихъ освѣщенія: все глухо и пусто, словно бы домъ этотъ вымеръ. Одно только крайнее къ сторонѣ Обуховскаго моста окно нижняго этажа составляетъ исключеніе. Въ немъ виднѣются бѣлыя занавѣски, да листья какихъ-то растений, и объ вечернюю пору брезжется иногда огонѣчекъ. Тутъ живетъ единственный обитатель пустого дома—швейцарь.

Еслибы какими нибудь судьбами вамъ удалось переступить порогъ этого изящнаго на видъ, пустого дома—странное и нѣсколько жуткое чувство закралось бы въ душу. Вы увидали бы богатныя сѣни съ колонами и статуями. Налѣво—дверь къ швейцару; направо—въ изящный кабинетъ, ненарушимую тишину котораго охраняютъ четыре человѣческія фигуры, поставленныя по сторонамъ входной двери и напротивъ, по бокамъ камина. Неподвижныя фигуры эти облечены въ полныя, тяжелыя рыцарскіе доспѣхи и держатъ въ чешуйчато-стальныхъ рукахъ огромныя средневѣковые мечи и алебарды. Налѣво, завѣшенная драпировкой дверь ведетъ въ темную комнату, съ заколоченными окнами, которыя пропускаютъ въ щели свои двѣ-три полоски слабого свѣта, и при помощи его, глазъ можетъ разглядѣть на свѣтѣ женскую фигуру—картину хорошаго письма. Отсюда—новая дверь выводитъ въ ванну, гдѣ винтообразная лѣстница поднимается въ средній этажъ, а около нея устроенъ темный потайной ходъ въ зимній садъ и подъ внутреннія ворота, куды спускается онъ высокими ступенями.

Вернитесь опять въ парадныя сѣни и бросьте взглядъ наверхъ, передъ собою, гдѣ представится вамъ легкая, роскошная и широкая лѣстница, которая прямо приведетъ къ довольно обширному зимнему саду. Этотъ садъ—высокая, во всѣ три этажа, зала, съ двухъ сторонъ обильно залитая дневнымъ свѣтомъ. Легкія, узенькія воздушныя лѣстницы и галлерейки вьются по разнымъ направленіямъ, опоясываютъ ее со всѣхъ сторонъ и ведутъ въ средній и верхній этажи, откуда смѣло выдаются сюда легкіе балкончики, крытыя ложи съ дорогими хрустально-узорчатыми стеклами. Но все это уже приходитъ въ ветхость, и съ каждымъ днемъ все больше да больше подтачивается временемъ, такъ что

ходить по всѣмъ этимъ лѣстницамъ вполне твердой, самоувѣрен-
 ной поступью можетъ быть и не совсѣмъ безопаснымъ: вы ясно
 чувствуете, какъ онѣ мѣстами трещать и поддаются подъ вашу
 ступню. Направо отъ входа съ парадной лѣстницы—рядъ бѣло-
 мраморныхъ колонокъ и каріатидъ, подъ которыми, внизу, свѣ-
 зить почтенной работы каменная рѣшетка съ выточеными изъ
 камня же мелкими украшеніями и гербами; и эта рѣшетка мас-
 кируетъ собою темный потайной ходъ изъ ванны. По бѣлымъ
 стѣнамъ разбросаны тамъ и сямъ лѣпныя консоли, на которыхъ
 нѣкогда помѣщались вазоны съ округло-придающимъ внизъ кас-
 кадомъ дорогихъ растеній. Во многихъ мѣстахъ этихъ стѣнъ
 доселѣ еще грустно висятъ и спускаются съ вышины сухіе, длин-
 ные стебли ползучихъ, вьющихся лѣанъ, павоевъ, плюща и ви-
 нограда, кудрявые и рѣзвые побѣги которыхъ когда-то сплошь
 покрывали эти стѣны обильною листвою и цвѣтами. Тутъ красо-
 вался цѣлый лѣсъ драгоцѣнныхъ тропическихъ деревьевъ, бли-
 стали роскошныя клумбы рѣдкостныхъ цвѣтовъ—и до сихъ поръ
 еще можно видѣть обломки обрамлявшихъ эти клумбы бордю-
 ровъ, изъ цѣлаго дуба, рѣшотчато выточеннаго искуснымъ ху-
 дожественнымъ рѣзцомъ въ видѣ виноградныхъ гроздій, листь-
 евъ и сучьевъ. Посерединѣ мозаичнаго пола вдѣланъ мрамор-
 ный бассейнъ, гдѣ когда-то били прохладныя фонтаны и отража-
 лись, вмѣстѣ съ обильной, разнообразной зеленью, въ большихъ
 зеркалахъ, которыя теперь, съ каждымъ годомъ, все больше ту-
 снѣютъ и портятся—лѣтомъ отъ пыли, зимою отъ сырости.

Поднимитесь три-четыре ступени—и вы изъ сада, съ одной
 стороны очутитесь въ полусумрачной бильярдной, стѣны, полъ и
 потолокъ которой сплошь подѣланы изъ рѣзнаго дуба. Отсюда—
 новая обширная комната, съ закрытыми окнами на улицу. Она
 вся завалена разнымъ хламомъ, и рядомъ же съ этимъ хламомъ
 валяются предметы самой изысканной роскоши. На полу кое-какъ
 сброшена богатѣйшая коллекція древняго оружія. Тутъ спокойно
 ржавѣютъ-себѣ панцири, племы, чешуйчатыя рукавицы; стоитъ
 въ углу большая группа самыхъ разнообразныхъ копій, але-
 бардъ, бердышей, и кистеней-головоломокъ съ игольчатыми, еже-
 видными чугунными шарами на стальныхъ цѣпяхъ; а на полу—
 нѣсколько десятковъ различныхъ мечей, между которыми особен-
 но обращаетъ на себя вниманіе одинъ экземпляръ, клинкомъ ко-
 торому служить длинный носъ пилы-рыбы и который навѣрное
 пришелся бы по рукѣ Ильѣ-Муромцу. У противоположной стѣны,

рядомъ съ нагроможденной роскошной мѣбелью, прислонены нѣсколько большихъ, полторасаженныхъ картинъ новой, но весьма хорошей работы, которыми, какъ слышно, предполагалось украсить въ видѣ обоевъ стѣны большой концертной и театральной залы. Тутъ же валяются и недоконченные половинки дверей съ самою тонкой, изящной лѣпною работою и позолотою. И на все на это, уже нѣсколько лѣтъ, садится слой за слоемъ обильная пыль и грязь, такъ что и прикоснуться бѣздно.

Вернувшись опять въ зимній садъ и поднявшись по лѣсенкѣ направо, за мраморныя колонки и каріатиды, вы очутитесь передъ большимъ зеркаломъ, которое служитъ дверью, потайнымъ образомъ ведущею въ роскошную и уютную библиотеку, гдѣ вся отдѣлка, при удивительной роскоши, дышетъ самымъ строгимъ стилемъ. Большія стекла, прозрачно росписанныя пестрыми арабесками, пейзажами и гербами, массируютъ собою видъ на отвратительный Полторацкій переулокъ и наполняютъ весь этотъ тихій пріютъ таинственнымъ и ровнымъ полусвѣтомъ, такъ и располагающимъ васъ къ уединенію и серьезному спокойствію, потребнымъ для занятія чтеніемъ. Въ среднемъ огнѣ возвышается на пьедесталѣ высокая мраморная урна очень тонкой и, кажется, очень старой работы. Въ простѣвкахъ—массивные дубовые шкафы, которыми сплошь занята вся стѣна, обращенная къ саду, гдѣ одна отодвижная половинка служитъ потайною дверью, ведущею въ этотъ садъ. Шкафы эти наполнены книгами, большей частью старой печати, на нѣмецкомъ, латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ и иныхъ языкахъ, въ старинныхъ, корешковыхъ прочныхъ переплетахъ, между которыми значительную долю занимаютъ пожелтѣлые пергаментные—и все это богатство, покрытое обильной пылью и паутиной, преимущественно относится къ литературамъ восемнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Очевидно, оно составляетъ старое семейное достояніе.

Послѣ библиотеки ваше вниманіе непременно остановилось бы на двухъ парадныхъ гостиныхъ. Обѣ онѣ обиты штофомъ. Одна голубая, почти вполне отдѣланная; по стѣнамъ ея, какъ принадлежность обоевъ, расположены медальоны съ прекрасной акварельной живописью цвѣтовъ и растений. Другая необыкновенно эффектна. Представьте себѣ комнату, блестящую бѣломраморными стѣнами, широкій нижній карнизъ которыхъ, отороченный позолотой, обить нѣжной пунцовой матеріей. Бѣломраморная арка съ колонами раздѣляетъ эту комнату на двѣ половины, и въ

боковыхъ пролетахъ арки устроены помѣщенія для цвѣтовъ, которые въ данный моментъ дополняются однимъ воображеніемъ. Но тутъ же, въ этой самой гостиной, какъ и во всемъ домѣ, вы видите начатую и недовершенную работу: полъ представляетъ печальную картину разрушенія, которая особенно ярко выдается въ большой залѣ, гдѣ предполагался домашній театръ; рядомъ съ начатой великолѣпной отдѣлкой стѣнъ, гдѣ должны были сочтаться между собою мозаика, скульптура и живопись, вы видите кучи мусору, подпольныя балки, кирпичи и всякій хламъ. Пройдите далѣе, и вамъ представятся уже положительныя развалины. — То будетъ начатая и неконченная каменная постройка надъ Полтарацкимъ переулкумъ, возвышающаяся надъ пролетомъ второй арки этого переулка. Эти развалины — пріютъ голубей, воробьевъ и летучихъ мышей; послѣднія съ наступленіемъ сумерокъ начинаютъ здѣсь свою оживленную дѣятельность.

Затѣмъ, при дальнѣйшемъ осмотрѣ, вы познакомились бы съ цѣлымъ лабиринтомъ комнатъ, корридоровъ, уютныхъ закоулочковъ, гдѣ непривычному человѣку весьма легко заблудиться и потеряться; вы увидѣли бы, что все это приворавливалось для жизни одного богатаго семейства на самую широкую барскую ногу, и все это представляетъ теперь одно только разрушающееся запустѣніе. Тутъ на каждомъ шагу обратитъ на себя ваше вниманіе то какая-нибудь ваза, позабытая въ какомъ нибудь углу; то хорошаго, стараго письма картина, брошенная на полу, на попеченіе судьбы и мышей; то древней средневѣковой работы цѣльныя дубовыя двери съ рельефно вырѣзанными украшеніями, представляющими библейскіе сюжеты жертвоприношенія Исаака и пророка Ілію въ пустынѣ съ кормильцемъ-ворономъ. И чѣмъ дальше стали бы вы бродить по этому пустому дому, тѣмъ больше охватывало бы вашу душу чувство жуткаго унынія. Шаги и голоса раздаются пустынно-звучно, словно бы эти стѣны пугаются и шаговъ и голоса, нарушившихъ внезапно ихъ забвенный покой. Вы видите повсюду самую изысканную роскошь, предполагавшую создать изъ внутренности этого дома нѣчто въ родѣ старинныхъ итальянскихъ палаццо, и видите ее рядомъ съ мусоромъ, гнилью и разрушеніемъ. Вы видите, что тутъ были убиты цѣлыя сотни тысячъ, и убиты даромъ, понапрасну. Вездѣ пауки заткали свои сѣти; повсюду грязная пыль насѣла цѣлыми пластами: дотронуся до чего нибудь — напустишь ее цѣлое облако. Птицы свободно залетаютъ въ разбитыя стекла и ютятся-себѣ въ

непогоду по разнымъ закоулкамъ карнизовъ; дождь и снѣгъ проникають сюда тѣми же путями, такъ что зимою, по разнымъ комнатамъ, свозъ течи въ окнахъ и крышахъ, и особенно на мраморномъ полу сада настываютъ его цѣлыя заледенѣлыя груды, а наверху торчатъ, словно сталактиты, разнообразныя ледяныя сосульки.

Вѣтеръ свободно гуляетъ по всѣмъ этимъ обширнымъ комнатамъ, съ тихо-унылымъ воемъ и свистомъ, такъ что темными ночами кажется, будто этотъ пустой домъ населенъ невидимыми духами и всяческой чертовщиной, которая тутъ и воетъ, и пляшетъ, и пѣсни поетъ. Въ одной изъ залъ спокойно гниетъ себѣ трупъ растерзаннаго голубя, и по всему дому порскають одиночныя кошки, ведущія неузротимую войну съ залѣтною птицей, мышами да крысами, которыя водятся тутъ въ почтенномъ изобиліи. На всѣмъ, однимъ словомъ, лежитъ печальная тѣнь забвенія, роскоши, грязи и разрушенія.

Этотъ домъ у мѣстныхъ жителей называется «Фонталочнымъ домомъ».

При взглядѣ на «Фонталочный домъ» снаружи, вы бы никакъ не подумали, судя по отдѣланному фасаду, что задняя половина его представляетъ самыя печальныя развалины. А между тѣмъ, стѣбитъ только заглянуть подъ ворота, въ пролетѣ которыхъ прибита казенная голубая доска съ надписью «Полторацкій переулкъ», чтобы увидѣть въ разстояніи тридцати шаговъ, уже въ самомъ переулкѣ, вторую арку, надъ которой возвышается въ нѣсколько этажей мрачнаго вида развалина, съ заколоченными окнами, сложенная изъ потемнѣлаго, бураго кирпича. Стоитъ она тутъ вполне бесполезно, и обитаема однѣми только птицами да летучею мышью.

Надѣво за этою яркой, по Полторацкому же переулку, пойдетъ мимо небольшого «Конторскаго флигеля» длинное двухъ-этажное небѣленое строеніе, извѣстное здѣсь подъ именемъ «Корзиночнаго флигеля», гдѣ по преимуществу обитають мирныя корзинщики, снабжающіе своими издѣліями чуть ли не поль-Петербурга. Та часть Корзиночнаго флигеля, которая выходитъ къ Полторацкому переулку, въ средѣ Вяземскихъ обитателей извѣстна болѣе подъ именемъ «Нивандрихи». Названіе, на первый взглядъ, весьма странное, но мы сейчасъ объяснимъ его. Въ нижнемъ этажѣ

Никанорихи находится кабакъ, который содержитъ еще нестарая и на иной глазъ довольно смазливая псковитянка Пелагея Никаноровна. Сама она помѣщается надъ кабакомъ, держа въ своей квартирѣ и воровской ночлежный пріютъ. Пелагея Никаноровна и сама достопримѣчательна въ качествѣ мошенницы. Въ сундукахъ да въ подпольяхъ у нея была однажды найдена полиціею весьма значительная покража, которая по суду не повела ее въ страны сибирскія только потому, что у Пелагеи Никаноровны карманъ изрядно-таки толстенькъ. Эта Пелагея Никаноровна у Вяземцовъ извѣстна подъ именемъ Никанорихи, отчего и часть флигеля, занимаемая ею, получила то же названіе.

Корзиночный флигель тянется параллельно съ Фонтанкой въ направленіи въ Обуховскому проспекту. На видъ это—длинное, небѣленое зданіе, фасадная часть котораго позади флигеля «Контторскаго» выходитъ на такъ-называемый «Пустой дворъ». Пустой дворъ—не что иное, какъ пустырь, со всѣхъ четырехъ сторонъ обрамленный стѣнами. Онъ довольно обширенъ, для того чтобы смотрѣть совершеннымъ пустыремъ, по которому мѣстами пошла дикая, сорная поросль, а потому и называется «Пустымъ». Стѣны, обрамляющія его, совершенно глухія, за исключеніемъ Корзиночнаго флигеля, въ которомъ есть окна. Въ прежнее время *, отличительною чертою этого двора была громадная гора всяческихъ нечистотъ, въ ровень съ крышею «Трипичнаго флигеля», примыкающаго къ нему справа. Все это въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ сваливалось сюда сквозь маленькое оконце, одиноко пробитое почти подъ самой крышей названнаго флигеля, такъ что, начиная съ ранней весны вплоть до крѣпкихъ заморозковъ, въ густой атмосферѣ этого двора стояла неисходная зараза **.

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ Корзиночнаго флигеля дефилируютъ узенькіе проходные корридорчики, которые ведутъ въ новый дворъ, находящійся позади этого флигеля и называемый дворомъ «Порожнимъ». Порожній точно такъ же представляетъ заменутое со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами пространство, значительно

* Года три назадъ.

** Настоящими комитета общественнаго здравія и мѣстной полиціи, весной нынѣшняго 1866 года этотъ дворъ очищенъ, вспаханъ и засѣянъ овсомъ и клеверомъ, а съ одной стороны его, за конторою, разбитъ небольшой садикъ. Мѣра эта вполне благодѣтельна для Вяземскаго дома, гдѣ до настоящаго времени, на огромномъ пространствѣ, надъ которымъ неисходно стояли густые мѣзаны, не было ни одного деревца, ни одного кустика и даже трава-то попадалась инде какъ рѣдкость.

меньших размѣровъ, сравнительно съ Пустымъ. Съ одной стороны его, въ видѣ невысокой колонады, идутъ два длинные ряда кирпичныхъ устоевъ, возведенныхъ для какой-то постройки, которой не суждено было осуществиться. На порожнемъ же дворѣ помѣщается и знаменитый у Вяземцовъ «Козель». Роль козла играетъ здѣсь пустая квартира въ нижнемъ этажѣ, съ окнами безъ рамъ и стеколъ, съ дверями безъ плинтусовъ и деревянныхъ створъ, съ разломанной русской печью и поломъ безъ досокъ. Квартира однажды была отдѣлана и готовилась въ сдачу подъ жилье, какъ вдругъ въ одну темную ночь забралось въ нее нѣсколько Вяземцовъ, разломало и повытаскало все, что только можно было стащить. Дерево пошло на растопки, а желѣзные скобы, задвижки и тому подобныя вещи за гроши сбыты въ желѣзные лавки. Съ тѣхъ поръ квартира уже не возобновлялась и отошла подъ инныя хозяйственныя надобности. А именно: если кто изъ обитателей тринадцати домовъ сдѣлаетъ какое нибудь незначительное буйство, то дворники, не доводя о томъ до полиціи, тащатъ виновнаго въ пустую квартиру и тамъ производить собственноручную расправу. И Вяземцы вообще очень одобряютъ таковой самосудъ, сами даже помогаютъ ему, ибо они весьма не жалуютъ полиціи, частей, сибирокъ и кварталовъ. А вслѣдствіе подобныхъ расправъ, экзекуціонная квартира и получила у нихъ наименованіе Козла.

За Козломъ находится небольшое, отгороженное пространство, въ видѣ отдѣльнаго дворика, гдѣ помѣщалось гусачное заведеніе. Гусачныхъ заведеній въ Вяземской лаврѣ было два; теперь же осталось только одно, на противоположномъ концѣ, у Сѣнной площади. Но знаете ли вы, что такое это гусачное заведеніе?—Вамъ, конечно, неоднократно, если даже не ежедневно, доводится встрѣчать на углахъ нѣкоторыхъ площадей и улицъ, а большею частію при въѣздахъ на мосты, тѣ грязноватые лотки, на которыхъ продаются печонки, рубцы да студень, и тому подобныя закуски.—Все это приготавливается въ гусачныхъ заведеніяхъ. Но какъ приготавливается! Еслибы нервы ваши въ состояніи были вынести убійственную вонь, то войдя въ отгороженный дворикъ, устланный прогнившими и пропитанными кровью досками, вы бы увидѣли прежде всего нѣсколько огромныхъ чановъ. Одни изъ нихъ наполнены кровью, другіе бычачьими внутренностями, изъ третьихъ торчатъ бычачьи головы, въ четвертыхъ—груда ногъ и хвостовъ. Нѣсколько работниковъ, въ перепачканной и

закорузлой одеждѣ, трудятся надъ этими чанами, сортируютъ внутренности, рубятъ топорами головы и кости, и таскаютъ все это въ страпную. Тутъ же, на желѣзныхъ крикахъ, вбитыхъ въ кирпичную стѣну, висятъ нѣсколько бычачьихъ тушъ, съ которыхъ стекаетъ кровь въ одно общее длинное корыто.

Въ настоящее время, когда одно изъ этихъ заведеній уничтожено, по причинѣ крайняго неряшества, на промозглой стѣнѣ его видна еще по прошествіи трехъ лѣтъ все та же кровь, столь въѣвшаяся въ кирпичъ и такъ крѣпко запѣкшаяся, что ее не смыли ни снѣга, ни дожди петербургскіе, ни людскія усилія.

На досчатой настилкѣ дворика стоятъ огромныя лужи крови и валяются ненужныя внутренности, рядомъ съ которыми тутъ же на навозѣ лежатъ и пригодныя, въ видѣ ногъ, языковъ, гусакъ, хвостовъ и прочаго.

Нѣсколько голодныхъ, полуодичалыхъ собакъ, словно шагалы, понуро лакомятся непригодною въ дѣло пищей, тычутъ заалѣвшія морды въ кровавыя лужи, лакаютъ оттуда языкомъ и ведутъ войну съ кошками, являющимися съ тою же цѣлью. А по ночамъ, откуда ни возьмись и неизвѣстно съ какою цѣлью, наползаютъ сюда цѣлое воинство крысъ, въ изобиліи плодящихся по окрестности. Лѣтомъ, особенно въ знойные дни, тутъ кишатъ міриады большихъ зеленыхъ и сѣровато-желтыхъ мухъ, такъ что въ воздухѣ стойтъ такое жужжанье, какъ словно бы сюда слетѣлось множество пчелиныхъ роѣвъ.

Съ одного конца этого дворика, словно темный зевъ, изъ котораго валитъ зловонный паръ, смотреть на васъ низенькій входъ въ страпную, куда надо спуститься двѣ-три ступени. Тутъ, въ совершенной темнотѣ и копоти, кипятъ огромныя чугунныя котлы съ бычачьими внутренностями. Изъ-подъ полу проврадывается красный свѣтъ пламени, скрытаго подъ нимъ въ большой и низенькой печи; но эти лучи только мѣстами освѣщаютъ чернаго повара, а вся остальная внутренность низководной страпной остается въ глубокомъ мракѣ. Паръ стойтъ непроницаемымъ, густымъ туманомъ; жара и духота убійственныя, и по всему этому невыносимая вонь, съ которой могутъ сравниться только нѣсколько десятковъ зараженныхъ труповъ.

Тутъ-то и приготавливаются эти закуски, въ составъ которыхъ, какъ рассказываютъ люди, называющіе себя очевидцами, входили иногда, наряду съ бычачьими, внутренности и лошадиныя и даже

собачьи, а о мелкой животинѣ, въ родѣ какой нибудь крысы, попавшейся въ чанъ и изрубленной случайно, нечего ужъ и разсказывать.

Кромѣ гусачныхъ заведеній, въ Вяземской лаврѣ имѣется еще нѣсколько куреней. Въ 1863 году число ихъ доходило до семи. Они помѣщаются въ подвальномъ этажѣ таѣ-называемаго «Новополтарацкаго» или «Стекольчатаго флигеля», о которомъ еще рѣчь впереди. Каждый изъ этихъ куреней представляетъ низководный подвалъ, около трехъ вквдратныхъ саженой пространствомъ. Большая русская печь занимаетъ болѣе четверти всего помѣщенія, которое въ остальныхъ своихъ частяхъ болѣе чѣмъ на половину занято большими столами, гдѣ готовится тѣсто для пироговъ, калачей и саяекъ; а кромѣ этихъ столовъ, конечное пространство комнаты загромождено еще посудой да разной рухлядью. Тѣснота такая, что повернуться негдѣ, а духота, неисходно царствующая въ куренѣ, отъ неперестающей топиться печи, доходитъ до того, что человѣку со свѣжаго воздуха становится дурно, и нельзя дышать свободно. Семь или восемь хлѣбопековъ посмѣнно возятся то у печи, то у столовъ, а къ вечеру сюда же набивается головъ до двадцати народу, который въ теченіе дня бродилъ по Сѣнной и ея окрестностямъ, продавая куренныя печенья. Лѣтомъ же, когда народу этого значительно прибываетъ, число куренныхъ обитателей доходитъ до тридцати и даже до тридцати-пяти человѣкъ. Все это, какъ попало, спитъ въ этой комнатѣ, валяясь на порожнихъ столахъ и подъ ними, либо же уходитъ въ сѣни и на дворъ, на прохладу; а въ это время очередная смѣна работаетъ у раскаленной печи запасъ пироговъ и булокъ, который разойдется на разсвѣтѣ, какъ только проглянетъ утро и проснется обитатель трущобъ Сѣнной площади.

Вообще въ Вяземской лаврѣ помѣщается очень много различныхъ промышленныхъ заведеній. Не говоря уже о кабакахъ и пивныхъ, и о ресторации Сухаревскѣ, отъ которой и самый флигель, занимаемый ею, называется тѣмъ же именемъ и которая уже давно описана въ настоящемъ повѣствованіи — тутъ находится большая бузница, отдѣльный «Столярный» флигель и общественныя бани, которыя особенно замѣчательны были патріархальностью своихъ обычаевъ: въ лѣтнее время любители обоего пола нераздѣльно мылись на дворѣ, а зимою выбѣгали сюда же поваляться въ свѣгу, отнюдь не смущаясь по-

сторонними взорами людей мимоидущих *. Въ отдѣльныхъ же, такъ-называемыхъ, «семейныхъ» баняхъ, два первые нумера отличаются даже замѣчательной роскошью, особенно если вспомнить, что онѣ принадлежать Вяземскому дому. Тутъ и мраморныя ванны, и ковры, и драпир, и мягкая комфортабельная мебель. И все это служить, по большей части, къ удовольствію средней руки мошенниковъ, когда имъ удастся зашибить выгодную добычу. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ этихъ нумерныхъ баняхъ весьма нерѣдки случаи скоропостижной смерти—какъ говорятъ, отъ удара и опоя спиртными напитками.

О конторскомъ флигелѣ собственно нечего говорить, кромѣ того, что это небольшой, отдѣльно стоящій каменный домикъ, который содержится несравненно опрятнѣе всѣхъ остальныхъ, и въ которомъ помѣщается контора и живетъ управляющій.

Гораздо интереснѣе сосѣдній съ нимъ — флигель Тряпичный. Этотъ точно такъ же представляетъ отдѣльный длинный, двухэтажный домъ съ отдѣльнымъ внутреннимъ дворомъ. Здѣсь испоконъ вѣку жили тряпичники — тѣ самые, которыхъ съ большимъ вмѣстительнымъ мѣшкомъ за плечами, вамъ неоднократно доводилось встрѣчать на грязныхъ заднихъ дворахъ вооруженными клюкою съ насаженнымъ на конецъ ея острымъ желѣзнымъ крючкомъ. Тутъ находился болѣе двадцати лѣтъ сряду одинъ изъ самыхъ главныхъ притоновъ этой оригинальной промышленности, которая, на первый поверхностный взглядъ, кажется только не совсѣмъ чистоплотной, а въ сущности далеко не невинна. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Узенькія, темныя лѣстнички, безъ перилъ, въ родѣ тѣхъ, по какимъ взбѣгутся на колокольни, ведутъ васъ въ кварталы тряпичнаго флигеля. Только, для того, чтобы достигъ этихъ лѣстницъ, нужно сперва перейти дворъ, во всѣхъ углахъ котораго красуются цѣлыя горы грязныхъ тряпокъ, лохмотьевъ, бумажекъ, костей, подошвъ и тысячи тому подобныхъ предметовъ, которые по всему городу выбрасываются за ненужностью въ ямы заднихъ дворовъ. Эти горы — трофей тряпичной промышленности. Въ одномъ мѣстѣ, поперегъ двора протянуто нѣсколько веревокъ и на нихъ развѣшаны для просушки цѣлыя ряды такихъ же пестрыхъ тряпичъ: онѣ продадутся

* Въ настоящее время для этихъ любителей устроено во дворѣ особое помѣщеніе, отгороженное заборомъ, дабы «не вводить въ соблазнъ» прохожихъ, какъ поясняетъ банный сидѣлецъ. Такой же заборъ отгораживаетъ теперь и мужское отдѣленіе отъ женскаго.

потомъ, какъ отборныя перваго сорта. Переходить тряпичный дворъ оказывалось весьма затруднительно: въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ онъ ни разу не чистился, ни разу не подметался. Представьте же себѣ, что это такое тамъ было! Лѣтомъ онъ являлся какою-то зловонной трясиной, въ которую по щиколку уходила нога; зимою же тамъ образовывалась сплошная ледяная кора бѣлаго цвѣта. Чуть только начнется оттепель, какъ со всѣхъ концовъ и угловъ гнилого, пробрюзгаго дома, начинала стекаться сюда мутная, грязная вода, которая подъ утро при новомъ морозѣ подбавляла новый ледяной слой къ прежней бурой корѣ,—и вотъ, къ веснѣ, изъ всего этого образовывалось такое болото, по которому въ пору ходить было только въ охотничьихъ сапожникахъ. И этотъ дворъ, вмѣстѣ съ его грудами тряпья, между прочимъ, служилъ мѣстомъ ночлега для разныхъ бездомниковъ, особенно же для «бродячихъ» женщинъ. Дѣлалось это обыкновенно такъ, что залѣзеть человѣкъ въ это тряпье, забьется подальше, по возможности, въ самую глубь тряпичной груды, чтобы потеплѣе было, да и спать до разсвѣта. Когда же этотъ дворъ принялись наконецъ расчищать, то прежде чѣмъ добраться до мостовой, нужно было снять затвердѣлую кору, толщиной гораздо болѣе аршина, такъ что самая расчистка представила собою весьма трудную работу*. Но вотъ, вы преодолѣли трудности двора, преодолѣли узенькую и совсѣмъ темную лѣстницу и очутились въ одной изъ квартиръ тряпичной артели. Квартира эта является вамъ въ видѣ узкой, низенькой и длинной, оковъ въ семь, залы, гдѣ нары перемѣшаны съ кроватями, а посерединѣ—большой длинный столъ, служащій трапезой. Грязь и удушье, и въ то же время проявленіе своего рода эстетизма: на потолкѣ, богъ-вѣсть какъ и для чего подвѣшена поломанная люстра, а по стѣнамъ, въ видѣ украшенія, всякая всячина: половина чьей-то оборванной фотографической карточки, крышка отъ кондитерской коробки изъ-подъ конфетъ, съ золотою надписью *Rabon*, заржавая подкова, отбитая ручка гипсовой статуэтки, оборвыши картинокъ изъ «Иллюстраціи», объявленіе о воздушномъ полетѣ Берга съ изображеніемъ шара, запачканная въ грязи гирляндочка

* Весною нынѣшняго года, мѣстная полиція, признавая домъ опаснымъ въ настоящемъ его видѣ для жилья, и дворъ, вслѣдствіе испареній отъ его нечистоты, положительно вреднымъ для здоровья, настояла, чтобы тряпичники изъ Вяземскаго дома выѣхали за городъ. Послѣ этого была сдѣлана очистка самаго двора.

искусственныхъ цвѣтовъ, золотая конфетная бумажка, донышко пуховой шляпы — и множество подобной, ни къ чему непригодной дряни. Все это прибито или прилѣплено къ стѣнѣ съ помощью хлѣбнаго мякиша, все это имѣеть назначеніе украшать артельную квартиру и, стало быть, служить проявленіемъ своеобразнаго эстетическаго чувства тряпичниковъ, и все это было въ разное время подобрано на заднихъ дворахъ и выбрано изъ кучи дрянного сора при сортировкѣ.

Противъ Тряпичнаго флигеля тянется вдоль Полторацкаго переулка главное гнѣздо Вяземской лавры, такъ сказать, трущоба трущобъ петербургскихъ. Это—такъ называемый «Стекольчатый» или «Новополторацкій» флигель.

Если вы заглянете съ набережной Фонтанки въ ворота «Фон-талочнаго дома», вамъ, подъ двумя арками, откроется длинная перспектива узенькаго переулочка. По немъ вѣчно снуютъ народъ-обитатель лавры и Сѣвной площади. Справа, во вею глубину этой перспективы, тянется темный, покосившійся и погнувшій заборъ, отдѣляющій дворы Вяземскаго отъ обширныхъ дворовъ генеральши Яковлевой. Слева же идетъ Стекольчатый флигель. Это—Полторацкій переулокъ, по которому, бывало, даже и днемъ ходить небезопасно, о вечерѣ нечего ужъ и говорить. Да даже и теперь, при значительно усиленномъ полицейскомъ бдѣніи и надзорѣ, нельзя вполне поручиться, если вы пойдете одинъ одинешенекъ, чтобы съ вами не случилось чего нибудь очень неприятнаго. А года два тому назадъ, очутиться вдругъ безъ шапки, или даже безъ шубы, да вдобавокъ съ прилично-оселомляющимъ подзатыльникомъ, не было ничего мудренаго. Здѣсь на каждомъ шагу ноголомныя рытвины, вбонны, ухабы, вывороченные камни, грязь, лужи, дѣлающія проѣздъ почти невозможнымъ. Зимой же настигаютъ такіе бугры и скаты льду, что пройти переулкомъ, не скользнувшись и не шлепнувшись разъ десятокъ, могъ бы развѣ очень ловкій эквилибристъ.

Со стороны Полторацкаго, Стекольчатый или Новополторацкій флигель представляетъ длинное, трехъ-этажное зданіе, грязно-желтаго казарменнаго вида. Окна нижняго, подвального этажа по большей части выбиты, кое-гдѣ загорожены чѣмъ ни попало, а преимущественно ничѣмъ, и стоятъ себѣ безъ стеколъ, безъ переплетовъ и даже, случается, вовсе безъ рамъ. Онѣ приходятся очень низко надъ землею, такъ что въ зимнее время, когда случится обильная оттепель, мутные потоки уличной грязи и

воды свободно стекають съ оледенѣлыхъ бугровъ въ жилия помѣщенія подваловъ. Эти помѣщенія похожи болѣе на хлѣвы, чѣмъ на людское жилье, и нѣкоторая часть изъ нихъ остается пустою, служа только потайнымъ ночнымъ пріютомъ для безпаспортныхъ бездомниковъ, у которыхъ нѣтъ ни гроша, чтобы добыть себѣ мѣсто въ ночлежныхъ квартирахъ. Въ самой серединѣ этого флигеля помѣщается дрянная и тѣсная мелочная лавочка, за стѣмъ которой, какъ слышно, хозяинъ платитъ сто десять рублей серебромъ въ мѣсяць. Изъ этой цифры можно судить, на сколько здѣсь потребляется его нехитрыхъ товаровъ и какую огромную выгоду должна приносить ему грошовая торговля въ одномъ только Стекольчатомъ флигелѣ.

По фасаду на Полторацкій переулокъ, этотъ домъ представляетъ мало интереснаго: мрачная, запущенная и какая-то пустынно-вазевная внѣшность, битая стекла, голыя рамы, плесень да отлучившаяся штукатурка, и только. Въ несравненно болѣе живописномъ видѣ является эта трущоба, если посмотрѣть на ея задній фасъ съ той стороны, гдѣ она тянется наспротивъ Трапичнаго флигеля. Тутъ вы увидите двухъярусную галерею. Длинный рядъ ея полукруглыхъ арокъ уходитъ вдаль, и тянется во всю длину этого флигеля, прерываясь только въ центрѣ маленькимъ выступомъ каменной пристройки, которая до того уже пробрызгла, что цементъ почти не держитъ кирпичей, отчего самая стѣна какъ-то выпятилась наружу, дала нѣсколько трещинъ и грозитъ паденіемъ. Въ предупрежденіе послѣдняго печальнаго обстоятельства, было придумано весьма остроумное средство: подпереть ее снизу досками и бревенчатыми распорками. Подперли, и ничего: покамѣстъ стоитъ себѣ, слава-богу. Эта двухъэтажная галерея имѣетъ весьма оригинальный видъ. Внизу, между арочными устоями, нагромождено всякого хламу: тутъ и бочки, и кучи досокъ, и полозья, и колеса, и ящики какіе-то, и чего-чего только нѣту! Верхній же ярусъ представляетъ широкія, полукруглыя окна, въ пролетахъ арокъ, гдѣ пестрятъ разноцвѣтныя лохмотья, вывѣшенныя на воздухъ. Эти-то окна со стеклами въ частыхъ и словно бы парниковыхъ переплетахъ, и послужили причиною того, что Новополторацкій флигель названъ здѣсь «Стекольчатымъ». Переплеты рамъ и стекла, играющія на отсвѣтъ всѣми переливами радуги, конечно, на половину поломаны и повывиты; изъ нихъ торчатъ и высовываются всевозможныя людскія головы: женщины дѣти — всѣ возрасты и полы.

По корридорѣ видно, какъ бродить и снуётъ взадъ и впередъ множество разныхъ людей—и пьяные, и лохмотники, и голодные, иные чуть-ли не въ полномъ костюмѣ Адама. «Бродячія» женщины затѣваютъ перебранки, и гуляя по тому же корридору въ самомъ безцѣремонно-развращенномъ видѣ, задираютъ прохожія людѣ. Тутъ вамъ бросается въ глаза непрерывное лѣдкое движеніе, слышенъ смѣшанный гулъ человѣческаго говора, дѣтскій плачь, женское тараторство, возгласы продавцовъ по части съѣдомаго и носимаго, мужская ругань и безшабашная пѣсня. Словомъ, вы чувствуете, что тутъ жизнь трущобная кипитъ, и кипитъ въ полномъ, обычномъ, ежедневномъ своемъ разгарѣ.

XXXIX.

ОБИТАТЕЛИ ВЯЗЕМСКОЙ ЛАВРЫ.

Домъ Вяземскаго — сквознякъ. Онъ выходитъ тремя главными воротами на Фонтанку, на Обуховскій проспектъ и на Сѣнную площадь. Если мы говоримъ *домъ*, то въ данномъ случаѣ разумѣемъ подъ этимъ именемъ всѣ тринадцать флигелей. Населеніе его дѣлится на осѣдлое и кочевое. Къ первому принадлежатъ квартирные съѣмщики, прописанные здѣсь на постоянномъ жительство; во второму — большая часть ихъ жильцовъ и такъ-называемые ночлежники, которые ежесуточно перекочевываютъ съ одной квартиры на другую. Такимъ образомъ, общее число обитателей Вяземскаго дома, во всей совокупности ихъ, простирается до 10,000 душъ, являя собою населеніе, которое пришлось бы впору любому уѣздному городку обычно-средней руки.

Мы нисколько не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что домъ князя Вяземскаго служитъ извѣчнымъ и главнымъ приютомъ всевозможныхъ и разнородныхъ пролетаріевъ Петербурга, большей части голодныхъ и холодныхъ людей этого города.

Намъ скажутъ, что по официальнымъ свѣдѣніямъ, онъ считается въ числѣ самыхъ неблагонадежныхъ, ибо заселенъ мошенниками, ворами, беспаспортными, бродягами и тому подобнымъ народомъ, существованіе котораго не признается удобнымъ въ благоустроенномъ городѣ. Это совершенно справедливо, какъ относительно заселенія, такъ и относительно его неудобства; но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что не однѣ только порочныя склонности сами по себѣ дѣлаютъ изъ людей воровъ и негодяевъ, а также голодъ и

холодъ, та каторжная невозможность, при всѣхъ усиліяхъ, жить честно жизнью, тогда какъ *жить* все-таки хочется, пока смертный часъ не пришелъ. Голодъ и нищета гравичать съ преступленіемъ. Но этого мало: нищета и пролетаріатъ суть сами по себѣ преступленіе цѣлаго общества, виновнаго въ такомъ строѣ своей общественной жизни, который можетъ породить эти горькія явленія. И если общество терпитъ отъ нищеты и пролетаріата—оно въ сущности несетъ только вполне заслуженную кару за свое собственное, совокупное преступленіе. Жаловаться и винить кромѣ самихъ себя, рѣшительно некого: пролетаріатъ — преступленіе общества. Кто бы ни доказывалъ въ великомъ самообольщеніи, что въ Россіи нѣтъ этого явленія, что оно даже невозможно у насъ, что оно всецѣло принадлежитъ одной только Западной Европѣ—мы скажемъ ему: неправда! У насъ пока, слава-богу, нѣтъ, да вѣроятно и не будетъ пролетаріата почвеннаго, безземельнаго; но есть въ значительныхъ размѣрахъ пролетаріатъ городской, чуть-ли не самый жалкій изъ всѣхъ явленій этого рода и представляющій собою сильный контингентъ остроговъ, арестантскихъ ротъ, сибирской каторги и поселеній. Говорю смѣло, говорю по опыту, по многочисленнымъ и многократнымъ наблюденіямъ, что бѣльшая часть воровъ, мошенниковъ, бродягъ — не что иное, какъ невольныя жертвы соціальныхъ условій. Ты, мой читатель, могъ это видѣть на наглядномъ примѣрѣ Ивана Вересова. Мы не оправдываемъ воровства и мошенничества; мы не желаемъ доказывать, что подобный промыселъ законенъ въ общемъ итогѣ соціальной жизни; но мы указываемъ на настоящія причины зла, и потому вовсе не хотимъ относиться съ извѣстнаго рода сантиментальностью къ голодному и холодному пролетарію, а показываемъ его и его жизнь такъ, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, со всѣмъ ихъ горемъ, нищетой, развратомъ и порокомъ, со всѣмъ ихъ физическимъ и нравственнымъ безобразіемъ. Если это описаніе успѣетъ возбудить въ читателѣ ужасъ и омерзеніе къ подобной обстановкѣ и существованію, то оно же вѣроятно успѣетъ одновременно вызвать въ немъ и разумное человѣческое участіе къ падшему человѣку безъ всякихъ съ нашей стороны сантиментальныхъ подыгриваній подъ его сердечность и приторнаго причитанья да нытья о сочувствіи. Если ты *человѣкъ*, то сочувствіе явится въ тебѣ само собою, не взирая на отвратительную обстановку этой жизни, не взирая на отталкивающія нравственныя стороны этой жизни, ко-

торыхъ нечего ни прятать, ни приходиться отъ нихъ въ карающее негодованіе. Прятать и сглаживать не слѣдуетъ потому, что чѣмъ онѣ будутъ ярче и виднѣе, тѣмъ болѣе узнается самая жизнь и самые эти люди, и стало быть, тѣмъ скорѣе и настоятельнѣе можно будетъ подумать о томъ, какъ бы избавить человѣка отъ подобныхъ соціальныхъ условій и отъ подобной жизни. Негодовать же, и особенно негодовать карательно, и вовсе ужъ не слѣдуетъ потому, что прежде, чѣмъ негодовать и карать, нужно хорошо изслѣдовать первичныя побудительныя причины, хорошо знать мотивы такой жизни, исполненной всякой мерзости, порока и преступленія. Люди прежде, чѣмъ быть скверными, часто бываютъ голодными.

Итакъ, поведемъ теперь рѣчь объ обитателяхъ Вяземской лавры.

Не станемъ говорить о корзинщикахъ, столярахъ, кузнецахъ, гусачникахъ и куреньщикахъ. Это все народъ *при дѣлѣ*, народъ имѣющій постоянную работу, опредѣленныя занятія и, болѣе или менѣе, осѣдность, такъ, что живетъ ли онъ въ Вяземскомъ домѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ — это не составитъ рѣшительно никакой характерной разницы. Гораздо интереснѣе остальные обитатели, составляющіе громадное большинство мѣстнаго населенія.

Чуть только забрезжится на небѣ утро, чуть заголосятъ передразвѣтные пѣтелѣ, между четырьмя и пятью часами пополудни — въ Вяземской лаврѣ начинается движеніе. Она просыпается. И вотъ, вскорѣ изъ воротъ ея на Обуховскомъ проспектѣ начинаютъ высмывать рабочія артели каменщиковъ, землекоповъ и плотниковъ, которыя, перекрестясь на всѣ четыре стороны, отправляются-себѣ гурьбами къ своему рабочему дѣлу. Вообще, надо замѣтить, что населеніе этого дома какъ-то само собою специализировалось на отдѣльныя группы, самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Столяры заняли отдѣльный «столярный» флигель, корзиночники и тряпичники — точно такъ же; куреньщики съ пирожниками поселились въ подвальномъ этажѣ Новополторацкаго дома, верхній, третій этажъ котораго служитъ постояннымъ приваломъ для рабочихъ артелей, особенно же занятъ онъ хорошимъ честнымъ и весьма трудолюбивымъ народомъ, приходящимъ сюда на заработки изъ Витебской губерніи. Средній же этажъ,

то-есть стекольчатая галлерей—служить неизмѣннымъ притономъ мазуриковъ, беспаспортныхъ и всевозможныхъ бродягъ, которые также сгруппировались и еще въ одномъ особенномъ флигелѣ крайней ветхости, называемомъ «надъ четвертными», въ силу того, что жилья этихъ корпорацій помѣщаются тутъ надъ четвертными банями.

Вскорѣ за рабочими артелями, изъ тѣхъ же воротъ на Обуховскомъ проспектѣ показываются пирожники и калачники со своимъ товаромъ, которые, точно такъ же перекрестясь на четыре конца, разсыпаются по Сѣнной площади и ближайшимъ окрестностямъ. Одновременно съ ними распозлились по тѣмъ же мѣстамъ и лотки съ гусаками да нечонкой и прочими закусками. На Сѣнной въ это время начинается уже первое утреннее движеніе: сврыпятъ возы съ сѣномъ и телеги со всякою живостью да овощью, изъ подгородныхъ деревень; трусѣтъ рысцою бѣловолосый чухна въ таратайкѣ, наполненной кадушками масла да боченками молока; и трясогузьи-охтенки спѣшать со сливками; и православный телятникъ флегматически везетъ напродажу полную телегу своего живого, но въ заморъ-заморѣннаго товару, который стучается безнадежно-свѣщенными головами о телѣжны бока и колѣсы.

Но вотъ раздается первый ударъ благовѣстнаго колокола. Къ заутренѣ звонять.—Весь народъ, находящійся въ эту минуту на площади, снимаетъ шапки и крестится; а въ это самое время изъ Вяземской лавры скорбно ползуть разные Касьянчики-старчики и Слюняя, Омушки и Макрядушки, слѣпыши и хромыши, сухоруки и язвленники—словомъ, разная нищая братія, въ которой присоединяются ходящики на мнимое построеніе храмовъ. Первый ударъ колокола—это ихъ часъ, начало ихъ дневной дѣятельности, которая, почти безъ исключенія, для всего этого люда, начинается, прежде поборовъ на паперти, непремѣннымъ визитомъ въ кабакъ, усиѣвший уже растворить свои гостеприимныя двери. Тутъ совершается нищею братьею надлежащее подкрѣпленіе — «потому дѣло наше бродячее да стоячее, больше все на юру, на вѣтру, да на дождичкѣ, съ головой непокрытой—самое холодное дѣло, прости господи!»

Почти тотчасъ же, вслѣдъ за нищими, торопливой и озабоченной походкой шмыгаютъ изъ лаврскихъ воротъ барышники-перекупщики—такъ-называемые маляки, и вмѣстѣ съ ними выходятъ на промыселъ тряпичники, которые высыпаютъ на улицу не ар-

телью, какъ плотники и каменщики, а идутъ въ разбросъ, по два, по три, либо въ одиночку. Первые, то-есть маклаки, раскидываются по Фонтанкѣ, отъ Аничкина до Измайловскаго моста, по Садовой улицѣ отъ Чернышева переулка до Никольскаго рынка и затѣмъ — по Чернышову до Лиговки, у Глазова кабака. На всѣхъ этихъ пунктахъ они ловятъ ночныхъ мазуриковъ и скупаютъ у нихъ «темный товаръ». Прохожаго народу въ это время на улицахъ не особенно много, поэтому ничто не препятствуетъ имъ вести эту куплю и продажу на открытомъ, вольномъ воздухѣ. Барышники-маклаки вообще сильно не жалуютъ тряпичниковъ, которыхъ ругательно обзываютъ они «вонью, помойниками, крюками, подзаборниками и падалью». Тѣ, въ свою очередь, огрызаются и титулуютъ маклаковъ «портбчными маклаками». Таковая неприязнь происходитъ отъ взаимной и притомъ весьма сильной конкуренціи, преимущество которой остается на сторонѣ тряпичниковъ, такъ-какъ они дѣйствуютъ хотя и въ одиночку, повидимому, но въ сущности на артельномъ началѣ, тогда какъ маклаки занимаются своимъ ремесломъ исключительно порознь, и одинъ съ другимъ, изъ своей братии, общихъ дѣлъ не заводятъ. Тряпичники, специальность которыхъ заключается въ собираніи по всевозможнымъ дворамъ и закоулкамъ брошенныхъ за негодностью тряпокъ и костей, да въ скупкѣ стараго платья, сапоговъ и бутылокъ съ банками, принадлежатъ, въ сущности своей, къ разряду воровъ-перекупщиковъ. Воръ-перекупщикъ не совѣмъ-таки то же самое, что барышникъ-перекупщикъ. Послѣдній только съ выгодой для себя надуваетъ мазуриковъ, а первые и надуваютъ, и заказываютъ воровства, по ихъ личному указанію, и сами при удобномъ случаѣ изрочно-таки поворовываютъ. Главная же суть заключается однако въ перекупкѣ темнаго товару—и въ маломъ и въ весьма большомъ количествѣ. Хотя они и живутъ артелями, но никогда почти не составляютъ артелей самостоятельныхъ, а ходятъ «отъ хозяина». Тряпичные хозяева держатъ артели либо при себѣ, либо же нанимаютъ для нихъ въ разныхъ концахъ города особыя помѣщенія, подъ надзоромъ своихъ приващниковъ, которые иногда состоятъ даже въ долѣ со своими хозяевами; хозяева же, почти всѣ безъ исключенія, владѣютъ въ городѣ собственными благопріобрѣтенными домами, что составляетъ необыкновенное удобство для избраннаго ими промысла; они устраиваютъ при своихъ домахъ особые огромные сараи для склада товара, и держатъ

ихъ подъ надежными запорами, да кромѣ того имѣютъ еще уромные подвалы, подполья и разные тайники, гдѣ хранится у нихъ товаръ темнаго свойства. За извѣстную плату, каждый хозяинъ-тряпичникъ составляетъ свою собственную артель, а иногда даже и по двѣ, и по три. Въ артели эти идутъ мужики и мальчишки, по большей части одного съ нимъ уѣзда и деревни, такъ что они оказываются съ хозяиномъ своимъ либо односельчане, либо близкіе сосѣди. Хозяинъ—бывшій мужикъ и точно такой же заурядный тряпичникъ, при маломальской разживѣ, приписывается въ купеческую гильдію и, по большей части, пережѣняетъ костюмъ и смотритъ шаббо-зажиточнымъ, почтеннымъ гражданиномъ.

Проснувшись ранѣе пяти часовъ утра, артель тряпичниковъ, вся вкупѣ, садится обѣдать, и затѣмъ, каждый изъ работниковъ получаетъ отъ довѣреннаго прикащика, либо отъ самого хозяина отъ десяти до двадцати-пяти рублей серебромъ на день, и съ мѣшкомъ за плечами, рассыпаются они во все концы города. По нѣскольбу разъ въ день заходятъ въ разные условленные кабаки и харчевни, гдѣ сходятся за стойкой, или за чайнымъ столомъ съ извѣстными имъ мазуриками, причемъ наличный темный товаръ исчезаетъ въ мѣшкахъ тряпичниковъ, а часть выданной на дневной расходъ суммы переходитъ въ карманъ жоржа. Въ прежніе годы, водилось такъ, что пока одна часть тряпичной артели бродила съ влюкою у сорныхъ ямъ, другая кочевала изъ двора во дворъ съ козлиными возгласами: «старого платья продать!» или гнусила: «бутылки-штофы! банки-штофы!» Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ родъ торговли оказался официально воспрещеннымъ, они скитаются по дворамъ уже молча. И это послужило къ ихъ же выгодѣ, такъ-какъ теперь они чаще прежняго слоняются по чернымъ лѣстницамъ разныхъ домовъ и заглядываютъ въ квартиры, особенно гдѣ дверь неплотно притворена. Безъ сомнѣнія, многимъ случалось натываться въ своей кухнѣ на такое неожиданное посѣщеніе, когда вдругъ осторожно и тихо приотворится выходная дверь и въ нее просунется пронырливая фізіономія съ вопросомъ, нѣтъ ли костей или тряпокъ продажныхъ, стараго платья, бутылокъ, банокъ, штофовъ продажныхъ?—Можете быть вполне увѣрены, что этотъ вопросъ—не болѣе, какъ одинъ только благовидный предлогъ со стороны тряпичнаго артельца, и предлагается имъ потому лишь, что опъ имѣлъ несчастье застать въ кухнѣ людей. А еслибы такого об-

стоятельства не случилось, то вы навѣрное не досчитались бы какихъ-нибудь вещей, въ родѣ серебрянной ложки, мѣдной посуды или столоваго бѣлья. Они заодно ужъ не даютъ спуску и домашней птицѣ, которой мигомъ свертываютъ голову — и въ мѣшокъ, а потомъ въ курятную лавку. Зачастую, высматривая этимъ способомъ расположеніе квартиры и подходящихъ вещей, особенно когда прислуга согласится продать перекупщику кости да банки со старымъ тряпьемъ — промышленникъ отправляется немедленно въ условленную харчевню, и тамъ подговариваетъ «на клей» знакомыхъ жоржей, которымъ тутъ же, за парой чая, вручаетъ и денежный задатокъ на предстоящее дѣло. Когда такимъ образомъ обусловлена значительная кража, артелецъ немедленно даетъ знать о ней своему хозяину, а тотъ уже выбираетъ изъ артели самыхъ ловкихъ людей, которые на надежныхъ извозникахъ ожидаютъ ночью за угломъ улицы, гдѣ должна произойти кража. Получивъ отъ исполнителей наворованное добро, и наскоро рассчитавшись съ ними, причемъ всегда бываетъ не безъ грѣха въ расчетѣ, они мчатся къ хозяину, гдѣ все это благопріобрѣтенное имущество сейчасъ же исчезаетъ въ тайникахъ и подпольяхъ.

Каждый изъ артельцовъ непременно надѣется въ свой чередъ сдѣлаться прикащикомъ, а потомъ и самостоятельнымъ хозяиномъ, который въ свое время былъ такимъ же, какъ и онъ, простымъ тряпичникомъ въ чьей-нибудь артели. Собираніе тряпья да бумажекъ хотя и приноситъ свои выгоды, но эта часть промысла составляетъ только официально-наружный, благовидный предлогъ. Главная же суть въ тайникахъ и подпольяхъ да въ темномъ товарѣ. Но эта главная суть, конечно, сохраняется въ глубокой тайнѣ отъ всѣхъ, кому о томъ знать не слѣдуетъ, и поэтому многимъ кажется весьма удивительнымъ то обстоятельство, что черезъ какія-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ, тряпичные хозяева покупаютъ себѣ каменные дома, строятъ ихъ одинъ за другимъ, даже застраиваютъ, по нѣскольку флигелей, весьма обширныя пространства, способствуя такимъ образомъ къ вѣщему преукрашенію города; затѣмъ пріобрѣтаютъ титулы почетныхъ гражданъ, становятся почтенными, всеобщеважаемыми людьми и даже, случается подъ часъ, занимаютъ различныя должности на поприщѣ городского общественнаго служенія.

Почти одновременно съ тряпичниками, выходятъ на дневной промыселъ и мазурики. Въ это время одни изъ нихъ только что

выходятъ на работу, другіе же только что возвращаются къ отдыху. Послѣдніе принадлежатъ къ разряду ночниковъ, поэтому ихъ уже очень зорко высматриваютъ и ловятъ барышники-перекупщики, въ надеждѣ выгодно поживиться отъ голоднаго и трезваго жоржа тѣмъ темнымъ товаромъ, который тотъ успѣлъ приобрѣсти въ теченіе ночи. Какъ входящіе въ лавру, такъ и выходящіе изъ оной мазурики относятся къ ворами средняго и преимущественно низшаго разряда. Эта корпорація, точно такъ же какъ и прочія сословія государства, имѣетъ свою аристократію и свой плебсъ. Два послѣднихъ разряда формируются изъ подонковъ общества, изъ наипи всѣхъ сословій, за нѣкоторымъ исключеніемъ дворянъ (и то далеко необщимъ), которые коровятъ всегда держатся перваго, высшаго разряда. Въ послѣднихъ же двухъ вы найдете мелюзгу изъ чиновничьяго міра и канцелярскихъ служителей, исключенныхъ изъ службы; точно такихъ же офицерашекъ; пьяненькихъ купеческихъ синьковъ да прикащиковъ, выгнанныхъ за нечистую руку, безсрочныхъ или бѣглыхъ и ни къ чему непригодныхъ солдатъ, лагевъ, кучеровъ, дворниковъ, бабачныхъ сидѣльцевъ, чиновничьихъ дѣтей, которые по гнусной бѣдности родителей не могли быть пристроены къ грамотѣ и дѣлу. Наконецъ, вы отыщите тутъ мѣщанъ и крестьянъ, прибывшихъ въ Петербургъ на заработки, но по несчастнымъ обстоятельствамъ ненашедшихъ себѣ во-время работы, и такимъ образомъ стали они ради насущной необходимости поворовывать, а скорѣе отъ пьянства да тунеядства, получили уже полное отвращеніе къ честному труду.—И вотъ вамъ извѣчный контингентъ, изъ котораго формируются многочисленныя корпораціи мелкихъ петербургскихъ мошенниковъ.

Крестьяне, попавшіе въ число мазуриковъ третьяго разряда, составляютъ иногда цѣлыя артели для коллективнаго промысла. Вотъ чѣмъ, по преимуществу, занимаются эти артели: въ числѣ тридцати, сорока, иногда и болѣе человекъ являются они къ какому-нибудь подрядчику наниматься въ работу. Самое возможное для этого время, конечно, весна и лѣто. Но прежде чѣмъ придти наниматься, воровская артель идетъ въ какой-нибудь изъ специальныхъ мазурничьихъ кабаковъ, въ родѣ бывшаго «Полторацкаго», бывшей «Шировой лѣстницы», или въ «Конькову моленну» въ Телячій, въ Ивановскій, либо въ Зелененькій, и тамъ запасаются поддѣльными плакатами. Съ этими новыми «бирками съ молоточка» артель приходитъ къ подрядчику и нанимается въ

работу. Торгъ слаженъ, причеъ каждый изъ артельцовъ получаетъ въ задатокъ отъ десяти до двадцати-пяти рублей, а для вѣрности они оставляютъ подрядчику свои фальшивые виды, что называется у нихъ на байковомъ argot *задавать бирки*. И вотъ получивъ задаточныя деньги, артель запасается въ кабаки новыми плакатами и точно такимъ же порядкомъ отправляется къ другому подрядчику, за другимъ къ третьему и т. д., отчего, конечно, происходитъ естественное недовѣрие и подрывъ дѣйствительно-честнымъ артелямъ рабочихъ, которыя вслѣдствіе этого гораздо труднѣе находятъ себѣ довѣрие и работу.

Мошенники средней руки, точно такъ же какъ и мошенники высшаго разряда, непременно имѣютъ по нѣскольку квартиръ. Самое бѣдное—двѣ, и одна изъ нихъ, по большей части, обрѣтается въ какойнибудь трущобѣ Сѣнной площади. Одна берется на имя самого мошенника, другая же — на имя жены или дамы его сердца. Это дѣлается для болѣе удобнаго укрывательства, на случай полицейскихъ поисковъ. Днемъ ихъ никогда не отыщешь ни на одной изъ квартиръ, которыя имъ нужны только для ночлеговъ. Мошенники же низшаго разряда довольствуются перекочѣвками изъ одной «ночлежной» въ другую, и обитаютъ исключительно въ самыхъ темныхъ трущобахъ, въ родѣ Вяземской лавры, около которой постоянно встрѣтишь ихъ въ часы ранняго утра. Одни, какъ мы уже говорили, выходятъ на дневной промыселъ, другіе — возвращаются съ ночного. А одновременно съ ними показываются изъ тѣхъ же воротъ толпы въ тридцать, въ пятьдесятъ и болѣе человекъ оборваннаго, испитого и голоднаго народу. Одна толпа выходитъ вслѣдъ за другой, съ небольшими промежутками, и всѣ онѣ направляются по одному пути, къ одной общей цѣли. Путь этотъ—на Васильевскій островъ, цѣль эта — голландская биржа. Съ ранняго утра вся площадка позади университета передъ биржевыми папгаузами наполняется массою громко гоглающаго, оборваннаго народа, который пришелъ сюда исвать тяжелой, чисто-гаторжной работы за скудную поденную плату. Рувъ тутъ предлагается множество, но изъ множества биржевые дрягили выбираютъ сотню-другую, а все остальное остается непричемъ. Эта толпа состоитъ изъ окончательныхъ пролетаріевъ. Работникъ, потерявшій мѣсто, мужикъ, вышедшій изъ больницы, безпріютный заштатный чиновникъ, безсрочный солдатъ — все это стекается въ одну и ту же толпу на извѣстную площадку. Не удастся получить работу день,

не удастся другой, не удастся третій, и четвертый—а на пятый голодный и оборванный человекъ, по необходимости, высматриваетъ уже, нѣтъ ли чего подходящаго, что бы можно было подтибрить. Голодъ служить ему теперь первымъ совѣтчикомъ и учителемъ на воровство, а тамъ уже — идетъ дорога торная и легкая, послѣ перваго труднаго и тяжелаго шага.

Около девяти часовъ утра, въ воротахъ Вяземской лавры начинаютъ показываться мѣстные аристократы. Это чиновники, живущіе здѣсь «по угламъ» въ ночлежныхъ притонахъ. Есть между ними холостые, есть и женатые. И тѣ и другіе, въ своемъ чиновничьемъ мѣрѣ, принадлежать къ разряду самыхъ жалкихъ чиновничьихъ парій. Но пусть они тамъ будутъ паріями;—за то они являются аристократами въ Вяземской лаврѣ. Да и какъ же не аристократія?— Они могутъ пить кофе съ цикоріемъ. Пить кофе съ цикоріемъ тамъ, гдѣ подчасъ большинству просто нечего ѣсть. Это уже является великимъ и чисто-аристократическимъ преимуществомъ.

Въ четыре часа пополудни они появляются въ перекусочныхъ подвалахъ и обѣдаютъ. Одинъ чиновникъ, весьма пожилой вдовецъ, приходилъ сюда обѣдать съ пятью маленькими дѣтьми, которыя жили съ нимъ вмѣстѣ, въ одномъ углу ночлежной квартиры Вяземскаго дома. Онъ обѣдалъ скуднѣе остальныхъ своихъ собратій, потому что у него было, кромѣ своего собственнаго, еще пять маленькихъ желудковъ, и эти послѣдніе желудки отличались большою прожорливостью. Надо было насыщать ихъ въ ущербъ самому себѣ. Кто имѣлъ жену и одного ребѣнка, тотъ обѣдалъ богаче вдовца съ пятью ребятами. Кто имѣлъ одну только жену безъ ребятъ, тотъ могъ насыщать себя болѣе и лучше имѣющаго жену и ребѣнка. Кто не имѣлъ ни того ни другого, тотъ былъ самымъ счастливымъ человекомъ, ибо питалъ только свой собственный желудокъ, не помышляя о другихъ, и, стало быть, могъ даже допускать кое-какія излишества и убогую роскошь въ убогой пищѣ перекусочнаго подвала.

Съ пяти часовъ пополудни начинается приливъ обитателей лавры. Вышедшіе поутру послѣдними, возвращаются теперь въ нее первыми. За ними, послѣ вечерней и всенощныхъ, появляются нищіе. За нищими торговцы и тряпичники. За этими усталыя на работѣ артели каменьщиковъ, землекоповъ, плотниковъ и биржевые поденщики. Наконецъ, приходятъ барышники-перекупщики и мазурики. Послѣ этихъ, когда вовсе ужъ станетъ

темно на дворѣ, у воротъ появляются совсѣмъ уже голодные, бездомные люди и голодныя бродячія женщины. И тѣ и другія ищутъ удобнаго случая проскользнуть незамѣтно въ ворота Вяземской лавры, чтобы дворники не запримѣтили. Если это имъ удастся, то они забираются на чердаки, въ нежилые подвалы, или закапываются въ груды разнаго тряпья, бумажекъ и костей, на бесконечно-грязномъ и топкомъ дворѣ трапичнаго флигеля. Всякому хочется отыскать и захватить себѣ какой нибудь уголокъ, гдѣ бы можно было укрыться на ночь до раннаго разсвѣта.

И вотъ наступаетъ, наконецъ, эта вождедѣнная ночь; но и она не можетъ назваться вполнѣ покойной для голоднаго бездомника, да и каждый почти изъ лаврскихъ обитателей точно такъ же не можетъ почитать ее покойной для собственной особы.

Причина этого безпокойства — ежеминутное ожиданіе ночной полицейской облавы. Это—своего рода охота на людей, которыхъ не подстрѣливаютъ и не травятъ борзыми собаками, но забираютъ въ сибирки, дабы очищать городскую атмосферу отъ бродягъ, безпаспортныхъ скитальцевъ и иногда отъ мошенниковъ.

Въ глухую полночь, когда вся Вяземская лавра, повидимому, предалась уже отдохновенію и покою, всѣ входы и выходы ея оцѣпляются полицейскими патрулями. Ни войти, ни выйти нѣтъ уже никому ни малѣйшей возможности. И эта оцѣпка совершается въ глубокой тишинѣ. Три выхода Стекольчатаго или Новополторацкаго флигеля, который служитъ главнымъ пунктомъ облавы, точно такъ же занимаютъ полицейскимъ карауломъ. Когда все это исполнено—караулы размѣщены по надлежащимъ мѣстамъ—тогда начинается и самая охота. Полицейская власть, подерѣвленная нѣсколькими вооруженными людьми, начинаетъ обходить ночлежныя квартиры.

— Долой съ нарѣ!... Вставай!... Гдѣ хозяинъ?... Паспорты сюда! распоряжается какой нибудь рослый дѣтина съ мѣдною бляхою на груди, пока лицо, производящее облаву, остается въ дверяхъ квартиры. И вотъ, черезъ минуту все населеніе ночлежной уже повскакивало на ноги. Смущенный хозяинъ или хозяйка тащить изъ своей каморки всѣ наличные виды своихъ обитателей. Двое городовыхъ становятся по бокамъ главнаго прохода, одинъ противъ другого, въ двухъ шагахъ передъ полицейскимъ чиновникомъ—и начинается провѣрочная переключка. У кого законный видъ не подлежитъ сомнѣнію, того пропускаютъ мимо

двух городовыхъ въ другую половину ночлежной комнаты. У кого же наличнаго вида не имѣется, или усмотрѣна въ немъ фальшь—того отсылаютъ въ сѣни, подъ присмотръ особаго караула, который, по окончаніи всей облавы, уводитъ подъ арестъ длинную вереницу безпаспортныхъ и подозрительныхъ людей.

Но у лаврскихъ обитателей развито необыкновенное чутье: они чуютъ полицію. Поэтому они очень часто предупреждаютъ ее. Первый, кто имѣетъ возможность почуять и предупредить, это—знаменитая Ниванориха. Изъ оконъ ея, особенно лѣтними ночами, очень хорошо видно всякаго, проходящаго къ Стекольчатому флигелю и по Полторацкому переулку. У Ниванорихи даже и въ глухую полночь окна всегда освѣщены. Чуть примѣтятъ изъ этихъ оконъ, что полиція прошла въ Стекольчатый, какъ вдругъ огонь немедленно потухаетъ, и это служитъ сигналомъ для крайней квартиры Стекольчатаго, гдѣ на крытой галереѣ всегда есть ночлежники. Коль скоро послѣдніе замѣтили, что свѣтъ у Ниванорихи потухъ не въ обычную пору, значить—полиція уже подымается по лѣстницѣ. Тотчасъ же осторожный стукъ въ дверь крайней квартиры даетъ знать о приближеніи опасности. Изъ первой квартиры стучать въ стѣну второй, изъ второй—въ стѣну третьей, и такъ далѣе, по всему среднему этажу Стекольчатаго флигеля.

Эта минута—минута паники и общаго переполоха.

Чуть слышится стукъ послѣдовательныхъ ударовъ изъ стѣны въ стѣну, какъ по всѣмъ квартирамъ подымается безшумное смятеніе и идетъ глухой, шопотливый, тревожный гулъ. Весь народъ, который можетъ предвидѣть для себя явную опасность въ полицейскомъ посѣщеніи, ищетъ благополучнаго исхода, хочетъ спастись. Прачутся куда и какъ попало. Забываются по нѣскольку человекъ въ большую русскую печь, зарываются въ разный хламъ подъ нарами, закрываютъ въ квасныя и капустяныя бочки, въ мучные мѣшки, лежащія въ сладочныхъ подвалахъ куреней, и лежатъ въ этихъ мѣшкахъ пластами одинъ на другомъ, на верхнихъ полкахъ и на верхнихъ рядахъ этихъ мѣшковъ. Иные бѣгутъ въ ретирадные мѣста и выдаютъ въ клоаки; иные держатся внутри этихъ клоакъ, уцѣпившись пальцами за доски верхней настилки, и висятъ подъ ними всѣмъ тѣломъ на воздухѣ, въ самомъ напряженномъ и отчаянномъ положеніи, но за то невидимые для ищущаго глаза. Иные, наконецъ, рѣшаются и на болѣе отчаянное средство: распахивается окно—и хорошо,

если оно приходится близь дождевой трубы, по которой можно спуститься въ Полторацкій переулочъ, и через заборъ удрать на сосѣдніе дворы генеральши Яковлевой. Если же этого удобства не оказывается, то перепуганные люди, просто на просто, рѣшаются выскакивать изъ оконъ, и съ высоты второго этажа кидаются прямо на улицу. Если упаль удачно, то-есть съ сильнымъ ушибомъ, но безъ перелома кости, то есть надежда улизнуть через заборъ; если же неудачно, то, нечего дѣлать, оставаясь жертвой полиціи, которая, впрочемъ, рѣдко пропускаетъ эти побѣги, такъ-какъ ей очень хорошо извѣстны всѣ уловки виемцевъ, и она безпощадно отыскиваетъ бѣглецовъ и въ бочкахъ, и въ мѣшкахъ, и въ клоакахъ, и вдоль Полторацкаго переулка, такъ что, въ сущности, побѣгъ остается почти всегда вполне тщетною попыткой, и одна только безграничная страсть къ волѣ-вольной, самохраненіе да слѣпая надежда *на авось*, заставляетъ людей выкидывать всѣ эти безразсудныя, отчаянныя *salti mortali*.

Но вотъ, кончается полицейская облава—и обичная жизнь Вяземской лавры, какъ ни въ чемъ не бывало, вступаетъ въ свои прежнія права. Та же мутная рѣка течетъ своимъ прежнимъ теченіемъ.

XI.

Ночлежныя.

Маша не знала, куда вестъ ее Чуха. Все равно, куда бы ни идти, лишь бы поскорѣе забыться, успокоиться. Люди и жизнь, и обстановка этихъ людей и этой жизни — не ужасали дѣвушку въ данную минуту. Ей было скверно и досадно вспомнить про Летучаго — она бы разорвала и уничтожила его за часъ тому назадъ, еслибы только были силы. Теперь же — сердце Маши могло удѣлать на долю этого человѣка одно лишь злобное презрѣнье. До всего же остального, казалось, ей не было больше никакого дѣла. Ей было все равно. Хотѣлось только сна и покою — прежде всего сна и покою.

— Куда мы идемъ? спросила она свою спутницу.

— Спать.

— О, наконецъ-то!... Слава тебѣ, Господи!

И она еще охотнѣе пошла за старухой.

Чуха вела ее вонюче-грязными и тѣпкими дворами Вяземской

лавры въ Стекольчатому флигелю. — И вотъ, словно черная пасть приняла ихъ подъ свои своды темная лѣстница, ведущая на стеклянную галерею. Подыматься по влажно-скользящимъ ступенямъ было очень трудно, такъ что ухватясь одною рукою за Чуку, Маша другою придерживалась за стѣнку и, при всей осторожности, все-таки на каждомъ шагу рисковала оступиться, поскользнуться и опрокинуться внизъ. Наверху былъ слышенъ какой-то гулъ: лавра угомонялась, но еще не заснула. Идутъ по корридору; вдругъ обѣ оступились, запнувшись за что-то лежащее поперекъ дороги.

— Кой дьяволъ тутъ по людямъ шагаетъ! послышался съ полу сонный, недовольный и притомъ пьяноватый голосъ.

— А ты подберись въ сторонкѣ, чѣмъ на пути лежать! резонно возразила Чука, за что немедленно получила отъ потревоженного бездомника пинѣкъ ногою.

Наткнулись онѣ, такимъ образомъ, еще на нѣсколькихъ чело- вѣкъ, пока добрались до того номера, который снимала одна солдатка, знаемая Чухѣ. На галереѣ спало много народу, муж- чинъ и женщинъ. Эти люди и зимой и лѣтомъ укрываются тутъ, за недостаткомъ мѣста въ ночлежныхъ, и въ случаѣ облавы, служатъ первыми жертвами полицейскихъ очищеній.

Вошли въ темныя сѣни, за которыми впереди были слышны многіе голоса. Старуха въ потѣмкахъ нащупала дверь и толкнула ее. Незапертая дверь распахнулась, и изъ нея густымъ туманомъ повалилъ прѣльный, удушливый, кисловато-маخورочный паръ, которымъ до одури обдало непривычную Машу.

Обѣ спутницы переступили порогъ.

— Ай, Чухъ — песій духъ! наше вамъ! съ пальцемъ девять! силло опривѣтствовалъ вошедшую старуху одинъ изъ обитателей ночлежной, сидѣвшій въ кружкѣ, гдѣ шла игра въ восточки.

— Съ огурцомъ одиннадцать! кивнулъ другой изъ той же компаніи.

— Съ рѣдкой пятнадцать! подхватилъ третій.

И всѣ трое засмѣялись собственнымъ остроуміемъ.

Чуха, не отвѣчая на эти шуточки, прямо прошла за перегородку въ хозяйкинъ уголь, пошептала минутку съ солдаткой, и та указала ей на одно мѣсто на верхней нарѣ, оставшееся еще незанятымъ.

Маша оглядѣлась вокругъ съ немалымъ изумленіемъ.

Квартира эта состояла изъ одной комнаты въ два маленькія окошка. Комната была очень невелика, не болѣе шести квадрат-

ныхъ саженой, съ низкими, закоптѣлыми потолкомъ, по которому въ изобиліи гуляли клопы, а пауки заткали свои паутинны по всѣмъ возможнымъ угламъ и закоулкамъ. Одна часть этой квартиры была занята русской печью, гдѣ вишнѣ-кишѣла, копошилась и шуршала цѣлая армія таракановъ. Стѣны сплошь иллюминировались мазками раздавленныхъ пальцемъ клоповъ, потѣками грибчатой сырости, отлупившейся штукатуркой и какими-то пятнами неизвѣстнаго происхожденія. Смердѣ, грязь и неискходное убожество — вотъ слова, которыми можно охарактеризовать это несчастное убѣжище. По всѣмъ стѣнамъ, и даже посерединѣ комнаты были понадѣланы нары. Надъ нижнимъ ярусомъ наръ, въ полутора-аршинномъ разстояніи, шель второй, средній ярусъ. Надъ среднимъ, еще въ полуторѣ-аршина, верхній, почти уже подъ самымъ потолкомъ. Все это было сплошь унизано выставившимися наружу пятками и подошвами человѣческихъ ногъ. Кое-гдѣ торчали головы, или свѣсившаяся рука. Подъ нарами, на грязномъ полу, среди всяческаго хламу и сору, точно такъ же валялось десятка два людей. Кому случилось опоздать и не найти себѣ мѣста ни на полу, ни на одномъ изъ трехъ ярусовъ, тотъ забирался на подоконникъ и спалъ-себѣ сидя, либо садился скорчившись у двери, у печи, у одного свободного края досчатой перегородки, отдѣлявшей хозяйкину конуру, въ которой кромѣ ея самоѣ обитало еще шесть душъ постоянныхъ, мѣсячныхъ постояльцевъ. Это былъ почти нищій заштатный чиновникъ, вдовецъ съ пятью малыми ребятишками, изъ которыхъ послѣднему не было еще и году. Во всей квартирѣ скопилось человѣкъ до шестидесяти разнаго народа. Все это валялось на голыхъ доскахъ, подстеливъ себѣ вгдоловы какую-нибудь одежишку съ сапоженками. Но и то, рѣшались на такую подстилку только тѣ, которые надѣялись на чуткость своего сна. Кто же зналъ, что ему всегда спится крѣпко, тотъ уже не раздѣвался, и даже шапки съ головы не сдвигалъ, потому, по опыту былъ твердо увѣренъ, что во снѣ кто-нибудь съ нимъ «пошалитъ», такъ что на утро непременно не досчитается какой-нибудь принадлежности костюма. Между этимъ народомъ перетасовались всѣ возрасты человѣческой жизни. Тутъ были и старики, и грудныя дѣти, здоровые парни, мужики и дряхлыя старухи, мальчишки и дѣвчонки, женщины и молодыя дѣвушки, инныя еще невинныя, инныя уже съ дѣтства развратныя, инныя беременныя и голодныя, другія — больныя и пьяныя. Все это лежало вповалку и вперемежку другъ съ другомъ, какъ по-

пало и гдѣ пришлось, откровенно, беззащитно; и тутъ же, на глазахъ у всѣхъ этихъ людей, совершались въ разныхъ мѣстахъ самыя зазорныя сцены. Это была какая-то человѣческая псарня, вонючій сарай, въ который ночные фурманщики загоняютъ захваченныхъ на улицѣ, въ бродячемъ состояніи, разношерстныхъ и разнопородныхъ собакъ. — Другого сравненія нѣтъ, и быть не можетъ.

Внизу, подъ нарами, точно такъ же въ перемежку съ мужчинами, валялись грязныя полунагія женщины. Бедрa одной служили изголовьемъ для другой, другой для третьей, и такъ далѣе. Тутъ было взаимное одолженіе.

Вдругъ Маша замѣтила, что у ея ногъ что-то копошится. Это *что-то* корчилось и ёжилось на ничтожномъ пространствѣ пола, которое оставалось еще свободнымъ. Это жалкое существо было пьяно, мокро, грязно, и окровавлено; на половину лысая голова была всключена. Грязное существо запускало въ эту паплю свои окровавленные пальцы, и вытаскивало дѣлыя пряди вырванныхъ волосевъ, хрипло завывая о томъ, что «зачѣмъ его такъ больно таскали за волосное правленіе!» Какое-то растерзанное, мокрое рубище едва-едва кое-гдѣ прикрывало обильно-перепачканное уличною грязью нагое, истощенное тѣло. По обезображенному лицу текли слезы, потѣки грязи и кровь. Грязное существо было безжалостно, беспощадно избито и пьяно хныкало, приправляя это хныканье самою циническою руганью и угрозами вому-то.

Маша съ ужасомъ глядѣла на это жалкое подобіе человѣка, и наконецъ, по его словамъ, замѣтила съ колючею болью въ сердцѣ, что это была женщина... Она, избитая, исколоченная гдѣ-то на дворѣ, притащилась сюда искать себѣ христа-ради ночлега.

— Я бы въ вучу пошла, на тряпичный, хныкала она сама съ собою: — да боюсь — убѣеть... совѣмъ убѣеть, разбойникъ!... Мерзлую бѣ собаку ему въ глотку, чтобъ она тамъ лаяла, таяла, скребла, жрала да его матери дѣтей берегла! Чтобъ ему, подлецу... Ахъ!... Ахъ, дѣвушки-подруженьки!... Ва-ва-ва-ва!...

И начинается новый неистовый вой, а вокругъ нея, на полу, давно ужъ образовалась лужица крови; но на такое обстоятельство никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, и одну только квартирую хозяйку оно смущаетъ нѣсколько съ той стороны, что неровнѣе часть, нагрянетъ ночью облава, увидать кровь да избитую женщину, пойдутъ разпросы: что, молъ, за женщина, да гдѣ ея видѣ — а дьяволъ ее вѣдаетъ, кто она такова! Поди-ка,

еще изъ-за нея да самоё потянуть. Опротаться бѣ отъ нея лучше, пока до грѣха! — И въ силу такихъ соображеній, хозяйка стала выталгивать ее изъ квартиры. Но женщина нейдетъ, и все продолжаетъ бормотать, что пошла бы она въ кучу на тряпичный, да убьетъ шельмецъ-разшельма онъ разбойницкая.

Солдатка, недолго думая, елигнула двухъ подозрительнаго вида молодцовъ изъ кучки, гдѣ шла игра въ косточки, и всѣ втроемъ, за волосы вытащили несчастную на галерею, не взирая на ея отчаянныя мольбы и крики.

Невыразимо тяжко было Машѣ глядѣть на всѣ эти безобразія, и не особенно утѣшительную картину представило ей съ первой встрѣчи это новое мѣсто, гдѣ она чаяла найти себѣ сонъ и успокоеніе. Ей хотѣлось бѣжать — но куда бѣжать изъ этого лабиринта, въ которомъ и днемъ-то потеряешься, который пугаетъ ее на каждомъ шагу своимъ мракомъ и людьми его населяющими, и представлялся ей теперь какою-то черной, зловѣщей неизвѣстностью. Куда побѣжишь — одна-одинешенька? какъ найдешь дорогу, гдѣ отыщешь выходы, у кого спросишь пути? — Пойдешь одна, а тамъ, быть можетъ, на первомъ же шагу обидятъ тебя, избьютъ, ограбятъ, изнасилуютъ и бросятъ среди темной ночи одну, поруганную, беспомощную...

Она съ ужасомъ и тоской взглянула на свою спутницу, словно бы ждала ея слова, ея совѣта, словно бы вся предавалась въ ея волю.

Странное дѣло: эта безобразная старуха была единственное существо среди трущобнаго міра, къ которому Маша въ ту минуту не чувствовала боязни, и почему-то, почти бессознательно, инстинктивно вѣрила въ эту женщину: она ее не обманетъ, она ей не сдѣлаетъ зла, она съумѣетъ защитить ее въ случаѣ необходимости. — И вся дрожа, взволнованная и перепуганная — Маша довѣрчиво прижалась къ своей спутницѣ.

Та, какъ-будто предугадывала все, что должна была чувствовать въ тотъ мигъ эта дѣвушка.

Лицо ея стало мрачно и тревожно-печально, какъ только замѣтила она, какое впечатлѣніе сдѣлала на Машу вся эта ночлежная квартира и эта пьяная, окровавленная женщина, и вся сцена, разыгравшаяся надъ нею. Для нея самоё все это было дѣло давно привычное, заурядное; но тревожилась она за свою спутницу. Быть можетъ, въ глубинѣ души все это сильно возмутило Чуху; быть можетъ, ей бы и хотѣлось вступить за женщину, выта-

ценную за волосы, но—увы! — Чуха побоялась гнѣва хозяйки. Она не хотѣла вести Машу въ другія ночлежныя, съ хозяевами которыхъ сама не была хорошо знакома. Тутъ, въ этой самой квартирѣ, былъ ея постоянный ночлегъ, тутъ было для нея болѣе спокойно и болѣе безопасно: все же есть-таки, на всякій случай, хоть нѣсколько знакомыхъ людей. А разсерди она хозяйку своимъ непрошеннымъ заступничествомъ — та безъ малѣйшей церемоніи, выгнать сейчасъ же и ее вмѣстѣ съ Машей, ибо квартирные хозяева въ трущобномъ мірѣ вообще крайне деспотично относятся къ своимъ постояльцамъ; а тутъ, при такомъ оборотѣ дѣла, и двое расходившихся молодцовъ, пожалуй, еще поусердствуютъ своими кулаками. Долгая жизнь въ трущобахъ и горькій трущобный опытъ давно уже научили Чуху быть въ инныхъ случаяхъ чѣрство-разсудительной и эгоистически-осторожной.

Почувствовавъ взглядъ и движеніе прижавшейся къ ней Маши, старуха поторопилась отвѣтить ей ободряющимъ, успокоительнымъ взоромъ и прошептала:

— Не бойся... ничего не бойся: пока ты со мною—никто не тронетъ.

— Пойдемъ отсюда... Пойдемъ куда нибудь въ другое мѣсто, тихо просила ее дѣвушка.

Та только пожала плечами.

— Некуда, милая... Пойми ты, некуда больше идти; здѣсь еще нѣсколько лучше, спокойнѣе, чѣмъ у другихъ... Перетерпи ужъ хоть одну-то ночь!... Ну, куда ты пойдешь? — Говорю тебѣ: некуда, некуда! убѣждала ее старуха, глядя въ ея глаза хорошимъ и честнымъ взоромъ.

Маша, потупясь, раздумала съ минуту, и вдругъ быстро поднавѣ голову, нѣсколько странно улыбнулась.

— А впрочемъ... живутъ же вотъ люди! проговорила она, окинувъ глазами комнату: — чѣмъ я лучше ихъ?... Пустяки, нечего привередничать! И здѣсь хорошо будетъ!

«Между чѣмъ выбирать-то мнѣ?» горько подумалось ей: «нѣ изъ чего! хуже вѣдь ужъ не будетъ, да и лучшаго теперь нигдѣ не отыщешь!»

И вмѣстѣ съ этой мыслью, она снова всецѣло отдалась своему спокойному равнодушію относительно всего, что бы ни ожидало ее въ дальнѣйшей жизни.

— Спасибо, хозяйка приберегла мнѣ сегодня мое мѣсто... пе-

тѣснимся какъ нибудь, авось на обѣихъ хватить, говорила Чуха, помогая Машѣ вскарабкаться па третій ярусъ нарѣ, куда надо было взбираться по плохой приставленной лѣстничкѣ.

Тамъ, подъ самымъ потолкомъ, стояла страшная духота, замѣтная здѣсь несравненно болѣе, чѣмъ внизу. Это было неудобство третьяго яруса, на которомъ за мѣсто въ аршинъ ширины платится въ ночь двѣ копейки съ человѣка. Средній и нижній ярусы ходять уже въ три копейки. Это своего рода аристократическій бельэтажъ ночлежной. За то мѣста на полу подъ нарами, то же самое, что этажъ подвальный — стоять въ цѣнѣ, равной съ верхнимъ ярусомъ, а иногда, при обилии ночлежниковъ, понижаются (конечно, не иначе какъ съ торгу ночлежника съ хозяиномъ) даже и до одной копейки. На двухъ нижнихъ ярусахъ можно еще сѣсть на занятомъ мѣстѣ; подъ потолкомъ же и на полу этого сдѣлать нельзя: тамъ можно только лежать, и забираться въ эти мѣста пужно ползкомъ на животѣ, подобно пресмыкающемуся*. Такимъ же самымъ способомъ вползли туда и Маша съ Чухой. Послѣдняя сняла съ себя кацавейку и устроила изъ нея для обѣихъ головную подстилку. Это уже почитается здѣсь большимъ удобствомъ, ибо мѣшокъ, набитый соломой, вмѣсто подушки, да кое-какая подстилка подъ спину служить уже признакомъ не удобства, а комфортабельной роскоши.

По всей ночлежной раздавался многозвучный богатырскій храпъ. За перегородкой неумолчно пищаль больной ребѣнокъ, и слышно было, какъ усталый, измученный вдовый отецъ его, кряхтя и охая, самъ качаетъ люльку, тягучій скрипъ которой acompанировалъ этому писку и этому храпу. Въ углу все еще длилась игра въ восточки, допивался полуштофъ водки и раздавались громкіе споры по поводу дѣлѣжки выигранныхъ денегъ. Дверь ночлежной не запиралась, и время отъ времени въ нее входилъ какой-нибудь новый посѣтитель или посѣтительница; но видя, что всѣ мѣста на нарахъ уже заняты, ютился-себѣ, гдѣ попало, въ сидачемъ положеніи, навалаясь тяжело на сосѣда, и это обстоятельство

* Въ настоящее время, послѣ неоднократныхъ настояній комитета общественнаго здравія и мѣстной полиціи, верхній и средній ярусы въ большей части ночлежныхъ квартиръ уже уничтожены и для каждой квартиры положено опредѣленное число постояльцевъ, сообразно съ гигиеническими условіями и ея вмѣстительностью; но такъ-какъ точный и еженочный контроль надъ исполненіемъ этой мѣры не всегда равно возможенъ, то правило это почти не соблюдается хозяевами. Вредъ для здоровья громадный: тутъ главный источникъ всяческихъ заразъ и болѣзней, поражающихъ чернорабочее населеніе Петербурга.

обыкновенно служило поводомъ къ ругани изъ-за мѣста между ночлежниками, потревоженными новымъ постояльцемъ*.

Среди всего этого довольно трудно было заснуть, но Машу одолевала такая сильная усталость—и моральная, и физическая—что она черезъ минуту спала уже глубокимъ сномъ, пріютась подъ потолкомъ рядомъ съ Чухой.

Около пяти часовъ утра ее разбудилъ необыкновенный шумъ, говоръ, споры и поминутное хлопанье двери — странное смѣшеніе звуковъ, которые вмѣстѣ съ дѣтскимъ плачемъ и хриплымъ кашлемъ проснувшихся пьяницъ наполняли теперь дочлежную.

Маша раскрыла глаза: подлѣ нея съ одной стороны лежала Чуха, съ другой было уже пусто на нѣсколько мѣстъ краду. На другомъ концѣ верхняго яруса нѣсколько человѣкъ, легши на животъ, ползкомъ спускались внизъ, нащупывая ногами подставленную лѣстницу.

Свободное пространство на верхней нарѣ позволяло Машѣ ползкомъ же передвинуться въ такое положеніе, въ которомъ она могла видѣть, что происходитъ внизу. Ее удивилъ этотъ шумъ и движеніе; захотѣлось узнать причину.

Она видѣла, какъ изъ-подъ нижней нары, словно пауки или черви, выползали существа, носившія признаки образа человѣческаго. Но это именно были только признаки его, а самый образъ скрывался подъ вселоченными космами, подъ синяками, приобрѣтенными во вчерашнихъ дракахъ, подъ грязью и пылью, которою слишкомъ изобилуютъ мѣста подъ нарами. Выползали рубища и лохмотья, выползали обнаженные члены человѣческаго тѣла. Все это немилосердно чесалось, скреблось, потягивалось и громко зѣвало, крестя свои широко распахнувшіеся рты. По комнатѣ толклось много разнаго народу. Иные, кто желалъ быть почищоплотнѣе, раздѣвались въ конецъ, выходили на галерею

* Года три-четыре тому назадъ, квартирные хозяева обыкновенно не спрашивали паспортовъ отъ своихъ случайныхъ, однократныхъ постояльцевъ, но теперь частыя облавы заставили ихъ, ради предосторожности, отбирать на ночь отъ каждаго его видъ. Фальшивый онъ, или нѣтъ—на это хозяинъ не смотритъ: былъ бы видъ, для очистки собственной совѣсти передъ полиціей. Но достигается ли такая мѣра какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ—это вопросъ сомнительнаго свойства.

и тамъ вытрясали свое платье отъ пыли и насѣвокныхъ; а инне же, не выходя, совершали свой туалетъ — мужчины и женщины рядомъ. Каждый былъ занятъ только собою, не обращая на другихъ никакого вниманія. Нѣсколько ребятъ ревмя-ревѣли, богъ-вѣсть съ чего, а раздосадованныя матеи отшлепывали ихъ за такое занятіе, и тѣмъ еще усиливали ребячій концертъ. Квартирная хозяйка пронзительно-тараторливымъ и какимъ-то утинымъ голосомъ крупно считалась съ кѣмъ-то изъ ночлежниковъ. Дѣло шло о недостатѣ одного гроша. Эта почтенная дама стояла въ дверяхъ, держась за желѣзную скобку, а близь нея неотлучно находились два вчерашніе молодца, ея обычные нахлѣбники, которые на случай надобности играли здѣсь роль мордобійцъ и мздовоздателей. Это было обычное утрешнее время, когда ночлежники Вяземской лавры расстаются съ объятіями Морфея и своихъ случайныхъ сосѣдокъ-Дульциней. Это былъ часъ, въ который для вяземцовъ начинается ихъ день и работа. Квартирная хозяйка, дверь которой вчерашнимъ вечеромъ столь гостепріимно была отверзта для каждаго входящаго, сегодня утромъ скаречно стоитъ у этой самой, теперь уже замкнутой двери, и поочередно пропускаетъ въ нее своихъ ночлежниковъ, но пропускаетъ не ранѣе, когда лишь почувствуетъ на своей ладонѣ достодолжную за ночлегъ трѣшку или семитку. Если же трѣшки или семитки на лицо не оказывается, то подымается немедленно споръ — и съ виновнаго, въ пользу хозяйки стаскиваются сапоженки, или что нибудь «лишнее» изъ одѣжишки. А буде сапоженовъ нѣтъ, и вмѣсто одежи на плечахъ болтается убогое дырявое рубище, такъ что содраль рѣшительно уже нечего, то въ этомъ случаѣ хозяйка удовольствуется тѣмъ, что двое приспѣшниковъ ея намнутъ порядкомъ бока, да наладутъ по шеѣ такому неисправному субъекту и торжественно вытолкаютъ его за дверь, чтобы напредки ужь не показывался.

И вся эта кутерьма и толкотня совершалась при слабомъ свѣтѣ наступающаго блѣднаго утра.

Вдовый чиновникъ, въ качествѣ постоянного жильца и грамотнаго человѣка, выдавалъ за перегородкой, при мутномъ огнѣ салнаго огарка, плакаты и виды тѣмъ изъ ночлежниковъ, у кого таковыя имѣлись въ наличности и были вчера вечеромъ для порядку вручены хозяйкѣ, на сохраненіе.

Когда же наконецъ расплатились и вышли всѣ тѣ, кому это было нужно, дверь распахнулась настежь и осталась въ такомъ

положеніи, ибо сгущенная и донельзя спертая атмосфера ночлежной требовала немедленнаго очищенія. Тамъ угрюмо царяла злѣйшая зараза. Въ открытую дверь повалили сѣдые клубы холоднаго воздуха, и этимъ же путемъ можно было видѣть часть того, что въ данную минуту происходило на галлерей.

Тамъ—среди грязнѣйшихъ лужъ, гдѣ еще валялись нѣкоторые изъ тѣхъ непроставшихся бездомниковъ, что ищутъ себѣ ночного пріюта по дворамъ да на этой галлерей—стояли двѣ молоденькія дѣвушки передъ дымиющимися котлами. Одна продавала похлѣбку, другая—вареный картофель; а рядомъ помѣщались пирожникъ, сбитеньщикъ и саченикъ. Эту группу тѣсно обступала толпа разношёрстнаго народа, который только что повывсыпалъ сюда изъ ночлежныхъ и голодно жралъ всѣ эти свѣди.

Среди общаго гула и говора, то и дѣло раздавались возгласы продавцовъ: «кому картошки! похлѣбочки!... Пирогы горячі, горячі изъ печи! Сбитень московскій, сахарный-медовый, на скусъ бѣдовый, съ перцомъ, съ сердцемъ, съ нашимъ удовольствіемъ!» Все это покупалось нарасхватъ и пожиралось торопливо, на ходу, причемъ иногда впопыхахъ, да въ суетливой толкотнѣ иной кусокъ падалъ на полъ, и къ нему тотчасъ же протягивался проворный десятокъ голодныхъ, но безсребрянныхъ рукъ, и подымался при этомъ новый взрывъ гаму, ругани, споровъ, что зачастую вершалось и добрыми зуботычинами.

Тутъ уже на первый планъ выступалъ одинъ только голодъ.

Хозяйка пересчитала всю выручку и затопила печь. Комната наполнилась ѣдкимъ дымомъ.

Обычный день Вяземской лавры начался обычнымъ своимъ порядкомъ.

Всеволодъ Крестовскій.



ОДИНЪ ИЗЪ БУДУЩИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ РУССКАГО ЮНОШЕСТВА.

(Государствовѣдѣніе Сансовино и Всемирныя релігіи Ботеро.
Магистерская диссертация г. Э. Вредена).

Научныя изслѣдованія, представляемыя для получения ученыхъ степеней, составляютъ дѣло чрезвычайной важности въ глазахъ человѣка, понимающаго значеніе высшаго образованія въ ходѣ всей вообще жизни народа. Такія изслѣдованія пишутся исключительно съ цѣлью получения профессорскихъ мѣстъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кто не имѣетъ этой цѣли, тотъ просто публикуетъ свое сочиненіе, или иногда представляетъ его въ академію, въ надеждѣ получить демидовскую премію; тому нѣтъ надобности въ степени магистра или доктора какой-нибудь науки. Съ другой стороны, подобныя сочиненія обыкновенно составляютъ первые труды ученыхъ, и ихъ характеромъ и достоинствомъ почти всегда можно опредѣлить характеръ и достоинство всей послѣдующей ученой дѣятельности человѣка. Примѣровъ для подтвержденія этой мысли можно бы привести множество; но мы не считаемъ нужнымъ дѣлать это: наша мысль очевидна и ясна сама по себѣ.

Съ такими мыслями мы приступили къ чтенію диссертациі, представленной г. Э. Вреденомъ для получения степени магистра политической экономіи. Надѣемся, мы имѣли право рассчитывать, что въ диссертациі, представляемой въ настоящее время для получения ученой степени, особенно въ такой важной области, какова область политической экономіи — мы найдемъ дѣйствительно серьезное ученое изслѣдованіе. Исполнилась ли наша надежда? — объ этомъ мы сейчасъ и сообщимъ нашимъ читателямъ.

Предметъ диссертациі г. Вредена составляютъ «первые опыты статистическаго описанія государствъ въ Италіи Сансовино и Ботеро, ихъ предшественники и послѣдователи». Такъ опредѣляетъ свой

предметъ самъ г. Вреденъ. Главнымъ образомъ, разумѣется, г. Вреденъ занятъ трудами Сансовино и Ботеро; съ нихъ собственно онъ и начинается исторію статистики. Очевидно, задача г. Вредена состояла въ томъ, чтобы установить на прочныхъ началахъ, почему именно съ нихъ онъ начинается исторію статистики—что въ ихъ трудахъ было такого, что даетъ имъ право занимать первыя страницы этой исторіи. Для этого, разумѣется, г. Вреденъ долженъ былъ указать, какое отношеніе имѣютъ эти труды къ теоріи статистики, на сколько они съ ней согласны, на сколько расходятся; онъ долженъ былъ указать, какъ сами авторы понимали свою задачу и на сколько они ее выполнили. Въ такомъ случаѣ его изслѣдованіе было бы дѣйствительнымъ ученымъ трудомъ по исторіи статистики, и смотря по своему достоинству, занимало бы болѣе или менѣе видное мѣсто въ ряду изслѣдованій такого рода. Съ такими надеждами стали мы читать изслѣдованіе г. Вредена; но къ великому нашему удивленію, ничего подобнаго у него мы не нашли. О дѣйствительномъ значеніи Сансовино и Ботеро въ исторіи статистики г. Вреденъ совершенно не заботится; ему до этого какъ будто дѣла нѣтъ. Его занимаетъ... мы затруднимся даже связать, что занимаетъ г. Вредена въ его диссертациі. Впрочемъ, пусть наши читатели судятъ сами о томъ, что занимаетъ г. Вредена. Вотъ какъ начинается онъ изслѣдованіе о Сансовино. Прежде всего онъ хочетъ дать читателю понятіе о содержаніи сочиненія Сансовино: объ устройствѣ и управленіи различныхъ государствъ. «Главное мѣсто въ его описаніи—говоритъ г. Вреденъ—занимаютъ государственныя учрежденія, правительственныя органы и вообще политическое устройство; о территоріи и населеніи во многихъ описаніяхъ вовсе не упомянуто, поэтому неточно отзывается о Сансовино Мальтбрень, *будто тотъ представилъ первые образцы описаній такого рода, въ которыхъ указаны силы и средства государствъ. Напротивъ того, Сансовино въ самомъ дѣлѣ совершенно исключаетъ описательный географическій элементъ изъ своихъ очерковъ и обращаетъ вниманіе единственно съ политической точки зрѣнія на государственный строй*». Кто не привыкъ читать безъ яснаго пониманія того, что онъ читаетъ, тотъ не можетъ не замѣтить въ этихъ немногихъ строкахъ многихъ странностей.

Главный предметъ изслѣдованія Сансовино составляетъ государственное устройство; о территоріи и населеніи во многихъ описаніяхъ не упомянуто:—*поэтому неточно мнѣніе Мальтбрена, будто Сансовино представилъ первые опыты описаній такого рода,*

въ которыхъ указаны средства и силы государствъ. Откуда же слѣдуетъ это *поэтому*? Какимъ образомъ мнѣнiе Мальтбрена дѣлается неточнымъ? Пусть Сансовино главнымъ образомъ очеркавъ государственнымъ устройствомъ, пусть въ нѣкоторыхъ очеркахъ онъ не упоминаетъ о мѣстности, это не мѣшаетъ ему въ другихъ очеркахъ обратить вниманiе на силы и средства государствъ. Чтò онъ дѣйствительно и дѣлаетъ; такъ, по признанiю самого г. Вредена, Сансовино описываетъ во многихъ очеркахъ три царства природы; а это и составляетъ силы и средства государствъ; именно такъ понимаетъ это дѣло современная статистика, такъ могъ понимать его Сансовино, такъ же могъ понимать и Мальтбрень. Потомъ Сансовино говоритъ во многихъ очеркахъ о войскахъ; это опять извѣстно г. Вредену и сказано имъ не разъ. А войско есть уже сосредоточенiе, концентрированiе силъ и средствъ. Слѣдовательно, могъ ли сказать Мальтбрень, что Сансовино представилъ первые опыты описанiй, въ которыхъ *указаны* силы и средства государствъ? Очевидно могъ, и г. Вредень возразить ему ничего не найдетъ, а напротивъ самъ подтверждаетъ эту мысль своими собственными показанiями. Впрочемъ, г. Вредень не можетъ представить только основательнаго возраженiя на положенiе Мальтбрена; а неосновательное возраженiе онъ найти сумѣлъ. «*Напротивъ того*—говоритъ онъ—Сансовино въ самомъ дѣлѣ совершенно исключаетъ описательный географическiй элементъ изъ своихъ очерковъ». Но тутъ и совсѣмъ нѣтъ никакого «напротивъ»; можно исключить изъ сочиненiа описательный географическiй элементъ и въ то же время можно указывать силы и средства государствъ, потому что между этими двумя вещами ничего общаго нѣтъ. Такъ это обыкновенно и дѣлается въ статистикѣ; такъ Тенгоборскiй изъ своей книги исключилъ описательный географическiй элементъ, но въ то же время не только указалъ, а подробно описалъ силы и средства Россiи; такъ поступилъ и Кольбъ въ своей книгѣ; такъ поступаютъ и всѣ. Слѣдовательно, возраженiе г. Вредена не только неосновательно, но еще и показываетъ, что онъ самъ не имѣетъ отчетливаго представленiя о томъ, чтò составляетъ предметъ статистики, что онъ не умѣетъ отличать ее отъ географическаго описанiя. Въ этомъ случаѣ г. Вредень очевидно введенъ въ ошибку выраженiемъ Мальтбрена, что Сансовино представилъ опыты *описанiй*, въ которыхъ указаны силы и средства государствъ. Но вѣдь это только выраженiе; *описанiе*, въ которомъ указываются силы и средства государствъ, не есть географическое описанiе, это есть настоящiй статистическiй трудъ. И наконецъ, если въ описа-

нїях Сансовино не указаны силы и средства государствъ, то зачѣмъ же съ него и начинать исторію статистики? Впрочемъ, пусть не подумаетъ читатель, что г. Вреденъ правъ, по крайней-мѣрѣ въ томъ, что Сансовино изъ своихъ очерковъ исключилъ описательный географическій элементъ. Въ этомъ онъ опять неправъ, и неправъ не только передъ истиною, но и передъ самимъ собою, потому что дальше онъ говоритъ, что очеркъ Англии у Сансовино *по подробностямъ территориальнаго описанія превосходитъ всѣ прочіе*. Итакъ, въ очеркѣ Англии есть территориальное описаніе и притомъ съ подробностями; а вѣдь это и составляетъ описательный географическій элементъ; стало быть, онъ изъ книги Сансовино не исключенъ. И мало того, оказывается, что онъ есть и во всѣхъ прочихъ очеркахъ, только съ меньшими подробностями. Какъ же долженъ думать объ этомъ дѣлѣ читатель книги г. Вредена? Исключенъ или не исключенъ описательный географическій элементъ изъ книги Сансовино?

Этимъ однако не исчерпываются всѣ достоинства приведеннаго мѣста; въ немъ еще увѣряетъ г. Вреденъ, будто Сансовино въ своихъ очеркахъ «обращаетъ вниманіе *единственно съ политической точки зрѣнія на государственный строй*». Повѣримъ это показаніе другими мѣстами изслѣдованія. «Шестая книга сборника Сансовино—говоритъ г. Вреденъ—содержитъ Персію, *которой посвящено только одно описаніе страны* (опять описательный географическій элементъ) и жителей; политическій бытъ вовсе не разбирается». Итакъ, государственный строй не только не составляетъ единственнаго предмета вниманія Сансовино съ политической точки зрѣнія; но, если угодно г. Вредену, совершенно исключенъ изъ нѣкоторыхъ очерковъ. И опять, чтѣ же должны думать читатели г. Вредена? Положеніе ихъ весьма затруднительно; г. Вреденъ на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣчаетъ имъ и да, и нѣтъ; говоритъ имъ вещи, исключаютія другъ друга; на чемъ же они должны остановиться?—И всѣ эти противорѣчія г. Вреденъ сумѣлъ сдѣлать только на 10 строчкахъ своего сочиненія! Но страннѣе всего то, что эти 10 строкъ составляютъ самое существенное мѣсто въ изслѣдованіи г. Вредена о Сансовино; ими почти и ограничивается характеристика Сансовино. Впрочемъ, чтобы дополнить эту характеристику для нашихъ читателей, познакомимъ ихъ еще съ однимъ выводомъ, добытымъ г. Вреденомъ. По мнѣнію г. Вредена, Сансовино только наблюдаетъ и замѣчаетъ, и больше ничего. Тутъ опять невѣрность. Сансовино не наблюденія свои описываетъ, а дѣлаетъ сводъ чужихъ наблюденій, чтѣ, впрочемъ, знаетъ и говоритъ и

самъ г. Вреденъ; собственныя противорѣчія г. Вредена не стѣсняють. Но положимъ, что Сансовино дѣйствительно только наблюдаетъ и замѣчаетъ; къ чему служить для него эти наблюденія и замѣчанія?—«Общаго вывода—отвѣчаетъ г. Вреденъ—заключенія *изъ своихъ наблюдений и замѣчаній Сансовино нигдѣ не дѣлаетъ*». Но разверните изслѣдованіе на другомъ мѣстѣ, и вы прочитаете: «описаніе Франціи у Сансовино *особенно любопытно еще тѣмъ, что въ заключеніе помѣщенъ общій выводъ о силѣ и могуществѣ* этого государства или собственно французскаго короля.» Итакъ, у Сансовино есть общіе выводы?—Есть. — Это говорить самъ г. Вреденъ; но въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ, что ихъ нѣтъ—чему вѣрить? — При этомъ, просимъ читателя еще разъ вспомнить о мнѣніи Мальтбрена, касательно силъ и средствъ государствъ, указаніе которыхъ у Сансовино, наконецъ, признаетъ и г. Вреденъ. Мальтбрень теперь правъ вполне, даже предъ самимъ г. Вреденомъ. Правда, г. Вреденъ тутъ же прибавляетъ, что этотъ случай есть единственный въ цѣлой книгѣ Сансовино. Но, впервыхъ, единственный случай все-таки не позволяетъ сказать, что Сансовино общихъ выводовъ *нигдѣ* не дѣлаетъ; а вовторыхъ, извѣрившись уже въ показаніяхъ г. Вредена, какой же читатель повѣритъ г. Вредену? Говорилъ же онъ, что описательный географическій элементъ совершенно исключенъ изъ книги Сансовино; а оказывается, что онъ есть въ каждомъ очеркѣ; говорилъ — что о силахъ и средствахъ государствъ Сансовино не говорить, а оказывается, что говорить; говорилъ г. Вреденъ, что только государственный строй единственно съ политической точки занимаетъ Сансовино, а оказывается, что иногда Сансовино не занимается этимъ строемъ совсѣмъ, а занимается единственно описаніемъ страны и ея жителей. А что вѣрить г. Вредену въ этомъ частномъ случаѣ нельзя, это видно изъ слѣдующихъ строкъ: «Этотъ *общій выводъ о бытѣ Франціи въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ* объемистѣе» и т. д. Вотъ чѣмъ является уже этотъ общій выводъ подъ перомъ г. Вредена на слѣдующихъ строкахъ. Можетъ быть, г. Вреденъ думаетъ, что бытъ государства и могущество его короля одно и то же; но изъ читателей многіе знаютъ, что это не одно и то же. И потому, они очень естественно затруднятся принять что-нибудь за вѣрное въ словахъ г. Вредена, они не будутъ въ состояніи отнести этотъ общій выводъ ни къ могуществу французскаго короля, ни къ быту Франціи. Вотъ такимъ-то образомъ г. Вреденъ дѣлалъ характеристику Сансовино. Мы привели самыя существенныя черты этой характеристики, и читатели видѣли, что на каждое положеніе у г. Вредена есть противоположеніе;

это своего рода тезисы и антитезисы, какъ-будто г. Вреденъ принадлежит къ ученикамъ древняго Протагора, утверждавшаго, что на всякій вопросъ можно съ одинаковою справедливою отвѣчать и «да» и «нѣтъ».

Познакомивши нашихъ читателей съ характеристикю Сансовино, сдѣланною г. Вреденомъ, скажемъ нѣсколько словъ и объ оцѣнкѣ, которую онъ дѣлаетъ тому же автору: «Сансовино — говорить г. Вреденъ — имѣетъ *огромную* заслугу: онъ авторъ перваго опыта *всемірнаго* государствоописанія, и изъ него въ первое время извлекали *драгоцѣнные* свѣдѣнія, что доказываютъ только-что приведенныя пять изданій». Просимъ читателей замѣтить, что все это безо всякихъ предъидущихъ или послѣдующихъ объясненій и доказательствъ; въ этомъ заключается *вся* оцѣнка Сансовино со стороны г. Вредена. Положимъ, что она справедлива; но достаточна ли она въ специальномъ изслѣдованіи? Если столько будетъ сказано въ какой-нибудь общей исторіи статистики, то и тогда этого будетъ крайне мало; а безъ сомнѣнія, можно желать чего-нибудь другого отъ сочиненія, которое имѣетъ претензію на значеніе спеціальнаго изслѣдованія. Но обратите вниманіе еще на смыслъ этой оцѣнки. Сансовино никогда не былъ ни первымъ, ни послѣднимъ авторомъ *всемірнаго* государствоописанія; онъ описалъ только 22 государства изъ древняго и новаго міра, частію изъ міра воображаемаго (Утопія); и названіе «всемірнаго государствоописанія» г. Вреденъ даетъ его труду, повидимому, просто-на-просто загорюившись, перенося на Сансовино характеристику Ботеро, другаго автора, которымъ г. Вреденъ занимается въ томъ же изслѣдованіи. У Сансовино даже далеко неполное описаніе всѣхъ государствъ Европы. Но пусть трудъ Сансовино представляетъ, дѣйствительно, *всемірное* государствоописаніе; каковы же его качества, какое достоинство имѣютъ свѣдѣнія, заключающіяся въ немъ? Изъ него извлекали *драгоцѣнные* свѣдѣнія, что доказывается тѣмъ, что оно имѣло *пять изданій*, отвѣчаетъ г. Вреденъ! Вотъ вамъ и все, что находить сказать о достоинствахъ книги авторъ, подвергающій ее спеціальному изслѣдованію. Послѣ этого можно разсуждать, что еще болѣе драгоцѣнные свѣдѣнія содержатся, напримѣръ, въ романахъ Польде-Кюба, потому что они имѣли не пять, а пятьдесятъ-пять изданій. Мы уже сказали выше, чего мы считали бы себя въ правѣ требовать отъ г. Вредена, а его достааетъ только на то, чтобы дѣлать характеристику автора посредствомъ противорѣчій, и измѣрять достоинство сочиненія количествомъ изданій. Будто же это въ самомъ дѣлѣ изслѣдованіе? Но то, что нами приведено,

составляетъ самую сущность изслѣдованія г. Вредена о Сансовино; больше у него ничего нѣтъ, если не считать за изслѣдованіе то, что онъ, напримѣръ, выписываетъ оглавленіе отдѣльныхъ очерковъ, дѣлаетъ небольшой переводъ очерка Польши, переписываетъ вполнѣ оглавленія книгъ, написанныхъ нѣкоторыми современниками Сансовино.

Вообще въ изслѣдованіи г. Вредена на 160 страницахъ то, что принадлежитъ собственно ему, не занимаетъ болѣе десятой части. Остальное занято переводомъ, компиляціею и оглавленіями. Замѣчательно, что одни выписанныя оглавленія книгъ занимаютъ больше мѣста, нежели собственное изслѣдованіе г. Вредена. Къ этому труду г. Вреденъ имѣетъ, повидимому, и призваніе и способность. У него попадаются выписанныя оглавленія на цѣлую страницу, на полстраницы; и это на всѣхъ возможныхъ языкахъ, полатыни, пофранцузски, поитальянски, понѣмецки и даже поголландски. Для чего все это дѣлаетъ г. Вреденъ—этого мы никакъ не можемъ понять. Развѣ для того, чтобы показать свои познанія въ языкахъ; но авторъ достигнулъ прямо противоположной цѣли, именно доказалъ, что онъ не знаетъ даже латинскаго и итальянскаго языковъ, которыми онъ, какъ-будто, всего больше пользовался, и которые онъ всего лучше долженъ я знать для своего труда. Полатыни у него встрѣчаются слѣдующіе курьёзы: Ботеро нѣкоторые ученые называютъ: *conyphaeum in perquirendo censo dynastiarum et regnorum industrium et politicorum*. Такъ называть его едва-ли кто можетъ; г. Вреденъ откуда-то выписалъ полтора выраженія. А въ полтора выраженіяхъ смысла быть не можетъ; г. Вредену слѣдовало еще что-нибудь прибавить, тогда былъ бы смыслъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: *regumque seriem et connubii* (вмѣсто *connubia*) *exposui* — вмѣсто *primariae*, онъ пишетъ *primaria nobilitatis dignitates*; онъ находитъ возможнымъ употреблять: «*eritomen geographica*». Очевидно, самыя простыя правила латинской грамматики г. Вредену неизвѣстны, и онъ самъ не понимаетъ, что выписываетъ; нельзя же понимать слова несогласованныя. А для непосвященныхъ, книга г. Вредена кажется чрезвычайно ученою! Это множество цитацій, оглавленій на разныхъ языкахъ профаны очень легко могутъ принять за дѣйствительную ученость; а въ сущности, это только вывѣска, деворація, за которой находится пустота. Съ итальянскимъ языкомъ г. Вредена произошелъ случай, еще болѣе курьезный. Говоря объ описаніи Америки Ботеро, г. Вреденъ увѣряетъ, что Ботеро раздѣляетъ Америку на *сѣверную и восточную*; это противно здравому смыслу, и, безъ сомнѣнія, это понялъ и г. Вре-

день; потому что онъ, тотчасъ, предполагая возраженіе, приводить собственное названіе восточной Америки у Ботеро «australe». Но г. Вреденъ и не предполагаетъ, что australe значить не что иное, какъ южный, а восточный повтальянскія — orientale, di levante. Такимъ образомъ, г. Вреденъ попалъ въ просакъ, который сразу обнаруживаетъ съ его стороны незнаніе, какъ итальянскаго языка, такъ и латинскаго; тотъ, кто знаетъ латинское australis, подобной ошпбке сдѣлать не можетъ. Мы объясняемъ себѣ эту ошпбку такимъ образомъ: г. Э. Вреденъ, очевидно, нѣмецъ, это видно даже въ языкѣ его изслѣдованія. Но у нѣмцевъ при изученіи латинскаго языка, какъ и у насъ, есть свои особенные камни преткновенія; у насъ плохіе ученики въ нижнихъ классахъ гимназій обыкновенно воображаютъ, что severus значить сѣверный, нѣмцы-ученики воображаютъ, что australis значить восточный; australis имъ напоминаетъ ost, östlich и oster. Но, какъ у нѣмецкихъ такъ и у русскихъ учениковъ, эти камни преткновенія исчезаютъ обыкновенно съ самыми первыми успѣхами въ латинскомъ языкѣ. Для г. Э. Вредена эти камни преткновенія существуютъ еще до сихъ поръ.

Впрочемъ, мы еще не сказали ничего объ изслѣдованіи г. Вредена касательно Ботеро, автора книги: *Всемирныя реляціи*.

Что это такое всемірныя реляціи или всемірныя обзорѣнія? «Ботеро — говоритъ г. Вреденъ — по предложенію конгрегаціи совершилъ долговременное путешествіе въ разныя страны.» «*Результатомъ наблюденій во время путешествія*, и были его всемірныя отчеты — *relazioni unevernali*». Черезъ двѣ страницы, г. Вреденъ находитъ даже нужнымъ повторить это мнѣніе. «Всемірныя обзорѣнія (то-есть тѣ же *relazioni unevernali*) появились, какъ необходимый отчетъ о путешествіи, въ котороѣ отправило Ботеро общество пропаганды». Теперь ясно, что такое эти *relazioni unevernali*. Это отчетъ о путешествіи, результатъ личныхъ наблюденій. Но читая дальше, вы спотыкаетесь (именно спотыкаетесь; за г. Вреденомъ иначе слѣдовать нельзя) о слѣдующее мѣсто: «Ботеро приложилъ изумительное стараніе и громаднѣйшій трудъ къ собиранію матеріала для своихъ *реляцій*». «Главный источникъ нашего автора былъ *сборникъ Рамузіо*, слѣды котораго легче всего указать въ реляціяхъ, хотя Ботеро не приводитъ его имени, а ссылается уже прямо на путешественниковъ». «*Второй, главный источникъ — англійскій сборникъ такихъ же путешествій*, составленный Гаклюйтомъ». Кромѣ того, Ботеро, по словамъ г. Вредена, пользовался донесеніями іезуитовъ папѣ,

и многими другими источниками. Стало быть, что же такое *relazioni universali* Ботеро? Это сводъ многочисленныхъ извѣстій о всѣхъ странахъ земного шара, заимствованныхъ авторомъ изъ разныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ. Опять мы имѣемъ два противорѣчащія показанія; на которомъ остановиться? Какъ читатели должны разсматривать всемирныя реляціи Ботеро: какъ отчетъ о путешествіи, или какъ критическій сводъ всевозможныхъ извѣстій о государствахъ? Что эти двѣ вещи нисколько не походятъ одна на другую, объ этомъ, надѣмся, говорить не нужно.

Теперь займемся содержаніемъ реляцій; онѣ раздѣляются на четыре части, изъ которыхъ двѣ послѣднія не имѣютъ никакого значенія въ статистикѣ. Посмотримъ, что скажетъ намъ г. Вреденъ о первыхъ двухъ частяхъ, главнымъ образомъ занимающихъ его. «Первая часть реляцій — говоритъ онъ — носитъ по *преимуществу географическій характеръ*, хотя она и можетъ считаться попыткою статистическаго описанія территоріи, такъ-какъ на первомъ планѣ во всѣхъ реляціяхъ *не мѣстность, а территориальная обстановка хозяйственнаго и общественнаго быта народа; земля разсматривается, какъ поприще человеческого обществія*. Одна суша принята во вниманіе, и то (?) она раздѣлена не на естественныя области, по образованію поверхности, а на провинціи, на основаніи ихъ прежней или современной національной и политической самобытности; *объ океанахъ, моряхъ и ихъ частяхъ нѣтъ и помину*. Такимъ образомъ, первая часть *менѣе землеописаніе-географія*, чѣмъ краткая, но яркая обрисовка естественныхъ условій, въ которыхъ живутъ люди». «Вторая часть реляцій содержитъ (то-есть составляетъ) опытъ настоящаго статистическаго описанія, поэтому въ ней снова говорится о мѣстности, но она уже *разсматривается въ качествѣ государственной территоріи*, а не какъ часть земной поверхности, представляющая извѣстныя естественныя особенности, *что составляетъ задачу очерковъ, вошедшихъ въ первую часть*. Первая часть, такимъ образомъ, *вполнѣ сохраняетъ характеръ географическаго сборника*, между тѣмъ, какъ вторая есть самостоятельная статистика, которая нигдѣ не предполагаетъ первую, *на нее не ссылается (?) ни по внѣшней, ни по внутренней связи (?)*, и могла бы совершенно отдѣлиться отъ нея, оставаясь самостоятельнымъ изслѣдованіемъ по всемирной *этнографической статистикѣ*. Было бы очень долго указывать всѣ оригинальности, заключающіяся въ этой выпискѣ; предоставляемъ ихъ собственному здравому смыслу читателей, и обратимъ вниманіе опять-таки на различныя показанія г. Вредена.

Что такое первая часть реляцій—географія или статистика? И то, и другое, равно какъ ни то, и ни другое. Надѣмся, наши читатели ясно понимаютъ, что именно это говорить г. Вреденъ въ своихъ различныхъ показаніяхъ. Какъ разсматриваетъ первая часть мѣстности различныхъ государствъ, со стороны ихъ естественныхъ особенностей, или со стороны удобствъ для промышленности и государственной жизни вообще? И съ той и съ другой стороны, равно какъ и ни съ той и ни съ другой стороны. Чѣмъ отличается первая часть отъ второй? Ничѣмъ, потому что обѣ онѣ разсматриваютъ мѣстность только какъ поприще человѣческаго общежитія. А между тѣмъ, въ одномъ изъ показаній г. Вреденъ первую часть называетъ географическимъ сборникомъ, а вторую настоящимъ статистическимъ описаніемъ. А въ самомъ-то дѣлѣ, первая часть должна бы имѣть большее право на названіе статистики, потому что она занимается территоріальною обстановкою *хозяйственной и общественной быта народа*, чѣмъ вторая часть не занимается. Правда, вторая часть есть не просто статистика, а *этнографическая* статистика; но касательно этнографическаго характера обѣихъ частей, просимъ прочитать слѣдующія два мѣста: на стр. 43. г. Вреденъ говоритъ: «первый отдѣлъ (или все равно первая часть) представляетъ географическій очеркъ территоріи и бытовыхъ особенностей *народовъ*, второй (то-есть вторая часть) содержитъ описаніе важнѣйшихъ явленій въ бытѣ *государствъ*». А на стр. 166 г. Вреденъ говоритъ, что Ботеро все «неотносящееся къ государственному быту *исключаетъ изъ второй части*, оправдываясь тѣмъ, что географическимъ и *этнографическимъ свѣдѣніямъ жьсто въ первой части*. И такъ, этнографія совсѣмъ исключена изъ второй части, она нашла себѣ мѣсто въ первой; стало быть, что же значить показаніе г. Вредена, что вторая часть есть этнографическая статистика?

Мы объясняемъ себѣ эти вещи самымъ простымъ способомъ; тутъ дѣло не въ научныхъ ошибкахъ; научного ничего у г. Вредена нѣтъ; наши читатели, безъ сомнѣнія, въ этомъ давно убѣдились; дѣло гораздо проще: г. Вреденъ, повидному, дѣйствительно, заговаривается. Что причина всѣхъ этихъ противорѣчій именно въ томъ, что г. Вреденъ заговаривается, это еще очевидно изъ слѣдующаго: читатели уже видѣли, что, по словамъ г. Вредена, у Ботеро въ первой части «объ океанахъ, моряхъ и ихъ частяхъ нѣтъ и помину». Это у него связано на стр. 69; но на предъидущей страницѣ, самъ же г. Вреденъ говоритъ, что Ботеро въ первой части описываетъ слѣдующія части морей: Уробскій заливъ, Заливъ Парія, Магеллановъ проливъ; и каждое изъ этихъ описаній занимаетъ *цѣлую*

мазу; а тремя страницами раньше, г. Вреденъ приписываетъ Ботеро очерки моря Каспійскаго и моря Чермнаго, * и опять-таки цѣлыя очерки. Какъ же послѣ этого, находясь въ здоровомъ умѣ, можно сказать, что Ботеро даже не упоминаетъ объ океанахъ, моряхъ и ихъ частяхъ? Дальше г. Вреденъ приводитъ даже подлинное названіе у Ботеро Тихаго океана — *Mare del sur*, и это даже на той же самой 69 страницѣ; и все это ведетъ только къ тому, чтобы сказать, что у Ботеро объ океанахъ помину нѣтъ. Будто это не значить заговариваться?

Потомъ г. Вреденъ начинаетъ говорить объ источникахъ, которыми пользовался Ботеро; по его словамъ, самъ Ботеро *ссылается* на греческихъ и латинскихъ классиковъ, на Зосиму, Климента александрійскаго, Павла Діакона, Оттона френзингенскаго, Геральда кембрскаго, Гвичіардини, Макиавелли, Бодена, Гемму, Петра Мортира, Іосифа Аккосту и др.; и притомъ, на нѣкоторыхъ изъ этихъ авторовъ *ссылается* часто. И послѣ этого г. Вреденъ считаетъ себя въ правѣ сказать, что «Ботеро *повсюду хранитъ тайну* о своихъ источникахъ». Будто и это не значить заговариваться? Но любопытнѣе всего то, что на *слѣдующей же строкѣ* г. Вреденъ самъ прибавляетъ: «немногіе авторы *его времени* приведены (то-есть названы) имъ по имени». Немногіе авторы его времени названы по имени, такъ это значить, что Ботеро хранить да еще повсюду тайну объ источникахъ!

Какъ ни скучно дѣлать подобную критику ученаго изслѣдованія, но мы приведемъ еще одинъ рядъ показаній г. Вредена. Характеризуя изложеніе Ботеро, онъ говоритъ: эта систематика (то-есть система) «*строго не проводится во всѣхъ очеркахъ*, изъ коихъ одни полнѣе, другіе менѣе обстоятельны. Такимъ образомъ *вся вторая часть носитъ отпечатокъ нѣкоторой непослѣдовательности и т. д.*» Но въ другомъ мѣстѣ г. Вреденъ говоритъ: «Ботеро создалъ первую, если не вполне научную, *то по крайней-мѣрѣ послѣдовательную систему* статистическаго описанія. Она проведена *во всѣхъ очеркахъ второй отдѣла* (то-есть второй части) *однообразно* и т. д.» По нашему мнѣнію, все это ясно указываетъ на то, что г. Вреденъ заговаривается. Впрочемъ, къ этому показанію г. Вредена, привязывается другое обстоятельство: говоря о значеніи Ботеро, г. Вреденъ находитъ, что онъ былъ недостаточно оцѣненъ пото-

* Замѣчательно, что море Черное называется у г. Вредена *областью*. Смотрите на стр. 64. Вмѣстѣ съ тѣми областями называются: рѣка Нилъ и Египтане.

му, что съ нимъ вообще ученые были мало знакомы. «Изъ новѣйшихъ ученыхъ его видѣлъ только Вахнеръ, котораго показанія повторяются всѣми послѣдующими (гѣмъ?). О вполне справедливомъ приговорѣ тутъ очевидно не могло быть и рѣчи. Подобный приговоръ можно искать *только у ученаго, болѣе близкаго къ Ботеро по времени*. (Это противно основнымъ и всѣмъ признаваемымъ началамъ всякой исторической оцѣнки). Таковъ Гавріиль Наудей, посвятившій свой трудъ критической оцѣнкѣ политическихъ писателей; онъ говоритъ, что *Ботеро первый провель однообразный приемъ и строгую послѣдовательность въ своихъ очеркахъ государства*». Эти послѣднія слова самъ же г. Вреденъ подчеркиваетъ, какъ особенно важныя, и даже внизу приводитъ подлинную латинскую фразу Наудея съ подробнымъ обозначеніемъ книги, изданія и страницы. Читатель убѣжденъ вполне. Но что подумаетъ добродушный читатель, если мы, на основаніи этой выписки изъ Наудея, скажемъ ему, что г. Вреденъ и не видалъ Наудея, а если видѣлъ, что не невозможно, то не читалъ? А между тѣмъ это такъ; не знаемъ, дѣйствительно-ли изъ самого Наудея или изъ кого другого онъ заимствовалъ приведенную имъ фразу (Johannes Boterus... rem omnium primus, quod sciam, ordine et methodo *praeclarissimo* destinxit), только Наудей совсѣмъ не говоритъ того, что приписываетъ ему г. Вреденъ. У Наудея дѣло вотъ въ чемъ: упомянувши о трудахъ древнихъ авторовъ, писавшихъ о сохраненіи государства (de conservanda republica), онъ говоритъ, что труды ихъ мало соотвѣтствуютъ нравамъ нашего вѣка. Гораздо лучше совѣтоваться съ сочиненіями новѣйшихъ итальянскихъ авторовъ, «писавшихъ de ratione status или, какъ это лучше выражается итальянскими словами *raggion di stato*». «Между ними Іоаннъ Ботерусъ первый, сколько мнѣ извѣстно, весь этотъ предметъ изложилъ въ порядкѣ и въ прекрасной системѣ (rem omnium primus, quam sciam, ordine et methodo *praeclarissima* * destinxit). Итакъ, эти слова Наудея относятся не ко всемірнымъ реляціямъ Ботеро, а къ его *ragion di stato*, то-есть къ сочиненію, которое не имѣетъ никакой связи съ всемірными реляціями, и явилось въ свѣтъ гораздо раньше всемірныхъ реляцій, или, говоря словами г. Вредена, не ссылается на нихъ ни по внѣшней, ни по внутренней связи. Какимъ же образомъ г. Вреденъ могъ позволить

* Praeclarissima, а не praeclarissimo, какъ пишетъ г. Вреденъ. Въ этомъ praeclarissimo, г. Вреденъ даетъ новое доказательство своихъ познаний въ латинскомъ языкѣ.

себѣ отнести эти слова Наудея къ всемірнымъ реляціямъ, къ очеркамъ *государствъ* Ботеро? Отвѣтъ будетъ болѣе благопріятный для г. Вредена, если онъ въ глаза не видѣлъ Наудея или не понималъ его. Въ противномъ случаѣ, это — поступокъ, который уже выходитъ изъ юрисдикціи литературной критики. И это не единственный подобный поступокъ со стороны г. Вредена. Принимая во вниманіе ничтожество труда г. Вредена, мы мало повѣряли его ссылки и цитаціи; но кое-какія особенности на страницахъ его диссертациі заставили насъ взглянуть въ одну книгу, которую намъ очень напоминало одно мѣсто диссертациі. Вотъ это мѣсто. Дѣлая свое *общее заключеніе о трудахъ* Сансовино и Ботеро, г. Вреденъ говоритъ:

«Главный предметъ изслѣдованія у Сансовино, какъ мы видѣли, государственное устройство и управленіе, затѣмъ указывается въ нѣкоторыхъ очеркахъ на отношеніе къ сосѣдямъ. Мѣстность описана не во всѣхъ очеркахъ: въ нѣкоторыхъ государствахъ исчисляются *по областямъ изъ естественныхъ произведенія*, въ другихъ помѣщенъ одинъ перечень провинцій; *промышленности, торговли, просвѣщенія и ремеселъ онъ касается только вскользь*. Общаго вывода, заключенія изъ своихъ замѣчаній и наблюденій, Сансовино нигдѣ не дѣлаетъ». Читатели уже знакомы съ этою послѣднею фразою и знаютъ, что она противорѣчитъ тому, что самъ г. Вреденъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ. Пусть же не слишкомъ удивляются читатели, если мы скажемъ имъ, что только эта фраза и принадлежитъ здѣсь г. Вредену. Все остальное, вся эта заключительная характеристика Сансовино, есть буквальный переводъ слѣдующаго мѣста изъ *Kritische Geschichte der Statistik* Людера.

«Sansovino's Hauptgegenstand ist die Staatsverfassung und Regierung und dann das Verhältniss der Staaten gegen einander. Des Landes selbst wird nur in einigen Beschreibungen gedacht, in andern nicht: bei verschiedenen Staaten werden die Produkte der einzelnen Provinzen genannt, bei andern nur die Namen der Provinzen: von Religion, Gelehrsamkeit und Handel kommt nichts oder sehr wenig vor». Это напечатано на стр. 30-й книги Людера (Hannov. 1817). Такимъ образомъ г. Вредена недоставало на то, чтобы заключительную характеристику разбираемому автору сдѣлать собственными силами, и онъ прибѣгнулъ къ переводу. Но въ такомъ случаѣ, добросовѣстность требовала упомянуть о переводѣ, чтобы не походить за тѣхъ ученыхъ, которые на основаніи словъ Вахнера, приносили судъ о Ботеро. Впрочемъ,

тѣмъ ученымъ это было простиительно, а г. Вредену непростиительно, потому что они не спеціальныя изслѣдованія дѣлали о Ботеро, а г. Вреденъ посвящаетъ свой трудъ спеціальному изслѣдованію о книгѣ Сансовино. Но всего замѣчательнѣе то, что г. Вреденъ это мѣсто не подумалъ даже согласить съ тѣмъ, что прежде самъ онъ говорилъ о Сансовино. О томъ, что Сансовино говорить о просвѣщеніи, религіи и торговлѣ, равно какъ объ исчисленіи продуктовъ по провинціямъ, г. Вреденъ раньше этого перевода даже не замкнулся; а здѣсь онъ дѣлаетъ заключительную характеристику Сансовино; и ничего, не стѣсняется характеризовать своего автора тѣмъ, что ему самому г. Вредену и въ голову не приходило при самомъ *изслѣдованіи*, что видѣлъ только Людеръ; это не мѣшаетъ г. Вредену поставить въ началѣ перевода, «какъ мы видѣли» *. Что же это въ самомъ дѣлѣ? Достоинъ-ли это претендента на званіе ученаго?

Впрочемъ, быть можетъ, кто-нибудь подумаетъ, что это случайное совпаденіе? Это вѣроятно, особенно соображая то, что при этомъ случайномъ совпаденіи, у г. Вредена появились, конечно—тоже случайно новыя замѣчанія, которыхъ раньше онъ не сдѣлалъ. Очень возможно, что и слѣдующія строки, въ которыхъ и Людеръ и г. Вреденъ характеризуютъ Ботеро, представляютъ такое же случайное совпаденіе. Людеръ пишетъ: «Botero aber machte es sich zum Hauptgeschäfte, bei jedem Staate die Gründe zu würdigen, die sich für wie gegen seine Fortdauer aufstellen lassen. Daher beschäftigt er sich, wenn auch nicht ganz einzig, doch ganz vorzüglich mit dem, was bei entstehendem Kriege vorzüglich in Frage kömmt. Dies zeigt sich selbst recht auffallend bei der Würdigung der Industrie».

А г. Вреденъ переводитъ это такимъ образомъ:

«У Ботеро между тѣмъ критическая оцѣнка основаній, на которыхъ покоится могущество государства и сила правительства, составляетъ главную задачу. Онъ подробно при этомъ разбираетъ, на сколько обезпечено самое существованіе государства въ будущемъ; это заставляетъ его во вѣхъ очеркахъ преимущественно заниматься вопросомъ объ опасности, въ случаѣ нападенія того или другого сосѣда, о богатствѣ или недостаткѣ

* Мы не сравниваемъ этого мѣста изъ Людера съ самымъ изслѣдованіемъ г. Вредена. Всякій читатель можетъ сдѣлать это самъ на основаніи приведенныхъ нами выписокъ, въ которыхъ заключается вся сущность изслѣдованія. Оказывается, что и все изслѣдованіе г. Вредена есть только сокращеніе и искаженіе краткой характеристики Сансовино у Людера.

средствъ обороны. Даже промышленныя занятія и производства оцѣняются по мѣрѣ того, какъ обезпечивается ими удовлетвореніе важнѣйшихъ потребностей народа, въ случаѣ совершеннаго уединенія его во время войны». Это послѣднее мѣсто передано г. Вреденомъ съ нѣкоторою вольностью; но тѣмъ не менѣе это не что иное, какъ переводъ вольный и крайне плохой. Такъ, вмѣсто *Würdigung*, г. Вреденъ говоритъ «критическая оцѣнка» (нек: итнческой оцѣнки ученыхъ не бываетъ; ее можно найти только у г. Вредена); «*machte sich zum Hauptgeschäfte*», г. Вреденъ переворачиваетъ на «составляетъ главную задачу»; «*be entstehendem Kriege*», у г. Вредена является въ видѣ выраженія: «въ случаѣ нападенія того или другого сосѣда»; «*Würdigung der Industrie*» измѣняется такъ же въ цѣлое выраженіе: «промышленныя занятія и производства оцѣняются» и т. п. Но, во первыхъ, именно всѣ эти уклоненія сдѣланы г. Вреденомъ въ сторону отъ здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, будто Ботеро имѣетъ въ виду только войны между сосѣдами? Развѣ не бываютъ войны не между сосѣдами, въ родѣ бывшей восточной войны? И потомъ, будто производство не есть промышленное занятіе? Будто позволительно магистру политической экономіи исключать первое изъ этихъ понятій изъ втораго?—Вовторыхъ, эти измѣненія доказываютъ, что г. Вреденъ хотѣлъ маскировать свой переводъ; хорошо ли это *? Но въ какомъ свѣтѣ послѣ этого является все изслѣдованіе г. Вредена? Весь его ученый трудъ оканчивается выводомъ, который есть не что иное, какъ плохой и притомъ секретный переводъ, обличающій въ переводчикѣ, между прочимъ, непониманіе элементовъ политической экономіи; и еслибы еще переводъ сдѣланъ былъ изъ спеціальнаго изслѣдованія, а то переводъ изъ краткаго руководства! Правда, къ переводу сдѣланы и дополненія; но наши читатели видѣли, чего стоитъ дополненіе г. Вредена, касательно общихъ выводовъ! Въ немъ сдѣланы и измѣненія, но по достоинству они равняются дополненіямъ. На этомъ мы и оканчиваемъ разборъ ученаго труда г. Вредена. Разборъ этотъ совсѣмъ не походитъ на разборы ученыхъ трудовъ; но что же вы прикажете дѣлать съ произведеніями, подобными произведенію г. Вредена? что вы прикажете подвергать критикѣ у г. Вредена, когда на каждый тезисъ у него есть антитезисъ, когда дѣло состоитъ не въ ученыхъ ошибкахъ, а въ незнаніи не только элементарныхъ научныхъ, но и самыхъ

* Просимъ не забывать, что обѣ эти выдержки у Лидера слѣдуютъ непосредственно одна за другой; у г. Вредена такъ же.

простыхъ общечеловѣческихъ понятій, когда у г. Вредена нѣтъ ни одной фразы съ яснымъ и опредѣленнымъ смысломъ. Это послѣднее увѣреніе съ нашей стороны можетъ кому-нибудь показаться преувеличеніемъ; но пусть читатели подвергнутъ критикѣ всѣ безъ исключенія выписанныя нами мѣста изъ произведенія г. Вредена; есть-ли тамъ хоть одна фраза, связно и опредѣленно составленная и основательно соединенная съ другими. Мы въ этомъ отношеніи выбору не дѣлали *; все остальное, написанное г. Вреденомъ, имѣетъ совершенно такія же достоинства. Можно предлагать большую премію тому, кто отыщетъ у г. Вредена хоть одно предложеніе толковое и опредѣленное; мы говоримъ это совершенно не шутя. Мы уже говорили, что и написаннаго г. Вреденомъ, собственно ему принадлежащаго, очень немного; девять десятыхъ книги г. Вредена состоятъ изъ перевода, компиляціи и переписки оглавленій, или выдержекъ на разныхъ языкахъ (безъ переводу; г. Вреденъ для этого слишкомъ благоразуменъ), такъ что тутъ трудъ переписчика игралъ гораздо большую роль, нежели трудъ ученаго, или правильнѣе, тутъ былъ трудъ переписчика, трудъ плохого переводчика и компилятора, но труда ученаго тутъ не было.

И въ такомъ-то трудѣ г. Вреденъ съ важностью ученаго, позволяетъ себѣ третировать статистику, какъ свою науку: «наша наука», говоритъ онъ, не разъ вмѣсто «статистика». Ну, какая же она ваша наука, г. Вреденъ? Ваша наука—чистописаніе, русская грамматика, латинская этимологія и элементарная географія. Эти предметы вы можете третировать, какъ ваши науки, и то не вполнѣ, за исключеніемъ чистописанія; а грамматику, географію вы еще должны докончить—тогда онѣ будутъ вашими науками.

Впрочемъ, читатели наши видѣли только познанія г. Вредена въ латинскомъ языкѣ вмѣстѣ съ итальянскимъ, видѣли его умнѣе выражать свои мысли на русскомъ языкѣ, а познаній географическихъ еще не видѣли. Потому мы сейчасъ и познакомимъ ихъ съ этими познаніями. Г. Вреденъ имѣлъ несчастье, перевода Сансовино и Ботеро, передавать ихъ собственныя имена странъ и городовъ такими именами, которыя онъ находить соответствующими имъ въ настоящее время. Это и ввело его въ слѣдующіе

* Мы не приводили мѣстъ, поразящихъ своею безграмотностью. Но ихъ можно бы привести сотни; въ книгѣ г. Вредена ихъ складъ, арсеналь.

грѣхи противъ элементарной географіи, а частію и исторіи: Ботеро говоритъ объ извѣстномъ городѣ Добринѣ въ Польшѣ, бывшемъ когда-то главнымъ городомъ воеводства. Г. Вредену Добринѣ совершенно неизвѣстенъ, и онъ переводитъ его «Кобринъ», тутъ же предаваясь наивнымъ разсужденіямъ, что вѣроятно у Ботеро опечатка, хотя Ботеро помѣщаетъ свой Добринѣ въ собственной Польшѣ, разумѣя подъ нею не государство Польшу, а только провинцію, рядомъ съ которою тутъ же стоитъ и Лптва, гдѣ находится Кобринѣ. Древній городъ польскій Бельзъ (Belza) г. Вреденъ передѣлываетъ въ Бѣльцы, которыя находятся въ Бессарабіи.—Ботеро называетъ Бохию Восена; но опредѣляетъ ее такъ точно, что узнать ее нельзя, говоритъ о солонихъ копяхъ, о сосѣдствѣ съ Величкою. Но г. магистръ статистики и политической экономіи передѣлываетъ ее въ Бауценъ, и этотъ городъ, который, какъ извѣстно, находится въ Саксоніи, которая частью Польши никогда не была, перемѣщаетъ въ Польшу, въ сосѣдство Велички. — Любопытно еще, какъ переводитъ г. Вреденъ рѣку Стырь. Ботеро говоритъ, что Стырю Волинь раздѣляется на двѣ половины, и это совершенно справедливо. Г. Вредену Стырь очевидно неизвѣстна; но какія соображенія онъ имѣлъ, чтобы перевести это имя именовъ р. Буга—мы рѣшительно не понимаемъ. Бугъ течетъ по границѣ Волини, а не раздѣляетъ ее на двѣ половины. Мы объясняемъ это такимъ образомъ: Ботеро переведенъ на нѣмецкій языкъ еще въ XVI вѣкѣ; и хотя г. Вреденъ не говоритъ, что онъ переводилъ Ботеро съ нѣмецкаго языка, но, какъ видно, у г. Вредена уже такія правила; онъ не только не говоритъ, съ какого языка онъ переводитъ, но не говоритъ даже, гдѣ въ его книгѣ переводъ, гдѣ оригинальное сочиненіе. Потому, основываясь на томъ, что г. Вреденъ итальянскаго языка не знаетъ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что онъ переводилъ съ нѣмецкаго.—А немудрено, что въ нѣмецкомъ переводѣ Stiro переведено «Бугъ». Нѣмецъ-переводчикъ XVI вѣка, безъ сомнѣнія, не зналъ рѣки Стыри, а Бугъ, пожалуй, былъ ему извѣстенъ. Потому онъ и сообразилъ, что Ботерово «Stiro» слѣдуетъ передать «Бугъ». Но это было въ XVI вѣкѣ, да еще въ Германіи, а въ XIX вѣкѣ и въ Россіи, да еще въ изслѣдованіи, представляемомъ на степень магистра статистики и политической экономіи, повторять географическія ошибки нѣмецкаго XVI вѣка относительно Россіи, это уже слишкомъ! — Вѣроятно, по какой нибудь подобной причинѣ г. Вреденъ провинцію Сканию передѣлываетъ въ Данію. Эта послѣдняя ошибка г. Вредена особенно знаменательна: она показываетъ, что онъ даже

съ Ботеро, которымъ всего больше, занять, совсѣмъ не познакомился. Ботеро къ Даніи обращается много разъ и вездѣ ее называетъ «Danía». А подѣ «Scania» онъ разумѣеть не что иное, какъ Сканию, южную часть Швеціи.

Вотъ ученый трудъ г. Вредена! Неизнаемъ, получилъ ли онъ за него степень магістраполитической экономіи и статистики; но не можемъ удержаться отъ вопроса: будетъ ли въ качествѣ просвѣтителя юношества полезенъ или вреденъ этотъ г. Вреденъ?

М. Крапивенцовъ.



СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Отношенія, устанавливающіяся между Пруссіей и Германіей. — Прусская алата депутатовъ и избирательный законъ. — Положеніе дѣлъ въ Италіи. — Румынскія вняжества.

Благодаря успѣхамъ своего оружія, прусское правительство сводитъ теперь счеты съ своими внутренними и внѣшними недругами, и надобно сказать, что оно сводитъ эти счеты весьма выгодно для себя. Въ послѣдніе три года прусское королевское правительство олицетворялъ собою графъ Бисмаркъ, а потому очень понятно, что и приобрѣтенные теперь Пруссію успѣхи приписываются непосредственно дальновидности и эвертн перваго министра. Обстоятельство это отзывается и на ходѣ внутреннихъ политическихъ дѣлъ въ Пруссіи. До сихъ поръ, повидимому, политическая программа графа Бисмарка исполняется удачно, если и не во всѣхъ ея частностяхъ, то, по крайней-мѣрѣ, въ главныхъ ея основаніяхъ. Теперь осуществляется тождественность Пруссіи съ Германіей, но замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что способъ для достиженія таковой дѣли не сходится съ тѣмъ, какой имѣлся въ виду прежде. Журналистика и общественное мнѣніе предполагали, что Пруссія, для созданія германскаго единства, уничтожить прежде всего мелкія нѣмецкія государства, вѣлчивъ ихъ въ составъ своей территоріи. Война дала, однако, иные результаты. Изъ 13 небольшихъ самостоятельныхъ германскихъ государствъ, ни одно не присоединяется къ Пруссіи. Владѣнія ея увеличиваются королевствомъ Гановерскимъ, герцогствомъ Нассаускимъ и курфюршествомъ Гесенскимъ. Каждое изъ этихъ государствъ, утрачивающихъ нынѣ свое политическое бытіе, принадлежало въ числу крупныхъ владѣній. Такъ, королевство Гановерское имѣетъ 1.888,070 жителей, герцогство Нассауское 462,334, и курфюршество Гесен-кассельское 738,476. Между тѣмъ, при подобномъ политическомъ переворотѣ въ Германіи, тамъ сохраняютъ свою самостоятельность такія мелкія владѣнія, какъ,

Т. СLXVIII. — Отд. II.

1

напримѣръ, княжества: Рейское, Шварцбургскаго, Липпе-Детмольдское, Липпе-Шаумбургское и даже княжество Лихтенштейнъ. Такимъ образомъ, идея національнаго германскаго единства осуществляется совсѣмъ не такъ, какъ, казалось бы ей осуществиться. Раздробленность Германіи на ничтожныя политическія единицы, служащая главнымъ препятствіемъ ея политическому объединенію, не уничтожается, такъ-какъ сокращеніе числа владѣтелей весьма незначительно. вмѣсто прежнихъ 27 германскихъ династій, ихъ будетъ существовать 24; но само собою разумѣется, что при этомъ условіи до единства Германіи еще очень далеко.

Въ виду этого можно сказать, что Прусія, достигнувъ первенствующаго положенія въ бывшемъ Германскомъ Союзѣ, воспользовалась этимъ положеніемъ для собственныхъ своихъ выгодъ, отодвинувъ идею германскаго единства на второй планъ. Съ одной стороны, такой выводъ будетъ вполне вѣренъ, но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что при нынѣшнемъ положеніи Прусія ей уже нетрудно будетъ идти далѣе. Въ этомъ отношеніи результаты оконченной нынѣ войны весьма важны. Австрія вытѣснена изъ союза, который вмѣстѣ съ этимъ прекратилъ свое существованіе. Прусія утвердила свое господство надъ Сѣверной Германіей, отнявъ у южной ея части прежній центръ ея тяготѣнія — Австрію. Держава, первенствующая теперь въ Германіи послѣ Прусіи — Баварія нисколько не опасна для Прусіи, даже и въ такомъ случаѣ, если Прусія будетъ развивать далѣе присоединительныя планы графа Бисмарка. Баварія тоже побѣждена Прусіей, и за свое къ ней нерасположеніе принуждена поплатиться въ пользу Прусіи частью своихъ владѣній, которыя должны округлить границы королевства Прусскаго. Самостоятельность же государствъ, входящихъ въ составъ сѣвернаго союза, поступающаго подъ покровительство Прусіи, ничего болѣе, какъ пустой призракъ. Тамошніе государи, лишеныя и дипломатическаго представительства и права располагать военными силами, будутъ въ сущности не болѣе, какъ правителями прусскихъ областей. Графъ Бисмаркъ, или его будущіе преемники — если только они станутъ идти по проложенному имъ пути — всегда найдутъ удобный случай смѣстить того или другаго нѣмецкаго владѣтеля, и подчинить непосредственно Прусіи принадлежавшую ему территорию.

Что касается результатовъ войны по отношенію къ союзницѣ Прусіи — Италіи, то проектъ мирнаго трактата между ею и Австріей былъ составленъ, какъ говорятъ нѣкоторыя газеты, въ Парижѣ, такъ что и здѣсь дѣло не обошлось безъ французскаго вліянія. Проектъ этотъ отправленъ въ Вѣну на предварительное разсмотрѣніе. Онъ касается двухъ пунктовъ: вопроса о раздѣлѣ долга по Венеціанской Области, и объ установленіи границы съ Тиролемъ. Упомянутый проектъ составленъ, между прочимъ, въ такомъ смыслѣ, что Австрія не должна получить никакого воз-

награждения за знаменитый четырехугольникъ, стоившій ей такихъ огромныхъ затратъ. Ей предоставляется только право увезти оттуда весь военный матеріалъ, а за ту его часть, которую нельзя будетъ увезти, австрійская казна получить отъ Италіи соответствующенную денежную плату. Исправленіе границы—благодаря вліянію тюильрійскаго кабинета на вѣнскій—будетъ гораздо выгоднѣе для Италіи, нежели слѣдовало бы предполагать, но все-таки въ Трентскую Область будетъ послана смѣшанная комсія, составленная изъ итальянскихъ и австрійскихъ инженеровъ, для подробнаго изслѣдованія этого спорнаго вопроса. Занятія этой комисіи должны будутъ значительно замедлить подписаніе мирнаго договора между Италіей и Австріей.

Другимъ результатомъ настоящей войны по отношенію къ Италіи должно быть признаніе Австріей Королевства Итальянскаго въ настоящемъ его составѣ, то-есть съ происшедшимъ уже къ нему присоединеніемъ герцогствъ Тосканскаго и Моденскаго, принадлежавшихъ прежде двумъ отраслямъ габсбургско-лотарингскаго дома. Такое признаніе не останется безъ нѣкоторыхъ выгодныхъ для Италіи послѣдствій, такъ-какъ, вслѣдствіе этого, обѣ отрасли упомянутаго дома, а также и двѣ отрасли дома бурбоновъ, господствовавшія въ Пармѣ и Неаполѣ, должны будутъ отказаться отъ всякихъ попытокъ къ восстановленію утраченной ими власти.

Миръ Пруссіи съ Саксоніей еще не заключенъ, хотя переговоры о немъ и начались съ 8-го (20-го) августа. Въ этихъ переговорахъ стоитъ на первомъ планѣ вопросъ о бывшей саксонской арміи, самостоятельное существованіе которой Пруссія не желаетъ допустить никакимъ образомъ. Кромѣ того, Пруссія требуетъ отъ Саксоніи другихъ гарантій, а именно: передачи въ распоряженіе Пруссіи укрѣпленныхъ позицій, находящихся при переходахъ черезъ Эльбу, а также права содержать свои гарнизоны въ Саксоніи, и принесенія саксонской арміей военной присяги прусскому королю: Такимъ образомъ, хотя Саксонія и сохраняетъ политическую самостоятельность, но самостоятельность эта будетъ слишкомъ обусловлена военнымъ господствомъ Пруссіи въ Саксоніи. Саксонія должна, однако, понять безуспѣшность сопротивленія прусскимъ требованіямъ, и она уже склоняется къ тому, чтобъ дозволить пруссакамъ оставаться навсегда, въ видѣ гарнизона, въ Лейпцигѣ и Бауценѣ; она готова признать короля прусскаго верховнымъ предводителемъ саксонской арміи, съ тѣмъ однако условіемъ, что военная присяга будетъ принесена ему не ранѣе, какъ послѣ организаціи Сѣверо-Германскаго Союза.

Взвѣсивъ всѣ результаты прекратившейся теперь войны, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: единство Германіи осуществилось только на половину, и притомъ не посредствомъ добровольнаго присоединенія къ Пруссіи значительной части германской территоріи, но посредствомъ завоевательнаго права. Образованіе Сѣвернаго Германскаго Союза нельзя считать фактомъ, создавшимся изъ національныхъ стремленій нѣмцевъ. Объ

единствѣ Германіи нѣмецкіе патриоты имѣютъ другое понятіе. Притомъ въ образуемомъ Прусією Сѣверномъ Германскомъ Союзѣ является какое-то особаго рода двоевластіе, напоминающее феодальную эпоху. Государни, сохранившіе свои верховныя права, но лишившіеся права дипломатическаго представительства и оставившіе свои военныя силы въ распоряженіе прусскаго короля, будутъ собственно вассалами прусской короны. Правда, что упомянутыя права въ практическомъ ихъ примѣненіи были бесполезны для мелкихъ германскихъ государей, а военныя силы ихъ слишкомъ ничтожны для того, чтобы какой нибудь Рейсъ, Вальдекъ и Лихтенштейнъ, да и другіи, болѣе значительныя государства могли имѣть самостоятельный вѣсъ. Въ сущности мелкие нѣмецкіе владѣтели всегда находились въ зависимости или отъ Прусіи или отъ Австріи, но разница между прежнимъ и настоящимъ ихъ положеніемъ заключается въ томъ, что такая зависимость устанавливается теперь въ опредѣленной формѣ, и притомъ исключительно въ интересахъ Прусіи. Короче сказать, Сѣверная Германія получаетъ новую организацію въ отношеніи дѣлъ военныхъ и дипломатическихъ. Такая организація, какъ мы полагаемъ, должна будетъ отозваться и на внутреннемъ строѣ тѣхъ государствъ, которыя войдутъ въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза и вслѣдствіе этого подчинятся Прусіи. Безъ всякаго сомнѣнія, подданные правительствъ, присоединившихся къ Прусіи, будутъ смотрѣть на короля прусскаго, какъ на главу всего союза, и въ случаѣ раздоровъ между палатами и правительствами стануть обращаться къ нему, какъ къ верховному судѣ. То же самое будетъ со стороны правительствъ, если они сами не будутъ въ состояніи подавить сопротивленіе подданныхъ. Такой ходъ дѣлъ дастъ поводъ Прусіи вмѣшиваться во внутренніе распорядки союзныхъ государствъ и еще болѣе усилитъ ея вліяніе на союзныя государства. Къ подобному образу дѣйствій Прусія еще и прежде выказала наклонность, требуя отъ франкфуртскаго и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ правительствъ, чтобы они запретили на своихъ территорияхъ собраніе депутатовъ, неприязненныхъ прусскому правительству.

Вообще Прусія, въ отношеніи государственнаго быта Сѣверной Германіи, принимаетъ на себя весьма важную роль, такъ что отъ ея болѣе или менѣе либеральной политики будетъ зависѣть упрочить ея непосредственное вліяніе на населеніе государствъ, входящихъ въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза. Дальнѣйшее сліяніе Прусіи съ Германіей будетъ весьма много зависѣть оттого, въ какой мѣрѣ берлинскій кабинетъ станетъ поддерживать представительныя учрежденія въ союзныхъ государствахъ или, наоборотъ, подавлять ихъ, усиливая значеніе правительства. Внутреннее недовольство и теперь въ достаточной степени способствуетъ утвержденію прусскаго господства въ присоединяемыхъ къ Прусіи Курфюршества Гессенскомъ и Королевствѣ Ганноверскомъ. Въ обоихъ этихъ государствахъ жители не

имѣли причинъ чувствовать привязанность къ своимъ правитель-ствамъ. Въ Кургессенѣ постоянно шла болѣе или менѣе ожесточенная борьба между представителями страны и курфюрстомъ, и положительно можно сказать, что кургессенцы будутъ довольны присоединеніемъ ихъ къ Пруссіи, если только прусское правительство не станетъ дѣйствовать такъ круто, какъ дѣйствовало ихъ преж-нее самостоятельное правительство.

Почти то же самое можно замѣтить и о королевствѣ ГанOVER-скомъ, гдѣ въ недавнее время король Георгъ V самовольно пзмѣ-нили конституцію, ослабилъ контроль палаты надъ государствен-ными финансами и отмѣнили самостоятельность общинныхъ управ-леній. Вслѣдствіе всего этого, ганOVERское правительство не пользовалось народной симпатіей, а потому и переходъ ГанOVER-скаго Королевства подъ власть Пруссіи не можетъ возбуждать особенной печали въ мѣстныхъ жителяхъ. Вопросъ о дальнѣй-шемъ развитіи прусскаго господства надъ Германіей съ цѣлью достигнуть ея политическаго объединенія, долженъ заключаться въ той системѣ, какую приметъ прусское правительство въ отно-шеніи ко вновь присоединяемымъ къ нему территориямъ. Если нѣмцы убѣдятся, что подъ защитою Пруссіи жить нисколько не хуже, и даже лучше, нежели подъ самостоятельными правительства-ми мелкихъ князей и герцоговъ, то Пруссіи для осуществленія ея присоединительныхъ плановъ не встрѣтится особыхъ препятствій. Тогда Пруссіи придется имѣть дѣло не съ народами, а съ господ-ствующими надъ ними династіями, за права которыхъ не можетъ быть теперь въ Европѣ серьезныхъ столкновеній, такъ-какъ вре-мя династическихъ войнъ миновало. Графъ Бисмаркъ, трудящійся во славу гогенцоллернскаго дома, заявляетъ, что нѣтъ надобности оказывать соболѣзнованія къ германскимъ династіямъ, непріязнен-нымъ Пруссіи. Самъ король Вильгельмъ IV выразилъ мысль, что необходимо жертвовать правами династій тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благѣ цѣлой Германіи.

Смотря съ этой точки зрѣнія на возможность еще бдльшаго усиленія Пруссіи, а также на положеніе ея въ Германіи, нужно обратиться къ тому, какой политикѣ держится графъ Бисмаркъ въ отношеніи конституціонныхъ правъ Пруссіи, и въ какой сте-пени непокорная прежде передъ Бисмаркомъ палата прусскихъ депутатовъ сближается теперь съ правительствомъ.

Тронная рѣчь короля Вильгельма при открытіи прусскаго сейма, заключала въ себѣ призывъ къ примиренію между правитель-ствомъ и представителями страны. Но само собою разумѣется, что между словомъ и дѣломъ существуетъ большая разница. Личный характеръ короля Вильгельма, его сочувствіе къ военно-феодалной партіи и его взглядъ на тѣ событія, которыя должны были подготовить единство и политическую свободу Германіи по-

плану тамошнихъ патриотовъ, не ручаются за коренной переворотъ во внутренней политикѣ прусскаго правительства. Оно и палата депутатовъ—этотъ живой органъ цѣлой страны—примиряются теперь между собою только въ силу обстоятельствъ, такъ обаятельно подѣйствовавшихъ на патриотизмъ прусскаго народа. На искренность и прочность такого примиренія слишкомъ много полагаться нельзя. Притомъ, и самъ король, заявивъ въ своей тронной рѣчи, что правительство уклонялось отъ конституціи, въ своемъ отвѣтѣ на рѣчь депутации, представившей ему адресъ палаты депутатовъ, высказалъ, что правительство, въ случаѣ необходимости, обратится и впредь къ прежнему образу дѣйствій, то-есть будетъ поступать, не соображаясь съ конституціонными правами Пруссіи.

Нетрудно предвидѣть, что когда пройдетъ пора первыхъ увлеченій подъ вліяніемъ побѣдъ, одержанныхъ Пруссіей, и когда снова явятся практическіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненные государственные вопросы, то королевскому правительству представится немало поводовъ къ новымъ столкновеніямъ съ палатою депутатовъ. Не вправдѣ ли будетъ въ послѣдствіи самъ графъ Бисмаркъ, или другой государственный человѣкъ, завимающій въ Пруссіи его мѣсто, сослаться на настоящій исходъ борьбы палаты съ правительствомъ, утверждая, что палата не понимала снова великихъ и патриотическихъ цѣлей правительства, точно такъ же какъ она не понимала ихъ въ то время, когда отвергала предложенія графа Бисмарка, влотившіяся къ тому, чтобы возвеличить и усилить Пруссію и положить основу единства Германіи? Обстоятельства снова могутъ сложиться такимъ образомъ, что правительство, продолжая распорядиться государственными финансами, безъ закона о государственномъ бюджетѣ, станетъ заявлять, что хотя оно и дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ не по конституціонному праву, но что тѣмъ не менѣе оно основываетъ подобное полномочіе на своей обязанности и отвѣтственности поддерживать достоинство государства. Вообще въ нынѣшней уступкѣ палаты депутатовъ нельзя видѣть прочной основы для соглашенія ея съ правительствомъ. По всей вѣроятности, настоящая сессія прусскаго парламента окончится весьма миролюбиво и заключится взаимными увѣреніями: съ одной стороны—въ мудрости правительства, а съ другой—въ преданности ему представителей страны, но это не будетъ служить доказательствомъ тому, что уже исчезли всѣ элементы прежняго раздора.

Депутатъ Якоби въ рѣчи своей старался поставить общественное мнѣніе въ Пруссіи на ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на блестящіе успѣхи прусскаго оружія, создающіе единство Германіи не свободою, но порабоженіемъ германцевъ. Партія прогрессивовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея членовъ, не отступила окончательно отъ своихъ прежнихъ стремленій: она крѣпко держится за прошедшее, напоминая о томъ, что правительство шло наперекоръ конституціоннымъ правамъ

народа; она не обращает вниманія на то, что положеніе правительства со времени послѣдней парламентской сессіи значительно измѣнилось въ его пользу, и готова вести съ нимъ борьбу, какую вела прежде. Правда, что партію эту въ настоящее время подавляетъ большинство, но во всякомъ случаѣ партія эта не отказалась отъ своихъ стремленій, и какъ бы она ни была безсилна теперь, все же нельзя предполагать, чтобы дѣятельность ея осталась безъ всякихъ послѣдствій, особенно если прогрессивная партія будетъ возбуждать вопросы о національномъ германскомъ парламентѣ, и поддерживать ихъ въ благопріятномъ для нея смыслѣ.

Проекты адресовъ этой партіи были разнообразны, относительно формы выраженія сочувствія къ правительству и къ королю. Однако, общій ихъ смыслъ заключался въ томъ, что государственнымъ расходамъ послѣднихъ лѣтъ недостаетъ законной основы, которую имъ можетъ доставить только соблюденіе 29-й статьи конституціи; что отъ разногласія между правительствомъ и представителями страны пострадали отправление правосудія и вся внутренняя администрація; что распространеніе Пруссіи должно зависть отнынѣ не отъ династическихъ соображеній, а отъ интересовъ народа; что соединеніе Германіи должно прежде всего поддерживать гарантіями въ томъ, что подъ властію прусскаго короля конституціонныя права прусскаго народа будутъ неизмѣнно упрочены. Вообще отъ партіи прогрессивистовъ слышались тѣ же самыя требованія, какія слышались отъ нея и до оконченной нынѣ войны, съ тою, впрочемъ, разницею, что представители этой партіи, какъ пруссаки, восхваляли съ большимъ или меньшимъ враспорѣчиемъ блестящія побѣды родного орудія.

Партія прогрессивистовъ воспользовалась даже этими успѣхами для заявленій въ особомъ смыслѣ. Такъ въ одномъ изъ проектовъ адреса было сказано: «подобно тому, какъ въ періодъ съ 1808 по 1815 годъ, защита страны противъ чужеземнаго владычества и обновленіе внутренней политической жизни шли рядомъ, подобно тому, какъ тогда призывъ всѣхъ національныхъ силъ и новое устройство государственной жизни, и утвержденіе народныхъ правъ шли рядомъ, благодаря совѣтамъ людей, отставившихъ основу народнаго представительства, правосудіе и усиленіе вѣшняго могущества — мы желаемъ, чтобъ и вашему величеству суждено было содѣлаться въ томъ же смыслѣ, и въ болѣе широкихъ предѣлахъ создателемъ германскаго возрожденія. Съ этими надеждами мы ожидаемъ созваніе германскаго народнаго представительства».

Проектъ адреса, принятый палатою депутатовъ, выразилъ весьма замѣтно стремленіе партіи прогрессивистовъ. Палата въ своемъ адресѣ, воздавъ хвалу прусской арміи и королю, какъ верховному ея вождю, а также выразивъ надежду, что вслѣдствіе расторженія прежняго Германскаго Союза и выхода изъ него Австріи, можетъ развиться политически-объединенная Германія подъ главенствомъ Пруссіи, переходить къ тѣмъ послѣд-

ствіямъ, какими должны сопровождаться эти факты. Безъ обезпеченія и развитія конституціонныхъ правъ — сказано въ адресѣ — Пруссія нельзя разсчитывать на покореніе въ Германіи умовъ и сердець, которое одно сообщаетъ власти прочность и долговременность. Ссылаясь на слова короля о сплѣ бюджетнаго закона, адресъ выводитъ изъ нихъ необходимость утвержденія обѣими палатами прусскаго сейма самовластныхъ финансовыхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ прежнее время, и выражаетъ надежду, что впредь всякое столкновеніе будетъ предотвращено своевременнымъ утвержденіемъ бюджетнаго закона до начала финансового года, и что, если придется пожертвовать какими-нибудь правами прусскаго народа и сейма въ пользу будущаго германскаго парламента, то этому парламенту будетъ обезпечено полное пользованіе этими правами. Такимъ образомъ, адресъ палаты депутатовъ въ настоящую сесію выдвигаетъ на первый планъ конституціонныя права Пруссіи, обставляя только эти права формулами преданности и увѣренности въ благонамѣренность правительства.

Весьма важнымъ законодательнымъ актомъ должно считать поступившій на разсмотрѣніе палаты депутатовъ и одобренный ею проектъ избирательнаго закона для сейма Сѣверо-Германскаго Союза. Хотя обыкновенно и говорятъ теперь, что Пруссія готовится созвать національный германскій парламентъ, но въ сущности созываемый ею парламентъ не можетъ имѣть такого обширнаго значенія, потому что отъ участія въ этомъ парламентѣ исключаются представители государствъ Южной Германіи. Изъ общаго числа 45.013,034 душъ, составляющихъ населеніе всей Германіи, 29.216,591 душа придется на долю Сѣверо-Германскаго Союза, такъ что союзъ этотъ будетъ гораздо сильнѣе Южнаго. Хотя избирательный законъ примѣняется собственно въ Пруссіи, но не подлежитъ сомнѣнію, что Пруссія сдѣлаетъ его обязательнымъ для всѣхъ государствъ Сѣверо-Германскаго Союза. Упомянутый законъ основанъ на самыхъ широкихъ правахъ выборнаго начала, такъ-какъ для того, чтобы быть избирателемъ, не требуется никакого ни имущественнаго, ни умственного ценса. То же самое примѣняется и въ праву быть избраннымъ въ депутаты. Законъ указываетъ только на тѣ обстоятельства, которыя могутъ препятствовать каждому пруссаку, достигнувшему двадцати-пятилѣтняго возраста, попасть въ избиратели и въ избираемые. Такъ, въ обобщенныхъ случаяхъ устраняются: 1) лица, состоящіе подъ опекою или попечительствомъ; 2) лица, надъ имуществомъ которыхъ учрежденъ конкурсъ или которыя признаны несостоятельными; 3) лица, получающія или получившія въ послѣдній годъ, предшествовавшій выбору, пособіе изъ общинныхъ средствъ. Списки избирателей и избираемыхъ не подлежатъ никакому контролю со стороны правительства. Выборы совершаются прямо, на основаніи безусловнаго большинства всѣхъ подданныхъ въ избирательномъ округѣ голосовъ, при равенствѣ же голосовъ дѣло рѣ-

шается жребіемъ. На 100,000 душъ населенія, по послѣдней переписи, слѣдуетъ выбрать одного депутата. Излишекъ по крайней-мѣрѣ въ 50,000 душъ изъ всего населенія, считается полнымъ числомъ 100,000 душъ.

Такимъ образомъ, въ Пруссіи избирательный законъ представляетъ въ сущности право всеобщей подачи голосовъ. Законъ этотъ вызывается отчасти силою самихъ обстоятельствъ, такъ-какъ онъ примѣняется въ той идеи, которая стала осуществляться при бывшемъ въ Германіи революціонномъ разгромѣ въ 1848 и 1849 годахъ, и которую потомъ такъ усердно поддерживали нѣмецкіе либералы. Съ идеею національнаго германскаго парламента соединяется мысль о широкомъ правѣ народнаго участія въ обще-германскихъ дѣлахъ, и теперь прусское правительство, стараясь призвать къ жизни эту идею, приготавливаетъ къ ней и ту обстановку, при которой она можетъ показаться въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Здѣсь выражается своего рода состязаніе въ либерализмѣ съ другими европейскими государствами, ограничивающими разными условіями избирательныя права. Безъ всякаго сомнѣнія, прусское правительство, предлагая подобный законъ, надѣется склонить въ свою пользу нѣмецкихъ либераловъ. Только едва-ли можетъ быть твердая вѣра въ искренность такого образа дѣйствій. Между тѣмъ для Пруссіи будетъ чрезвычайно пріятно, если другія германскія государства примутъ у себя этотъ законъ. Особый при этомъ вопросъ можетъ состоять только на счетъ числа депутатовъ сообразно съ населеніемъ разныхъ частей союза, такъ-какъ при условіи выбора одного депутата на 100,000 жителей, большая часть государствъ Сѣверо-Германскаго Союза должна будетъ ограничиться однимъ представителемъ, такъ что прусскіе депутаты будутъ безусловно господствовать въ національномъ германскомъ парламентѣ.

Въ отношеніи вновь присоединяемыхъ земель, прусское правительство дѣйствуетъ рѣшительно. Въ проектѣ закона объ этомъ предметѣ, предполагалось утвердить за королемъ приобрѣтеніе новыхъ земель и вступленіе во владѣніе ими согласно 55 статьи прусской конституціи. Параграфъ этотъ допускалъ бы означенныя земли пользоваться нѣкотораго рода автономіею, или по крайней-мѣрѣ позволялъ имъ надѣяться на возможность обезпеченія за ними нѣкоторой политической независимости. Въ настоящее время этотъ проектъ закона измѣненъ, такъ-какъ графъ Бисмаркъ объявилъ палатѣ депутатовъ, что прусское правительство присоединяется къ предложенію, формулированному нѣкоторыми членами палатской комисіи о томъ, что полное присоединеніе новыхъ земель къ составу прусскихъ владѣній должно послѣдовать немедленно. Вслѣдствіе этого, Ганноверъ, Гессен Кассель, Нассау и Франкфуртъ войдутъ безотлагательно въ составъ прусской монархіи. Вместе съ этимъ, графъ Бисмаркъ требуетъ предоставленія королю во вновь прибрѣтенныхъ земляхъ неограниченной власти, которая должна быть сохранена за короною до

введенія въ упомянутыхъ земляхъ прусской конституціи, такъ-какъ неограниченная власть короля, по мнѣнію правительства, необходима для скорѣйшаго осуществленія государственнаго единства.

Такимъ образомъ, тотчасъ же послѣ примирительнаго шага, сдѣланнаго королемъ и палатою депутатовъ, начинаютъ высказываться со стороны прусскаго правительства притязанія на власть, выходящую изъ предѣловъ конституціи, а также является попытка нарушить одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ конституціи. Въ виду этого нельзя не предполагать, чтобы снова не возникло разномысліе между правительствомъ и представителями страны и чтобы это разномысліе не перешло впоследствии въ борьбу, подобную той, которая велась еще такъ недавно.

Вопросъ о томъ, будетъ ли продолжать Италія войну съ Австріей — долженъ, суда по всѣмъ признакамъ и по внутреннему положенію какъ той, такъ и другой державы, разрѣшиться отрицательно. Едва-ли можно сомнѣваться, что начавшіеся теперь въ Вѣнѣ переговоры о мирѣ между Австріей и Италіей не приведутъ дѣло къ благополучному исходу. Продолженіе войны не представляетъ для Италіи никакихъ новыхъ выгодъ, такъ-какъ взаимныя предварительныя соглашенія успѣли уже довести дѣло до того, что Итальянское Королевство и безъ вооруженной борьбы достигнетъ всего того, къ чему оно стремилось при началѣ войны. Территоріальныя требованія Италіи должны быть тѣмъ болѣе умѣренны, что ходъ военныхъ событій не даетъ ей права увеличивать ихъ, такъ-какъ во время послѣдней кампаніи не было такой рѣшительной битвы, которая доставила бы Италіи какія либо завоеванія. Если генераль Чіальдини и прорывъ далѣе той линіи, которая, по мнѣнію Австріи, должна сдѣлаться пограничною чертою между ею и Италією, то это произошло единственно вслѣдствіе успѣховъ прусскаго оружія въ Богеміи и Моравіи.

Притомъ, финансовыя средства Италіи находятся въ такомъ положеніи, что въ виду ихъ недостаточности, благоразуміе требуетъ сойтись съ Австріей, не отваживаясь на новую борьбу съ нею только для поддержанія военной чести Италіи. Италія не въ состояніи принести теперь новыя жертвы. Тѣмъ болѣе, что эти жертвы, послѣ уступки Венеціанской Области, никакъ не могутъ вознаградиться тѣми территоріальными приобрѣтеніями, на которыя Италія можетъ имѣть притязанія.

Вопросъ объ отношеніяхъ между Италіей и Австріей долженъ имѣть важное значеніе для обоихъ государствъ. Какъ для Австріи, такъ и для Италіи необходимъ сколь возможно болѣе продолжительный миръ. Австрійскому правительству предстоитъ бороться съ внутренними волненіями и съ различными національными стремленіями. Въ Австріи немало найдется революціонныхъ

элементовъ, для которыхъ поддержкою могутъ служить непріязненныя къ ней отношенія Италіи. При такихъ условіяхъ, видимо, для Италіи встрѣчается нѣкоторое удобство къ войнѣ съ Австріей; въ сущности, однако, положеніе Италіи вообще, и въ особенности послѣ неудачной войны, немногимъ лучше положенія Австріи. Только продолжительный миръ, отсутствіе, или, по крайней-мѣрѣ, весьма значительное сокращеніе военныхъ расходовъ и сосредоточеніе всей энергіи націи на развитіи экономическихъ силъ могутъ придать Италіи ту твердость и тѣ матеріальныя и нравственные средства, какія бываютъ необходимы для борьбы хотя и съ ослабленнымъ, но все же еще грознымъ врагомъ. Силы Австріи, несмотря на нанесенныя ей пруссаками пораженія, не парализованы еще до такой степени, чтобы онѣ не могли противостоятъ силамъ одной Италіи, если только послѣдняя не найдетъ для себя такихъ могущественныхъ союзниковъ, каковыми были: въ 1859 году Франція, и въ 1866 году Прусія.

Австрію, какъ мы сейчасъ замѣтили, обезсиливаютъ внутреннія волненія, но и Италія испытываетъ внутреннія несогласія, которыя теперь усиллись еще болѣе вслѣдствіе неудачъ, испытанныхъ итальянскою арміею. Итальянцы, за исключеніемъ крайней партіи, не жалуютъ о томъ, что война съ Австріей кончилась, тѣмъ болѣе, что теперь, послѣ уступки Венеціи, достигнуты тѣ результаты, къ которымъ стремились умѣренные итальянскіе патриоты. Въ Италіи слышится другой, едва-ли не болѣе опасный ропотъ, нежели то неудовольствіе, которое заявляется противъ миролюбивыхъ соглашеній съ Австріей. Опасность этого ропота заключается въ томъ, что онъ, прямо и исключительно, направленъ противъ правительства. Нынешняя война далеко не увеличила энтузіазма итальянцевъ къ королю Виктору-Эмануилу; она оставила за нимъ только репутацію храбраго солдата, но за то доказала, что онъ не созданъ ни полководцемъ, ни государственнымъ человѣкомъ. Паденіе Ламармори не можетъ не отозваться на борьбѣ политическихъ партій въ Италіи, и не запутать еще болѣе ихъ взаимныхъ отношеній. Партія Ламармори выставила его какъ человѣка, необходимаго для организаціи военныхъ силъ Италіи и для удачнаго распоряженія ими; опытъ однако убѣдилъ въ противномъ, а между тѣмъ, партія Ламармори была на столько сильна, что ея представитель оставался первымъ министромъ, несмотря на явное нерасположеніе къ нему лѣвой стороны палаты. Теперь, партія Ламармори должна уступить своимъ противникамъ, которые не принадлежатъ къ партіи умѣренныхъ либераловъ. Вообще, можно предвидѣть въ Италіи сильную парламентскую борьбу, тѣмъ болѣе, что въ составъ итальянскаго парламента войдутъ депутаты изъ Венеціи, а статья можетъ, и изъ Рима.

Въ виду внутренняго положенія Италіи, единство которой еще не окрѣпло, итальянскому правительству приходится пожертвовать національнымъ честолюбіемъ и воспользоваться тѣми результа-

тами, которые доставила Италіи неудачная для нея война. Рассчитывать Италіи на прежній ходъ дѣла не совсѣмъ основательно. Въ Берлинѣ могутъ считать — и отчасти справедливо — что Прусія сдѣлала для Италіи болѣе, нежели Италія для Прусіи и, слѣдовательно, въ случаѣ новыхъ столыновеній Италіи съ Австріей, Прусія сочтетъ излишнимъ идти на помощь своей недавней союзницѣ. Прусія покончила свои счеты съ Австрією такъ, что въ будущемъ для нея гораздо удобнѣе не скватываться вновь съ австрійцами. Франція же, видя, что Италія нашла себѣ другую союзницу, не сочтетъ умѣстнымъ оказывать свое покровительство Италіи, еслибы между ею и Австрією началась новая борьба. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что какія бы ни встрѣтились затрудненія при мирныхъ переговорахъ между вѣнскимъ и флорентинскимъ кабинетами, для вѣждаго изъ нихъ болѣе выгодно склониться на миръ, который собственно уже рѣшенъ въ главныхъ основаніяхъ, и который долженъ будетъ существовать въ внутреннему благосостоянію обѣихъ державъ.

Пораженіе австрійцевъ подъ Кѣнигсгрецомъ отозвалось и на римскомъ вопросѣ, который, впрочемъ, независимо отъ этого, приближается къ своей развязкѣ, вслѣдствіе наступленія того срока, когда должна быть приведена въ исполненіе сентябрьская конвенція. Съ обезсиленіемъ Австріи, для Франціи не представляется уже такой необходимости удерживать свое вліяніе на Римъ, какаа представлялась прежде. Неудачи Австріи и окончательная потеря ею господства въ Италіи положила конецъ всякому вмѣшательству австрійскаго императора въ политическія дѣла Рима. Австріи, какъ католической державѣ, остается покровительствовать папѣ только какъ верховному первосвященнику римской церкви, а не какъ свѣтскому государю. Притомъ, и сентябрьская конвенція, заключенная не только безъ участія, но и безъ вѣдома Австріи, устраняетъ вѣнскаго кабинетъ отъ вліянія на рѣшеніе римскаго вопроса. Вопросъ этотъ окончательно долженъ рѣшиться только между Италією и Францією.

Повидимому, римская буря продолжаетъ еще рассчитывать на поддержку свѣтской власти со стороны Франціи или, по крайнемѣрѣ, на то, что благодаря покровительству тюльрійскаго кабинета, для Піа IX, и послѣ вывода изъ Рима французскихъ войскъ, представится возможность оставаться въ его столицѣ. Съ этою цѣлью римская буря, какъ сообщаютъ нѣкоторыя газеты, намѣрена предоставить императору Наполеону почетную власть надъ Римомъ, предложивъ ему титулъ римскаго патриція или титулъ великаго викарія папскаго престола. Хотя тотъ или другой титулъ будетъ въ сущности только пустымъ призракомъ, но все же онъ можетъ придать Франціи новыя притязанія на вмѣшательство въ римскія дѣла, и обязать ее поддерживать существованіе папскаго престола въ Римѣ.

Съ другой стороны, Піа IX начинаетъ сознавать переѣну, произведенную въ его положеніи послѣдними событіями. Римская

курія, повидимому, не прочь и отъ сближенія съ Королевствомъ Итальянскимъ и органъ Ватикана въ первый разъ, со времени заключенія виллафранкскаго мира, сталъ называть флорентинскій кабинетъ итальянскимъ правительствомъ, тогда какъ прежде онъ обыкновенно величалъ его скопищемъ похитителей. Но разрѣшеніе римскаго вопроса въ смыслѣ благопріятномъ для папы, зависить не только отъ вліянія на этотъ вопросъ со стороны тюльрійскаго и флорентинскаго кабинетовъ, но еще и отъ того, какъ отнесется самъ Римъ къ владычеству въ немъ папы, послѣ того, когда, съ уходомъ французовъ, онъ будетъ предоставленъ собственной волѣ. Для Рима служить предметомъ гордости то обстоятельство, что онъ центръ католическаго міра. Но гордость эта имѣла основаніе въ ту пору, когда власть римскаго первосвященника была широка и тверда. Теперь обстоятельства измѣнились. Папскій престолъ утратилъ свое прежнее величіе, а вмѣстѣ съ этимъ являются и другія побужденія къ тому, чтобы римляне предпочли отживающую славу папства возраждающемуся политическому могуществу Италіи. Воспоминаніе о древнемъ величіи Рима, дурная администрація, итальянская пропаганда — все это должно усиливать желаніе римлянъ видѣть родной ихъ городъ не столицей отжившаго свое время папства, но столицей Итальянскаго Королевства. Трудно предположить, чтобы послѣ оставленія Рима французами, тамъ продолжала господствовать римская курія. Небольшое революціонное движеніе можетъ произвести рѣшительный переворотъ въ судьбахъ вѣчнаго города, владѣтелемъ котораго сдѣлается король Италіи.

Время исполненія сентябрской конвенціи уже очень близко, и намъ, по всей вѣроятности, скоро придется остановиться на новомъ фазисѣ римскаго вопроса.

Политика тюльрійскаго кабинета весьма чувствительно подѣйствовала на судьбы Оттоманской Имперіи. Со времени парижскаго трактата 1856 года, Франція, продолжая, какъ и прежде, покровительствовать Турціи, постоянно способствовала къ усиленію политической автономіи въ турецкихъ провинціяхъ, и тѣмъ самымъ расшатывала еще болѣе составныя части Турецкой Имперіи. Трудно опредѣлить теперь, къ чему влилась такая политика императора Наполеона; можно только предполагать, что главная ея цѣль заключалась въ томъ, чтобы такъ-называемымъ восточнымъ вопросомъ, близкимъ, повидимому, къ его окончанію, держать въ постоянномъ напряженіи европейскіе кабинеты. Однимъ изъ самыхъ очевидныхъ послѣдствій такой политики было образованіе придунайскихъ княжествъ въ самостоятельное почти государство, подъ властію сперва князя Кузы, а потомъ принца Карла гогенцоллернскаго.

Вступленіе новаго господаря въ управленіе княжествамъ не по-

правило тамошнихъ дѣлъ. Принцъ Карлъ съ самаго начала сталъ исключительно на сторону той партіи, которая считается самой прогрессивной, но которую нельзя признать вполне благоразумной, если принять во вниманіе, что партія эта не соображается съ дѣйствительнымъ положеніемъ княжествъ и хочетъ править ихъ судьбами такъ, какъ будто при этомъ не встрѣчается никакихъ существенныхъ препятствій. При самомъ избраніи принца Карла проишшли въ провинціяхъ безпорядки, повторившіеся потомъ въ столицѣ, въ арміи и даже въ законодательномъ собраніи. Кромѣ того, правительство отправило на Дунай армію, подъ предлогомъ будто бы турки угрожаютъ княжествамъ. Все это произвело лихорадочное безпокойство въ княжествахъ и отозвалось на европейской политикѣ. Къ этому присоединились огромные, несообразные со средствами Румыніи расходы, между прочимъ и на отправку посольствъ за границу. Для покрытія расходовъ по военной части, послѣ отказа палаты утвердить проектъ закона о выпускѣ бумажныхъ денегъ, былъ изданъ господаремъ декретъ объ удовлетвореніи нуждъ арміи посредствомъ насильственной реквизиціи у жителей. Такой образъ дѣйствій со стороны новаго правительства не могъ расположить населенія княжествъ въ его пользу, такъ что вообще положеніе дѣлъ со времени принятія короны принцемъ Карломъ не измѣнилось къ лучшему.

Нельзя, впрочемъ, строго относиться къ подобному ходу дѣлъ. Условія, въ которыя поставлена Румынія, не могутъ благоприятствовать ея правильному, постепенному развитію. Тамашнему правительству приходится, для удовлетворенія стремленій румынской націи, преслѣдовать одновременно нѣсколько цѣлей, сходится со всѣми партіями и вмѣстѣ съ тѣмъ согласовать свой образъ дѣйствій съ требованіями покровительствующихъ Румыніи державъ, а также съ верховными правами Порты надъ княжествами. Избраніе въ господари иностраннаго принца не привело пока придунайскія княжества, вопреки общимъ ожиданіямъ, къ совершенной политической независимости отъ Турціи. Такая независимость подготавливается, впрочемъ, все болѣе и болѣе слабостью Турецкой Имперіи, постояннымъ соединеніемъ Молдавіи и Валахіи подъ властію одного правителя, и признаніемъ наслѣдственной власти новаго господара. Кромѣ того, новое румынское правительство, помимо покровительствующихъ придунайскимъ княжествамъ державъ, отыскиваетъ себѣ союзниковъ и въ предѣлахъ оттоманскихъ владѣній. Съ этою цѣлью оно старается заключить союзъ съ Сербіей, Греціей и Черногоріей и, судя по доходящимъ изъ Бухареста свѣдѣніямъ, такіа старанія не остаются безъ успѣха. Начавшееся движеніе грековъ на островѣ Кандіи, принятое сочувственно въ Аѳинахъ и другихъ мѣстахъ Королевства Греческаго, а также требованія, предъявленныя Портѣ черногорскимъ княземъ, наводятъ на мысль о томъ, что въ вассальныхъ земляхъ Порты готовятся къ важнымъ переворотамъ. Поли-

тическіе агенты Франціи, Италіи и Прусіи, проживающіе въ Бухарестѣ, весьма замѣтно поощряютъ смѣлыя планы принца Карла.

Пребываніе въ Бухарестѣ генерала Тюра не лишено нѣкотораго значенія. Послѣ нѣсколькихъ тайныхъ совѣщаній съ консульскимъ агентомъ Прусіи и вождями національной румынской партіи, венгерскій агитаторъ уѣхалъ въ Бѣлградъ. Во всѣхъ замыслахъ новаго господара проглядываетъ особенное вліяніе Прусіи, которая нашла теперь возможность противопоставить на Дунаѣ вліяніе берлинскаго кабинета вліянію тюльрійскаго. Вообще, можно сказать, что если распри между Австріей и Прусіей положенъ конецъ, и если притязанія Франціи на прирейнскія области останутся безъ послѣдствій, то все же для первенствующихъ европейскіхъ кабинетовъ представляются поводы къ новымъ столкновеніямъ вслѣдствіе положенія Оттоманской Имперіи и тѣхъ событій, которыя готовятся на Дунаѣ.

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Театральный сезонъ для русской сцены начался въ Петербургѣ, по обыкновенію, тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ успенскаго поста. 16-го августа на Александринскомъ театрѣ было дано первое представленіе, о которомъ мы черезъ нѣсколько строкъ дадимъ короткій отчетъ нашимъ читателямъ.

Открытію русскихъ театровъ на нынѣшній разъ въ Петербургѣ предшествовали нѣкоторые небезынтересные толки: говорили, напримѣръ, что дирекція театровъ наконецъ сама убѣдилась въ печальнѣйшемъ состояніи русской сцены—состояніи, вполне несоотвѣтствующемъ ни потребностямъ вкуса, ни величію русской столицы, и, убѣдившись въ этомъ, рѣшилась будто бы обратить вниманіе и на несчастнѣйшій драматическій репертуаръ и на болѣе еще несчастную драматическую труппу.

Толкуя о репертуарѣ, здѣсь надѣялись, что дирекція проведетъ на русскую сцену *Смерть Ивана Грознаго*, *Псковитянку* и пушкинскаго *Бориса Годунова*. Эти надежды высказывались устно, высказывались и печатно: петербургскія газеты писали, что названные три пьесы вѣроятно непременно пройдутъ на сцену; но потомъ эти же самыя газеты на дняхъ извѣстили, что надежды эти тщетны, что ни одна изъ этихъ пьесъ представлена не будетъ: *Смерть Грознаго* и *Псковитянка*, по словамъ газетъ, «встрѣтили большія препятствія къ постановкѣ ихъ на сцену, а что касается до *Бориса Годунова*, то онъ рѣшительно играть не будетъ».

Этимъ пока ограничиваются наши новости и наши радости от-

носителю вниманія, вызваннаго у с.-петербургской театраль-ной дирекціи репертуарною частью.

О персонажѣ говорили, что въ подмогу единственной у насъ русской актрисѣ, госпожѣ Лянской, приглашена очень даровитая актриса откуда-то изъ провинціи. Объ этой актрисѣ даже спорили: одни называли ее высокодаровитою; другіе не признавали въ ней вовсе никакихъ дарованій. Мы видѣли эту актрису всего одинъ разъ на Александринскомъ театрѣ: она дебютировала, и дебютировала довольно счастливо въ «Ночномъ», но по одной этой пьесѣ мы судить о ней такъ рѣшительно не можемъ. Одно, что было въ ней замѣтно — это ея смѣлость и пренебреженіе къ театральной рутинѣ: она вышла одѣтою покрестьянски, обулась въ лапти, говорила народнымъ языкомъ; но причислить ее за это къ артисткамъ-художницамъ не за что, точно такъ же какъ нѣтъ, кажется, основаній и обозвать ее бездарностью, особенно на нашемъ безлюдьи; ставить же ее рядомъ съ Лянской — все-таки легкомысленно. Разумѣется, видя, какъ наши актрисы пренебрегаютъ костюмировкою въ народныхъ роляхъ, остановившись и на томъ, что женщина сзади башмачки и надѣла лапотки, и вышла настоящей крестьянкой, а не пейзажкой, но это еще нетолько не все, что требуется, но и далеко не все, что даетъ право ожидать чего нибудь замѣчательнаго. И г. Малышевъ иногда очень удачно гримируется, а г. Пронскій одѣвается въ роляхъ свѣтскихъ людей такъ безукоризненно, что портной Шармеръ ужъ ничего къ нему не можетъ прибавить, или убавить отъ него; но все-таки надѣмся, ни того, ни другого изъ нихъ, никто, кромѣ театральныхъ сторожей, да театральной дирекціи, актѣрами не считаетъ. Намъ случилось видѣть за границею *Сонамбулу*, при исполненіи которой пѣвица, игравшая лунатичку, вышла босая, въ рубашкѣ, въ тиковой юбочкѣ. Эта костюмпроба необыкновенно шла къ роли и была отмѣчена восторгомъ зрителей, но слабую пѣвицу, несмотря на ея оригинально смѣлый костюмъ, все-таки никто не подумалъ сравнивать съ Бозіо, или съ другими извѣстными пѣвицами, являющимися въ этомъ мѣстѣ *Сонамбулы* въ роскошныхъ, вовсе ненужныхъ къ роли пеньюарахъ.

По нашему мнѣнію, можно сказать одно, что провинціальная русская актриса, дебютировавшая здѣсь на Александринскомъ театрѣ въ *Ночномъ*, очень напоминаетъ нашихъ бельетристовъ-фотографовъ: ничего художественнаго, ничего творящаго, но передающее вѣрно всѣ мелочи и очень скоро наскакующее.

Однако, и эта знаменитость во время лѣтняго затишья исчезла и, говорятъ, не появится на петербургской сценѣ, предпочтя условіямъ, которыя предложила ей здѣшняя дирекція, условія какого-то частнаго антрепренера... Оно и прекрасно! Можетъ быть, она объ этомъ и не пожалѣетъ, но и мы тоже на этотъ разъ побережемъ свои сожалѣнія. Кто ее знаетъ, что она еще такое въ самомъ дѣлѣ. Провинція необыкновенно щедра на похвалы — Петербургъ необыкновенно скупокъ на нихъ. Провинціи нельзя въ-

рить: провинція восхваляла до небесъ Зябкину, Дранше, Авенариусъ и даже Шмидгофъ, а не замѣчала Молотковской и Орловой. Недавно еще, въ кievскихъ газетахъ была серьезнымъ образомъ объявлена ни больше, ни меньше какъ *первою русской актрисой* многимъ извѣстная здѣсь плохая актриса г-жа Степанова; тамъ же нынче въ славѣ фарсеръ Никитинъ, и тамъ же была затерта и уничтожена несомнѣнно даровитая актриса, но не красавица Александра Иван. Стрѣлкова.

Итакъ вторая новость, новостя уже по частіи персонажа, заключается въ томъ, что надѣяться не на что. Къ открытію спектаклей на лицо оказались опять всѣ тѣ же милыя лица: изъ отпусковъ не возвратились лишь знаменитости: В. В. Самойловъ, да господинъ Бурдинъ, съ которымъ, выходитъ, опять еще на годочекъ можно поздравить несчастныхъ зрителей Александринскаго театра. Стало быть, есть же ктонибудь такой, кто видитъ въ этомъ человѣкѣ какія-нибудь дарованія!... *Tout est possible dans la nature!*

Первый спектакль послѣ временнаго отдохновенія Александринскаго театра все-таки однако носить на себѣ слѣды нѣкотораго вниманія дирекціи: кромѣ двухъ невозможной пошлости водевилей, въ составъ этого спектакля введена въ первый разъ новая комедія, если не ошибаемся, совершенно новаго драматическаго писателя, г-на Вильде «*Въ глуши*».

(«*Въ глуши*». *Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Г. К. Вильде, артиста императорскихъ московскихъ театровъ*).

Объ этой комедіи г. Вильде намъ довелось еще прошлую зиму слышать нѣкоторый отзывъ отъ одного лица, близкаго къ московскому артистическому міру. Говорилось, что пьеса очень свѣжа по мысли, жива по сюжету и необыкновенно ловка для сцены—отзывъ довольно сильно подкупающій, для того, чтобы утерпѣть не пойти и не посмотрѣть, что такое дѣлается теперь у насъ «*Въ глуши*». Мы такъ и пошли въ томъ настроеніи, что будемъ смотрѣть современную картину захолустной жизни, выступающія на планъ комическія стороны этой жизни, и образцы характеровъ, вновь выработанныхъ этою жизнью.

Мы однако очень печально ошиблись: ничего этого въ «*Глуши*» г. Вильде нѣтъ. Это, дѣйствительно, все происходитъ въ глуши, и въ наше время, но что все это такое? на что это писано? и даже съ кого это писано?—объ этомъ, смѣло можно ручаться, и самъ авторъ ничего рѣшительно не знаетъ. «*Въ глуши*»—комедія тенденціозная, но этой тенденціи не вышло: она не танцовалась, распаталась, сама себѣ наступила ногою на ногу и вышла по пословицѣ: «ни Богу свѣча, ни чорту ѡжегъ».

Разскажемъ эту кучерявую комедію, которая шлепнулась при первомъ же представленіи, и наматъ которой погибнетъ безъ слѣда.

Въ гостиной богатаго помѣщичьяго дома (богатство котораго на Александринскомъ театрѣ выразилось только прекраснымъ туалетомъ помѣщицы (г-жи Линской)—туалетомъ, составлявшимъ страш-

ную несообразность съ гривенниковыми зелеными обоями комнаты)—сидитъ на диванѣ Софья Михайловна Щелкодурова, «барышня зрѣлыхъ лѣтъ» (г-жа Снѣткова); она сидитъ съ книжкою въ рукахъ и мечтаетъ. Входитъ ея мать, Ганса Петровна Щелкодурова (г-жа Лянская), и учитъ ее, какъ она должна изловить себѣ въ мужа прѣхавшаго изъ Москвы молодого сосѣда Лабадина, реалиста, который все занимается практическими вопросами—деньги называетъ, и теперь для наживанія ихъ торгуетъ у Щелкодуровой лѣсъ, чтобы срубить его и куда-то сплавить. Щелкодурова же желаетъ, чтобы Лабадинъ женился на ея Софѣ, и безъ того ни за что не хочетъ продать ему лѣса. Деньги ей не нужны: у ней много денегъ. Мать съ дочерью поговорила, позвала горничную Машку, покричала на нее, и вышла. Дочь опять мечтаетъ и, разумѣется, очень глупо: все сѣтуетъ, что въ молодомъ поколѣннн нѣтъ чувствъ нѣжныхъ. — Вы чувствуете, что въ лицѣ этой Софьи авторъ стремится осмѣять сентиментальность и любовь къ чувствительному и стремится къ этому совершенно безцеремонно, шивая свою тенденцію самыми крупными швами, и нисколько не заботясь облечь ее въ мало-мальскія художественную форму. Сцены собственно во всѣхъ сентиментальностяхъ Софьи не выходитъ никакой; но Софья, по совѣту матери, рѣшается не брать болѣе Лабадина чувствительностью, а подойти его игривостью и веселостью, и когда подъ окномъ раздается звукъ подѣхавшаго экипажа, она поетъ цыганскую пѣсенку. Но вмѣсто Лабадина является другой сосѣдъ, Виляковъ (Павелъ Васильевъ), толстый, олившіій уродецъ, нисколько не медля просящій у Софьи водки, которой онъ тутъ же и напивается. Пока Виляковъ пьетъ, Софья рассказываетъ ему, что она выходитъ замужъ за Лабадина. Сцены опять ни малѣйшей. Является родственникъ Щелкодуровыхъ, отставной офицеръ Застежкинъ (г. Нильскій), фатъ дурного тона, рассказываетъ дѣвухѣ, какъ они пьянствовали вчера у судьи, какъ былъ пьянъ Виляковъ. Въ это время Виляковъ уснулъ. Застежкинъ надъ нимъ смѣется, и при появленіи входящей въ эту минуту Щелкодуровой, уводитъ Вилякова спать въ смежную комнату. Изъ устъ Щелкодуровой мы узнаемъ, что это самый обыкновенный поступокъ со стороны Вилякова, что онъ никогда трехъ минутъ не просидитъ, чтобы не напиться. Застежкину, послѣ того какъ онъ уложилъ Вилякова, мать Софьи довѣряетъ свою мысль выдать дочь за Лабадина, и проситъ его содѣйствовать этому. Застежкинъ берется за исполненіе возлагаемаго на него порученія, онъ обѣщается пугнуть Лабадина дуэлью, и рассказываетъ о какой-то своей старой дуэли, затѣянной по поводу того, что одинъ юнкеръ, или офицеръ, закурилъ у него «на щеку трубку» (!), но дуэль, онъ говоритъ, не состоялась, потому что пришли товарищи и сказали, что если они будутъ за такіе вздоры стрѣляться, то они ихъ обоихъ выпорютъ: выпили и помирились. Щелкодурова и Застежкинъ уходятъ въ садъ; Софья остается одна, является Ла-

бадинъ (г. Малышевъ). Этотъ Лабадинъ съ перваго же шага, нѣчто въ родѣ тѣхъ умныхъ людей, какихъ рисовывали въ недавнее время бельетристы «Современника» и «Русскаго Слова». У Лабадина есть «предпріятіе», и онъ ничего за нимъ не видитъ и не слышитъ. Дѣвушка его встрѣчаетъ тепло и даже противъ желанія автора, довольно мило; она проситъ его присѣсть, но онъ считаетъ это лишнимъ и не садится; онъ не любитъ разговоровъ, а стремится къ «предпріятію», къ лѣсу. «Лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ» — вотъ все, что вы отъ него слышите. А Софья все подѣзжаетъ къ нему съ чувствомъ и доходитъ до выраженія ему своихъ симпатій. Лабадинъ ехидно благодаритъ ее, и принимая сочувствія Софьи, тотчасъ же проситъ ее ходатайствовать у матери, чтобы она «продала лѣсъ». Софья въ отчаяннѣ дѣлаетъ прямое признаніе въ любви, которое Лабадинъ не мѣшаетъ ей кончить и, къ крайнему вашему удивленію, не отвергаетъ его. Дѣвушка убѣгаетъ въ садъ за матерью, оставляя Лабадина одного. Изъ сада къ нему приходитъ Застежкинъ, и прямо объявляетъ, что онъ, какъ родственникъ Щелкодуровыхъ, считаетъ себя въ правѣ вступить за Софью. Лабадинъ опять про лѣсъ, а Застежкинъ про Софью, что, молъ, хотя вы ѣздите для лѣса, но здѣсь есть дѣвушка. Лабадинъ опять про лѣсъ, а Застежкинъ говоритъ, что ему, Лабадину, не видать этого лѣса ни за какія деньги; но что если онъ женится, то ему этотъ лѣсъ даромъ въ приданое отдадутъ. Лабадинъ, вида, что ему не взять прямымъ путемъ лѣса, объявляетъ, что онъ уже сдѣлалъ Софьѣ предложеніе. Застежкинъ радуется; изъ сада приходятъ мать и дочь Щелкодуровы: Лабадина и Софью называютъ женихомъ и невѣстой, заставляютъ ихъ цаловаться, и черезъ двѣ недѣли назначается свадьба. Но женихъ-реалистъ вдругъ начинаетъ ехидствовать: онъ впадаетъ въ глубокое раздумье и объясняетъ, что задумчивъ потому, что ему до истеченія этихъ двухъ недѣль надо сплавить лѣсъ. Опять на сцену лѣсъ. Свадьбы раньше двухъ недѣль сыграть не могутъ, а Лабадинъ пристаётъ: дайте ему лѣсъ. Софья проситъ дать лѣсъ немедленно, но старуха на это несогласна, да и мыслящій реалистъ не хочетъ приобрести лѣсъ такимъ образомъ; онъ не рветъ зубъ на чужой каравай, но припасаетъ его себѣ и встрѣтася на дорогѣ съ темнотою и упрямствомъ, только обходитъ препятствія.

Онъ предлагаетъ другую мѣру, очень ехидную, но, по его понятіямъ, благородную и позолительную: онъ упрощиваетъ старую Щелкодурову продать ему лѣсъ, а потомъ, когда онъ женится, деньги возвратитъ имъ съ Софьей. Старуха подозрѣваетъ въ этомъ хитрость, и долго упорствуетъ, но наконецъ соглашается. «Только я, говоритъ, съ тебя большую цѣну возьму», а Лабадинъ отвѣчаетъ, что ему это все равно, что онъ еще и на большую цѣну двѣ тысячи прибавитъ.

Такимъ образомъ разомъ состоялся и помолвка, и покупка лѣса. Всѣ довольны; проспавшійся Висляковъ входитъ и поздра-

вляеть нареченныхъ жениха и невѣсту, и тѣмъ первый актъ кончился.

Во второмъ дѣйстви въ той же комнатѣ, оклеенной зелеными грибенниковыми бумагами, собираются гости: Застежкинъ, Висляковъ во фракѣ, дама съ двумя молоденькими дочками, и старикъ Гулючкинъ (г. Горбуновъ) съ провожатымъ Ухлымовымъ (г. Полтавцевъ). Идетъ разговоръ, изъ котораго зрители узнають, что сегодня день свадьбы Лабадина съ молодой Щелкодуровой, что Лабадинъ очень практическая голова: за что ни возьмется, такъ и свертитъ; что у него въ лѣсу двѣ недѣли работалъ чуть не цѣлый уѣздъ мужиковъ, но что вчера уже весь послѣдній лѣсъ сплавленъ. Дѣлать болѣе во второмъ дѣйстви нечего: его можно сейчасъ кончить, но авторъ чувствуетъ, что это будетъ очень мало, коротко, и для этого имъ выведенъ на сцену старикъ Гулючкинъ — лицо ровно ничего незначащее ни въ экономіи пьесы, ни въ ея интригѣ. Для чего и съ какой стати пущено сюда это лицо—вы рѣшительно не додумаетесь. Ясно, что лицо это написано собственно для затяжки, для проволоочки, и написано чуть ли не съ горбуновскаго разсказа. Старикъ Гулючкинъ начинаетъ разспрашивать своего поводыря, кто здѣсь тотъ-то, и кто этотъ-то, постоянно принимая внучатъ за дѣдовъ и напоминая многимъ очень известный семейный разсказъ г. Горбунова о вельможѣ, спящемъ во время чтенія докладовъ и объявляющемъ согласіе съ умершимъ лѣтъ сорокъ тому назадъ княземъ Волконскимъ, или Голицынымъ. Но и этого мало. Пріѣзжая барыня начинаетъ злословить. И этого опять же недостаточно — является Щелкодурова плакать надъ одѣтой къ вѣнцу невѣстой. Наконецъ всѣ идутъ въ церковь, остаются дома только мать да невѣста, и тутъ влетаетъ шаферъ и объявляетъ, что реалистъ Лабудинъ уѣхалъ, привѣстивъ ему вчера въ городъ письмо, для доставленія Щелкодуровымъ. Въ письмѣ этомъ написано, что онъ не можетъ жениться. А фронтъ. Что дѣлать? всѣ уже въ церкви и невѣста одѣта. — «Борисъ Антонычъ! просить Софья кутилу Застежкина: — найдите мнѣ кого нибудь». — Застежкинъ предлагаетъ ей Вислякова, этого пьянигу и урода, и Софья, чтобы не раздѣваться понапрасну, согласна видти замужъ за Вислякова. — Вотъ-де каковы эти чувствительныя барышни-то! вотъ чего ихъ чувства стоятъ! Застежкинъ беретъ на цугундеръ Вислякова, потерявшаго весь умъ послѣ вчерашняго большаго пьянства, твердитъ ему, что Софья его любить, и что онъ *долженъ* ее теперъ выручить и жениться на ней; твердитъ это Застежкинъ долго, скучно, съ втореніями и наконецъ уговариваетъ полупьянаго Вислякова видти къ вѣнцу.

Этимъ второй актъ кончился. — Начинается третій и послѣдній.

Висляковъ просыпается у себя дома, и въ тяжеломъ похмѣльѣ начинаетъ припоминать, гдѣ онъ вчера напился; потомъ припоминаетъ, что съ нимъ было, и наконецъ вскакиваетъ при воспо-

минаніи, что его вѣнчали, и плачѣть. Павелъ Васильевъ выполнилъ это неподобно. Слышны бубенцы.—«Запирай ворота», кричить Висляковъ слугѣ; но прежде, чѣмъ его приказаніе исполняется, являются гости мужчинами и поздравляютъ бѣдняка съ законнымъ бракомъ. Висляковъ видѣть не можетъ Застежкина и оплакиваетъ свою судьбу. Какъ ни вяло написалъ это авторъ, но благодаря прекрасной игрѣ Павла Васильева, и эта сцена, единственная во всей комедіи, вышла опять недурна.— Висляковъ рѣшается бѣжать, оставляя жевѣ все свое состояніе, и наконецъ, несмотря на всѣ препятствія со стороны Застежкина, бѣжить и уѣзжаетъ. Пріѣзжаютъ Щелкодурова и молодая Вислякова, которая вчера не поѣхала съ пьянымъ мужемъ, а мужа и слѣдъ простылъ. Опять афронтъ, который неизвѣстно чѣмъ бы и кончить, еслибы авторъ не придумалъ такой вѣроятной штуки. Отворяется дверь, вбѣгаетъ лакей Вислякова и объявляетъ, что баринъ его напился дорогой и пьяный привезенъ имъ назадъ домой, такъ-какъ онъ своимъ побѣгомъ поступилъ «противъ закона», чѣмъ вся комедія и кончена.

И это современная комедія, въ современной намъ глуши нашей родины!

Ни прекрасная игра Павла Васильева, ни усилія г-жи Линской хоть что-нибудь создать изъ своей роли не могли поддержать эту слабѣйшую изъ слабыхъ, и безталаннѣйшую изъ безталанныхъ пьесъ: она пала даже безъ треска. По заведенному обычаю, нѣсколько снисходительныхъ голосовъ крикнули-было по окончаніи третьяго дѣйствія «автора!», но прежде чѣмъ вышелъ къ рампѣ актѣръ, желавшій объявить, что автора нѣтъ въ театрѣ—дружное шиканье и крики «не надо» провзнесли этой пьесѣ вполне заслуженный ею общественный приговоръ.

Мы какъ нельзя болѣе согласны съ этимъ приговоромъ, но театральная дирекція съ нимъ не согласилась, и эту вздорную пьесу уже начали повторять, и повторяютъ по два раза въ недѣлю, такъ что въ театрѣ хоть и не ходи. Публика не приняла пьесы; но «театральный домовой» взлюбилъ ее и плететь въ косы нигилистическую гриву ея автора.

Не будемъ много говорить, что это вовсе не комедія, ибо въ ней нѣтъ ни одного условія, требуемаго комедіею. Это — водевиль, и, къ сожалѣнію, даже плохой водевиль; но все-таки, назови авторъ свою пьесу водевилемъ, и представь ее какъ сцены странной случайности, и не дай ей такого названія, а назови ее какъ-нибудь въ родѣ «Женидьбы Вислякова»—она бы и туда, и сюда. «Свадьба Кречинскаго» и «Женитьба Бальзаминова», вещи не чета этой, вышли подъ этими простыми названіями, а эта исторіяка странной женитьбы въ лицахъ пущена съ претензіею характеризовать мѣстность и эпоху. Смѣлость большая. Но въ пьесѣ г. Вильде, кромѣ совершеннаго безсилія автора, мы съ грустью видимъ еще упрямую живучесть дерзости, при которой въ наше время люди пускаются авторствовать, не

умѣя отличить добро отъ зла, и забывая изреченіе, гласящее: «Прежде чѣмъ станешь писать, научись же порядочно мыслить». Сообразилъ-ли г. актёръ Вильде, что его реалистъ Лабадинъ не что иное, какъ дѣловой бездѣльникъ, безсердечная дрань, для которой всѣ средства позволительны, лишь бы они вели ее къ ея цѣли, къ прибытку? Сообразилъ ли онъ, что при такомъ артистѣ, и сентиментальная Софья, и ея мать, и пьяница-Висляковъ, и моветонъ-Застежкинъ становятся краше и милѣе, чѣмъ ихъ хотѣлъ представить авторъ. Приравнивая ихъ къ Лабадину, въ нихъ все-таки находишь хоть что-нибудь человѣческое, тогда какъ въ этомъ предприимчивомъ болванѣ человѣческаго только внѣшній образъ, который онъ поворитъ своимъ подлымъ поведеніемъ. Произвести крупнѣйшій скандалъ; поставить въ ужасное по своему значенію положеніе дѣвушку, хотя и сентиментальную, и смѣшную, но во всякомъ случаѣ вызывающую сожалѣнія о ея несчастномъ воспитаніи, а не злодѣйскаго надругательства надъ ея положеніемъ и ея надеждами — это ему ничего; ему лишь бы лѣсъ пришелъ въ руки. И это *единственное* лицо, которое авторъ желалъ представить не дуракомъ, не плутомъ, и не ничтожествомъ! Жалкій авторъ! жалкій человѣкъ, и всего болѣе жалкій актёръ! Чему же онъ можетъ сочувствовать; что онъ можетъ играть съ любовью и съ сердцемъ, если въ его сердцѣ мѣстата вонъ какіе образы и сочувствуетъ онъ вонъ какиимъ людямъ!... И это въ театральномъ мирѣ не новость!

До такой прагматичности въ стремленіи осуществлять свои предпріятія, герои гг. Слѣпцова и его друга по направленію г. Холодова еще никогда не доходили, и мы должны сознаться, что нигилизмъ, омерзѣвшій всѣмъ здравомыслящимъ людямъ въ беллетристической литературѣ, явнымъ образомъ стремится омерзѣть имъ, ударившись на русскую сцену, которая, на горе общественное, терпитъ все, кромѣ истинныхъ дарованій и выступающихъ скольконибудь изъ ряда вонъ талантовъ. Еще прошлой зимою, на нашей сценѣ появилось нѣсколько мелкихъ вѣщицъ, водевилчиковъ и сценъ подобнаго же направленія, и ихъ замѣтили и похвалили газетные фельетонисты.

Недаромъ же любимецъ нашей публики Павелъ Васильевъ не могъ дать въ прошломъ году своего бенефиснаго спектакля въ томъ составѣ, который былъ имъ сначала скомпанованъ и потомъ измѣненъ, выпускомъ вонъ пьески, гдѣ на сцену является нигилистъ не въ столь привлекательномъ видѣ, какъ у г. Вильде. Теперь это становится понятнѣе.

Дальнѣйшій репертуаръ нынѣшняго мѣсяца еще ничтожнѣе. Просвѣта зрителей представленіемъ имъ умнаго и дѣльнаго челоука въ лицѣ Лабадина, кончившаго такъ благородно свое предпріятіе, дирекція перешла къ «Орфею въ аду», этой обличительной опереткѣ, злѣе всего преслѣдующей владѣльцевъ невскихъ рысаковъ, и колеблющей реноме поэтическихъ боговъ Олимпа, давно и безъ того называемыхъ въ Россіи заурядъ «болва-

нами». Пьеса эта, несмотря на всю свою нелѣпость, безобразно извращающую миѳъ, и особенно характеръ Эяриды и Орфея, очень смѣшна: Яблочкинъ и Озеровъ (Юпитеръ и Плутонъ) здѣсь заставляютъ хохотать до боли въ подреберья; Прокофьева канканируетъ; публика заставляетъ ее повторять канканъ; заставляетъ аркадскаго принца повторять куплеты; и всѣ очень довольны. По впечатлѣнiю — эта ничтожная пьеса напоминаетъ *Десять невѣстъ и ни одного жениха*, и въ нихъ обѣихъ даже участвуютъ почти все одни и тѣ же самые актеры. Оба эти пьесы, но очень смѣшные фарсы сдѣлались у насъ любимыми изъ веселыхъ вещей, и вѣроятно, повторенiе ихъ въ нынѣшнемъ сезонѣ будетъ безконечное. Смѣхъ, ими возбуждаемый, разумѣется, смѣхъ не гоголевскій, а польдекоковскій — смѣхъ не сатиры, а фарса, несмотря на то, что *Орфей въ аду* имѣетъ претензiю на обличительную сатиру и тоже очень нѣжно лапаетъ нигилистовъ. Но вообще изъ новыхъ, прошлогоднихъ вещей это самая популярная: куплеты Аркадскаго Принца поютъ на улицахъ и на нихъ же ссылаются газетные фельетонисты, обыкновенно ссылавшіеся прежде на Гоголя.

Изъ новыхъ пьесъ афишами въ непродолжительномъ времени обѣщано въ первый разъ: *Захолустье* С. Н. Вечеслава. Увидимъ, что это такое.

Лучшій сюрпризъ обществу при открытiи сезона сдѣлалъ дирижеръ Александринскаго оркестра г. Кажинскій. вмѣсто ничтожныхъ полекъ да романсовъ съ мажорнымъ восхожденiемъ въ первомъ куплетѣ и минорнымъ паденiемъ во второмъ, онъ составилъ для антрактовъ цѣлый букетъ премилыхъ вещей. Въ первомъ антрактѣ оркестръ исполнилъ увертюру изъ оперы *Раймондъ*, 2) *Das Heimweh*, и 3) въ первый разъ секстетъ изъ оперы *Czar und Zimmerman*. Хотя бы ужъ оркестръ мало-мальски послужилъ развитiю вкуса, если сцена твердо и неуклонно рѣшилась служить безвусiю. Будетъ ли это однако такъ въ этомъ родѣ и продолжаться, или это только было для перваго раза?—это знаетъ Кажинскій.

Заключительною новостью изъ сценическаго міра можемъ поставить распространившійся слухъ, что одинъ «извѣстный литераторъ» написалъ драму или комедiю изъ міра литературнаго. Въ пьесѣ этой литераторъ стараго покроя, *идеалистъ* сходится съ литераторомъ *нигилистомъ*. Что-то пахнетъ Фаустомъ и Мефистофелемъ...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. *Описаніе уральскаго казачьяго войска. Составилъ генеральнаго штаба поручикъ А. Рябининъ. 2 тома. С.-Петербургъ. 1866 года.*

Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что кровавое царствованіе Іоанна Грознаго, заставившее многихъ бояръ бѣжать въ Польшу и Литву, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно усилило задолго до этого начавшійся наплывъ простого народа къ юго-восточнымъ окраинамъ царства, на Донъ и Волгу. Толпы всякаго рода бѣглецовъ образовали на Волгѣ извѣстныя воровскія шайки, бывшія долгое время грозой края по своимъ грабежамъ до пораженія своего, въ 1577 году, стольникомъ Иваномъ Мурашкинымъ, вслѣдствіе чего онѣ вынуждены были разойтись на Каму, Терекъ, Чусовую и Яикъ, являясь такимъ образомъ первыми русскими колонизаторами этихъ странъ. На Яикѣ (или Уралѣ) утвердились они въ 1580 году, когда, разоривъ Сарайчикъ, въ нижнемъ теченіи Яика, они двинулись вверхъ, и достигнувъ устья р. Рубежной, рѣшились поселиться въ этихъ раздольныхъ мѣстахъ, основавъ первое поселеніе на урочищѣ Орѣшномъ въ 40 верстахъ отъ современнаго намъ города того же имени. Къ тому же времени относятся и первыя обязательства, принятыя казаками въ отношеніи московскаго государства. Казаки были ему челомъ новою землею, оставаясь обладателями оныхъ; царь принималъ ихъ подъ свое покровительство и защиту, а казаки должны были служить противъ дерзкихъ враговъ, и охранять границы государства. Первая служба яицкихъ казаковъ была противъ непослушника царскаго, Шеввальскаго, въ 1591 году. Число яицкихъ поселенцевъ, незначительное сначала, увеличивалось постепенно другими выходцами, которыхъ привлекало казачество, гдѣ всякій былъ самъ себѣ господинъ. Полная свобода, общее равенство, выборное начало встрѣчались, какъ во всякой казачьей общинѣ, и здѣсь. Казачьи круги, куда призывался народъ звономъ колокола, рѣшали всѣ общественныя дѣла, которыя предлагались на рѣшеніе, словомъ либо-ль или не либо; войсковой атаманъ былъ только исполнитель народной воли, а эсаулы—его помощники. Владѣніе всѣми войсковыми землями и угодьями было общинное (въ томъ видѣ, какъ оно и теперь существ-

вуеть), хотя и не исключало собственности частной. Каждый могъ заводить свое хозяйство по своему, но оно было неразвито. Земледѣіемъ казаки не занимались, покупая хлѣбъ и прочіе предметы въ Самарѣ; скотоводство было незначительно; только одно рыболовство доставляло имъ большія выгоды и было сильно развито. Внѣ общины, дѣятельность казаковъ проявлялась въ грабежахъ, набѣгахъ и т. д., что называлось у нихъ *промысломъ*, которые дѣйствительно были очень отважны. Такъ Нечай съ шайкою въ 500 человекъ дошелъ до Хивы въ 1665 году, ограбилъ этотъ городъ и сталъ пировать, забывъ о неприятелѣ, который тѣмъ временемъ подошелъ. Нечай съ добычею долженъ былъ отступить, и при переправѣ чрезъ Сыр-Дарью, потерялъ полное пораженіе. По слѣдамъ его двинулся Шамай, но только осторожно. Онъ достигъ Сыр-Дарьи, и взялъ въ проводники калмыковъ, которые навели его на засаду, гдѣ онъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Остальные двинулись однако одни далѣе, и попали къ Аральскому морю, когда наступила зима. Настали муки холода и голода; казаки ѣли другъ друга и, не вида спасенія, просили хивинцевъ взять ихъ въ плѣнъ, что тѣ, конечно, и исполнили. Объ этихъ плѣнныхъ съ тѣхъ поръ не было никакого извѣстія. Подобныя походы слѣдовали безпрестанно и развивали то необузданное демократическое начало и тотъ предпримчивый духъ, которые служили преградю московскому самодержавію и вызывали бунты и возмущенія при каждомъ неосторожномъ шагѣ правительства или при стѣсненномъ его положеніи. Въ тяжелую эпоху самозванцевъ и междоусарствія, казаки явчше грабили гдѣ только можно было отъ Волги до Москвы и далѣе до новгородскихъ предѣловъ и были, по выраженію лѣтописцевъ, «пуще и грубѣе Литвы и Нѣмцѣ»; они же встрѣчаются въ шайкахъ Заруцкаго, но когда онъ, послѣ пораженія своего головою Хохловымъ въ устьяхъ Волги засѣли на Медвѣжьемъ островѣ на рѣкѣ Яикѣ, вблизи отъ Индерской соляной горы, казаки, бывшіе въ его отрядѣ, выдали его и Марину Мнишекъ съ сыномъ воеводамъ царскимъ, за что и получили свободный выходъ. Набѣгами своими они до того раздражили своихъ сосѣдей татаръ, что тѣ рѣшились отплатить имъ съ лихвою, довели казаковъ до критическаго положенія и разорили ихъ городъ, который былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ теперь Уральскъ. Обстоятельство это заставило казаковъ послать въ Москву посланцевъ и просить владѣнной грамоты на Яикъ. Михайлъ Федоровичъ далъ имъ грамоту на владѣніе рѣкою Ураломъ, по смыслу которой они приобрѣли земли по нижнему теченію Урала и его притокамъ съ правой и лѣвой стороны, начиная отъ впаденія Илека, а также право рыбнаго и звѣринаго промысла и безошлиннаго пользованія солью съ соляныхъ озеръ на этомъ пространствѣ. Грамота эта, положившая начало существующимъ и нынѣ основнымъ правамъ уральскаго казачьяго войска, сгорѣла во время пожаровъ, бывшихъ въ Уральскѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.

Къ тому же времени относятся указанія на службу яцѣкихъ казачковъ въ войскахъ царскихъ; они были у Шенна подъ Смоленскомъ въ 1634 году, у князя Сонцева-Засѣкина противъ крымскихъ татаръ въ 1629 году.

Съ половины XVII столѣтія, правительство старается укротить своеволие и разбой казачьяго населенія, которые, повременамъ только утихая, подрывали нашу каспійскую торговлю. Съ этою цѣлью построены усть-яцѣій острогъ, гарнизонъ котораго состоялъ изъ стрѣльцевъ и учужниковъ, ловившихъ рыбу для государя. Постройка эта предоставлена гостю Михаилу Гурьеву, пожалованному за оную безоброчнымъ содержаніемъ яцѣкаго учуга и эмбенскихъ водъ на семь лѣтъ; новый городокъ этотъ поэтому и переименованъ впоследствии въ Гурьевъ. Но мѣра эта принесла мало пользы; въ 1654 году казаки разорили этотъ городъ, а въ эпоху бунта Разина онъ довольно долго даже находился въ ихъ рукахъ. Эта первая попытка правительства положить оплотъ самоволю казачьяго населенія породила въ нихъ ненависть къ этому городку. Въ то же время начинается рядъ непрерывныхъ набѣговъ и разбоевъ на сухомъ пути и на морѣ, продолжавшихся съ небольшими промежутками до бунта Стеньки Разина. Каспійское море было цѣлью и театромъ ихъ разбоевъ, куда стремились толпы казаковъ съ Дона, Терека и Волги; яцѣкіе казаки не только имъ сочувствовали, но и содѣйствовали, нападали на персидскаго шаха, который жаловался на нихъ московскому двору въ 1655 году. Правительство, занятое войною съ Польшею, стало дѣйствовать путемъ мирнаго соглашенія; ему удалось не только уговорить казаковъ прекратить разбой, но и вызвать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москву. Разбойники получили прощенье, съ тѣмъ что должны были заслуживать свои вины на царской службѣ подъ Рягою и въ Польшѣ; они были посланы туда къ Хованскому, и пробыли семь лѣтъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, положеніе приволжско-яцѣкаго и прикаспійскаго края было самое печальное: набѣги, грабежи, бунты не прекращались; все это заканчивается возстаніемъ Стеньки Разина въ 1666 году, охватившимъ все поволжье и прикаспійскую мѣстность до Яива. Степень участія казаковъ яцѣкихъ въ первомъ бунтѣ, опредѣлить трудно, но во второмъ въ 1671 году они не остались праздными. Они двинулись на Симбирскъ, но отбитые отъ приступа бѣжали къ Самарѣ, гдѣ и рѣшились добить чедомъ государю въ винахъ своихъ. Немного послѣ, въ 1677 году, яцѣкіе казаки повторили маневръ Разина, подъ начальствомъ Васьки Касимова, который съ шайкою въ 300 человекъ двинулся изъ верховыхъ яцѣкихъ городковъ внизъ по теченію рѣки, но былъ разбитъ и бѣжалъ къ туркменскимъ берегамъ. Бунтъ Разина открылъ правительству его слабость; оно не имѣло никакой гарантіи противъ нарушителей его спокойствія; ему необходимо было создать военную силу и слить всѣ отдѣльныя общины въ одну массу вѣрноподанныхъ.

Вотъ одна изъ причинъ, побудившихъ ввести народную перепись и рекрутскій наборъ; понятія о регулярномъ строе, а всего болѣе образъ дѣйствія при наборахъ поселилъ отвращеніе въ казакахъ, которые въ то же время были подчинены правительственному контролю во всѣхъ дѣлахъ своихъ. На Яикѣ казаки отказались повиноваться и рѣшились оружіемъ отстаивать свои вольности. Петръ Великій немедленно послалъ усмирить ихъ, предалъ главныхъ виновниковъ казнямъ, другихъ сослалъ, третьихъ наказалъ плетью, сдѣлалъ перепись и ввелъ раздѣленіе на сотни и десятки, что имѣло слѣдующее, очень важное послѣдствіе, именно выборъ и утвержденіе походнаго атамана стали происходить съ 1723 года не съ согласія одного только войска, какъ это дѣлалось прежде, но и съ высочайшаго соизволенія. Это давало правительству возможность имѣть въ войскѣ свою партію и изъ оной назначать атамановъ. Войсковой атаманъ, по понятіямъ казаковъ, былъ въ мирное время войсковымъ приказчикомъ и казначеемъ, представляя во всемъ строгій отчетъ войску, которое, въ случаѣ неисправности атамана, смѣняло его и подвергало отвѣтственности. Какъ скоро страхъ народнаго суда исчезъ, то-есть когда атаманъ сталъ назначаться отъ правительства, беспорядки въ расходованіи и сборѣ войсковыхъ суммъ, взяточничество и воровство войсковыхъ денегъ завелись въ огромныхъ размѣрахъ между атаманами и старшинами, которые, будучи увѣрены въ своей безнаказанности, пока останутся въ хорошихъ отношеніяхъ съ правительствомъ, грабили безъ всякой совѣсти. Въ войскѣ образовалась партія, противоположная видамъ и интересамъ народа; беспорядки стали возникать по всѣмъ дѣламъ, а прежнее единодушіе — исчезло. Атаманская, или, какъ ее называли, старшинская партія, сильная не числомъ, а вліаніемъ, постоянно одерживала верхъ. Съ того же времени возникло въ войскѣ, какъ отдѣльное сословіе, и *чиновничество*. До подчиненія военной коллегіи, войско всегда выбирало изъ среды себя, по общему приговору, различныхъ должностныхъ лицъ (какъ-то наказныхъ атамановъ, войсковыхъ есауловъ, сотниковъ и т. д.), которые не пользовались никакими особенными личными правами. Такъ-какъ права принадлежали не лицу, а должности, то послѣ смѣны они снова входили простыми членами въ казачью общину; лица же, заслужившія почему нибудь народную благодарность, продолжали и послѣ удаленія отъ должности пользоваться званіемъ войсковыхъ старшинъ, приобретали довѣріе, вліаніе и популярности въ войскѣ, но все же сливались съ народомъ и не могли отъ него отдѣляться, опасаясь потерять свое значеніе и вѣсъ. Когда же выборы стали производиться подъ вліаніемъ и въ зависимости отъ правительства, то вліательные казаки отстали отъ народа и старались выказаться благонамѣренными предъ правительствомъ, рассчитывая, что этимъ самымъ будутъ выбраны въ должности, что дастъ имъ возможность наживаться насчетъ войска, ничѣмъ не рискуя, и пользо-

ваться привилегіями чиновниковъ. Они не ошиблись: званія старшинъ, есауловъ и пр. и пр. переходятъ понемногу въ ранги, и приобрѣвшія ихъ лица сохраняютъ свои права даже и по смѣнѣ съ должности. Вслѣдствіе этого въ войскѣ разгорается внутренняя борьба. Атаманы оставались вѣрными девизу «красть гдѣ можно и сколько можно», собирали съ казаковъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и по нѣскольку лѣтъ не давали въ деньгахъ отчета. Казаки требовали такового, и неоднократно дѣлали воззванія, долги по напрасныя, къ защитѣ закона, и проявивъ сперва энергію духа и увѣренность въ своей правотѣ, вступили въ борьбу до послѣдняго дыханія за права и возлюбленныя вольности. Мы приближаемся ко временамъ Пугачевщины. Незадолго до нея, казаки возстали по слѣдующему поводу. Военная коллегія, найдя атамана и старшинъ виновными въ разныхъ злоупотребленіяхъ, опредѣлила лишить ихъ достоинства и впредь не выбирать на въ какія должности, наложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ денежное взысканіе; казаковъ же войсковой партіи, сдѣлавшихъ ложные доносы, наказать плетьюми. Майоръ Новокрещеновъ, посланный съ этимъ указомъ, приводитъ въ исполненіе только его окончаніе, относящееся до казаковъ; рѣшенія же о старшинахъ не объявляетъ, несмотря на просьбы войска, которое его упрекало въ явной несправедливости. Новокрещеновъ доноситъ коллегіи, что казаки бунтуютъ, и она шлетъ громозный указъ о повиновеніи законамъ, безпрекословномъ исполненіи приказаній начальства и поручаетъ Черепову объявить оный казакамъ. Недоумѣніе даетъ поводъ тому, что Череповъ стрѣляетъ въ казаковъ. Въ то же время предписано было послать 500 человекъ на службу въ Кизляръ, что дало старшинамъ случай мстить народу разными притѣсненіями, назначая на службу тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ они не любятъ и хотятъ удалить. Казаки жаловались, посылали депутаціи, которыя не приносили пользы, а только подводили подъ наказанія и арестъ избранныхъ представителей, и наконецъ взялись за оружіе, перебили усерднѣйшихъ угнетателей народа и послали въ Петербургъ повѣренныхъ съ оправданіемъ и объясненіемъ случившагося. Ихъ усмирили однако оружіемъ и начали съ ними расправу. Казни были невѣроятныя, послѣ которыхъ приступили къ водворенію порядка. Круги были отмѣнены; вмѣсто народнаго управленія введено военно-комендантское, должность атамана упразднена временно, въ городкѣ поставленъ гарнизонъ. Короче сказать словами самихъ казаковъ, писавшихъ къ императрицѣ Еватеринѣ II, «прежніе наши обычаи вовсе опровержены и открылся штатъ, который видно требованъ бывшими нашими начальниками и ихъ согласными, а мы того штата не желаемъ». Нисколько неудивительно послѣ этого, что при появленіи Пугачева все поднялось поголовно по линіи отъ Яицкаго до Гурьева городка, и что казаки принимали самое дѣятельное участіе въ этомъ страшномъ возстаніи, исходъ котораго извѣстенъ каждому читателю. Виновники и сообщники приговорены къ смерти, плетямъ, вкнуту, вырванію ноздрей и т. д.:

Тогда же (въ 1775 году) приняты общія мѣры, касающіяся всего войска. Яицкое войско переименовано въ Уральское, рѣка Яикъ— въ Уралъ; самостоятельность общинная—отнята; народное правленіе и круги отмѣнены; назначеніе атамана предоставлено исключительно высочайшей волѣ, войсковая артиллерія отобрана. Вообще казачьи войска обратились въ обширныя военныя поселенія, единственнымъ назначеніемъ которыхъ сдѣлалось содержаніе при арміи легкихъ иррегулярныхъ отрядовъ и отправленіе внутренней караульной службы по линіи. Положеніе дѣлъ въ войскѣ послѣ бунта было весьма печальное; въ смутное время масса взрослога населенія отвлеклась отъ обычныхъ промысловъ; хозяйство, по недостатку рукъ, пришло въ упадокъ. Къ тому же киргизы, замѣтивъ уменьшеніе линейной стражи, возобновили свои набѣги и грабежи. Потемкинъ, получившій въ это время главное завѣдываніе казачьими войсками, обратилъ вниманіе на бѣдствія уральцевъ. Его ходатайству обязаны казаки своимъ прощеніемъ, хотя и должны были искупить вину пожертвованіемъ вѣговыхъ привилегій народнаго самоуправленія. Дѣятельность его въ десятилѣтній періодъ (1776—1786 года), посвящена была главнымъ образомъ на усиленіе внѣшней безопасности и введеніе внутренняго порядка, а также развитію войсковаго хозяйства, особенно рыболовства. Онъ рѣшилъ въ пользу уральцевъ дѣло о пользованіи солью съ Индерскаго и Узенскихъ озеръ, а также опредѣлили границу между владѣніями уральскихъ водъ и эмбенскихъ, принадлежавшихъ казнѣ. Несмотря однако на мѣры Потемкина, внутреннее управленіе войска заключало въ себѣ много данныхъ, показывавшихъ, что положеніе казаковъ было незавидное. Ни степень власти атамана и войсковой канцеляріи, ни составъ послѣдней, ни мѣсто, занимаемое ими въ системѣ общихъ государственныхъ учрежденій, не были опредѣлены. Это побудило въ 1803 году дать войску по части управленія лучшее устройство, и сдѣлать преобразованія, касавшіяся не только части военной и гражданской, но также и экономическаго устройства. Войско раздѣлено на 10 полковъ, выставляемыхъ по требованію правительства, которое опредѣляетъ каждый разъ и число людей въ полку. Каждый обязанъ нести службу лично, по очереди, но не наемкою, какъ это было прежде, и не менѣе срокомъ какъ отъ 25 до 30 лѣтъ. Содержаніе отъ казны полагалось только въ случаѣ командированія далѣе 100 верстъ; кромѣ того, введена однообразная форма одежды и оружія. Гражданское управленіе, основанное на системѣ коллегіальной, ограничивало произволъ атамана и чиновниковъ, вводило большій порядокъ въ распредѣленіи и расходованіи общественныхъ доходовъ, и т. д. Но преобразованія эти вызвали ропотъ и неудовольствіе. Привычка къ старинѣ и отвращеніе къ регулярной службѣ заставляли смотрѣть на всякое нововведеніе подозрительно и недоброжелательно. Новые штаты и однообразное обмундированіе увеличили всегдашнее опасеніе казаковъ быть обращенными въ регулярныя полки. Отмѣною наемки уни

чтожалось народное учреждение, исключительно принадлежавшее уральцамъ, по которому всѣ служащіе казаки собираются вмѣстѣ и вызываютъ изъ себя желающихъ идти въ командировку, причемъ опредѣлялась добровольно и цѣна наемки. Требуемая сумма раскладывалась поровну на число всѣхъ служащихъ казаковъ, собиралась съ нихъ и вручалась войсковому атаману, который и выдавалъ ее (подмогу) охотникамъ идти. Таковая поруба, круговая, имѣетъ важную выгоду: даетъ службѣ хорошаго вонна, и не отрываетъ человѣка отъ семьи и хозяйственныхъ занятій, вопреки его желанію. Кромѣ этого возникъ въ то же время у войска процесъ съ княземъ Юсуповымъ, незаконнымъ образомъ зашежевавшимъ въ свои дачи часть приморскаго берега, принадлежащаго казакамъ (заливъ Богатый-Култукъ). Обстоятельство это подрывало уваженіе къ закону и распространяло между казаками толки о явномъ потворствѣ административныхъ властей людямъ богатымъ. Они начали въ 1803 же году процесъ съ нимъ, окончившійся въ 1826, довольно скоро, если сообразить, что другіе до сего времени не окончены, какъ, напримѣръ, съ саратовскою казенною палатою, за владѣніе Уральскою степью. Причины этихъ процесовъ заключаются въ неясности доказательствъ, опиравшихся преимущественно на утраченную грамоту Михаила Федоровича и нежеланіи переселенцевъ оставлять земли, на которыхъ они обжились. Въ этомъ краѣ, неустроенномъ и только что пробуждающемся къ дѣятельности, нельзя было требовать законнаго пользованія землею, тѣмъ болѣе, что совершенное отсутствіе границъ порождало иногда даже неумышленное нарушеніе права собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то же время возникаютъ споры по поводу учрежденія *морскихъ* рыболовствъ, которыя прежде, до 1816 года, не допускались въ войскѣ, чтобы не повредить рыболовству рѣчному, болѣе доступному средствамъ каждаго. Морскія рыболовства съ этого времени подъ разными предлогами то запрещались, то дозволялись, пока, наконецъ, высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 1846 года окончательно разрѣшило этотъ вопросъ, дозволивъ производить ловы въ морѣ на шестисаженной глубинѣ.

Въ послѣдніе годы назначеніе атамана не изъ лицъ казачьяго происхожденія, снова подало поводъ къ неудовольствіямъ казаковъ, именно когда Перовскій, генерал-губернаторъ оренбургскій, назначилъ исправляющимъ эту должность полковника Покатилова. Казаки встрѣтили его съ нерасположеніемъ, перешедшимъ скоро въ ненависть; забыли свои всегдашнія ссоры и составили одну общую оппозицію, которая и вознамѣрилась воспользоваться посѣщеніемъ весной 1837 году Уральска, нынѣ царствующимъ государемъ. Положено было подать ему прошеніе, въ которомъ изложены были различныя злоупотребленія войскаго управления и происходившія отъ этого стѣсненія для казаковъ, а также и желанія войска. При вѣздѣ государя (тогда наслѣдника), отъ толпы отдѣлилась небольшая вучка казаковъ

(это были уполномоченные) и подала на колѣняхъ бумагу, которая и поступила своимъ порядкомъ на разсмотрѣніе. Казаки радовались даже принятію просьбы. Поватилловъ, донося Перовскому о случившемся, указывалъ на невозможность самому арестовать *изверговъ*, чтобы не подать поводъ въ большому раздраженію, и просилъ занять Уральскъ войсками. Это было исполнено; причѣмъ страхъ и изумленіе жителей не имѣли предѣловъ. Говорятъ, что всѣ дома затворились и никто изъ жителей не дерзалъ выйти на улицу. Городъ объявленъ на военномъ положеніи и назначена военно-судная комісія по полемому уголовному положенію, которая обвинила казаковъ въ слѣдующемъ: 1) шайка буйной вольницы остановила коляску Его Высочества при вѣздѣ, и назвала себя повѣренными отъ войска, хотя до вѣренности и не получала ни отъ кого; 2) буйные и шумные возгласы толпы въ присутствіи и *послѣ отбытія* Его Высочества сами по себѣ составляютъ преступленіе; 3) просьба содержать жалобы на высочайшія учрежденія, домогательство о смѣнѣ атамана, Высочайше утвержденнаго въ этой должности, ложные извѣты и ябедническіе, нелѣпые доносы на лицъ правительственныхъ и т. д. Виновныхъ, наиболѣе вредныхъ въ войскѣ, выслали, наказавъ различно, а въ видѣ общаго взыскація изъ войска выслали четыре полка (въ Польшу и на Кавказъ) на службу срокомъ на нѣсколько лѣтъ. Съ этого времени Перовскій сталъ настойчиво преслѣдовать мысль объ искорененіи раскола въ войскѣ, и притомъ мѣрами строгости; время показало всю ихъ бесполезность. Между тѣмъ, мѣры дѣйствительно полезныя въ этомъ отношеніи не принимались вовсе; мы почти не встрѣчаемъ ничего касающагося до развитія въ войскѣ нетолько образованія, но и грамотности, которой обучали *мастера* и мастерицы, то есть пожилые люди, понавѣвшіе въ божественномъ писаніи, читавшіе церковныя книги и изучавшіе раскольничью догматику, причѣмъ отличительными чертами ихъ были суевѣріе, грубость понятія и нетерпимость ко всему новому. Обучаться у нихъ было запрещено въ 1858 году, когда наказной атаманъ Столыпинъ возымѣлъ мысль развить въ короткое время грамотность между простыми казаками. Онъ открылъ съ разу 80 форпостныхъ школъ, причѣмъ постройка ихъ, за неимѣніемъ средствъ, возложена на жителей; на поддержку школъ также не отпущено денегъ; обученіе было бесплатное, но обязательное для всѣхъ казачьихъ дѣтей. Слѣдствіемъ этого было только то, что школы начали приходить въ упадокъ, учителя въ нихъ, по ничтожности содержанія, оказались хуже мастеровъ, и по прошествіи менѣе двухъ лѣтъ много школъ закрылось, по неимѣнію въ нихъ учениковъ, учителей и денегъ, остальные же и теперь поддерживаются понудительными мѣрами. Въ этомъ же жалкомъ положеніи находится и медицинская часть въ войскѣ. При одной войсковой уральской больницѣ полагалось два лекаря, изъ коихъ одинъ безпрестанно командировался на слѣдствія. Какую же пользу могли принести

два врача на 70 душъ и на 600 слишкомъ верстъ разстоянія? Впрочемъ, въ 1860 году число врачей увеличено до четырехъ. Не перечисляя различныхъ административныхъ преобразованій, принятыхъ въ этомъ краѣ въ послѣдніе годы, мы замѣтимъ только, что съ 1861 года лица всѣхъ сословій, имѣющія постоянное жительство въ войсковой землѣ, получили право возводить въ этихъ мѣстахъ строенія и покупать землю, что прежде было запрещено. Казаки роптали на это нововведеніе, видя въ немъ шагъ къ свободному переходу въ ихъ сословіе каждому желающему, хотя нельзя не замѣтить, что и сами казаки утрачиваютъ мало-по-малу свой характеръ, и переходятъ къ мирнымъ промышленнымъ занятіямъ сами. Причина этого заключается въ слѣдующемъ:

1) Воинственность въ казакахъ поддерживалась происходившею постоянно на ихъ границахъ войною; съ прекращеніемъ оной и водвореніемъ безопасности отъ киргизовъ, казаки все менѣе и менѣе занимались военнымъ дѣломъ. Ураецъ теперь вооруженъ душно, и ѣздить плохо; чрезъ нѣсколько лѣтъ его едва-ли можно будетъ чѣмъ отличить отъ его сосѣдей — государственныхъ крестьянъ.

2) Увеличеніе народонаселенія и оскуднѣніе рыбнаго кореннаго промысла, повлекли невольно за собою развитіе скотоводства и земледѣлія. Съ низовыхъ форпостовъ казаки стали переселяться во внутрь страны, и образовали цѣлыя селенія въ мѣстахъ, гдѣ была необитаемая степь.

Это движеніе отъ наружной линіи во внутрь страны, имѣющее въ основаніи своемъ двѣ побудительныя причины: развитіе другихъ отраслей хозяйства, кромѣ рыболовства, и желаніе оградить свои земли отъ вторженій поселенцевъ, какъ русскихъ такъ и кочевыхъ инородцевъ, селившихся на казенныхъ пустопорожнихъ мѣстахъ — породило страшную путаницу при вопросѣ о правахъ владѣнія, и положивъ начало тѣмъ тяжбымъ поземельнымъ дѣламъ, изъ которыхъ многія и теперь еще неоконченны, дѣлаетъ невозможнымъ точное опредѣленіе границъ войсковыхъ земель, а слѣдовательно, и ихъ пространства. Постоянными границами земель уральскаго казачьяго войска въ настоящее время принимаются въ общихъ чертахъ слѣдующія: берега Каспійскаго моря отъ Пороховинскаго бугра до Граннаго (г. Гурьевъ лежитъ въ серединѣ этой линіи), отсюда степною стороною грязныхъ озеръ на Сарайчиковскую крѣпость до урочища Катгушъ на Уралѣ; потомъ параллельно этой рѣкѣ, захвативъ Индерское соленое озеро, до рѣки Илека. Съ западной же стороны граница идетъ отъ общаго Сырта по его гребню, до Большаго Узена на Малый, и правою стороною этой рѣки и Камышъ Самарскихъ озеръ, до Пороховинскаго бугра. Пространство это заключаетъ въ себѣ болѣе 62,000 кв. верстъ, и раздѣлено въ административномъ отношеніи на слѣдующія части: Самарскую станицу, Илецкую, Башкирское уральское отдѣленіе и собственно уральское войско,

второе въ свою очередь дѣлится на нѣсколько дистанцій и округовъ. Жители, числомъ 82,004. въ томъ числѣ уральцевъ 60,405 душъ, раздѣляются на военныхъ обывателей и иногороднихъ. Къ первымъ принадлежатъ жители собственно казачьяго сословія и дворовые люди, причисленные съ 1863 года частью къ податному, частью къ казачьему сословію. Казаки дѣлятся на сословія, именнo дворянство (потомственное и личное), духовенство и простые казаки. Не утомляя читателей многочисленными цифрами, относящимися до движенія народонаселенія вообще, съ которыми, равно какъ и съ прочими весьма любопытными свѣдѣніями, относящимися до этого края съ которыми предоставляемъ читателямъ познакомиться непосредственно самимъ изъ очень интереснаго сочиненія г. Рабинина—мы, въ заключеніе нашей замѣтки объ этой книгѣ, обратимъ ихъ вниманіе на особенность самого хозяйства уральцевъ, которое выработалось историческимъ путемъ и окончателъно утвердилось, благодаря мѣстнымъ обстоятельствамъ. Хозяйство ихъ общинное, причемъ предоставляется каждому не только полная свобода, но и полная возможность выбора занятій; и это начало примѣнено не только къ рыболовству, но также къ скотоводству и земледѣію. Право участка при этомъ предоставлено всѣмъ военнымъ обывателямъ, что, конечно, возможно, если припомнимъ, что уральская земля составляетъ общее и нераздѣльное достояніе всего войска. Правила для пользованія угодьями составлены весьма подробно и обстоятельно, съ цѣлью отстранить по возможности черевѣсь богатаго надъ бѣднымъ. Такъ, при рыболовствѣ опредѣлено число снастей, лодокъ, рабочихъ, для всѣхъ казаковъ одинаковое, также какъ и количество рыболовныхъ дней и часовъ. Все, слѣдовательно, зависитъ отъ умѣнья и счастья. Тотъ же духъ проведенъ и въ постановленія относительно хлѣбопашества и сѣнокошенія. Они опредѣляютъ норму числа распаханыхъ десятинъ, качество земли, количество рабочихъ, запрещаютъ передачу участка другому лицу, какъ иногородному, такъ и военного сословія, ограждаютъ интересы вдовъ и сиротъ и вообще заботятся о самомъ равномерномъ распредѣленіи видовъ пользованія между всѣми военными жителями. Система такая, конечно, для достиженія съ успѣхомъ своихъ цѣлей, требуетъ тщательнаго надзора, стѣсняющаго во многомъ свободу личности, и, несмотря на это, не заключаетъ въ себѣ достаточныхъ обезпеченій, на случай будущаго прогрессивнаго приращенія общины. Съ увеличеніемъ общины, измѣнится отношеніе угодій къ числу жителей, и тогда вся нынѣшняя система потребуетъ коренныхъ преобразованій; въ чемъ они состоятъ будутъ—очевидно не дѣло статистики, задача которой состоитъ въ вѣрномъ изображеніи данной минуты, посредствомъ ряда цифръ, обнимающихъ всѣ стороны народной жизни.

Второй томъ очень интереснаго сочиненія Рабинина, содержитъ въ себѣ различныя приложенія, таблицы, и выписки изъ актовъ, относящіяся до избраннаго имъ предмета.

Московская флора или описание высших растений и ботанико-географическій обзор Московской губерніи. Сочиненіе Н. Кауфмана. Москва. 1866. Изданіе Глазунова.

Обширный трудъ г. Кауфмана, который, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе лицъ, спеціально занимающихся изученіемъ ботаники, составляетъ вполне полезное приобрѣтеніе нашей литературы. Географическое положеніе Московской губерніи, въ которой сходятся и сливаются двѣ растительныя области: область еловыхъ и область лиственныхъ лѣсовъ, сѣверная растительность верхне-волжскаго бассейна съ болѣе южною растительностію бассейна Оки, дѣлало особенно желательнымъ точное изслѣдованіе ея растительности, по той причинѣ, что она представляетъ намъ ключъ къ органическому населенію смежныхъ съ нею областей, и что подробное описаніе ея флоры можетъ служить руководствомъ и пособіемъ при изученіи флоры прилегающихъ къ ней мѣстностей, то-есть всей средней полосы Россіи. Посвятивъ на предпринятый имъ трудъ девять лѣтъ усидчивыхъ работъ и безпрестанныхъ лѣтнихъ путешествій, г. Кауфманъ пересмотрѣлъ и разобралъ различнаго рода свѣдѣнія, относящіяся въ этомъ отношеніи до Московской и смежныхъ съ нею губерній. Свѣривъ подобнаго рода свѣдѣнія съ живою растительностію этой области, онъ составилъ описаніе встрѣчающихся въ ней растений, на основаніи видѣнныхъ имъ экземпляровъ оныхъ, выставляя на первый планъ тѣ признаки, которые всего яснѣе встрѣчаются въ представителяхъ даннаго вида и рода растений, попадавшихся ему въ Московской губерніи. Въ ключахъ, служащихъ для опредѣленія семействъ и подчиненныхъ ему группъ, также принятъ въ соображеніе составъ московской флоры. Чтобы дать понятіе о научныхъ достоинствахъ книги г. Кауфмана, мы скажемъ, что онъ приводитъ формъ растений совершенно новыхъ—31 и формъ нигдѣмъ до автора не показанныхъ въ московской флорѣ—174. Общее же количество видовъ явнотрачныхъ и высшихъ тайнотрачныхъ въ московской флорѣ, по г. Кауфману, доходитъ до 825. Составленный же имъ обзоръ распредѣленія растений по поверхности Московской губерніи и сравненіе ея флоры съ флорою петербургскою, казанскою и бранденбургскою можно считать важнымъ матеріаломъ для растительной географіи Россіи, къ изученію которой можно будетъ приступить лишь тогда, когда и въ отношеніи флоръ прочихъ мѣстностей нашего государства мы будемъ имѣть такія же обстоятельныя и тщательныя изслѣдованія, какъ лежащій предъ нами трудъ г. Кауфмана, который, должно замѣтить, едва-ли найдетъ себѣ много читателей. Семьсотъ страницъ ключей, латинскихъ названій, описаніе всякаго рода растений испугаютъ даже любителя-дилетанта естественныхъ наукъ; одинъ только ботаникъ-спеціалистъ прочтетъ сочиненіе г. Кауфмана. На этомъ основаніи мы рѣшаемся сказать, что и г. Глазуновъ назначилъ довольно умѣренную цѣну за вполне удовлетворительно изданные имъ экземпляры этого сочиненія, которое, по мнѣнію самаго

автора, должно служить руководствомъ не только для людей уже близко знакомыхъ съ ботаникою, но и для начинающихъ.

Мифы классической древности. Г. В. Штоля, переводъ съ немецкаго Покровскаго и Медвѣдева. Томъ 1-й съ рисунками и политипажжами. Москва. Изданіе книгопродавца Глазунова. 1865 г. 312 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Цѣль предлагаемаго собранія мифовъ, по словамъ самого составителя, заключается въ томъ, чтобы возможно точнѣе передать духъ классической древности въ ея поэтическихъ преданіяхъ. Для этого Штоль заимствовалъ цѣлкомъ, изъ различнаго рода произведеній древнихъ писателей, безъ всякихъ прикрасъ или измѣненій, тѣ мифическіе рассказы, которыми такъ богата классическая литература древнихъ, и сгруппировалъ ихъ въ восьми отдѣльныхъ главахъ (или книгахъ), причемъ собраны въ главѣ 5-й сказанія, относящіяся до Геракла, въ 4-й до Тезея, въ 5-й до похода Аргонавтовъ, въ 6-й до Эдина; въ главѣ же седьмой помѣщены тѣ различнаго рода поэтическія созданія древнихъ, которыя доставили предметы для извѣстныхъ метаморфозъ Овидія, въ восьмой—рассказъ объ Амурѣ и Психеѣ. Къ рассказамъ приложено довольно много рисунковъ, которые, всѣ безъ исключенія, какъ показано въ особомъ объясненіи въ нимъ, сняты съ произведеній древняго искусства, хранящихся въ различныхъ европейскихъ музеяхъ, и до сего времени красотою своихъ линий изумляющихъ путешественниковъ и знатоковъ. Такимъ образомъ книга Штоля представляетъ двойной интересъ для юныхъ читателей, которымъ она, по всей вѣроятности, и предназначается: она знакомитъ ихъ съ предметами литературныхъ произведеній древнихъ, и этимъ самымъ даетъ возможность понимать содержаніе дошедшихъ до насъ образцовъ ихъ скульптуры. Но книга эта, по нашему мнѣнію, значительно бы выиграла, еслибы Штоль прибавилъ отъ себя хотя бы въ самыхъ краткихъ словахъ выводы, которые можно и должно сдѣлать изъ дошедшихъ до насъ мифовъ классической древности. Безъ этого весьма легко можетъ случиться, что юные читатели сочтутъ ихъ не чѣмъ другимъ, какъ сказками, написанными для препровожденія времени, тогда какъ нельзя же не признать, что мифы эти знакомятъ насъ съ положеніемъ общества того времени, которое, должно замѣтить, было довольно варварское. Такъ исторія Діонисія свидѣтельствуетъ о кражѣ людей и пиратствѣ; похищеніе Европы и Елены—о похищеніяхъ женщинъ; обѣдъ, на которомъ былъ поданъ Итисъ—указываетъ на людоедство; оскорбленіе, нанесенное Крономъ его отцу Урану—обличаетъ дикость тѣхъ временъ, въ продолженіе которыхъ многоженство героевъ является часто въ наихудшей своей формѣ, подъ видомъ брака сестры съ братомъ, дозволеннаго самимъ владыкой Олимпа. Кромѣ того, въ мифахъ выразились какъ духовно-нравственныя, такъ и научныя понятія страны въ извѣстную эпоху, которыя, родившись въ грубой вѣкъ, когда имъ наив-

но и буквально вѣрили, переходили также и въ періодъ болѣе развитаго знанія и культуры, постепенно утрачивали свое значеніе и считались не болѣе какъ аллегоріями, въ которыхъ намѣренно скрыты нравственныя наставленія, естественныя знанія или эсotericескія религіозныя доктрины. Указавъ въ концѣ каждаго мѣся на скрытую въ немъ главную мысль, Штоль придалъ бы еще болѣе интереса своей занимательной для юношества книгѣ, русскій переводъ которой вполнѣ удовлетворителенъ.

**Судебные уставы 20 ноября 1864 года съ изложе-
ніемъ разсужденій, на коихъ они основаны. Изданіе
государственной канцеляріи. С.-Петербургъ 1866 года. Цѣна за
всѣ четыре части 3 р. 30 к.**

Приведенное нами полное заглавіе недавно вышедшаго изда-
нія судебныхъ уставовъ 1864 года, даетъ довольно ясное поня-
тіе объ его содержаніи. Едва ли нужно прибавлять, скажемъ
ми словами предпосланнаго къ означенному изданію предисло-
вія, изъ котораго позволяемъ себѣ сдѣлать нижеслѣдующую вы-
писку, что настоящее изданіе не есть ни новый законодательный
актъ, ни обязательный источникъ къ принудительному толкова-
нію закона. Оно указываетъ только истинный смыслъ той задачи,
которая имѣлась въ виду при составленіи проектовъ, изъясняетъ
разумъ разрѣшенія ея лишь въ кругѣ понятій мыслителей извѣ-
стной эпохи, словомъ—налагаетъ событіе уже совершившееся,
какъ историческій памятникъ, но не какъ неизмѣнную и непо-
движную на вѣчныя времена норму. Идти здѣсь далѣе и связы-
вать будущихъ дѣателей толкованіемъ принудительнымъ, невоз-
можно. Время безконечно, и потому мысль сковать значеніе зако-
на и остановить его дальнѣйшее развитіе была бы столь же не-
основательною, какъ и намѣреніе остановить теченіе времени.
При всемъ томъ, сколько бы личное возрѣніе будущихъ судеб-
ныхъ дѣателей ни разнествовало въ каждомъ данномъ случаѣ,
все однако же, и при различіи возрѣній, для нихъ необходимо
имѣть подъ рукою вѣрное и точное изъясненіе того, въ какомъ
именно смыслѣ понимался законъ при самомъ его зарожденіи.

Оставляя широкое поле для разработки имѣющихся въ дѣлѣ
матеріаловъ отъ другихъ исходныхъ точекъ, настоящее изданіе
можетъ, сверхъ того, служить, со стороны чисто практической,
справочною книгою для лицъ судебного вѣдомства, для повѣрен-
ныхъ и наконецъ, для всѣхъ тѣхъ, кто будетъ въ необходимости
прибѣгать къ покровительству суда.

Взятая изъ однихъ официальныхъ источниковъ, настоящая
книга издается не какъ сочиненіе частнаго лица, а какъ сборникъ
матеріаловъ, составляющихъ общее достояніе. Потому, при со-
ставленіи ея устранены всякіе личные взгляды: всѣ объясненія
подъ статьями заимствованы исключительно изъ источниковъ,
образовавшихся до утвержденія высочайшею властію судебныхъ
уставовъ и послѣдовавшихъ къ онымъ въ 1865 году и въ нача-

лѣ 1866 года дополнительныхъ законоположеній. Уставы изложены въ той самой послѣдовательности, какая была принята при ихъ составленіи: такимъ образомъ, въ части 1-й настоящаго изданія излагается уставъ гражданскаго судопроизводства, въ части 2-й—уставъ уголовного судопроизводства, въ части 3-й—учрежденіе судебныхъ установленій, а въ 4-й—уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а также высочайше утвержденное 27 декабря 1865 года мнѣніе государственнаго совѣта о согласованіи уложенія 1845 года съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Передъ самими уставами помѣщены основныя положенія гражданскаго и уголовного судопроизводства и судоустройства, съ соотвѣтственными ссылками на статьи уставовъ и съ тѣми первоначальными соображеніями, которыя не могли войти въ объясненія къ этимъ статьямъ. При составленіи проектовъ послѣдовало по разнымъ вопросамъ болѣе двухсотъ разногласій. Вводить въ настоящую книгу всѣ безъ изъятія различныя мнѣнія по столь значительному числу вопросовъ, значило бы усложнять ее безъ особенной пользы для дѣла и, вмѣстѣ, сдѣлать менѣе доступною. Поэтому, въ новомъ изданіи судебныхъ уставовъ излагаются только принятія мнѣнія; исключеніе изъ этого общаго правила допущено только для тѣхъ случаевъ, когда принятое мнѣніе было написано критически или полемически по отношенію къ другому и, слѣдовательно, безъ изложенія содержанія сего послѣдняго, не могло вполне способствовать разъясненію вопроса и состоявшагося по немъ окончательнаго заключенія. Въ этихъ случаяхъ излагаются оба мнѣнія, съ исключеніемъ изъ нихъ тѣхъ соображеній, которыя, по чисто-полемическому характеру, не имѣютъ существеннаго значенія для разъясненія содержанія статьи. Кроме того, въ настоящее изданіе не введены и объясненія нѣкоторыхъ статей, бывшихъ въ проектахъ, но въ уставѣ невошедшихъ. Въ изданіе это вошли многія дополнительныя постановленія къ судебному преобразованію (приложеніе къ части 3-й), въ числѣ коихъ находится также и судопроизводство охранительное, извѣстное до сего времени подъ именемъ дѣлъ судебного управленія. Оно составляетъ послѣднюю, то-есть IV книгу устава гражданскаго судопроизводства, утвержденаго 20-го ноября 1864 года.

Не распространяясь о пользѣ подобнаго рода изданія устава, которая очевидна, мы позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы и прочія вообще обнародываемыя распоряженія и постановленія правительства сопровождались бы по возможности съ изложеніемъ въ видѣ предисловія къ нимъ, какъ причинъ обусловившихъ самое изданіе постановленія, такъ и высказанныхъ при ихъ обсужденіи мнѣній, которыя бы въ большей части случаевъ уясняли бы не только истинный смыслъ, но даже и цѣль издаваемыхъ постановленій.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Микрокосмъ. Мысли о естественной и бытовой исторіи человѣчества. Опытъ антропологіи Германа Лотце. Часть II. Переводъ съ нѣмецкаго. Издаііе *Солдатенкова*. М. 1866.

Курсъ элементарной геометріи, составленный въ объемѣ гимназическаго курса А. *Соловичемъ*. Ч. I-я. Геометрія на плоскости. Спб. 1866.

О представительныхъ учрежденіяхъ въ древнемъ мірѣ. Соч. I. *Шизо-скаю*, представленное въ историко-филологическій факультетъ спб. университета. Брошюра. Спб. 1866.

Записки сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Книга VIII. Иркутскъ. 1866. Изд. подъ редакціею д-ра Н. И. *Кашіна*.

Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Книга I-я. Черниговъ. 1866.

Малороссійскіе посольскіе престыяне (1648—1788). Историко-юридическій очеркъ по архивнымъ источникамъ А. *Лазаревскаго*. Черниговъ. 1866.

Историческій очеркъ и описаніе арзамасской алексѣевской общины. Брошюра. Спб. 1866.

Краткое описаніе жизни настоятельницы арзамасской алексѣевской общины, Ольги Васильевны Стригалевой, во иночиняхъ—Олимпиады. Брошюра. Спб. 1866.

Къ чтенію и разумѣнію псалтири или книги хваленія царя и пророка Давида. Брошюра. Спб. 1866.

Россия возрожденная. Брошюра М. III. Спб. 1866.

Вспомогательныя таблицы при вычисленіи процентовъ по векселямъ, купонамъ и др. процентнымъ бумагамъ, съ присовокупленіемъ теоріи вычисленія процентовъ. Спб. 1866. Состав. В. *Сениновъ*.

Очерки и рассказы Гайба *Устьнскаго*. Спб. 1866.

Очеркъ отношеній Польскаго государства къ православію и православной церкви. Брошюра. Вильно. 1866.

Свадьба по нечаянности. Комедія въ 3-хъ дѣйств. и 4-хъ картинахъ. М. 1866. Соч. А. *Карманова*.

Джонъ Брентъ. Романъ Теодора Винтрона. Реценты д-ра Меригольда, свѣточный рассказъ Дикенса, и De profundis, повѣсть Вильяма Джильберта, въ одномъ большомъ томи. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1866.

Книга для чтенія и перевода нѣмецкаго и русскаго языковъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 3-я. Спб. 1866. Сост. А. *Мюллеромъ*.

Опытъ системы теоріи поэзій, въ примѣненіи къ гимназическ. курсу. Харьковъ. 1866. К. Ф.

Взглядъ на статистику въ историческомъ и современномъ ея развитіи и статистическое возрѣніе на характеръ и значеніе Европы. Спб. 1866. П. *Сухомлинъ*.

Томасъ Мюнцеръ. Эпизодъ изъ исторіи церковной реформы въ Германіи. Брошюра. Харьковъ. 1866. М. *Петровъ*.

Речь, читанная на актѣ въ харьковскомъ ветеринарномъ училищѣ, и отчетъ о путешествіи въ землю Войска Донскаго въ 1863 г. Профессора Георгія *Полюты*. Харьковъ. 1866.

Вступленіе въ публичныя популярныя лекціи фیزیологической анатоміи, читанныя въ теченіе великаго поста 1866 г-ромъ Иполитомъ *Вилькомирскимъ*. Брошюра. Харьковъ. 1866.

Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива. 1.—Письма разныхъ лицъ къ князю Петру Андреевичу *Вяземскому*. 1812—1847. М. 1866.

Тучность, ея причины, предотвращеніе и леченіе простыми діетическими средствами, на основаніи системы Вантинга, составлена г-ромъ *Фогелемъ*. Переводъ П. Конради, съ 8 немецкаго изданія. Русскаго перевода 2 изд. Спб. 1866.

Крестыянская школа. Сочиненіе М. Θ. *Ростовской*. Второе изд. Спб. 1866. Объясненіе утвари церковной и праздниковъ церковныхъ. Изд. III. М. 1866. Священника А. *Северлина*.

Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности имп. академіи наукъ, т. I, № 3. Сношенія П. А. Ричкова съ академіею наукъ въ XVIII столѣтіи. Спб. 1866. Статья академика П. *Пекарскаго*.

МАТЕРИАЛЫ къ познанію Иранскихъ нарѣчій. Ч. II, выпускъ 1 и 3. Мазандеранское нарѣчіе. Собраніе стихотвор. Эмира *Пазевари*, изд. Б. Дорномъ. Спб. 1866.

Исторія Юлія Цезаря, т. II, война съ Галіею. Спб. 1866.

Изъ народнаго быта. Брошюра. М. 1866. Сочиненія В. *Невельскаго*.

Славянская грамматика съ сборникомъ П. *Перельскаго*. Изд. 5. Спб. 1866.

Das russische Papiergeld. Ein finanzgeschichtlicher Umriss, mit besonderer Rücksicht auf die gegenwärtige Finanznoth Russlands. Riga. 1866.

Судьба дѣвужки или три Василья. М. 1866. Соч. М. *Майстренко*.

Повѣсти и рассказы *Лотоускаго*, ч. 3, кн. 1 и 2. Спб. 1866.

Исторія свѣчки. Соч. М. *Фараделъ*, съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями о стеариновой кислотѣ, о лампахъ, о газовомъ и электрическомъ освѣщеніи, Сен-Клер-Девіли, члена французскаго института. Перевелъ В. Зайцевъ. Спб. и М. 1866. Изд. М. О. Вольфа.

Основные правила степнаго хозяйства. Брошюра. Одесса. 1866.

Современный бытъ Іаковитовъ христіанъ инославныхъ и ихъ литургія. Брошюра Сафонія, епископа *Новомиргородскаго*. Одесса. 1866.

AMERICA during and after the War. By Robert *Ferguson*. (Америка во время и послѣ войны, Р. *Фертюсона*).

Dostov Brady. A Novel. By W. H. *Russel*.

ENGLAND and China. By J. H. *Bridges*.

THE ENGLISH and their Origin. A Prologue to Authentic English History. By L. O. *Pike*. (Англичане и ихъ происхожденіе, Л. О. *Пейка*).

FIRE Prevention and Fire Extinction. By James *Braidwood*. (Предупрежденіе и тушеніе пожаровъ, Джамса *Бредеуда*).

JAMES Meetwell; or, Incidents, Errors, and Experiences in the Life of a Scottish Merchant. (Джемсъ Митвелъ, или случайности, ошибки и опыты въ жизни шотландскаго купца).

JOHN Marchmont's Legacy. A Novel.

LEGENDS and Theories of the Buddhists. Compared with History and Science. By R. Spence *Hardy*. (Легенды и теоріи буддистовъ, сравненныя съ исторіею и наукою, Р. С. *Гарди*).

THE MOTHERS Favorite. A Novel. By S. Russell *Whitney*.

THE MUNICIPAL Corporations Directory, 1866; or, Official Guide to the Counties and Municipal Boroughs of England and Wales. (Альманахъ муницип-

циальныхъ корпорацій 1866 г., или официальный указатель мѣстечекъ въ Англии и Велісь).

THE NATURALIST in Vancouver Island and British Columbia. By John Keast Lord.

THE OLD Northern Runic Monuments of Scandinavia and England, now first Collected and Deciphered. By Professor George Stephens. (Древніе сѣверныя руническія памятники Скандинавіи и Англии, профессора Джорджа Стефенса).

THE RACE for Wealth. A Novel. By Mrs. J. H. Biddell. (Скачка за богатствомъ Романъ г-жи Дж. Г. Биддель).

REASON and Faith, with other Essays. By Henry Rogers. (Разумъ и вѣра и другіе опыты. Генри Роджерса).

THE SECOND Mrs. Tillotson. A Novel. By Percy Fitzgerald.

THE SPORTSMAN and Naturalist in Canada; or, Notes on the Natural History of the Game, Game Birds, Wild Fowl and Fish of that Country. By Major W. Ross King. (Охотникъ и натуралистъ въ Канадѣ, или замѣтки, относящіяся къ естественной исторіи дикихъ звѣрей, птицъ и рыбъ этой страны, Росъ Кинга).

TERRESTRIAL and Cosmical Magnetism. By Edward Walker.

THE THREE Louisas. A Novel. By Sutherland Edwards.

TRAVELS in France and Germany in 1865 and 1866; including a Steam Voyage down the Danube etc. By Capt. Spencer. (Путешествія во Францію и Германію въ 1865 и 1866 г., со включеніемъ поѣздки на пароходъ внизъ по Дунаю и т. д., Спенсера).

UNCLE Armstrong. A Novel. By Lord B. (Для Армстронгъ. Романъ лорда В.).

VENETIAN Life. By W. D. Howells. (Венеціанская жизнь, Ум. Д. Гоуэллса).

THE WORKS of Lord Macaulay, Complete. Edited by his Sister, Lady Trevelyan. 8 vls. (Полное собраніе сочиненій лорда Маколея, изданное сестрой его, леди Тревелианъ. 8 томовъ),

L'ABOLITION de l'esclavage par l'Angleterre, la France, les Etats-Unis. Rapprochements, par J. F. Millieroux. (Уничтоженіе рабства Англіею, Франціей, Соединенными Штатами. Сближенія. Ж. Ф. Мильурю).

LES AVENTURES d'un prêtre et d'un marin, par F. J. Carou. (Приключенія моряка и священника, Ф. Ж. Кару).

LA BARONNE d'Ostie, roman de moeurs contemporaines, par Ernest Briens.

LE CARDINAL Georges d'Amboise, ministre de Louis XII, par M. de Montbard.

SOUP d'oeil sur les origines de la pisciculture fluviale et sur l'état actuel de cette industrie en France, par M. le professeur N. Joly. (Взглядъ на первыя приступы къ искусственному разведенію рѣчной рыбы и на дѣйствительное состояніе этой промышленности во Франціи, Н. Жюли).

LES DRAMES de Paris, par Ponsou de-Terrail. Т. 2. Le club des valets de coeur. Т. 3. Turquoise la pécheresse. (Парижскія драмы, Понсона де-Терраля. Т. 2. Клубъ червовыхъ валетовъ Т. 3. Бирюза грѣшница).

LE Duc de Bourgogne, petit fils de Louis XIV, par Arthur de-Seine.

EQUIVALENTS, atomes, molécules, par Edouard Grimaux.

UNE EXCURSION, à Palmyre, par le marquis de Nadaillac.

HISTOIRE de l'antéchrist, ou exposé des événements certains et probables qui concernent sa personne, son règne, sa fin et son temps, par P. Huchedé.

(Исторія ангихриста, или изложение вѣрныхъ и вѣроятныхъ событій, касавшихся его личности, царствованія, кончины и времени, П. *Гюшеде*).

HISTOIRE de Sainte Roseline de Villeneuve, religieuse chartreuse, et de l'influence civilisatrice de l'ordre des Chartreux, avec pièces justificatives, par M. le comte H. de *Villeneuve-Flayosc*. (Исторія святой Розелины вильневской, картезианской монахини, и о цивилизирующемъ вліяніи картезианскаго ордена, съ письменными доказательствами, графа Г. *Вильнёвъ-Флейоска*).

DE LA MÉLANCOLIE, par L. *Colin*.

MESDAMES Montanbrèche, comédie en 4 actes, par MM. Clairville et Victor *Bernard*.

DES MILIEUX réfringents de l'oeil, anatomie et physiologie, par J. *Pollillon*. (О преломляющихъ лучи средахъ глаза, анатомія и физиологія, Ж. *Полльона*).

LES ORIGINES et les progrès récents de la galvanoplastie, par *Bouilhet*. (Происхождение и новыя усѣхи гальванопластики, *Буилле*).

UN RIBOT dans le crime, comédie en trois actes, par MM. *Labiche et Cholet*. (Шагъ къ преступленію, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, *Лабича* и *Шоле*).

LES RUVENÉES. Eaux thermales sulfureuses de Bagnères de Luchon, par Adolphe *Bourdeillette*. (Шривей. Теплыя сѣрныя воды Баньеръ-де-Люшона, А. *Бурдельета*).

QUARANTE vérités dites à la cour de Turin, par Etienne *San-Pol*. (Сорокъ правдъ, сказанныхъ при туринскомъ дворѣ, Э. *Сан-Поля*).

LE SPIRITISME devant l'histoire et l'église. Son origine, sa nature, sa certitude, ses dangers, par l'abbé C. *Poussin*. (Спиритизмъ передъ исторіею и церковью. Его происхождение, природа, вѣрность, опасная сторона, *Пуссена*).

VENISE et la France, par Léopold de *Gaillard*.

LA VIE au hasard, par Henri de *Kock*. (Жизнь на удачу, Ганри *Кока*).

AKADEMISCHE Denkreten, von Dr. C. von *Martius*. (Академическія панегирики, К. *Мартиуса*).

DEUTSCHE Opfer, von Karl *Wartenburg*. (Нѣмецкая жертва, К. *Вартенбургъ*).

Die DINKA-Sprache in Central-Afrika. Kurze Grammatik, Text und Wörterbuch, von Dr. I. C. *Mitterrutzner*. (Языкъ динковъ въ Средней Африкѣ. Краткая граматика, текстъ и словарь, I. К. *Миттерруцнера*).

ENGLAND in Reformationszeitalter. Vier Vorträge. Von Wilhelm *Maurerbrecher*. (Англія въ реформаціонный вѣкъ. Четыре записки. В. *Маурербрехера*).

ERLEBNISSE eines Arztes. Abth. I. Von Dr. E. D. *Mund*.

ERZÄHLUNGEN, Novellen und Gedichte von Arthur *Bitter*. (Разказы, повѣсти и стихи Ар. *Биттера*).

FRANZ Luis de Leon. Eine Biographie aus der Geschichte der spanischen Inquisition und Kirche im XVI Jahrhundert, von Dr. C. A. *Wilkens*. (Биографія изъ исторіи испанской инквизиціи и церкви XVI вѣка, К. А. *Вилкенса*).

FÜR'S Vaterland. Geschichtlicher Roman von Julius *Mühlfeld*. (За отечество. Историческій романъ Ю. *Мюльфельда*).

EIN GELICHTER. Lebensbild. Von A. *Breusing*. (Опальный. Картина жизни. А. *Брейзинга*).

Die GEOLOGIE der Gegenwart, dargestellt und beleuchtet von *Bernhard von Cotta*. (Геологія настоящаго времени, *Бернарда Котта*).

T. CLXVIII. — Отг. II.

1/3

GESCHICHTE der liturgischen Gewänder des Mittelalters, von F. Bock. (Исторія средневѣковыхъ облачений во время литургіи, Ф. Бок).

HANDBUCH für Staatskunde. Politische Statistik aller Kulturländer der Erde, von Dr. W. Kellner. (Руководство къ познанію государства. Политическая статистика всѣхъ цивилизованныхъ странъ на землѣ, В. Келлера).

INO LEUKOTHEA. Zwei antike Bronzen von Neuwied und München. Erklärung von F. Ritschl.

MATHEMATISCHES Wörterbuch, von L. Hoffmann.

DIE PFLANZLICHE Parasiten des menschlichen Körpers, von Ernst Haeckel. (Растительные паразиты человеческого тѣла, Э. Гакслера).

DIE PHYSIOLOGIE der Farben für die Zwecke der Kunstgewerbe, von Dr. E. Brücke. (Физиологія красокъ для цѣлей художественныхъ ремеселъ, Э. Брюке).

PHYSIOLOGIE der menschlichen Sprache, von Dr. C. L. Merkel. (Физиологія человеческого языка, К. Л. Меркел).

SAMMLUNG und Bearbeitung central-afrikanischer Vokabularien, von Heinrich Barth. (Собрание и обработка средне-африканскихъ словарей, Г. Барта).

DIE SAMMLUNGEN des kaiserlichen Münz- und Antiken-Cabinetts, beschrieben von E. von Sacken und F. Kenner. (Коллекція монетъ и антиковъ вѣнскаго кабинета, описанныя Э. Закеномъ и Ф. Кенеромъ).

VORSHULE zum Studium der kirchlichen Kunst, von Dr. W. Lübke. (Начало къ изученію церковнаго искусства, В. Любке).

ZWINGLI-STUDIEN, von Dr. Hermann Spörri. (Этюды о Цвингли, Г. Шпёри).

ВЫЗОВЪ НА СОСТЯЗАНІЕ.

Въ 9-мъ номерѣ за первую половину мая нынѣшняго года въ нашемъ журналѣ напечатана была статья г. Иваннина подъ заглавіемъ «Теорія стенографіи для русскаго языка», гдѣ авторъ статьи изложилъ тѣ начала, по которымъ, по его мнѣнію, должна быть составлена стенографическая азбука [для русскаго языка. Статья эта напечатана въ нашемъ журналѣ съ тѣмъ, чтобы вызвать основательный критическій разборъ ея, который послужилъ бы къ разъясненію вопросовъ, какою стенографическую систему удобнѣе примѣнить къ русскому языку. вмѣсто такого разбора, въ «Петербургскомъ Листкѣ», отъ 12-го прошлаго іюня, за № 86-мъ, появилась статья неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ литерами И. К—евъ, озаглавленная имъ «Ископаемая стенографія», въ которой авторъ, вмѣсто дѣльнаго разбора стенографической азбуки г. Иваннина, написалъ такого рода возраженіе, которое, употребляя выраженіе самого автора, принадлежать къ разряду статей, относящихся къ хлестаковщинѣ, а потому и статья его не заслуживала бы отвѣта. Но она начинается словами: «Въ настоящее время, съ введеніемъ гласнаго судопроизводства, стенографія пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Поэтому распространеніе въ журналахъ *превратныхъ понятій* объ этомъ искусствѣ должно вызвать возраженія со стороны людей, болѣе знакомыхъ съ дѣломъ.» Эти-то слова автора и побудили насъ сдѣлать нѣсколько опроверженій на статью его и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить мѣру, которая будетъ изложена нами ниже, и которая, по нашему мнѣнію, есть самая раціональная для того, чтобы избавить наше общество отъ *превратныхъ понятій о стенографіи*, какъ выражается безымянный авторъ. Приступимъ теперь къ опроверженію нѣкоторыхъ замѣтокъ безымяннаго автора.

Г. И. К—евъ говорить, что г. Иванинъ составилъ свое руководство на основаніи старинныхъ англійскихъ и французскихъ стенографій, принявъ для буквъ такъ-называемые геометральные знаки: прямую линію, линію съ кружкомъ и полукругъ. Это заключеніе сдѣлано авторомъ вѣроятно потому, что г. Иванинъ составилъ свою стенографію болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Но что удобные для письма геометральные знаки не устарѣли, доказательствомъ служить то, что такіе знаки приняты и въ новѣйшихъ французскихъ и англійскихъ стенографіяхъ; напримѣръ, Питманъ съ такими знаками издалъ свою стенографію для англійскаго языка въ 1837 году, а Прево—для французскаго языка, въ 1855. Полагаемъ, что эти системы стенографіи не могутъ еще быть названы старинными. Авторъ статьи *Искупаемая стенографія*, желавшій разобратъ, или, правильнѣе сказать, отклевстать систему стенографіи г. Иванина, не позаботился, однакоже, достаточно ознакомиться съ нею и вникнуть въ сущность этой системы, хотя уже въ самомъ началѣ статьи г. Иванина: «Теорія стенографіи для русскаго языка» совершенно ясно высказано авторомъ, что принятіе имъ особыхъ знаковъ для гласныхъ буквъ болѣе всего способствуетъ къ ускоренію письма, потому что для написанія гласныхъ буквъ по его системѣ теряется очень мало времени; а гласныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ почти на $\frac{3}{4}$ противъ согласныхъ буквъ. Итакъ, если согласныхъ буквъ въ минуту напишется отъ 30 до 350, то вмѣстѣ съ ними почти въ то же время впишется отъ 150 до 200 гласныхъ буквъ, и слѣдовательно всего отъ 450 до 500 буквъ, а это уже приближаетъ къ возможности писать за говорящимъ.

Далѣе авторъ хвалитъ красоту почерка графическаго письма; но для стенографіи, полагаемъ, прежде всего нужны быстрота и четкость письма, и легкость изученія.

Потомъ авторъ говорить, что г. Иванинъ отвергаетъ рациональныя и заранѣе придуманныя сокращенія, и тѣмъ самымъ заставляеть учащихся по его системѣ дѣлать случайныя сокращенія. Между тѣмъ, въ изданной г. Иванинымъ, въ 1858 г., стенографіи показаны сокращенія слоговъ и словъ по его системѣ; но этихъ сокращеній такъ немного, что они легко заучиваются, что даетъ возможность узнать всѣ правила этой стенографіи въ три или четыре урока. Но что принятыхъ г. Иванинымъ сократительныхъ знаковъ совершенно достаточно, чтобы записывать за скоро-говорящими, это показалъ уже опытъ. Засѣданія

петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ въ сезонъ 1864—1865 г. записывались стенографами, писавшими по этой системѣ.

Тотъ же «Петербургскій Листокъ», напечатавшій статью объ «ископаемой стенографіи», въ № 182 этой газеты, отъ 9-го декабря 1865-го года, въ статьѣ *Наша Русская Анатія*, свидѣтельствуесть, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано заявленіе отъ московскаго городского головы, что г. Артоболевскій съ 15-го мая по 15-е сентября 1865-го года, приготовилъ для московской думы стенографовъ весьма удовлетворительно; а г. Артоболевскій учитъ по системѣ г. Иванина. И такъ изъ заявленія московскаго городского головы видно, что стенографы были въ 4 мѣсяца приготовлены весьма удовлетворительно.

Въ той же статьѣ «Петербургскаго Листка» говорится, что г. Артоболевскій напечаталъ свои стенографическіе отчеты о заведеніяхъ двухъ полевыхъ судовъ, «происходившихъ въ Москвѣ, и записанныхъ его стенографами безукоризненно, и что г. Артоболевскимъ и его же стенографами отлично были стенографированы засѣданія московскаго губернскаго земскаго собранія и засѣданія на дворянскихъ выборахъ. *Все это было стенографировано по системѣ г. Иванина.*

Къ этимъ заявленіямъ мы считаемъ нужнымъ присовокупить то, что намъ положительно извѣстно. Въ 1863-мъ году содержатель пансіона на Васильевскомъ острову г. Розе, обратился къ г. военному министру съ предложеніемъ приготовить для военнаго министерства стенографовъ, назначая за каждаго ученика въ годъ по 150 руб.

Въ то время полагали, что для обученія стенографіи и приобрутенія навыка писать за говорящимъ, потребуется не менѣе 2 или 3-хъ лѣтъ; посему заявленная г. Розе цѣна, при обученіи 20 или 30 стенографовъ, потребовала бы довольно крупной суммы. Военное министерство нашло возможность приготовить для своего вѣдомства стенографовъ за гораздо меньшую сумму. Г. Артоболевскій, бывший преподаватель въ пансіонѣ г. Розе, взялся преподавать стенографію по системѣ г. Иванина въ училищѣ военнаго вѣдомства, съ платою за урокъ по 3 руб. Уроки его начались 4-го марта 1864 г., на первой недѣлѣ великаго поста, и продолжались около 1¹/₂ мѣсяца; по случаю приготовленія топографовъ къ экзамену, уроки стенографіи кончились въ концѣ поста; послѣ экзаменовъ дано было 2 или 3 урока стенографіи, и затѣмъ топографы были отправлены на съѣму, съ

которой возвратились въ августѣ мѣсяцѣ. Въ концѣ этого мѣсяца началось опять преподаваніе стенографіи въ с.-петербургскомъ военномъ училищѣ и окончилось въ сентябрѣ. Изъ этого видно, что обученіе стенографіи продолжалось съ небольшимъ 3¹/₂ мѣсяца. Въ это время г. Артоблевскимъ дано было всего 51 урокъ стенографіи по системѣ г. Иванина, за что преподаватель и получилъ вознагражденіе 153 руб. Обучалось стенографіи 7 топографовъ, но могло бы разомъ и за эту же сумму быть обучено и до 30-ти учениковъ, еслибы была возможность назначить такое число топографовъ; но военное министерство не могло отвлечь такого числа топографовъ отъ спеціального ихъ назначенія. Два изъ обучавшихся стенографіи топографовъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ того года записывали рѣчи, говорившіяся въ заведеніяхъ с.-петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, какъ видно изъ подписи на отпечатанныхъ отчетахъ этихъ собраній.

Увѣрять послѣ всего этого, что выборъ азбучныхъ знаковъ для стенографіи системы г. Иванина есть результатъ страннаго его самообольщенія, порожденнаго преувеличеннымъ потіемъ о достоинствахъ его системы, едва-ли возможно безъ явной несправедливости, тѣмъ болѣе, что г. Иванинъ, какъ намъ извѣстно, самъ въ 1863-мъ и 1864-мъ годахъ, постоянно проводилъ мысль, что для узнанія, какаѧ изъ стенографій будетъ лучшей для русскаго языка, слѣдуетъ назначить по 5-ти или 6-ти учениковъ изъ низшихъ училищъ, для обученія ихъ стенографіи по разнымъ системамъ, и потомъ, по произведенному испытанію, рѣшить, каковую стенографію принять для русскаго языка. Это одно уже показываетъ объ отсутствіи самообольщенія.

Г. Артоблевскій съ своей стороны въ прошломъ году тоже чрезъ газеты предлагалъ сдѣлать стенографическое испытаніе, пригласивъ на публичное состязаніе, въ одну изъ залъ технологическаго института, стенографовъ, обучавшихся по разнымъ системамъ; но на этомъ состязаніи пришлось писать однимъ его ученикамъ, такъ-какъ на состязаніе не явилось стенографовъ другихъ системъ.

Читая въ газетахъ противорѣчащія одно другому заявленія о разныхъ системахъ стенографіи, вводимыхъ для русскаго языка, мы пришли къ убѣжденію, что вопросъ о превосходствѣ той или другой системы стенографіи можетъ положительно и безпристрастно быть разрѣшенъ только путемъ гласности, именно публичнымъ состязаніемъ стенографовъ, выученныхъ по разнымъ

системамъ стенографіи; это будетъ лучшій способъ опредѣлить, которая изъ предлагаемыхъ системъ стенографіи должна быть предпочтена для русскаго языка. И такъ-какъ стенографія оказываетъ особую пользу при гласномъ судопроизводствѣ, то мы и полагаемъ, что въ числѣ прочихъ и мировые судьи, и лица служащія по мировымъ учрежденіямъ, не откажутся принять на себя обязанности судей при опредѣленіи достоинствъ стенографій разныхъ системъ; опредѣлить же, которой изъ системъ должно отдать предпочтеніе, не составляетъ особой трудности; тутъ дѣло само за себя говорить. Состязаніе можетъ быть назначено въ условленный заранѣе день, причемъ можно выбрать предметомъ для записыванія или примѣрное разбирательство какого либо суднаго дѣла, или же записать нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ съ такою скоростію, какъ обыкновенно говорятся рѣчи; при этомъ слѣдуетъ записать, во сколько времени рѣчи эти были произнесены, чтобы можно было видѣть, сколько примѣрно словъ произносится въ минуту; потомъ слѣдуетъ дать стенографамъ прочесть записанное ими, чтобы убѣдиться въ чѣткости стенографіи, причемъ слѣдуетъ еще замѣчать и сдѣланные пропуски; а затѣмъ запечатать записанное стенографами съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время дать опять каждому изъ стенографовъ прочесть записанное имъ. Этотъ опытъ покажетъ, по какой стенографіи можно скорѣе писать, которая разборчивѣе. При состязаніи этомъ можно спросить у каждаго изъ стенографовъ, сколько времени было имъ употреблено на изученіе стенографіи и на приобрѣтеніе навыка писать за говорящимъ. На подобное состязаніе мы получили полнѣйшее согласіе г. Иванина, о чемъ и объявляемъ.

Мы желали бы, чтобы это заявленіе было объявлено во всѣхъ газетахъ, не исключая и «Петербургскаго Листка», редакторъ котораго, изъ приведенныхъ его здѣсь статей: отъ 9-го декабря 1865 года и 12 іюня 1866 года можетъ видѣть, какъ противорѣчивы сообщаемыя имъ извѣстія по одному и тому же предмету; и такъ-какъ одинъ изъ безыменныхъ сотрудниковъ его газеты непремѣнно сообщилъ ему невѣрное свѣдѣніе, то его же собственная польза требуетъ печатно объявить имена этихъ сотрудниковъ, и тѣмъ избавить себя и другихъ редакторовъ отъ сообщенія имъ ложныхъ слуховъ.

Изъ статьи отъ 12-го іюня видно, что авторъ ея отвергаетъ свидѣтельство «Московскихъ Вѣдомостей» и московскаго город-

ского головы въ томъ, что г. Артоболевскій дѣйствительно въ четыре мѣсяца весьма удовлетворительно приготовилъ стенографовъ для московской думы. Такого рода печатное заявленіе не должно бы остаться безъ отвѣта; и мы надѣемся, что оно будетъ сдѣлано, и думаемъ, что въ *Москвѣ тоже устроится стенографическое состязаніе, подобное предложенному нами.*

Мы полагаемъ тоже, что и авторъ статьи объ ископаемой стенографіи, заявившій въ самомъ началѣ своей статьи, что написалъ ее изъ желанія *избавить наше общество отъ превратныхъ понятій объ этомъ искусствѣ*, особенно долженъ позаботиться о приглашеніи стенографовъ разныхъ рекомендованныхъ имъ системъ стенографіи явиться на состязаніе; въ противномъ случаѣ если никто изъ нихъ не явится, то общество будетъ вправѣ заключить, что авторъ статьи объ «ископаемой стенографіи» имѣетъ какую нибудь особую цѣль изъ-за угла бросать грязью въ челоуѣка, искренно и для пользы русскаго общества преданнаго своему дѣлу. А именно такимъ считаемъ мы г. Иванина, безкорыстно и упорно преслѣдующаго свою цѣль, создать русскую стенографію.

Желающихъ принять участіе въ стенографическомъ состязаніи мы просимъ записываться въ редакціи нашего журнала: на углу Литейной и Басейной, въ домѣ подъ № 38. Имена ихъ будутъ объявлены въ нашемъ журналѣ, съ отмѣткою, по какой системѣ стенографіи, когда и въ какомъ мѣстѣ они желаютъ принять участіе въ стенографическомъ состязаніи.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

ДЛЯ ФЛЕЙТЫ.

- ЧАРДИ.** Портфель любителя. Маленькія фантазіи на русскіе романсы съ аккомп. фортепьяно: № 1. Матушка-голубушка. № 2. Думечка дѣвица. № 3. Скажите ей. № 4. Не брани меня, родная. № 5. Хуторокъ. № 6. Боже Царя храни (каждый 60 к.).
- ЧАРДИ** Новѣйшая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 р.).
- ВОНМ.** 24 caprices-études pour flûte seule op. 26. (2 p. 60 к.). 24 études avec piano op. 37. (6 p. 80 к.). Les mêmes pour flûte seule op. 37. (2 p. 30 к.).
- BRICCIALDI.** Exercices journaliers et indispensables dans tous les tons (1 p.).
- KUMMER.** 24 Etudes mélodiques dans tous les tons majeurs et mineurs op 110. (2 p.). 32 études amusantes et instructives pour flûte seule (2 p.).
- STECKMEST.** Fleurs des opéras. Potpourris élégants pour flûte seule. 22 №№ (по 45 к.). 100 вьесъ для отдохновенія, составленныхъ изъ любимыхъ мелодій для начинающихъ. 3 тетр. (каждая 85 к.).
- КИНДИНГЕРЪ.** Музыкальные вечера. Собраніе фантазій на любимыя русскіе романсы и пѣсни, съ аккомп. фортепьяно. 9 тетр. (каждая 75 к.). Эти же пѣсни для одной флейты. 9 тетр. (каждая 40 к.).
- ЧАРДИ.** 125 любимыхъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ для одной флейты (3 р.).
- BRICCIALDI.** Il disimpegno. Album de six fantaisies sur des opéras favoris. 6 тетр. (каждая 1 p. 45 к.). Il Bravo. Fantaisie (2 p. 30 к.). La Sonnambula. Fantaisie (1 p. 75 к.). Saffo. Fantaisie (1 p. 75 к.).
- HEINEMEYER.** Fantaisies pour la flûte avec piano: sur une mélodie de Mendelssohn (2 p.), sur la Traviata (2 p.), sur un air de Gumbert (1 p. 70 к.), sur un air de Fischer (1 p. 70 к.).
- KUMMER.** Fantaisies pour la flûte avec piano: Il Trovatore (1 p. 15 к.). Rigoletto (1 p. 15 к.). La Traviata (1 p. 45 к.). Robert le diable (1 p. 70 к.). Les Huguenots (1 p. 70 к.). Le Prophète (1 p. 70 к.). Ernani (1 p. 60 к.). I Montecchi ed i Capuletti (1 p. 60 к.). I Puritani (1 p. 70 к.). Norma (1 p. 60 к.). La favorite (1 p. 75 к.). Lucrezia Borgia (1 p. 45 к.). Faust (1 p. 45 к.).
- Transcriptions des mélodies de Fr. Schubert avec piano. 12 тетр. (по 60, 75 к. и 1 p.).

ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- ШУБЕРТЪ.** Букетъ изъ русскихъ пѣсень и романсовъ. Попурри, исполненный съ большимъ успѣхомъ оркестромъ Г. Фюрстно въ Павловскѣ. Для одного фортепьяно (1 р. 50 к.). Въ четыре руки (2 р.).
- БЕРНАРДЪ.** 125 любимыхъ русскихъ пѣсень, переложенныхъ для одного фортепьяно. 1-е собраніе. Новое изданіе (3 р.).
— Альбомъ самыхъ любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для одного фортепьяно. 9 тетр. (въ каждой по 10 романсовъ) (каждая тетрадь 1 р.).
- КОНТСКІЙ.** Чародѣйка моя. Любимый вальсъ для одного фортепьяно (85 к.). Въ 4 руки (1 р. 15 к.). Забудь весь миръ! Мазурка (60 к.). Marie-Mazurka (75 к.). 3-me Sérénade (75 к.). Le r-veil du lion. Caprice heroïque. (1 р. 50 к.). Le même facilité (75 к.). Le même à quatre mains (1 р. 50 к.).
- КЕТТЕРЕР.** Valse des roses (85 к.). Valse des fleurs (85 к.). Boute en train. Galop. (75 к.).
- КАЖИНСКІЙ.** Новое собраніе небольшихъ фантазій на любимыя русскія пѣсни: № 1. Не бѣлы снѣги (50 к.). № 2. Во саду ли въ огородѣ (60 к.). № 3. Ивушка (60 к.). № 4. Стонетъ сизый голубочивъ (75 к.). № 5. Во полѣ береза стояла (75 к.). № 6. Лучинушка (60 к.).
- КАРПЕНКО.** Жаворонокъ Кіевскихъ полей. Южно-русское поурри изъ малороссійскихъ пѣсень, думъ и романсовъ (75 к.).
- THALBERG.** L'art du chant appliqué au piano. Six transcriptions. 3-me serie. 6 тетр. (каждая 1 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ книгъ, изданій придворной пѣвческой капеллы и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которымъ крайнія и за пересылку оныхъ прилагается особо.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го сентября девятая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVII), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія: *Галлера, Спидлера, Бера, Эгарда, Круа, Контскаго* и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желаящіе подписаться, получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *рояли, скрипки, смычки, флейты, итары, гармонифлейты, метрономы*, и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Депю лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

*На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.*

Новѣйшіе танцы для фортепьяно:

FÜRSTNOW, H. Miantonomoh-Galop. Сочинено для приѣма господъ американцевъ въ Павловскѣ, и посвящено капитану г. Фоксу (съ рисункомъ «Монитора»). 75 в.

REINBOLD, H. Nail Columbia. Кадриль на американскія мотивы 75 в.

RESCHE, J. Jankee-Polka 60 в.

STRAUSS, Joh. Dagmar-Polka 60 в.; Damenspende-Polka 60 в.; Par force-Polka 60 в.; Flugschriften. Walzer 1 р.; Wiener Bonbon. Walzer 1 р.

Новости для виолончели и фортепьяно:

MOZART, W. A. Сонаты для фортепьяно и скрипки. Арранжированныя для фортепьяно и виолончели Фр. Грютцмахеромъ. № 1. A dur 1 р. 15 в.; № 2. C dur 1 р.; № 3. D dur 2 р.; № 4. E moll 1 р.; № 5. E sdur 1 р. 15 в.; № 6. G dur 1 р. 15 в.; № 7. F dur 1 р. 30 в.; № 8. C dur 1 р. 30 в.; № 9. F dur 1 р. 45 в.; № 10. B dur 1 р. 70 в.; № 11. G dur 1 р. 15 в.; № 12. E sdur 1 р. 50 в.; № 13. A dur 85 в.; № 14. B dur 1 р. 70 в.; № 15. B dur 2 р.; № 16. Es. dur 1 р. 70 в.; № 17. A dur 2 р.; № 18. F dur 1 р. 15 в.

Тѣ же сонаты въ оригинальномъ изданіи, для фортепьяно и скрипки, съ аппликатурою Ферд. Давида, по той же цѣнѣ.

GOLTERMANN, George. 1-e Sonatine für Pianoforte et Violoncell. Op. 36. B. 1 р. 15 в.

RUBINSTEIN, Antoine. Sonate pour Piano et Violoncelle. Op. 18. 3 р. 75 в.

— — 2-e Sonate pour Piano et Violoncelle. Op. 39. 3 р. 45 в.

GALTERMANN, George. 2-e Duo en forme d'une Sonate pour Piano et Violoncelle. Op. 25. 2 р. 85 в.

— — 3 morceaux caractéristiques pour violoncelle avec Piano. Op. 41. № 1. Intermezzo. № 2. Ballade. № 3. Alla mazurka. à 85 в.

ROMBERG, B. 2-e Concert pour Violoncelle avec Piano. Op. 3. 2 р. 60 в.

— — 4-e Concert pour Violoncelle avec Piano. Op. 7. 2 р. 60 в.

DAVIDOFF, Ch. Concerto pour Violoncelle avec Piano. Op. 5. 2 р. 85 в.

— — Trois pièces caractéristiques pour Violoncelle avec Piano. Op. 9. № 1. Solitude 60 в.; № 2. Humoresque 75 в.; № 3. Tarrantelle 85 в.

— — 2-e Concerto pour Violoncelle avec Piano Op. 14. 4 р. 30 в.

- DAVID, Ferdinand. Sieben Stücke für Violoncell und Pianoforte. Op. 34. 3 p. 45 к.
- KUMMER, F. A. Les Soirées du Nord. Fantaisies pour le Violoncelle avec accompagnement de Piano, sur des airs russes et bohémiens. Op. 115. № 1. «Соловей» de Alabiéff 75 к.; № 2. Trois airs favoris 1 p. 15 к.; № 3. Airs favoris: «Коса», etc. 85 к.; № 4. Hymne national de Lvoff 1 p. 15 к.; № 5. Красный Сарафанъ de Warlamoff 1 p.; № 6. Вѣтка de Titoff 75 к.; № 7. Deux airs favoris 85 к.; № 8. Schöne Minka. Air favori 75 к.
- LINDNER, August. Lyrische Stücke für Violoncell und Pianoforte. Op. 26. № 1. Heimwch 75 к.; № 2. Loreley 1 p. 15 к.; № 3. An einem Grabe 75 к.; № 4. Romance 1 p.; № 5. Ungeduld 85 к.; № 6. Gebirgsweisen 75 к.; Der Savoyardenknabe. Humoreske für Violoncelle et Piano. Op. 29. 1 p.
- MARX-MARKUS, Ch. Introduction et Variations. Morceau instructif (sans emploi du pouce) pour 2 violoncelles avec piano. Op. 9. 2 p.
- GANZ, Maurice. 10 pièces caractéristiques, instructives, faciles et progressives pour le Violoncelle avec accompagnement de Violoncelle ou de Piano. Op. 31. Livr. 1 et 2 à 2 p. 30 к.
- — Transcriptions et paraphrases pour le Violoncelle avec Piano. Op. 34. № 1—2. Aria di chiesa nel Sec. XVII di A. Stradella, et célèbre Aria di Chiesa di A. Stradella 1 p.; № 3—4. Air d'Iphigénie en Tauride de Glück, et air des Noces de Figaro de Mozart 1 p.; № 5. Sarabande, Gavotte et Musette de J. Seb. Bach 85 к.; № 6. Célèbre Notturmo de John Field 85 к.; Célèbres Variations de chant de Rode 1 p.; № 8. Orphée et Eurydice de Glück 1 p.
- SCHUBERT, Charles. Dodécameron. Morceaux de salon pour Violoncelle ou Violon avec Pianoforte: Première Série. № 1. L'espoir. Romance. Op. 9. 60 к.; № 2. Les soupirs. 2 Nocturnes. Transcriptions 1 p. 15 к.; № 3. Quatre élégies: № I. La mort d'une jeune femme. № II. Crépuscule. № III. Élégie russe. № IV. Poème d'amour. Op. 10. 1 p. 45 к.; № 4. Adagio et mazurka. Op. 17. 1 p. 15 к.; № 5. Mystification. Capricietto. Op. 18. 1 p. 15 к.; № 6. Ave Maria, de F. Schubert. Transcription 60 к.; № 7. Trois romances: № I. Berceuse. № II. Amourette. № III. Impatience. Op. 20. 1 p. 45 к.; № 8. Adagio de Mozart. Transcription 85 к.; № 9. Mélancolie et Résignation. 2 Romances. Op. 22. 1 p. 15 к.; № 10. Marche funèbre. Elégi: de Vollweiler. Transcription 1 p. 15 к.; № 11. Le désir. Romance. Op. 25. 85 к.
- Въ этомъ же магазинѣ можно получать *все музыкальныя сочиненія, гдѣ и гдѣ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе нотъ на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

БАРЧУКИ.

КАРТИНЫ ПРОШЛАГО, БЕЗЪ ПЛАНА И СВЯЗИ.

Schönes Leben! Süßze Gewohnheit des Daseins und Treibens...

(Goethe).

V.

Новый свѣтъ.

Мнѣ кажется, что мы живемъ совсѣмъ не въ той деревнѣ Лазовкѣ, въ какой теперь живемъ, хотя, конечно, и та, и эта называются именемъ Лазовки. Той Лазовкѣ не было конца — ни на сѣверъ, ни на югъ, ни на западъ; въ ней простирались необитаемыя пустыни, глухія дороги, дивіе лѣса; въ ней были даже моря, на которыхъ мы отрывали уединенные, еще никѣмъ непосѣжденные острова. Та Лазовка была населена разными народами, врагами и друзьями нашими. Гдѣ же все это въ теперешней моей деревушкѣ, скучной и тѣсной? Гдѣ эти дороги, по которымъ такъ долго, бывало, бѣжишь, утомленный и нетерпѣливый, тщетно отыскивая на горизонтѣ глазами желанныя вершины осинъ, возвѣщающихъ отдаленную пастбу?... Тамъ были такіе живописные холмы, лощины, дуга; всему было особенное названіе, вѣчно памятное, ознаменованное историческими событиями. Вонъ *полосатый курганъ* — тамъ была битва съ *козой-обманщицей* — такъ прозывался неустрашимый и коварный лакей Пашка, вѣчный врагъ нашъ въ воинственныхъ играхъ. Вонъ *лозочки* — отрадный зеленый уголокъ среди ржаного поля, гдѣ мы находили столько ягодъ, дивихъ персиковъ и новыхъ цвѣтовъ... По этой межѣ бѣжалъ волкъ, едва не съѣвшій Ильюшу, хотя объ этомъ не подозрѣвала въ домѣ ни одна душа. Трутъ прежняго передо мною, во всѣхъ своихъ мертвыхъ деталяхъ, но отлетѣла душа, которая его живила, и не вернется никогда. Самая благодарная и безграничная сфера для предпріятій и открытій былъ нашъ прудъ. Впрочемъ, прудъ — фальшивое названіе.

У подошвы нашего огромнаго сада сталось большое и многоводное озеро; на ту сторону голосъ не хваталъ, и люди казались маленькими. Озеро заперто было длинной плотиной и мельницей; съ другой стороны она продолжалась низко бережною, островистою, камышистою и извилистою рѣчкою, которой *головище* было верстъ пять выше насъ въ глухихъ полевыхъ болотцахъ. Лѣса камышу, заливыки, плёсы, заросшіе островки окаймляли топкіе берега нашей Кшени...

Тутъ былъ нашъ Тихій океанъ, съ его коралловыми рифами, водорослями, невѣдомыми архипелагами... Тутъ мы выдерживали бури, подвергались опасностямъ, знакомились съ скудными богатствами незатѣйливой Лазовской природы... Счастливы были дни и часы, когда удавалось урваться на долгое, рискованное плаванье. Отприсыться было всегда очень трудно, потому что и маменька, и отецъ очень боялись воды и очень не довѣряли нашему благоразумію. Оттого иногда приходилось идти направа, т. е. уплывать безъ спроса, куда глаза глядятъ, заранѣе рѣшившись вытерпѣть грозный отвѣтъ, передъ кѣмъ слѣдуетъ.

Солнце еще не распеилось, какъ слѣдуетъ полѣтнему; еще лакей Пашка не пронесъ въ чайную огромнаго самовара; еще не видно на кабинетномъ балконѣ папенькинаго бухарскаго халата съ дымящейся трубкой. А мы уже проворно и тихо собрались въ путь; сапоги на босу-ногу, русскія рубашки прямо на тѣло; Саша уже тащитъ позакухней къ пруду, укрываясь отъ хормъ, двѣ лопаты, похищенные въ конюшнѣ, и подъ мышкой огромный деревянный ковшъ, захваченный мимоходомъ въ застольной. Костя, одаренный не столько лисьими, сколько волчьими свойствами, бѣжитъ прямо черезъ дворъ въ калитку сада, только что успѣвъ ворваться въ ледникъ, вслѣдъ за спускавшейся ключницей, что-то послѣшно пережевывая, облизываясь, преча и засовывая. Главная армія съ атаманомъ и Петею ушла впередъ и спѣшить теперь по бововымъ аллеямъ бѣглимъ маршемъ къ пруду. Всѣ держать себя какъ-то сосредоточенно, серьезно, будто чувствуя особенную важность предстоящаго дѣла. Говорятъ отрывисто и шопотомъ. Атаманъ обдумываетъ—не упущено ли что; вотъ онъ махнулъ головою налѣво — гдѣ шалашъ садовника—и зачѣмъ-то отражаетъ туда Петю; а мы все бѣжимъ далѣе... Петя догоняетъ насъ, мчась по некошеннымъ куртинамъ, пригибаясь подъ вѣтками яблонь, продираясь черезъ вишнякъ...

Что-то глухо сребеть за нимъ землю и цѣпляется со стукомъ за деревья... Что это такое? Петя тащитъ за собою какую-то длинную и толстую вѣху.—Атаманъ, зачѣмъ это? что это будетъ? спрашиваютъ голоса.

Борись, не отвѣчая, подходитъ къ Петѣ и нѣсколько мгновеній разсматриваетъ вѣху, хмурясь, перещупывая и перевертывая ее со всѣхъ концовъ. Петя и всѣ мы смотримъ на него съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— Ну, что? спрашиваетъ неувѣренно Петя.

— Ничего... какъ нибудь приладимъ—тономъ знатока, и словно нехотя, отвѣчаетъ атаманъ.

— Годится? продолжаетъ Петя, пытливо всматриваясь то въ вѣху, то въ атамана...

— Ничего себѣ... годится... Тащи къ пристани, повелительно говорятъ Бора ..

— Что это такое атаманъ — багоръ, что ли, будетъ? спрашиваютъ кругомъ.

Но Борись быстро идетъ вслѣдъ за Пьеромъ къ пристани, не удостоивая насъ отвѣтомъ.

— Да сважи-жь, атаманъ, что это будетъ?

— Мачта! не видишь! а еще матросъ! презрительно кричитъ атаманъ.—Скидай сапоги, ребята, все скидай долой—за работу!

Мы уже стояли на домерощенной пристани, внизу сада, около которой въ заросших тростникомъ заливчикахъ качались двѣ наши лодки: одна большая, тяжелая, съ рулемъ и окрашенная зеленою краскою—по медленности хода, и вообще неуклюжести прозванье ей было Марса Посадница; другая—вострая и узкая, натекающая водой, грязная и осмоленная сверху до низу. Эта называлась душегубка, хотя на этой любимой душегубкѣ своей мы прелюбопытно путешествовали по своему пруду нѣсколько лѣтъ сряду. Закипѣла работа. Толпа голыхъ матросиковъ, мускулистыхъ и смуглыхъ, закопошилась около душегубки.

— А ковшъ нѣту? у кого ковшъ? кричалъ распорядительный голосъ Бори.

— Гдѣ Саша? Куда Саша дѣвался? спрашивали въ толпѣ:—у него долженъ быть ковшъ!...

Между тѣмъ, молодой осипникъ, густо засѣвшій на низкомъ берегу, сейчасъ за камышами, трещить отъ чьихъ-то порывистыхъ и спѣшныхъ шаговъ. Изъ-за камышей показывается, поблѣднѣвшая отъ скорого бѣга, фигура Саши съ двумя лопатами на плечахъ, съ огромнымъ ковшомъ за поясомъ.

— Ну, братцы, насилу перепрыгнулъ черезъ ровъ, кричалъ онъ, размахивая руками, и весь радостный.—Теперь его вдвое

шире раскопали, да такой плетень наверху высокой—два раза въ крапину падалъ—едва выкораблялся...

— Давай ковшъ сюда, нѣкогда болтать! крикнулъ Боря. Онъ стоялъ по колѣна въ водѣ, пригнувъ къ себѣ корму лодки, чтобы дать стечь водѣ... Саша между тѣмъ раздѣвался...

— Постой, не раздѣвайся... сѣна принеси! крикнулъ атаманъ, не оборачиваясь и притворно грубымъ голосомъ...

— Много сѣна, атаманъ?

— Тащи сколько захватишь... да ты одинъ не донесешь много... Иди ты, Костя, съ нимъ...

Костя не пошелъ. У него оказались безъ того ноги изрѣзаны, и босой онъ не побѣжить по травѣ.

Атаманъ его выругалъ трусомъ и нѣженкой.

Послали меня, потому что Ильющѣ давались болѣе тонкія и болѣе отвлеченныя порученія, въ родѣ выпросить чегонибудь у маменьки, отговориться отъ наказанія и т. п. На грубыя же услуги его обыкновенно не рѣшались употреблять.

Мы воротились, запыхавшись, съ охапками сѣна, выхваченнаго изъ стога.

— Братцы, мы возюлю сейчасъ видѣли! полуиспуганно, полурадостно кричалъ я, еще не добѣжавъ до братьевъ.

— Братцы, я возюлю сейчасъ видѣлъ, силится перебить меня Саша.

— Прямо въ сажелву поползла; теперь туда никому нельзя ходить... Надо сказать Павлычу... Можетъ быть, онъ ее отыщетъ.

Лодка была вычерпана и набита сѣномъ. Атаманъ съ Пьеромъ, пригнувшись лицомъ къ самому дну лодки, ухитрились какъ-то увязать нижній конецъ вѣхи между вбитыхъ гвоздей. Коста навязывалъ между тѣмъ на веревки заранѣе сшитыя простыни.

— Не зѣвай, не зѣвай, ребята—дружно работать! строго покригивалъ атаманъ, самъ весь въ поту отъ напряженія.

Ахъ, какъ восхитительно хорошо плыть по нашей извилистой степной рѣчкѣ, синей по среднѣмъ отъ отражающагося въ ней лѣтнаго неба, зеленой къ берегамъ отъ отраженія камышей, придвинувшихся къ ней изъ болотъ и луговъ сплошными стѣнами... Тихо-тихо по этимъ низкимъ берегамъ... Мы притаили дыханіе, и атаманъ чуть слышно опускаетъ въ воду лопату свою то съ одной, то съ другой стороны кормы... Только въ тростникахъ шуршатъ и плещется что-то...

— Что это, утка? спрашивает шопотомъ Саша, и никто не отвѣчаетъ ему...

Съ болотныхъ кочекъ, по мѣрѣ приближенія лодки, шумливо снимаются стаи бѣлопузыхъ чибисовъ и кружатся около, наполняя своимъ пискливымъ: «*чи вы*» неподвижно отдыхающій воздухъ.

— Чи вы! чи вы!... звенить вдали и вблизи. Костя отвѣчаетъ имъ въ рѣсму нашу фамилію. Такъ учила насъ дѣлать нянька-Наталя. Она рассказывала намъ, что чибисиха потеряла дѣтей своихъ, и ищетъ ихъ теперь по всему свѣту, опрашивая прохожихъ... Атаманъ толкаетъ Костю въ бокъ съ гнѣвнымъ жестомъ... Опять кругомъ тишь и сырая пахучая свѣжесть... Мы врѣзаемся носомъ лодки между двухъ чубастыхъ кочекъ, торчащихъ среди воды, какъ острова.

Вода мелѣетъ съ каждымъ ударомъ весла; бородатые, перегнувшіея тростники охватываютъ носъ тѣснѣе и тѣснѣе; мы въѣхали въ плѣсу...

— Это заливъ *красныхъ водорослей!* торжественно раздается голосъ Ильюши, служившаго географомъ, поэтомъ, ботаникомъ и вообще ученымъ элементомъ нашей удалой шайки.

Мы всѣ нагибаемся къ водѣ; подъ нами широко кругомъ, вдругъ отерывается цѣлый подводный лѣсъ красивыхъ и разнообразныхъ травъ, тѣсно перепутанныхъ между собою... Видно, какъ въ этомъ лѣсу гуляютъ маленькія рыбки, трепеща своими хвостиками; видно, какъ лежитъ распластавшаяся на днѣ зеленая лягушка, вылупивши на насъ глаза... Какіе-то ярко-красные, воловнистые корешки стелются внизу... Изъ грязи сверкаютъ перламутромъ раскрытыя раковины... Сколько незнакомыхъ мушекъ, пауковъ и всякой мелкой и живой твари снуетъ и копошится въ этой глухой заводи... На сердцѣ такъ радостно... Солнце все прохватываетъ насквозь — и воду, и подводный лѣсъ, и само сердце... Такъ весело, какъ-будто открылъ какой-то никому незримый, невѣдомый міръ... Тростникъ зашуршилъ, и какъ-то сухо затрепалъ, ломаясь по сторонамъ лодки; мы прорѣзались насквозь... Лагушки плашмя падали въ воду, съ шумомъ ударяясь о нее... Мнѣ дѣлалось немножко страшно и немножко омерзительно отъ такого близкаго сосѣдства; такъ и казалось, что эта склизкая и мокрая северность шмякнется тебѣ въ лицо, или чѣмъ-нибудь обрызгаетъ тебя.

Даже самъ Пьеръ поднялся на ноги. Мы всѣ боялись лягушекъ... Заѣхать въ тростникъ — это казалось заѣхать въ самое лягушечье царство; какъ-то непривычно и неприятно сидѣть въ этой густотѣ и тѣсотѣ, черезъ которую ничего не видно, кромѣ

стоячей лягушечей воды... Тростники ежеминутно задѣвали по лицу своими пушистыми хохлами; отъ этого неожиданнаго, незнакомаго прикосновенія, дрожь отвращенія пробѣгала по всѣмъ моимъ суставамъ, и я испуганно отмахивался рукою; но мы вламывались однако все далѣе и далѣе въ чащу этихъ камышей...

Борисъ съ Пьеромъ стояли на кормѣ, почти повалившись на лопаты, которыми они учились въ землю; Ильюша ободрялъ къ продолженію пути, обѣщая открытіе какихъ-то рѣдкостей, какого-то еще никѣмъ непосѣщеннаго *озера гааръ*. Онъ увѣрялъ, что ни одинъ нашъ охотникъ или рыболовъ ни разу не могли добраться до этого чудеснаго озера, совершенно спрятаннаго въ тростникѣ; что оно — совсѣмъ круглое, зеленое какъ сукно, и что туда прячутся на ночь всѣ утки лысѣны и гагары; потомъ онъ рассказывалъ, какъ опасно человѣку приближаться къ этому озеру ночью, какъ онъ разъ совсѣмъ было-опрокинулся о подводную кучку; онъ прибавлялъ еще, что въ самой глуши тростниковъ есть какой-то осиновый колъ, вбитый въ землю, что подъ этимъ коломъ лежитъ утопленникъ, и что утопленникъ этотъ, весь синій, покрытый раками и пиявками, купается по ночамъ тоже въ этомъ озерѣ... Не скажу, чтобы мы во всемъ и буквально вѣрили мистическому разсказу Ильюши. Но я знаю только, что онъ насъ необыкновенно возбуждалъ и радовалъ... Такъ хотѣлось, чтобы изъ мутной воды вдругъ дѣйствительно поднялся какой-нибудь обглоданный утопленникъ. Такъ страстно желалось приключеній, опасностей и какой бы то ни было необычайности... Лодка уже почти не двигалась съ мѣста, сѣвъ плоскимъ дномъ на подводныя кочки...

Отъ усилій братьевъ, она только вертѣлась кругомъ, какъ на винтѣ, будучи не въ силахъ податься.

— Эка, завелъ насъ, жила эта! въ досадѣ кричалъ атаманъ на Ильюшу: — ну, куда теперь сунемся... Назадъ тоже не подается... До обѣда такъ провозимся...

Пьеръ, багровый отъ натуги, налегая широкою чугуною грудью своею въ упоръ на ручку лопатки, и молча бѣсилъ, что не можетъ двинуть лодки...

Мы стояли въ смущеніи и нѣкоторомъ страхѣ: что дѣлать?...

— Что вы, дурачье! перевѣсились на одну сторону, ступайте съ носа... кричалъ Борисъ, бесплодно употребляя послѣднія усилія.

Мы столпились къ кормѣ, но лодка продолжала стоять попрежнему, слегка вращаясь, какъ на оси...

И Пьеръ и Борисъ бросили лопаты и стояли вмѣстѣ съ нами, опустивъ руки, молча раздумывая:

— Надо слѣзть одному! наконецъ сказалъ Борисъ: — вотъ

тебя, жилу, и слѣдуетъ, по правдѣ, бросить за бортъ, чтобы не выдумывалъ чепухи! — посадилъ въ трушобу, такъ и вытаскивай, какъ знаешь.

Ильюша не рѣшался отгрызаться, и по привычкѣ, сконфуженно облизывалъ свои губы, высматривая чего-то по сторонамъ.

— Небось, не останемся, съѣдемъ какъ-нибудь, ворчалъ онъ, не глядя на атамана.

— Атаманъ, хочешь, я брошусь! вдругъ раздался тоненькій голосъ Саши; онъ стоялъ посреди лодки, удалски подбоченясь, и смѣло глядя на носъ своими одушевленными глазами.

— Вотъ такъ молодецъ! не то, что эта калека-Ильюша! сказала одобрительно атаманъ: — валий разомъ, казаку нечего раздумывать.

Саша уже сбросилъ рубашенку, и теперь крестился, держась за голубенькую ленточку своего Митрофаньева образка, инстинктивно мѣшкая, съѣживалась всѣмъ бѣленькимъ, нѣжнымъ тѣломъ при взглядѣ на заросшій тиною грязный омутъ, въ которомъ зашла лодка.

— Ну, молодцомъ, Саша, жаво! кричали ему кругомъ.

Бѣлокурая круглая головка взмахнула въ воздухѣ, и всплескъ жидкой грязи разомъ обдалъ всѣхъ насъ.

Саша провалился по самыя мышки въ подводную трясину. По его сморщенной минѣ и стиснутымъ, словно отъ боли, зубамъ видно было, какое отвращеніе онъ чувствовалъ въ это мгновеніе.

Мы всѣ были убѣждены, что въ грязи трясинны живутъ змѣи, жабы, скверные червяки и даже чуть не крокодилы. Саша былъ убѣжденъ въ этомъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь.

Но онъ исполнялъ свой подвигъ съ безропотнымъ терпѣніемъ и настойчивостью... Онъ цѣлко ухватился ручонками за носъ лодки, повернулъ ее немного въ бокъ и медленно потащилъ за собою, съ отчаяніемъ неизбежности отмахиваясь отъ хлеставшихъ его тростниковъ, и разгоняя передъ собою сплошную зеленую тину...

— Тронулась, тронулась!... тащи, тащи ее... кричали мы...

Пьеръ уже опять тяжело налегалъ на лопату, словно пытался вывернуть ею дно цѣлаго пруда.

Борисъ работалъ съ другой стороны...

Вдругъ тростникъ разступился, и передъ нами открылось, словно травяная лужайка, совершенно зеленое, совершенно круглое озеро... Поднялась, подпрыгивая и какъ-то глупо выпячивая шею, длинноногая, большеротая цапля, и съ какимъ-то глукимъ, словно жестянымъ крикомъ замахаала широкими крыльями — туда, далеко, въ Кунацкимъ болотамъ...

— *Озеро гаяръ!* тихо произнесъ Ильюша, окидывая насъ всѣхъ торжественнымъ взглядомъ.

Лодка остановилась. Пьеръ, атаманъ, всѣ мы безмолвно любовались на ново-открытое озеро...

— Я говорилъ, что проведу... и провелъ; *озеро гаяръ!* повторялъ еще разъ Ильюша такимъ самодовольнымъ тономъ, какъ будто онъ самъ и устроилъ, и подарилъ намъ это озеро.

Саша стоялъ по горло въ тинѣ, и тоже любовался, держась рукою за свой образочекъ.

Жарко и весело сияетъ надъ нами солнце; сияетъ не тѣмъ лихорадочнымъ свѣтомъ осени, который въ первую минуту разгорается, въ другую — тухнетъ, а безконечнымъ и ровнымъ, чистолѣтнымъ сияніемъ своимъ. Долго будетъ литься сверху изъ этого блѣдно-голубоватаго купола и тепло и свѣтъ... Травы сосутъ его милліонами своихъ былинковъ, и зеленѣютъ и тянутся... Нѣсколько душистый, ароматическій паръ течетъ тихими волнами съ этого сочнаго прирѣчнаго луга вверхъ къ облакамъ... Комары и мухи стоятъ жужжащими стаями въ волнахъ этого темнаго пара... Его переливанья замѣтны глазу по трепетанью ржаныхъ колосьевъ, стѣною сдвинувшихся на гребнѣ берега, уходящаго изволокномъ въ поля... Все струится и колыхнется сквозь этотъ прозрачный воздушный токъ; цвѣты просто на глазахъ растутъ и наливаются въ этой влажной и жаркой теплицѣ... Плакунъ кустится своими малиновыми метелками, поникнувшими надъ самою водою... Золотныя розы-купальницы ярко свергаютъ въ зелени... Выше всѣхъ подымается бѣлая таволга, наполняющая лугъ запахомъ миндаля и меда... Настѣкомыя словно родятся въ этомъ жару; подъ каждой кочкой, подъ каждой лужицей, проступившей отъ тяжелаго слѣда ноги, кишатъ ихъ міриады...

Рѣка стала ужъ узкою и быстрою; разливы пруда ослабѣвали постепенно, и наконецъ, совсѣмъ прекратились въ этихъ холмистыхъ зеленыхъ берегахъ, подходившихъ къ рѣкѣ градомъ такихъ пухлыхъ и упругихъ округлостей, какъ-будто это была не земля, а прекрасное женское тѣло...

Лодка шла тише прежняго; гребцы утомились отъ долгой работы и жары... Лѣтняя нѣга овладѣла и головою, и мышцами. Хотѣлось броситься навзничъ въ высокую траву и лежать, широко открывъ глаза, молча впивая въ себя звуки, свѣтъ и благоуханіе лѣтнаго полдня... Никто не говорилъ, и только лопата

Бориса тихо подымалась и опускалась... Бѣлая, круглая облака, густая какъ молоко, сверкающія какъ серебро, рѣзко вырѣзались на синей безднѣ неба и медленно таяли; рѣчка бѣжала теперь безлюдными дугами, извиваясь и прячась въ тростникахъ.

Мы такъ близко подъѣзжали подъ холмистый берегъ, что надъ самыми головами нашими подымалась вдругъ спокойно-фиркающая лошадиная морда, и смотрѣла на насъ такъ умно своими большими и добрыми глазами... До лица доходилъ горячій паръ ея дыханія... Иногда впереди лодки, намъ наперерѣзъ неслышно выплывала изъ тростника флотилія пестрыхъ утокъ, но примѣтивъ насъ, съ какою-то величавою поспѣшностью тотчасъ же описывала широкій кругъ до ближнихъ тростниковъ... Изъ тростниковъ еще продолжали слышаться безпокойныя, мѣрныя побрякиванія старой матки. Мы уплыли богъ-знаетъ какъ далеко отъ дому. Въ одномъ мѣстѣ, среди пустынного берега, помню, мы съ восторгомъ неожиданности увидѣли вдругъ садикъ, обнесенный плетнемъ, круто сбѣгавшій къ рѣчкѣ... Яблони всѣ были въ яблочкахъ, совсѣмъ уже спѣлыхъ; ярко-желтыя, тяжелыя звѣзды подсолнуховъ свѣтились изъ зелени. Въ саду несло медомъ, и мы скоро разглядѣли душистые улья, прикрытые черепками и разставленные рядомъ между деревьями. За садомъ, повыше, стояла мазаная хохлацкая изба съ новою соломенною крышею, горѣвшею на солнцѣ... Это былъ одинъ изъ мелкихъ степныхъ хуторковъ, однодворческая пасѣка... Мужикъ босикомъ, въ тулупѣ, сходилъ по крутой дорожкѣ зачерпнуть воды...

Онъ остановился на полугорѣ и, заслонившись рукою отъ солнца, долго въ удивленіи слѣдилъ за нами глазами... Ему, должно быть, такъ рѣдко приходилось видѣть живого человѣка, особенно такую толпу праздныхъ и веселыхъ дѣтей...

А солнце все такъ же жарко и ярко; зной попрежнему стоитъ въ воздухѣ, прохватывая насквозь и дерево лодки, и землю, и воду, не говоря ужъ о самихъ пловцахъ... Рѣка дѣлается уже и уже... Островки начинаютъ попадаться чаще, и лодка едва продвигается въ тѣсныхъ рукавахъ... Нѣсколько разъ уже приходилось продираться черезъ лозникъ, росшій посерединѣ рѣчки, на мелкомъ песчаномъ грунтѣ... Грестъ было нельзя, только попирались лопатами. Ильюша вытаскивалъ изъ воды кувшинки съ широкими листьями, срывалъ съ тростниковъ махнатыя коричневые султаны; онъ объяснялъ намъ употребленіе и названія разныхъ травъ съ увѣренностью опытнаго ботаника, хотя выдумывалъ и то и другое въ промежуткѣ своихъ собственныхъ словъ... Но ему вѣрили, ему любили вѣрить. Съ нимъ мы отыскали въ древнія времена свой особенный чай, кофе и какао на куртинахъ

нашего сада, и по его совѣту, высасывали вѣнчики этихъ цвѣтовъ съ наслажденіемъ, котораго никогда не доставлялъ намъ настоящій чай и настоящій какао. Илюша первый открылъ подъ нашей пристанью *залежни* великолѣпныхъ черныхъ палокъ, которыя онъ называлъ *негниючимъ чернымъ деревомъ*, и которыя впоследствии продавалъ намъ для мячей за пряники и бумагу... Не имѣть негниючаго меча — былъ такой стыдъ! Илюша умѣлъ такъ убѣдить въ безконечныхъ преимуществахъ своего новооткрытаго оружія противъ обыкновеннаго березоваго, такъ умѣлъ осмѣять скудость или непониманіе каждаго изъ насъ — что мы невольно жертвовали самымъ дорогимъ, для пріобрѣтенія этого талисмана...

Илюша научилъ насъ употреблять вмѣсто пушечныхъ банниковъ, и вмѣсто помпоновъ на виверахъ коричневая головки тростника. Онъ водилъ насъ ночью въ осинки для отысканія волшебной *лунной травы* и напоротника, о которыхъ рассказывалъ намъ возмутительные страхи. Долго хранилъ онъ потомъ эти травы въ большомъ стеклянномъ флаконѣ, и изрѣдка, подъ великимъ секретомъ, показывалъ намъ, какіе странные пузыри и какой колдовской запахъ появлялись въ этомъ флаконѣ...

Не одну ночь заставлялъ онъ насъ проводить въ холодномъ поту, вспоминая его таинственныя нашептыванія... Не было ни одного заливчика, ни одного бугра, ни одной дорожки, которой онъ не придалъ бы особаго названія, свято потомъ хранимаго нами изъ поколѣнія въ поколѣніе... Все путешествіе Дюмон-Дюрвиля можно было повторить на нашемъ трудѣ. Аллеи сада вели ко всѣмъ губернскимъ городамъ Россіи, а на поляхъ, межникахъ, въ осинкахъ и въ олешиникѣ вы ежеминутно натывались на мѣста прославленныхъ битвъ... Все, что имъ читалось или слышалось — воспроизводилось тотчасъ же на всеобъемлющей почвѣ нашей Лазовки.

Илюша рисовалъ планы и ландкарты нашихъ владѣній, съ отчетливостью и подробностью топографа... Онъ увѣковѣчивалъ наши подвиги краснорѣчивыми реляціями на сѣрой бумагѣ, въ два столбца, какъ издаются газеты. Эти документы, тщательно переписанные, онъ хранилъ у себя, какъ государственный архивъ. Тамъ нашъ Саша назывался не просто Саша, а разсматривался какъ цѣлый *отрядъ стрѣлковъ подъ предводительствомъ полковника Александра Чубка*; межникъ, ведшій въ осинки, удостоивался названія *почтового тракта въ торговый городъ Пастьки, изобилующій прекраснымъ медомъ*. Васья, сынъ Иванушинъ, одинъ изъ нашихъ частыхъ враговъ, былъ описанъ подъ именемъ *атамана горныхъ хищниковъ, неукротимаго Васько цыгана*;

а папенькинъ камердинеръ Пашка-Козель, даже названъ *главно-командующимъ непріятельской арміи и знаменитымъ полководцемъ*.

Впослѣдствіи, когда школьная наука просвѣтила мой дикій разумъ, я часто, при изученіи исторіи индусовъ, вспоминалъ объ отношеніяхъ нашихъ къ Ильюшѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что на зарѣ человѣчества изъ него бы вышелъ жрецъ — просвѣтитель и духовный руководитель толпы, который бы побѣдоносно состязался своею неосызаемою силою съ могуществомъ физическихъ силъ, бунтовавшихъ вкругъ него.

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ плаваньемъ нашимъ только отчасти руководилъ «хитроумный» Ильюша. Самымъ энергическимъ мотивомъ его сдѣялось теперь — доплыть до арбузной бахчи, о которой вдругъ вспомнилъ Петруша; бахча эта лежала на самомъ берегу рѣки, не доѣзжая, можетъ быть, полверсты до ея головнища. Держалъ ее какой-то полтавскій хохоль, сѣдой, высокой мужикъ, въ смазныхъ сапогахъ, котораго мы иногда видали у себя въ Лазовѣхъ.

Всѣмъ вдругъ страстно захотѣлось арбузовъ. И именно чужихъ арбузовъ, запрещенныхъ и охраняемыхъ, которые достать надобно было всякими хитростями или даже открытымъ нападеніемъ... Петя порывался къ бахчѣ съ какимъ-то остервененіемъ, въ которомъ его особенно усердно поддерживали обжора и лакомка Костя и Саша, безворыстный обожатель всѣхъ опасныхъ подвиговъ. Подплывали къ бахчѣ со множествомъ увертокъ и осторожностей, которыя вѣроятно были совершенно излишни среди безлюдныхъ травянистыхъ береговъ... Но атаманъ увѣрялъ насъ, что вначе мы всѣ погибнемъ.

Мы сидѣли, пригнувшись къ скамьямъ лодки, не шевелясь ни однимъ членомъ. Сердце замирало въ ожиданіи какой-то неясной смертельной опасности, словно мы проплывали мимо грозныхъ непріятельскихъ батарей, изъ которыхъ при первомъ неосторожномъ поворотѣ головы, грянуть на насъ картечь и ядра... Гребъ одинъ атаманъ. Вдругъ и онъ бросилъ грестъ... Лодка остановилась, медленно заворачивая носомъ къ берегу... «Бахча!» прошепталъ кто-то. Мы осторожно глянули вверхъ.

Берега въ этомъ мѣстѣ были довольно высоки, и узенькая рѣченка налила между ними круглое, глубокое озерцо, совершенно чистое отъ тростниковъ.

На берегу ярко виднѣлись желтые подсолнухи, перегнувшіеся черезъ рѣдкій, едва сметанный тынъ, и соломенная верхушка шалаша, съ высокооткнутымъ надъ нею вѣникомъ сѣдого ковыля.

Запахъ огурцовъ заполонилъ всѣ другіе и разливался далеко вкругомъ.

Атаманъ не рискнулъ выйти въ открытое озеро. Мы причалили къ камышистымъ островкамъ, занимавшимъ середину рѣчки. Они были такъ малы и такъ заросли кугою, осекой и тростникомъ, что пять человѣкъ съ трудомъ могли на нихъ спрятаться.

Лодка была вдвинута въ проливчикъ и намъ всѣмъ велѣно какъ можно проворнѣе и какъ можно тише скинуть рубашки и плыть въ бахчѣ черезъ озеро въ тѣни праваго берега. Атаманъ обѣщаль показать, гдѣ будетъ высадка. Самъ онъ не поплылъ съ нами, а перешелъ тутъ же на берегъ и поползъ за камышами, пригибаясь, что-то высматривая и иногда грозя намъ рукою...

Петруша плылъ впереди всѣхъ насъ, едва высунувъ носъ изъ воды и осторожно отдуваясь. Сквозь неподвижную и прозрачную воду видны были медленные взмахи его ногъ...

Мы лѣпились къ нему, боясь отстать, подражая всѣмъ его приемамъ, какъ стадо молоденькихъ тюленей за старою самкою.... Идти скоро стало нельзя, и мы всѣ поплыли... Подсолнухи и голубое небо безмолвно глядѣли на насъ сверху, и ни одинъ звукъ не разсѣвалъ нашего вниманія, глубоко сосредоточеннаго теперь на одномъ ожиданіи... Только рыба изрѣдка плескала подъ берегомъ, да чуть слышно ломался тростникъ подъ ногою атамана. Далеко, но еще звонко свистѣли кулики.

Атаманъ вдругъ поднялся во весь ростъ и махнулъ намъ рукою. Онъ стоялъ подъ самымъ скатомъ берега, на который нужно было взбираться. Мы тихо повернули къ нему.

Рѣшено было ползти на четверенькахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, прямо на берегъ, и скатывать сорванные арбузы внизъ, къ тому мѣсту, гдѣ поставили на часахъ Ильюшу. Онъ долженъ былъ собирать ихъ въ кучу, чтобы скорѣе можно было потомъ перенести въ лодку.

Атаманъ строго запретилъ рвать больше двухъ арбузовъ на брата. Вотъ поползли... Такъ странно было видѣть эти загорѣлыя, голыя фигуры съ настороженными головами, ползущія на четверенькахъ изъ рѣки, словно семья дикихъ хищниковъ, какихъ нибудь хорьковъ или лисицъ, подбравивающихся подъ стадо.

Вотъ подползли къ гребню берега и осторожно выглянули наверхъ.

Зеленые листья, плети и блѣдныя головы арбузовъ, необозримымъ полемъ стелились кругомъ за хворостнымъ тыномъ... Только желтыя чалмы подсолнуховъ горделиво торчали надъ этими сплошными грядами, словно уцѣлѣвшіе сарацинскіе богатыри среди поля, усѣяннаго отсѣченными головами...

Теплый паръ валилъ отъ теплыхъ грядъ вверхъ къ голубому

и горячему небу... Казалось, не было души на нѣсколько верстѣ кругомъ, нетолько что въ бахчѣ.

Съ перваго разу мнѣ померещились двѣ человѣческія фигуры, подходившія съ боку, и я было пугливо нырнулъ въ траву; но сейчасъ же разглядѣлъ, что это были два чучела — поставленныя отъ птицъ; на одномъ былъ надѣтъ вмѣсто шапки глиняный горшокъ, на другомъ повѣшена убитая галка.

И однако все-таки страшно отдаться неизвѣстности; такъ и колотишься, пролѣзая за этотъ заповѣдный тынъ, внѣ котораго чувствуешь себя еще храбро и свободно, но за которымъ готовъ безъ боя отдать всякому свою честь и волю... Зелено и сыро передъ глазами, ничего не видишь въ этой глухой густотѣ грядовъ... Рука несмѣло отрѣгала полосатый кавунъ и еще робче дернула его... Плети зашатались и зашелестили, казалось, такъ громко, что въ шалашѣ было слышно. Я припалъ лицомъ къ землѣ и ждалъ, что будетъ. Въ шалашѣ, однако, все было спокойно. Только назади меня то и дѣло слышался странный и глухой шумъ, какъ будто колеса катились по мягкой травѣ... Я не сразу сообразилъ, что это катились арбузы въ Ильюшинъ провіантскій магазинъ. Этотъ звукъ нѣсколько ободрилъ меня. Сердце почуяло въ этомъ звукѣ родныя сердца, присутствующія такъ близко, гдѣ нибудь за зеленою грядкою, готовыя помочь и защитить тебя, почуяли родныя руки, невидимо, но дѣятельно занятыя тѣмъ, чѣмъ предстояло и мнѣ заняться. Я съ усиліемъ оторвалъ свой арбузъ и повалилъ его внизъ на удачу, не успѣвъ даже рассмотреть, куда надобно было катить. Я рвалъ съ какою-то судорожною торопливостью, не смѣя разглядывать и выбирать все, что попадалось подъ руку — огурцы, арбузы, тыевы, забывъ о предписаніи атамана, забывъ и то, что намъ всѣмъ не донести до лодки того, что успѣлъ надушить я одинъ. Страхъ, охватившій меня съ перваго разу, неотступно туманилъ мою голову, и я дѣйствовалъ въ какомъ-то безсознательномъ состояніи, смутно помня только, что всего опаснѣе шумъ и движеніе, и что цѣль моя—рвать, рвать...

Разъ мнѣ почудилось, что кто-то звалъ меня, но я только прижалъ уши и насторожился. Зовъ не повторялся... Не повторялся уже и глухой шумъ катящихся арбузовъ... Потомъ мнѣ показалось, будто что-то явственно залескалось въ водѣ. Я даже подумалъ, что братья спустились въ воду; но все-таки боялся двинуться съ своего мѣста... Лежалъ себѣ и рвалъ, какъ будто одержимый арбузо-неистовствомъ... Имя мое повторилось нѣсколько громче и сердитѣе—звалъ атаманъ. Я собралъ свой послѣдній транспортъ и сталъ осторожно повертываться. Вдругъ страшный

звукъ цѣпи и свирѣпый хриплый лай оледенилъ мою душу. Что-то огромное, махнатое мчалось недалеко отъ меня, прыгая, звеня, гремя, издавая оглушительный ревъ. Ноги мои не разгибались, и вода отказалась дѣйствовать. Въ безсмысленномъ ужасѣ я припалъ къ землѣ и ждалъ своей участи. «Ой, ой, ой! братцы! спасите!» раздался отчаянный вопль Кости... Я вскочилъ на ноги, забыть обо всемъ... Страшная бѣлая овчарка, бѣжавшая на цѣпи вдоль каната, который былъ надъ тыномъ бахчи и котораго никто изъ насъ не замѣтилъ, съ озлобленнымъ брехомъ взвивалась на своей цѣпи высоко въ воздухъ, и рвалась теперь на бѣднаго Костю, отрѣзаннаго ею отъ выхода. Костя лежалъ опрокинувшись на сорванные имъ арбузы, съ лицомъ обезображеннымъ отъ ужаса въ двухъ верхвахъ отъ когтей разъяреннаго пса, который душился на своей цѣпи, усиливаясь достать его.

Громкое уськанье и крики «держи, держи его!» раздавались отъ шалаша.

Это бѣжалъ сѣдой хохоль съ огромнымъ дрюкомъ на плечѣ. Сиблая мысль неожиданно-негаданно вдругъ сверкнула въ моей головѣ. Я бросился за тынъ, подхвативъ въ обѣ руки одинъ изъ своихъ арбузовъ, и со всего размаха швырнулъ имъ въ голову собагѣ. Бѣшеный звѣрь, оглушенный ударомъ, сначала прыгнулъ въ сторону, потомъ яростно накинулся на поватившійся арбузъ; огурцы и другіе арбузы сыпались на него дождемъ. Братья подоспѣли отъ рѣвки на выручку. Пьеръ, блѣдный, съ свергающими глазами, бросился подъ страшный тынъ и подхватилъ Костю, полумертваго отъ испуга. Въ рукахъ Пьера было коротенькое весло, и онъ, быстро отступая, не спускалъ съ бѣсновавшейся собаки своихъ калмыцкихъ глазъ. Среди града поражающихъ ее ударовъ, она наконецъ увидѣла пли почувала врага. Съ быстротою молніи, взметая ногами землю и листья, и высоко отдѣляясь отъ земли, рванулась она на Пьера въ ту минуту, когда онъ ужъ готовился выскочить за тынъ. Костю онъ сунулъ перваго. Еще мы не успѣли двинуться съ мѣста на помощь брату, какъ все было кончено. Весло взмахнуло, раздался озлобленный стонъ и щепки съ трескомъ полетѣли въ стороны. Бѣлая, махнатая масса тяжело ударилась о Пьера, кто-то еще разъ дико взвизгнулъ, и оба они—Пьеръ и собака—однимъ безразличнымъ комомъ прокатились нѣсколько шаговъ. Единодушный крикъ отчаянія вырвался изъ нашей грди. Мы мчались вслѣдъ за нимъ, кто съ палкой, кто съ пустымъ кулакомъ, кто съ разбитымъ арбузомъ. Вдругъ Пьеръ перекатился подъ тынъ, быстро вскочилъ на ноги и, крикнувъ не своимъ голосомъ: «въ лодку, въ лодку, бахчевники

бѣгутъ!...» блѣдный, испачканный кровью и землею, съ обломаннымъ весломъ въ стиснутомъ кулакѣ—бросился съ берега...

Далеко отъ бухчи, въ тѣнистомъ береговомъ заливчикѣ, оставилась лодка измученныхъ туземныхъ пиратовъ—дуванъ дуванить и считать раненыхъ.

Хотя собака только помала и порвала ногу Пьера, не прокусивъ ее глубоко, однако, кровь текла очень долго, несмотря на то, что онъ свѣсилъ ногу въ воду и не вынималъ ее до самаго отдыха. Здѣсь привязали ему на икры нѣсколько мокрыхъ лопушиковъ и онъ увѣрялъ насъ, что теперь затянуло.

Костя только поцарапался, пролѣзая черезъ тѣнь, да атаманъ сильно обрѣзалъ палецъ ноги объ острую раковину, во время нашего торопливаго бѣгства. Добычи оказывалось очень немного: многое попадало въ воду, когда мы скатывали сверху, многое пошло на заряды, а главное провіантское депо пришлось оставить въ добычу врагу, по случаю неожиданной опасности. Только Саша да Ильюша принесли по парѣ арбузовъ подъ мышками. Мы позавтракали ими съ волчьимъ аппетитомъ.

У Кости въ запасѣ оказались два копченыхъ полотка, которые онъ сироворилъ мимоходомъ у ключницы, собираясь въ далекое путешествіе. Онъ завернулъ ихъ, раздѣваясь, въ рубашку, и теперь не хотѣлъ-было уступить никому, кромѣ атамана и Пьера, но былъ мгновенно принужденъ къ сдачѣ.

Этотъ соленый и жгучій завтракъ еще больше раздражалъ нашу несмолкаемую жажду.

Географическая цѣль нашего путешествія, указанная Ильюшею, то-есть изслѣдованіе *головища рѣки* и *блага камня*, изъ котораго будто бы она вытекаетъ—осталась такимъ образомъ недостигнутою. Мы очень запоздали и торопились домой. Часъ обѣда уже прошелъ, и никто не могъ вспомнить безъ сердечнаго замиранія о встрѣчѣ, предстоящей намъ дома за своевольную прогулку. Пьеру было очень больно; онъ поминутно хмурился и закусывалъ губы, силясь побѣдить свое страданіе, и въ то же время принять видъ раненаго героя. Атаманъ сердился за неудачу, и еще болѣе отъ ожиданія грозящей отвѣтственности, которую обыкновенно приходилось встрѣчать за всѣхъ ему одному.

Костя нюнилъ по своимъ царапинамъ, и вообще всѣ были настроены довольно сумрачно. Погода тоже стала мѣняться. Откуда-то набѣжалъ вѣтеръ, и изъ-за горизонта, прямо отъ дому, быстро вылѣзала на насъ огромная сѣрая туча, обхватывавшая

небо все шире и шире. Надо было съ минуты на минуту ждать дожда. Мы гребли въ два весла, налегая всей грудью, но подвигались очень медленно. Поверхность рѣки стала свинцовою, такъ же, какъ и небо. Зелень береговыхъ тростниковъ ярко и странно вырѣзалась на этомъ темномъ фонѣ... Вѣтеръ, давно повалившій нашу мачту, тресъ и трепалъ камыши, какъ бороду, и волны, конечно неморскія, но все-таки высокія и сильныя, шли намъ на встрѣчу, череда за чредою, и тяжело шлепались о борта нашей низенькой лодки, повременамъ захлебывая ее и упрямо отодвигая назадъ...

Многочисленныя флотиліи бѣлыхъ гусей, неизвѣстно откуда взявшихся, живописно качались на этихъ черныхъ волнахъ и безпокойнымъ крикомъ своимъ увеличивали наше смущеніе... Вверху вырѣзались такія же бѣлыя чайки на такихъ же черныхъ облакахъ. Онѣ кружились надъ нами и разлетались мимо насъ, едва не задѣвая насъ своими серпообразными крыльями, падали вдругъ на воду, какъ ключъ ко дну, подобравъ вверхъ крылья, и, едва клюнувъ гребень волны, въ тотъ же мигъ взмывали вверхъ, съ какой нибудь добычей во рту.

Мы вспомнили, какъ кружатся чайки вокругъ кораблей, терпящихъ крушеніе.

«Они ждуть своей жертвы!» думалось мнѣ.

Мы напрасно вглядывались въ даль, думая увидѣть свою мельницу или ракиты огородовъ. Можетъ быть, онѣ и были видны, но дождевой туманъ, висѣвшій подъ тучею, заткалъ всѣ горизонты и всѣ дали какую-то влажную паутиною. Туча неслась противъ насъ на всѣхъ парусахъ; казалось, въ нее запряжены были вѣтры. Чаекъ относило въ сторону и гусинныя станицы прибило къ берегамъ, гдѣ онѣ качались на одномъ мѣстѣ плавно, не двигая крыломъ, словно деревянные... Лодку ворочало и гнало въ тростники съ неудержимымъ напоромъ. У атамана и Пьера уже окоченѣли руки отъ долгихъ и напрасныхъ усилій.

О нашей помощи нечего было помышлять... Но весла все еще гребли, мы все еще не сдавались... Между тѣмъ далекое и грозное ворчаніе уже не разъ глухо слышалось сверху... Тяжелый свинецъ тучи сталъ проступать блѣдно-огневыми пятнами, словно онъ постепенно раскалялся. По свинцовой тучѣ уже ползла изъ-за горизонта другая, сѣдая и лохматая, и глазу было такъ легко слѣдить на черномъ фонѣ ея зловѣщій бѣгъ. За сѣдою ползла огненно-бурая, за бурою совсѣмъ бѣлая и холодная, за бѣлою опять свинцовая и такъ далѣе, безъ конца и перерыва повалили горами и стѣнами, одна черезъ другую, одна за другой, тѣснась и раздавливая: та—начиненная пожарами, обранивая

молніи въ прорвы своихъ лохмотьевъ; та—какъ градобитная машина, сплошь заряженная льдомъ и морозами. Онѣ неслись, эти демонскія полчища, все въ одну и ту же сторону, все съ одною и тою же быстротою, охватывая насъ своими черными объятіями, ровоча, урча и раскатываясь, какъ будто на тяжелыхъ чугунныхъ колесахъ... Не успѣютъ одни сползти за горизонтъ, другія уже поднимаются изъ-подъ земли, съ противоположной стороны, сѣдя, и сизыя, и черныя, и опять тяжело несутся черезъ небо, вздрагивая молніями, грохоча и ворча, и нѣтъ конца этимъ молніеноснымъ легіонамъ... Вдругъ вся эта масса, загромоздившая небо, разорвалась, какъ занавѣсъ, сверху до низу... Блѣдный, огненный перстъ затрепеталъ, словно грозя кому-то, сквозь этотъ густой мракъ; раздался рѣзкій, одинокій ударъ, какъ будто бомба лопнула надъ нашими головами, и, среди оглушительныхъ перекатовъ, среди бѣглаго огня вспыхивающихъ молній, полилъ, какъ изъ ведра, крупный дождь.

Вѣтеръ, внизу пугливый и быстрый, на легкихъ крылахъ, заматся въ страхъ подъ тучами; отъ ваядаго громового удара ему словно больно дѣлалось, и онъ безъ памяти рвался то въ ту, то въ другую сторону, хлестая по всему, что попало, косымъ дождемъ. Новый ударъ—и опять взвизгнетъ отъ боли крылатый духъ, и ударится въ другую сторону, опять унося съ собою дождь, вздувая рѣку противъ теченія и перегибая совсѣмъ на выворотъ травы и деревья...

Мы давно сидимъ, бросивъ весла, и безпомощно мокнемъ подъ дождемъ, задвинутые волною въ чашу камышей.

Чудно и страшно подъ грозою. Кто-то грозный и сильный гнѣвается тамъ наверху, выше облаковъ небесныхъ. И все притихло, приняло—что будетъ. Ни чьего голоса не слышать, ни чьего существованія не видно. Всякому страшно поднять одинокую голову на встрѣчу этому мощному гнѣву. Люди и звѣри позабылись, кто куда попалъ; кто начиналъ дѣло—не кончилъ; кто думалъ начать—не началъ; всѣ смолкли и остановились, ждутъ—что будетъ. Онъ одинъ говоритъ свою грозную рѣчь тамъ наверху, всѣми слышимый и всѣмъ страшный.

— Братцы! его не переждешь! выходи на берегъ! раздалась вдругъ команда Бориса. Безъ возраженія и размышленія мы выбрались на берегъ, мокрые и грязные.

До дома было еще двѣ версты и приходилось бѣжать босикомъ черезъ болотистый лугъ...

— Куда жъ бѣжать? въ садъ, что ли? вѣдь платье наше въ саду? спросилъ Ильюша... Дѣло было совсѣмъ скверное. Атаманъ сердито кусалъ губы. «Нѣтъ, ребята, сказалъ онъ черезъ минуту:—

бѣжать во флигель; пролѣземъ съ выгона въ окно и передѣнемся тамъ». Всѣ немедленно побѣжали къ дому.

— Атаманъ! а лодка! раздался чей-то слабенькій голосъ, заглушаемый дождемъ и вѣтромъ...

Мы бѣжали, не слушая и не оглядываясь.

— Куда жъ лодку дѣтъ, атаманъ? вѣдь она пропадетъ. Эй, атаманъ! кричалъ бѣдный Саша, никѣмъ ужъ неслышимый.

Онъ стоялъ одною ногою въ лодкѣ, по болѣно въ холодной водѣ, другою на грязномъ берегу. Эти бѣленькія, худенькія погонки дрожали какъ въ лихорадкѣ, и по нимъ струился дождь...

Нѣсколько мгновеній Саша нетерпѣливо слѣдилъ глазами за удаляющимся атаманомъ; наконецъ, видя бесплодность своихъ криковъ, взявъ въ руки послѣднее уцѣлѣвшее несло, высочилъ изъ лодки и побѣжалъ вслѣдъ за нами.

По дорогамъ и полямъ бѣгали измокшіе лакеи и кучера, съ зонтиками и галошами. Они искали барчуковъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Маменька, въ безконечномъ испугѣ думая, что мы и утопли, и повѣсились, и провалились съвозъ землю, стояла, приставивъ къ стекламъ гостиннаго окна, изъ котораго была видна купальня.

Вечеромъ была другая гроза, тоже съ молніей и громомъ, но въ одной только маменькиной спальнѣ.

Послѣ нея, какъ и послѣ настоящей грозы, скоро взошло солнце, и всѣмъ тотчасъ же стало весело и ясно, какъ будто никогда никакой грозы даже въ поминѣ не было.

ЗАРЪЧЕНСКІЙ.

(Продолженіе будетъ).

КЛОДЪ БЕРНАРЪ О МЕТОДЪ ОПЫТОВЪ.

(ВВЕДЕНИЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ОПЫТНОЙ МЕДИЦИНЫ КЛОДА БЕРНАРА. Переводъ. Спб. 1866).

Статья первая.

Клодъ Бернаръ—одинъ изъ первыхъ представителей фізіологіи въ настоящее время. Только два имени могутъ быть поставлены наряду съ его славнымъ именемъ, именно Дюбуа Реймонъ—нѣмецъ, профессоръ берлинскаго университета, знаменитый изслѣдованіями электрическихъ явленій въ нервахъ, и Гельмгольцъ—профессоръ въ Гейдельбергѣ, извѣстный изысканіями тоже по части нервовъ, въ особенности же по части органовъ чувствъ. Что касается до Фохта, Молешотта и Бюхнера, которымъ такъ посчастливилось на святой Руси прослыть за великихъ знатоконъ человѣческаго организма, то они занимаютъ въ наукѣ очень скромное мѣсто. Бюхнеръ даже едва-ли можетъ быть причисленъ къ ученымъ; его имя навѣрное не попадетъ ни въ одну ученую книгу по естественнымъ наукамъ, и будетъ встрѣчаться развѣ только въ философскихъ сочиненіяхъ. Последнее вовсе не составляетъ особой чести, ибо нѣтъ книгъ, которыя бы такъ часто были вполне чужды философіи и всякой науки, какъ книги, носящія названіе философскихъ; съ другой стороны даже истинно философскія сочиненія бывають обязаны трактовать о человѣческихъ глупостяхъ, какъ о явленіяхъ, необходимо сопровождающихъ человѣческую разумность.

Быть представителемъ науки—дѣло великое. Это значитъ—быть воплощеніемъ научнаго духа, сливаться съ жизнью науки. Науки, какъ легко замѣтить всякій знакомый съ ними, обладаютъ очень крѣпкою самобытностію, очень ясною самостоятельною жизнью. Онѣ представляютъ лучшіе примѣры жизненнаго развитія. Онѣ возрастають постепенно, и слѣдовательно, медленно; каждый шагъ ихъ есть непремѣнно шагъ къ усовершенствованію; каждая новая форма ихъ не просто отрицаетъ старыя формы, а поглощаетъ ихъ въ себѣ и сохраняетъ ихъ существенное содержаніе. Науки, какъ

всѣ живыя явленія, страшно консервативны; онѣ ничего не уступаютъ времени безъ боя и упорнаго сопротивленія. Въ то же время онѣ неудержимо прогрессивны; ничто не въ силахъ остановить ихъ развитія; ихъ потребности созрѣваютъ медленно, но обнаруживаются съ неодолимою силою.

И такъ, быть представителемъ науки, значитъ—носить въ себѣ очень мощный духъ. Это значитъ, воплощать въ себѣ очень твердыя начала, очень правильныя и прочныя стремленія ума. Поэтому весьма поучительно разсматривать убѣжденія такихъ людей; самыя ихъ ошибки могутъ повести къ важнымъ заключеніямъ.

Клодъ Бернаръ очень живо чувствуетъ свою близость къ наугѣ, свое слияніе съ нею, и потому свое право говорить отъ ея имени. «Въ ученоемъ изслѣдованіи — говоритъ онъ — малѣйшіе приемы имѣютъ величайшую важность. Счастливый выборъ животнаго, извѣстнымъ образомъ устроенный инструментъ, употребленіе одного реактива вмѣсто другого—часто достаточны для того, чтобы разрѣшить самыя высокіе общіе вопросы. Однимъ словомъ, величайшія научныя истины имѣютъ свои корни въ подробностяхъ опытнаго изслѣдованія, составляющихъ нѣкотораго рода почву, на которой эти истины развиваются. *Нужно воспитаться и пожить въ лабораторіяхъ, чтобы понять важность всѣхъ этихъ подробностей изслѣдованія, столь часто игнорируемыхъ и презираемыхъ ложными учеными, которые даютъ себѣ титулъ обобщителей. Никто не можетъ дойти до обобщеній дѣйствительно плодотворныхъ и свѣтоносныхъ, если не будетъ самъ дѣлать опытовъ*» (стр. 18).

Новая книга Бернара представляетъ трактатъ *о методѣ опытовъ* — трактатъ очень полный и обстоятельный. Интересъ этого сочиненія мы вполне поймемъ только тогда, когда вспомнимъ, какой мастеръ въ этомъ методѣ самъ авторъ. Начиная съ 1854 года, Клодъ Бернаръ читаетъ въ Collège de France физиологическія лекціи, непрерывно сопровождаемыя опытами. И такъ—какъ онъ владѣетъ этимъ орудіемъ изслѣдованія совершенно твердо и искусно, то вмѣсто простыхъ лекцій у него выходитъ — *непрерывный рядъ открытій*; происходитъ правильная, постоянно плодотворная работа, правильное воздѣлываніе поля науки.

Въ настоящей книгѣ Клодъ Бернаръ объясняетъ намъ тайну этихъ удивительныхъ успѣховъ. Онъ желаетъ передать другимъ свое искусство. Въ особенности его увлекаетъ мысль — внушить свой методъ тѣмъ, кто занимается медициною. Вотъ почему онъ и назвалъ свою книгу—*введеніемъ къ изученію опытной медицины*. Медицина, какъ извѣстно, весьма несовершенная наука, и ея дѣтели издавна и постоянно страдаютъ недостаткомъ истиннаго научнаго духа. Клодъ Бернаръ приводитъ по этому случаю анекдотъ, по-

казывающій, что дѣйствительные ученые иногда даже не могутъ считать медиковъ настоящими собратами по наукѣ. Когда Лапласъ предлагалъ допустить въ парижскую академію наукъ медиковъ, ему возражали, что медицина не наука. Онъ не сталъ отрицать этого, но сказала, что ему желательно, «чтобы медики обращались съ учеными» (стр. 273). Имѣя въ виду медиковъ, Клодь Бернаръ борется съ тѣми уклоненіями отъ научнаго духа, которыя встрѣчаются въ медицинѣ, и излагаетъ свой взглядъ со всевозможною подробностію, не пропуская и того, что «можетъ показаться элементарнымъ людямъ, занимающимся физико-химическими науками» (стр. 87). Дѣло идетъ ни больше ни меньше, какъ объ основаніи истинно-научной медицины.

«Вся будущность опытной медицины—говоритъ онъ—зависитъ отъ созданія метода изысканій, который съ пользою прилагался бы къ изученію явленій жизни, какъ въ нормальномъ, такъ и въ патологическомъ состояніи. Я не стану настаивать здѣсь на необходимости въ медицинѣ такого метода опытнаго изслѣдованія, и даже не буду пробовать исчислять всѣ его трудности. Ограничусь тѣмъ, что скажу, что вся моя научная жизнь посвящена тому, чтобы съ моей стороны способствовать этому великому дѣлу, которое нашъ вѣкъ къ славѣ своей понялъ и къ заслугѣ своей началъ, оставляя будущимъ вѣкамъ долгъ — продолжать и окончательно основать его» (стр. 17).

Такимъ образомъ передъ нами сочиненіе, имѣющее по всѣмъ признакамъ величайшую важность и величайшій авторитетъ. Таково оно и есть на самомъ дѣлѣ. Вездѣ въ немъ виднѣнъ человекъ, который по собственной долготѣтней практикѣ знаетъ важность каждаго правила, каждаго замѣчанія, которое онъ высказываетъ; онъ не вдается ни въ какія излишнія отвлеченности, и говоритъ только то, что совершенно нужно. При этомъ книга съ величайшей отчетливостію выражаетъ современный научный духъ, господствующій въ естествознаніи; методъ опытовъ изложенъ въ ней вполне, со всѣми своими научными основами.

Изложеніе это страдаетъ, однакоже, безпорядкомъ, нисколько уменьшающимъ достоинства содержанія книги, но показывающимъ, что авторъ нѣсколько затруднился философскою стороною предмета. Клодь Бернаръ самъ хорошо это чувствуетъ. «Я, конечно—говоритъ онъ—не имѣю притязанія входить здѣсь въ философскій разборъ, который былъ бы здѣсь и не на мѣстѣ, и не по моей части» (стр. 54). Нѣсколько разъ онъ повторяетъ, что онъ говоритъ не въ качествѣ мыслителя, а въ качествѣ практика, экспериментатора, многіе годы занимавшагося дѣломъ. Тѣмъ болѣе вѣса имѣютъ, конечно, его слова. Но, повторяю, этотъ практикъ изло-

жилъ и глубочайшія научныя основы своего метода, изложилъ въ совершенно строгой формулировкѣ. Попробуемъ же указать главныя черты этого метода.

I.

«Въ опытномъ методѣ, какъ и во всемъ другомъ, *единственный дѣйствительный критерій есть разумъ*» (стр. 69). Бернаръ дѣлаетъ такое утвержденіе въ противоположность чистымъ эмпирикамъ, которые думаютъ, что мы можемъ научиться и руководиться одними фактами. «Фактъ самъ по себѣ ничто» (стр. 69). «Въ изысканіи истины *чувству* всегда принадлежитъ инициатива». «Въ самомъ дѣлѣ, самыя великія истины суть только *чувствованіе* нашего ума» (стр. 36). «Какъ въ другихъ дѣйствіяхъ человѣческихъ чувство заставляетъ дѣйствовать, *порождая идею*, составляющую мотивъ дѣйствія, такъ точно и въ опытномъ методѣ, чувству принадлежитъ инициатива посредствомъ идеи. Одно лишь чувство направляетъ умъ и составляетъ *primum movens* науки. Геній есть то же, что тонкое чувство, вѣрно предчувствующее законы явленій природы» (стр. 56). «Идея есть двигатель всякаго разсужденія въ наукѣ, какъ и во всемъ другомъ» (стр. 51).

«Еслибы факты необходимымъ образомъ порождали идеи, то каждый новый фактъ долженъ бы былъ порождать новую идею. Но есть факты, которые ничего не говорятъ уму наибольшаго числа людей, тогда какъ для другихъ они свѣтоносны. Случается даже, что какой нибудь фактъ или какое нибудь наблюденіе долгое время остается передъ глазами ученаго, не внушая ему ничего; потомъ вдругъ является лучъ свѣта, и умъ истолковываетъ совершенно иначе, чѣмъ прежде, тотъ же самый фактъ и находитъ для него совершенно новыя отношенія. Тогда новая идея является *съ быстротою молніи*, какъ нѣкоторое *внезапное откровеніе*; что ясно доказываетъ, что въ этомъ случаѣ открытіе основывается на чувствѣ, не только лично, но даже извѣстнымъ образомъ связанномъ съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ субъектъ находится въ извѣстное время» (стр. 43).

И такъ разумъ составляетъ основаніе дѣла. Его начала или положенія, признаваемые независимо отъ опыта, его чувствованія, какъ выражается Клодъ Бернаръ, составляютъ исходныя точки науки. Да и все движеніе науки управляется идеями, являющимися какъ внезапныя откровенія.

Спрашивается теперь, что же намъ ближайшимъ образомъ внушаетъ разумъ?

II.

«Человѣкъ ведетъ себя такъ, какъ бы онъ долженъ былъ дойти до *абсолютнаго знанія*, и непрестанное *отчего*, съ которымъ онъ обращается къ природѣ, служить тому доказательствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, только эта надежда, постоянно обманывающая, постоянно возражающаяся, поддерживаетъ и всегда будетъ поддерживать въ послѣдовательныхъ поколѣнїяхъ страстный жаръ изысканія истины. Наше чувство искони склоняетъ насъ вѣрить, что абсолютная истина должна быть нашимъ достоянїемъ» (стр. 105).

Вотъ основное стремленіе ума. Клодь Бернаръ тутъ же, впрочемъ, доказываетъ его несостоятельность слѣдующимъ красивымъ аргументомъ:

«Познаніе внутренней природы или абсолютнаго въ самомъ про-стомъ явленїи потребовало бы знанія всей вселенной; ибо, очевидно, каждое явленіе вселенной есть *нѣкоторый лучъ этой вселенной, въ гармонїю которой онъ входитъ какъ ея часть*. Слѣдовательно, абсолютное знаніе ничего не допускало бы внѣ себя, и только подъ условїемъ всезнанія оно могло бы стать достижимымъ для человѣка».

Этотъ аргументъ противъ абсолютнаго знанія, какъ видятъ читатели, опирается на нѣкоторомъ *пониманїи вселенной*, столь смѣломъ, какъ будто Клоду Бернару не совсѣмъ чуждо и закрыто абсолютное знаніе. Положеніе дѣлъ среди этого противорѣчїя, гораздо лучше объясняется въ другомъ мѣстѣ, въ концѣ книги.

«Пламенное желаніе знанія есть единственный двигатель, который возбуждаетъ и поддерживаетъ усилїя изслѣдователя; и именно это-то знаніе, которое онъ дѣйствительно схватываетъ, и которое однако всегда убѣгаетъ отъ него, составляетъ въ одно и то же время и его единственную муку, и его единственное счастье. Кто не знаетъ мукъ незнанія, тотъ не пойметъ радостей открытїя, которыя поистинѣ самия живыя изъ радостей, которыя когда либо можетъ чувствовать умъ человѣка. Но, по капризу нашей природы, эта радость открытїя, которой мы такъ ищемъ, на которую такъ надѣемся, исчезаетъ какъ скоро найдена. Это только молнїя, озарившая намъ другїе горизонты, къ которымъ ненасытное наше любопытство стремится съ еще бѣльшимъ жаромъ. Отъ этого и въ самой наукѣ извѣстное теряетъ свою привлекательность, между тѣмъ, какъ неизвѣстное всегда полно прелести. Оттого-то умы, которые выдаются и становятся дѣйствительно великими, никогда недовольны своими совершенными дѣлами, но стремятся всегда къ лучшему въ своихъ творенїяхъ. Чувство, о которомъ я говорю

въ настоящую минуту, хорошо знакомо ученымъ и философамъ. Это то чувство, которое заставило Пристлея сказать, что одно сдѣланное нами открытіе указываетъ намъ на множество другихъ, которыя мы можемъ сдѣлать; это то чувство, которое выражаетъ Паскаль, можетъ быть, въ видѣ парадокса, когда говоритъ: «Мы никогда не ищемъ *чего-нибудь*, а ищемъ *ислѣдованія* чего-нибудь». Однако, насъ интересуеъ именно *истина сама по себѣ*, и если мы ее постоянно ищемъ, такъ это потому, что найденное нами до сихъ поръ не можетъ насъ удовлетворить. Безъ этого наши изслѣдованія были бы той бесполезной и безконечной работой, о которой разсказывается въ баснѣ о Сизифѣ, вѣчно катящемъ свой камень, который безпрестанно скатывается снова къ точкѣ отправленія. Это сравненіе вовсе не точно въ научномъ смыслѣ; ученый, ища истины, всегда подымается, и если онъ никогда не находитъ ея во всей цѣлости, то онъ тѣмъ не менѣе открываетъ весьма значительныя ея *отрывки*, и изъ этихъ-то именно отрывковъ общей истины составляется наука.

«И такъ, ученый ищетъ не изъ удовольствія поискать; онъ ищетъ истину, чтобы обладать ею, и онъ уже обладаетъ ею въ предѣлахъ, представляемыхъ самыми науками въ ихъ настоящемъ состояніи» (стр. 297).

Здѣсь, очевидно, Клодъ Бернаръ допускаеъ, что мы можемъ обладать *самою истинною*, что и отрывки ея все же заслуживаютъ названія истины. Пойдемъ далѣе и посмотримъ, какимъ образомъ разумъ удовлетворяеъ своему стремленію къ абсолютной истинѣ.

III.

«Человѣкъ не можетъ ничего узнать иначе, какъ переходя *отъ известнаго къ неизвѣстному*; но такъ-какъ человѣкъ, рождаясь, не приносить съ собою знанія, то, повидному, мы находимся въ ложномъ кругѣ и человѣку суждено не имѣть возможности узнать что-нибудь. Такъ это дѣйствительно и было бы, еслибы человѣкъ не имѣлъ въ своемъ умѣ чувства *детерминизма*, который и становится критеріемъ истины» (стр. 58). «Умъ человѣка отъ природы имѣеъ чувства или идею нѣкотораго принципа, господствующаго надъ частными случаями» (стр. 61)..

«Опытныя истины основываются на *абсолютныхъ* принципахъ, абсолютныхъ потому, что они, какъ и принципы математическихъ истинъ, опираются на нашемъ сознаніи и нашемъ разумѣ. Въ самомъ дѣлѣ, абсолютный принципъ опытныхъ наукъ есть *необходимый* и сознательный *детерминизмъ* въ условіяхъ явленій. Именно какъ скоро дано какое бы то ни было естественное явленіе,

никогда экспериментаторъ не можетъ допустить, чтобы произошло измѣненіе въ обнаруженіи этого явленія безъ того, чтобы не вошло въ то же время новыхъ условій въ это обнаруженіе; кромѣ того достовѣрно а priori, что эти измѣненія опредѣляются строгими математическими отношеніями. Опытъ показываетъ намъ только форму явленій; но отношеніе всякаго явленія и нѣкоторой опредѣленной причины необходимо и независимо отъ опыта; оно математически принудительно и абсолютно. Такимъ образомъ мы видимъ, что принципъ *критерія* опытныхъ наукъ въ сущности тождественъ съ принципомъ математическихъ наукъ, такъ-какъ и съ той и съ другой стороны этотъ принципъ выражается необходимыми и абсолютными отношеніемъ вещей» (стр. 70).

Вотъ абсолютный принципъ, предписываемый разумомъ а priori. Читатель видитъ, что это не что иное, какъ начало *причинной связи*. Но не даромъ Клодь Бернаръ употребляетъ для своего начала новое названіе *детерминизма*; начало причинной связи здѣсь очевидно понято иначе, чѣмъ понималось и понимается до сихъ поръ. Въ это начало была постоянно вносима нѣкоторая метафизика, очень естественная человѣческому уму. Именно причина и дѣйствіе понимались не просто какъ два явленія, связанные необходимо; причинѣ, какъ предшествующему, всегда приписывалось гораздо большая важность и существенность, чѣмъ ея дѣйствію. Поэтому познаніе причинъ явленій считается издревле самымъ главнымъ познаніемъ. Виргилій поетъ:

Felix qui potuit rerum cognoscere causas

И нашъ Кантемиръ вслѣдъ за нимъ хвалитъ тѣхъ, кто проводить время

со Греки и Латины,
Изслѣдуя вещей всѣхъ дѣйства и причины.

Въ такомъ смислѣ и естественныя науки стремились открыть причины изучаемыхъ ими явленій. *Притяженіе земли есть причина паденія тѣлъ, электричество есть причина грозы* — вотъ обыкновенныя выраженія, форма которыхъ показываетъ, что тутъ думали видѣть шагъ въ постиженіи сущности вещей. Мало-по-малу натуралисты однако же замѣтили, что въ дѣйствительности они при всѣхъ своихъ трудахъ нисколько не понимаютъ лучше сущности вещей. Помню какъ мой наставникъ, М. В. Остроградскій, тоже дѣйствительный представитель науки, смѣялся надъ очень обыкновеннымъ опредѣленіемъ, по которому механика занимается изслѣдованіемъ законовъ движенія, а физика—*ею причинъ*. «Кажется, однакоже—говорилъ онъ—физика до сихъ поръ ни одной причины не открыла, хотя она этимъ и занимается. Напримѣръ, что

такое *тяжестъ*? Вѣдь нѣтъ никакой связи между тѣломъ падающимъ и землею, и Ньютонъ прямо говоритъ, что не надобно воображать себѣ, что тѣла тянутся другъ къ другу, притягиваются, но что онъ выбралъ это слово для того только, чтобы обозначить явленіе, а не указать на его причину. Ту же самую непонятность можно указать и въ дѣйствіи другихъ физическихъ силъ» (Лекціи 1849 г.).

Точно такъ же физики нашли, что сказать: *это электричество* или *это магнетизмъ* значить—только назвать явленіе, и нисколько не объяснить его.

Итакъ пришлось отказаться отъ изученія причинъ какъ основанія явленій, какъ такихъ реальностей, которыя могутъ намъ дать понять, почему явленія совершаются такъ, а не иначе. Дѣйствительно, естественныя науки все больше и больше бросаютъ этотъ метафизическій путь и приходятъ къ тому, что Клодъ Бернаръ называетъ *детерминизмомъ*. Это значить: я не знаю ни какъ, ни почему совершается явленіе, но знаю, что для его совершенія необходимы извѣстныя условія, извѣстныя обстоятельства, и что какъ скоро эти обстоятельства будутъ, явленіе необходимо совершится. Все дѣло науки заключается въ точномъ опредѣленіи явленій, на примѣръ въ ихъ точномъ измѣреніи и въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ они совершаются.

Клодъ Бернаръ называетъ иногда детерминизмъ *ближайшею или опредѣляющею причиною*, употребляя такимъ образомъ прежнюю терминологию, раздѣлявшую причины на *ближайшія* и *первыя*, въ которыхъ заключается уже самый корень вещей. Гораздо правильнѣе было бы вовсе оставить эти термины.

IV.

Первое слѣдствіе такого пониманія дѣла будетъ полное отрицаніе всякой метафизики, которую до сихъ поръ натуралисты вносили въ изучаемые ими предметы. «Условія существованія явленія не могутъ намъ ничего открыть о его природѣ» (стр. 104). Поэтому Клодъ Бернаръ прямо заключаетъ: «первыя причины *не принадлежатъ къ научной области*, и онѣ всегда будутъ ускользать отъ насъ въ наукахъ о живыхъ тѣлахъ такъ же, какъ въ наукахъ о мертвыхъ тѣлахъ. Экспериментальный методъ необходимо отклоняетъ отъ химерическихъ изысканій о жизненномъ началѣ; жизненной силы точно такъ же нѣтъ, какъ нѣтъ минеральной силы или, если угодно, одна существуетъ ровно на столько же, какъ и другая. Слово «сила» есть только отвлеченіе, которымъ мы пользуемся для удобства выраженія» (стр. 85).

«Физиологъ или медикъ не должны воображать себѣ, что имъ предстоитъ отыскивать причину жизни или сущность болѣзней. Это значило бы терять свое время на преслѣдованіе фантома. Нѣтъ никакой предметной реальности въ словахъ: жизнь, смерть, здоровье, болѣзнь. Когда физиологъ называетъ жизненную силу или *жизнь*, онъ произноситъ одно только слово; на дѣлѣ же существуетъ только *жизненное явленіе* со своими матеріальными условіями, и вотъ единственная вещь, которую можно изучить и познать» (стр. 86).

Повидимому такія слова, какъ *жизнь*, *сила*, *электричество* и т. д. хотя и не открываютъ намъ болѣе глубоко сущности явленій, но все же ничему не мѣшаютъ, и могутъ быть употребляемы *для удобства выраженія*. Но легко убѣдиться, что присутствіе ненаучнаго элемента, имѣющаго свои корни въ другой области, не можетъ не порождать противорѣчій и недоразумѣній. Натуралисты все больше и больше убѣждаются, что имъ нужно вовсе изгнать изъ науки эти понятія, не только какъ бесполезныя, но и какъ вредныя для дѣла. Вотъ слова, которыя приводитъ Клодь Бернарь изъ лекціи своего собрата и друга, извѣстнаго химика Сен-Кларъ-Девилля.

«Не нужно скрывать отъ себя, что изученіе первыхъ причинъ въ явленіяхъ, которыя мы наблюдаемъ и которыя мы измѣряемъ, представляетъ собою серьезную опасность. Ускользя отъ всякаго точнаго опредѣленія, онѣ приводятъ насъ къ тому, что мы гораздо чаще чѣмъ думаемъ, дѣлаемъ ложные круги и довольствуемся обманчивыми объясненіями, немогущими выдержать строгой критики. Въ особенности *химическое сродство*, понимаемое какъ сила, распоряжающаяся химическими соединеніями, долгое время было и теперь еще остается скрытой причиной, нѣкотораго рода археемъ, которому приписываютъ всѣ непонятые факты и считаютъ ихъ объясненными этимъ, между тѣмъ какъ они часто только классифицированы и даже часто дурно классифицированы: точно такъ же *катамитической* силѣ приписываютъ множество весьма темныхъ явленій, которыя по моему становятся еще болѣе темными, когда ихъ всѣ цѣликомъ относятъ къ совершенно неизвѣстной причинѣ».

«Итакъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ нужно оставить въ сторонѣ всѣ эти неизвѣстныя силы, къ которымъ прибѣгаютъ только потому, что не измѣрили ихъ дѣйствій. Напротивъ, все наше вниманіе должно быть обращено на наблюденіе и *числовое опредѣленіе* этихъ дѣйствій, которыя одни только въ нашей власти. Посредствомъ такой работы мы установимъ ихъ различія и аналогіи и получимъ новый свѣтъ изъ этихъ сравненій и измѣреній».

«Теплота и сродство постоянно на лицо въ нашихъ химическихъ теоріяхъ. Сродство совершенно ускользаетъ отъ насъ, а мы однако приписываемъ ему соединеніе, которое бываетъ слѣдствіемъ этой неизвѣстной причины. Будемъ просто изучать *физическія обстоятельства*, сопровождающія соединеніе, и мы увидимъ, сколько измѣримыхъ явленій, сколько любопытныхъ сближеній будутъ открываться намъ съ каждою минутой» (стр. 247).

Такъ говоритъ химикъ; онъ находитъ, что понятія *теплоты* и *химическаго сродства* только останавливаютъ правильный ходъ изысканій. Что касается до Клода Бернара, то ему, какъ физиологу, пришлось немало бороться съ такъ называемыми *виталистическими мнѣніями*; въ своей книгѣ онъ указываетъ много примѣровъ заблужденій, проникающихъ изъ этихъ мнѣній; приведемъ здѣсь одинъ.

«Я дозналъ, что сахаръ производится въ печени послѣ смерти въ бѣльшемъ изобиліи, чѣмъ при жизни; нашлись физиологи, которые заключили изъ этого, что *жизнь* имѣетъ вліяніе на образованіе сахара въ печени; они говорили, что жизнь затрудняетъ его образованіе, а смерть ему благоприятствуетъ. Вотъ виталистическія мнѣнія, которымъ мы изумились, слыша ихъ въ нашу эпоху, и которыя, къ удивленію, поддерживаются людьми, хвастающимися внесеніемъ точности физическихъ наукъ въ физиологію и въ медицину. Я послѣ покажу, что дѣло тутъ *только въ физическихъ условіяхъ*, которыя или существуютъ или не существуютъ, а нѣтъ ничего иного реальнаго; ибо еще разъ, въ сущности всѣ эти объясненія сводятся на открытіе условій или *детерминизма явленій*» (стр. 248).

И такъ мы должны отказаться ото всей той метафизики, которою думали приблизиться къ сущности явленій. Метафизика эта мѣшаетъ, потому что воображаемой сущности вещей приписываются нѣкоторыя дѣйствія, какъ *безусловно* отъ нея зависящія, *безусловно* ею производимыя. Отъ этого мы можемъ опустить изъ виду опредѣленіе условій явленія.

Другими словами — каждое явленіе вполне обусловлено; наука должна искать, *чѣмъ* оно обусловливается. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что она никогда не найдетъ ничего первоначальнаго, ничего такого, что само не было бы обусловлено, а только обусловливало бы собою другія явленія.

Повидимому, такимъ образомъ наше знаніе ограничивается, ему ставятся предѣлы, за которые оно не можетъ переступить. Легко однакоже видѣть, что мы въ этомъ случаѣ несравненно больше выигрываемъ, чѣмъ проигрываемъ. Сказать, что разуму недоступна метафизика *силъ, атомовъ, сродства* и прочее — значитъ вѣдь

сказать, что эта метафизика недостойна знанія, неразумна по самой своей сущности. Это не такая область, въ которую желательно и любопытно проникнуть; это область темная, противная свѣту разума.

Напротивъ, *детерминизмъ*, который намъ остается, есть доброкачественное и прекрасное знаніе. Въ силу его мы можемъ сказать, какъ часто повторяетъ Клодь Бернарь, что наука *отвергаетъ все неопредѣленное* (стр. 72); что она заключается только въ *опредѣлимомъ* и *опредѣленномъ* (стр. 86).

V.

Такъ-какъ сущность вещей не открывается намъ ни въ какой точкѣ, и наука не терпитъ ея воплощенія ни въ какомъ видѣ, то отсюда слѣдуетъ отрицаніе всего твердаго и неподвижнаго, что мы любимъ подглядывать подъ измѣняющуюся видимость міра. Напримѣръ, отсюда слѣдуетъ отрицаніе вещества, понимаемаго какъ неизмѣнное содержаніе вещей. Клодь Бернарь весьма правильно вывелъ это любопытное заключеніе.

«Для физиолога-экспериментатора не должно быть ни спиритуализма, ни матеріализма. Эти слова *принадлежатъ натуральной философіи, которая устарѣла*; они будутъ вытѣснены изъ употребленія самымъ ходомъ науки. Мы никогда не узнаемъ ни духа, ни матеріи, и, еслибы было здѣсь мѣсто, я легко показалъ бы, что и съ той и съ другой стороны мы тотчасъ дойдемъ до научныхъ отрицаній, откуда слѣдуетъ, что всѣ разсужденія этого рода тщетны и бесполезны. Для насъ есть только явленія, которыя слѣдуетъ изучить, матеріальныя условія ихъ обнаруженій, которыя слѣдуетъ опредѣлить» (стр. 84).

Повторяю, отъ этихъ смѣлыхъ отрицаній мы очевидно гораздо больше выигрываемъ, чѣмъ теряемъ. Конечно тѣмъ, кто думалъ видѣть въ матеріализмѣ вѣнецъ человѣческой мудрости и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, должно быть прискорбно слышать, что ихъ взглядъ отвергается наукою какъ нѣчто постороннее и нисколько непригодное для дѣла. Но для настоящаго любителя истины, который обращается съ нею уважительно и не думаетъ, что такъ легко исчерпать сущность вещей, какъ это полагаютъ матеріалисты, разсужденія Клода Бернара должны быть весьма пріятны. Они опираются на строгую наукѣ, на положенія, которыя наука уснула себѣ и признала абсолютно достовѣрными, несомнѣнными а priori. Это не скептицизмъ, а напротивъ усиленіе знанія, укрѣпленіе его началъ, правильное и плодотворное воздѣлываніе его поприща.

VI.

Всякое явленіе имѣетъ причину; эта истина часто понималась такъ, что всякое явленіе имѣетъ *какую-нибудь* причину, въ одномъ случаѣ одну, въ другомъ—другую. Первая глава *Опытовъ* скептика Монтаня надписывается: *различными средствами можно достигъ одинаковой цѣли*. Клодъ Бернаръ извлекаетъ изъ понятія детерминизма положенія, которыми устраняется въ этомъ случаѣ всякая неопредѣленность.

«Въ познаніяхъ, которыя мы можемъ приобрѣсть — говорить онъ—мы должны различать понятія двухъ порядковъ: одни, относящія къ *причинѣ* явленій, и другія—относящія къ *средствамъ* воспроизведенія ихъ. Мы разумѣемъ подъ причиной явленія *постоянное и опредѣленное условіе* его существованія; это мы и называемъ его детерминизмомъ. Средства вызывать явленіе суть различные приемы, съ помощію которыхъ можно привести въ дѣятельное состояніе эту опредѣляющую причину, которая *одна только* осуществляетъ явленіе. Необходимая причина образованія воды есть соединеніе двухъ объемовъ водорода и одного объема кислорода; это *единственная причина*, которая должна всегда опредѣлять явленіе. Для насъ невозможно представить воду безъ этого существеннаго условія» (стр. 108).

«Слѣдовательно детерминизмъ, то-есть причина явленія—*одинъ*, хотя средства для воспроизведенія явленія могутъ быть многочисленны и, повидимому, весьма разнообразны. Это различіе весьма важно принять особенно въ медицинѣ, гдѣ царствуетъ по этому предмету величайшее смѣшеніе понятій, такъ-какъ медики признають множество причинъ для одной и той же болѣзни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно раскрыть первое попавшееся руководство патологій. Но всѣ обстоятельства, которыя перечисляютъ такимъ образомъ, не суть причины; это не больше какъ средства или приемы, съ помощію которыхъ можетъ произойти болѣзни. Настоящая производящая причина болѣзни должна быть *постоянная и опредѣленная*, то-есть единственная; думать иначе—значило бы отрицать науку въ медицинѣ. Словомъ, детерминизмъ, связующій *тождество средствъ съ тождествомъ* причины, есть научная аксіома, которую не должно нарушать ни въ наукахъ о жизни, ни въ наукахъ о мертвыхъ тѣлахъ» (стр. 108).

Такимъ образомъ а priori нужно признать, что каждое явленіе требуетъ для своего совершенія совершенно опредѣленныхъ, всегда одинаковыхъ условій. Отсюда само собою слѣдуетъ, что всякое измѣненіе условій влечетъ за собою и измѣненіе явленій.

«Законъ явленій есть не что иное, какъ эта связь, выраженная

численно, такъ чтобы предугадывать отношеніе причины къ слѣдствію во всѣхъ данныхъ случаяхъ. Это-то отношеніе, опредѣленное наблюденіемъ, даетъ возможность физигу, химику, фізіологу не только предсказывать явленія природы, но и измѣнять ихъ по своему произволу» (стр. 109).

VII.

Чрезвычайно любопытно, что изъ этихъ апіорическихъ началъ Клодь Бернаръ непосредственно выводитъ нѣкоторыя положенія науки, которыя обыкновенно считались добытыми опытомъ. Вотъ полное его разсужденіе:

«Наблюдатель можетъ только наблюдать естественныя явленія; экспериментаторъ можетъ только измѣнять ихъ; ему не дано ни творить ихъ, ни абсолютно уничтожать. Мы часто повторяли, что экспериментаторъ дѣйствуетъ не на самыя явленія, а только на физико-химическія условія, необходимыя для ихъ обнаруженія. Явленія суть только выраженіе *отношенія* этихъ условій; отсюда выходитъ, что при сходныхъ условіяхъ отношеніе будетъ постоянное и явленіе тождественное, и что съ измѣненіемъ условій отношеніе будетъ иное и явленіе различное. Словомъ, чтобы вызвать новое явленіе, экспериментаторъ только *реализируетъ* новыя условія, но онъ не *творитъ* ничего, ни силы, ни матеріи. Въ концѣ прошлаго вѣка наука возвѣстила великую истину, именно, что въ разсужденіи матеріи ничего не создается въ природѣ; всѣ тѣла, которыхъ свойства непрестанно мѣняются передъ нашими глазами, суть только перестановки въ сочетаніи веществъ, эквивалентныя по вѣсу. Въ послѣднее время наука возвѣстила другую истину, которую продолжаетъ выяснять еще и теперь, и которая составляетъ дополненіе первой, именно, что въ разсужденіи *силъ* ничего не теряется и ничего не творится въ природѣ; откуда слѣдуетъ, что всѣ формы явленій міра, различныя до безконечности, суть только эквивалентныя превращенія силъ однѣхъ въ другія» (стр. 109).

Мы знаемъ уже, что *матерія* и *сила* суть одни слова, именно потому, что намъ доступенъ только детерминизмъ явленій. И вотъ Клодь Бернаръ говоритъ, что законъ сохраненія матеріи и законъ сохраненія силы справедливы именно въ силу детерминизма явленій. Итакъ смыслъ этихъ законовъ долженъ быть таковъ, что въ сущности они отрицаютъ и матерію и силу, хотя, повидимому, говорятъ о сохраненіи той и другой. Такъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Мы не можемъ ни творить, ни уничтожать, да и въ природѣ ничто не творится и не уничтожается. Чтò же это значитъ? Значить, въ природѣ нѣтъ ничего самостоятельнаго, чтò бы изъ себя

порождало явленія. Вещество не есть сущность, которая изъ себя дѣйствуетъ—вотъ законъ сохраненія вещества. Сила не есть дѣятельность, которая изъ себя начинается — вотъ законъ сохраненія силы. Такимъ образомъ эти законы выражаютъ полную зависимость явленій, а не самобытность, какъ можно подумать по ихъ нынѣшней формулировкѣ.

Поясню подробнѣе. Положимъ, тяжесть есть *дѣйствіе* вещества. Еслибы она сама по себѣ, независимо, измѣнялась въ тѣлахъ, возрастала или уменьшалась, то это показывало бы, что мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ обнаруженіемъ нѣкоторой сущности. То же самое нужно бы было сказать, еслибы тяжесть тѣла оставалась одною и тою же, несмотря ни на какія обстоятельства. Но ни того ни другого, какъ извѣстно, нѣтъ. Относительно тяжести можно сказать только слѣдующее: если взять извѣстную кубическую мѣру какого нибудь вещества при извѣстной температурѣ, то на извѣстной точкѣ земного шара, на извѣстномъ разстояніи отъ поверхности это количество вещества обнаружить *всегда* одинаковую тяжесть, одинаковое давленіе на свою podporку.

Такимъ образомъ мы получаемъ только правильное соотношеніе явленій, правильную связь между ними, но не находимъ ничего самостоятельнаго и независимаго, что можно бы назвать сущностью, *матерію* вещей.

VIII.

Послѣ этихъ поясненій легко понять, какого рода методомъ предлагаетъ руководиться Клодъ Бернаръ при производствѣ опытовъ. Вотъ главныя его черты.

Дано явленіе; требуется опредѣлить тѣ единственныя и неизмѣнныя условія, при которыхъ оно происходитъ. Сдѣлать это можно не иначе, какъ *угадать* ихъ, то-есть *идя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному* составить относительно ихъ нѣкоторую гипотезу.

Въ этомъ отгадываніи заключается геній экспериментатора; предписать правила для составленія гипотезы о томъ, какія условія требуются для даннаго явленія, невозможно. Поэтому Клодъ Бернаръ рекомендуетъ просто смѣлость воображенія в ъ возможно большую свободу ума отъ всякихъ предвзятыхъ теорій и установившихся ученій.

Пусть составлена какая нибудь гипотеза; тогда слѣдуетъ ее провѣрить. Это значить, слѣдуетъ исполнить тѣ условія, при которыхъ, по нашему предположенію, должно совершиться данное явленіе, и посмотрѣть, совершится оно, или нѣтъ. Если совершится—изслѣдованіе можно продолжать; если не совершится — его нужно

начать съизнова, то-есть нужно опять составлять догадку, и опять повѣрять ее на опытѣ.

Пусть мы успѣли вызвать явленіе; это значитъ только, что въ условіяхъ нашего опыта есть тѣ условія, которыя его вызываютъ. Но какія именно эти условія? Нельзя сказать, чтобы это непременно были тѣ, которыя мы умышенно осуществили; между ними могутъ быть совершенно *лишнія*, отъ которыхъ явленіе нисколько не зависитъ. Въ то же время въ опытѣ могутъ войти незамѣченныя нами условія, отъ которыхъ онъ между тѣмъ существенно зависитъ. Поэтому слѣдуетъ строго изслѣдовать условія опыта. Именно нужно повторять его, строго соблюдая тожество условий, но устраниая то одно, то другое изъ нихъ, и такимъ образомъ убѣдиться, какія условія лишнія, и какія существенно необходимыя.

Если мы хоть разъ успѣли вызвать явленіе, но потомъ опытъ, повидимому, совершенно тожественный, не удался, то это значитъ, что въ него вошли какія нибудь новыя, незамѣченныя условія, или же въ немъ недостаегъ необходимыхъ, но неизвѣстныхъ намъ условий. Въ такомъ случаѣ, для опредѣленія неизвѣстныхъ условий, слѣдуетъ опять прибѣгнуть къ помощи догадокъ, и опять повѣрять придуманныя гипотезы опытомъ.

Слѣдую такому пути, мы, наконецъ, достигнемъ полного и точнаго опредѣленія условий. Тогда мы получимъ неизмѣнную, строгую научную истину, то-есть будемъ знать, что при извѣстныхъ условіяхъ необходимо совершается извѣстное явленіе. Такимъ образомъ въ наукѣ не можетъ быть никакихъ колебаній, вѣроятностей или полунистинъ; догадки и предположенія, имѣющія различную степень вѣроятности, могутъ имѣть мѣсто только во время производства опытовъ; результатъ же всегда будетъ—чистая, несомнѣнная истина.

IX.

Таковъ методъ, предписываемый понятіемъ детерминизма.

Такъ-какъ дѣло идетъ о приобрѣтеніи опытныхъ, апостеріорическихъ знаній, то любопытны здѣсь сужденія Клода Бернара относительно дѣятельности ума при этомъ приобрѣтеніи. Какъ извѣстно, очень большой ходъ имѣеть то мнѣніе, будто умъ можетъ дѣйствовать двумя путями—дедуктивнымъ и индуктивнымъ. Многіе считаютъ за главный приѣмъ индукцію и съ презрѣніемъ смотрятъ на всякія апіорическія разсужденія. Натуралисты очень часто считаютъ источникомъ истины только наблюденія и факты, и противоплагаютъ свои приѣмы познанія—приемамъ другихъ наукъ, философіи, исторіи. Такимъ образомъ вообще можно подуматъ,

что умъ можетъ дѣйствовать неодинаково, и что есть у него тѣ же приемы, которые противоположны настоящему пути къ истинѣ и ведутъ къ однимъ заблужденіямъ. Совершенно иначе смотреть на дѣло Бернаръ.

«Каждый человѣкъ—говоритъ онъ—съ перваго взгляда составляетъ себѣ *идеи* о томъ, что онъ видитъ, и склоненъ истолковывать явленія природы по предубѣжденію, прежде чѣмъ узнаетъ ихъ по опыту. Это стремленіе врожденное; *предвзятая идея* всегда была и всегда будетъ первымъ порывомъ изслѣдующаго духа».

«Чѣловѣкъ по природѣ метафизикъ». «*Образъ дѣйствія чело-вческаго ума* никогда въ сущности не измѣняется. Метафизикъ, схоластикъ и экспериментаторъ дѣйствуютъ по идеѣ *a priori*. Различіе состоитъ въ томъ, что схоластикъ считаетъ свою идею абсолютною истиною, которую онъ нашелъ и изъ которой выводитъ потомъ съ помощію одной логики всѣ послѣдствія. Экспериментаторъ, болѣе скромный, ставитъ напротивъ свои идеи какъ вопросъ, какъ предвзятое объясненіе природы, изъ котораго логически выводитъ слѣдствія, сличая ихъ каждую минуту съ дѣйствительностію посредствомъ опыта» (стр. 34).

Что касается до раздѣленія двухъ методовъ, индуктивнаго и дедуктивнаго, то онъ замѣчаетъ:

«Скажу въ качествѣ экспериментатора, что на практикѣ, мнѣ кажется, весьма трудно оправдать это раздѣленіе и ясно разграничить индукцію отъ дедукціи» (стр. 57). «Во всѣхъ случаяхъ, умъ чело-вѣка всегда одинаковымъ образомъ дѣйствуетъ посредствомъ силлогизма; другимъ путемъ онъ идти не можетъ» (стр. 58).

Клодъ Бернаръ не развиваетъ и недоказываетъ этихъ положеній философскимъ образомъ, что было бы, какъ онъ говоритъ, *не по его части*. Но онъ поясняетъ свой взглядъ прекраснымъ сравненіемъ.

«Какъ въ тѣлесномъ хожденіи чело-вѣкъ можетъ подвигаться впередъ только ставя одну ногу передъ другою, точно такъ же и въ естественномъ ходѣ ума онъ не можетъ подвигаться впередъ иначе, какъ ставя одну идею передъ другою. Другими словами, для ума, точно такъ же какъ и для тѣла, всегда нужна первая точка опоры. Точка опоры тѣла есть почва, которую чувствуетъ нога; точка опоры ума есть извѣстное, то-есть истина или принципъ, сознаваемый умомъ» (стр. 58). «Когда чело-вѣкъ идетъ по твердой и ровной почвѣ, по прямой дорогѣ, которую знаетъ и видитъ на всемъ ея протяженіи, то онъ идетъ къ своей цѣли вѣрнымъ и быстрымъ шагомъ. Если же онъ идетъ въ темнотѣ по извилистой дорогѣ, по почвѣ неизвѣстной и обманчивой, то онъ боится оступиться и подвигается осторожно и шагъ за шагомъ. Прежде чѣмъ сдѣлать вто-

рой шагъ, онъ долженъ удостовѣриться, что нога, которая первая ступила, опирается на прочную точку, и потомъ подвигаться впередъ, на каждомъ шагу повѣряя опытомъ твердость почвы и постоянно измѣняя направление своего хода, смотря по тому, что ему встрѣтится. Такъ поступаетъ экспериментаторъ».

«Изъ всего этого я вывожу заключеніе, что *индукція* и *дедукція* принадлежатъ всѣмъ наукамъ. Я не думаю, чтобы индукція и дедукція дѣйствительно составляли двѣ формы разсужденія, существенно различныя» (61).

Это сравненіе само-собою внушило Бернару очень замѣчательное доказательство его взгляда на мышленіе; за неизмѣнимъ философскаго анализа, онъ заимствуетъ доводъ изъ своей собственной науки, изъ физиологій.

«Въ физиологій, каждый опредѣленный органъ совершаетъ свое отправленіе всегда съ помощью одного и того же механизма; когда явленіе происходитъ въ другихъ условіяхъ или не въ той средѣ, то отправленіе только принимаетъ различныя формы; но въ сущности его природа остается та же. Я думаю, что для ума точно такъ же существуетъ только одинъ способъ разсужденія, какъ для тѣла одинъ способъ ходить».

Это признаніе *единого* метода для всѣхъ наукъ и для всякаго разсужденія, вынесенное Клодомъ Бернаромъ изъ его *практики*, весьма замѣчательно. Конечно, оно совершенно справедливо, что бы ни говорили позитивисты и всякіе другіе приверженцы наблюденій и голыхъ фактовъ.

Но при видѣ ихъ усилій дѣйствительно можетъ прійти въ голову мысль, что мозгъ въ головахъ разныхъ людей не одинаково совершаетъ свои отправленія. Въ особенности одно великое племя—англичане—люди, которые по точнымъ измѣреніямъ, отличаются наибольшимъ объемомъ мозга между всѣми племенами, представляютъ складъ ума, повидимому существенно отличный отъ континентальнаго, какъ они любятъ выражаться. Главная черта этого склада—совершенное невѣріе въ мышленіе, совершенное отрицаніе силы мысли. Скентицизмъ одного изъ нихъ, Юма, побудилъ когда-то Канта написать Критику Чистаго Разума. Несмотря на то, въ настоящее время Джонъ-Стюартъ Милль столь же ревностно какъ и Юмъ продолжаетъ отрицать у мысли всякое значеніе. Для него мышленіе—*аббревіатура* наблюденій, *записная книжка* фактовъ.

За то, какъ оно и слѣдуетъ, съ такимъ мышленіемъ не получается *ни единой истины*. Даже законъ причинности, этотъ абсолютный принципъ метода опытовъ, не имѣетъ безусловной силы. Милль говоритъ о немъ:

«Въ отдаленныхъ частяхъ звѣздныхъ пространствъ, гдѣ явленія

могутъ быть совершенно не похожи на тѣ, съ которыми мы знаемъ, было бы безуміемъ навѣрное утверждать, что этотъ общій законъ господствуетъ, совершенно такъ же, какъ и относительно частныхъ законовъ, которые найдены нами повсюду соблюдающимися на нашей планетѣ» (Syst. of Logic. Ed. New-york, 1848).

Какое дѣтство! «Въ отдаленныхъ частяхъ звѣздныхъ пространствъ!» Отчего же не за стѣной этой комнаты, или не въ этой самой комнатѣ, только на слѣдующій день? Но философу кажется, что чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Между тѣмъ явленіе безъ причины совершенно такъ же удивительно, когда оно совершается въ отдаленныхъ звѣздныхъ пространствахъ, какъ еслибы совершалось прямо передъ моими глазами. Если мышленіе есть записная книжка фактовъ, то чтò же мѣшаетъ въ ней возлѣ факта съ причиною, стоить факту безъ причины?

Съ другой стороны, какое отсутствие научнаго духа! Попробуйте сказать астроному, какъ это впрочемъ и пробовалъ говорить Августъ Контъ, одинъ изъ авторитетовъ Милля, что онъ напрасно изслѣдуетъ отдаленныя звѣздныя пространства, что тамъ онъ встрѣтитъ явленія, совершенно непонятныя, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя ручаться и за то, чтобы дѣйствія не совершались безъ всякой причины. Конечно, всякій астрономъ въ глаза засмѣется на такую рѣчь. Дѣло понятное; наука не можетъ въ себя не вѣрить, поэтому она вѣритъ въ разумъ.

Въ всякомъ случаѣ, въ настоящее время едва-ли прійдется писать противъ англичанъ новую критику чистаго разума.

Клодъ Бернаръ въ нѣсколькихъ мѣстахъ высказывается противъ Бэкона и противъ позитивизма, который, къ удивленію, есть французское произрастеніе. Позитивизмъ, по его мнѣнію, только *митаетъ притязаніе, что онъ основанъ на наукахъ* (стр. 32).

Н. Страховъ.

1866

26 мая.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Соч. А. Т. ГРИММА.

ALEXANDRA FEODOROWNA, Kaiserin von Russland, von A. Th. Grimm.
1866. Leipzig.

Статья пятая и послѣдняя.

XIII.

«Такъ-какъ императрица должна была отказать себѣ въ участіи во всѣхъ празднествахъ, то она получила торжественное приглашеніе отъ всего города Палермо почтить своимъ присутвіемъ хотя одно воскресенье во время карнавала. Неумолимые врачи на этотъ разъ смягчились, и самое небо ниспослало по этому случаю такой дивный весенній день, какой на сѣверѣ врядъ-ли можетъ создать себѣ даже фантазія поэта. Надъ всѣмъ городомъ и окрестностями его носилось благоуханіе отъ несметныхъ цвѣтовъ, и синее небо отражалось въ зеркалѣ еще болѣе синяго моря. Въ Палермо такъ же велико было нетерпѣніе увидѣть императрицу, какъ въ сѣверныхъ гостяхъ желаніе участвовать въ разгулѣ южнаго населенія. Двѣ главныя улицы Палермо, Толедо и Македа, которыя крестообразно перерѣзываютъ одна другую прямыми углами, были ристалищемъ карнавальныхъ увеселеній, а четыре угла площади, образуемой точкой ихъ пересѣченія, и обозначенные богатыми палаццо, исчезали не только подъ громоздившимися вездѣ людьми, но и подъ баснословнымъ количествомъ цвѣтовъ, въ особенности фіалокъ, которыми думали пріятно поразить государыню. Балконы въ Палермо широки и тянутся вдоль всѣхъ строеній, по каждому этажу домовъ. По сторонамъ обѣихъ улицъ, всѣ эти безконечные балконы были набиты народомъ, словно жители ожидали штурма и готовились на оборону, но оружіемъ служили одни только цвѣты и по преимуществу букеты изъ фіалокъ, такъ-какъ публикѣ строжайше было запрещено бросать въ государыню мучными *Confetti*. Съ ранняго утра уже дома и балконы начали наполняться

народомъ, но при этомъ соблюдалась полнѣйшая тишина, несмотря на всеобщее нетерпѣливое ожиданіе. Ровно въ три часа въ толпѣ началось волнообразное колыханіе: императрица съ сестрой, дочерью и племянницей, въ большой парадной коляскѣ, четверней, медленно подъѣзжала изъ Оливуцца; за нею ѣхалъ великій князь Константинъ Николаевичъ съ нѣсколькими пріятелями въ обыкновенной коляскѣ, а за нимъ уже слѣдовало нѣсколько фуръ, нагруженныхъ цвѣтами и конфетами. Государыня была оглушена встрѣтившимися ея возгласами, и экипажъ ея не доѣхалъ еще до середины города, какъ въ немъ уже горой поднималась гряда цвѣтовъ, и благоуханіе фіалокъ, казалось, отуманило ее. Поровнявшись съ дворцомъ герцога Серадифалько, она на нѣсколько минутъ остановилась, чтобы окинуть однимъ взоромъ обѣ улицы, и тогда уже поднялась на балконъ этого палатца, приготовленный для нея и всей ея свиты. Въ нѣсколько минутъ балконъ весь былъ закиданъ цвѣтами, такъ что слабыя ея нервы не выдержали слишкомъ сильнаго благоуханія, и она должна была подняться однимъ этажемъ выше, на другой балконъ, гдѣ труднѣе было попадать въ нее, и откуда ей удобнѣе было самой бросать въ народъ цвѣты и конфеты. Давка передъ палатцо сдѣлалась ужасная: каждый брошенный ею цвѣтокъ, каждую конфету, оспаривали другъ у друга съ ожесточеніемъ, доходившимъ до драки. Но вдругъ новое зрѣлище обратило всѣ взоры на себя. Къ площади на восьми колесахъ и шестнадцати лошадахъ, медленно подвигался корабль, снабженный полнымъ составомъ мачтъ, парусовъ и снастей; на немъ находились капитанъ и восемь человѣкъ матросовъ, въ пестрыхъ нарядахъ и всѣ они принадлежали къ самымъ знатнымъ и богатымъ палермскимъ домамъ. Корабль остановился подъ самымъ балкономъ государыни. Послѣ десятиминутной бомбардировки конфетами, палуба вдругъ раскрылась и изъ нея подыалась цѣлая гора прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, какими только украшается островъ въ это время года: тутъ, кромѣ розъ и фіалокъ, были миндальные и померанцовые цвѣты, миртовые и лавровыя вѣтви. Всѣ эти цвѣты полетѣли прямо на балконъ, занимаемый императрицей, и многіе изъ нихъ въ слѣдующіе дни украшали ея кабинетъ. Но шумъ и сильный запахъ цвѣтовъ сильно подѣйствовали на нее, и она должна была на короткое время удалиться, чтобы собраться съ новыми силами. Затѣмъ явился второй корабль, во всемъ подобный первому, удалившемуся, совсѣмъ уже разгруженному, и привелъ зрителей въ еще большее изумленіе: вмѣстѣ съ розами и фіалками изъ него вылетали звуки русскаго національнаго гимна, и никто не могъ угадать, кто бы были переодѣтые пѣвцы, такъ чисто произносившіе русскія слова? Наконецъ дѣло объяснилось: то были офицеры рус-

ской эскадры, которые приготовили государынѣ эту пріятную неожиданность и въ то же время доставили самимъ себѣ удовольствіе — отпраздновать масляницу, закидываемые не хлопьями снѣга, а цвѣтами. Послѣдовало еще много подобныхъ явленій, но государыня должна была отказать себѣ въ удовольствіи слѣдить за ними, потому что уже начинало темнѣть, да и силы ей измѣняли.

«Незабвеннымъ на всю жизнь остался для нея этотъ день, перенесшій ее на нѣсколько часовъ въ ея раннюю молодость и даже дѣтство нагляднымъ осуществленіемъ ея любимыхъ грезъ. Она участвовала въ необузданномъ веселіи цѣлаго города; цвѣты, столь страстно ею любимые, груды валились къ ея ногамъ среди зимы; она была счастлива вмѣстѣ съ тысячами ликующаго народа. Въ Петербургѣ государыня имѣла обыкновеніе, послѣ каждаго великаго праздника, навѣщать богадельни, больницы и всѣ благотворительныя заведенія, находившіяся подъ ея покровительствомъ, и приносить съ собою помощь и утѣшеніе туда, куда никогда не проникали звуки придворнаго веселія. Въ Палермо это было невозможно; но она на слѣдующій день, кромѣ десяти тысячъ франковъ, назначаемыхъ ею ежемѣсячно на раздачу бѣднымъ, прислала еще десять тысячъ, чтобы радость народа неослабно продолжалась всю недѣлю.

«Этимъ празднествомъ обозначился конецъ спокойнаго пребыванія императрицы въ Палермо. Съ ея пріѣзда, четыре мѣсяца промчались, какъ сонъ; она возродилась и могла съ полнымъ сознаниемъ сказать, что въ теченіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ она вполне насладилась существованіемъ. Теперь между докторами подвергался оживленному обсужденію вопросъ, сколько времени еще слѣдуетъ оставаться въ Сициліи? По первоначально принятому плану, государыня должна была ѣхать въ Римъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ, три недѣли пробыть съ нимъ въ вѣчномъ городѣ, и послѣ того столько же времени провести въ Неаполѣ. Въ благодатной Сициліи неизвѣстны ни рѣзкость воздуха, какая бываетъ зимою даже въ Римѣ и Флоренціи, ни налетныя бури, каковыя подвержены Неаполь; тамъ зима—та же весна, только съ рѣдкими, кратковременными проливными дождями. Послѣ Палермо, Неаполь, въ особенности въ мартѣ, кажется почти такимъ же суровымъ, какъ Вѣна и Мюнхенъ послѣ Милана или Венеціи. Римъ, казалось, представлялъ лучшей переходъ отъ Палермо къ Неаполю. Но этотъ планъ не состоялся; великій князь со своей свитой долженъ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ карнавала одинъ отправиться въ Римъ, такъ что въ маленькомъ кружкѣ императрицы стало замѣтно тише. Великій князь, казалось, унесъ съ собою ея душевное спокойствіе и свѣтлое настроеніе, и она видимо грустила, гуляя

одна по саду, и чаще прежняго заглядываясь на роскошное магнолиевое дерево, и чудную финиковую пальму — своих любимцев. Послѣ отъѣзда великаго князя, ей дозволено было провести въ Оливупца еще только двѣ недѣли, послѣ чего она, въ первой половинѣ марта, поѣхала прямо въ Неаполь, употребивъ послѣдніе дни своего пребыванія на прощальныя поѣздки по Палермо, гдѣ она посѣтила старинный норманскій замокъ, мѣсто рожденія Фридриха II гогенштауфенскаго, и гробницу того же императора въ величественномъ *Dioto* или соборѣ св. Розаліи.

«Въ Неаполѣ королевская фамилія предоставила императрицѣ весь первый этажъ дворца, сама довольствуясь вторымъ этажемъ, такъ-какъ предполагалось пробить тамъ не болѣе двухъ недѣль, чтобы успѣть удѣлить недѣли три Риму. Государыня, вмѣстѣ съ великой княжной Ольгой Николаевной, расположилась въ томъ флигелѣ дворца, изъ котораго видъ простирается на великолѣпную, оживленную постояннымъ движеніемъ, панораму залива и Везувія; тутъ она могла прогуливаться на длинномъ, широкомъ балконѣ, притомъ съ этой стороны до нея не такъ доходили городской шумъ и крики лаццароновъ, какъ до части дворца, обращенной на площадь, и занимаемой великой герцогиней мекленбургской съ дочерью. Король употребилъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать краткое пребываніе государыни въ его столицѣ приятнымъ и удобнымъ, и самъ грозный сосѣдь, Везувій, съ похвальной любезностью каждый день задавалъ блестящіе фейерверки. Скоро послѣ императрицы пріѣхалъ изъ Рима и великій князь Константинъ, а вслѣдъ за нимъ герцогъ Вильгельмъ мекленбургскій, сынъ великой герцогини. Такимъ образомъ семейный кружокъ даже увеличился противъ прежняго, но покойная жизнь въ Палермо все-таки оставалась незабвенной и ничѣмъ незамѣнимой для государыни. Она тутъ чувствовала себя менѣе здоровой, менѣе счастливой. Она прокатилась по шумной улицѣ Толедо, прошлась пѣшкомъ по Кьяя въ такой день, когда все дышало и вѣяло весной, съ изумленіемъ по цѣлымъ часамъ любовалась съ балкона новымъ для нея зрѣлищемъ Везувія — но ничто не могло возратить ей того настроенія, которымъ она наслаждалась въ Палермо». Первымъ желаніемъ императрицы было — посѣтить Помпею; самъ король сопровождалъ ее въ этой поѣздкѣ, въ которой участвовали оба двора, составивъ одно огромное общество человѣкъ въ сто, и она такъ увлеклась этимъ живымъ памятникомъ далекой древности, что на время какъ будто забыла даже про Палермо, общалась своимъ спутникамъ сопровождать ихъ до подножія Везувія, и даже изъявила намѣреніе явиться черезъ нѣсколько дней на придворномъ балу. Но на слѣдующій же день, отъ утомленія ли, отъ простуды ли,

она захворала, на второй день оказалась серьёзно больною, а на третій объявлено было, что жизнь ея въ опасности. Все мгновенно приняло другой видъ: объ увеселеніяхъ или дальнѣйшихъ поѣздкахъ не могло быть и рѣчи, такъ-какъ никто почти не отлучался изъ дворца, несмотря на то, что въ комнату больной не допускали никого изъ окружающихъ, даже сестру ея и дочь. Доктора подверглись сильному нареканию за то, что не попрепятствовали государынѣ совершить такой утомительный подвигъ, какъ поѣздка въ Помпею, въ особенности, и не безъ основанія, возстали противъ Мавдта, который при этомъ случаѣ промолчалъ, тогда какъ въ Палермо не состоялось множество несравненно болѣе безвредныхъ экспедицій единственно благодаря его деспотическому вмѣшательству. Болѣзнь длилась двѣ недѣли, послѣ которыхъ, хотя должно было пройти еще нѣсколько дней прежде нежели самой выздоравливающей могли быть дозволены прогулки на воздухъ, но сопровождавшее ее общество снова могло предаваться удовольствію посѣщать восхитительныя обрестности, по большей части подъ руководствомъ русскаго посланника при неаполитанскомъ дворѣ, графа Потоцкаго.

Едва государыня оправилась отъ тяжелаго болѣзненнаго припадка, и проводила отплывавшаго во Францію и Алжиръ великаго князя Константина Николаевича, какъ ее постигло новое разочарованіе: она должна была отказаться отъ своей долго желѣнной мечты—поѣздки въ Римъ. Въ вѣчномъ городѣ открылась корь, и Мандтъ, несмотря на всѣ убѣжденія императрицы, нетолько настоялъ на отреченіи ея съ предполагаемаго путешествія, но даже, когда великая герцогиня мекленбургская рѣшилась пренебречь опасностью, скорѣе нежели лишитъ себя ожидаемаго наслажденія, потребовалъ, чтобы она уже не возвращалась въ Неаполь, а поѣхала прямо во Флоренцію, и тамъ бы ожидала прибытія сестры. Не нужно говорить, что всѣмъ спутникамъ императрицы было строго воспрещено предпринимать самимъ по себѣ поѣздку въ Римъ, и даже русскіе, пріѣзжавшіе оттуда, должны были избѣгать дворца и встрѣчи съ членами императорской свиты. Этими распоряженіямъ государыня и великая княжна сопротивлялись изо всѣхъ силъ, въ чемъ ихъ поддерживали баронъ Мейендорфъ и нѣсколько другихъ лицъ, покуда Мандтъ, узнавъ объ этомъ, не объявилъ напрямикъ, что если этимъ господамъ угодно препятствовать исполненію его предписаній, то пусть они берутъ на себя и всю отвѣтственность, онъ же немедленно откажется отъ должности. Послѣ такого заявленія оставалось только покориться необходимости.

Наконецъ великая герцогиня уѣхала съ сыномъ, дочерью и всей свитой, такъ что государыня внезапно почувствовала себя одино-

кой и покинутой. Мысль о Римѣ, къ которому она такъ долго стремилась всей душою, отравляла ей немногіе дни, оставшіеся до страстной недѣли—единственныя, которыми она еще могла воспользоваться для поѣздокъ по окрестностямъ города, такъ-какъ наступающую католическую страстную недѣлю она думала провести тихо и уединенно во дворцѣ, а тотчасъ же слѣдующую за нею православную страстную она безъ того не могла употребить ни на какія предпріятія, имѣющія подобіе увеселенія. Однажды она со вздохомъ замѣтила: «Мнѣ сдается, что мнѣ суждено служить подтвержденіемъ поговорки: *vedi Napoli e poi muori*». Кто-то на это быстро отвѣтилъ: «Есть еще поговорка, которая гласитъ, что Неаполь хорошо посмотришь, а въ Петербургѣ жить». — «Вы мнѣ напоминаете, перебила государыня: — что я Неаполя во всей его живописной красѣ по настоящему и не видала; что думаетъ наше общество предпринять въ этотъ дивный весенній день?» — «Поѣздки въ Каstellамаре», было отвѣтомъ. — «Неужели же мнѣ запрятать подышать весеннимъ воздухомъ въ Неаполь? снова добродушно перебила она: — мнѣ бы хотѣлось раздѣлить съ обществомъ это удовольствіе». Мандтъ на этотъ разъ не противорѣчилъ, и скоро небольшое общество изъ десяти человѣкъ сѣло на каstellамарскую желѣзную дорогу. Король отправилъ полицейскаго чиновника впередъ, приказавъ объявить жителямъ маленькаго городка, что они на цѣлый годъ будутъ освобождены отъ податей и налоговъ, если избавятъ посѣтителей отъ назойливыхъ приставаній нищихъ. Въ вагонѣ государыня уснула, и хотя, очнувшись, весело пробѣжала разстояніе до виллы князя Ливена, но опьяняющее дѣйствіе перваго выѣзда на упонительный весенній воздухъ было такъ сильно, что она снова впала въ глубокій, сладкій сонъ. Великая княжна этимъ временемъ сѣла на бѣлаго мула, и въ сопровожденіи половины общества долго каталась по окружающимъ рощамъ и горамъ. Еще одинъ только разъ, на второй день русской пасхи, государыня насладились всею прелестью волшебнаго залива, употребивъ этотъ день на поѣздки въ Сорренто; на третій же день праздника, она окончательно простилась съ гостепріимными берегами южной Италіи, и при проходахъ всей королевской семьи, при громѣ пушечныхъ залповъ и звукахъ русскаго національнаго гимна, направилась къ сѣверу на русскомъ пароходѣ «Камчатка». Долго не отрывались взоры ея отъ Неаполя, и когда исчезъ изъ вида послѣдній дымокъ отъ вурящагося Везувія, она наконецъ высказалась съ нѣкоторой досадой: «Мнѣ не велятъ ѣхать сухимъ путемъ черезъ Римъ, сказала она: — на томъ основаніи, будто сухопутное путешествіе утомительнѣе морскаго; а того не сообразить, что море съ дѣтства было моею ненавистью, и что меня Рос-

сія приучила къ долгимъ дорогамъ. Двухдневное пребываніе въ Римъ находятъ для меня утомительнымъ, а во Флоренціи оставляють цѣлыхъ двѣ недѣли, и не боятся, чтобы я тамъ устала; а между тѣмъ досада, что мнѣ не видать Рима, долго будетъ меня мучить, и весьма можетъ быть, что послужитъ противодѣйствіемъ благимъ результатамъ всего путешествія». Поровнявшись съ Гаэтой, государыня должна была сойти въ каюту, чувствуя приближеніе морской болѣзни, но удаляясь просила непременно позвать ее, когда видѣнъ будетъ вдали куполь св. Петра. Въ Ливорно ее ожидало новое горе: извѣстіе о кончинѣ ея тетки, принцессы Вильгельмы, которую, со времени смерти королевы Луизы, она любила и почитала какъ вторую мать. Впрочемъ, пріѣздъ принца Виртембергскаго, нареченнаго жениха великой княжны Ольги Николаевны, отчасти разсѣялъ ея грусть, и, по прибытіи во Флоренцію, она была въ состояніи, послѣ первыхъ дней, посвященныхъ отдыху, сдѣлать и принять многочисленные визиты, которыхъ требовалъ этикетъ; и только послѣ исполненія этихъ, довольно для нея тягостныхъ въ ту минуту, общественныхъ обязанностей, государыня могла заняться тѣмъ, что имѣло для нея несравненно большій интересъ, нежели обмѣнъ официальныхъ вѣжливостей съ великогерцогскимъ домомъ, а именно посѣщеніемъ безчисленныхъ чудесъ искусства, которыми изобилуетъ Флоренція наравнѣ съ самымъ Римомъ. Она отъ всей души благодарила небо за снисходительность врачей, которые милостиво дозволили ей кататься по «Cascine», и вдоволь насладиться галереями Питти и «degli Uffizi». Изъ картинъ, украшающихъ послѣднюю галерею, она болѣе всѣхъ восхищалась картиною Корреджо, на которой Божія Матерь молится младенцу Иисусу, и двумя «Sante famiglie» Рафаэля. Изъ произведеній ваятельнаго искусства ее глубоко поразила медицейская Венера и группа Ниубер. Когда великій герцогъ Леопольдъ II, свободная и умная бесѣда котораго была несравненно симпатичнѣе государынѣ, нежели узкая натянутость обращеній короля неаполитанскаго, пригласилъ ее посвятить одинъ день на осмотръ галереи Питти, и дозволить ему служить ей провожатымъ и чичерономъ, она съ удовольствіемъ согласилась, но замѣтила, что время и силы позволить ей заняться не болѣе какъ десятью или двѣнадцатью картинами. — «Но вѣдь въ галереѣ Питти — одни только мастерскія произведенія», возразилъ великій герцогъ. — «Въ такомъ случаѣ, сказала она: — вы мнѣ покажете десять главнѣйшихъ изъ нихъ». Много прославленная Венера Кановы не такъ пріятно ее поразила, какъ она того ожидала, и она не могла удержаться, чтобы не высказать своего впечатлѣнія самому великому герцогу. — «Мнѣ слѣдовало видѣть эту статую прежде, нежели медицейскую Вене-

ру, замѣтила она: — глядя на которую я въ первый разъ постигла недостигаемость греческаго искусства». За то рафаэлева «*Madonna della sedia*» безусловно плѣнила ее, такъ же какъ и Юдѣеъ, Аллори. Выходя изъ галлерей, гдѣ она нашла столько наслажденій, отчасти вознаградившихъ ее за несостоявшуюся поѣздку въ Римъ, государыня однако замѣтила: — «Правда, въ этомъ дворцѣ одни только мастерскія произведенія, и при всемъ томъ, я не промѣняла бы двухъ картинъ, что въ моемъ кабинетѣ, «Святое семейство» Мурильо и «св. Иоанна», Доменикино, даже на рафаэлевскія картины».

Нельзя умолчать о маленькомъ эпизодѣ, случившемся во время пребыванія императрицы во Флоренціи, который даетъ возможность составить себѣ понятіе какъ о красотѣ великой княжны Ольги Николаевны, такъ и о томъ, до какой степени итальянцы чутки до всего прекраснаго, и какъ необузданно они выражаютъ чувство страстнаго поклоненія красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Несмотря на то, что государыня въ точности исполняла совѣтъ великаго герцога держать по возможности втайнѣ, всѣ предполагаемыя поѣздки, чтобы не подвергаться докучливому и неотступному глазѣнію толпы, она и дочь ея рѣдко могли показаться въ городѣ, чтобы ихъ не обступили и не слѣдовали за ними сотни народа, который, какъ оказывалось, еще болѣе, нежели желаніе видѣть русскую царицу, привлекала надежда полюбоваться вблизи красотой великой княжны, тѣмъ болѣе поражавшей ихъ, что самый типъ ея, отличавшійся ослѣпительной бѣлизною и золотистыми волосами, долженъ былъ казаться непривычнымъ южному взгляду. Однажды, во время посѣщенія государыней знаменитаго «*Dioto*», на площадь передъ соборомъ привалила такая громадная толпа, что нужно было протянуть два шнура отъ главнаго входа до экипажа, чтобы посѣтительницы могли безпрепятственно сѣсть въ него. Но имъ захотѣлось еще взглянуть на такъ называемый «камень Данте», и онѣ спокойно прошли къ нему между протянутыми шнурами, не обращая вниманія на плотную толпу, волнующуюся по обѣимъ сторонамъ. Вдругъ, послѣ отчаянной, рукопашной борьбы съ солдатами и полицейскими, одинъ молодой итальянецъ перескочилъ черезъ шнуръ, и приблизился къ великой княжнѣ. Вся свита пришла въ ужасъ, его остановили, спросили, чего онъ хочетъ. «Хочу видѣть первую красавицу міра, но видѣть вблизи», отвѣчалъ онъ. Въ эту самую минуту великая княжна стала на камень, и обратилась лицомъ къ собору, не зная о томъ, что произошло за спиной ея. «Одну минуту! воскликнулъ молодой художникъ, тономъ сердечной просьбы: — дайте мнѣ одну минуту, и я полжизни отдамъ!» Великая княжна только впоследствии узнала объ этой сценѣ.

Немного дней оставалось провести во Флоренціи, и въ числѣ ихъ было 21 апрѣля (3 мая нов. ст.), день ангела императрицы, и въ то же время память покойной великой княгини Александры Николаевны. Еще наканунѣ государыня отслужила заупокойную обѣдню и панихиду въ домашней церкви, находящейся при загородномъ палаццо русскаго богача Анатолія Демидова, въ присутствіи только тѣхъ немногихъ изъ ея спутниковъ, которые нѣкогда находились въ близкихъ отношеніяхъ съ усопшей. Но силы измѣнили ей: она посреди службы лишилась чувствъ, и оправилась только послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ совершенномъ спокойствіи и на воздухѣ. Вечеръ она тоже провела въ уединеніи своего кабинета съ немногими приближенными, но на слѣдующій день въ городѣ съ утра замѣтно было праздничное движеніе; весь флорентинскій дворъ въ полной парадной формѣ явился съ поздравленіями къ императрицѣ, которая, несмотря на бывшій съ нею наканунѣ обморокъ, чувствовала себя веселою и здоровою. Вечеръ освѣтился великолѣпной иллюминаціей, и каково же было удивленіе всѣхъ русскыхъ, любовавшихся красивымъ зрѣлищемъ съ балконовъ и изъ оконъ гостинницы «Hotel d'Italie», обращенныхъ на Арно, когда на противоположномъ берегу рѣки, передъ ними вдругъ возникло огненное изображеніе петербургской биржи съ обѣими колонами — въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ это зданіе представляется глазу изъ кабинета государыни въ Зимнемъ дворцѣ! По самой рѣкѣ плыли ярко-освѣщенные гондолы, съ которыхъ раздавались лучшіе «Lieder» Мендельсона и Вебера съ итальянскими словами, а также и русскій національный гимнъ. Вечеръ былъ истинно майскій, тихій, теплый, и государыня наслаждалась имъ съ упоеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ грустью, сознавая, что этимъ прелестнымъ вечеромъ заканчивается для нея волшебный сонъ наяву, какимъ показалось ей ея пребываніе въ Италиі. Дѣйствительно, на слѣдующее же утро съ государыней простился ея вѣрный и заботливый спутникъ, баронъ Мейендорфъ; на другой день она проводила сестру, съ которой въ первый разъ, послѣ отъѣзда своего изъ Пруссіи, ей довелось провести нѣсколько счастливыхъ мѣсяцевъ почти неразлучно, а на третій день она уже сама ступила на обратный путь въ Россію, который и совершила почти что безостановочно до самого Петербурга, гдѣ ее ожидали еще цѣлыхъ два мѣсяца теплой, ясной погоды, словно ожидать столь любимой ею Италиі хотѣлъ остаться вѣрнымъ ей до конца. Императоръ, въ своей великой радости, когда онъ увидалъ жену, возвратившуюся къ нему поздоровѣвшей и помолодѣвшей, съ особенной щедростью награждалъ врачей, отстоявшихъ свое мнѣніе даже противъ его неудовольствія. Двѣ недѣли спустя, возвратился и великій князь

Константинъ, который съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ государыню больною въ Неаполѣ, успѣлъ побывать въ Алжирѣ, Лиссабонѣ и Портсмутѣ. Императоръ цѣлый годъ не видалъ юнаго путешественника, такъ-какъ великій князь прибылъ въ Палермо уже послѣ его отъѣзда оттуда.

XIV.

Путешествіе въ Италію не только имѣло благотѣльное дѣйствіе на здоровье государыни, но ослѣжило и укрѣпило и нравственныя ея силы. Большую и не менѣе благотѣльную перемѣну произвело оно и въ самомъ государѣ, который при этомъ случаѣ пользовался, хотя и нецѣло, полнымъ отдохновеніемъ среди природы и обстановки, совершенно для него новыхъ. Но по возвращеніи ихъ на родину; жизнь скоро снова взяла свое, и Александръ Александровичъ потребовался весь запасъ новыхъ силъ, привезенныхъ ею изъ незабвенной Сициліи для борьбы съ новыми тяжелыми впечатлѣніями, которыя готовилъ ей наступающій, грозный 1848 годъ. Безъ того уже опечаленная недавней разлугой съ великой княгиней Ольгой Николаевной, свадьба которой состоялась вскорѣ послѣ возвращенія ея съ матерью изъ-за границы, и болѣе чѣмъ, когда либо ознакомленная, не только неутомимымъ чтеніемъ, но и собственными наблюденіями, съ настроеніемъ, царствовавшимъ на Западѣ, и въ особенности на югѣ Европы, государыня встрѣтила этотъ годъ не такъ, какъ всѣ прочіе, а съ какимъ-то смутнымъ ожиданіемъ, какимъ-то томительнымъ сознаніемъ, что онъ принесетъ съ собою что нибудь новое. Около того времени одинъ извѣстный дипломатъ уѣзжалъ изъ Петербурга, и прощаясь съ императрицей, спросилъ, думаетъ ли ея величество провести слѣдующее лѣто за границей?—«Неужели вы еще вѣрите въ спокойный годъ?» отвѣчала она рѣшительно:—миѣ такъ кажется, судя по газетамъ и разнымъ сочиненіямъ, что угрожаетъ общая буря». — «По газетамъ, дѣйствительно, отвѣчалъ дипломатъ:—но въ моей сферѣ лучше знаютъ, чего ожидать». — «Дай-богъ, чтобы вы не ошибались, возразила государыня:—но миѣ давно уже чуетъ что-то недоброе». Столичная жизнь, между тѣмъ, шла своимъ обычнымъ, зримымъ чередомъ, хотя и она какъ-то страшно двоилась, то предаваясь вихрю шумныхъ увеселеній, то вдругъ минутно притихая отъ какого нибудь зловѣщаго слуха или важнаго извѣстія и какъ будто прислушиваясь къ далекому гулу собиравшейся бури. Но никакія вѣсти, никакія тревоги не были въ состояніи унять масляничнаго разгула. Хотя въ субботу на масляницѣ, по городу пробѣжала темная молва, что Гизо бѣжалъ, и возбудила живые споры въ дипломатическихъ кружкахъ, но тѣмъ болѣе на другой день

масса общества спѣшила въ Зимній дворецъ, на послѣдній балъ сезона, который долженъ былъ начаться съ полудня. Залы кишѣли народомъ, сверкали блескомъ освѣщенія и туалетовъ; при видѣ веселыхъ танцевъ, можно было подумать, что тутъ царство вѣчнаго мира и счастья — какъ вдругъ настѣжь растворяется дверь въ шумную залу, и на порогѣ является императоръ угрюмый, съ какой-то бумагой въ рукѣ. Музыка по его знаку замолкаетъ и общество останавливается неподвижно среди танцевъ. Послѣ нѣсколькихъ секундъ тревожнаго ожиданія, въ залѣ раздается его громовый голосъ: «Господа! сѣдлайте коней: Франція стала республикой». Затѣмъ онъ вышелъ изъ залы, и прерванный балъ не продолжался. Германію считали погруженной въ мирный и крѣпкій сонъ, какъ вдругъ на слѣдующее воскресенье, къ общему, безграничному удивленію, получается извѣстіе, что неспокойно на юго-западѣ ея. Государь при этомъ случаѣ сказалъ двумъ младшимъ сыновьямъ своимъ: «Легко можетъ быть, что вы окончите свой курсъ ученія будущимъ лѣтомъ, уже на театрѣ войны». Но и тутъ еще были увѣрены, что по крайней-мѣрѣ Прусія и Австрія не тронутся — и опять-таки на слѣдующее воскресенье узнается бѣгство князя Меттерниха. Теперь уже обманывать себя было невозможно. Тревога, смятеніе были общія, ихъ не избѣгла и сама императрица. Когда на тѣхъ же дняхъ, одинъ молодой человекъ, принадлежавшій къ семейству, весьма близкому къ царскому дому, прискакалъ изъ Берлина курьеромъ отъ русскаго посольства и явился прямо въ кабинетъ государыни съ депешами и сообщеніями, порученными ему изустно, по неимѣнію времени написать ихъ, она среди разсказа упала въ обморокъ и могла только проговорить: «А братъ мой Вильгельмъ?» Содержаніе депешъ не было извѣстно приближеннымъ къ ней лицамъ, подоспѣвшимъ къ ней на помощь; за то выигъ по всему двору разнеслась вѣсть о томъ, какъ подѣйствовали онѣ на нее, и этотъ разсказъ немало увеличилъ смятеніе, безъ того уже царствующее во дворцѣ.

Къ прочимъ тревогамъ присоединилась сильная холера. Государыня провела лѣто на дачѣ, отдавая большую часть времени чтенію. И государь постепенно возвратился изъ возбужденнаго и раздраженнаго состоянія къ своему обычному спокойствію. Его обращеніе къ конституціонному образу правленія извѣстно всѣмъ; но многимъ, быть можетъ, неизвѣстно, что онъ считалъ республиканское правленіе равноправнымъ съ неограниченно-монархическимъ. «Только республики въ наше время невозможны — говорилъ онъ однажды одному изъ своихъ министровъ — потому что нѣтъ республиканцевъ. Одинъ французъ, членъ новой республики, пишетъ ко мнѣ и проситъ меня пожаловать ему русскій орденъ,

такъ-какъ французскіе орденa уничтожены республикой. Какой же это республиканецъ, который обращается съ подобной просьбой къ чужому государю? И мои русскіе то же дѣлають, да ужь хоть не толкують о республикѣ».

Между тѣмъ домашнее счастье государя нисколько не пострадало отъ политическихъ сотрясеній, за которыми онъ теперь слѣдилъ уже съ полнымъ спокойствіемъ и кладнокровіемъ. Только здоровье государыни снова замѣтно стало слабѣть послѣ недавно послѣдовавшей свадьбы великаго князя Константина Николаевича; при существующемъ положеніи дѣлъ, путешествіе даже на какія-нибудь нѣмецкія воды было немислимо, и только неизмѣнная заботливость и нѣжная внимательность мужа поддерживали ее душевно и тѣлесно. Не менѣе того, силы ея снова быстро и уже безвозвратно упали. Она нерѣдко по часамъ оставалась одна на диванѣ, и слушала чтеніе. Тогда государь заходилъ къ ней, какъ только ему выдавалось нѣсколько свободныхъ минутъ между занятіями, иногда и самъ слушалъ вмѣстѣ съ нею, и выражалъ сожалѣніе о томъ, что его занятія отнимають у него всякую возможность къ такому рода развлеченіямъ. Малѣйшее желаніе жены онъ угадывалъ и исполнялъ немедленно, хотя бы приходилось для этого измѣнять собственныя его распоряженія. Такъ однажды государыня замѣтила: «жаль, что мы на дачѣ, я бы сегодня побывала въ театрѣ». Государь промолчалъ, какъ будто и не слышалъ этихъ словъ, но вечеромъ въ восемь часовъ пригласилъ жену на представленіе, которое давали выписанные изъ столицы актеры.

Въ эти же годы, вокругъ императрицы постепенно началъ образовываться новый міръ, новый кругъ лицъ. Изъ дѣтей близъ нея остались только двое младшихъ, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Вмѣстѣ же со старшими дѣтьми, основавшими своими домами, отъ нея удалились многія изъ лицъ, къ близости которыхъ она привыкла въ теченіе многихъ лѣтъ, наконецъ, что поражало ее еще большей грустью—тѣ, которые, послѣдовали за нею изъ Берлина, и во всѣ долгіе годы ея пребыванія въ Россіи не переставали служить ей вѣрно и усердно, одинъ за другимъ умирали. Особенно огорчила ее смерть секретаря ея, Шамбѣ, того самаго французскаго эмигранта, который съ такой преданностью сопровождалъ прусскую королевскую семью, во время тяжкаго изгнанія ея въ Кёнигсбергѣ. Шамбѣ скоростижно скончался отъ холеры, которая, несмотря на всѣ предосторожности Мандта, какъ-то забрела во дворецъ. Императрица была страшно поражена этимъ ударомъ, и похоронивъ своего стараго друга и слугу близъ подареннаго ему государемъ участка земли въ

Петергофѣ, постоянно навѣщала его могилу, каждый разъ, какъ она жила въ этой резиденціи.

Но 1849 г. готовилъ царскому дому болѣе тяжелыя испытанія: политическій горизонтъ не просвѣтлялся; венгерская кампанія отозвала отъ государыни ея второго сына; испытываемая ею постоянная тревога все вреднѣе вліяла на ея здоровье; наконецъ неожиданная кончина великаго князя Мпхаила Павловича поколебала даже желѣзныя силы императора, который хотя и перенесъ ударъ этотъ съ неизмѣнявшей ему никогда твердостью духа, однако послѣ него, никогда уже не былъ прежнимъ человѣкомъ. Такимъ образомъ государыня, послѣ своего возвращенія изъ Палермо, пережила столько горя, сколько хватило бы на цѣлую человѣческую жизнь. Вся Европа преобразилась, въ особенности же Германія; въ берлинскомъ королевскомъ домѣ тоже произошло много перемѣнъ, и душу ея свѣдала глубокая грусть. Политическія возрѣнія Россіи съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разнились отъ заграничныхъ, и элементы, которые она нѣкогда видѣла соединенными полнымъ согласіемъ, теперь расторгались безвозвратно. Однажды она сказала: «Наполеонъ пророчилъ, что въ срединѣ этого столѣтія наступитъ пора Европы либо республиканской, либо *казацкой*: не осуществилось ни то, ни другое предреканье, хотя все преобразилось, и я не вижу, чтобы при всѣхъ происшедшихъ перемѣнахъ было больше разумности или счастья, нежели прежде. Вотъ и милая Россія не пощажена судьбой: она лишилась состоянія, а мужъ ея—посланныческаго мѣста, и снова приходится ей, бѣдной, зарабатывать себѣ на сценѣ трудовой кусокъ хлѣба». Такимъ образомъ грустно и пасмурно тянулись для Александры Теодоровны слѣдующіе годы до 1852 г., когда она, въ первый разъ послѣ путешествія своего въ Италію, снова предприняла поѣздку за границу, на шлангенбахскія воды, куда она прибыла послѣ краткаго свиданія съ семьей въ Берлинѣ. Въ этомъ живописномъ уголкѣ Германіи она провела еще нѣсколько тихихъ, пріятныхъ недѣль, какихъ ей уже давно не приводилось испытывать. Изъ оконъ нарочно для нея выстроеннаго небольшого *châlet* въ швейцарскомъ вкусѣ, она любовалась на красивыя окрестности, и тутъ, сама того не зная, пользовалась послѣдними минутами тихаго счастья, которыя ей было суждено вкусить въ жизни. Большой отрадой былъ для нея пріѣздъ въ Шлангенбахъ княгини Ливенъ, которую она такъ высоко цѣнила и не видала съ самаго отъѣзда ея изъ Петербурга, много лѣтъ назадъ. Кромѣ княгини, пребываніе императрицы на водахъ раздѣляли еще ея невѣстки, супруги братьевъ ея, принца Вильгельма и Карла прусскихъ. Грустно простилась она съ своимъ мирнымъ *châlet*, когда настало время ея возвращенія въ Рос-

сію; отдохъ, спокойствіе нѣсколькихъ недѣль и пользованіе водами еще разъ оказали на ея здоровье свое обычное, цѣлительное вліяніе. Но немного было всѣхъ запасенныхъ ею силъ для перенесенія новаго ряда невзгодъ, наступившаго для нея съ ея возвращеніемъ въ Петербургъ: бѣдствія и тревога крымской кампаніи, постепенный упадокъ силъ императора, желѣзная натура котораго подламывалась невидимо для большинства, но слишкомъ замѣтно для близкихъ къ нему, наконецъ его неожиданная кончина — все это превратило послѣдующіе немногіе годы жизни Александры Ѳеодоровны въ тяжелую, скорбную годину, напоминавшую ей самую мрачную пору ея дѣтства, съ тою разницею, что тогда она не могла вполнѣ постигать и чувствовать всю силу горя, подъ бременемъ котораго теперь почти изнемогала.

XV.



И такъ, императрица вступила въ послѣдній фазисъ своей долгой, испещренной горемъ и радостями жизни. Въ домашнихъ порядкахъ Зимняго дворца произошло мало измѣненій; всѣ члены царской семьи собирались вокругъ матери попрежнему, въ заведенные издавна часы. Нѣсколько дней спустя послѣ кончины императора пріѣхали: сестра ея, вдовствующая великая герцогиня мекленбургская, братъ, принцъ Карлъ прусскій, и дочь, великая княгиня Ольга Николаевна. Уже до смерти Николая Павловича, государыня страдала біеніемъ сердца, теперь же оно не покидало ее почти ни днемъ, ни ночью. Ея существованіе обратилось, такъ сказать, въ перемежающійся обморокъ, и нужны были вся преданность, вся заботливость окружавшихъ ее родныхъ и приближенныхъ, чтобы помочь ей перенести эту наиболѣе тяжкую пору изъ всей ея жизни.

Вскорѣ послѣ погребенія императора, дворъ переселился не въ Царское-Село, а въ любимую резиденцію государыни—Петергофъ. Въ Царское-Село она только заѣхала, но не рѣшилась остаться въ немъ обычное число недѣль; оно превратилось для нея въ печальную мертвенную пустыню, гдѣ каждый шагъ наводилъ ее на какое нибудь загробное воспоминаніе: около самаго ея кабинета, черезъ узенькій корридоръ, находился опустѣвшій кабинетъ императора; съ другой стороны, ея покои были смежны съ бывшей спальней покойной великой княгини Александры Николаевны, обращенной въ образную; въ паркѣ она постоянно должна была проѣзжать мимо мраморнаго памятника дочери. Но и пребываніе въ Петергофѣ на этотъ разъ было нелишено для нея горечи, не говоря о томъ уже, съ какими чувствами она должна была, одна, переступить порогъ

маленькаго дома, съ такой любовью выстроеннаго въ угоду ей покойнымъ государемъ; Кронштадту, даже Ораніенбауму угрожалъ непріятель; она видѣла враждебный флотъ, расположившійся близъ самаго царскаго лѣтнаго лагеря, и знала, что ея второй сынъ, почти въ самыхъ глазахъ ея, подвергается постоянной опасности. И въ домашнемъ ея бытѣ, ее окружало мрачное затишье: словно вымерло общество, нѣкогда наполнявшее блестящій Петергофъ шумомъ и жизнью во все время пребыванія въ немъ царской фамиліи. Въ эту тяжелую годину императрица испытала на себѣ измѣнчивость многихъ привязанностей, которыя она считала вѣрными и прочными: многія изъ окружающихъ ее лицъ перешли ко двору молодой императрицы, и Александра Феодоровна не могла равнодушно видѣть удаленіе отъ себя людей, къ присутствію которыхъ привыкла въ теченіе столькихъ лѣтъ. За то были и другіе, посвящавшіе ей свое время и заботливость съ неизмѣнной преданностью. Въ кругу этихъ-то немногихъ, и дѣтей своихъ, она провела зиму въ совершенномъ уединеніи, почти не выходя изъ своего кабинета. «Вокругъ государыни создавался новый міръ, съ которымъ она не имѣла ничего общаго, кромѣ связей родства и дружбы. Она жила больше въ прошедшемъ, потому что жить для настоящаго у нея не хватало силъ. Многіе изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ покойнаго государя, подобно ей, удалились съ поприща своей дѣятельности. Графъ Нессельродъ передалъ сорокъ-четыре года занимаемую имъ должность князю Горчакову, и удалился въ тихую, частную жизнь. Государыня знала его съ 1813 г., еще прежде, нежели она встрѣтилась съ Николаемъ Павловичемъ. Теперь, когда онъ освободился отъ государственныхъ дѣлъ, онъ чаще прежняго являлся въ ея кабинетъ, гдѣ всегда былъ принимаемъ, какъ самый близкій и дорогой гость. Баронъ Мейендорфъ, графы Рибошьеръ, Сумароковъ и Віельгорскій тоже меньше прежняго занимались дѣлами, и могли посвящать вдовствующей государынѣ много досужихъ часовъ. И первый ея другъ, графиня Бобринская, около того времени совсѣмъ удалилась отъ свѣта; обѣ дочери ея «друга Цециліи» теперь находились при ней фрейлинами, а изъ пожилыхъ приближенныхъ къ ней дамъ, ее не оставляли графини Баранова и Тизенгаузенъ... Наружность ея послѣ кончины императора измѣнилась до неузнаваемости; она сохранила только прежнюю доброту взгляда и величественную походку...» Первымъ развлеченіемъ, на время выведшимъ ее изъ болѣзненной оцепенѣлости, въ которой она скорѣе прозябала, чѣмъ жила послѣдніе мѣсяцы, была свадьба третьяго ея сына, великаго князя Николая Николаевича, женившася на дочери принца ольденбургскаго. Благословляя молодую чету, она молила Бога продлить жизнь ея на столько, чтобы быть

*

свидѣтельница семейнаго счастья и младшаго ея сына, великаго князя Михаила Николаевича. Желаніе ея исполнилось скорѣе, нежели она ожидала или надѣялась. Когда заключеніе мира расторгло преграду, временно-отдѣлявшую Россію отъ чужихъ краевъ, государыня почувствовала неодолимое влеченіе въ болѣе привѣтливныя, теплыя страны, гдѣ столько разъ уже поновляла она измѣнявшія ей силы, и предприняла путешествіе въ Германію, на вильдбаденскія воды, близъ Штутгарта. Но слабость ея была такъ велика, что, на дорогѣ въ Берлинъ, каждую минуту боялись, что она не доѣдетъ до этой столицы въ живыхъ, и она должна была пробыть въ ней довольно значительное время, чтобы хоть нѣсколько собраться съ силами для предстоящаго ей дальнѣйшаго пути. Она могла видѣть только ближайшихъ своихъ родныхъ, и даже эти посѣщенія строго ограничивались на извѣстное время предписаніями доктора. Когда же она начала оправляться, то къ ней стали являться многія давно знакомыя, и давно невидѣнныя ею лица, напоминавшія ей лучшія времена. Изъ этихъ постороннихъ посѣтителей, болѣе всѣхъ порадовалъ ее своимъ посѣщеніемъ докторъ Мандтъ, который, послѣ кончины государя, долженъ былъ удалиться изъ Россіи, вслѣдствіе страшна-разыгравшейся противъ него вражды общества. Лица, допускаемая къ государынѣ на болѣе продолжительныя бесѣды, дивились спокойствію, съ которымъ она переносила свои страданія, и бодрости духа, съ которымъ она, даже подъ гнетомъ столь недавно поразившаго ее горя, продолжала, съ неизмѣннымъ участіемъ, слѣдить за всѣми новостями. Силы ея, между тѣмъ, прибывали медленно, такъ что только къ троицному дню ей было дозволено проводить часть каждаго утра на воздухъ, и скоро затѣмъ, со всевозможными предосторожностями, предпринять дальнѣйшее путешествіе на вильдбаденскія воды, гдѣ ей предстояла радость видѣть исполненіе ея послѣдняго задушевнаго желанія, и благословить помолвку ея младшаго сына съ молодой принцессой Цециліей баденской. Императрица покинула уединенный и нѣсколько дикій по своему мѣстоположенію среди мрачнаго Шварцвальда Вильдбаденъ только къ самому концу лѣта, и единственно пользованію его могучими водами была обязана подкрѣпленіемъ своихъ силъ, оказавшихся достаточными для перенесенія обрядовъ коронаціи императора, которая послѣдовала въ Москвѣ съ безпримѣрнымъ дотошъ блескомъ. Несмотря, однако, на удовлетворительное вообще состояніе ея здоровья въ наступившіе зимніе мѣсяцы, доктора не сочли безопаснымъ для нея повтореніе зимнаго пребыванія на сѣверѣ безъ промежутка хотя нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на югѣ, и на этотъ разъ кѣлью ея поѣздки была Ницца, такъ-какъ новое путешествіе въ Палермо представило бы

слишкомъ много затрудненій и неудобствъ, по причинѣ его отдаленности. «Но въ приготовленной для государыни прелестной виллѣ Авидоръ многое напоминало ей Палермо, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ея спутниковъ находились три лица, раздѣлявшія съ нею то незабвенное время: графъ Апраксинъ, баронъ Мейендорфъ и графиня Тизенгаузенъ. Изъ оконъ своихъ покоевъ, она могла любоваться обширнымъ видомъ на море, тогда какъ въ Оливуцѣ она не имѣла этого наслажденія; множество окружавшихъ ее цвѣтовъ не уступало ей сицилианской, благоухающей обстановкѣ. Спальня ея была обита ея любимымъ васильковымъ цвѣтомъ, и чистый воздухъ съ близкаго моря свободно гулялъ по ея покоямъ. Въ скоромъ времени она почувствовала себя почти столько же здоровою, какъ нѣкогда въ Палермо. Она вела тотъ же образъ жизни, какъ за десять лѣтъ: по возможности много бывала на воздухъ, удаляла отъ себя шумное общество, и посвящала каждую свободную минуту историческимъ чтеніямъ объ Италіи. Она пріѣхала одна, несопровождаемая никѣмъ изъ родныхъ; но вскорѣ за нею въ Ниццу прибыла великая княгиня Елена Павловна, великіе князья Константинъ и Михаилъ Николаевичи и принцъ Карлъ прусскій. Король Викторъ-Эммануилъ и принцъ кариньянскій поочередно посѣщали ее, и цѣлый легіонъ художниковъ старались поддерживать въ ней интересъ къ скульптурѣ, живописи и музыкѣ. Вообще же, она держалась вдали отъ общества, и не показывалась въ публикѣ даже во время карнавала. Однако же, когда силы ея видимо стали прибывать, она исполнила просьбу города, и явилась всенародно для открытія новой дороги въ Виллафранку. Дорога была перегорожена поперегъ шелчинкой, которую императрица, окруженная муниципалитетомъ и многочисленнымъ, блестящимъ обществомъ, собственноручно перерѣзала золотыми ножницами».

Теперь уже ничто не препятствовало Александрѣ Теодоровнѣ исполнить неудовлетворенное до сихъ поръ желаніе всей ея жизни: посѣтить великій Римъ. Она еще отпраздновала въ Ниццѣ день рожденія короля Виктора-Эммануила, пила за его здоровье, и, при первой благоприятной погодѣ, отплыла въ Чевита-Веккію. Радостное волненіе лишало ее сна, и она не могла удержаться отъ громкаго возгласа, когда передъ нею предсталъ могучій куполь римскаго исполина-собора св. Петра. По ея желанію, она не была встрѣчена ни торжественными депутаціями, ни пушечной пальбою, такъ что ничто ей не мѣшало, при самомъ въѣздѣ въ городъ (черезъ ворота *Cavalleggeri*), остановиться на площади св. Петра и передъ замкомъ св. Ангела, и тогда уже медленно проѣхать на Корсо, къ назначенному для ея приѣма палаццо Ронданини. Римъ привыкъ видѣть въ своихъ стѣнахъ все, что есть высшаго въ евро-

пейскомъ обществѣ, но коронованныя главы избѣгаютъ его, ради затруднительности этикетныхъ сношеній государей, тѣмъ болѣе иновѣрныхъ, съ папскимъ дворомъ; поэтому посѣщеніе его императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и двѣнадцать лѣтъ спустя, его вдовою, поистинѣ можно было назвать мировыми событіями. На слѣдующее утро по пріѣздѣ императрицы, ей сдѣлалъ визитъ кардиналъ Антонелли, отъ имени папы, котораго она посѣтила уже на третье утро. Тогда только она начала удовлетворять свое любопытство поѣздками по городу, посѣщеніями его музеевъ, галлерей и церквей. При этомъ она съ такимъ вниманіемъ разсматривала достопримѣчательности, по большей части изученныя ею напередъ изъ книгъ, что, долгое время спустя, говорила о нихъ, какъ будто еще имѣла ихъ передъ глазами. «Нестолько далека горы — говорила она тогда, припоминая восхожденіе на куполь св. Петра — или самый городъ съ его куполами, поражали меня, какъ мысль, что я, по выраженію Шлегеля, стою надъ гробницею народовъ; я была потрясена и въ то же время возвышалась духомъ надъ землею. Римъ такъ многосторонень, что онъ одинаково поразилъ сыновей моихъ въ цвѣтущую молодость, императора — въ зрѣлый возмужалый возрастъ и, меня, вдову — въ преклонныя лѣта. Глубокое впечатлѣніе, какое онъ на меня сдѣлалъ, и мое задумчивое душевное настроеніе при видѣ его, можетъ быть, еще усиливались потому, что я видѣла Римъ въ такіе годы, и при таквихъ обстоятельствахъ, когда душа наша всецѣло предается нѣсколько мрачнымъ думамъ»... Еще государыня всегда съ особеннымъ наслажденіемъ вспоминала посѣщеніе Ватикана при фавельномъ освѣщеніи. «Я точно очутилась въ какомъ-то подземномъ мірѣ — рассказывала она — когда я увидала передъ собою такое множество фигуръ, освѣщенныхъ подвижнымъ багровымъ пламенемъ, и услышала столько знакомыхъ и неизвѣстныхъ мнѣ именъ. Многое было знакомо мнѣ съ молодости, черезъ учителя моего Гирта, многое оживилось въ моей памяти, и множество мастерскихъ произведеній, извѣстныхъ мнѣ по гипсовымъ слѣпкамъ, произвели на меня впечатлѣніе живыхъ существъ. Въ этомъ, особаго рода, обществѣ, я бесѣдовала преимущественно съ моими давнишними хорошими знакомыми и любимцами. Казалось, я на этотъ вечеръ совсѣмъ перенеслась въ мертвую древность: въ египетской залѣ былъ накрытъ столъ, и я ужинала съ героями и богами». Но чудеса древняго искусства не заставили императрицу забыть и болѣе скромныя попытки новѣйшаго искусства, особенно въ лицѣ наиболѣе близкихъ для нея представителей его, молодыхъ русскихъ художниковъ, посланныхъ въ Римъ для усовершенствованія въ живописи или скульптурѣ отъ русской

академіи художествъ. Попечитель ихъ, князь Григорій Волконскій, сынъ покойнаго министра двора, собралъ ихъ всѣхъ, въ числѣ тридцати-пяти человекъ, въ своемъ палаццо, въ залѣ котораго онъ устроилъ маленькую выставку ихъ лучшихъ произведеній, и лично представилъ и тѣхъ и другія государынѣ, которая тутъ же изъявила желаніе приобрести нѣсколько изъ этихъ произведеній. Въ заключеніе ряда наслажденій, доставленныхъ ей пребываніемъ въ Римѣ, она еще имѣла случай любоваться единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ: иллюминаціей собора св. Петра, которая, въ угоду ей, послѣдовала въ этомъ году въ неурочное время, лишній разъ противъ двухъ положенныхъ для этого праздника дней: второго дня Пасхи, и дня апостоловъ Петра и Павла.

Скоро послѣ этого послѣдняго удовольствія, доставленнаго ей вниманіемъ папы, Александра Феодоровна возвратилась въ Россію, гдѣ уже въ сравнительно хорошемъ состояніи здоровья провела слѣдующую зиму, правда, окруженная болѣе книгами, чѣмъ людьми. Выѣзды ея были рѣдки и кратковременны, и цѣлью ихъ почти исключительно были различныя женскія учебныя заведенія. Лица, почему нибудь сопричастныя къ дѣламъ по этимъ заведеніямъ, были почти единственными, которыя она правильно принимала къ себѣ. Личный же ея кружокъ, допускаемый въ ея кабинетъ и къ столу ея, ограничивался весьма немногими лицами, напоминавшими ей дорогую для нея старину; то были по преимуществу графы Нессельродъ, Вельгорскій, Апраксинъ, Сумароковъ и Рибопьеръ, баронъ Мейендорфъ, а изъ женщинъ — графиня Баранова, княгиня Барятинская, графиня Тизенгаузенъ и Фервель. Несмотря, однако, на свое видимое отчужденіе отъ свѣта, государыня принимала живое, душевное участіе въ событіяхъ, волновавшихъ общество; въ особенности великое дѣло освобожденія крестьянъ, которымъ блистательно открывался рядъ предстоящихъ реформъ, сопровождалось ея горячими молитвами. «Два брата — говорила она — императоръ Александръ и императоръ Николай, полстолѣтія подготовляли это дѣло — да поможетъ Богъ сыновьямъ моимъ осуществить его!» Въ маѣ того же года 1858 г. она еще присутствовала при освященіи Исакиевскаго собора, самаго величественнаго изъ памятниковъ царствованія императора Николая.

Между тѣмъ, послѣ полутора года, проведеннаго безвыѣздно въ Петербургѣ, силы, запасенныя государыней на Югѣ, снова видимо стали убывать, и хотя духомъ она оставалась попрежнему бодра, но физическая слабость ея доходила до неимоверной степени. Достаточно было для нея пройти изъ одной комнаты въ другую, въ которой температура была бы сколько нибудь ниже, чтобы провести нѣсколько дней — а иногда и недѣль — больной, въ постели.

Рано наступившая въ этомъ году осень заставила ее переѣхать изъ Петергофа въ Зимній дворецъ ранѣе прочихъ членовъ царскаго дома. Она ѣхала въ топленой каретѣ, со всѣми возможными предосторожностями, но по прїѣздѣ въ городъ, въ ея кабинетѣ оказалось на два градуса менѣе теплая атмосфера, нежели та, къ какой она привыкла, и она опасно заболѣла собственно отъ этого ничтожнаго обстоятельства. Полученная ею около того же времени вѣсть о смерти доктора Мандта глубоко, кромѣ того, потрясла ее нравственно, и всю зиму она провела почти въ состояніи умирающей, такъ что уже около Рождества, доктора объявили, что жизнь для нея невозможна ни въ Зимнемъ дворцѣ, ни въ Петергофѣ, что ей нуженъ воздухъ не Финскаго залива, а Средиземнаго моря. Объявленіе это почти испугало больную императрицу. «Неужели же—сказала она—я не могу провести послѣдніе дни моей жизни спокойно, въ кругу моихъ дѣтей? Устала я скитаться! Покойный государь, умирая, завѣщалъ мнѣ жить для семьи, значить въ ея средѣ, а не вдали отъ нея, въ чужомъ краю». Мысль о новомъ путешествіи нисколько ей не улыбалась, она какъ будто почувствовала, что нѣмецкія воды и нѣкогда столь любимое ею небо Італіи, уже утратили для ея въ концѣ разстроенаго организма свою прежнюю живительную силу. Она дружельно встрѣтилась въ Генуѣ въ третій разъ съ Викторомъ-Эммануиломъ, съ признательностью принимала гостепріимное вниманіе, оказываемое ей императоромъ Наполеономъ, подъ владычество котораго Ницца отошла въ самое время пребыванія ея въ этомъ городѣ, и съ искреннимъ чувствомъ благодарила его при личномъ свиданіи съ нимъ въ Ліонѣ, на возвратномъ пути, въ Россію, но съ какимъ-то душевнымъ истомленіемъ и грустной радостью увидѣла себя снова въ кругу своихъ, въ миломъ ей, по столькимъ воспоминаніямъ, Петергофѣ, гдѣ провела конецъ лѣта. Въ послѣдніе дни августа она переселилась въ Царское Село, изъ котораго ей не суждено уже было уѣзжать. Несмотря на испугъ, причиненный ей паденіемъ съ лошади государя наследника, она была въ силахъ отпраздновать, вмѣстѣ съ семействомъ, 8-е сентября, день рожденія великаго князя, хотя и не участвовала въ парадномъ обѣдѣ, а обѣдала у себя въ кабинетѣ съ немногими приближенными лицами. За столомъ въ ней замѣтили особенную, уже ненормальную для нея оживленность, за которой послѣдовала внезапная слабость, граничащая съ обморокомъ. Присутствующіе оставили ее почти въ безпамятствѣ, и съ этой минуты силы ея ни на минуту не возвращались, а угасали постепенно, мѣрно, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ телеграфировали въ Штутгартъ о неотклонимой уже опасности, угрожающей главѣ се-

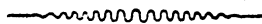
мейства. Государыня сама сознавала близкую свою кончину, и желала причаститься св. тайнъ и еще разъ взглянуть на всѣхъ, дорогихъ и близкихъ ея сердцу. Жизнь въ послѣдній разъ яркой искрою въ ней вспыхнула, когда она узнала, что черезъ нѣсколько часовъ она увидитъ государя. Глаза ея, уже долгое время нераскрывавшіеся по крайней ея слабости, внезапно оживились при этомъ радостномъ извѣстіи; она даже хотѣла встать съ постели и пріодѣться къ его пріѣзду, чтобы устранить въ немъ всякое опасеніе за ея жизнь. Но государь не обманывалъ себя тщетною надеждою на продленіе дней матери, и уже не отходилъ отъ ея изголовья, хотя дѣйствительно пріѣздъ его видимо одушевилъ ее, и въ продолженіе всего 18 октября въ ней проявлялось больше проблемсково жизни, нежели въ предъидущіе дни. За исключеніемъ самой императрицы, Маріи Александровны, только что за нѣсколько дней передъ тѣмъ разрѣшившейся великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ, всѣ члены царскаго дома, до самыхъ маленькихъ ея внуковъ окружали постель умирающей, такъ что, когда въ 9-мъ часу утра, 20 октября медленно покидавшая ея жизнь совсѣмъ утасла въ ней, не только ея спальня, но и смежныя комнаты были наполнены молящимися на колѣняхъ. Она скончалась тихо, безъ малѣйшей судороги, или борьбы; никто не примѣтилъ мгновенія, въ которое прекратилось ея дыханіе.

28 октября тѣло было перевезено въ Петербургъ, гдѣ оно еще пять дней оставалось доступнымъ для всѣхъ, желавшихъ проститься съ нимъ, въ церкви Петропавловской крѣпости; 5 ноября, при обычныхъ обрядахъ, послѣдовало погребеніе.

Духовное завѣщаніе скончавшейся императрицы заключалось въ распоряженіяхъ о раздачѣ ея имущества дѣтямъ ея, роднымъ, друзьямъ и вѣрнымъ слугамъ, и въ выраженіи нѣсколькихъ желаній и просьбъ къ императору Николаю, при жизни котораго оно было составлено. Большую часть этихъ желаній и просьбъ оказалось невозможнымъ исполнить, такъ-какъ она пережила Николая Павловича пятью годами, а великую княжну Александру Николаевну—шестнадцатью. При завѣщаніи была приложена записка слѣдующаго содержанія.

«Наше земное существованіе пребываетъ въ рукѣ Господа, и никто изъ насъ не знаетъ, когда пробьетъ его послѣдній часъ. Поэтому я не хочу, пока еще нахожусь въ полномъ сознаніи и разсудкѣ, медлить долѣе письменнымъ выраженіемъ моихъ послѣднихъ желаній. Всѣ прилагаемыя распоряженія, на разныхъ отдѣльныхъ листкахъ, написаны мною собственноручно, хотя и въ разное время. Не всѣ эти желанія могутъ быть исполнены теперь, когда столько изъ моихъ милыхъ скоронены прежде меня. Я часто

спрашиваю себя, какимъ образомъ я, слабое, немощное созданіе, имѣла силу пережить страшныя утраты, которыми угодно было провидѣнію посѣтить меня. Если я, послѣ кончины моего государя и невпразимо любимаго мужа не пала подъ бременемъ неожиданнаго горя, то обязана этимъ нѣжной заботливости, которою всѣ мои дѣти, безъ исключенія, окружили меня въ самые мрачныя часы моей жизни. Любовь ихъ сохранила жизнь мою, въ особенности неуспынная нѣжность и попеченія моего возлюбленнаго сына, императора Александра. Поддерживаемая столь горячею любовью дѣтей, я смогла устоять противъ жесточайшихъ ударовъ судьбы, и пережить мужа, жизнь котораго была моей жизнью. Изъ глубины сердца благодарю васъ: тебя, мой дорогой сынъ Александръ, тебя, душевно любимая невѣстка моя Марія, и всѣхъ васъ, мои равно любимыя дѣти; ваша истинная, искренная любовь сохранила мою жизнь. Вы будете читать эти строки, когда меня не будетъ; но во мнѣ живетъ вѣра и убѣжденіе, что узы, здѣсь насъ соединявшія и скрѣпявшія, не расторгнутся и смертью, и что благословеніе отца вашего вмѣстѣ съ моимъ во всю жизнь будетъ сопутствовать вамъ и осѣнять васъ. Я желаю, чтобы дѣти мои, спустя годъ послѣ моей смерти, заняли мои комнаты, какъ въ городѣ, такъ и на дачѣ, и я надѣюсь и увѣрена, что мѣста, гдѣ я была счастливѣйшею изъ жонъ и матерей, будутъ освящены счастьемъ ихъ и ихъ дѣтей. Когда вы изъ оконъ моего кабинета взглянете на красавицу Неву, на которой глаза мои такъ часто отрадно покоились, подарите взглядомъ церковь крѣпости, гдѣ я тогда уже буду почивать съ миромъ, и вспомните съ любовью вашу мать.»



ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИСЬ АМЕЛИ ЭДВАРДСЪ.

Часть вторая.

XXIII.

МИСТЕРЪ ФОРСИТЪ.

Мистеръ Трефольденъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ высшей степени благообразный господинъ. Манеры у него были прекрасныя, наружность располагающая въ его пользу, и все, что-бъ онъ ни дѣлалъ и ни говорилъ, отличалось какимъ-то отгѣнкомъ спокойнаго самообладанія, который дѣлалъ общество его крайне пріятнымъ. Онъ хорошо говорилъ о томъ, что слышалъ и читалъ, и умѣлъ извлекать возможно большую пользу изъ своего знанія людей и нравовъ, искусства и литературы. Но въ то же время въ немъ не было ни одной черты такъ-называемаго блистательнаго рассказчика. Онъ никогда не говорилъ эпиграммами, не позволялъ себѣ саркастическихъ выходокъ, и не ронялъ своего достоинства балабурами, подобно многимъ людямъ, далеко уступающимъ ему своими способностями; но при всемъ томъ, весь его разговоръ былъ пронизанъ какой-то тихой шутливостью, которая, если и нельзя было назвать ее остроуміемъ, но очень походила на это качество.

Его по большей части любили, и замѣчательно то, что въ обширномъ кругу его дѣловыхъ знакомствъ, люди, принадлежавшіе къ самымъ высшимъ сферамъ, болѣе всѣхъ были дружески къ нему расположены. Лордъ Кастельтауерсъ былъ о немъ самаго высокаго мнѣнія. Виконтъ Эшеръ, юридическими дѣлами котораго онъ завѣдывалъ уже десять лѣтъ, не иначе о немъ говорилъ, какъ въ выраженіяхъ, особенно лестныхъ отъ такого величаваго джентльмена старинной школы; герцогъ донкастерскій, графъ ипсичскій и другіе тузы того же полета, считали его положительно образцовымъ юристомъ. Даже леди Кастельтауерсъ благо-

волила въ нему почти до дружественности, и принимала его съ неизмѣнной благосклонностью каждый разъ, какъ онъ прїѣзжалъ въ Суррей.

За то чисто-дѣловые люди, такіе люди, какъ, наиримѣръ, Лоренсъ Грѣторексъ, смотрѣли на него далеко не такъ благосклонно. Они не умѣли цѣнить изящества его манеръ. И нетолько не цѣнили ихъ, но изъ всей его личности, именно манеры его преимущественно возбуждали ихъ нерасположеніе и недовѣріе. Они никогда не могли прочесть его мыслей, или заглянуть въ его карты, или хотъ сколько-нибудь догадываться о его характерѣ и образѣ мыслей. Они признавали его умнымъ, но и эту похвалу дополняли прибавленіемъ, что онъ «черезчуръ уменъ». Однимъ словомъ, популярность Вильяма Трефольдена по большей части простиралась на западъ отъ Темплъ-бара.

Неудивительно послѣ этого, что будучи одаренъ такими манерами, которыя однѣ уже давали ему право вращаться въ лучшемъ обществѣ, юристъ сдѣлалъ благопріятное впечатлѣніе на обитательницъ бруднельской террасы. Въ его расчеты входило назваться не своимъ именемъ въ своихъ сношеніяхъ съ ними, и онъ выбралъ для своего псевдонима имя Форсита; такъ онъ у нихъ и шелъ за мистера Форсита, и больше онѣ о немъ ничего не знали. Положивъ себѣ, однако, приобрести ихъ довѣріе, онъ не щадилъ никакихъ усилій, не задумывался ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Онъ беззастѣнчиво эксплуатировалъ въ свою пользу любовь ихъ къ утраченному отцу и мужу, и ловко сообразуя игру свою съ первымъ сдѣланнымъ ходомъ, вкрался въ ихъ расположеніе еще болѣе увѣреніями, что онъ зналъ Эдгара Ривьера въ дни его юности, нежели расточеніемъ Саксенова золота на покупку бездарныхъ картинъ, давшихъ ему первую возможность явиться къ нимъ въ домъ.

Надо замѣтить, что эта великолѣпная мысль вовсе не была имъ обдумана напередъ. Она его озарила, какъ вдохновеніе свыше, и онъ, какъ вдохновенію, обрадовался ей, дѣйствовалъ по ней, и развилъ ее съ мастерскимъ умѣнемъ. Чтобы не попасться какъ-нибудь въ цросакъ слишкомъ усерднымъ разыгрываніемъ заданной себѣ роли, онъ говорилъ о живописцѣ только какъ о человѣкѣ, заинтересовавшемъ его своею личностью и раннимъ талантомъ, и съ которымъ онъ бы непременно сблизился, если-бы тотъ остался въ Англіи. Онъ выказывалъ сильное, но почти-тельное желаніе собрать всѣ свѣдѣнія о его послѣдующей карьерѣ. Онъ понемногу скупилъ весь запасъ нимфъ и дріадъ, платя за нихъ съ неизмѣнной щедростью, и увозя то одну, то другую изъ нихъ при каждомъ своемъ посѣщеніи.

Знакомство, поставленное на такую ногу, нетрудно было упрочить. Щедрый и внимательный покровитель скоро и незамѣтно перешелъ въ сочувствующаго совѣтчика и друга. Частыя посѣщенія, продолжительныя бесѣды, ненавязчивыя вниманія произвели свое неизбѣжное дѣйствіе, и не прошло еще нѣсколькихъ недѣль ихъ знакомства съ нимъ, какъ уже вдова и сирота вѣрвали въ Вильяма Трефольдена, какъ въ оракула. Признательность ихъ была такъ же безгранична, какъ и вѣра ихъ. Чуждыя условія англійскаго быта, незнающія свѣта, покинутыя въ горѣ и безъ средствъ, онѣ страшно нуждались въ другѣ, и найдя его, безпрекословно усвоили себѣ его мнѣнія и стали слѣдовать его совѣтамъ. Словомъ, страпчій устроился у нихъ именно на такомъ основаніи, какое всего болѣе благопріятствовало его видамъ, и сдѣлался нетолько повѣреннымъ всѣхъ ихъ плановъ, но и искуснымъ распорядителемъ всѣхъ ихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ Саксенъ Трефольденъ былъ вполне увѣренъ, что онѣ давно поселились гдѣ-нибудь на берегахъ Средиземнаго моря, мистрисъ и мисъ Ривьеръ еще были въ Англіи, и временно занимали хорошенькую квартиру по сосѣдству Сиденгама.

Здѣсь ихъ часто навѣщаль преданный другъ ихъ, и случилось такъ, что онъ былъ у нихъ въ самый вечеръ отплытія Саксена въ Сицилію.

Онъ отправился въ Сиденгамъ въ самомъ пріятнѣйшемъ настроеніи. Не зная о неожиданной перемѣнѣ, происшедшей въ планахъ Саксена, онъ воображалъ, что его родственникъ и графъ уже на дорогѣ въ Норвегію, и эта увѣренность доставляла ему значительное удовольствіе. Она какъ нельзя лучше вторила его соображеніямъ, а соображенія эти уже достигли такой зрѣлости, такъ удовлетворительно и дѣятельно приводились въ исполненіе, что казалось невозможнымъ, чтобы они не удались даже въ какой-нибудь мелочи. Еслибы онъ зналъ, что въ эту самую минуту крошка «Албула» скользитъ по вѣтру, по направленію къ островамъ Пролива, вмѣсто того, чтобы съ трудомъ пробираться между дуврскими скалами, то онъ, мистеръ Трефольденъ, врядъ ли бы такимъ сіяющимъ вошелъ въ квартиру мистрисъ Ривьеръ.

Весело быть встрѣчаему такъ, какъ онъ былъ встрѣченъ хозяйками, быть привѣтствуему такими радостными, довѣрчивыми взглядами; весело ему было видѣть, какъ при его входѣ бросается книга и работа; примѣчать, какъ внимають его рѣчамъ, точно каждое его слово есть перлъ мудрости; сидѣть у раствореннаго окна, вдыхая въ себя запахъ цвѣтовъ, прислушиваясь къ нѣжному голосу Геленъ, и предаваясь свѣтлымъ грѣзамъ о

будущемъ. Ибо Вильямъ Трефольденъ былъ влюбленъ болѣе, чѣмъ когда либо, болѣе, чѣмъ когда-нибудь твердо рѣшился овладѣть той будущностью, которую онъ себѣ создалъ.

— Мы такъ и думали, что увидимъ васъ сегодня, мистеръ Форсайтъ, сказала мистрисъ Ривьеръ послѣ первыхъ привѣтствій.— Мы только что говорили объ этомъ передъ вашимъ приходомъ.

— Лондонскій житель радъ спастись отъ городского дыма въ такой прелестный вечеръ, отвѣчалъ Трефольденъ:—хотя бы даже рискуя этимъ слишкомъ часто безпокоить своихъ подгородныхъ друзей.

— Можемъ ли мы находить, что единственный другъ, котораго мы имѣемъ въ Англіи, бываетъ у насъ слишкомъ часто?

— Какъ я ни желаю противнаго, но боюсь, что это не совершенно невозможно.

— Мама сегодня каталась въ креслахъ, мистеръ Форсайтъ, сказала Геленъ. — Не кажется ли вамъ, что она и навидь какъ-будто поправилась?

— Положительно поправилась, отвѣчала стряпчій.

— Я чувствую себя лучше, сказала больная. — Я чувствую, что съ каждымъ днемъ становлюсь сильнѣе.

— Хорошее дѣло.

— И докторъ Фишеръ говоритъ, что мнѣ лучше.

— Вашему собственному мнѣнію, *my dear madam*, я въ этомъ случаѣ придаю болѣе вѣса, нежели мнѣнію всякаго доктора, какъ бы ни былъ онъ искусенъ, замѣтилъ Трефольденъ.

— Я имѣю большую вѣру въ доктора Фишера, сказала мистрисъ Ривьеръ.

— А я имѣю большую вѣру въ цѣлебную силу этого чистаго сиденгамскаго воздуха. Не могу выразить вамъ, какъ я радъ, что вы дали себя уговорить выѣхать изъ Камбервелла.

Мистрисъ Ривьеръ вздохнула.

— Не думаете ли вы, что мнѣ скоро можно будетъ ѣхать въ Италію? спросила она.

— Именно объ этомъ предметѣ я и пришелъ переговорить съ вами сегодня, возразилъ стряпчій.

Влѣдное лицо больной просіяло при этомъ отвѣтѣ.

— Мнѣ такъ хочется ѣхать, сказала она съ жаромъ.—Я чувствую, что жизнь для меня въ Италіи.

— Вопросъ, *my dear madam*, въ томъ, на столько ли вы сильны, чтобы вынести такую долгую дорогу.

— Я увѣрена, что мама еще наполовину не достаточно сильна, быстро вмѣшалась мисъ Ривьеръ.

— Можно ѣхать потихоньбу.

— Этого недовольно, сказалъ Трефольденъ.— Вамъ надо ѣхать безъ всякихъ хлопотъ, иначе сказать, надо чтобы васъ сопровождалъ кто-нибудь, кто бы сглаживалъ и уравнивалъ передъ вами дорогу во все время путешествія.

— Мнѣ бы не хотѣлось тратиться на курьера, если только есть какая-нибудь возможность обойтись безъ него, сказала больная.

— Безъ сомнѣнія; курьеръ не только очень дорогая, но вѣ- весьма неприятная и неудобная принадлежность въ дорогѣ. Онъ въ то же время и хозяинъ, и слуга. Но не было ли бы возможно для васъ сойтись съ какими-нибудь путешественниками, ѣдущими въ тѣ же мѣста?

— Вы забываете, что мы здѣсь никого не знаемъ.

— Но вѣдь такого рода дѣла часто и легко устриваются, даже между совершенно незнакомыми людьми.

— Положимъ; но кому же охота связываться съ двумя безпомощными женщинами? Ни одинъ чужой человѣкъ не возьметъ на себя такой обузы.

Трефольденъ помолчалъ съ минуту, прежде нежели отвѣчалъ.

— При одинаково-благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, сказалъ онъ наконецъ: — вы, я полагаю, не настаивали бы на томъ, чтобы поселиться непременно въ Италіи?

— Я люблю Италію лучше всякой другой страны въ мірѣ.

— Однакоже вы, помнится мнѣ, говорили, что незнакомы съ приморьемъ.

— Правда, мы всегда жили во Флоренціи.

— Значитъ, ни Ментоне, ни Ницца, не имѣли бы для васъ особенной прелести по воспоминаніямъ, сопряженнымъ съ этими мѣстами?

— Нѣтъ, кромѣ языка и климата.

— А изъ этихъ двухъ условій, важнымъ можно считать одинъ только климатъ, но и въ этомъ отношеніи, я думаю, вы могли бы сдѣлать болѣе удобный выборъ. Вамъ никогда не приходило на умъ, что не мѣшало бы вамъ испробовать воздухъ Египта или Мадеры, хотя бы только на одну зиму?

— Мама уже совѣтывали испытать и тотъ и другой климатъ, сказала мисъ Ривьеръ.

— Но я предпочитаю Италію, возразила больная: — самые счастливые годы моей жизни протекли подъ итальянскимъ небомъ.

— Извините, но слѣдуетъ ли вамъ подчиняться прихоти въ такомъ случаѣ, какъ настоящій? спросилъ Трефольденъ, самымъ почтительнымъ тономъ.

— Я могу представить и болѣе уважительную причину —

бѣдность. Въ Италіи можно обходиться очень-очень небольшими средствами, когда знаешь страну и народъ такъ хорошо, какъ мы; въ Египтѣ же или Мальтѣ мнѣ не на что было бы устроиться.

— Проѣздъ въ Мадеру легокъ, и не слишкомъ дорого стоитъ, сказалъ Трефольденъ.

— Мнѣ бы не хотѣлось предпринимать его, сказала она.

— Даже имѣя заботливаго попутчика?

— Да гдѣ же я его найду?

— Въ вашемъ поворномъ слугѣ.

Мать и дочь удивленно взглянули на него.

— Въ васъ, мистеръ Форситъ? вскричали онѣ въ одинъ голосъ.

Трефольденъ улыбнулся.

— Пусть это не слишкомъ васъ удивляетъ, сказалъ онъ. — Я имѣю намѣреніе всѣ свои отнынѣ проводить за границею, и меня сильно соблазняетъ все, что я недавно слыхалъ и читалъ о Мадерѣ. Я, впрочемъ, вольная птица, и еслибы вы предпочли Египетъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ промѣняю Фунгалъ на Ниль.

— Вы черезчуръ добры.

— И, если вы не сочтете это непозволительной смѣлостью съ моей стороны, я прибавлю, что вопросъ о расходѣ не долженъ ни на минуту входить въ ваши расчеты.

— Однако...

— Одну минуточку, прервалъ юристъ. — Ради-бога, не воображайте, что я позволяю себѣ предложить вамъ денежное пособіе. И не думаю. Я просто предлагаю вамъ взять впередъ, сколько вамъ потребуется, въ счетъ цѣны за остальные картины и эскизы мистера Ривьера, или, если вамъ это удобнѣе, я могу заразъ купить ихъ у васъ.

— Для того, чтобы я имѣла возможность ѣхать въ Мадеру? сказала мистрисъ Ривьеръ, лицо которой покрылось болѣзненной краскою. — Нѣтъ, добрый другъ мой; я начинаю понимать васъ. Этого нельзя.

— Я такъ боюсь, что вы начинаете непонимать меня, возразилъ Трефольденъ, съ важностью. — Еслибы даже вы отгадали, это значило бы только то, что я старался бы пособить вдовѣ человѣка, память и талантъ котораго я глубоко чту и люблю, и я не думаю, чтобы тутъ было что-нибудь оскорбительное для васъ; но я вамъ даю честное слово, что не въ этомъ главная причина моего предложенія.

— Неужели же вы хотите сказать, что вы, въ самомъ дѣлѣ, желаете приобрѣсть?...

— Рѣшительно всѣ картины, какія только вы согласитесь уступить мнѣ.

— Но вѣдь этакъ у васъ наберется до тридцати произведеній одной и той же кисти, и изъ нихъ нѣкоторыя весьма значительныхъ размѣровъ.

— Тѣмъ лучше.

— Однако, мнѣ просто непостижимо...

— Что я желаю сдѣлать ривьеревскую коллекцію? Между тѣмъ, въ этомъ, дѣйствительно, моя цѣль.

— Но у васъ, значить, огромная галлерей?

— Я совсѣмъ не имѣю галлерей—покуда, сказалъ онъ.— Когда нибудь, если осуществится давно-лелѣянная мною мечта, я, можетъ быть, поселюсь за границей, и выстрою себѣ домъ и галлерей гдѣ-нибудь въ прекрасномъ мѣстѣ; но это еще только мечта, а мечта — вещь невѣрная.

Онъ мелькомъ взглянулъ на мисъ Ривьеръ при этихъ словахъ, и, казалось, подавилъ вздохъ. Она въ эту минуту смотрѣла въ другую сторону, но мать ея уловила этотъ взглядъ—чего именно и хотѣлось Трефольдену.

— Покуда же, продолжалъ онъ, послѣ минутнаго молчанья:— я не думаю, чтобы я рѣшился быть на столько эгоистомъ, чтобы держать эти сокровища подъ спудомъ. Свѣтъ никогда еще не призналъ Эдгара Ривьера, и простая справедливость требуетъ, чтобы я сдѣлалъ что-нибудь такое, что съ одного раза дало бы его произведеніямъ подобающее имъ мѣсто въ исторіи англійскаго искусства.

— Чтѣ же вы можете сдѣлать? чтѣ вы хотите сказать? не-твердымъ голосомъ спросила мистрисъ Ривьеръ.

— Я еще пока и самъ хорошенько не знаю. Я было-помышлялъ о томъ, что недурно бы было выставить ихъ въ хорошо-освѣщенной залѣ, но этотъ планъ могъ бы имѣть своего рода неудобства. Ближе всего къ дѣлу было бы, я думаю, пожертвовать ихъ націи.

Мать и дочь посмотрѣли другъ на друга въ безмолвномъ волненіи. Глаза ихъ переполнились слезами, а сердца — благодарностью и удивленіемъ въ этому человѣку.

— Но во всякомъ случаѣ, продолжалъ Трефольденъ:— картины нуждаются въ чисткѣ и новыхъ рамкахъ. До слѣдующаго года съ ними невозможно ничего предпринять, и онѣ должны принадлежать мнѣ прежде, чѣмъ я могу за нихъ приняться.

— Онѣ ваши съ этой минуты, великодушный другъ нашъ и благодѣтель! зарыдала вдова.— Господи, чтѣ бы ему дожить до этого дня!

Но Трефольденъ не допустилъ хозяекъ въ дальнѣйшимъ выраженіямъ благодарности. Онъ объявилъ, что гордится считаться ихъ другомъ, и еще болѣе тѣмъ, что можетъ быть скромнымъ орудіемъ, употребляемымъ провидѣніемъ для спасенія великаго имени отъ незаслуженной неизвѣстности, но рѣшительно протестовалъ противъ названія «благодѣтеля». Затѣмъ, онъ съ величайшей деликатностью коснулся вопроса о дѣнѣ, замѣтилъ, что немедленно внесетъ извѣстную сумму въ извѣстный банкъ на имя мистрисъ Ривьеръ, еще разъ упомянулъ о Мадерѣ, и поставивъ, разумѣется, на своемъ, поднялся немного погода и сталъ прощаться.

— Итакъ, my dear madam, рѣшено, что, недѣли этакъ черезъ три, я буду имѣть честь проводить васъ въ Функаль? сказалъ онъ, уходя.

— Если ужъ вы рѣшитесь взять на себя такую обузу.

— Я считаю за великое счастье быть принятымъ вами въ проводники, возразилъ Трефольденъ:—и если я назначилъ слишкомъ ранній для васъ срокъ...

— Нисколько; я готова бы хоть завтра, сказала мистрисъ Ривьеръ:—сердце у меня ноетъ по солнечному югу.

На это страпцій отвѣтъ увѣреніемъ, что онъ поспѣшитъ развязаться съ собственными дѣлами, сколько будетъ ему возможно, и удалился.

— Мистеръ Форситъ вполне обладаетъ тѣмъ, что тѣтва наша, леди Гластонбюри, называла «le grand air», замѣтила мистрисъ Ривьеръ, отвѣчая на прощальный поклонъ Трефольдена, когда онъ въ послѣдній разъ снялъ шляпу у самыхъ воротъ. — И притомъ красивъ.

— Я не нахожу его красивымъ, возразила ей дочь: — но онъ великодушнѣйшій изъ людей.

— Царски щедръ. Онъ, должно быть, богатъ, и я увѣрена, что онъ очень хорошій человѣкъ. Погоди-ка, кажется, былъ какой-то Форситъ, который женился на дочери лорда Ингльборо, въ томъ же году, какъ Алиція вышла за лорда Кастельтаурерса. Надо его спросить, не изъ того ли же онъ семейства.

— Нѣтъ, душка-мама, не надо — зачѣмъ? Нашъ мистеръ Форситъ, можетъ быть, имѣетъ болѣе скромное происхожденіе, и...

— Ты права, Геленъ. Да онъ и не нуждается въ знатности происхожденія. Знаешь ли, дитя мое, что мнѣ иногда стало думать въ послѣднее время?

— Что же тебѣ думалось, голубка моя родная?

— Что онъ, то-есть мистеръ Форситъ, значительно заглядывается на мою малютку Геленъ.

Молодая дѣвушка быстро отсвочила, и улыбка мгновенно сбѣжала съ ея лица.

— О, мама! сказала, она:—надѣюсь, что это вамъ только такъ кажется.

— Почему же, дитя мое? Мистеръ Форсайтъ богатъ, добръ, исполнѣ джентльменъ. Жена его была бы очень счастливая женщина.

— Но я его не люблю.

— Понятное дѣло. Мы даже еще не знаемъ, любить ли онъ тебя, но можетъ настать время...

— Сохрани богъ! воскликнула мисъ Ривьеръ, вполголоса.

— А я скажу: *дай-богъ!* возразила мать съ глубокимъ убѣжденіемъ. — Я бы радостно умерла завтра же, еслибы я только знала, что дѣвочка моя послѣ меня не останется одна на бѣломъ свѣтѣ.

Дѣвушка страстно обвила шею матери руками и зарыдала.

— Полно, полно, не надо! говорила она:—не смѣй говорить о смерти, моя дорогая. Ты должна жить ради меня. О, какъ я рада, какъ я счастлива, что ты ѣдешь въ Мадеру!

Большая покачала головою, и утомленно откинулась на спинку кресель.

— Ахъ, сказала она со вздохомъ: — лучше бы въ Италію.

XXIV.

НА МОРѢ.

Правду сказала Олимпія, утверждая, что лордъ Кастельтауерсъ—единственный волонтеръ, котораго отецъ ея не приметъ ни на какихъ условіяхъ. Когда оба молодые человѣка встрѣтили его у воротъ гостиницы «Тринакрія», и объявили ему, что собираются въ Мелатто вслѣдъ за войсками, онъ всѣми силами старался отговорить ихъ отъ этого намѣренія.

— Подумайте о леди Кастельтауерсъ, сказалъ онъ:—вспомните, какъ враждебно она смотритъ на наше дѣло.

— Но я семь лѣтъ уже какъ поклялся служить этому дѣлу, возразилъ графъ.

— Но вы никогда не обязывались служить ему на полѣ битвы.

— Потому что я никогда не имѣлъ въ виду, изъ уваженія къ предрасудкамъ моей матери, поставить себя въ такое положеніе, которое сдѣлало бы выборъ невозможнымъ для меня. Мнѣ и во снѣ не снилось собираться сюда еще три недѣли назадъ. Если бы Монтекукули, или Воанъ, или вы сами уговаривали меня

ѣхать въ Сицилію драться, я бы отказался. Но обстоятельства привели меня сюда, и разъ уже какъ я ступилъ ногою на эту почву, я намѣренъ исполнить долгъ свой.

— Это—ложное пониманіе долга, сказалъ Колонна.—Ваше положеніе исключительно, и вы не имѣете права такъ поступать.

— Порицайте судьбу—не меня, возразилъ графъ.

— А вы, мистеръ Трефольденъ, спросили ли вы себя, одобрилъ ли бы вашъ нареченный отецъ эту экспедицію?

— Нареченный отецъ мой—служитель мира, отвѣчалъ Саксенъ:—и онъ любитъ меня болѣе всего на свѣтѣ; но онъ скорѣе самъ послалъ бы меня на вѣрную смерть, нежели посоветовалъ бы мнѣ подлость.

— Боже упаси и меня дать подобный совѣтъ кому бы то ни было! съ чувствомъ сказалъ Колонна.—Еслибы непріятельскія орудія были выстроены передъ этими окнами, я бы не совѣтовалъ вамъ вернуться къ нимъ спиной, но я не совѣтую вамъ и отправляться къ нимъ нарочно за пятьдесятъ миль.

— Точно такъ же поворно вернуться къ нимъ спиною на пятидесяти миляхъ, какъ и на пятидесяти ярдахъ разстоянія, рѣшительно сказалъ Саксенъ, какъ нарочно въ эту самую минуту вспомнивъ то, что говорила ему мисъ Гатертонъ о «курицѣ, несущей золотыя яйца».

— Но вѣдь вы собирались въ Норвегію, настаивалъ синьоръ Колонна.—Вы свернули съ своей дороги единственно затѣмъ, чтобы высадить меня здѣсь; высадили, ну—и съ богомъ, почему вамъ не исполнить вашего прежняго плана?

— Сказать вамъ почему, *cara amico*? весело вмѣшался графъ:—потому, что мы молоды—потому, что насъ тянетъ къ опасности и приключеніямъ, а главное потому, что насъ манитъ запахъ пороха! Вотъ оно что—такъ не трудитесь же понапрасну уговаривать насъ—не переспорите. Мы оба чертовски упрямы и дѣло это у насъ рѣшеное.

Вида, что дѣло это, дѣйствительно, рѣшеное, Колонна былъ на столько уменъ, что пересталъ уговаривать пріятелей.

Въ отсутствіе Гарибальди генералъ Сиртори былъ сдѣланъ про-диктаторомъ, и Колонна, хотя и отказался отъ всякой официально-министерской должности, остался въ Палермо, чтобы служить своей партіи головой, какъ онъ это дѣлалъ уже двадцать пять лѣтъ. Итакъ, молодые люди простились съ нимъ, и отплыли въ тотъ же вечеръ къ десяти часамъ, взявъ съ собою палермитянина и лоцмана, хорошо знакомаго съ берегомъ.

Была дивная ночь, теплая и безоблачная, освѣщенная такою же золотою, роскошною луною, какою нѣкогда являлась та лу-

на, подъ лучами которой гомеровы греки сидѣли вокругъ своихъ сторожевыхъ костровъ. Легкій, но неослабный вѣтерокъ надувалъ паруса маленькой «Албулы», и дробился серебристой рябью въ мелкой морской зыби. Налѣво стлалось открытое море, направо тянулось гористое очертаніе берега, на которомъ свѣтящіяся кучки далекихъ огоньковъ кое-гдѣ обозначали приморскіе города и мѣстечки. Немного погода, по мѣрѣ того, какъ наши молодые волонтеры оставляли Палермо все далѣе и далѣе за собой, выше всѣхъ прибрежныхъ хребтовъ, возвысилась одна величавая, таинственная, грозная громада, поглощая, такъ-сказать, всѣ меньшія выси, и отдѣляясь отъ темной синевы блѣднымъ профилемъ своей свѣжной вершины. То была Этна.

Ночь молодые люди провели на палубѣ. Не чувствуя усталости, они ходили по ней взадъ и впередъ, наслаждаясь дивнымъ луннымъ свѣтомъ, и толковали о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими въ этотъ день, и о предстоящемъ, суетливомъ времени. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ чудная красота и глубокая тишина окружающей ихъ обстановки привела ихъ къ болѣе интимному обмѣну мыслей и болѣе серьезнымъ думамъ, бесѣда ихъ потевла задушевнѣе и завѣтнѣе: они говорили о жизни, о любви, о смерти, и о той загробной надеждѣ, которая «побуждаетъ смерть.»

— И все-таки, сказалъ Саксенъ, въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе своего друга:—жить стоить, хотя бы только для того, чтобы жить. Видѣть солнце и грѣться его тепломъ, дышать утренней прохладой, ночью глядѣть на звѣзды, прислушиваться къ паденію лавины, или могучему стону вѣтра въ сосновыхъ лѣсахъ—это уже одно, такое наслажденіе, которому нѣтъ цѣны. Когда меня человѣкъ увѣряетъ, что ему все равно, скоро ли, поздно ли гробовая крышка заслонитъ ему сіяніе солнца, я смотрю на него, чтобы убѣдиться, есть ли у него глаза и уши такіе же, какъ у меня.

— А если онъ неслѣпъ и неглухъ, и все-таки стоитъ на своемъ, что тогда?

— Тогда я прихожу къ заключенію, что онъ обманываетъ либо себя, либо меня, а не то и себя и меня.

— Почему не судить снисходительнѣе, и не объявить его сразу сѣумасшедшимъ? засмѣялся графъ. — Ты, братъ, Саксенъ, говоришь какъ человѣкъ, никогда незнавшій горя. Любовь къ природѣ—славная вещь, особенно когда имѣешь молодость, друзей и надежды впереди, которые помогаютъ еще болѣе наслаждаться ею; но когда не станешь друзей молодости, и пройдетъ сама молодость, тогда не думаю, чтобы одна любовь къ природѣ была способна сдѣлать послѣднюю, некрасивую пору жизни осо-

бенно привлекательною. И солнечное сіяніе — вещь пріятная, и въ стонѣ вѣтра между соснами есть непонятная, величавая музыкальность; но будь увѣренъ, настанетъ время, когда давно-потухшій свѣтъ нѣкогда любимыхъ глазъ, и «вспоминаніе смолкнувшаго навѣки голоса», будетъ тебѣ всего этого милѣе.

— Этого я никогда не отрицалъ, отвѣчалъ Саксенъ.—Я только о томъ спору, что жизнь—такой дивный даръ, и наслажденіями она такъ обильна, что никогда ни одно мыслящее существо не должно бы отнимать у нея цѣну.

— Это зависитъ отъ того, для чего остается жить на свѣтѣ этому мыслящему существу, возразилъ графъ.

— Да хотя-бъ для самой жизни — для мысли, науки, для чудесъ матеріальнаго міра, для блага своихъ братьевъ-людей.

— Чтобы жить для братьевъ-людей, и жить для науки, сказалъ графъ:—надо приняться за дѣло рано. Ни любовь къ человечеству, ни наука не даются въ видѣ *pis-aller*, за неизмѣнимѣйшаго лучшаго. Что касается до чудесъ матеріальнаго міра, то они, другъ мой, составляютъ великолѣпную сценическую постановку, но что путнаго въ постановкѣ безъ драмы?

— Подъ драмою, ты, я полагаю, разумѣешь человѣческіе, жизненные интересы?

— Именно. Я хочу сказать, что безъ любви, борьбы и надежды, и пожалуй капельки ненависти, никакія лавины и сосновыя дѣса не сдѣлаютъ брема жизни сноснымъ для человѣка, имѣющаго въ груди сколько нибудь человѣческое сердце. Этому научить тебя первое твое горе—или первая твоя болѣзнь. Что до меня лично, то, скажу прямо, я менѣе наслаждаюсь жизнью и поэтому менѣе цѣню ее, нежели когда... ну, когда я думалъ, что могъ надѣяться чего-нибудь большаго отъ будущаго.

— Это очень грустно, сказалъ Саксенъ.—Я, по крайней-мѣрѣ, не желалъ бы быть увѣреннымъ, что какой нибудь неаполитанской пули предназначено засѣсть мнѣ завтра въ сердце.

— Однако же ты именно этому подвергаешься.

— Въ этомъ-то вся и прелесть. Это все равно, что игра. Никто же не играетъ въ надеждѣ проигратъся, точно также никто не дерется въ надеждѣ быть убитымъ. Однако, въ чемъ же было бы удовольствіе играть и драться, еслибы ставка не имѣла никакой цѣны?

Графъ улыбнулся, но не отвѣчалъ ничего. Минуту спустя Саксенъ продолжалъ.

— А какъ бы ты думалъ, Кастельтауерсъ, вѣдь и то—могутъ убить, а? чего добраго.

— Если крѣпость Меладцо на половину такъ крѣпка, какъ раз-

сказываютъ, то, я думаю, немало-таки молодцовъ лягутъ подъ стѣнами ея, отвѣчалъ графъ.

— Въ такомъ случаѣ, я того мнѣнія...

— Что ставка слишкомъ велика, и игра не стоитъ свѣчь?

— Совсѣмъ не то, клянусь Юпитеромъ! а только, что надо было бы сдѣлать духовную.

— А ты не дѣлалъ еще?

— Нѣтъ. Между тѣмъ денегъ у меня столько, что слѣдовало бы сдѣлать изъ нихъ порядочное употребленіе, въ случаѣ чего нибудь *такого*. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Безъ сомнѣнія.

— Можешь ты мнѣ въ этомъ помочь?

— Я? Нѣтъ, братъ, ни за что на свѣтѣ. Еслибъ я вздумалъ заняться подобнымъ дѣломъ, я бы только посвѣялъ сѣмена безконечнаго процесса. Погоди, пока прїѣдемъ въ Мелаццо—въ арміи Гарибальди пропасть юристовъ.

— Я частицу моего богатства завѣщаю тебѣ, Кастельтауерсъ, сказалъ Саксенъ.

— О, царь! Здравствуй на вѣки! ненужны мнѣ ни деньги твои, ни жизнь.

Саксенъ взглянулъ на своего друга, и мысли его снова возвратились къ словамъ, слышаннымъ имъ въ конторѣ его родственника, въ тотъ день, какъ онъ въ первый разъ познакомился съ синьоромъ Наццарри.

— Можешь ты мнѣ растолковать, что такое закладная? спросилъ онъ вдругъ.

— Никто лучше меня не растолкуетъ, отвѣчалъ графъ съ горечью. Это—отрава, которую умирающій оставляетъ въ жизненной чашѣ своего наслѣдника. Это — желѣзная колода, которая дѣлаетъ изъ человѣка раба, пока онъ носить ее на шеѣ, и нищаго — когда онъ тяжкими усиліями сброситъ ее.

— Ты говоришь съ какимъ-то ожесточеніемъ.

— По горькому опыту. Я черезъ закладную остался бѣднякомъ на всю жизнь, и ты знаешь, чего стоить мнѣ моя бѣдность.

— Но еслибы можно было принять мѣры, чтобы расплатиться...

— Я уже расплатился, возразилъ графъ: — до копейки.

— Ты не сочтешь за нескромность, если я спрошу цифру этого долга? сказалъ Саксенъ нерѣшительно.

— Нисколько. Цифра была большая для меня, хотя тебѣ покажется ничтожною: двадцать-пять тысячъ фунговъ.

У Саксена вырвалось глухое восклицаніе.

— Можно сдѣлать еще одинъ вопросъ? сказалъ онъ. — Не нѣкому ли Беренсу ты долженъ быть эту сумму?

— Ты почему знаешь?

— Ужь это мое дѣло; только скажи—ему?

— Ему. Онъ лондонскій купецъ, тотъ самый, что купилъ выдававшійся въ сторону уголокъ нашего милаго, родового парка, и—чортъ бы его побралъ!—имѣлъ дерзость выстроить на немъ виллу въ современномъ вкусѣ.

— И ты такъ-таки расплатился съ нимъ совсѣмъ?

— Разумѣется, расплатился.

— Какъ давно?

— Да года два назадъ, по меньшей мѣрѣ. А можетъ быть и больше.

Саксенъ молчалъ. Въ умѣ его снова зародилось сомнѣнiе—ужасное сомнѣнiе, отъ котораго онъ никогда, съ самаго того дня, не могъ вполне избавиться, и которое въ первый разъ приняло ясныя и опредѣленные размѣры.

— А теперь, пунктуально отвѣтивъ на всѣ твои вопросы, я буду ждать и отъ тебя отвѣта на мои, сказалъ графъ.

— Пожалуйста, не дѣлай мнѣ никакихъ вопросовъ, торопливо сказалъ Саксенъ.

— Не могу. Мнѣ надо знать, гдѣ ты слыхалъ объ Оливерѣ Беренсѣ, и какъ ты узналъ, что именно ему отцомъ моимъ было заложено наше имѣнiе? Развѣ тебѣ говорилъ объ этомъ мистеръ Трефольденъ?

— Нѣтъ—честное слово.

— Потому что онъ дѣла мои знаетъ лучше меня самого.

— Онъ никогда мнѣ не говорилъ о твоихъ дѣлахъ, Кастельтауерсъ—право, никогда, сказалъ Саксенъ убѣдительно.

— Такъ кто же бы могъ сказать тебѣ? Не Воанъ же? не Колонна же?

Но Саксенъ сталъ упрашивать друга своего не преслѣдовать его вопросами, и графъ, послѣ двухъ-трехъ тщетныхъ попытокъ, отсталъ отъ него.

Между тѣмъ уже свѣтало. Луна давно поблѣднѣла и скрылась, и исполинская гора призрачно возвышалась съ своимъ вѣнцомъ изъ снѣга и дыма, выдаваясь на холодно-сѣвроватомъ небѣ. Еще минута, и свѣтлая полоса на востокѣ стала шире и ярче, и странный радужный блескъ—какъ-бы слитый изъ золота и кармина—зарумянился по снѣжнымъ полянамъ Этны. На мгновение грозная вершина какъ будто повисла на воздухѣ, сияющая и преображенная, какъ ликъ святаго законодателя, съ которымъ Господь бесѣдовалъ, какъ человекъ бесѣдуетъ съ своимъ другомъ. Потомъ, почти такъ же внезапно, какъ оно вспыхнуло, сіяніе померкло, и остался только чистый свѣтъ солнца. Въ ту же ми-

нугу, туманы, застилавшіе прибрежную низменность, стали подниматься длинными волнистыми полосами, всползая вверхъ по горѣ, и немного погоды, по мѣрѣ того, какъ ихъ медленно уносило вѣтеръ, вдали смутно обрисовался длинный скалистый мысъ, на этомъ разстояніи смотрѣвшій островомъ.

— *Ecco, signore, ecco la rocca di Melazzo!* сказалъ палермскій лодманъ.

Но этотъ возгласъ, отъ котораго за часъ передъ тѣмъ Саксена бросило бы въ лихорадку, теперь едва ускорило бѣненіе его сердца на одинъ ударъ. Онъ думалъ о Вильямѣ Трефольденѣ, тщетно сожалѣя о данномъ обѣщаніи, которымъ онъ обязался не передавать ни одного слова изъ слышаннаго имъ разговора съ мистеромъ Беренсомъ, и молча вынося въ душѣ своей первый напоръ того смутнаго и ужаснаго сомнѣнія, которое незамѣтно укоренилось въ умѣ его, чтобы впоследствии разрастись и принести горькіе плоды.

XXV.

Главная квартира.

Мысъ Мелатцо выдается мили на четыре въ открытое море, загигаясь своею оконечностью къ западу, образуя такимъ образомъ небольшую бухту, и оканчиваясь маякомъ. Онъ состоитъ изъ ряда скалъ, шириною отъ четверти мили до мили, и возвышаясь по мѣстамъ на семьсотъ футовъ вышины, почти имѣетъ видъ какого-то спящаго морскаго чудовища, покоящаго свое громадное тѣло на половину надъ поверхностью воды. Со стороны материка эти скалы обрывисто прекращаются насупротивъ маленькаго перешейка, на которомъ построенъ городъ, и на низшихъ уступахъ ихъ, насупившись надъ самыми улицами, и охраненная съ тыла поднимающимися за нею скалами, стоитъ крѣпость, могущая свободно обстрѣливать море и сушу. Постройка ея довольно несообразна, и состоитъ изъ древней норманской башни и цѣлой тѣмы разныхъ кронверковъ. Французы, англичане и неаполитанцы, отъ времени до времени укрѣпляли и расширяли эти стѣны, такъ что наконецъ значительная часть стариннаго города и даже соборъ попали въ ихъ безпорядочно раскинутую ограду. Въ 1860 г. въ крѣпости Мелатцо находилось сорокъ орудій тяжелаго калибра, такъ что расфантазившійся зритель, уподобивъ весь мысъ морскому чудовищу, могъ бы провести сравненіе еще далѣе, уподобляя крѣпость головѣ чудовища, а устьянные орудіями бастионы—его страшной пасти.

Внизу на плоскости, обращенной съ запада къ Термини, а съ востога къ Мессинѣ, со своей пристанью, гуляньемъ и неизбѣжными воротами, безъ которыхъ положительно немислимъ ни одинъ итальянскій городъ, стоятъ Мелаццо, солидный, красиво построенный, съ обѣихъ сторонъ омываемый моремъ. Тотчасъ за городскими воротами, простираясь до подножья горъ, въ этомъ мѣстѣ подходящихъ очень близко къ берегу, широкимъ угломъ раскрывается ровное пространство миль въ шесть шириною и въ три глубиною. Его просѣкаютъ нѣсколько дорогъ, и по немъ разбросаны три-четыре крошечныхъ мѣстечка. Кое-гдѣ одинокая мыза или заброшенная вилла поднимаютъ свою плоскую кровлю надъ виноградниками и масличными рощами, покрывающими каждую пядь годной къ воздѣлыванію земли между моремъ и горами. Пересѣченныя широкими полосами сахарнаго тростника, канавами и водосточными рвами, эти плантаціи сами по себѣ уже образуютъ обширную систему естественныхъ укрѣплѣній.

Такова топографія Мелаццо, гдѣ Гарибальди выдержалъ самую жестокую, искусно отстоянную битву изъ всѣхъ, ознаменовавшихъ его знаменитую неаполитанскую кампанію.

Укрѣпивъ маленькую «Албулу» на якорѣ въ узенькой бухточкѣ, укрытой отъ взоровъ неаполитанцевъ и находящейся внѣ выстрѣла ихъ орудій, Саксенъ и Кастельтауерсъ набросили черезъ плечо винтовки, и отправились въ Мери—деревню, отстоящую мили за двѣ отъ берега, пристроенную къ самому скату горъ, и отрѣзанную отъ равнины широкимъ ровомъ съ высовой каменной стѣною по сторонамъ. Въ этой-то деревнѣ расположился генералъ Медичи въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Палермо, и тутъ новоприбывшіе застали главный корпусъ гарибальдійской арміи.

Пароходъ «City of Aberdeen» прибылъ нѣсколькими часами ранѣе «Албулы», и наводнилъ деревню красными рубашками. Тутъ лошади и мулы продовольствовались пучками сѣна, набросанными посерединѣ узкихъ улицъ; тамъ группы волонтеровъ чистили свои винтовки, ѣли, пили, курили или спали; другіе торопливо громоздили баррикаду на дальнемъ концѣ деревни; еще другіе усердно таскали тюфяки и мѣшки съ пескомъ, закладывая ими окна верхнихъ этажей въ тѣхъ домахъ, которые были обращены къ Мелаццо. Слухъ со всѣхъ сторонъ поражался страннымъ смѣшеніемъ языковъ: тутъ стоялъ кружокъ венгерцевъ, тамъ группа французовъ, подалше команда польскихъ рекрутовъ, наскоро подвергаемыхъ весьма нелишнему процессу предварительнаго ученія. Вездѣ жизнь, движеніе, ожиданіе. Маленькое мѣстечко оглашалось людскимъ и конскимъ топотомъ, бря-

цаньемъ оружія, и самый воздухъ, казалось, дышалъ воинственной суетою.

Очувтившись среди этой оживленной картины, пріятели пріостановились и стали совѣщаться о томъ, что имъ дѣлать далѣе. Въ эту самую минуту, два офицера въ англійской походной формѣ прошли мимо ихъ, нагруженные разной провизіей. Они вдвоємъ тащили огромную каменную бутылъ въ плетеной корзинкѣ съ ручками—одну изъ тѣхъ безобразныхъ, пузатыхъ новѣйшихъ амфоръ, въ которыя итальянскіе винопродавцы убираютъ свои жиделькія винца — и сверхъ этой раздѣленной ноши, одинъ изъ нихъ былъ навьюченъ чернымъ хлѣбомъ, а другой—парой куръ, пойманнхъ и вазневнхъ не далѣе, какъ за нѣсколько минутъ.

— Клянусь Юпитеромъ! вскричалъ владѣтель куръ:— Кастель-тауерсъ и Трефольденъ!

Это былъ майоръ Воанъ.

Они радушно пожали другъ другу руки, и майоръ пригласилъ ихъ къ себѣ въ квартиру.

— У меня прелесть какое помѣщеніе, сказалъ онъ:— вонъ въ томъ домѣ, на самомъ верху. Мы, какъ видите, ходили за удовольствіемъ, и можемъ угостить васъ на славу. Съумѣете же вы при случаѣ обшипать курицу?

— Постараюсь отличиться, засмѣялся графъ: — только живность-то ваша, должно быть, ужъ не въ цвѣтѣ лѣтъ.

— Еслибы вы впродолженіе десяти дней пробавлялись однѣми зелеными фигами съ каковой-нибудь коркой чернаго хлѣба или морского сухаря, вы бы стояли выше подобныхъ предразсудковъ, отвѣчалъ драгунъ. — Я такъ того мнѣнія, что лѣта не имѣютъ никакого вліянія на прелести куринаго пола.— Видите тамъ челоуѣка, на крышѣ вонъ того высокаго дома, что за виноградникомъ? Это Гарибальди. Онъ тамъ провелъ весь день, осматривая мѣстность. Завтра предстонтъ, кажется, горячее дѣло.

— Такъ вы думаете, завтра въ самомъ дѣлѣ будетъ сраженіе? съ жадностью спросилъ Саксенъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія — а Боско чуть-ли не единственный порядочный генераль у неаполитанцевъ. Онъ въ полномъ смыслѣ хорошій солдатъ, и войскà у него все отборныя, бывалыя.

— Если вы командуете отрядомъ, я надѣюсь, что вы насъ возьмете къ себѣ, сказалъ графъ.

— Ничѣмъ я не команду. Я просто такъ, при штабѣ, то-есть дѣлаю все, что ни попадетъ, не разбирая что именно. Сегодня утромъ я училъ рекрутовъ; вчера, когда Боско пробовалъ прогнать наши аванпосты изъ Корриола, я повозился съ орудіями. Завтра, если мы запутаемся вонъ въ томъ черговскомъ сахар-

номъ тростникѣ, очень можетъ быть, что я возьмусь за топоръ, и поработаю за сапера. Мы здѣсь на всѣ руки, какъ вы и сами скоро увидите.

— Во всякомъ случаѣ, вы намъ должны дать какого-нибудь дѣла.

Драгунъ пожалъ плечами.

— Вы сами себѣ найдете бездну дѣла, какъ прійдетъ время, сказалъ онъ.—Теперь слишкомъ поздно, чтобы записать васъ въ какой-нибудь полкъ на завтра же. А пока вотъ и мои чертоги.

Они послѣдовали за нимъ, и помогли ему въ процесѣ нетоливо общиванія и стряпанія куръ, но и сѣденія ихъ, хотя послѣднее было чуть-ли не самою трудною операціей изъ всѣхъ, а послѣ ужина, присутствовавъ при смотрѣ тысячнаго отряда генераломъ Козенцемъ, они сопровождали Воана въ его дозорной прогулкѣ по карауламъ. Когда они наконецъ вернулись въ Мери, было болѣе 10-ти часовъ, и тотъ же свѣтлый мѣсяцъ, который свѣтилъ имъ въ прошлую ночь на морѣ, взошелъ и въ эту ночь, одинаково обливая серебромъ вѣрность и море, виноградникъ и деревню, друга и недруга, бодрствующій патруль и спящаго воина.

XXVI.

Какъ началась битва при Милаццо.

Рогъ затрубилъ еще до разсвѣта, и при первомъ тускломъ мерцаніи утра Мери уже закипѣлъ солдатами. И всю-то ночь ни на минуту не водворялась совершенная тишина всеобщаго покоя, но теперь все оживилось усиленной бдительностью, какимъ-то страннымъ, бурнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержаннымъ движеніемъ, въ которомъ чувствовалось что-то крайне торжественное и возбуждающее.

Часамъ къ пяти всѣ гарибальдійскіе отряды уже стояли подъ оружіемъ. Главная улица, пространство около фонтана, открытыя подгорья между домами и потокомъ Santa Lucia, и часть большой дороги за нимъ, были буквально затисканы народомъ. Самый воинственный видъ имѣли *cacciatori*, съ ихъ загорѣлыми лицами, и лоснящимися султанами изъ пѣтушиныхъ перьевъ. Что же касается остальныхъ войскъ, красная рубашка положительно была единственнымъ связующимъ ихъ отличительнымъ знакомъ, и если-бы не рѣшительность ихъ приемовъ, при обращеніи съ оружіемъ, да сосредоточенная побойная твердость, выражавшаяся на лицахъ ихъ, не одинъ правильно вышколенный солдатъ былъ бы вправѣ улыбнуться ихъ наружности. Но во всемъ ихъ существѣ было

что-то такое, надъ чѣмъ не пришло бы въ голову потѣшаться ни другу, ни недругу.

— Сколько васъ всѣхъ? спросилъ Саксенъ, проходя мимо выстроенныхъ рядовъ къ маленькой площади, съ своимъ пріателемъ и майоромъ, который велъ подъ уздцы свою лошадь.

— Всѣхъ-то, *cacciatori*, тосканцевъ, пьемонтцевъ и иностранныхъ волонтеровъ—будетъ около четырехъ тысячъ четырехсотъ человѣкъ годныхъ въ дѣло.

— Только-то?

— Еще есть тысячи двѣ сициліанскихъ ополченцовъ, отвѣчалъ драгунъ:—только тѣ вѣдь оружіемъ народъ, больше никуда не годятся.—Смотрите! вотъ ѣдетъ Гарибальди!

Продолжительный разговоръ, постепенно перешедшій въ громкое урѣ, пробѣжалъ по рядамъ, когда диктаторъ шагомъ выѣхалъ на площадь со своимъ штабомъ. Онъ курилъ папирску, и смотрѣлъ точно такимъ, какимъ смотритъ на своихъ портретахъ: спокойнымъ, добродушнымъ, съ красивыми загорѣлыми чертами, съ золотой цѣпочкой, лежащей фестонами на груди его красной рубашки, и чернымъ шелковымъ платкомъ, свободно завязаннымъ вокругъ шеи.

— Это воякъ Медичи, направо отъ него, сказалъ Воанъ, садясь на лошадь:—говорить же съ нимъ теперь полковникъ Доннъ. А теперь вамъ обоимъ лучше всего будетъ остаться при главномъ отрядѣ, и держаться какъ можно ближе къ штабу. Таиннымъ образомъ вы увидите все, что стоитъ смотрѣть, и будете имѣть случай поработать и винтовками. Однако, Маленкини получилъ приказанія генерала и уже трогается.

Дѣйствительно, въ эту минуту тосканскій генералъ проѣхалъ мимо ихъ во главѣ своего батальона, и повернулъ къ западу, по направленію къ Санта-Марина, гдѣ у неаполитанцевъ у самаго моря былъ выставленъ аванпостъ.

— Еще одно слово, поспѣшно проговорилъ драгунъ.—Если меня убьютъ, я бы желалъ, чтобы моя Гульнара была доставлена мисъ Колоннѣ. Она всегда была у нея любимицей—она ее бережетъ. Вспомнить ли меня при случаѣ который-нибудь изъ васъ?

— Оба, оба будемъ помнить! въ одинъ голосъ отвѣчали графъ и Саксенъ.

— Спасибо—а теперь, прощайте. Не думаю, чтобы намъ можно было перекинуться словомъ въ слѣдующіе пять-шесть часовъ.

Съ этими словами онъ еще разъ на прощаніе махнулъ рукою, помчался черезъ площадь и примкнулъ къ остальному штабу. Въ ту же минуту, генералъ Козенць, получивъ приказаніе вести атаку противъ неаполитанскаго лѣваго фланга въ Арки, отѣхалъ

чтобы стать во главѣ своихъ ветерановъ, между тѣмъ какъ Фабрици, съ своими сицизіанцами—о которыхъ никто за одну часть до дѣла не могъ бы предсказать, станутъ ли они драться какъ черти, или убѣгутъ какъ мальчишки—отправился къ крайнему правому флангу, чтобы перехватить неаполитанскія подкрѣпленія, могущія прислѣть изъ Мессины. Наконецъ, когда и правый и лѣвый фланги отправились по принадлежности, главный отрядъ, подъ командою Медичи, тоже тронулся и въ превосходномъ порядкѣ потянулся вдоль большой дороги къ Сан-Пьетро, предоставляя генералу Донну выстроить резервъ.

Молодые люди послѣдовали совѣту Воана и пошли съ центромъ. Было около шести часовъ. Солнце начинало сильно припекать, но съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ, и виноградная зелень по обѣимъ сторонамъ дороги блистала, увлажненная росой. Проходя черезъ мостикъ за деревнею, и глядя съ него внизъ на плоское пространство, они видѣли, какъ дивизія Маленкини тянулась налѣво, а отрядъ Козенца быстро скрылся направо. Потомъ дорога, по которой они шли, вдругъ круто стала спускаться, и они увидѣли передъ собою только длинную, рѣкою льющуюся по ней вереницу красныхъ рубашекъ и сверкающихъ на солнцѣ штыковъ. Волна за волною катилась она, подъ тяжелый мѣрный топотъ сотенъ ногъ, ни на минуту не прерываясь и не останавливаясь, и только по сторонамъ колыхалась тростниковая чаща, да голубое небо сіяло надъ головами.

Между тѣмъ, хотя извѣстно было, что непріятельскія войска выстроены обширнымъ полукругомъ на полдорогѣ между Мери и Меладцо, простираясь съ правой стороны до Арки, и съ лѣвой до самого морского берега за Марину, не видать было ни души: совершенно укрытые тростникомъ и лозами, благопріятствуемые плоскою мѣстностью, готовые отступить въ городу въ случаѣ нужды, или, въ случаѣ отпора со стороны города, спастись въ крѣпость, неаполитанцы занимали позицію почти что непреступную.

Минуту спустя, въ то время, какъ гарибальдійцы совсѣмъ уже спускались въ равнину по направленію къ Санта-Марія, раздался далекій залпъ, и они поняли, что у отряда Маленкини завязалось сраженіе съ правой оконечностью неаполитанскаго полукруга. По рядамъ пробѣжалъ говоръ, и вдоль ихъ верхомъ пробѣжалъ офицеръ.

— *Silenzio!* сказалъ онъ:—*Silenzio!*

Это былъ молодой Бэни. Замѣтивъ марширующихъ съ другими Саксена и Кастельтаурера, онъ имъ улыбнулся и привѣтно

бивнулъ головою, потомъ поднялся на стремена и сталъ осматривать мѣстность впереди.

Въ это самое мгновеніе черезъ тростникъ шелкнулъ сухой выстрѣлъ, и прожужжала пуля. Бѣни засмѣлся и поднялъ надъ головою свою шляпу, пробитую въ двухъ мѣстахъ.

— Знатно попалъ первый выстрѣлъ! сказалъ онъ, и поѣхалъ обратно.

И вдругъ плантаціи по обѣимъ сторонамъ дороги закишѣли невидимыми непріятелями. Пуля за пулей съ визгомъ и свистомъ вылетала изъ тростника, одни за другимъ пустѣли мѣста въ передовыхъ рядахъ. Задніе ряды сотнями ринулись въ виноградники, стрѣляя почти на удачу, руководимые единственно только дымомъ непріятельскихъ винтовокъ, но передніе ряды неуклонно шли своей дорогою.

Съ каждой минутой гуще сыпались пули, и чаще падали люди. Одинъ нѣмецъ, съ которымъ Саксенъ говорилъ еще за минуту, грохнулся мертвый передъ самими его ногами, и Саксенъ слышалъ глухой стукъ пули о его черепъ. Лошадь Медичи свалилась подъ нимъ; Бѣни пронесся мимо съ окровавленнымъ платкомъ, обязаннымъ вокругъ руки; Гарибальди и его офицеры тѣснились ближе къ переднимъ рядамъ, а еще не видать было ни одного неаполитанца.

Вдругъ вся центральная масса, по данной командѣ, пустилась бѣгомъ, стрѣляя вправо и влево въ тростниковую чащу, и направляясь прямо къ одной точкѣ, изъ которой болѣе другихъ зачастили пули. Шагахъ въ двадцати свернула страшная молнія, клубами взвился дымъ, раздался грохотъ, отъ котораго потряслась самая земля подъ ногами; передніе ряды въ смятеніи отхлынули назадъ: они набѣжали прямо на замаскированную батарею!

По мѣрѣ того, какъ дымъ разсѣялся, показалась земля, буквально вспаханная картечью и усѣянная убитыми и умирающими.

Кастельтауерсъ бросилъ винтовку, кинулся къ раненымъ, и вытащилъ сперва одного, потомъ другого въ тростниковую чащу.

Саксенъ полѣзъ на маслину, стоявшую у самой дороги, и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на пули, сыпавшіяся кругомъ него точно горохъ, преспокойно сталъ отбирать неаполитанскихъ канонеровъ.

Отрядъ Медичи этимъ временемъ откинулся на стояшіе позади ряды, и вся масса черезъ это пришла въ безпорядокъ. Въ довершеніе сумятицы откуда-то пронесся крикъ, будто Гарибальди раненъ.

Въ эту критическую минуту, пока еще дорога была запружена людьми, прискакалъ майоръ Воанъ, объѣхавъ фронтъ. Онъ былъ

отраженъ изъ арьергарда съ приказаніями отъ Гарибальди, и не найдя возможности пробиться сквозь сплошную, переполошенную массу, рѣшился на этотъ опасный подвигъ. Проѣзжая во весь опоръ черезъ открытое пространство между батареею и гарибальдійцами, онъ въ то же мгновеніе сдѣлался мишенью для дюжины невидимыхъ винтовокъ, пошатнулся въ сѣдлѣ, перевѣсился черезъ него и упалъ въ двухъ-трехъ футахъ отъ Саксенова дерева.

Вмигъ молодой человекъ соскочилъ на землю, подхватилъ драгуна на руки, снесъ его въ сторону отъ дороги и посадилъ спиною въ стволу дерева.

— Сильно вы ранены? спросилъ онъ тревожно.

Воанъ слабо наклонилъ голову.

— Возьмите мою лошадь, заговорилъ онъ съ прерывистыми передышками, и плотно прижавъ руку къ боку.— Поѣзжайте кругомъ къ арьергарду, велите Донну придти на помощь съ резервомъ... и напасть на батарею... съ фланга.

— Хорошо. Можно ли перенести васъ на нѣсколько ярдовъ далѣе?

— Скажите ему, что тамъ есть стѣна... вправо отъ орудій... и что подъ прикрытіемъ ея... онъ можетъ подвести своихъ...

— Да, да, но прежде всего...

— На кой чортъ стоите?... Ступайте... или все пропало!

Съ этими словами онъ наклонился напередъ, нетерпѣливымъ движеніемъ указывая на лошадь, и упалъ на лицо.

Саксенъ приподнял его, взглянулъ въ бѣлое, какъ полотно лицо его, бережно прислонилъ голову его къ дереву, вскочилъ въ пустое сѣдло Гульнарн, и поскакалъ карьеромъ. Въ то же время онъ увидалъ, что ряды Медичи снова выстроились, что самъ Гарибальди поощряетъ ихъ къ атакѣ, и что Кастельтауерсъ бодро идетъ впередъ вмѣстѣ съ другими.

Прискакать къ арьергарду, сдать приказаніе, слѣзть съ лошади и привязать ее въ безопасномъ мѣстѣ—все это было для Саксена дѣломъ немногихъ мгновеній. Затѣмъ онъ возвратился на мѣсто сраженія съ полкомъ Донна, пробираясь вмѣстѣ съ другими между виноградными лозами, и подкрадываясь къ батарее подъ прикрытіемъ стѣны и рва, находящихся влѣво, въ сторонѣ отъ нея — по наставленіямъ Воана.

Подойдя къ самой батарее, они уже застали тамъ ожесточенный бой въ полномъ разгарѣ; неаполитанцы защищали свои орудія штыками, солдаты Медичи храбро шагали черезъ земляныя насыпи, а Гарибальди, со шпагой въ рукѣ, мелькалъ въ самой серединѣ сѣчи.

Раздалась команда, резервъ награнуль бѣгомъ, и минуто спустя Саксенъ очутился внутри батареи, прицѣпный къ пушечному лафету, въ рукопашномъ бою съ двумя неаполитанскими канонирами, которыхъ онъ обомъ застрѣлилъ изъ револьвера.

— Тащите орудія! гаркнулъ полковникъ Доннъ.

Въ одну минуто орудія были обступлены, схвачены, оттащены и приведены въ движеніе, неаполитанцы подались назадъ, разступились направо и налево, и дали мѣсто своей кавалеріи.

Тогда Саксенъ услышалъ приближающійся громъ копытъ, передъ нимъ вдругъ мелькнули всадники, лошади, поднятыя сабли; онъ еще имѣлъ сознание, что выстрѣлилъ свою послѣднюю пулю въ лицо драгуна, наклонившагося надъ нимъ, чтобы нанести ему ударъ, и послѣ этого уже ничего не помнилъ.

XXVII.

Баррикада въ Via de' Lombardi.

Съ неприятнымъ сознаниемъ, какъ-бы недобровольнаго пробужденія изъ чего-то болѣе тяжелаго, чѣмъ сонъ, болѣзненнаго усилія вздохнуть, и внезапно окачиванія волной холодной воды, Саксенъ раскрылъ глаза, и увидалъ надъ собою тревожное лицо лорда Кастельтаурера, наклонившагося надъ нимъ.

— Гдѣ я? спросилъ онъ, растерянно озираясь кругомъ широко-раскрытыми глазами. — Что это со мной дѣбается?

— Ничего особеннаго, надѣюсь, мой другъ, отвѣчалъ его пріятель. — Пять минутъ назадъ, я тебя вытащилъ изъ-подъ труповъ человѣка и лошади, и былъ въ полной увѣренности, что ты убитъ, но послѣ того я сходилъ за водою и привелъ тебя въ чувство, а такъ-какъ въ твоёмъ природномъ панцирѣ поврежденій не оказывается, то я и надѣюсь, что ничего особеннаго съ тобой не приключилось. Попробуй-ка встать.

Саксенъ взялъ руку графа, и поднялся на ноги безъ большаго труда. Голова у него болѣла и кружилась, больше ничего.

— Должно быть, я былъ только сваленъ съ ногъ и ошеломленъ, сказалъ онъ, оглядываясь на опустѣвшую батарею. — Что же сраженіе — кончено? выиграно?

Орудія исчезли и земля была взборонена глубокими слѣдами ихъ тяжелыхъ колесъ. Темныя лужи крови и груды тѣлъ обозначали тѣ мѣста, гдѣ съ большимъ ожесточениемъ свирѣпствовалъ бой и у самыхъ ногъ Саксена лежали тѣла одного кирасира и двухъ неаполитанскихъ артилеристовъ, собственноручно застрѣленныхъ имъ.

— Ну, нѣтъ, сраженіе еще не кончено, отвѣчалъ графъ: — нельзя сказать, чтобы и выиграно было совсѣмъ, но болѣе чѣмъ на половину выиграно. Орудія мы отбили и неаполитанцы ретировались въ городъ, а теперь протрубили къ отдыху, такъ что наши на часокъ переведутъ духъ. Мостъ черезъ Ночито и все открытое пространство до самыхъ воротъ Меладцо — наши.

— Горячая здѣсь была схватка, замѣтилъ Саксенъ.

— Самая горячая изъ всѣхъ, бывшихъ до сихъ поръ, подтвердилъ графъ. — Непріятельская кавалерія опять было-завладѣла орудіями, и вытѣснила Донна изъ батареи; но наши стали по обѣимъ сторонамъ дороги, и приняли ее перекрестнымъ огнемъ, а когда она пыталась ускользнуть обратно, загородили дорогу и застрѣлили вождей. Прелестъ какъ ловко распорядились; нѣсколько минутъ Гарибальди былъ въ сильной опасности, и чуть-ли не собственной рукою застрѣлилъ одного кавалериста. Послѣ того, неаполитанцы какъ могли пробились съвозъ наши ряды и бѣжали, оставляя въ нашей власти орудія и батарею.

— И ты самъ это все видѣлъ?

— Все рѣшительно. Я былъ въ числѣ загородившихъ дорогу, и все время стоялъ какъ разъ за Гарибальди. А теперь, такъ-какъ ты, кажется, порядочно утвердился на ногахъ, то я предлагаю отправиться куданибудь въ болѣе тѣнистое мѣсто, и промыслить себѣ чегонибудь поѣсть. Это сициlianское полуденное солнце способно мозгъ растопить въ черепѣ у человѣка, да и послѣ этакого моціона позволительно и проголодаться.

Нѣсколько сараевъ и дровяныхъ складовъ, были взломаны и приспособлены къ размѣщенію войскъ; туда и пріатели отправились отдохнуть и перекусить. Растянувшись подъ тѣнью амбарнаго навѣса, около самого Ночито, они съ наслажденіемъ позавтракали хлѣбомъ съ плодами, выкурили свои папиросы, и прислушивались къ привѣтливому говору торопливо катившагося къ морю горнаго потока. Кругомъ, вездѣ, гдѣ только малѣйшій кустикъ или навѣсъ давалъ хоть скольконибудь тѣни, лежали усталые воины, пестрой, пыльной, перепачканной отъ боя толпою; кто изъ нихъ спалъ, кто ѣлъ, кто курилъ, кто освѣжалъ горячія ноги въ свѣтлой водѣ ручья; нѣкоторые, наконецъ, съ истинно итальянской беззаботностью, играли въ *morra*, растянувшись на травѣ съ такими же оживленными жестами и такимъ же веселымъ смѣхомъ, какъ будто царство войны и кровопролитія навѣки исчезло съ лица земли. Отъ времени до времени мимо проносили раненаго на экспромптомъ сооруженныхъ носилкахъ, или приводили неаполитанскаго плѣннаго, или съ

крѣпости раздавался безвредный выстрѣлъ. Такимъ образомъ перешель тяжкій зной полудня, и на какихъ нибудь два часа водворилась тишина.

— Бѣдный Воанъ! сказалъ графъ, теперь только узнавшій отъ Саксена о смерти майора. — Точно предчувствіе у него было сегодня утромъ. Куда ты лошадь его дѣвалъ?

Саксенъ объяснилъ, что онъ ее отправилъ въ арьергардъ съ приказаніемъ, чтобы ее отвели въ Мерп и тамъ бы позаботились о ней какъ слѣдуетъ.

— Я не забылъ, прибавилъ опъ:—что мы его единственные душеприкащики, и что Гульнара теперь уже священна, какъ за вѣщаніе покойника. Лучше всего, я думаю, будетъ отправить ее повуда въ Палермо, на попеченіе синьора Колонны.

— Безъ сомнѣнія. А знаешь ли, Трефольденъ, я подчасъ болѣе чѣмъ подозрѣвалъ, что... что онъ любилъ мисъ Колонну.

— Ничего тутъ нѣтъ мудренаго, мрачно возразилъ Саксенъ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ умеръ славною, воинской смертью, и завтра, если буду въ живыхъ, я позабочусь, чтобы его схоронили, какъ подобаетъ воину. Храбрѣе молодца нелегко отыскать.

Между тѣмъ кончилось назначенное для отдыха время, и войска снова выстроились, готовые въ дѣло. Гарибальди взошелъ на «Туккори», неаполитанскій фрегатъ, перешедшій къ нему со всѣмъ экипажемъ, оружіемъ, аммуницией еще въ началѣ экспедиціи, и стоявшій на якорѣ въ бухтѣ Мелаццо, на западъ отъ мыса. Съ этой точки, единственно съ цѣлью отвлечь вниманіе гарнизона, онъ направилъ быстрый огонь на крѣпость, въ то же время, какъ войско его въ трехъ отдѣленіяхъ шло на приступъ города.

Медичи взяли себѣ западное взморье. Козенцъ — дорогу къ мессинскимъ воротамъ, Маленкани — другія ворота — *Porta di Palermo*, Саксенъ и Кастельтауерсъ присоединились къ *scissatori* и отряду палермитянъ, подъ начальствомъ генерала Козенца.

Часовъ около двухъ, войско было подъ стѣнами Мелаццо. Гарнизонъ уже замѣтилъ приближающіяся колонны. Гранаты — сначала одна, потомъ другая, а тамъ по полдюжинѣ за разъ начали пролетать точно метеоры надъ головами осаждающихъ, которые тѣмъ еще свирѣпѣе бѣжали на приступъ, и тѣмъ отчаяннѣе ломались въ городскія ворота. Минуту спустя, они уже съ трескомъ повалились отъ ядра изъ стараго орудія двѣнадцати-фунтового калибра. Гарибальдійцы всею массою хлынули въ нихъ, и не болѣе какъ въ нѣсколько секундъ, почти сами не зная, какъ они туда попали, Саксенъ и Кастельтауерсъ

*

очутились внутри стѣнъ, лицомъ къ лицу съ батальономъ неаполитанской пѣхоты.

Выстрѣлили съ той и съ другой стороны. Неаполитанцы, тотчасъ послѣ своего залпа, ретировались вверхъ по улицѣ. Гарибальдійцы пошли по пятамъ ихъ. Вдругъ неаполитанцы обернулись, снова выстрѣлили, и продолжали ретироваться. Этотъ маневръ они повторили нѣсколько разъ, причеъ гарибальдійцы не переставали отвѣчать на ихъ огонь и слѣдовать за ними, пока они не дошли на рыночную площадь, занимающую середину города. Тутъ они застали дивизию полковника Донна, уже занявшую одну сторону четверугольника, а на противоположной сторонѣ его — значительный отрядъ неаполитанцевъ. Въ воздухѣ стоялъ непроглядный дымъ, а мостовая была усыяна убитыми и ранеными. По мѣрѣ того, какъ дымъ нѣсколько рѣдѣлъ, они могли видѣть, что неаполитанцы съ одной стороны спокойно заряжали ружья и прицѣливались; солдаты же Донна, съ другой, беспорядочно перебѣгали съ мѣста на мѣсто, поддерживая непрерывный, но неразильный огонь.

Едва новые пришельцы показались на площади, какъ къ нимъ черезъ самый огонь прискакалъ офицеръ верхомъ.

— Скорѣ отрядите нѣсколько взводовъ въ *Via de' Lombardi*, торопливо сказалъ онъ: — тамъ нагромодили баррикаду, которую непременно *надо* взять!

Саксенъ и Кастельтауерсъ уловили налету слово «баррикаду»; больше имъ ничего не было нужно. Предоставляя сражающимся на площади порѣшить дѣло между собою, они вмѣстѣ съ требующимъ отрядомъ, отдѣлились отъ нихъ, и стали пробираться черезъ лабиринтъ опустѣлыхъ переулковъ, развѣтвлявшихся отъ площади.

Вдругъ по нихъ выстрѣлили съ сосѣдней крыши; они бѣгомъ пустились далѣе, повернули за уголъ ближайшей улицы, были встрѣчены тремя одновременными залпами, съ улицы и домовъ по обѣимъ сторонамъ, и увидели баррикаду прямо передъ собою. Она состояла просто изъ груды телегъ, камней, вырытыхъ изъ мостовой, и всякаго понавагагося хлама, нагроможденнаго футовъ на восемь вышины; но такъ-какъ ее занимали опытные стрѣлки, и охраняли съ обѣихъ сторонъ дома, изъ каждого окна которыхъ торчало по нѣсколько ружейныхъ дулъ, то она была въ дѣйствительности страшнѣе, чѣмъ на видѣ.

Гарибальдійскій отрядъ, по преимуществу составленный изъ палермитянскихъ новобранцевъ, въ смитеніи подался назадъ, отвѣчая слабымъ и недружнымъ огнемъ, и оставляя человѣкъ пять на мостовой.

— *Avanti!* крикнулъ начальствующій офицеръ.

Но ни одинъ человекъ не трогался.

Въ это мгновеніе неаполитанцы дали по нимъ еще губительный залпъ, и первые ряды уже безцеремонно повернулись спиной къ баррикадѣ и собрались дать тягу.

— *Codardi!* (трусы!) бѣшено гаркнулъ на нихъ офицеръ, нанося удары направо и налево плашмя шпагою, и какъ угорѣлый метаясь взадъ и впередъ по фронту.

Въ эту минуту Кастельтауерсъ одного бѣглеца повалилъ ударомъ приклада своей винтовки, а Саксенъ схватилъ другого за воротъ, и потащилъ его обратно, одною рукою вынулъ изъ-за пояса револьверъ, а другою почти снесъ его на баррикаду.

Это простое, сильное и смѣлое движеніе дало дѣлу такой рѣшительный оборотъ, какого не могло бы ему дать ничто другое. Сициліанцы, впечатлительные какъ дикари, и донельзя способные мгновенно перебивдываться изъ одной крайности въ другую, разразились неистовыми *evviva!* и какъ тигры ринулись на баррикаду.

Какъ ни учащали неаполитанцы свой смертоносный огонь съ крышъ и оконъ, какъ ни укрывались они желѣзной изгородью штыковъ, какъ они ни отбивались, бросая наконецъ мертвыми въ живыхъ, какъ ни отчаянно отстаивали они падъ за падью своей позиціи — ничто уже не могло утратить нападающихъ. Тѣ же самые люди, которые за минуту передъ тѣмъ презрѣнно бѣжали, теперь безоглядно кидались почти на вѣрную смерть. Десятками застрѣливаемые, они тѣснились впередъ неудержимымъ напоромъ, лѣзли на приступъ по мертвымъ тѣламъ своихъ товарищей, кричали *Viva Garibaldi* подъ самыми дулами неаполитанскихъ ружей, и руками хватали штыки, направленные противъ нихъ.

Борьба была кровавая, но непродолжительная. Она длилась не болѣе какихъ нибудь трехъ минутъ, когда палермитане нахлынули на баррикаду сплошнымъ неотразимымъ прибоемъ, и неаполитанцы стремительно бѣжали на площадь.

Вмигъ побѣдители водрузили на вершинѣ баррикады трехцвѣтный національный флагъ, оставили на охраненіе ея человекъ тридцать лучшихъ своихъ стрѣлковъ, и принялись выживать изъ домовъ засѣвшихъ въ нихъ непріятелей.

Между тѣмъ гарибальдійскій офицеръ съ раскрытыми объятіями подбѣжалъ къ Саксену, и пламенно, восторженно благодарилъ его.

— Храбрый *инлезе*, сказалъ онъ: — еслибы не вы, наше знамя не развѣвалось бы здѣсь въ настоящую минуту.

На что Саксенъ, блѣдный какъ полотно, и указывая на кучу убитыхъ, наваленную у подножія баррикады, отвѣчалъ:

— Signor Capitano, я не вижу моего друга. Ради-бога, дайте мнѣ нѣсколько человѣкъ вашихъ солдатъ, чтобы помочь мнѣ отыскать его тѣло.

Это было ужасной задачей.

Неаполитанцы бѣжали, какъ только убѣдились въ невозможности удержаться на своей позиціи; но потеря, понесенная побѣдителями, была огромная. Большая часть изъ тѣхъ, которые первые взбирались на баррикаду, были жестоко исколоты штыками. На безкровныхъ лицахъ покойниковъ лежало страшное выраженіе предсмертной муки; но многіе еще дышали, и жалостно умоляли положить конецъ ихъ страданіямъ. Мертвыхъ одного за другимъ откидывали въ сторону, раненыхъ относили въ тѣнь подворотень и подъѣздовъ. Въ одно лицо за другимъ заглядывалъ Саксенъ, съ нѣжной заботливостью помогая при перемѣщеніи раненыхъ, благоговѣнно укладывая покойниковъ, и съ каждой минутою ожидая встрѣтить безжизненные черты друга.

Наконецъ было убрано послѣднее бѣдное, обезображенное тѣло, кончился поискъ, сдѣлана печальная переелчка: оказалось тридцать-два убитыхъ, пять умирающихъ, одиннадцать раненыхъ. Но между ними не было графа Кастельтаурера. Саксенъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Опять и опять обошелъ онъ всѣхъ мертвецовъ, и наконецъ, съ измаранными въ кровь руками и платьемъ, сѣлъ у подножія баррикады, и съ тяжелымъ сердцемъ спросилъ себя, что ему дѣлать дальше?...

XXVIII.

Конецъ битвы.

Было уже около четырехъ часовъ пополудни. Во все время своихъ поисковъ у баррикады, Саксенъ видѣлъ, какъ на большой высотѣ надъ головой его летали гранаты, и слышалъ какъ въ улицахъ города безостановочно продолжалось сраженіе. Звуки то приближались, то опять отдалялись, но ни разу не прерывались на цѣлую минуту. Вида наконецъ, что въ ихъ сторону не заворачиваютъ ни друзья, ни непріатели, защитники баррикады потеряли терпѣніе, и одинъ за другимъ удалились; Саксенъ, не имѣя, повидимому, причины надѣяться найти друга своего скорѣе въ одномъ мѣстѣ чѣмъ въ другомъ, немного подумалъ, и послѣдовалъ ихъ примѣру.

Онъ прошелъ цѣлую улицу, не встрѣтивъ ни одного живаго

существа, и, остановясь на перекресткѣ, сталъ прислушиваться. Ружейный трескъ раздавался на значительномъ разстояніи, но по какому именно направленію—онъ не могъ хорошенько разобратъ. Во время его минутнаго колебанія, на него съ разбѣгу наткнулись два неаполитанскихъ солдата. При видѣ вооруженнаго гарибальдійца, они остановились какъ вкопанные, очевидно недоумѣвая куда повернуть, и Саксенъ приказалъ имъ сдаться.

Въ эту минуту, на концѣ улицы на полномъ бѣгу показалось челоуѣкъ восьми красныхъ рубашекъ. Неаполитанцы немедленно выстрѣлили въ Саксена, бросили винтовки, и пустились бѣжать по переулку налѣво.

Но пули безвредно пролетѣли мимо Саксена, и онъ, желая удостовѣриться, на какую сторону клонится судьба, рѣшающая великую ставку этого дня, пошелъ своей дорогой, предоставляя погоню за бѣглецами приспѣвшимъ гарибальдійцамъ.

Нѣсколькими шагами далѣе онъ столкнулся съ тосканскимъ отрядомъ, командуемымъ молодымъ Бэни, который шелъ во главѣ его уже пѣшкомъ.

— *Ola! amico!* окликнулъ его палермитянинъ:—вы откуда?

— Съ баррикады на *Via de' Lombardi*. А вы?

— Со взморья, гдѣ проклятые *regi* валяли въ насъ ядрами и гранатами точно изъ Этны.

— Что, какъ дѣла?

— Идутъ на славу. Мы со всѣхъ сторонъ пригоняемъ ихъ въ крѣпости. Пошли бы вы посмотрѣли.

Саксенъ примкнулъ къ отряду тосканцевъ; и пока они шли въ гору по крутой тропинкѣ, вьющейся между двумя заборами, молодые люди, въ нѣсколькихъ быстрыхъ словахъ, помѣнялись новостями.

— Нижняя часть города вся наша, сказалъ Бэни.— Молодцы Медичи чудесъ натворили; генуэзскихъ карабинеровъ половина осталась на мѣстѣ, команда Пирда засѣла въ старой вѣтряной мельницѣ на высотахъ, что надъ крѣпостью, и чистѣховько по-выгнала неприятеля изъ всѣхъ сѣверныхъ траншей.

— Это доброе пзвѣстіе!

— Еще бы не доброе! Часу не пройдетъ, какъ они у насъ всѣ будутъ заперты въ крѣпости, какъ мыши въ мышеловѣѣ.

— Гдѣ ваша лошадь?

— Убита подо мной, часъ тому назадъ. А гдѣ вашъ другъ?

— Надѣюсь, что невредимъ. Онъ исчезъ въ свѣлкѣ у баррикады, и я съ тѣхъ поръ его не видалъ.

— Тише! я слышу топотъ—стой!

Отрядъ сталъ, и среди вдругъ водворившагося молчанія, яв-

ственно раздались приближающіеся шаги значительнаго числа людей.

Минута была трепетная. Тропинка вилась крутая, узкая, лучистая. Съ одной стороны ея возвышалась огромная скала, по другой тянулся низкій заборъ, нависшій надъ самой бѣднѣйшей частью города. Болѣе невыгодное мѣсто для враждебнаго столкновенія трудно было бы избрать, но молодой палермитанинъ, хотя и непривычный къ своей начальнической роли, сразу сообразилъ трудность своего положенія, и приготовился выпутаться изъ него.

Быстро и безмолвно онъ выстроилъ свой небольшой отрядъ поперегъ дороги, такъ что передній рядъ стоялъ на одномъ волнѣ, второй — нагнувшись, третій — во весь ростъ, въ готовности встрѣтить непріятеля губительнымъ огнемъ при первомъ его появленіи. Саксенъ, со своей стороны, перекинулъ винтовку черезъ плечо и проворно сталъ карабкаться по скалѣ: вездѣ, гдѣ могла бы взобраться коза, ничего не значило взобраться и ему, и почти прежде чѣмъ Бэни хватился его, онъ уже помѣстился за нависшимъ кустомъ, футахъ въ двадцати надъ его головою. Около дюжины другихъ немедленно послѣдовали его примѣру, и въ нѣсколько мгновеній, въ каждомъ кустѣ, за каждымъ выдававшимся угломъ свалы скрывалась винтовка.

Гарибальдійцы только что справились со своими приготовленіями, когда, саженахъ въ шестидесяти отъ нихъ, появились на поворотѣ бѣлѣе португен неаполитанцевъ.

Очевидно, не ожидая найти дорогу перегороженною, они откачнулись при видѣ гарибальдійцевъ, которые немедленно пустили въ нихъ первый залпъ. Тогда они сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и отошли внѣ выстрѣла, какъ-бы неумолимая, впередъ ли имъ идти или назадъ вернуться. Благодаря свойству почвы, ни тѣ ни другіе не могли въ точности измѣрить силы непріятелей, и Бэни съумѣлъ извлечь изъ этого обстоятельства возможную для себя выгоду. Солдаты его этимъ временемъ опять зарадили ружья и ждали въ прежнемъ порядкѣ.

Недолго пришлось имъ ждать. Раздался крикъ *Viva il re!* и роялисты, поощряемые свои офицерами, возвратились на атаку, штыками впередъ, бѣглымъ шагомъ, плотнымъ стремительнымъ потокомъ, котораго, казалось, не могло удержать никакое препятствіе.

Снова тосканскіе ряды разразились меткимъ, дружнымъ огнемъ — разъ, другой, и еще, и еще; и отъ каждаго залпа передніе изъ неаполитанцевъ ложились какъ трава подъ косую. Точно поперегъ дороги была проведена волшебная черта, далѣе которой не пробиться. Только они до нея доходили, такъ и падали;

только оставшіеся позади приспѣвали, и они въ свою очередь погибали.

И во все это время стрѣлки, засѣвшіе на скалѣ, не переставали сыпать свои безошибочно меткія пули на придвигающійся отрядъ, отбирая офицеровъ по мѣрѣ того, какъ они появлялись.

Стычка длилась не болѣе нѣсколькихъ мгновеній, и все было кончено скорѣе, чѣмъ можно передать словами.

Изведенные немилосерднымъ огнемъ, и рѣшительно не подозрѣвая, какая горсть людей преграждаетъ имъ путь, лишившись притомъ всѣхъ почти офицеровъ, неаполитанцы вдругъ отступили такъ же быстро, какъ напали было на гарибальдійцевъ, унося съ собою челоуѣкъ восемь раненыхъ и оставляя на мѣстѣ цѣлую груду убитыхъ, наваленную на подорогѣ между ними и непріателемъ.

— *Viva Garibaldi!* крикнулъ Саксенъ, съ легкостью серны спрыгивая по кустамъ на середину тропинки.

— *Viva Garibaldi!* отделинулся отрядъ Бэни, порываясь въ погоню за удалявшимся непріателемъ, но остановленный своимъ молодымъ вождемъ, понимавшимъ, что все пропало, если онъ дастъ замѣтить незначительность числа своихъ. Бэни бросился къ первому ряду, и запретилъ ему трогаться съ мѣста. Въ то же время непріательскіе шаги, торопливые, прерывистые, беспорядочные, замерли въ отдаленіи, и за гарибальдійцами, изъ которыхъ было ранено только двое, и то слегка, осталось неоспоримое обладаніе миниатюрными Термопилами.

Полные радостнаго воодушевленія, они пошли далѣе, но неаполитанцевъ болѣе не видать было. Выйда по тропинкѣ на широкую платформу, обзрѣвающую весь городъ, они остановились. Надъ ними возвышался крѣпостной валъ, по всѣмъ признакамъ опустѣлый. У ногъ ихъ лежали уллицы и площади Мелаццо, за ними—открытыя поляны. Надъ всей сценою вдругъ, точно завѣсой, спустилась страшная тишина. По воздуху уже не доносились ружейные раскаты, не вились гирлянды и клубы дыма, даже тамъ, гдѣ за полчаса еще съ особеннымъ жаромъ эвирѣствовалъ бой. Кромѣ разбросанныхъ, отдаленныхъ криковъ, да иногда гранаты, какъ будто невзначай заброшенной далеко на западъ стѣ крѣпости, боевой гамъ и гулъ утихъ словно волшебствомъ.

— Чтѣ-бъ это значило? спросилъ Саксенъ, съ замирающимъ сердцемъ.

— А то, должно быть, что кончилось сраженіе, отвѣчалъ Бэни.

Въ эту минуту, на противоположномъ концѣ платформы, показался взводъ бригады Маленкини, съ криками «*Viva Italia!*» и во-

друзьям трехцвѣтное знамя на высшей точкѣ парапета, возвышавшагося надъ городомъ.

Сраженіе дѣйствительно было окончено; долгій бой былъ храбро выдержанъ и увѣнчанъ побѣдою. Весь городъ, до самыхъ вогоръ крѣпости, находился во власти освободителей.

XXIX.

Саксенъ продолжаетъ свои поиски.

Тотчасъ по окончаніи битвы, былъ отданъ приказъ настроить баррикады по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ крѣпости. Несмотря на свою усталость послѣ тяжелой дневной работы, гарибальдийцы поставили ружья въ козлы и со всѣмъ усердіемъ принялись за дѣло. Мостовыя наскоро были разрыты, телеги вытасканы изъ сараевъ, двери сняты съ петель. Еще до восхожденія солнца цѣлая цѣпь импровизированныхъ укрѣпленій была устроена во всѣхъ тѣсныхъ мѣстахъ, и роялисты были безвыходно заперты въ крѣпости.

Тогда, подъ охраною только нѣсколькихъ караульщиковъ, разставленныхъ по баррикадамъ, воѣско разсыпалось по улицамъ и площадямъ, и сотнями расположилось для отдыха по церквямъ, опустѣлымъ домамъ, и даже подъ настезъ раскрытыми воротами по сторонамъ улицъ.

Саксенъ этимъ временемъ бѣгалъ съ баррикады на баррикаду, отыскивая своего друга, и напрасно спрашивая про него всѣхъ встрѣчавшихся ему. Одинъ гарибальдиецъ вспомнилъ, что видѣлъ его въ павійской дружинѣ, въ горячей стычкѣ, бывшей въ какихъ-то садахъ по близости крѣпости. Другому казалось, что онъ его прижѣтилъ гдѣ-то на взморьѣ. Третій утверждалъ, что онъ былъ убитъ разрывомъ гранаты; а четвертый не менѣе положительно утверждалъ, что онъ въ мельницѣ, что надъ крѣпостью, съ компаніей Пирда. Сбитый съ толку этими противорѣчащими свѣдѣніями, Саксенъ безутѣшно блуждалъ до сумерекъ, и тогда, измученный вконецъ, растянулся на каменной скамьѣ на рыночной площади и заснулъ глубокимъ сномъ.

Но не болѣе какъ часа на два. Онъ легъ съ душою, переполненною тревогою и опасеніями, и едва прошло первое онѣмѣлое забытѣе отъ чрезмѣрнаго утомленія, какъ онъ уже очнулся подъ гнетомъ смутно сознаваемого безпокойства, и въ первую минуту не могъ припомнить, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ площади, окутанной глубокой тьмою, и усѣянной группою спящихъ солдатъ и ружейныхъ возловъ.

Да: Меладцо взятъ; Кастельтауерсъ ненайденъ, вѣрно раненъ, можетъ быть, убитъ. Какъ только эти воспоминанія нахлынули на его помраченный сномъ умъ, онъ вскочилъ на ноги, и еще шатаясь, приготовился возобновить свои поиски. Съ перваго же шагу онъ споткнулся о трупъ неаполитанскаго гренадера, лежавшій навзничь, точно сонный, съ обращеннымъ къ небу безкровнымъ лицомъ. Нѣсколько далѣе ему попались на встрѣчу два гарибальдійца, уносившіе раненаго товарища на оконномъ ставнѣ, предшествуемые факельщикомъ.

Узнавъ отъ нихъ, что въ самомъ городѣ, а также за воротами, устроено много временныхъ лазаретовъ, онъ рѣшился обойти ихъ всѣ до одного, прежде нежели принять какія бы то ни было другія мѣры для отысканія своего друга. Онъ пошелъ за ними въ сосѣдную церковь, по каменному полу которой была настлана солома для раненыхъ. Она представляла странный и тяжелый видъ. Свѣтъ факеловъ, по мѣстамъ воткнутыхъ по стѣнамъ, только дѣлалъ еще нагляднѣе густую темь свода. На соломѣ, по всѣмъ направленіямъ, лежало человѣкъ шестьдесятъ солдатъ, всѣ болѣе или менѣе опасно ранены, и отъ одного къ другому безмолвно пробирались хирурги и женщины, посвятившія себя уходу за страдальцами.

Саксенъ приостановился у входа, и спросилъ часового, не знаетъ ли онъ чего объ одномъ англичанинѣ, лордѣ Кастельтауерсѣ по имени—и не находится ли онъ въ числѣ раненыхъ?

— Англичанинъ? переспросилъ часовой.— *Si, amico*, есть. Его принесли часа два назадъ.

Саксенъ вошелъ въ церковь, и освѣдомился у одной изъ женщинъ.

Она покачала головой.

— Увы, отвѣчала она:—онъ уже былъ безъ всякой надежды. Онъ скончался минутъ десять послѣ того, какъ его принесли.

— Умеръ?

— Да, бѣдненькій. Тѣло его еще не убрано. Онъ лежитъ вонъ тамъ, подъ самой каедрой.

Терзаемый надеждой и страхомъ, Саксенъ выхватилъ факель изъ ближайшаго паникадила, и опрометью бросился къ указанному мѣсту. Тамъ дѣйствительно покоилось бѣдное, обезображенное тѣло убитаго; глаза были полузакрыты, какъ-бы дремотою, и тихая улыбка застыла на его безжизненныхъ губахъ, но то не былъ лордъ Кастельтауерсъ.

Саксенъ свободнѣе вздохнулъ, и отойдя отъ трупа, тихо прошелъ вдоль рядовъ лежавшихъ, поочередно заглядывая въ блѣдые лица ихъ; затѣмъ онъ просилъ указать ему дорогу къ бли-

жайшему лазарету, устроенному въ нижнемъ этажѣ полицейскаго зданія. Чтобы туда дойти, ему пришлось снова перейти площадь. Тутъ онъ встрѣтился еще съ нѣсколькими группами, слѣжившими куда-то при факельномъ свѣтѣ, потому что гарибальдійцы все еще отсыпавали раненыхъ товарищей по всѣмъ частямъ города.

У входа въ полицейское зданіе, онъ обратился къ часовому съ тѣмъ же вопросомъ, съ которымъ обошелъ всѣ баррикады и караулы. Часовой, на этотъ разъ французъ, приподнял шапку самымъ вѣжливымъ образомъ, и въ свою очередь спросилъ, не съ мистеромъ ли Трефольденомъ онъ имѣетъ честь говорить? Саксенъ отвѣчалъ утвердительно.

— *Alors, que monsieur se donne la peine d'entrer. Il trouvera son ami, milord Castletoyers, dans la première salle à gauche.*

Едва поблагодаривъ любезнаго галла за сообщенное имъ свѣдѣніе, Саксенъ стремительно бросился въ залу, и первое лицо, на которомъ остановился его взоръ, было лицо его друга.

Лордъ Кастельтауерсъ бокомъ сидѣлъ на скамьѣ, очевидно служившей ему и кроватью. На плеча у него былъ наброшенъ широкій плащъ, и лицо его было нѣсколько блѣдно; впрочемъ, онъ спокойно курилъ сигару, и болталъ съ сосѣдомъ.

— Ну, что, Трефольденъ, нашель-таки — насилу-то! сказалъ онъ, когда Саксенъ подбѣжалъ къ нему. — Я такъ и зналъ, что ты станешь искать меня по всему городу, если только тебя самого не прѣшибло гдѣ нибудь, и поэтому распорядился, чтобы тебя часовой научилъ, какъ и гдѣ найти меня. Не взыщи, что подаю тебѣ лѣвую руку.

— Я такъ радъ, Кастельтауерсъ! воскликнулъ Саксенъ. — Въ жизнь свою я не былъ такъ счастливъ, какъ въ эту минуту!

— Потихе, братецъ, потихе! Это еще не причина вывихивать челоуѣву руку.

— Да что съ тобою? Раненъ? гдѣ?

— Въ правую руку; чортъ возьми, пренепріятная штука.

— Развѣ сильно раненъ?

— Нѣтъ, еще ничего. То-есть отнимать руку не придется, но со славою и порохомъ надо проститься — а это скверно.

XXX.

Безславное заточеніе.

Послѣ обоюдныхъ объясненій, исчезновеніе графа оказалось дѣломъ самымъ простымъ. При послѣднемъ, рѣшительномъ на-

тисѣ на баррикаду, его перенесли черезъ нее, и вмѣсто того, чтобы выстоять на мѣстѣ сраженіе до конца, подобно Саксену, онъ вмѣстѣ съ двадцатью другими бросился въ погоню за первыми бѣглецами. Гарибальдійцы приперли неаполитанцевъ въ глухой переулокъ, всѣхъ ихъ забрали въ плѣнъ, затѣмъ присоединились къ павійской дружинѣ и вмѣстѣ съ нею выдержали еще жаркую перепалку.

Тутъ-то, сражаясь въ рядахъ этой храброй дружины, въ ту самую минуту, какъ онъ помогаль при водруженіи трехцвѣтнаго флага на павильонѣ горячо оспариваемаго сада, лордъ Кастельтауерсъ получилъ двѣ пули въ правую руку, и долженъ былъ отправиться на перевязочный пунктъ.

Раны его были нешуточныя, но не представляли ни малѣйшей опасности: одна пуля засѣла въ руку, близь локтя, а другая расшибла ему кость. Обѣ пули, впрочемъ, были уже вынуты еще до прихода Саксена, и хирургъ увѣрялъ, что по истеченіи извѣстнаго времени, лордъ Кастельтауерсъ будетъ владѣть рукою совершенно попрежнему. Покуда же, разумѣется, ему предстояли не совсѣмъ пріятныя послѣдствія. Его военнымъ подвигамъ полагался безвременный конецъ, и надежда его совершить что-нибудь такое, что бы вынудило дань удивленія отъ самой мисъ Колонны, погибала въ первомъ цвѣту. Со всѣмъ этимъ нелегко было примириться, и для этого немного было всего терпѣнія, какимъ могъ вооружиться больной. При такой неожиданной развязкѣ ихъ экспедиціи, пріятелямъ всего лучше хотѣлось бы воротиться немедля къ своей яхточкѣ, и отправиться искать «новыхъ пастбищъ и зеленыхъ полей», но о подобномъ предположеніи хирургъ не хотѣлъ и слышать. Итѣкъ пришлось имъ день за днемъ сидѣть въ Мелаццо, по большей части въ нанятомъ ими загородномъ коттеджѣ, и по возможности терпѣливо коротать долгіе, знойные часы лѣтнихъ дней.

Скучное это было время для нихъ; хотя оно не надолго сживилось слачею гарнизона. Они видѣли, какъ неаполитанскіе пароходы на всѣхъ парахъ примчались въ бухту, и были свидѣтелями сборовъ и отъѣзда Боско съ его войскамъ.

Послѣ этого антракта, гарибальдійцы стали посматривать въ сторону Мессины, и тревожно разсуждать, за что бы теперь приняться. Но тутъ пошла молва объ общемъ очищеніи роялистами всѣхъ занимаемыхъ ими крѣпостей, и вскорѣ затѣмъ стало положительно извѣстно, что однообразный чередъ успѣховъ и удачъ уже не будетъ прерванъ сраженіями, но крайней-мѣрѣ въ Сициліи.

Нѣсколько утѣшенные этимъ извѣстіемъ, и еще болѣе запиской,

полученной графомъ отъ Колонны на четвертый день послѣ сраженія, молодые люди покорились своему полузаточенію, и отъѣздъ Гарибальди съ большей частью его дружины возбудилъ въ нихъ менѣе жгучее чувство сожалѣнія и досады, чѣмъ они испытали бы въ случаѣ продолженія военныхъ дѣйствій.

Записка итальянца, коротенькая и сжатая, словно военная депеша, была слѣдующаго содержанія:

«*Caro Gervase*, только что одержанная побѣда полагаетъ конецъ войнѣ въ Сициліи. Ужасъ и раздоръ царствуютъ въ неаполитанскомъ кабинетѣ. Вѣроятно пройдутъ мѣсяцы прежде, чѣмъ будетъ нанесенъ новый ударъ, и весьма можетъ быть даже, что и этого удара не понадобится. Внемли же искреннему совѣту. Вложи мечъ свой въ ножны, и съ богомъ продолжай путь свой. Вотъ что отъ души совѣтуетъ тебѣ другъ дѣтства твоего —
Дж. К.»

Пріятно было получить подобное завѣреніе отъ такого чловека, какъ Колонна, которому лучше нежели самому Гарибальди, извѣстны были шансы и вѣроятности войны. Итакъ пріатели старались по возможности весело примѣниться къ своему положенію, и въ видѣ забавы принялись строить планы о томъ, что они предпримуть, какъ только докторъ отпуститъ ихъ на всѣ четыре стороны.

О поѣздѣ въ Норвегію теперь уже не могло быть и рѣчи. Пова они добрались бы до Бергена, лѣтній сезонъ былъ бы почти уже конченъ, къ тому же графу строго запрещалось подвергать свою раненую руку рѣзкимъ атмосферическимъ переходамъ. Поэтому они рѣшились ограничить свое плаваніе бассейномъ Средиземнаго моря и осмотрѣть всего, на что хватитъ время, и что случится по пути; между прочимъ завернуть, если возможно, въ Мальту, Александрію, Смирну, Аѳины, Неаполь, Кадикусь, и пожалуй, мимоходомъ, въ Лиссабонъ. Къ этому маршруту, по причинамъ, ему одному извѣстнымъ, Саксенъ прибавилъ еще Сидонъ.

Наконецъ было объявлено, что лорду Кастельтауерсу можно тронуться съ мѣста, хотя нельзя еще освободить его отъ медицинскаго присмотра. Это затрудненіе Саксенъ разрѣшилъ тѣмъ, что пригласилъ ѣхать съ ними молодого сицилійскаго хирурга, въ сопровожденіи котораго они сѣли на свою крошку «Албуду» и снялись съ якоря.

XXXI.

Греторэксъ ищетъ какъ-бы помѣстить свой капиталъ.

Между тѣмъ, какъ Саксенъ съ своимъ пріателемъ гуляли по морю на своей яхточкѣ и дрались съ роялистами, а въ Лондонѣ

сезонъ еще былъ въ полномъ разгарѣ, Лоренсъ Греторэксъ, къ одно яснаго іюльскаго утра, направилъ стопы свои къ Чансерилэну, и сдѣлалъ визитъ Вильяму Трефольдену.

Ему не совсѣмъ легко было рѣшиться на этотъ шагъ, крайне для него непріятный, и на исполненіе его ему потребовалось немалое усиліе надъ собою. Не одинъ разъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, онъ встрѣчался съ стряпчимъ и обѣгалъ его, ни разу не промолвивъ съ нимъ ни одного слова, послѣ исторіи съ задержаннымъ чекомъ. Намѣреніемъ его было никогда болѣе не мѣняться съ Вильямомъ Трефольденомъ вѣжливымъ словомъ, или поклономъ, а ненавидѣть его отъ всей души, и открыто проявлять свою ненависть при каждомъ удобномъ случаѣ, до гробовой доски. И онъ ни на шагъ не отступилъ бы отъ своего намѣренія, еслибы тутъ не вмѣшалось его расположеніе къ Саксену. Но онъ искренно привязался къ молодому богачу, такъ же искренно, какъ ненавидѣлъ стряпчаго, и положилъ себѣ быть ему полезнымъ, во что бы то ни стало. Итакъ, припомнивъ весь свой послѣдній разговоръ съ нимъ — тотъ самый разговоръ, который происходилъ въ вагонѣ, между Портсмутомъ и Лондономъ — напрасно наведя всевозможныя справки о новыхъ компаніяхъ, которыя бы сколько нибудь подходили къ тому, что ему удалось уразумѣть изъ смутныхъ словъ Саксена, просмотрѣвъ безчисленное множество отчетовъ, объявленій, директорскихъ списковъ, и тому подобныхъ документовъ, онъ рѣшился, несмотря на свою вражду, явиться къ Вильяму Трефольдену лицомъ къ лицу, и попытаться, при личномъ свиданіи, вывѣдать у него то, чего ему хотѣлось.

Легко можетъ быть, что въ самой подозрительности, заставлявшей его заботиться объ интересахъ Саксена, вопреки положительному нежеланію послѣдняго подвергать ихъ его вмѣшательству, таилось нѣчто въ родѣ надежды, полу-выяснивагося ожиданія какой-нибудь возможности отомстить врагу, такъ жестоко насолвавшему ему. Въ случаѣ, если Вильямъ Трефольденъ въ самомъ дѣлѣ поступаетъ съ своимъ родственникомъ недобросовѣстно, если окажется нерадѣніе или даже плутовство съ его стороны по какой-нибудь статьѣ невѣдомыхъ дѣлъ, ввѣренныхъ его распоряженію, развѣ не такъ же будетъ пріятно вывести обманщика на чистую воду, какъ и спасти обманываемую жертву?

Лоренсъ Греторэксъ не вполне уяснилъ самому себѣ, что онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ двойнаго побужденія. Люди его закала не отличаются привычкою анализировать собственныя свои мысли и чувства. Они на столько проникательны, что легко разбирають сокровенныя побужденія другихъ, но себя они щадятъ, и на соб-

ственные свои дѣйствія предпочитаютъ смотрѣть съ возможно выгоднѣйшей для себя стороны. Итакъ банкиръ, развѣршившись помириться съ неприяностями предстоящаго ему похождения, добродушно игнорировалъ то, что въ этомъ походе могло оказаться въ концѣ пріятнаго для него лично, и самъ себя увѣрялъ, идя по Флит-Стриту, что онъ совершаетъ чуть не геройскій подвигъ изъ-за дружбы.

Онъ послалъ Вильяму Трефольдену свою карточку, и былъ немедленно проведенъ въ его кабинетъ.

— Съ добрымъ утромъ, мистеръ Трефольденъ, сказалъ онъ съ той шумной, напускной развязностью, которая изъ всѣхъ его замашекъ была по преимуществу противна сэру Чарльзу Бургонну:—вы, я думаю, глазамъ не вѣрите, что видите меня здѣсь.

Но Вильямъ Трефольденъ, который не обнаружилъ бы ни малѣйшаго удивленія, еслибы Лоренсъ Греторэксъ явился къ нему въ епископскомъ облаченіи, спокойно поклонился ему, указавъ на стулъ и сказалъ:

— Нисколько. Я только радъ видѣть васъ, мистеръ Греторэксъ.

— Благодарю.—Банкиръ сѣлъ и положилъ шляпу на столъ.— А что, имѣете вы извѣстія изъ Норвегіи?

— Отъ Саксена? Нѣтъ; до сихъ поръ не имѣю никакихъ.

— Неужели?

— Я и не жду отъ него писемъ.

— Ни одного?

— Ни одного — развѣ вздумаетъ какънибудь. Мы по части переписки не заключали съ нимъ никакихъ уговоровъ, а я терпѣть не могу письменнаго, исключая дѣловаго.

— Ваша правда, мистеръ Трефольденъ. Безцѣльное строченіе посланій—упражненіе хорошее для пансіонерокъ и влюбленныхъ; но для людей, занятыхъ настоящимъ дѣломъ, это не болѣе какъ потеря времени и бездѣлничаніе. Достаточно заглянуть въ одинъ томъ переписки Горація Вальполя, чтобы знать, что онъ всю жизнь шатался безъ дѣла.

Трефольденъ, вѣжливой улыбкою, изъявилъ согласіе со словами гостя.

— Однако я къ вамъ пришелъ не затѣмъ, чтобы разсуждать о достоинствахъ произведеній пера и чернилъ, спохватился Греторэксъ.—Я, мистеръ Трефольденъ, пришелъ просить у васъ совѣта.

— Вся моя опытность къ вашимъ услугамъ, отвѣчала страпчій.

— Очень вамъ обязанъ. Прежде, чѣмъ приступить къ самому дѣлу, я долженъ довѣрить вамъ кое-что о своихъ обстоятельствахъ.

Трефольденъ слегка поклонился.

— Надо вамъ сказать, что у меня есть свой капитадецъ, очень небольшой — всего нѣсколько тыщенокъ; но, какъ бы то ни было—мой собственныя, и не помѣщенныя въ оборотахъ нашей фирмы.

Трефольденъ весь обратился въ слухъ и вниманіе.

— Этотъ капитадецъ не помѣщенъ въ оборотахъ фирмы, повторилъ банкиръ:—и я не намѣренъ помѣщать его такимъ образомъ. Я хочу держать его совсѣмъ въ сторонѣ, такъ, чтобы онъ былъ въ безопасности у меня подъ рукою, вполне и единственно въ моемъ распоряженіи. Понимаете?

Трефольденъ, съ вкрадчивой улыбкою, отвѣчалъ, что понимаетъ совершенно.

— Это еще не все. Мои вкусы, привычки, связи, знакомства, такого рода, что требуютъ большихъ издержекъ, поэтому, чѣмъ больше я могу получать процентовъ съ моего капитала, тѣмъ лучше. До послѣдняго времени я его раздавалъ взаймы и подъ залого за... ну, тамъ, все-равно за какіе проценты; но теперь онъ вернулся въ мои руки, и я ищу, какъ бы повыгоднѣе пустить его въ новый оборотъ.

Трефольденъ сидѣлъ отвинувшись на спинку креселъ, и въ душѣ былъ немало озадаченъ откровенностью, съ которою Лоренсъ Греторэвсъ излагалъ ему всѣ эти обстоятельства. Однако же онъ продолжалъ слушать и улыбаться, ничѣмъ не выдавалъ своего удивленія, и ждалъ, что дальше будетъ.

— Послѣ этого вступленія, продолжалъ банкиръ:—я думаю, нечего вамъ и объяснять цѣли моего посѣщенія.

— Признаюсь, я ее не отгадываю, возразилъ стряпчій.

— Я къ вамъ пришелъ спросить, не можете ли вы пособить мнѣ въ этомъ дѣлѣ?

Трефольденъ не скрывалъ своего удивленія.

— Не могу ли я пособить вамъ въ этомъ дѣлѣ? переспросилъ онъ.—*Я?* Любезный сэръ, вы меня приводите въ крайнее изумленіе. Въ подобнаго рода дѣлахъ вы должны смыслить несравненно болѣе меня.

— Клянусь честью, мистеръ Трефольденъ, я не вижу, почему вы такъ думаете.

— Помилуйте, да самая сущность вашихъ дѣлъ...

— Но вѣдь эти деньги, повторяю вамъ, я хочу держать по-дальше отъ дѣлъ нашей фирмы, какъ можно дальше, перебилъ Греторэвсъ.

— Это я вполне понимаю; но вотъ чего не понимаю: какимъ

образомъ вамъ, банкиру, пришло въ голову обратиться ко мнѣ, юристу, за совѣтомъ въ такого рода дѣлѣ.

— Развѣ вы не допускаете, чтобы я болѣе полагался на ваше мнѣніе, чѣмъ на свое собственное?

Трефольденъ отвѣчалъ вѣжливо-недовѣрчивой улыбкою.

— Любезный мистеръ Греторэксъ, сказалъ онъ:—это все равно, какъ будто бы я спросилъ *вашего* мнѣнія о юридическомъ вопросѣ.

Лоренсъ Греторэксъ засмѣялся, и пододвинулъ стулъ свой нѣсколько ближе къ столу.

— Послушайте, мистеръ Трефольденъ, сказалъ онъ:—я буду съ вами вполне откровененъ. Предположимъ, что я имѣлъ бы основательныя причины думать, что вы можете помочь мнѣ найти именно то, чего я ищу; развѣ было бы странно съ моей стороны обратиться къ вамъ такъ, какъ я это дѣлаю теперь?

— Конечно, нѣтъ; но...

— Извините; я дѣйствительно получилъ такого рода ссѣдѣнія, которыя заставляютъ меня надѣяться, что вы мнѣ дадите возможность выгодно пристроить мой капиталъ, если только вы не полѣнитесь заняться этимъ.

— Въ такомъ случаѣ, я къ сожалѣнію долженъ сказать вамъ, что васъ ввели въ заблужденіе.

— Но тотъ, кто мнѣ говорилъ...

— Ошибался, мистеръ Греторэксъ. Я вамъ тутъ ничѣмъ не могу помочь, рѣшительно ничѣмъ.

— Возможно ли?

— До того возможно, мистеръ Греторэксъ, что, будь у меня самого пять тысячъ, я былъ бы въ необходимости обратиться къ кому нибудь другому именно за тѣмъ совѣтомъ, котораго вы добиваетесь отъ меня.

Банкиръ обловотился на столъ и такъ черезъ него перегнулся, что лицо его остановилось въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ лица Трефольдена.

— Ну, а новая-то компанія? сказалъ онъ.

Сердце у юриста дрогнуло, и, казалось, замерло; на одно мгновеніе, но только на одно—его неподражаемая власть надъ собою была потрясена. Онъ почувствовалъ, какъ онъ измѣнился въ лицѣ. Онъ едва рѣшился заговорить изъ боязни, чтобы его не выдала дрожь въ голосѣ.

У Греторэкса глаза свергнули торжествомъ. Но къ юристу вернулось его присутствіе духа такъ же скоро, какъ оно ему измѣнило.

— Извините, сказалъ онъ холодно:—о какой это компаніи вы говорите?

— О какой же, какъ не о той, въ которой вы помѣстили деньги вашего кузена, Саксена?

Трефольденъ надменно взглянулъ въ лицо своему собесѣднику.

— Тутъ какое ибудь недоразумѣніе, мистеръ Греторэксъ, ска- залъ онъ. — Впрочемъ, вы упоминаете о какой-то ассоціаціи, которая мнѣ неизвѣстна.

— Однако...

— Вотърыхъ, я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ дѣ- ла моего кузена могутъ интересоваться васъ.

— Всякій выгодный оборотъ въ высшей степени меня интере- суетъ, возразилъ банкиръ.

Трефольденъ многозначительно пожалъ плечами.

— Мои юридическія занятія, быть можетъ, сдѣлали меня чрез- чуръ осторожнымъ, сказалъ онъ:—но я питаю отвращеніе къ са- мому слову «оборотъ».

— Однакоже, если я не ошибочно понялъ слова вашего ку- зена, деньги его пущены вами именно въ оборотъ, упорствовали Греторэксъ.

Юристъ осмотрѣлъ своего посѣтителя съ ногъ до головы, съ такимъ спокойнымъ высокомеріемъ, отъ котораго тотъ завозился на стулѣ.

— Не могу ручаться, сказалъ онъ:—насколько мой ку- зень, въ своемъ невѣдѣніи въ денежныхъ дѣлахъ, могъ безна- мѣренно ввести васъ въ заблужденіе на счетъ этого дѣла, но вы должны позволить мнѣ увѣрить васъ въ одномъ: Саксенъ Трефольденъ навѣрное не предпринялъ съ своимъ состояніемъ никакихъ оборотовъ, потому что я столько же способенъ посовѣ- товать ему пуститься въ обороты, какъ онъ способенъ пустить- ся въ нихъ безъ моего совѣта. Надѣюсь—ясно?

— Совершенно, мистеръ Трефольденъ, но...

Юристъ вопросительно поднялъ глаза на банкира,

— Но неприятно, вотъ что—чертовски неприятно. Послѣ того, что онъ мнѣ говорилъ, я былъ въ полной увѣренности...

— А можно спросить, что такое онъ вамъ говорилъ, мистеръ Греторэксъ?

— Разумѣется. Онъ сказалъ мнѣ, что вы превратили значи- тельную часть его капитала, и весь вашъ собственный капиталъ въ акціи какой-то новой компаніи, имя и цѣли которой должны на время оставаться глубочайшей тайною.

— И больше ничего?

— Ничего—только онъ еще увѣрялъ меня, что это—велико- лѣпнѣйшая штука.

Трефольденъ усмѣхнулся.

*

— Бѣдный мальчикъ! промолвилъ онъ. — Какое уморительное непониманіе, а между тѣмъ какъ на него похоже!

Видя его невозмутимость и даже шуточный тонъ, житель Си-ти на минуту усомнился въ удачу своего плана. Онъ начиналъ думать, что мнимое открытіе его, пожалуй, гроша не стбитъ.

— Надѣюсь, сказала онъ тревожно:—что вы поясните мнѣ смыслъ этой шутки, мистеръ Трефольденъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ недоразумѣніяхъ, Саксъ на половину былъ правъ, а на половину перепуталъ. Его деньги отданы одной компаніи *взаимы*, подъ вѣрнѣйшій залогъ, вовсе не обращены въ акціи, и не пущены ни въ какіе обороты. Я не воленъ называть компаніи—довольно того, что нигдѣ ему не найдти болѣе надежныхъ заемщиковъ.

— Ну, а этакъ, со стороны, нельзя бы присосѣдиться какъ-нибудь?...

— Мой родственникъ далъ уже, кажется, всю сумму, въ какой нуждалась компанія.

— Гм! мнѣ вѣчно такое счастье.—Ну, дѣлать нечего. Очень вамъ обязанъ, мистеръ Трефольденъ.

— Не за что. Я только сожалѣю, что не могу въ этомъ случаѣ пригодиться вамъ, мистеръ Греторэкъ.

Они одновременно встали, и при этомъ движеніи каждый въ глазахъ другого прочелъ явное недовѣріе.

«Въ самомъ ли дѣлѣ ему нужно пристроить капиталъ?» думалъ стряпчій: «или это онъ меня просто морочить, вывѣдать хочеть?»

— Ужъ не расчухалъ ли онъ мою хитрость? спрашивалъ себя банкиръ:—и не ловкая ли выдумка вся эта исторія?

Такихъ вопросовъ, однако, нельзя было дѣлать вслухъ, тѣмъ менѣе получить на нихъ отвѣты; поэтому Лоренсъ Греторэкъ и Вильямъ Трефольденъ разстались достаточно вѣжливо, и возненавидѣли другъ друга пуще прежняго.

Но тутъ же стоялъ одинъ человекъ, который былъ свидѣтелемъ ихъ разставанія, и кое-что намоталъ себѣ на усъ при этомъ случаѣ—человекъ, который примѣтилъ выраженіе лица банкира, когда онъ вышелъ изъ конторы, а также и испуганное лицо Вильяма Трефольдена, когда онъ возвратился въ свой кабинетъ. Этотъ прозорливый наблюдатель былъ мистеръ Кэввичъ, а мистеръ Кэввичъ въ значительной степени обладалъ умѣніемъ извлекать пользу изъ своей быстрой сообразительности.

XXXII.

На Востокъ.

Крошечная яхточка стоитъ на якорѣ въ гавани Александрійской, и двое молодыхъ франковъ, у одного изъ которыхъ правая рука на перевязи, бродятъ по городу, упиваясь полной грудью обаятельными ощущениями перваго дня, проводимаго на Востокъ.

Александрія далеко не даетъ выгоднаго понятія о восточныхъ городахъ. Это—дюжицный, торговый, приморскій городъ, построенный на европейскій ладь, одаренный пресквернымъ климатомъ, весьма немногими архитектурными древностями и ровно никакими живописными окрестностями. Но, какъ бы тамъ ни было; а все-таки—Востокъ, слѣдовательно новый міръ для тѣхъ, которые не видали Каира, Смирны или Константинополя.

Итакъ юные франки слоняются, сами не зная куда, въ состояніи, близкомъ къ блаженному одурѣнію, не примѣчая ни голода, ни жажды, ни усталости, ни даже жара, который, хотя теперь не болѣе девяти часовъ утра, палитъ невыносимо.

Первымъ дѣломъ, едва ступивъ на берегъ, они углубляются въ арабскій кварталъ, пробираясь черезъ цѣлый лабиринтъ вонючихъ переулочковъ, обстроенныхъ глухими, безозонными жилищами, имѣющими видъ, точно они обернулись спиною въ улицѣ, и затѣмъ выходятъ въ болѣе приличныя улицы, гдѣ дома такъ высоки, что такъ и ожидаешь, что вотъ-вотъ повалятся тебѣ на голову, а рѣшетчатые балконы только что не сходятся другъ съ другомъ, и небо является въ видѣ узенькой, ярко синей полоски гдѣ-то высоко надъ головами. Тутъ на каждомъ углу валяются нищіе, голосисто взывающіе къ Аллаху и проходящимъ, снуютъ ослы съ своими мальчишками-вожатыми, шумливыми, надобдливими и картинно-оборванными, въ ногахъ толкаются бродяги-собаки, голодные и задорные, повременамъ арабскій всадникъ мчитъ какъ шальной, и передъ нимъ вправо и влѣво разбѣгаются пѣшеходы. Тутъ же и лавки, настѣжь раскрыты; изъ нихъ нѣкоторые нестрѣютъ роскошными шалими и шелковыми матеріями, другія — богатыми коврами, отъ третьихъ вѣтъ благоуханіемъ драгоцѣнныхъ камедей и 'праностей, еще другія красуются сверкающими дамасскими саблями и кинжалами. Въ каждой лавкѣ на порогъ или прилавокъ, съ подогнутыми подъ себя ногами, возсѣдаетъ продавецъ, и покуриваетъ свою оправленную серебромъ трубку, одинаково равнодушный къ числу покупателей и ударамъ рока. Далѣе мавританская арка изъ жамна нѣжнаго сливочнаго цвѣта позволяетъ заглянуть въ тѣ-

нистый внутренній дворъ, окруженный рѣшотчатыми окнами, съ пальмою и фонтаномъ посерединѣ. Узенькій, дрожащій солнечный лучъ прямой стрѣлою падаетъ на широкую зеленую листву, на искращіяся брызги и на глиняный кувшинъ, стоящій у фонтана, какъ разъ такой кувшинъ, изъ какаго Моргьяна заливала разбойниковъ кипучимъ масломъ въ дни добраго калифа Гаруна Аль-Рашида. А вотъ и партія ширококопытныхъ верблюдовъ, навьюченныхъ визанками хвороста, занимающими почти всю ширину улицы, выступающихъ молчаливо и съ видомъ упрямаго спокойствія, подъ надзоромъ лоснящихся негровъ-невольниковъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и бѣлыхъ повязкахъ вокругъ бедеръ. Чтобы избѣжать столкновенія съ этимъ шествіемъ, наши франки бросаются въ темный сводчатый рядъ лавокъ, освѣщенныхъ сверху. Это—базаръ, цѣлая катакомба проходвъ, наполненныхъ восточными товарами и восточными благовоніями. Есть цѣлые ряды, въ которыхъ не продается ничего, кромѣ туфель; въ другихъ торгуютъ одними ювелирскими издѣліями, или одними мѣхами, или табакомъ, шелковыми матеріями, конфетами и москательными товарами, книгами, стеклянной посудой, издѣліями изъ слоновой кости, сбруями, губками, и даже набойными манчестерскими бумажными тканями, шеффилдскими ножевыми издѣліями и ковентрідскими лентами. Здѣсь толчется пестрая толпа европейцевъ и азіатцевъ, нетерпѣливыхъ арабовъ съ повязкой изъ верблюжьего волоса на лбу, сановитыхъ мусульманъ въ чалмахъ и завороченныхъ кверху туфляхъ, грековъ въ алыхъ камзолахъ и многоскладныхъ юбкахъ сомнительной бѣлизны, дервишей въ высокихъ пожаровыхъ шапкахъ, вышно-разодѣтыхъ драгомановъ въ безконечной ширины висейныхъ шароварахъ, армянъ, коптовъ, сирійцевъ, негровъ, евреевъ всѣхъ странъ и земель, и путешественниковъ со всѣхъ точекъ земного шара.

Водопродавецъ несетъ на головѣ кувшинъ съ шербетомъ, побрякивая своими мѣдными чарками въ ушахъ прохожихъ; пирожникъ предлагаетъ слоеные пирожки съ дынею; далѣе изъ фруктовой лавки, гдѣ она вѣроятно покупала «сирійскіе яблоки, оманскіе персики и египетскіе лимоны», выходитъ сама прелестная Амина, а за нею тотъ самый носильщикъ о которомъ повѣдано намъ, что онъ былъ «мужъ разумный, начитанный въ разныхъ исторіяхъ».

Блуждая такимъ образомъ среди живаго волшебства воплощенной арабской сказки, молодые люди, подкрѣпивъ себя шербетомъ, влѣзаютъ на пару чистокровныхъ, ретивыхъ... ословъ, и отправляются осматривать развалины древней Александріи. Развалины эти находятся за чертою городскихъ стѣнъ, посреди песчаной,

знойной, бугористой степи, простирающейся на много миль вдоль блестящаго моря. Тутъ осматриваютъ они помпееву колонну, клеопатринъ обелискъ, и цѣлую груду обрушивающихся стѣнъ и обломковъ, обросшихъ пестрымъ покровомъ дикихъ растеній въ полномъ цвѣту. Здѣсь, гдѣ нѣкогда высился храмъ Серапиды, съ своею папертью, къ которой вели его гранитныхъ ступеней, дикая морская чайка вольно порхаетъ; неспурнутая человѣческой рукой, и шакалы устроили своя логовища, а путники вполголоса поминаютъ могучіе, минувшіе вѣка, библіотеки, дворцы, нѣкогда бывшіе славою и дивомъ Востока—академіи, возникшія и павшія вмѣстѣ съ философскими системами, преподаваемыми въ стѣнахъ ихъ—историковъ, метафизиковъ и поэтовъ, самые памятники которыхъ давнымъ-давно смѣшались съ прахомъ, тогда какъ рѣчи ихъ преданы безсмертію.

Наконецъ, измученные до упада, франки наши помышляютъ объ отдыхѣ и возвращеніи въ городъ. Здѣсь они поселяются въ англійскомъ отелѣ, гдѣ остальной день до вечера посвящаютъ купанію, обѣду и кейфу. Затѣмъ они снова отправляются, на этотъ разъ къ англійскому консулу съ визитомъ.

XXXIII.

ПОИСКИ АКЦИОНЕРА.

Консула не было въ консульствѣ, когда путешественники явились къ нему въ контору, но на его мѣстѣ возсѣдалъ его представитель, юный, великолѣпной наружности конторщикъ, ослѣпляющій взоры навѣшанными на себя цѣпочками, запонками, кольцами и широкополою шляпою изъ пальмовыхъ листьевъ. Этого сановнива они застали за одновременнымъ, тройнымъ занятіемъ: строченіемъ письма, напѣваніемъ какого-то мотива, и куреніемъ сигары, и этому многосложному труду онъ по входѣ ихъ продолжалъ предаваться съ удвоеннымъ усердіемъ, несмотря на то, что Саксенъ сталъ передъ самою его конторкою.

— Я бы желалъ сказать вамъ два слова, если вамъ угодно будетъ оторваться на минуту отъ вашего занятія, сказалъ Саксенъ.

— Паспортовъ не визируютъ послѣ двухъ часовъ, отвѣчалъ конторщикъ, не поднимая глазъ съ бумаги.

— Я не о паспортѣ, возразилъ Саксенъ.

Конторщикъ продолжалъ напѣвать свой мотивъ и не переставалъ строчить.

Саксенъ начиналъ терять терпѣніе.

— Я желаю сдѣлать вамъ одинъ только вопросъ, сказалъ

онъ:—и былъ бы вамъ весьма обязанъ, еслибы вы потрудились положить перо на минуту и выслушать его.

Повелительность тона, которымъ были произнесены эти слова, не осталась безъ дѣйствія. Конторщикъ приостановился, взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ Саксея, приподнялъ брови съ небрежно дерзкимъ видомъ и соблаговолилъ сказать:

— Ну, слушаю; что жъ молчите?

— Я желалъ бы знать, въ какой части города находится контора «Новаго сухопутнаго общества желѣзныхъ дорогъ и пароходства»?

— Что вы хотите этимъ сказать? какое такое «Новое сухопутное общество»? спросилъ конторщикъ.

— Я спрашиваю про компанію, носящую это названіе, компанію, недавно учредившую контору здѣсь въ Александріи.

— Никогда не слыхалъ о такой компаніи, сказалъ конторщикъ:—ни о конторѣ ея.

— Какъ вы думаете, гдѣ же я могу все это узнать?

— Вѣрнѣ всего — нигдѣ.

— Кажется, я въ свою очередь долженъ спросить васъ, что вы этимъ хотите сказать? возразилъ Саксень, надменно.

— Отвѣтъ очень простой, сказалъ конторщикъ, снова принимаясь за писаніе:—вашего «новаго сухопутнаго общества» въ Александріи нѣтъ и не бывало.

— Но я положительно *знаю*, что есть здѣсь компанія, называющаяся этимъ именемъ.

Конторщикъ пожалъ плечами.

— Ну, и прекрасно, сказалъ онъ:—коли знаете, такъ чего же вамъ болѣе?

И онъ возвратился къ своему троякому занятію.

Въ эту минуту отворилась маленькая стеклянная дверь, и изъ нея вышелъ лысый господинъ почтенной наружности.

— Вы, кажется, спрашиваете, сказалъ онъ, влкаясь путешественникамъ:—о какомъ-то коммерческомъ учрежденіи? Если вы мнѣ позволите сказать свое мнѣніе, то я бы посоветовалъ вамъ обратиться къ г. Мельхиседеку. Г. Мельхиседекъ у насъ, въ Александріи, первый коммерческій авторитетъ. Онъ знаетъ все о всѣхъ. Это—человѣкъ съ познаніями неограниченными, и крайне обязательный для иностранцевъ. Лучше вы ничего не можете сдѣлать, какъ обратиться къ г. Мельхиседеку.

— Я такъ и сдѣлаю, сказалъ Саксень:—и крайне обязанъ вамъ за совѣтъ.

— Помилуйте, не за что. Помните же: г. Мельхиседекъ. До-

рогу вамъ всякій уважить. Самъ вице-король не лучше его взвѣ-
стенъ. Имѣю честь кланяться.

Съ этими словами лысый господинъ раскланялся, проводилъ
путешественниковъ до двери и заперъ ее за ними.

— Скажи, пожалуйста, Трефольденъ, сказалъ графъ, когда
они вышли на улицу:—на что тебѣ это «сухопутное общество»?
Это какое нибудь дрянное, неизвѣстное предпріятіе, будь увѣренъ.

— Недолго оно останется неизвѣстнымъ, отвѣчалъ Саксенъ
самодовольно.—Это—великолѣпная штука; и если агенты обще-
ства повуда еще прималчиваютъ, то они на это имѣютъ свои
причины.

— Да ты какъ будто всю подноготную знаешь объ этомъ дѣлѣ,
замѣтилъ графъ въ немаломъ удивленіи.

— Да, таки знаю кое-что.

— Нивакъ акцій накупить собираешься?

— Уже купилъ ихъ на весьма значительную сумму.

Лицо графа вытанулось, но онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія.



КУЗЬКА,

МОРДОВСКИЙ БОГЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ИСТОРИИ МОРДОВСКАГО НАРОДА.

Статья третья.

—

X.

Въ тотъ же день, около солнечнаго заката, Кузька-богъ велѣлъ позвать къ себѣ въ келью чередную Афросинью на послушаніе. Афросинья, признавая въ Кузькѣ-богѣ, наравнѣ съ прочими мордами, сверхъестественную власть, благоговѣла передъ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ненавидѣла его, какъ разлучнига ея съ Пахомомъ. Особое чутье, столь свойственное женскому полу всѣхъ націй и на всѣхъ ступеняхъ развитія, дало знать Афросинѣ, что она служить для народнаго владыки предметомъ особеннаго благоволенія. По крайней-мѣрѣ, молодая послушница, при входѣ къ Кузькѣ-богу, уже не чувствовала прежней робости. Афросинья и Кузька-богъ остались наединѣ.

— Всѣ твои прежніе грѣхи, началъ Кузька-богъ необыкновенно мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:—ангелы подглядѣли, да пересказали мнѣ съ Христосикомъ; я углянѣлъ Христосика простить тебя, а Христосигъ сперва посерчалъ немного на васъ съ Пахомомъ-сироткой, да таки вычеркнулъ всѣ ваши грѣхи изъ большой книги—вотъ ты и стала теперь опять дѣвица чистая, непорочная. Нонѣшній день Пахомъ покрылъ вѣнцомъ свои грѣхи смѣртныя, а ты будешь замаливать за свои грѣхи въ монастырской келейкѣ. Черезъ годъ въ другое лѣто твоя петенья (эпитимія) кончится: въ судьбахъ божіихъ написано мнѣ въ эту пору овдовѣть, а тебѣ быть моею законной женой; а на томъ свѣтѣ ты оборотишься прекраснымъ ангеломъ, да станешь летать на крылошкахъ по вольному свѣту. Моей будущей вѣковѣчной сожительницѣ вотъ отъ меня и подарочекъ.

Не давъ Афросинѣ выговорить ни одного слова, Кузька-богъ надѣлъ ей на шею сустугъ изъ двадцати-пяти золотыхъ полуимперіаловъ; потомъ, снявъ съ пальца ея правой руки оловянный перстень, выбросилъ его въ окно и вмѣсто него надѣлъ золотой перстень съ драгоценнымъ глазкомъ; выскинувъ изъ ушей ея мѣдныя серьги, онъ при ея содѣйствіи вдѣлъ серьги золотыя съ блестящими подвѣсками. Афросинья не противилась: вѣдь не ходить же ей безъ перстня, да безъ серегъ.

Афросинья не понимала, для чего все это съ ней дѣлается — понимала только, что ея Пахомъ обвинчанъ на другой, а она осуждена за свои грѣхи на монастырское затворничество и на невольное покаяніе. Афросинья думала, что сейчасъ начнется скучное моленье по чотвамъ подъ непонятное чтеніе Кузьки-бога, но не тутъ-то было; Кузька богъ, задобившій дѣвушку подарками и раздраженный прикосновеніями къ ея тѣлу, началъ улещать ее и склонять на любовную съ нимъ связь. Куда дѣвалось грозное величіе Кузьки-бога, предъ которымъ трепеталъ цѣлый народъ? Онъ теперь не болѣе, какъ простой смертный, увивающійся около своей любимицы. Лукавый сластолюбецъ старался сперва расположить въ пользу грѣха совѣсть дѣвушки; онъ увѣрялъ Афросинью, что связь съ нимъ есть дѣло безгрѣшное, что входъ въ рай зависитъ отъ его власти; тамошнія радости онъ описывалъ въ самыхъ живыхъ и увлекательныхъ образахъ и очень лукаво замѣчалъ, что ангельскія крылошки очень хорошо пристанутъ къ пригожей Афросинѣ, и что ей будетъ очень весело летать по всему свѣту. Обольщая свою любимицу, Кузька-богъ самъ увлекся своей страстью, противъ своей обычной скрытности открылъ Афросинѣ всѣ свои чувства, и сказалъ ей напрямикъ, что онъ жить безъ нея не можетъ, что онъ любитъ ее смертельно. Догадывая Афросинья поняла, что она изъ мордовскаго бога можетъ вить веревочки, и въ обращеніи съ нимъ стала по-смѣлѣе.

Кузька-богъ, употребивъ всѣ способы обольщенія, на которые былъ необыкновенно изобрѣтателенъ, не добился, однако, отъ твердой Афросиньи никакого толку. Афросинья сказала ему рѣшительно, что коли судьба разлучила ее съ Пахомомъ, такъ она уже не будетъ любиться ни съ кѣмъ на свѣтѣ, и что если Кузька-богъ что подѣлаетъ надъ ней непригожее, она сейчасъ же убѣжитъ на Святой Ключъ и въ немъ утопится. Кузька-богъ сдѣлалъ усиліе, чтобы сдержать свои вожелѣнія, съ важностью приказалъ Афросинѣ молчать о происшествіи этого вечера подъ угрозой попасть заживо въ могилу, и отпустилъ ее съ послушанія ранѣе обыкновеннаго.

Афросинья воротилась съ своего перваго послушанія въ монастырь въ такое время, когда подруги ея еще не ждали, судя по своимъ собственнымъ ночнымъ послушаніямъ. На бѣдную посыпались нескромныя шуточкы, которыя раскрыли передъ ней истинное свойство послушанія дѣвицъ. Запирательство Афросиньи подруги находили вовсе несоотвѣтственнымъ съ богатыми подарками, такъ скоро добытыми, и прохихивали надъ ней до первыхъ кочетовъ (пѣтуховъ). Подъ хохоть подругъ Афросинья обдумывала свое положеніе.

Неудачное послушаніе Афросиньи только разлакомило сладострастнаго и влюбленнаго Кузьку-бога, который не переставалъ ее преслѣдовать и напѣвать ей оболстительныя пѣсенки. Затѣяныя общественныя дѣла стали казаться Кузькѣ-богу уже медвѣдемъ, и онъ бѣольшую часть времени проводилъ на священной полянѣ, гдѣ изыскивалъ частые случаи видѣться съ Афросиньей то при свидѣтеляхъ, то наединѣ, и очертя свою голову, пилъ сладкую отраву сердца. Но коса нашла на камень. Энергичная дѣвушка, воспитанная матерью-природой, крѣпко стояла за свою честь и свободу, и не хотѣла продавать своей взаимности ни за подарки, ни за лесть, ни за какія выгоды; она рассчитала, что если сдаться Кузькѣ-богу, онъ будетъ держать ее крѣпко въ своихъ рукахъ и возвратъ ея въ міръ будетъ для нея невозможнымъ; она чаялась вовсе отбиться отъ ненавистнаго деспота и довести его до того, чтобы онъ искалъ себѣ другую, болѣе стоворчивую любовницу, и рѣшилась противиться ему до послѣдней возможности. Между тѣмъ и Кузька-богъ, столкнувшись съ пріятствіями, не думалъ отступать передъ ними, да и не могъ этого сдѣлать по своей натурѣ. Стойкость простой соплеменной мордовонки Афросиньи за свою честь, непреклонность ея характера, ея неподатливость на всѣ посулы и обѣщанія, ея равнодушіе ко всѣмъ внѣшнимъ выгодамъ предлагаемой связи, при ея рѣдкой внѣшней красотѣ — дѣлали ее въ глазахъ Кузьки-бога существомъ необыкновеннымъ и тѣмъ болѣе привлекательнымъ. Роковая привязанность Кузьки-бога дѣлала страшныя успѣхи, такъ что красавица стала, наконецъ, для него насущной, необходимой, жизненной потребностью наравнѣ съ воздухомъ, пищею, свѣтомъ. Кузька-богъ во второй разъ въ своей жизни познакомился съ изнурительной бессонницей и съ терзаніями неудовлетворяемой любви. Но онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, отъ которыхъ ничто на свѣтѣ не отбивается—и тѣмъ, что не давалось ему по доброй волѣ, онъ надѣялся овладѣть хитростью.

Въ началѣ осени, по уборкѣ хлѣба съ полей, назначено было на священной полянѣ мордовское моленье. Во время моленья

былъ введенъ новый обрядъ: Афросинья, въ монашескомъ под-
расникѣ, въ черной камилавкѣ на головѣ и съ золотымъ сусту-
комъ на груди, чинно стояла на священномъ возвышеніи, по-
временамъ принимая изъ рукъ и подавая въ руки Кузьки-бога
его писанный (изукрашенный) посохъ; этотъ обрядъ, очевидно,
былъ заимствованъ изъ архіерейскаго служенія. Новый обрядъ
придавалъ много благолѣпія Кузькину служенію и былъ по вкусу
мордовскому народу: со стороны казалось, будто это рисуетса
на священномъ возвышеніи стройная фигура прекраснаго ангела,
прислуживающаго Кузькѣ-богу; а нѣкоторые мордва, незнавшіе
лично Афросинью, приняли-было ее за дѣйствительнаго ангела.
Кузьба-богъ во время служенія былъ въ полномъ одушевленіи,
и исполнялъ свою роль превосходно.

Служеніе Кузьки-бога, въ которомъ Афросинья принимала дѣ-
тельное участіе, произвело на суевѣрную дѣвушку глубокое впе-
чатлѣніе. Почти божескія почести, воздаваемыя цѣлымъ родствен-
нымъ народомъ родственному лицу, открытіе передъ нимъ тайнъ
самыхъ сокровеннѣйшихъ, послушаніе ему самой природы, его
дружескія сношенія со всѣми небесными властителами и власть
надъ всѣми шайтанами убѣдили Афросинью, что она одна во
всемъ свѣтѣ противится волѣ всемогущаго мордовскаго бога.
Самъ Кузька-богъ, истощивъ бесплодно передъ любимицей всѣ
ласки и обольщенія, перешелъ, наконецъ, къ угрозамъ: онъ стра-
щаль ее запереть въ темный погребъ до той поры, какъ она
будетъ его законною женою; сулилъ ей сотни притокъ, клянчанье,
потерю красоты, преждевременную старость, обороченье въ
свинью, собаку, лягушку и т. п. Афросинья была доведена до
того, что, наконецъ, рѣшилась-было покориться судьбѣ своей и
отдаться народному владыкѣ; но вдругъ ее посѣтили въ мона-
стырѣкѣ мать съ сестрой, и Афросинья снова воспротивилась.
Кузька-богъ никакъ не воображалъ, чтобы двѣнадцатилѣтняя дѣ-
вочка смыслила поддерживать взаимныя сношенія между своей
сестрой Афросиньей и сироткой-Пахомомъ, и дозволилъ говорить
имъ между собой, о чемъ и сколько имъ было угодно наединѣ
безъ свидѣтелей; обласкавъ дѣвочку, онъ даже подарилъ ей су-
стукъ въ пять цѣлковыхъ, пять полтинниковъ, пять четвертач-
ковъ, пять двугривенныхъ, пять пятачковыхъ, пять гривеннич-
ковъ и пять пятачковъ, нанизанныхъ такимъ образомъ, что круп-
нѣйшія серебряныя монеты приходились на самой груди, а мель-
чайшія поднимались постепенно по сторонамъ. Хитрая дѣвочка
успѣла передать сестрѣ тоску-кручину Пахома и отъ него по-
клонъ до сырой земли. Сердце Афросиньи снова запросило ми-
нувшихъ радостей; она возненавидѣла злодѣя-разлучника болѣе

прежняго и пыталась вырваться изъ постылаго монастырька. Поручивъ сестрѣ Наташѣ передать Пахому всѣ свои надежды и опасенія, Афросинья осторожно приступила къ дѣлу.

— Если ты, Кузя-богъ, взаправду меня любишь больно-на-больно, такъ отпусти меня отсюда къ моему родному батюшкѣ, да къ моей родной матушкѣ, жалобно умоляла Кузьку-бога Афросинья, когда тотъ изъяснялся ей въ своей любви: — коли придетъ время, ты можешь взять меня и оттуда, отъ твоей власти я николи не уйду. Не то будь милосливъ, инъ-пошли ужъ ко мнѣ скорого сосланика (то-есть смерть).

— Тебя выбралъ сюда не я, а самъ Христосикъ, чтобы спасти твою душеньку. А теой сосланикъ еще не народился; да хопъ бы и былъ онъ, такъ у него не поднялись бы руки на твое неглядное пригожество.

Новья лести со стороны Кузьки-бога, новая непокорность со стороны Афросиньи. Бесплодное вздыхательство, наконецъ, надоѣло Кузькѣ-богу; притомъ онъ чувствовалъ, что у него тупѣть голова и валится изъ рукъ всякое дѣло; онъ опасался, какъ бы не сдѣлать какой глупости, которая могла бы разомъ испортить затѣянное имъ великое дѣло. Вышедши окончательно изъ терпѣнія, Кузька-богъ рѣшился на отчаянное дѣло, или овладѣть своей зазнобушкой, или погубить ее вмѣстѣ съ Пахомомъ.

Въ эти моменты интересной исторіи знаменитаго мордвина, очевидно, столкнулись въ борьбѣ равносильныя страсти; Кузька-богъ не сомнѣвался, что причина необыкновенной несговорчивости Афросиньи заключалась въ ея необыкновенной любви къ Пахому; ему было извѣстно и то, что внушенія сердца всегда сильнѣе разсудка. Афросинья, получивъ отказъ въ возвращеніи къ первобытному мірскому житію, стала канючить передъ Кузькой-богомъ, чтобы онъ отпустилъ ее на село, по брайней-мѣрѣ, на одну ночь. Кузька-богъ обѣщаль отпустить ее черезъ три дня. Той порой онъ успѣлъ наказать своей честной Пятницѣ, еще невышедшей замужъ, чтобы тайно слѣдила за движеніями непорочной Афросиньи, покуда послѣдняя гостить въ Кужадонѣ; независимо отъ этого распоряженія онъ надавалъ опостолу Григорію кучу дѣлъ въ томъ же Кужадонѣ, при исправленіи которыхъ опостоль былъ обязанъ въ теченіе назначеннаго времени тайно слѣдить за движеніями Пахома-сиротки. Пятница и опостоль знали каждый только свое дѣло, не имѣя понятія о томъ, что одна содѣйствуетъ другому; каждому изъ нихъ дана особая инструкція, и ни который изъ нихъ не зналъ истинной цѣли порученнаго надзора.

Наступила суббота—ясный сентябрьскій день. Уволенная Афро-

синья, одѣтая въ свою прежнюю національную одѣжу, словно узникъ, вырвавшійся изъ темницы, спѣшила въ свою родную деревушку въ сопровожденіи старицы, которая два посѣвала за своей послушницей. Вотъ онѣ въ домѣ Панягина. Начались родственныя объятія, поцалун и слезы, при которыхъ не забыто и обычное завываніе мордovieвъ. О появленіи Афросиньи домою словно кличъ прокликали по всей деревнѣ — въ избу Панягина повалили родственники, друзья и знакомые; впереди всѣхъ юлила Степанида-солдатка. Въ числѣ навѣстившихъ Афросинью были и русскія дѣвушки—ея подруги: послѣднихъ увѣрили, что Афросинья гостила у родственниковъ въ мордовской деревнѣ Романыхъ. При наступленіи ночи Степанида, по инструкціи Кузьби-бога, спряталась на дворѣ Панягина въ такомъ мѣстѣ, откуда ей можно было сторожить входящихъ и выходящихъ изъ дому. Бакулинъ не менѣе исправно исполнялъ данное ему препорученіе. Чувства зрѣнія и слуха, въ высшей степени изощренныя во время занятій его воровствомъ, позволяли ему, занимаясь посторонними дѣлами, не упускать изъ виду ни на одинъ часъ Пахома. Не зная лично Наташи, сестры Афросиньиной, Бакулинъ не обратилъ вниманія на то, что она имѣла съ Пахомомъ словесныя объясненія. По наступленіи ночи опостолъ забрался въ такое мѣсто, откуда могъ замѣчать за Пахомомъ.

Наступила глубокая осенняя ночь, столь темная, что зоркіе глазаньки самихъ Христосиковыхъ ангеловъ не могли различать предметовъ. Гдѣ-то прокричалъ пѣтухъ; изъ дома Панягина зашелестило по двору какое-то живое существо, которое, чуть не задѣвъ за носъ Пятницы, прошло черезъ заднія ворота въ огородъ. Пятница, затаивъ дыханіе, пробиралась за нимъ вдоль огорода до самой сѣнницы, въ которой оно и пропало. Одновременно съ этимъ изъ избышки Пахома выходитъ неразличимое живое существо, которое заворотило за усадьбы, и исчезло тоже въ сѣниці. Бакулинъ пробирался въ слѣдъ за нимъ, и чтобъ узнать, чья это сѣнница, воткнулъ возлѣ нея пруть, поправшійся подъ руку. То были Пахомъ и Афросинья, пришедшіе въ сѣнницу на условленное свиданіе. Очувтившись другъ подлѣ друга, молодые люди забыли все на свѣтѣ, и грознаго Кузьку-бога, и могли на священной полянѣ, и летающихъ по свѣту ангеловъ. Поутру жена Пахома, обрадованная внезапнымъ обогащеніемъ, прожужжала уши своимъ сосѣдямъ, что ея Пахомъ поднялъ на дорогѣ четыре золотыя монеты, и всѣ съ дырочками.

Въ воскресенье не было мордовскаго моленья; Афросинья, прибивъ на священную поляну, долгимъ дневнымъ сномъ вознаградила ночь, проведенную безъ сна. Вечеромъ, двадцать-пять морд-

вовъ вырыли пятую могилу, которая приходилась въ срединѣ пространства между монастырькомъ и избой Кузьки-бога. Могильщики уже удалились, поляна была пуста; на могильной насыпи рисовалась во тьмѣ ночной зловѣщая фигура Кузьки-бога, который приказалъ явиться сюда Афросиньѣ. Вскорѣ робко приблизилась къ нему трепещущая дѣвушка. Подъ ними страшно зила мрачная могила.

— Цѣль ли у тебя сустукъ, что я подарить тебѣ — будущей моей вѣковѣчной сожигательницѣ? грозно спросилъ Кузька-богъ.

— Четыре золотыхъ я подарила сестреночкѣ Натальѣ, дрожащимъ голосомъ отвѣчала Афросинья: — отпусти меня, Кузя-богъ, въ Кузадонъ, я ихъ ворочу тебѣ, коли надо.

— Не въ томъ дѣло. Нонѣшней ночью ангелы Христосиковы подглядѣли, да повѣстили мнѣ, что вы дѣлали съ Пахомомъ-сироткой въ сѣнницѣ; а въ большой книгѣ у Христосика стало написано: «Афросинью съ Пахомомъ завтра въ полдни связать да закопать живыхъ въ эту могилу».

Кузька-богъ говорилъ строго, но нерѣшительно. Афросинья знала, что онъ непреклонно твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ, и не давалъ двухъ разныхъ словъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Его грозное и невозвратное опредѣленіе, равное опредѣленію самой судьбы, было готово слетѣть съ его устъ. Афросинья была теперь въ самой срединѣ между горькой жизнью и страшной смертью. Чувство самосохраненія не только за себя, но за безвѣрно-любимаго человѣка, сдѣлало ее сговорчивою и находчивою. Медлить было опасно. Единственный способъ спасенія мелькнулъ въ головѣ Афросиньи — это тотъ самый, на который и рассчитывалъ Кузька-богъ.

— Кузя-богъ, я твоя... твоя до конца жизни, сказала Афросинья рѣшительнымъ тономъ, и не давъ Кузькѣ-богу опомниться, впилась своими охладѣвшими устами въ его мохнатые губы.

Кузька-богъ увлекъ ее въ свою избу, и она отдалась ему безъ сопротивленія...

Въ любовномъ совѣтѣ, подъ вліяніемъ очаровательницы опредѣлено, что честной Пятницѣ и вѣрному опостоду отъ излишняго усердія къ порученному дѣлу померещилось многое небывалое, что ангелы въ темнотѣ обознались, принявъ совѣмъ другихъ людей за Афросинью и Пахома; Кузька-богъ взялъ на себя заботу, чтобы страшное опредѣленіе закопать въ могилу двоихъ невинныхъ человѣкъ, было вычеркнуто изъ книги судебъ; вмѣсто убитыхъ четырехъ золотыхъ монетъ, былъ выданъ Афросиньѣ цѣлый десятокъ другихъ, съ правомъ дарить ими тѣхъ, кто милъ душѣ ея. Каждое желаніе Афросиньи было для Кузьки-бога закономъ,

кромѣ котораго онъ не признавалъ надъ собою никакого другого; изъ своей неограниченной власти надъ страстнымъ любовникомъ Афросинья не дѣлала такихъ злоупотребленій, которыя вредили бы его затѣянному великому дѣлу, и вообще не вмѣшивалась въ дѣла, лично до нея некасающіяся. Кузька-богъ чувствовалъ себя наисчастливейшимъ человекомъ, и это нисколько не расслабляло и не дѣлало его тупымъ и вялымъ, а напротивъ, служило для него источникомъ неистощимой энергіи.

Въ десять недѣль было вырыто и зарыто десять могилъ, которыя начинались отъ избы Кузьки-бога, и ровной непрерывной полосой тянулись къ одному изъ заборовъ сарая, гдѣ и оканчивались. Несмотря на грозное ихъ назначеніе, въ нихъ не было погребено ни одного живого существа. Тайны священной поляны были обезпечены отъ огласки; а еслибы онѣ и огласились, очевидная строгость и цѣломудренность Кузьки-бога сдѣлала бы ихъ невѣроятными для народа. Въ сущности, могилы эти имѣли такое назначеніе, о которомъ никто не могъ и подумать. Передъ зарытіемъ каждой могилы, опускались во всю ихъ длину обширные гроба, которые, за неимѣніемъ виновныхъ людей, будто бы наполнены были наловленными по бѣлу свѣту злыми притками, провинившимися лѣшими, непослушными домовыми и т. п. По глубокому дну могилъ, протянулось такимъ образомъ въ десять недѣль десять пустыхъ и прислоненныхъ другъ къ другу гробовъ; поперечныя перегородки у оконечностей гробовъ были съ намѣреніемъ вставлены слабо, и могли быть вынуты безъ большого затрудненія. Изъ подполья Кузькиной избы была сдѣлана въ уровень съ гробами потайная, маленькая дверь; послѣдній гробъ былъ опущенъ подъ двойнымъ заборомъ сарая; въ промежуткѣ этого забора былъ устроенъ скрытый выходъ, и въ обѣихъ стѣнахъ незамѣтныя калитки — одна во внутренность сарая, другая — наружу. Такимъ образомъ, отъ кельи Кузьки-бога до сарая былъ приготовленъ подземный ходъ, назначенный для спасенія Кузьки-бога, еслибы русское начальство дозналось о его проказахъ, и проникло въ расплохъ на священную поляну. Вся работа производилась мордвами безъ всякихъ дальнѣйшихъ размысленій и догадокъ; самъ Мокей, спускавшій въ могилы пустые заколоченные гроба, не вникъ въ ихъ дѣйствительное значеніе, принимая могилы за дѣйствительныя могилы, и гроба — за дѣйствительные гроба съ нечистой силой. Кузька-богъ какъ не надо лучше обезопасилъ свою свободу и жизнь, нисколько не запатнавъ своей репутаціи передъ народомъ.

Люба до безумія свою очаровательницу, Кузька-богъ, среди упоеній любви, постепенно раскрывался передъ нею въ своемъ

истинномъ свѣтѣ и давалъ Афросиньѣ понять, что онъ есть не болѣе, какъ искуснѣйшій шарлатанъ. Это послужило Афросиньѣ исходной точкой для ея послѣдующихъ дѣйствій. Узелъ вѣры и священнаго благоговѣнiя къ лицу насильно-любимому самъ собою развязался; узелъ Пахомова брака, насильственно устроеннаго, казался достойнымъ того, чтобы хоть тайно порывать его при всякомъ удобномъ случаѣ. И Афросинья, имѣя Кузьку-бога у себя всегда на привязи, начала тѣмъ, что суровую свою старицу смѣнила на здоровавшую тридцати-пятилѣтнюю односельку вдову, которая была бездѣтна, очень бѣдна и имѣла въ родномъ Кужадонѣ свою зазубу въ лицѣ отставнаго солдата, любившаго получать отъ своей любовницы угощенiя и мелочные подарки. Тщетно Кузька-богъ представлялъ владычидѣ своего сердца всѣ способности этой женщины къ исправленiю предполагаемой должности, тщетно указывалъ на ея предосудительную связь — Афросинья настаивала, что непременно надобно спасти погибающую душеньку этой женщины, и поставила на своемъ: прежняя старица была обращена въ первобытное состоянiе и уволена къ своимъ внучатамъ и правнучатамъ съ должною наградою за службу, а на ея мѣсто была принята предлагаемая мордовка. Имѣя общiе сердечные интересы въ одной родной деревушкѣ Кужадонѣ, Афросинья съ новой старицей повели вдвоемъ дѣло очень удачно. Отлучки ихъ домой были довольно часты, а предлоги отлучекъ были очень благовидны. Кузька-богъ во всякомъ случаѣ былъ чуть не всевидящъ; но въ своихъ отношенiяхъ къ Афросиньѣ онъ не видѣлъ даже того, что было у него подъ носомъ. Бури подозрѣнiй были укрощаемы притворной лаской; страшные взрывы ревности вмгъ утихали отъ фальшиваго поцалуя. Случалось, что свиданiя съ Пахомомъ устраивались въ самомъ гнѣздѣ владычества Кузьки-бога, въ его собственной пзбушкѣ, разумѣется, во время его отлучекъ съ священной поляны.

Бывали мнпнуты, что Кузька-богъ, достигшiй исполненiя завѣтнѣйшихъ своихъ желанiй, готовъ былъ вовсе прекратить моленье и жертвоприношенiя на священной полянѣ и ограничиться ролью святаго человѣка, чтобы пзбавиться отъ риска попасть подъ плуть и въ каторгу; но онъ въ этомъ отношенiи уже зашелъ такъ далеко, что возвратъ былъ невозможенъ. Убѣдившiйся народъ требовалъ существующаго порядка вещей; въ противномъ случаѣ, вмѣсто плута и каторги Кузькѣ-богу предстояла меньшая опасность быть разорваннымъ на части имъ же созданными фанатиками: Кузька-богъ чувствовалъ, что между этими двумя опасностями плѣтъ середины. Не менѣе онъ чувствовалъ и то, что

его обладаніе Афроспнѣей основано на скользкомъ основаніи его божескаго достоинства. Чтобы съ одной стороны по возможности предотвратить, или по крайней-мѣрѣ отдалить, свою вѣроятную бѣдѣ, а съ другой стороны чтобы свое дѣло не пустить въ преждевременную огласку и исподволь дать ему обширнѣе размѣры съ вѣрными средствами, Кузьба-богъ прекратилъ народныя сходбища для моленья на всю зиму, и это удалось ему безъ труда.

Однакоже Кузьба-богъ на ту пору не оставался безъ дѣла. Чудодѣйствуя именемъ вышнихъ силъ въ предѣлахъ терюханскаго населенія, которое все признало новую вѣру, онъ рѣшился открыть сношенія съ мордвами ясачными. Первый опытъ распространенія своей вѣры между ясачными мордвами Кузьба-богъ препоручилъ проповѣсть Бакулину, и снабдивъ его инструкціями, отпустилъ его въ путь-дорогу. Подъ видомъ закуски нѣкоторыхъ предметовъ по разнымъ селеніямъ, Бакулинъ проникъ въ первое мордовское ясачное селеніе Ревезень на берегу за Пьяной. Чудотворенія Кузьмы-терюханина были уже извѣстны и здѣсь. Хитрый агентъ успѣлъ подбитыя къ вліятельнѣйшимъ мордвамъ и очень осторожно началъ внушать имъ двухперстный крестъ, отсутствіе въ запахахъ божьей благодати и т. п. Ясачные мордва были окружены исключительно православными русскими, и такое ученіе показалось для нихъ неслыханной новостью; самъ проповѣдникъ-терюханинъ, въ несходственной одеждѣ, съ особымъ выговоромъ и съ едва понятной рѣчью, казался ясачнымъ мордвамъ человѣкомъ чуждымъ и пришлымъ; несоблюденіе приличій и обрядовъ, утвердившихся въ мордвахъ ясачныхъ и вовсе неизвѣстныхъ терюханамъ вслѣдствіе долговременной разрозненности тѣхъ и другихъ, дѣлало Бакулина въ глазахъ ясачныхъ человѣкомъ страннымъ и невѣжественнымъ. Словомъ, новое ученіе не привлекло на чуждой и неподготовленной почвѣ, и дальнѣйшая его проповѣдь легко могла упрятать мисіонера въ тюремный замокъ. Бакулинъ воротился къ своему владыкѣ не съ чѣмъ. Впрочемъ, нѣкоторые ясачные мордва изъявили готовность посѣщать терюханъ по торговымъ дѣламъ, и Кузьба-богъ еще не считалъ свое дѣло въ этомъ отношеніи вовсе пропадшимъ.

XI.

При взаимной выручкѣ хлѣбомъ и деньгами, мордва-терюхане провели зиму безъ особенной нужды; тайная милостыня, творимая въ большихъ размѣрахъ и не отвлекая бѣдняка отъ занятій, избавила многія семейства отъ неминуемой и непоправимой бѣд-

ности. Имя Кузи-бога было благословляемо отъ истоковъ Серёжи до береговъ Кудьмы. Благодарные мордва положили совершить моление на священной полянѣ ранней весной, какъ только сольютъ рѣки и земля просохнетъ.

На страстной недѣлѣ этого года всѣ рѣки прошли, земля просхла, удобство сообщенія возстановилось; озими вскрылись превосходныя. По всѣмъ мордовскимъ селеніямъ дана тайная повѣстка, что моление на святой полянѣ будетъ въ великій четвергъ. Назначенный день наступилъ. Благодарные мордва не поскупились на жертвы, чтобы снискать благоволеніе къ себѣ вышнихъ силъ и на будущее время. Во время моления прислуживала по-прежнему Афросинья, какъ будто еще болѣе похоропѣвшая противъ прежняго: ея лицо, неподвергаемое долговременному дѣйствію вѣтра, холода и солнечнаго зноя, приобрѣло какую-то прозрачную бѣлизну и свѣжесть; ея руки, избавленныя отъ черной работы, были чисты и нѣжны. По окончаніи всѣхъ обрядовъ Кузьва-богъ произнесъ къ народу слѣдующую рѣчь:

— Почтенные старички и всѣ вы православные мордва люди-боговы! Съ завтрашняго дня вы всѣ, и малый и большой, у кого есть лошадушка, выѣзжайте въ поле. Пашите, не лѣнитесь — Христосикъ обѣщаль уродить конѣшній годъ всякаго хлѣба вволю за то, что вы насъ съ ними не забываете (ораторъ указалъ рукою на образъ). Кто посѣетъ ленку, тотъ будетъ съ большими деньгами: ленокъ уродится лучше всѣхъ хлѣбовъ. Да смотрите, Христосикъ до смерти не любитъ, какъ православные празднуютъ на нужно время больше одного дня. Придетъ пасха Христосикова—вы одинъ первый денекъ такъ и быть погуляйте да отдохните, а въ другіе-прочіе дни въ поле на работу. Станутъ приставать попы: зачѣмъ-де вы работаете въ пасху—отсылайте ихъ къ старикамъ, а сами съ поля не уѣзжайте, работайте да работайте. Помяните мое слово: у русскихъ яровинка будетъ пустая да тошая, а у мордвовъ людей-боговыхъ будетъ колосистая да зернистая. У кого нѣтъ яровыхъ сѣмянъ, тотъ займи ихъ у дяди Мокея за малѣнку малѣнку съ четвертью до урожая.»

Въ бесѣдѣ съ стариками, представителями мордовскихъ деревень, Кузьва-богъ далъ наказъ, чтобы поповъ повѣт досыта виномъ и отдавать имъ по золотому съ важдаго селенья, коли они станутъ запрещать въ пасху полевую работу; да кромѣ того предложить имъ, не согласятся ли они, не ходя въ пасху по домамъ съ молебнами, получать все то, сколько у нихъ обложено съ важдаго дома: если согласятся, старики пусть соберутъ съ домовъ короваи, жито, лица и деньги, и отдадутъ попамъ, чтобы не тревожить православныхъ съ полевой работы.

Пришла пасха. На второй день всё мордва выехали в поле на работу. Попы, узнавъ о нарушении праздника, прибыли в мордовския селения и требовали прекращения работы. Прежде всего имъ воспослѣдовало велие угощеніе и кромѣ того золотой полуимперіаль; затѣмъ предложено имъ, не служа молебновъ, получить все, что слѣдовало за молебны. Угостившіеся попы съ радостію согласились на такое благое дѣло, нагрузили воза печенымъ хлѣбомъ, житомъ и яицами, а карманы деньгами, потомъ допили то, что было не допито, и съ веселіемъ отправились восвоися, радуясь тому, что нашли мордвовъ-дураковъ, которые безъ пѣнья молебновъ платятъ за молебны. А мордва-дураки себѣ на умѣ—на нужную пору работаютъ да работаютъ, чтобы погулять въ досужное время.

Пасха прошла. Русскіе крестьяне, излѣнившись въ эту недѣлю, нѣхота выѣзжаютъ въ поле и пахутъ полуруками, между тѣмъ какъ у мордвовъ яровныя поля уже покрылись зеленью. У мордвовъ ужъ галка спрячется въ яровомъ, а у русскихъ яровое лишь только всходитъ. Пророчество Кузьки-бога видимо сбывалось, и мордва не поскупились на жертвы и приношенія во время моленья, которое происходило по окончаніи ярового посява.

Насталъ июнь съ жарамъ и засухою. Яровныя поля у русскихъ, поздно-засѣянные и мало выросшія, не выносили засухи и гибли невозвратно, межъ тѣмъ какъ мордовскія яровныя, поросши высоко и густо и увлажаясь ночными росами, мало-мальски противостояли засухѣ. Но дожда не было и не было, и предстояла всеобщая опасность новаго неурожая и новой голодухи. Мордва обратились къ Кузькѣ-богу съ просьбою о дождѣ и не давали ему покоя. Чтобы избавиться отъ докукъ и выиграть время, Кузька-богъ окончательно переселился на священную поляну, но и здѣсь ему не было покоя: мордва буквально преслѣдовали своего бога и каждый день толпами приходили къ нему на поляну ванючить о дождѣ. Въ народѣ открылся наконецъ ропоть, который готовъ былъ превратиться въ ярость неукротимую.

Кузькѣ-богу пришли плохія шутки. Онъ достаточно зналъ древній наслѣдственный обычай мордовскаго народа—казнить своихъ боговъ-идоловъ за неисполненіе настоятельныхъ требованій и за постигшія несчастія. Было болѣе чѣмъ вѣроятно, что и Кузьку-бога постигнетъ не лучшая участь, если онъ не склопочетъ имъ дожда во-время. Кузька-богъ, находясь въ столь затруднительномъ положеніи, пустился на выдумки.

— Почкенные старички и всё вы мордва люди-боговы! сказалъ онъ въ одинъ день съ своего возвышенія многочисленной толпѣ мордвовъ, пришедшей къ нему на поляну просить о дождѣ и

видимо приплавшей грозное положеніе.—Завтра чѣмъ свѣтъ я пойду на небо къ Христоску за дождемъ, а вы счастливо оставайтесь здѣсь да живите смиреню, не воруйте, не пьянствуйте, не буяньте, не ругайтесь, не деритесь, а всегда будьте за дѣломъ. А коли я сошлю вамъ дождя, приходите сюда насъ съ ними благодарствовать. У васъ есть обычай, коли иѣтъ бога, своевольничать — такъ чтобы этого не было; не то не видать вамъ дождя до Семѣна дна» (1 сентября).

Толпа, довольная обѣщаніями Кузьки-бога, удаллась. Передъ путешествіемъ на небо Кузька-богъ простился съ Афросиньей и распустилъ свой монастырекъ на цѣлую педѣлю. Хозяинничать въ своей кельѣ онъ поручилъ своему сыну съ женой послѣдняго. Имъ было наказано каждый день по три раза ставить пищу и питье въ ямку, вырытую подъ угломъ запертаго сарая, для угощенія невидимокъ ангеловъ-хранителей. Кузька-богъ обѣщался воротиться на священную поляну какъ разъ черезъ сутки послѣ того, какъ выпроситъ дождичка на небѣ; а если въ эту пору не воротится, такъ это будетъ значить, что онъ останется на небесахъ на вѣки вѣчныя. Распорядившись всѣмъ нужнымъ, Кузька-богъ спустился черезъ западную въ подполье, которая была заперта за нимъ крѣпкимъ замкомъ, и оставался безъ вѣсти.

Видя на своихъ поляхъ яровые и паровые посѣвы, готовые погибнуть отъ продолжающейся засухи, каждый мордвинъ на перечѣтъ припомнилъ всѣ свои жертвы, какія онъ принесъ на священной полянѣ, и приходилъ въ ярость. Огромныя толпы недовольныхъ терюханъ искали своего бога сперва въ Макрашѣ, а потомъ на священной полянѣ, чтобы напомнить ему обязанность — жалѣть мордвовъ людей-боговыхъ. «Долой его!» «Какой онъ богъ, что доселева не даетъ намъ дождичка?» «Надо воротиться къ попамъ да поднять святыхъ изъ церкви» — кричали волнушіеся мордва.

— Гдѣ Кузя-богъ? кричала толпа мордвовъ въ разногоспну, окруживъ его келью на священной полянѣ.—Пускай онъ выдетъ къ намъ да скажетъ, когда же мы увидимъ дождичекъ?

— Кузя-богъ чѣмъ свѣтъ (въ такой-то день) ушелъ на небо за дождичкомъ, отвѣчалъ Власъ, сынъ Кузьки-бога.—Ровно черезъ сутки послѣ дождичка онъ безпремѣнно воротится сюда; а коли не воротится, такъ останется на небесахъ во вѣки вѣчныя.

Успокоиваемыя такимъ отвѣтомъ, толпы возвращались, а наиболѣе мордва, мѣняясь другъ съ другомъ, день и ночь молились на святѣ въ пюностаѣ, такъ что на священной полянѣ безпрестанно былъ народъ. Вѣсть о путешествіи Кузьки-бога на

небо облетѣла все терюханское населеніе, которое съ нетерпѣніемъ ожидало, чѣмъ это дѣло кончится.

Въ третью сутки послѣ ухода Кузьки-бога на небо, послѣ полудня накрыла страшная туча, которая, какъ нарочно, прошла все продолговатое терюханское населеніе. Нѣсколько часовъ продолжался проливной дождь, сопровождаемый молніею и оглушительнымъ громомъ. Терюхане не сомнѣвались, что это ихъ Кузьба-богъ работаетъ на небѣ. На другой день, священная поляна наполнилась народомъ, сѣвшившимъ послышными жертвами отблагодарить своего благодѣтеля. Разсыпавшіеся по полянѣ мордва терпѣливо ждали рѣшенія, воротится ли Кузьба-богъ править ими попрежнему, или останется на небѣ во вѣки вѣчные. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ даже происходило совѣщаніе, кого бы выбрать замѣсто Кузи-бога.

Около полудня, бродящіе около сарая мордва услышали крикъ изнутри сарая: «я здѣсь, велите отпереть ворота!» Мордва узнали по голосу Кузьку-бога; тотчасъ на мѣсто прибѣжали Влась съ опостолами, бывшими наготовѣ. Отпертыя ворота открылись, около сгрудилась толпа; въ воротахъ показался Кузьба-богъ въ дорожномъ подрясникѣ, съ котомкой за плечами и съ зазубреннымъ топоромъ въ рукѣ; въ соломенной крышѣ сарая оказалась небольшая дыра, черезъ которую проникалъ сюда дневной свѣтъ, а на противоположной темной стѣнѣ едва видѣлись двѣ бѣлыя прозрачныя фигуры ангеловъ, которая, скользя вверху, пропали на крышѣ. Мокей и Багулинъ, взявъ подъ руки Кузьку-бога, торжественно провели его до вельи, между тѣмъ, какъ прочіе опостолы очищали передъ нимъ дорогу. Черезъ нѣсколько времени, Кузьба-богъ вышелъ въ священномъ облаченіи на возвышеніе, и началось обычное моленье съ жертвоприношеніями. По окончаніи всего, Кузьба-богъ рассказалъ народу о своемъ путешествіи на небо.

— Почтенные старички, и всѣ вы, мордва люди-боговы! Жалѣючи васъ, я давно хлопоталъ для васъ дождичка, не одинъ разъ называлъ съ христосиковымъ ангелами попросить объ немъ Христосика моимъ именемъ; а ангелы каждый разъ говорили мнѣ, что Христосикъ ждетъ меня къ себѣ на небо: ты, дескать, Кузьба-богъ, еще ни разу не навѣстилъ Христосика, а если, дескать, не навѣстишь, такъ не будетъ вамъ дождичка еще четыре недѣли. Дѣлать нечего, во вторникъ, чѣмъ свѣтъ я собрался въ путь-дороженьку, взялъ на всякій случай топорикъ, хлѣбца на

пропитаніе, тридцать золотыхъ деньгами, да пошелъ прямо на закатъ солнца. Шель, шель, шель — анъ встрѣчу мнѣ летять два знакомыхъ ангела.

«— Не ты ли это, Кузя-богъ? Куда это тебя Богъ несетъ?— вскричали они мнѣ.

«— Я самый Кузя-богъ, а иду я на небо, навѣстить Христосика, да попросить у него дождичка православнымъ мордвамъ людямъ-боговымъ. А вы не христосиковы ли ангелы, что бывали у меня не одинъ разъ?

«— Да, это мы самые... Ну, Кузя-богъ, пѣшкомя-то тебѣ дѣлю недѣлю не дойти до неба. Ежели не противно твоей милости, мы послужимъ тебѣ за твою хлѣбъ-соль, отнесемъ тебя версть пять-сотъ къ самому небу. Теперь же намъ досугъ: мы летимъ по наказу Христосика на восходъ солнца, въ Китай, замучить до смерти тамошняго царя за то, что онъ больно лихъ къ мордвамъ людямъ-боговымъ; да дѣлю-то не къ спѣху — мы и тебя понесемъ; и туда къ завтраму поспѣемъ.

— Вотъ два ангела подхватили меня подъ плеча да и полетѣли со мной. Полетять-полетять, да и отдохнуть. Гляжу, небо-то все ниже да ниже, а къ намъ ближе да ближе. Начало ужъ смерваться, какъ мы прилетѣли къ тому мѣсту, гдѣ небо сходится съ землей.

«— Ну, Кузя-богъ, сказали мнѣ ангелы: — счастливаго пути тебѣ желаемъ, а намъ ужъ надо летѣть въ свое мѣсто. Около полдень послѣзавтрашняго дня поспѣшай на это мѣсто; мы, воли въ угоду твоей милости, опять понесемъ тебя на родимую сторонушку.

— Ангелы улетѣли, а я остался одинъ-одинешенекъ. Куда пойдешь ночью въ незнакомомъ мѣстѣ? Я прилегъ возлѣ неба да и уснулъ. Встаю, анъ ужъ разсвѣтало. Гляжу, на ту сторону неба нѣтъ ходу, оно съ нашей землей такъ и срослось. Какъ быть? Я закусилъ немножко, да и ну топоромъ прорубать дыру въ небѣ: ай-ай жестка земля-то небесная; а чаю, будетъ пожестче дуба. Ну, слава-богу, прорубилъ кой-какъ — должно быть, угодилъ на тонкое мѣсто, да и перелѣзъ на ту сторону... Ахъ, православные, какъ тамъ хорошо, небось получше здѣшняго: земля-то небесная бѣлая-набѣлая, словно шупшанъ. А небо-то внизу крутое-раскрутое, словно стѣна каваа, а тамъ пойдетъ положе да положе. Какъ лѣзть? Я взялъ топоръ, да и началъ нарубить ступеньки — насилу беретъ родимую... На одну ступеньку стану, а другую прорубаю; на одну стану, а другую прорубаю: насилу-то добрался до пологаго неба, да такъ измучился, что хошь лечь на дорогѣ. «Да до лежанья ли, молъ, мнѣ? Православнымъ-то очень

нужень дождикъ: дай-ка, мошь, еще попойду, сколько силъ хватить». Вотъ и пошелъ. Шель, шель, шель, ужъ дѣло къ вечеру. Взосель на пригорочекъ — гляжу, въ долинкѣ стоитъ избушка, а къ этой избушкѣ идетъ съ восхода солнышко. Я думаль, что солнышко-то и не вѣдь какая штука — анъ это большой-пребольшой стеклянный шаръ, а внутри шара-то горить толстая-натолстая свѣча куда больше той, что поставлена въ терюшевской церквицѣ передъ милосливой Миколой; его носить по небу рыжій парень, да свѣтитъ на нашу матушку-землю, а небо-то съ этого мѣста пошло ужъ стеклянное.

«— Здорово, красно солнышко! молвилъ я ему. — А гдѣ бы мнѣ этта пройти къ Христосику?»

«— А вотъ прямо-то все поди, Кузя-богъ; а попойдешъ часокъ-другой мѣста — тебѣ встрѣтится мой братище-мѣсяцъ: онъ тебѣ дорогу-то укажетъ.

— Тутъ же, при моемъ видѣннѣ, солнышко взосло въ избушку, да свѣчу-то тамъ и погасило, а я пошелъ дальше. Иду, а ужъ смерклося. Вотъ передо мной сталъ появляться мѣсяцъ, я и пошелъ на него. Вотъ мы съ нимъ встрѣтились; гляжу—лицо знакомое: еще лѣтось онъ былъ здѣсь на святой полянѣ, да посвѣтилъ намъ съ ангелами въ темную ноченьку. Это молодой парень, мекаю, не болѣ лѣтъ двадцати, ходитъ по стеклянному небу, да безпрестанно смотритъ на нашу землю; а рожа-то у парня красная-раскрасная, словно навалѣнный уголь, такъ отъ него и сылетъ.*

«— Здорово, мѣсяцушко! сказала я ему.

«— Здорово, Кузя-богъ!

«— А гдѣ бы мнѣ, этта, мѣсяцушка, найти Христосика?»

«— А вотъ прямо-то поди; да смотри, не сворачивай ни направо ни налѣво, не то заплутаешься. А поди, чай, къ нему за дождичкомъ?»

— Да, за дождичкомъ, мѣсяцушка! А что, далекоуе ли до Христосика-то?

«— Да мекаю, будетъ еще версть двадцать-пять. Христосику, кажись, надо быть, топерича дома. Какъ пойдешъ прямо-то, такъ увидишь новенькія хоромы — тутъ и живетъ Христосикъ. Да я бы велѣлъ тебѣ, Кузя-богъ, почевать здѣсь: время-то ужъ поздненько, да и отдохнуть бы тебѣ пора.

— Я послушался мѣсяца, отошелъ отъ дороги немножо въ сторону, оглянулся — анъ мѣсяцъ, знай, улепетываетъ на закатъ. Вотъ я прилегу подъ кафтанъ, да и уснулъ. Проснулся, анъ те-

* Понятія о солнцѣ и лунѣ заимствованы отъ русскаихъ, и составлены по тому, какъ эти двѣ планеты изображаются на лубочныхъ изданіяхъ.

мень страшная, ни зги божьей не видно, а пѣти падо. Дѣлать нечего, пошелъ по дорогѣ ошупью; попойду-попойду, да пошарю небо-то, не своротилъ-ли я съ дороги. Вотъ вдругъ, примѣромъ, около вторыхъ пѣтуховъ, и пошли прыгать по небу звѣзды, словно искорки. Откуда, молъ, летятъ онѣ? Оглянулся, анъ далеконько позадь меня стоить мѣсяцъ, да калитъ на жаровиѣ сериѣ; накалитъ-накалитъ, да выставитъ, чтобы землѣ-то было видно. А тутъ, какъ приударитъ молотомъ во накаленному-то серпу — звѣзды вотъ такъ по всему небу и поскачутъ. Покудова мнѣ было отъ нихъ свѣтленько, я все шель; а тутъ звѣздочки стали пропадать, я прилегъ на дорогѣ да вздремнулъ немпожко. Встаю, анъ свѣтаетъ; я ну-ка пѣти въ притруску, чтобы поскорѣе дать вамъ дождичка-ка. Гляжу, передо мной новенькія хоромы. Я ну-ка къ нимъ бѣжать, а дѣло было на солнечномъ восходѣ. Вотъ я взошелъ на крылецъ, а тутъ въ сѣни: въ сѣняхъ три косищатыхъ окошечка, а подъ кажнымъ окошечкомъ сидитъ на стулѣ по ангелу.

«— Здравствуйте, умильны ангелы! Не здѣсь ли живетъ Христосикъ?»

«— Добро жаловать, Куза-богъ! Милости просимъ къ Христосику вотъ въ эту дверь.

— Я отворилъ дверь, да взошелъ въ христосикову-то избу. Гляжу, Христосикъ лежитъ на кутникѣ, а его матушка-старушка сидитъ за перегородкой у печи, да вышиваетъ золотомъ, серебромъ и камнями самоцвѣтными. Я помолился Богу, да поклонился на всѣ стороны:

«— Добраго здоровья, Христосикъ-батюшка!

«— Здравствуй, Куза-богъ! Добро жаловать, гость небивальный!

«— Я къ тебѣ, Христосикъ-батюшка, за нужнымъ дѣломъ. Христiane мордва люди-боговы одолѣли меня, просятъ дождичка: вишь, прошлогодній-то хлѣбецъ ужъ весь подходитъ, а поля-то сохнутъ. Такъ вотъ я и пришелъ за дождичкомъ. Вотъ и гостинчикъ я принесъ отъ православныхъ. (Тутъ я съ поклономъ подалъ ему двадцать-пять золотыхъ).

«— Благодарствую, Куза-богъ, благодарствую. Объ дѣлѣ-то мы еще успѣемъ переговорить, а теперича милости просимъ воискушать хлѣба-соли.

— Христосикова матушка-старушка собрала намъ пообѣдать, а ангелы христосиковы разносили намъ на подносахъ разные папки. Ну, православные, этакой стряпни никто на нашей землѣ не ѣдалъ, этакихъ папковъ никто не пивалъ.

— За обѣдомъ, у насъ съ Христосикомъ да съ матушкой-ста-

рушкой шли пріятные да учпвые разговоры. Я вижу, что на Христосика нашель веселый стпхъ, вотъ п я сталъ посмѣлѣе.

«— Христосикъ-батюшка! Я хочу спросить тебя, ежели не обидно будетъ твоей млости, гдѣ у васъ здѣсь рай-то?

«— Отсюда до раю будетъ версть съ пятьдесятъ; онъ тутъ только начннается, да оттудова п пойдетъ во все небо. Рай у васъ непроходимый: ходитъ по немъ — цѣлый вѣкъ не псходитъ. Его перелетаетъ изъ конца въ конецъ только одинъ мой наибольшій ангель, а еще никто. А ужъ какое тамъ веселье — уму непостижно.

«— Ахъ, Христосикъ-батюшка, нельзя ли мнѣ побывать въ вашемъ раю хоть на короткое время. Признательно сказать, мнѣ оченно хотѣлось бы посмотреть его.

«— Посмотрѣть на рай не вѣща, я не прочь бы показать его тебѣ; да сила въ томъ,, что, повидавши его, ты ужъ не захочешь идти назадъ на вашу трудну землю; а кто же oprичъ тебя, Куза-богъ, будетъ править на землѣ православными. А вотъ черезъ одиннадцать лѣтъ, коли на всей землѣ утвердится вѣра правая, мои ангелы вознесутъ тебя на небо, прямо въ рай — тутъ ты и останешься на вѣки, вѣчные.

— Вотъ такъ-то, православные, я рай-то и не видалъ, даромъ-что былъ на небѣ.

— Послѣ обѣда я поблагодарствовалъ за хлѣбъ за соль, да опять сталъ кучиться Христосику объ дождичкѣ.

«— Да вѣдь дождичекъ-то, Куза-богъ, не у меня, а у Илюши-пророка, молвилъ мнѣ Христосикъ. — Илюша у меня имъ завѣдуетъ. Я бы, пожалуй, послалъ къ нему ангела, да наказалъ полить православнымъ дождичка; да тотчасъ Илюша-то еще замѣшвааетъ, али поспунтса на дождичкѣ. Такъ не лучше-ли тебѣ, Куза-богъ, самому побывать къ нему? Самъ-то ты распорядился бы дождичкомъ, какъ бы хотѣлъ.

«— И то дѣло, Христосикъ-батюшка: для православныхъ время-то не терпитъ. А далеко-ли отсюда до Илюши?

«— Ну, не близко мѣсто, версть сотъ пятюкъ будетъ; если тебѣ идти къ нему пѣшкомъ, такъ не дойдешь въ недѣлю. А для тебя, Куза-богъ, да для православныхъ, я сдѣлаю вотъ что: накажу двоимъ моимъ ангеламъ перенести тебя къ Илюшѣ на себѣ — вотъ ты и посѣдишь къ нему послѣ псденъ; а одинъ-то ангель останется у меня на послугахъ. Да мотри, Куза-богъ, какъ вы съ Илюшей-пророкомъ будете поливать землю до дичкомъ, такъ постучите по небу пошибче, чтобы я вѣдалъ.

— Покудова два прекрасныхъ ангела собирались въ дорогу, мы съ Христосикомъ читали судьбы божи. А тутъ ангелы подхва-

тили меня подь плеча, да и понесли по воздуху, инда сердце во мнѣ замирало. Черезъ часъ передь нами показалась маленькая избушка; возлѣ нея ангелы спустили меня на землю, а сами улетѣли назадъ.

— Илюшина избушка ветхая-наветхая, такъ упасть и хочеть. Вотъ я прошелъ сѣни, отворилъ избу: гляжу, Илюша сидитъ на передней лавкѣ да лапоткѣ плететь; какъ лунь сѣдой, борода пѣпоясь, голова-то лысая; рубашка-то издырилась да вся черная; на полу-то въ избушкѣ narosло грязи поколѣбно. Вотъ, какъ слѣдуетъ, я Богу помолился да на всѣ стороны поклонился.

«— Богъ нѣ помочъ тебѣ, Илюша-пророкъ!

«— Спасибо, Кузя-богъ! Да зачѣмъ твоя милость пожаловалъ во мнѣ?

«— Да вотъ, видишь, Илюша-пророкъ, у православныхъ прошлогоднѣй-то хлѣбушка весь подошелъ; а который хлѣбушка теперича на корню, сохнетъ да и сохнетъ. Такъ вотъ я и пришелъ сюда на небо за дождичкомъ. Я былъ у Христосника, а Христосихъ отослалъ меня за дождичкомъ къ тебѣ: дождичекъ, дескать, не у меня, а у Илюши-пророка; поди, дескать, къ нему самъ, да и скажи ему моимъ именемъ, чтобы онъ не поскупился полить поля у православныхъ. Такъ вотъ я пришелъ къ тебѣ за дождичкомъ. Да вотъ тебѣ и подарочекъ отъ православныхъ. (Тутъ я подалъ Илюшѣ пять золотыхъ).

«— Поворно благодарны, Кузя-богъ, за подарочекъ. Ты бы давно, Кузя-богъ, пожаловалъ сюда за дождичкомъ: всей душой рады услужить твоей милости... Да потрудись, Кузя-богъ, видь самъ да и полей дождичка; самому-то мнѣ очень недосугъ, хочеть лаптишки доковырять къ вечеру. Тамъ за сѣнами увидишь три чана съ водой, возлѣ одного чана стоитъ желѣзное ведро. Такъ ты этимъ ведеркомъ зачерпни водицы изъ котораго нибудь чана да и полей: тамъ увидишь, куда лить-то. Да смотри, Кузя-богъ, больше трехъ ведерковъ не лей, да ужъ такъ и быть, прибавь еще желѣзный ковшъ, онъ виситъ на чану.

«— Ладно, Илюша-пророкъ, молвилъ я да и вышелъ за сѣни.

— За сѣнами Илюшиной избушки, вижу я, стоять три престрашенные дубовые чанья, налиты водой съ краями наравнѣ. Возлѣ ближняго чана стоитъ желѣзное ведро, къ чану привѣшевъ желѣзный ковшъ; а за чаньями небо-то все насквозь пробуравлено, въ эти дырочки я увидалъ всѣ ваши деревеньки, словно на блюдечкѣ. Вотъ я зачерпнулъ ведро полнымъ-полнехонько, сквозь небесныя дыры прицѣлился на ваши поля, да и ну поливать на нихъ дождичка. Зачерпнулъ другое, третье... «Да дай православныхъ-то уважу», подумалъ я: «эка бѣда, что Илюша не велѣлъ

мнѣ лить больше трехъ ведерокъ. Чай, поди лѣнь ему сходить за водицей; какъ нужно будетъ, такъ тряхнетъ старостью-то, сходить», и ну то и дѣло поливать дождичка. Опослѣ-то посчиталъ, такъ не много, не мало я вылилъ вамъ ведерокъ двадцать; неча свазать, уважилъ православныхъ, ну, чай было у васъ дождичка... «Да дай, молъ, постукаю православнымъ, пускай молъ они догадаются, что это я лью дождичка; да молъ и Христосикъ-то велѣлъ мнѣ постучать»; вотъ я схватилъ въ обѣ руки желѣзный ковшъ, а онъ, Богъ съ нимъ, такой увѣсистый, да и ну изо всей мочи стучать имъ по стеклянному небу. Ударилъ знать разъ двадцать, да и самъ-то чуть не оглохъ: такъ вотъ и раздается по стеклянному небу, словно десять большущихъ колоколовъ, чай все небо переполошилъ... Ну, чай было грому у васъ, православные. У Илюши куда пошла старость; онъ выскочилъ изъ избушки и потрусилъ во мнѣ.

«— Будетъ, будетъ стучать-то, Кузя-богъ! Оно и мнѣ навазано постукивать по небу, коли я лью дождичка: Христосикъ-то и узнаетъ по стуку, что я исправляю свое дѣло; да все же ужъ не больно шибко.

«— Вотъ еще одинъ разокъ стукну, чтобы православные-то на землѣ знали, что я здѣсь; да вѣдь и Христосикъ-то навазываетъ мнѣ, чтобы я постучалъ хорошенько.

— И я даль еще такого раза ковшомъ по стеклянному небу, что инда небо-то треснуло, а Илюша присѣлъ, да чуть-чуть допделся до своей избушки. Тутъ я заглянулъ на землю сввозъ дыры небесныя да прислушался: на улицахъ у васъ ни одной живой души нѣту, а ручьи вездѣ такъ и булькають, инда слышно на небѣ.

— А какъ только я почалъ стучать по небу желѣзнымъ ковшомъ, такъ въ ту же минуту пролетѣла мимо меня словно огненная буря; а это, слышь, Илюшины огненные лошадушки; онѣ, слышь, такъ приучены, что коли заслышать стукъ по небу, такъ и летятъ на этотъ стукъ, хошь бы и больно далеко онѣ зашли на ту пору. А какъ онѣ смѣтили, что стучаетъ по небу не самъ Илюша, а незнакомый человекъ, такъ тутъ же и пронеслись мимо огненнымъ вихремъ. А небо-то все тамъ пробуравлено, такъ свѣтъ отъ огненныхъ лошадокъ сввозъ дыры-то и вьется на землю змѣйками. Ну, ужъ чай было у васъ, православные, маланьй.

— Вотъ я опять взошелъ въ Илюшину избушку; въ избушкѣ сидеть Илюша да лапоткы плететь.

«— Какъ бы мнѣ, Илюша-пророкъ, домой-то справиться? мол-

виль я. — А пѣшкомъ пдти мочи нѣтъ, вишь ты, ногамн-то я больно разбился.

«— Такъ и быть, услугу тебѣ, Кузя-богъ. У меня есть лхія лошадушеп, разомъ домчатъ насъ съ тобой до вашей земли; только ты, Кузя-богъ, ужъ дай миѣ парубить на вашей землѣ бревешекъ. У насъ здѣсь лѣсомъ-то больно непривольно; а пзбенка-то моя, самъ видишь, совсѣмъ поваяплась, надо бы ее починить.

«— Изволь, изволь, Илюша-пророкъ, только ужъ свези меня пожалуйста. А топорикъ-то захвати свой: мой-то вишь оченно иступился, я пмъ прорубаль ваше небо.

«— Въ кою же сторону намъ ѣхать-то, Кузя-богъ? Вѣдь я не знаю, въ коей сторонѣ ты прорубиль наше небо.

«— Я прибыль сперва въ Христоспку, а тутъ въ тебѣ прямо съ заката, такъ и отсюда намъ придется ѣхать прямо на закатъ. А какъ доѣдемъ мы съ тобой до заката-то, такъ и попадемъ на то мѣсто, гдѣ я прорубиль ваше небо. Мѣста-то тамъ я позапримѣтилъ, такъ небось не заплутаемся, только ты правъ, куда я велю. А сколько ман (мученя) я принялъ, какъ прорубаль ваше небо: насилу топоръ беретъ. Да сважи-ка ты миѣ, Илюша-пророкъ, гдѣ это ангелы-то слетаютъ отсюда въ намъ? Ужъ сколько ни торился я около вашего неба съ заката, ни одной дыры въ небѣ не видалъ.

«— Ангелы-то совсѣмъ не тутъ летаютъ отселева къ вамъ. А недалеко отъ Христосиковыхъ хоромъ есть непроходимый рай; въ серединѣ того непроходимаго рая есть стеклянная гора версть въ десять вышины, да версть въ десять ширины; а на той стеклянной горѣ, по одну сторону, стоятъ хрустальный дворець, а въ томъ хрустальномъ дворцѣ живетъ самъ Господь Саваоѣ, и въ тотъ дворець часто ангелы приносятъ Христосика и его матушку-старушку; а Христосику жить въ томъ дворцѣ безъ выходу нельзя, потому онъ правитъ міромъ. А по другую сторону отъ хрустальнаго дворца, въ стеклянной горѣ, есть большущая дыра сквозь все небо, эта дыра будетъ съ пѣлюю версту. Въ эту дыру и летаютъ ангелы съ неба на землю и съ земли на небо; въ нее они приносятъ съ земли въ рай небесный святыхъ, праведныхъ, спасенныхъ душепкн, да часто сносятъ на землю самого Христосика своими глазами посмотрѣть, все-ли на землѣ дѣлается по его наказу.

— Илюша-пророкъ много еще кой-чего посказалъ миѣ, да всего вамъ, православные, не перескажешь. Вотъ Илюша и повелъ меня по чистому полю, пдеть, а самъ молитву творить. Вдругъ онъ остановился, постоялъ маленько на одномъ мѣстѣ, три раза

важлянуль, да бакъ кривнетъ во всю стариковскую мочь: «шень-шень-шепи! Кони мои лошадушки, летите ко мнѣ!» Вотъ съ полденъ и летитъ на насъ огненная буря такая же, что давеча пролетѣла мимо меня. Хватъ — анъ это кони его лошадушки. Ну, православные, вотъ-такъ кони! ни перомъ написать, ни словомъ сказать... всѣ огненные да съ крыльями; двѣ пары гусемъ, сбруя-то на пхъ золотая, телега тоже изъ чистаго золота, тагъ и съезть... заглядѣнье, и только. А прилетѣли-то онѣ къ намъ впряженные, да вѣдь прилетѣли-то по воздуху, вѣсье до земли не дотрогивалсъ; а кто пхъ впрягъ, о томъ ужъ не вѣдаю. Вотъ мы и сѣли въ телегу, я сидѣть, а Илюша править. Во всю дорогу я только и зналъ, что любовался Илюшиними лошадами; глядъ — анъ мы ужъ на нашей землѣ, только на той сторонѣ за небомъ. И не видалъ я, какъ мы проѣхали. Вотъ Илюша-пророкъ и ну мнѣ еланаться.

«— Куза-богъ! ужъ ты позволъ мнѣ нарубить бревешекъ на вашей землѣ!

«— Изволь, изволь, Илюша-пророкъ, руби, сколько угодно твоей милости! Такъ и быть, я бы самъ пособилъ тебѣ порубить, да православные-то чай меня оченно дожидаются. Прощай, Илюша-пророкъ, да не поминай насъ лихомъ, а лучится дорога, милости просимъ заѣзжать къ намъ — не спѣсивитесь.

«— Что ты, родимой, Куза-богъ? Какое ты сдѣлалъ мнѣ лиходѣйство — лихомъ-то поминать тебя?... Прощай, Куза-богъ!... Коли еще спонадобится дождичекъ твоей милости, такъ опять приходи: уважу шестью ведерками, да опять сvezу назадъ на лошадушвахъ.

— Я въ послѣдній разъ взглянулъ на лошадушекъ, зкѣ хорошіа! кажись до сыта не наглядисься, да и перелѣзъ съ неба на нашу землю въ дыру-то, чтѣ вчера прорубилъ въ небѣ. Какъ не стало свѣтлеть отъ Илюшинихъ лошадушекъ, гляжу — анъ ужъ сумерки. Попомедши немного на нашей сторонѣ земли, положилъ я котомочку въ головы, постлалъ подъ себя кафтанъ, да имъ же и обутался, легъ да и уснулъ крѣпко на крѣпко. Проснулся, гляжу, ужъ свѣтлехонько. Я ну-ка идти по утреннему холодеку; иду да на всѣ стороны поглядываю, не летятъ ли изъ китайскаго царства Христоспоковы ангелы. Ужъ взошло солнышко, а ихъ все не вѣдаю. Вдругъ вижу съ востока и катать по воздуху онц, мои голубчики, да прямо на меня.

«— Здорово, Куза-богъ!

«— Здравствуйте, ангелы-голубчепи!

«— Если угодно твоей милости, Куза-богъ, мы спесемъ тебя

въ русское царство да нонѣ же послѣ полдень поставимъ тебя на святую поляну.

«— Коли будетъ ваша милость, такъ потрудитесь; мы будемъ вамъ за это очень благодарны.

— Вотъ подхватили меня два ангела, да и понесли на востокъ. Понесутъ, понесутъ, да немного отдохнуть. Вотъ вижу, мигомъ перелетѣли мы Серѣжу; вотъ пролетѣли надъ нашимъ лѣсомъ; вотъ видна намъ и святая поляна, а васъ, православные, хоть пересчитай. Ангелы намѣтили на сарай да и спустились въ прогледю крыши; а теперича вотъ я опять передъ вами, православные мордва люди-боговы. Христосиенъ наказалъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы пуще всего хранили отъ русскихъ до поры до времени наше тайное таинство. А что я былъ на небѣ да послалъ вамъ дождичка, не можете говорить никому опречь мордвовъ людей-боговыхъ».

Кузька-богъ благословилъ народъ двумя перстами обѣихъ рукъ, и знаменитое богослуженіе мордовское кончилось.

ХІІ.

Всѣ подробности путешествія Кузьки-бога на небо за дождемъ строго соотвѣтствовали современнымъ понятіямъ, а потому казались мордвамъ совершенно вѣроятными, тѣмъ болѣе, что двоихъ ангеловъ видѣли на темной стѣнѣ сарая не одна сотня глазъ. Само собою разумѣется, что этотъ рассказъ былъ придуманъ Кузькой-богомъ во время его скривательства въ подземномъ ходѣ, откуда онъ могъ тайно пробираться во внутренность сарая и непосредственно знать, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Продовольственную порцію, назначенную для невидимки-хранителя священной поляны и исправно ставимую въ ямку подъ угломъ сарая, не менѣе исправно уничтожалъ самъ Кузька-богъ.

Еще при первомъ видѣ опасности, Кузька-богъ собралъ въ подземномъ ходѣ всѣ свои наличныя деньги: еслибы очень долго не было дождя и еслибы, какъ можно было ожидать, взбунтовался мордовскій народъ, Кузька-богъ въ такомъ случаѣ могъ захватить всю свою несметную казну, выбраться секретными выходами въ лѣсъ и удалиться съ родимой сторонюшки въ безопасное мѣсто, оставивъ все прочее въ жертву разъяренной мордвѣ. Власть съ женой при первыхъ признакахъ бунта долженъ былъ воротиться съ поляны домой въ Макрашу.

Мордовскій народъ, обрадованный самымъ благовременнымъ дождемъ и несомнѣнными надеждами на обильнѣйшій урожай всѣхъ хлѣбовъ, выпросилъ у своего *милосиваго* бога позволеніе ознаменовать это событіе семидневнымъ празднованіемъ въ замѣнъ пасхи, проведенной въ работѣ. Время было самое свободное отъ срочныхъ работъ и, слѣдовательно, самое благоприятное для столь долговременнаго празднованія; но осторожный Кузька-богъ долго не соглашался съ требованіями народа и уступилъ, по неимѣнію благовидныхъ предлоговъ къ отказу, наказавъ притомъ проводить праздничные дни тихо и скромно. Съ перваго дня разрѣшеннаго празднества по всѣмъ селеніямъ терюханскаго населенія во всю недѣлю съ утра до вечера происходили неумолкаемыя пѣсни, игра въ пузыри и національная пляска; главы семействъ съ трудомъ удерживали молодѣжь отъ неумѣреннаго пьянства, которое, впрочемъ, произошло ради народной радости нѣкоторымъ нарушителямъ Кузиныхъ заповѣдей. «Богъ послалъ намъ мордвамъ людямъ-боговымъ въ-время дожичка»— было словно заученнымъ отвѣтомъ всѣхъ мордвовъ на вопросы русскихъ о причинахъ необыкновеннаго празднества. На священной полянѣ въ это время совершалось каждодневное моленье: набожнѣйшіе мордва не лѣнились ходить изъ ближнихъ и дальнихъ деревень и не скупились приносить различныя жертвы. На полянѣ стояли цѣлыя лужи арови отъ загалаемыхъ животныхъ; необозримыя стада воронъ и галокъ непрерывно вились надъ поляной, привлекаемая грудями валяющихся животныхъ остатковъ и недоглоданныхъ костей. Кузькѣ-богу, а частію и его служителямъ—опостоламъ съ Пятницей въ эту недѣлю была богатѣйшая пожива. Въ сараѣ кипѣла работа; здѣсь убрали и складывали на воза разнообразныя приношенія, солили мяса, чтобы въ этомъ видѣ развезить его по базарамъ для продажи. Само собою разумѣется, что расформированный на время монастырскъ былъ снова сформированъ въ прежнемъ своемъ составѣ.

Афросинья, выпущенная изъ монастырька по случаю ухода Кузьки-бога на небо, надѣялась, что она навсегда скидаетъ съ себя ненавистную монашескую одѣжу и окончательно останется въ родной деревушкѣ Кужадомѣ. Она часто видѣла осязательныя доказательства сверхъестественной силы Кузьки-бога; но онъ столько передъ ней унижался, столько былъ нѣженъ и даже глупъ, что религиозное чувство Афросиньи къ обожаемому другимъ лицу было совершенно холодно. Притомъ, по поводу народнаго волненія, ослѣпленный шарлатанъ имѣлъ неосторожность высказать передъ своей любимицей, какъ будущей законной сожительницей, затруднительность своего положенія и опасенія за

общее ихъ будущее. Напрасно Кузька-богъ облакалъ свои опасенія обычной релігіозной маской въ родѣ записыванія и вычеркиванія въ книгѣ судьбъ божіихъ—Афросинья успѣла понять, что предполагаемое путешествіе на небо за дождемъ можетъ кончиться и несчастливо. Воротась къ родной семьѣ съ утѣшительными надеждами, она снова повелась съ Пахомомъ. Къ нему очень легко и скоро перешли всѣ убѣжденія Афросиньи, и молодые люди вдвоемъ желали всѣхъ возможныхъ несчастій своему разлучнику. Прошелъ день, прошелъ другой, какъ Кузька-богъ ушелъ на небо за дождемъ — а дождя все нѣтъ: злорадство Афросиньи и Пахома росло и росло. Пускай сохнутъ всѣ хлѣба въ поляхъ, только бы сгибъ злой разлучникъ. Но вотъ въ третью сутки накрыла туча и хлснулъ ведромъ дождикъ; въ четвертыя сутки разнеслась въ мордвѣ тайная вѣсть, что Кузька-богъ воротился съ небесъ на ангелахъ прямо на святую поляну: молодые люди повѣсили головы. Черезъ нѣсколько времени Афросинью потребовали обратно въ монастырекъ — и прощайте всѣ землемыя надежды.

— Я былъ на небесахъ, говорилъ Кузька-богъ Афросиньѣ, при первомъ тайномъ свиданіи съ ней, лаская ее и смотря ей въ черные глаза:—много видѣлъ я тамъ прекрасныхъ ангеловъ, а этакой красоты, чѣд у тебя, нѣтъ ни у кого на всемъ небѣ. А въ книгѣ Христомиевой я самъ, своими глазами вычиталъ, что черезъ годъ, наканунѣ лѣтней Казанской (8 іюля), я овдовѣю, а ты будешь мнѣ законной женой. Ужь и вѣнцы райскіе намъ приготовлены, ангелы принесутъ ихъ мнѣ съ небесъ передъ самымъ вѣнчаньемъ. Меня новсе оставляли-было тамъ, въ раю на всѣ вѣки-вѣчные, да я самъ не пожелалъ остаться: безъ тебя, моя милая, мнѣ и въ раю было бы скучно да тошно. А черезъ одинадцать лѣтъ на всей землѣ утвердится моя вѣра правая, тогда сойдетъ съ небесъ цѣлый полкъ прекрасныхъ ангеловъ; прекрасные ангелы возьмутъ насъ съ тобой на свои бѣлыя ручушки, и понесутъ насъ съ тобой съ честію и славою прямо на небеса въ рай Господній, тамъ будемъ мы съ тобой всѣ вѣки вѣчные радоваться да веселиться, какъ уму непостижно; на плечушкахъ у тебя вырастутъ крылушки, ты оборотишься прекраснымъ ангеломъ да будешь летать, куда любо твоей душенькѣ. А чтобы тебѣ въ эти одинадцать лѣтъ не старѣться да не терять своей красоты-пригожества, вотъ тебѣ гостинчикъ съ неба: это яблочко сорвано съ кореннаго райскаго дерева; и кто поѣстъ его воискушаетъ, тотъ, сколько ни проживетъ на семъ свѣтѣ, не потеряетъ своей молодости пригожества. Этотъ подарокъ я нарочно выпросилъ для тебя, моя ненаглядная.

Тайны свиданія Афросиньи и Пахома въ послѣдній разъ не были столько осторожны, чтобы не дойти до ушей всезнающаго Кузьки-бога. За Пахомомъ учредился присмотръ въ лицѣ Пятницы, уже бывшей въ замужествѣ, которая, впрочемъ, не знала истинной цѣли своихъ подглядываній. Афросинья успѣла провѣдать объ учрежденномъ надзорѣ и предупредила Пахома, который сталъ очень остороженъ. Несмотря на все это, Кузька-богъ былъ вѣренъ своему слову. Назвавъ Пахома своимъ сыномъ, онъ нерѣдко навѣщалъ его домъ, внося въ него изобиліе во всемъ. Пахомъ-сиротка богатѣлъ быстро: его богатили хотя изъ одного зармана, но изъ двоихъ рукъ—Афросинья находила нерѣдкіе случаи доставлять ему золотыя монетки. Кузька-богъ могъ бы болѣе жесткими мѣрами унять смѣльчака, который осмѣлился стать ему поперегъ дороги; но владыка народа былъ въ подданствѣ у пригожей монашенки, которая стала наговаривать ему очень мило на самыхъ преданнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ его агентовъ. Не желая портить изъ-за своей страсти затѣяннаго великаго дѣла и лишиться благоволенія милой капризницы, безъ которой онъ не могъ существовать, Кузька-богъ сдержалъ свою ревность со всѣми ея дразгами, отложивъ защиту своей чести до ожидаемаго законнаго брака; а такъ-какъ сношенія Афросиньи и Пахома, повидному, прекратились, то Кузька-богъ по этой части совершенно успокоился.

Кузька-богъ, дово побѣдившій страшное затрудненіе и взгро-моздившійся на самый верхъ владычества надъ народомъ, еще болѣе и сподручнѣе прежняго сталъ заботиться объ улучшеніи народной нравственности, о поощреніи народнаго труда и о народномъ обогащеніи. Черезъ одинъ годъ тайнаго владычества Кузьки-бога надъ народомъ, духовенство, завѣдывавшее морд-вами-терюханами, не могло не замѣтить, что мордва явно холодѣютъ къ церкви, посѣщая ее и рѣже рѣже и въ меньшемъ количествѣ; изъ содержателей окружныхъ кабаковъ нѣкоторые доходили до банкротства; уѣздныя и губернскія власти, завѣдывавшія дѣлами о кражахъ и вообще объ уголовныхъ преступленіяхъ, доменнулись, что ихъ частныя доходы отъ мордовскаго терюханскаго населенія совершенно прекращаются. Между тѣмъ о мордовскомъ моленьѣ и жертвоприношеніяхъ начали ходить во всемъ мѣстномъ краѣ разные и явные слухи, но очень недѣльные и противорѣчащіе другъ-другу. Никто изъ русскихъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ мордвами, не сомнѣвался, что мордва дѣйствительно почитаютъ славнаго Кузьму за бога, что они собираются на богомолье и приносятъ кровавыя жертвы въ какомъ-то лѣсу и на какой-то полянѣ; но гдѣ этотъ лѣсъ и гдѣ эта поляна,

никому изъ русскихъ не было извѣстно. Мордва, поголовно преданные своей вѣрѣ, безукоризненно хранили свое *тайное таинство*; вѣроятно было нѣсколько болтливыхъ мордовскихъ языковъ, которымъ и были обязаны своимъ происхожденіемъ распространившіеся слухи, но не было ни одного случая умышеннаго предательства: всѣ мордва были довольны своимъ богомъ, а недовольнымъ или разубѣдившимся нельзя было сказать явного лишняго слова безъ риска быть разорванными на части. Во всякомъ случаѣ, священники начали серьезно приставать къ мордвамъ, своимъ прихожанамъ; но Кузька-богъ наказалъ всѣмъ мордовскимъ сельскимъ властямъ поить поповъ виномъ *до положенія* и выдавать имъ отъ міру золотыя монеты. Такимъ же образомъ мордва отдѣлывалась и отъ наѣзжающихъ къ нимъ чиновниковъ, которые, поживившись на мѣстѣ, представляли дѣло своимъ вышнимъ начальникамъ въ наиблѣйшемъ цвѣтѣ. Что же касалось до помѣщиковъ, то ихъ единственная забота въ отношеніи къ крѣпостнымъ мордвамъ состояла только въ томъ, чтобы собрать съ нихъ побольше оброковъ, а тамъ они себя влкаясь хотъ осиновымъ чурбанамъ. Самъ Кузька-богъ умѣлъ быть въ хорошихъ ладахъ не только съ своими приходскими священниками, но и съ посторонними, и даже былъ знакомъ съ благочиннымъ обружныхъ селеній, угашивая всѣхъ лицъ духовнаго званія очень радушно и награждая щедро деньгами съ просьбою помолиться о немъ и о его семействѣ. Его чистенькій домъ съ свѣтлыми косячатыми окнами, съ вымытыми полами и лавками, даже съ комфортомъ нѣкотораго рода, часто навѣщали чиновные люди; а умная и занимательная бесѣда знаменитаго хозяина привлекала къ нему многихъ порядочныхъ людей.

Однакоже семидневное торжество на священной полянѣ, почти насильно исторгнутое восторженнымъ народомъ отъ своего дальновиднаго бога, огласило во всемъ краѣ мѣсто мордовскаго религіознаго сборища. Толпы народа, идущія въ дѣсь и обратно изъ разныхъ мордовскихъ селеній, растянувшихся на тридцати-верстное разстояніе съ мѣста сборища; множество скота, везомаго и возомаго для жертвоприношеній, не могли миновать встрѣчи съ русскими, которые въ свою очередь не могли не смекнуть, въ чемъ дѣло, и не замѣтить общаго мордовскаго тракта; но проникнуть въ самое мѣсто сборища мордвовъ никто не осмѣливался, потому что въ параллель съ одной молвой шла другая молва, что мордва разорвутъ на части русскаго смѣльчака, который бы осмѣлился проникнуть на ихъ священную поляну. Кузька-богъ и его вѣра были повуда еще вѣтъ явной опасности. Разъѣзжая по мордовскимъ селеніямъ и имѣя частна и

разнообразныя сношенія съ русскими, онъ очаровывалъ всѣхъ своею вѣжливостію, смиреніемъ, безкорыстіемъ, разсудительностію и преданностію православію, такъ-что всякій посторонній человѣкъ, столкнувшись съ нимъ, не могъ повѣрить, чтобы онъ былъ способенъ къ шарлатанству и къ тѣмъ дѣйствіямъ, какія приписывала ему глупая народная молва.

Слухи, ходившіе о мордовскомъ моленѣ, были хорошо извѣстны осторожному Кузькѣ-богу. По окончаніи недѣльнаго праздника, онъ подъ разными предлогами закрылъ богослуженіе на священной полянѣ до самой осени, изъ опасенія возбудить вниманіе русскихъ духовныхъ и гражданскихъ властей. Единственная дорога изъ всѣхъ мордовскихъ селеній на священную поляну была со стороны вѣзда засыпана на цѣлую версту дѣсными мусоромъ и завалена во многихъ мѣстахъ тяжелами деревьями и хворостомъ, а мосточки на ней были разобраны; отъ замаскированной такимъ образомъ дороги было намѣренно проложено нѣсколько другихъ дорогъ, которыя далеко отводили отъ священной поляны въ разныя части непроходимаго лѣса. На вѣздѣ временно уничтоженной дороги было построено нѣсколько избушекъ, въ которыхъ безотлучно жили надежные караульщики, занимавшіеся во всѣ времена года звѣроловствомъ, драніемъ лыкъ и корья, гонкою дегтя, гнутіемъ дубовыхъ полозьевъ и т. п., равно снабженные ружьями и порохомъ. Подсторонъ заваленной дороги была проложена едва замѣтная тропа для пѣшихъ и верховыхъ, извѣстная только Кузькѣ-богу и немногимъ другимъ.

Столь строгія мѣры предосторожности были приняты Кузькой-богомъ потому, что успѣхъ предпріятія далеко не соответствовалъ ожиданіямъ. Пропаганда новой вѣры какъ-то худо клеилась въ предѣлахъ ясачной мордвы; Кузька-богъ, рассчитывая на соплеменную родственность, упустилъ изъ вниманія долговременную взаимную разрозненность обоихъ племенъ, вслѣдствіе которой у того и другаго племени, жившаго при различныхъ условіяхъ, установились разныя нравы, обычаи, понятія и образъ жизни. Нѣсколько семействъ ясачной мордвы, съ величайшими усиліями принявшихъ Кузину вѣру, не составляли ни малѣйшаго ручательства въ единодушномъ обращеніи цѣлаго племени—для такого обращенія требовалось долговременное личное миссіонерство самаго новоявленнаго пророка. Безъ послѣдняго условія Кузька-богъ не могъ творить въ отдаленномъ племени тѣхъ чудесъ, которыми онъ былъ славенъ дома; а въ случаѣ долговременнаго удаленія его въ ясачную мордву, мордва терюханская могла выбрать себѣ новаго бога, или возвратиться къ поповской вѣрѣ. Что касается до русскаго окружнаго крестьянства, оно

безъ всякой пощады осмѣивало мордовскую вѣру, извѣстную только по слуху, и относилось къ ней враждебно; даже раскольники не выказывали къ ней ни малѣйшаго сочувствія. Словомъ, пропаганда новой вѣры въ терюханскаго населенія была покуда очень ненадежна и вмѣстѣ очень опасна. Кузька-богъ хорошо видѣлъ все это и ограничилъ свою вѣру одними терюханами, обезопасивъ ее всѣми доступными мѣрами предосторожности.

Порядки на священной полянѣ между тѣмъ шли своимъ чередомъ. Длинный рядъ могильной насыпи былъ притоптанъ, выровненъ и теперь заросъ травой-муравой. Подъ обширнымъ сараемъ возлѣ монастырька появилась избушка для троихъ старичковъ, которые изъявили желаніе переселиться на святое мѣсто въ видахъ спасенія своихъ душенокъ; каждому изъ нихъ дано по ружью, которымъ умѣли владѣть многіе мордва того времени, а близкій лѣсъ доставлялъ имъ нестоимый предметъ для работы. На верху пятистѣннаго монастырька возникла чистенькая свѣтелка, въ которой помѣщалась Афросинья. Ея подруги, Мавра и Еонья, до такой степени пожирѣли въ хорошемъ житѣ, что ихъ едва узнавали самые ихъ сродники. Первая изъ нихъ въ настоящее лѣто оказалась беременною. Настоятель тотчасъ отыскалъ ей хорошаго жениха, и щедро наградивъ ее за годичную службу, устроилъ свадьбу на свой счетъ. Чтобы выпутаться изъ затрудненія по случаю будущихъ преждевременныхъ родовъ своей послушницы, Кузька-богъ употребилъ очень оригинальное средство.

— Желашь ли ты, рабъ божій Карпъ, чтобы твоя молодлица рожала тебѣ дѣтушекъ?—сказалъ Кузька-богъ новобрачному послѣ многихъ наставленій.

— Коли не желать, Кузя-богъ, отвѣчалъ молодой мордвинъ. — Для дѣтушекъ-то больше я и женился.

— Ну, такъ я вотъ что повѣдаю тебѣ, рабъ божій Карпъ: раба-божія Мавра была цѣлый годъ дѣвицей чистой и непорочною, спасала свою душеньку, да исправляла у меня Кузя-бога честное послушаніе, такъ за это въ судьбахъ божіихъ написано — честная Мавра черезъ пять пятковъ недѣль родить тебѣ ребѣночка. Если ты въ эти пять пятковъ недѣль будешь жить по божьимъ заповѣдямъ, такъ родится у тебя сынъ; а ежели будешь больно грѣшить, такъ родится дочь.

Пророчество это было изречено въ присутствіи большой мордовской компаніи, и преждевременное разрѣшеніе Мавры дочерью было приписано вполнѣдствіи времени сверхъестественному дѣяствію Кузьки-бога и грѣхамъ Карпа, который въ нихъ не заперся.

По выходѣ Мавры въ замужество, Афросиньѣ предоставлено было рѣшить, нужно ли замѣщать опроставшуюся вакансію послушницы, или навсегда упразднить ее. Афросинья подала голосъ противъ упраздненія, а Кузька-богъ сосочилъ гдѣ-то для замѣщенія вакансіи прехорошенькую мордовочку. На священной полянѣ снова возстановился обычный порядокъ вещей; новопривывшая послушница скоро освоилась съ мѣстными нравами.

Осенью, по уборкѣ хлѣбовъ съ полей, было сдѣлано на священной полянѣ послѣднее моленье, которое предполагалось возобновить не раньше будущей весны. Отдохнувъ здѣсь физически и ободрившись нравственно, мордва принялись за работу. Да и было чего имъ поработать по милости Кузьки-бога, который далъ имъ средства къ обширнѣйшимъ посѣвамъ, исхлопоталъ для нихъ вѣвремя дождичка. У всей мордвы не оставалось въ поляхъ ни одной полоски незасѣянной; не говоря о прочихъ хлѣбахъ, давшихъ удивлительный урожай, льну посѣяно было мордвами въ возможно большемъ количествѣ, а урожай его превосходилъ всѣ ожиданія. На мордовскихъ гумнахъ выпѣла работа цѣлую осень; ни однѣхъ рукъ, способныхъ къ работѣ, не оставалось безъ дѣла. Всѣ пророчества Кузьки-бога исполнились буквально: яровья у русскихъ, поздно и худо посѣянные, не выдержали засухи и дали скудный урожай; цѣны на хлѣбъ держались высокія; мордва обогатились однимъ годомъ единственно потому, что работали въ то время, когда гуляли русскіе. Все это казалось для мордвовъ сверхъестественнымъ дѣйствіемъ ихъ бога. Возвращаемый съ процентами по ссудамъ хлѣбъ не убирался въ опустѣлые амбары дади Моея, который былъ принужденъ ставить другіе; его истощенная казна дѣлалась теперь неслетною; такимъ же образомъ обогащались и другіе заимодавцы. Для бѣднѣйшихъ семействъ Кузька-богъ повелѣвалъ заимодавцамъ именемъ вышнихъ силъ откладывать возвратъ ссудъ на дальнѣйшіе сроки, или переводилъ ссуды на дядю Моея.

Е....

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ЖОЛОДНЫЕ.

— — —
XL.

ЧТО КАЗАЛОСЬ СТРАННОЙ СЛУЧАЙНОСТЮ ДЛЯ МАШИ И
ДЛЯ ЧУХИ.

Къ девяти часамъ утра въ почлежной осталось очень немного народу. Все, что населяло ее ночью, разбрелось по разнымъ концамъ города, съ тѣмъ чтобы къ вечеру опять вернуться въ домъ Ваземскаго. Изъ тѣхъ же, которые остались, двое были хворыхъ, и лежали на нарахъ; кучка игроковъ въ косточки значительно умалилась, но все-таки наступившее утро вызвало продолженіе игры: въ этомъ углу, то и дѣло, звякали крупные мѣдаки и раздавались крупныя ругательства, сопровождавшія споры изъ-за расчетовъ. Чиновникъ, обитавшій за перегородкой, удалился по своимъ дѣламъ, а оставшіяся дѣти разбрелись канючить на улицахъ христарадное подаянье, за исключеніемъ старшей девятилѣтней дѣвочки, и то потому, что на рукахъ ея оставался больной ребѣнокъ, котораго, за немѣніемъ матери, вскармливали на соскѣ. Непрестанный тоскливо-больной плачь и визгъ наполняли собою комнату. Сестренка нянчила младенца какъ могла, носила на рукахъ, баюкала, совала въ ротъ грязную соску, и наконецъ озлобленно выбивалась изъ силъ, видя совершенную тщетность всѣхъ своихъ терпѣливыхъ стараній.

Маша не могла равнодушно переносить эту сцену. Крикъ ребѣнка и видъ измучившейся дѣвочки томили ей душу. Она взяла у нея дтя къ себѣ на руки и стала баюкать его.

Дѣвочка, воспользовавшись этимъ маленькимъ одолженіемъ, тотчасъ же дала стрекача на улицу: ее тоже одолѣвало понятное желанье заработать лишній христарадный грошъ, на который можно купить нѣсколько паточныхъ леденцовъ въ мелочной лавочкѣ. Дитя, безъ сорочки и пеленковъ, было голякомъ завернуто въ какое-то грязное, дырявое лохмотье, изъ котораго клочьями торчала слежавшаяся вата.

— Экой несчастный ребѣнокъ! съ участіемъ и какъ-то жутко проговорила Маша, глядя на малютку. Она безуспѣшно угачивала его на рукахъ: ребѣнокъ стоналъ и не бралъ соски.

— Бываетъ и хуже, замѣтила Чуха тономъ, повидимому, равнодушнымъ; но чуткое сердце молодой дѣвушки подмѣтило въ немъ, что это было равнодушіе глубокаго и притомъ застарѣлаго отчаянья. Она съ удивленіемъ, въпросительно взглянула на старуху.

— Да, бываетъ и хуже, повторила та, какъ-то сдержанно вздохнувши изъ глубины груди и безразлично отвелъ взоръ куда-то въ сторону.

— То-есть, какъ же это?... Хуже-то ужъ едва-ли: нищета и болѣзнь... И сказать-то оно не можетъ, что у него болитъ, замѣтила Маша.

— Ты, милая, спрашиваешь, какъ это хуже? возразила Чуха, съ желчно-грустной улыбкою:—у этого все-таки есть отецъ да сестренка: доглядать когда надобно; а есть, у которыхъ ни отца ни матери, ни добраго человѣка... растутъ-себѣ, какъ былина на битой дорогѣ... Есть такіе, что ни въ жизнь не увидать и не узнаютъ отца съ матерью... Этимъ-то хуже.

Маша немножко раздумалась надъ словами старухи.

— Я сама изъ такихъ, проговорила наконецъ она тихо и какъ-бы сама съ собою:—только меня-то добрые люди подняли на ноги, а отца съ матерью тоже не знавала.

Чуха поглядѣла на нее съ пристальнымъ вниманіемъ.

— Да ты изъ какихъ? спросила она.

— А право, и сама не знаю! пожала плечами дѣвушка: — по паспорту — изъ здѣшнихъ мѣщанъ.

— Да взглянуть-то на тебя — ты, кажись, не похожа, чтобы изъ грубой работы? замѣтила старуха, окинувъ ее новымъ взглядомъ, которымъ она дѣлала какъ-бы провѣрку для подтвержденья себѣ своего мнѣнія.

Маша, въ отвѣтъ на это, только улыбнулась нѣсколько страннымъ, загадочнымъ образомъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ такъ кажется, проговорила Чуха.

— А мнѣ кажется, что *ты* не совсѣмъ-то похожа на здѣшнихъ, въ свою очередь замѣтила ей дѣвушка. — Ей-богу, правда! подтвердила она съ довѣрчиво открытой искренностью: — мнѣ вотъ тоже кажется, что ты и сама... не простая.

— Хм... можетъ быть... отвѣтила старуха съ точно такою же странной, загадочной улыбкой: — здѣсь вѣдь всякія есть между нашей сестрою. Да я не про те говорю, кто изъ дворянъ, кто изъ мѣщанъ, а взглянуть, напримѣръ, на тебя, такъ видно, что жила ты хорошею жизнью, иныхъ людей видала... Это ужъ всегда на человѣкѣ слѣдъ какой-то остается — его не скроешь.

— Видала я всякихъ! горько вздохнула Маша: — были на моемъ вѣку и хорошіе, честные люди, а были и такіе, съ которыми... не приведи Богъ никому столкнуться въ жизни!

Слово за словомъ, разговоръ тянулся въ этомъ направленіи и все становился теплѣй да откровеннѣе. Душа молодой дѣвушки слишкомъ была переполнена всякимъ горемъ, и это горе она, поневолѣ, принуждена была до сихъ поръ глухо таить въ себѣ, не имѣя близкаго, сочувственнаго сердца, передъ которымъ могла бы открыть все, что такъ давило и глодало ее, и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить себя. Сердце ея было слишкомъ молодо, и натура слишкомъ нѣжна для того, чтобы могла она удовлетвориться страданіемъ скрытымъ, молчаливымъ и гордымъ этою молчаливостью. Ей хотѣлось облегченія, хотѣлось добраго участія и поддержки. Ихъ искала ея душа инстинктивно, потому что въ этомъ облегченіи и поддержкѣ она обрела бы себѣ хоть немного новыхъ силъ и твердости для дальнѣйшаго существованья, подернутаго для нея такой черной непроницаемостью. И теперь эта отрадная минута наступила.

Въ Чухѣ она съ перваго почти мгновенья, сердцемъ учуяла хорошаго, добраго и честнаго человѣка. Съ этой женщиной, казалось ей, можно говорить по душѣ: она не продастъ, не насмѣется, не оттолкнетъ тебя, она пойметъ все твое горе — пойметъ, быть можетъ, по собственному опыту. И Маша, мало по малу, рассказала ей свою жизнь въ Колтовской у Повѣтинныхъ, съ ея свѣтлыми воспоминаньями; рассказала то странное и непонатное ей самой участіе въ ея судьбѣ, которое принимала загадочная генеральша фон-Шпильце; откровенно передала, какъ гнусно,

какимъ подлымъ обманомъ распорядилась она ея неопытностью, какъ бросила ее въ руки любовника, и какъ наконецъ поступилъ съ нею этотъ любовникъ. Въ голосѣ ея дрожали слезы и негодованіе. Чуха слушала съ возрастающимъ вниманьемъ и участіемъ.

— Какъ зовутъ этого подлеца? спросила она съ чувствомъ глубокаго презрѣнія.

Маша потупилась. При этомъ словѣ, которое съ такой безпощадностью заклеивало любимаго человѣка, ей стало больно выдать на позоръ его имя: — воспоминаніе любви все еще не заглохло, не зачерствѣло въ ея сердцѣ. Ей было больно, и въ то же время она ненавидѣла, она точно такъ же презирала его.

— Зачѣмъ скрывать! съ горечью продолжала межъ тѣмъ старуха: — если публично объявляютъ имя карманнаго вора, такъ неужели *этотъ* заслуживаетъ, чтобы его скрывали изъ деликатности?—Вздоръ... Если подлецъ—пусть всякій знаетъ, что подлецъ, моля! Развѣ онъ лучше?

Маша вся вспыхнула яркимъ румянцемъ и все-таки дила свое молчаніе.

Чуха участливо заглянула въ ея глаза и вротко взяла ея руку.

— Ты, видно... все еще любишь его? тихо проговорила она. Маша вздрогнула, словно бы испугалась этого слова.

— Я!... я люблю его?... О, нѣтъ, нѣтъ! Боже меня избави! быстро и энергично заговорила она: — нѣтъ, князь Шадурскій не стоитъ любви честной женщины!

При этомъ имени, Чуха, уже въ свою очередь, вздрогнула и измѣвилась въ лицѣ.

— Шадурскій?... князь Шадурскій?!... Какъ его зовутъ?... Какъ зовутъ его?... Имя? быстрымъ шопотомъ и въ сильной тревогѣ заговорила она, крѣпко сжавъ Машину руку.

Дѣвушка глядѣла на нее съ великимъ изумленіемъ.

— Владиміръ, было ея едва слышнымъ отвѣтомъ.

— Владиміръ? подхватила Чуха, широко раскрывъ свои черные и въ ту минуту сверкавшіе глаза: — Владиміръ, говоришь ты?—Да ужъ не Дмитріевичъ ли, по батюшкѣ? добавила она съ злорадно-саркастической улыбкой въ лицѣ и въ голосѣ.

— Да, Владиміръ Дмитріевичъ.

— А!... Такъ это, значитъ, сынъ... да, сынъ... раздумчиво, медленно и словно бы сама съ собою проговорила пораженная Чуха, глядя неопредѣленно въ землю.

Съ минуту длилось молчаніе. Затѣмъ она тихо поднялась съ мѣста, медленно выпрямилась подь глубокимъ вздохомъ, и стала передь Машей, неотводно глядя на нее своими грустными глазами, тогда какъ у самой на губахъ мелькала какая-то иронически странная и нервная улыбка.

— Наша судьба похожа, заговорила она: — со мною отецъ то же сдѣлалъ... отецъ его — князь Дмитрій Платоновичъ Шадурскій... Это у нихъ, должно быть, родовое... Сыновъ-то, стало быть, не изъ роду, а въ родъ пошелъ... Оно такъ и слѣдуетъ: «с'est le principe!» прибавила она съ глубочайшимъ презрѣніемъ и великою ненавистью. — Но... ты все-таки счастливѣе меня! вырвался у нея горькій и тяжелый вздохъ: — у тебя хоть ребѣнка не было, а я отъ него дочь имѣла — и эту дочь они отъ меня украли... Понимашь ли ты: отъ матери дочь украли!... Запрятали, скрыли ее куда-то... Можетъ быть... можетъ быть даже... убили... отравили ее. — Отъ нихъ всего жди! Отъ нихъ всего хватить!

Старуха злобно махнула рукой, и торопливо отвернувшись отъ Маши, быстро зашагала по комнатѣ въ своихъ грязныхъ висейныхъ лохмотьяхъ, которыя развѣвались въ стороны отъ этой быстрой ходьбы. Маша молча слѣдила за нею глазами и видѣла, какъ она нервно закусываетъ свою губу, стараясь глотать тяжелыя слезы, которыя то и дѣло навертывались на рѣсницы большими, жгучими каплями.

Обѣ молчали. Одна баюкала больного ребенка, другая продолжала шагать между нарами — и обѣимъ казалась про себя необыкновенно странною эта случайность, это совпаденіе обстоятельствъ и именъ, отца съ сыномъ, сыгравшихъ такую сходственную роль въ жизни той и другой женщины; и наконецъ еще болѣе страннымъ казалось это сходство ихъ общей судьбы, которая, въ концѣ концовъ, свела обѣихъ въ ночлежной дома Вяземскаго.

Гора съ горой не сойдется; человѣкъ съ человѣкомъ — слушается.

XLI.

Сватѣра идиотовъ.

Кому изъ петербургскихъ жителей не доводилось встрѣчать на улицахъ ручную повозочку, на которой спереди утверждена плохенькая шарманка, а сзади, въ самой повозочкѣ, помѣ-

щается разслабленно-согбенная человѣческая фигура. Эту фигуру, купно съ шарманкой, развозять по городу эксплуататоры человѣческаго убожества. Если вы петербуржецъ, то ваше вниманіе, вѣроятно, не одинъ разъ было привлечено странной фізіономіей человѣка, возимаго въ повозочкѣ. Толстыя, отвислыя губы, черные, большіе глаза совершенно безсмысленнаго выраженія и болѣзненная блѣдность лица придаютъ этому несчастному какой-то непріятный и отталкивающе-суровый видъ. При взглядѣ на него, вамъ покажется, что онъ боленъ, животненно-чувствененъ, скотски глупъ и чертовски золь. Таково впечатлѣніе отъ этого лица. Но вы жестоко ошибетесь, если вздумаете поддаться своему впечатлѣнію. Ничего этого нѣтъ. Онъ просто глубоко и глубоко несчастенъ—несчастенъ до непредѣльной степени сожалѣнія. Онъ идиотъ. Есть въ человѣческомъ обществѣ неповинные выродки, на которыхъ, кажется, природа будто нарочно выместила всю свою злобу—насмѣшливую, поражающую, беспощадную. Создавая такого выродка, она какъ будто хотѣла сказать человѣку: «ты считаешь себя бессмертнымъ, разумнымъ духомъ, всесильнымъ царемъ моимъ, ты подчиняешь своей волѣ мои стихійныя силы, а я межъ тѣмъ на этомъ выродкѣ повазываю тебѣ, что въ моей власти создать тебя несчастнѣе всякаго животнаго, такъ что любое четвероное, пожалуй, покажется, сравнительно съ этимъ выродкомъ, идеаломъ души, ума и развитія, а этотъ выродокъ—человѣкъ, единоприродный братъ твой, и ты самъ со всѣмъ твоимъ разумомъ, ты тоже неизбеженъ отъ возможности произвести на свѣтъ подобнаго же выродка,—потому что это моя тайна; мало того: это—мой капризъ!» Тотъ несчастный, о которомъ мы теперь говоримъ, является именно однимъ изъ тѣхъ субъектовъ, на которыхъ природа, въ своей насмѣшливой забавѣ, излила полную чашу творческой злобы. Къ полнѣйшему убожеству нравственному и уродству умственному, въ этомъ несчастномъ присоединилось еще вдобавокъ убожество и уродство внѣшнее, физическое. Это второй экземпляръ Квазимодо, но экземпляръ, лишенный всей силы, души, ума и сердца своего первообраза. Природа отпустила ему очень ничтожный ростъ, несоразмѣрно большую голову, длинныя, безсильныя руки и почти совсѣмъ отняла ноги: онъ ходитъ съ величайшимъ трудомъ; а болѣзнь сдѣлала его разслабленно-согбеннымъ, сутуловатымъ и какъ-бы горбатымъ. Когда везутъ его въ шарманочной повозочкѣ, руки его болтаются

как плети, а голова машинально мотается и раскачивается въ стороны, словно у гипсового кролика. Казалось бы, для этого существа возможенъ одинъ только пріютъ и одно жизненное назначеніе: богоугодный домъ, больница умалишенныхъ, а между тѣмъ люди нашли возможность утилизировать даже и высшую степень человѣческаго убожества и уродства: они выставляютъ его напоказъ, они возбуждаютъ имъ чувство состраданія, въ пользу собственнаго кармана, и хотя это чувство выражаетъ себя не болѣе какъ грошами да копейками, тѣмъ не менѣе изъ грошей получается въ ежегодномъ результатѣ довольно кругленькая сумма, такъ что шарманочный идиотъ составляетъ для этихъ эксплуататоровъ прибыльную статью кочевой, уличной промышленности. Какъ слышно, несчастнаго иногда перепродаютъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, и это очень можетъ быть, потому его не всегда развозятъ по городу одни и тѣ же лица. И если оно такъ, то идиотъ перепродается вмѣстѣ съ шарманкой и повозочкой, составляя необходимую принадлежность этихъ вещей. Иногда его возятъ женщины, иногда мужчины, смотря по тому, кто имъ пользуется. Лѣтомъ вы его увидите въ неизмѣнной синей блузѣ, а зимою въ какомъ-то ваточномъ отребьѣ. И возятъ его что-то очень ужъ съ давняго времени: лѣтъ около пятнадцати, если не гораздо больше, и будутъ возить вѣроятно до самой смерти. Несмотря на суровые рождественскіе морозы, ни на іюльскій зной — вы равно увидите его, въ качествѣ неизмѣнной поклажи, все въ той же самой повозочкѣ, съ тою же шарманкой, съ тою же мотающейся головой, безсильными, длинными руками и злобно-безсмысленнымъ взоромъ. Обитаетъ онъ тамъ, гдѣ вздумаетъ поселиться его обладатель; ѣсть то, что ему дадутъ и тогда, когда дадутъ; а если попадетъ подъ руку тряпка, подошва, кусокъ глины, мочалка, или что нибудь подобное — онъ и то немедленно несеть въ ротъ и усердно принимается дѣйствовать зубами. Это скорѣе какой-то сказочный гномикъ, чѣмъ человѣкъ — гномикъ, воочію путешествующій по петербургскимъ улицамъ и дающій о себѣ знать хрипыми звуками разбитой шарманки.

Въ то время, къ которому относятся обстоятельства нашего повѣствованья, идиотъ принадлежалъ какой-то пожилой женщинѣ нѣмецкаго происхожденія. У нея былъ мужъ, или сожитель, тоже нѣмецъ, — пропбца самаго отчаяннаго свойства. Какъ наступало утро, такъ отправлялся онъ въ кабакъ, изъ ка-

бака перепархиваль въ полпивную, изъ полпивной снова въ кабакъ, и снова въ полпивную—и такъ далѣе, до самаго вечера. А жена въ это время шаталась по всѣмъ концамъ города, возя своего идиота и играя на шарманкѣ. Мужъ почиталь нужнымъ сопровождать ее только въ экстренныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, бывають гулянки подь балаганами обь Масляной и Святой, или на знаменитый Кулербергъ подь Иванову ночь, въ Екатерингофѣ 1-го мая, на Елагинѣ 22-го іюля; во все же остальное время жена шаталась одна, а мужъ перепархиваль изъ кабака въ полпивную. Вечеромъ возвращалась она съ выручкой, иногда въ полтора—два рубля. Мужъ требоваль отъ нея денегъ, жена не давала, онъ ее билъ и отнималь всю выручку, которая переходила немедленно же въ кассу кабатчика. Жена наконецъ разсудила, что чѣмъ быть битой, такъ лучше самой пьянствовать. Мужъ ее сталъ бить и въ этомъ случаѣ, зачѣмъ, молъ, одна пропиваешь всю выручку. Тогда они стали пропивать ее вмѣстѣ: вечеромъ, по приходѣ домой, она оставляла шарманку съ идиотомъ въ квартирѣ, а сама отправлялась съ мужемъ въ кабакъ. Хотя и при такомъ оборотѣ дѣла сожитель находилъ иногда нужнымъ упражнять на женѣ свои кулаки, но житье ихъ вообще пошло ладнѣе, согласнѣе: все, что выработывала она одна, пропивалось вдвоемъ. Идиотъ служилъ единственнымъ, исключительнымъ ресурсомъ и поддержкою ихъ жизни, то-есть ихъ пьянства. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, эта достойная чета со своимъ кормильцемъ и поильцемъ проживала въ Вяземскомъ домѣ. Она снимала подь себя одинъ чуланъ у квартирной хозяйки, той самой, у которой и Чуха имѣла свой пріютъ подь потолкомъ, на верхней нарѣ. При нѣкоторыхъ квартирахъ Новополторацкаго флигеля, вы можете замѣтить въ лѣвой стѣнѣ темныхъ сѣней низенькія двери. Эти двери ведутъ въ особня каморки или чуланы, предназначавшіеся подь складъ разной домашней рухляди, но вмѣсто того служаціе тоже квартирами. Хотя онѣ, за исключеніемъ единственной двери, совершенно глухи и темны, ибо вовсе не имѣють оконъ; хотя и воздухъ тамъ отвратителенъ, однакоже и для этихъ берлогъ находятся свои обитатели. Въ иныхъ изъ такихъ чулановъ почуветь отъ осьми до десяти человекъ пришлаго, бродячаго народу, въ иныхъ же обитають и постоянные, мѣсячные съѣмщики. Къ числу послѣднихъ принадлежала и пьяная чета обладателей шарманочнаго идиота. Они, всѣ втроемъ, вмѣстѣ съ повозочкой и шарманкой помѣщались въ тѣсномъ,

узомъ, и совершенно темною чуланъ, за который платили хозяинъ полтора рубля серебромъ ежемѣсячно. Но имъ свѣту и не требовалось, такъ-какъ чуланъ оказывался необходимъ только для однихъ ночлеговъ. Возвратясь вечеромъ домой, нѣмка вынимала изъ повозочки своего идиота и втаскивала ее на плечахъ по скользкой лѣстницѣ въ чуланъ, а потомъ возвращалась за нимъ и вела его подъ руку. Обратный процессъ повторялся утромъ. Пьяный мужъ, ко времени возвращенья, всегда ужъ поджидалъ ее на стекольной галлерей. Они сажали идиота въ уголокъ своего чулана, пихнувъ ему въ руки кусокъ хлѣба или какой-нибудь съѣдомой дрянн, и заперевъ его въ совершенной темнотѣ, сами удалялись пьянствовать. Иногда подбирали ихъ на улицѣ полиціи и за пьянственный образъ, или за драчливое буйство спроваживала въ часть. Идиотъ сидѣлъ въ-заперти, пока наконецъ не начиналъ чувствовать голодъ, и тогда изъ замкнутого чулана раздавалось его унылое мычанье. Говорить — онъ ничего не говорилъ, а всѣ свои ощущенія изъяслялъ только мычаньемъ, похожимъ на телячье; когда же чувствовалъ приливъ гнѣва, то обыкновенно урчалъ, въ томъ родѣ, какъ урчатъ расходившіеся на крышѣ коты-соперники, когда они, облизываясь, и медленно повода напряженно-изогнутыми хвостами, сторонятся и косятъ другъ на друга.

Въ то же самое время и въ томъ же самомъ стекольномъ флигелѣ Вяземскаго дома судьба устроила пребываніе и еще одного подобнаго же существа. Читатель мелькомъ уже видѣлъ его однажды, когда, показывая ему корпорацію нищихъ, пріютившихся на паперти Сѣннаго Снаса, мы показали, между прочимъ, въ одномъ изъ темныхъ угловъ притвора высокую, сухощавую старуху, съ клокомъ черныхъ съ сѣдиною волосъ, который выбивался на ея лицо изъ-подъ головного платва, съ вытянутымъ, длиннымъ носомъ и впалыми глазами, жадно высматривающими свою добычу. Эта старуха, вмѣсто младенца, для привлеченія людскаго состраданія, держала у себя на рукахъ старуху же — безобразную карлицу-идиотку. Если читатель помнитъ — идиотка эта была очень мала ростомъ и страшно худощава, такъ что казалась какимъ-то уродливымъ скелетикомъ въ кожѣ. Тупые бѣлыя-глаза навикатъ отличались у нея подвижностью, какъ у обезьяны, при чемъ она еще, въ довершенію сходства, безпрестанно мигала вѣками. Въ этихъ глухихъ глазахъ сказывалось какое-то вѣчное выраженіе бессмысленнаго испуга, и такое выраженіе выдавалось тѣмъ

рельефиѣ, что за каждымъ взглядомъ ея непремѣнно слѣдовало какое нибудь трусливо-порывистое движеніе, какая нибудь пониженная ужимка. Сѣдые волосы ея путались космами и безпорядочно набѣгали на лицо. Идіотка спѣшно хватала концы этихъ космъ и тащила ихъ въ ротъ, принимаясь немедленно за торопливое жеванье. Житѣе у старухи-нищей было ей совсѣмъ ужъ не красно, такъ что даже шарманочный идіотъ, сравнительно, пользовался все жъ таки нѣсколько болѣе сносными условіями существованія. Нищая, у которой находилась она на попеченіи, была очень жадное, мрачное и желчное животное. Она ненавидѣла это существо, которое, ради собственной же выгоды, какъ младенца, таскала у себя на рукахъ, скудно завернутое въ грязныя лохмотья. Когда нищая эта была голодна, или раздражена чѣмъ нибудь, или когда выручка оказывалась у нея плохую, она всю свою злость изливала на идіоткѣ. Она ее била и ругала. Ругани идіотка не понимала, но побой чувствовала, и быть можетъ, вслѣдствіе ихъ-то у нея и образовался этотъ трусливый, вѣчно испуганный видъ. Попечительница ея была особа жадная и прожорливая, поэтому она еще и не всегда-то кормила въ мѣру предметъ своей эксплуатаціи, а билада ему одни только объѣдки свои. А между тѣмъ этотъ предметъ служилъ немалымъ поводомъ къ зависти товаровъ нищей-старухи:—«Это не то, что съ малодѣнцомъ звонить^{*}, говорили онѣ:—гдѣ съ малодѣнцемъ-то грошь наконючишь, она со своей диковиной копейку подберетъ, потому ей важинный за самую эту диковину скорѣе нашего сотворить!» Поэтому товарки ее сильно недолюбливали и рады-радешеньки бывали, коли удастся подстроить ей какую-нибудь пакость, такъ что нищая-старуха держалась еще въ средѣ нищенствующей братіи, благодаря только мужчинамъ и особенно старостѣ Слюняю, съ которымъ, собственно ради этого обстоятельства, принуждена была дѣлаться иногда нѣкоторой частью своей выручки.

На сколько идіотка была подвижна, на столько шарманочный идіотъ отличался своей апатичной неподвижностью. У одной лицо было бессмысленно испуганно, у другого бессмысленно-мрачно и зло. Одна была уже совсѣмъ старуха — другой только вступалъ въ періодъ полной зрѣлости—если только слово «зрѣлость» прижѣнно относительно идіота. Ему можно было дать лѣтъ около тридцати. Все это составляло въ нихъ качества противоположныя,

* На мѣстномъ нащенскомъ argot *звонить*—просить милостыню.

отличныя другъ отъ друга, а за симъ во всемъ остальномъ они пользовались почти безусловнымъ сходствомъ. У обоихъ всё инстинкты были развиты въ весьма слабой степени. Они не умѣли сами одѣться; не умѣли защитить себя отъ опасности, отъ непогоды, отъ голодной собаки, которая порою дерзала вырывать у нихъ изъ рукъ кусокъ пищи; не понимая необходимости ѣсть своевременно и выбирать для ѣды подходящія къ своей натурѣ вещества, тогда какъ эти инстинктивные свойства находимъ мы весьма развитыми у очень многихъ изъ бесловесныхъ животныхъ. Они, напротивъ, рады были жевать и жрать хоть цѣлыя сутки, лишь бы нашелся подходящий для этого матеріалъ. Оба весьма охотно пили помой, лакали изъ грязныхъ лужицъ, если ихъ оставляли на свободѣ, среди какаго-нибудь изъ дворовъ Ваземскаго дома, гдѣ имъ всего удобнѣе можно было отыскивать для жранья всякую дрянъ, которая попадалась подъ руку. Трава, коренья, табакъ, земля, свѣчное сало, мочала, глина, солома, подошва или тряпка—все это служило имъ обильнымъ матеріаломъ для ихъ прожорливаго аппетита. Грубая животненная натура проявлялась въ этихъ двухъ жалчайшихъ существахъ во всей наготѣ и срамотѣ своего безобразія, причемъ, къ довершенію уже всѣхъ скотскихъ свойствъ, оба они отличались непомѣрнымъ любострастіемъ, которое противоестественно проявлялось въ каждомъ изъ нихъ, словно у обезьяны, одиночно посаженной въ клѣтку. Казалось, природа не могла уже создать никакого наиболѣе совершеннаго идеала для наибольшаго оскорбленія и униженія человѣка со стороны его нравственныхъ и духовныхъ качествъ—она создала идиота — идиота-самца и идиотку-самку, а судьба, словно бы въ помощь ей, вздумала пронизировать, и какъ-бы нарочно бросила обоихъ въ одну и ту же среду, свела въ одномъ и томъ же притонѣ человѣческаго паденія, нищеты, безобразія и порока.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Чуха привела Машу изъ Малиннива въ ночлежныя Ваземскаго дома, нѣмка-шарманщица и нищая-старуха, съ ихъ идиотами воротились домой почти одновременно со своихъ промысловъ.

— Дурни!... Дурни!... Обѣихъ волокутъ! Глади-кося, пара!... Индо смѣхотина тебя всё кишки сопрѣтъ, какъ поглядишь этга! говорилъ одинъ изъ издвоздателей и мордобійць солдатки-

ной квартиры, указывая своему товарищу на пару идиотовъ, которыхъ въ это время мимо тащили за руки ихъ обладательницы, направляясь по стеклочатой галлерей къ своимъ логовищамъ.

— Отчего это они не говорятъ, а только все это, значить, по телачьему, да по кошачьему? отозвался товарищъ.

— Такой имъ, надо полагать теперича, предѣлъ положонъ.

— Планида така показана?...

— Это точно что; отъ самаго тоисъ на свѣтъ спорожденья.

— Ишь ты!... Премудрость, право!

— Премудрость.

— И выходить одно слово, что глупые они есть люди.

— А что, братъ, началъ опять первый: — я такъ на эфтотъ счетъ полагаю, что теперича порознь имъ жить очинно выходить случно.

— Никавой пріятности нѣту. Что ему безъ бабы, что ей безъ мужива; а копченый про копченое и на мисляхъ завсягда уже держать; такъ и они вотъ.

— Что, ежели бы ихъ теперича да повѣнчать?

— Хе, хе, хе! А что жь? Ничего, можно!

— Попъ не окрутить.

— А для-чего попъ? Мы и безъ попа, сами повершимъ всѣ дѣла! А в потѣха же это, теперича, ежели бы повѣнчать ихъ!... Ей-богу, потѣха!... Смѣхонъ-то столько было бы!

— А и въ сам-дѣлѣ! Давай-ка-ся, братъ, повѣнчаемъ!

— Можно!

— Сватѣвъ засылатъ надо. Кого сватѣями пошлемъ?

— Къ нѣмкѣ замѣсто свата полштофъ пойдетъ; а къ халдѣ-то къ этой сватѣй гривну предоставимъ—обѣ склеятса!

— Гдѣ оелентся! Волка ноги, братъ, кормятъ, а у нихъ энти дурни, ровно что струментъ у майстрового человѣка. — Теперича майстровой человѣкъ безъ струменту ни къ чему не-гожъ — такъ и они. Сломайся теперича у майстрового человѣка струментъ—ну, и при чемъ онъ выходитъ?—Одно слово, что ни при чемъ; и значить, кажинный майстровой человѣкъ допрежъ всего свой струментъ соблюдать должонъ. Такъ ли?

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь и полштофъ тоже вѣдь денегъ стоить.

Склеитъся—согласиться.

— Чего ей денегъ, коли она на своемъ дурнѣ и безъ того важинный день безпремѣнно на полштофъ выручаетъ.

— А выручаетъ — и пушай ее!... Свадьбу все-таки можно обварганить. Коли честью не согласна, и силой отберемъ: поди, тамъ судися съ нами!

— А я такъ полагаю, что это дѣло, пожалуй, похерить надо, потому плева нестоющее.

— Зачѣмъ херить? Вотъ еще!... Живешь-живешь, индо скуга тебя пройметъ. Любопытно, какъ они это про межъ собой... И коли ежели теперича дѣти отъ нихъ пойдутъ — могутъ ли дѣти пойти?

— Безпремѣнно могутъ.

— И такія же будутъ?

— Ровно такія-жь.

— Ну, и шабаш! Стало быть, свадьба!... Ты, братъ, вотъ что: ты за посаженаго будь, и теперича ступай нашихъ ребятъ оповѣстить, что такъ и такъ, пожалуйста, мошь, на свадьбу; и кому угодно, тотъ давай въ складчину хоть по трѣшкѣ, чтобы, значить, не даромъ віатру гладѣть; даромъ, мошь, не допущается; а какъ складчина выгорить, сейчасъ этта купимъ ведро водки; кто при деньгахъ, того подпоимъ, а затѣмъ въ косточки, аль въ каргы затынемъ — ну, и значить, выгрузку карманамъ задавай! Понялъ теперича?

— Ишь вѣдь!... Голова, братъ, ты, какъ я погляжу!... Клѣвую штуку придумалъ! Свадьба, стало быть, пойдетъ голько на подмазку, а главное — ширманамъ чиства*.

— Вѣрно!... Это слово твое — самая центра! Ты, значить, за посаженаго, а я хоть за попа стану — и повѣнчаемъ.

— Лады, баринъ, лады! Это дѣло ходитъ!

— Ну, и значить, мѣшкать нечего — ступай гостей собирать. Сговорились и принялись дѣйствовать.

Солдатчины извоздатеи и мордобійцы, по промыслу своей жизни, принадлежали къ мазурикамъ; специальность ихъ составляла игра въ карты и кости. Это были шуллера, подвизавшіеся среди трущобныхъ отребьевъ. Штука съ идиотами экспромтомъ придумалася ими сколько для ихъ собственной вотьхи, столько же и для собственныхъ барышей. Оба они никогда не упустили

* Чиства карманамъ.

никакихъ штукъ, изъ которыхъ могли извлечь себѣ какую либо выгоду; поэтому, оба весьма усердно изобрѣтали подобныя штуки.

На другой день, въ осьми часамъ вечера, въ солдаткину квартиру набралось изрядное количество народу. Тутъ все были большею частію приглашенные на предстоящую свадьбу.

Солдатка получала иногда отъ своихъ мздовоздателей кой-какія деньжишки при «тырбанкѣ сламу», часто сама принимала нѣкоторое участіе въ ихъ штукахъ, и потому въ данномъ случаѣ не препятствовала сборищу приглашенныхъ: она нюхомъ чужала, что въ ея карманъ перепадутъ нынче кой-какія лишнія деньги, если затѣянная штука удастся благополучно.

Чуха не покидала Машу. Онѣ весь день провели вмѣстѣ, не выходя изъ ночлежной.

Стояла мерзкая холодная погода, при которой, какъ говорится, добрый хозяинъ и собаку на дворъ не выгонитъ, поэтому—понятное дѣло—обѣимъ имъ, вдосталь наскитавшимся и нахолодавшимися безъ крова и пищи, не хотѣлось разставаться хоть и съ грязнымъ, да за то теплымъ угломъ. Чуха давно уже научилась давать цѣну теплу, Маша—только теперь; но обѣ равно дорожили имъ.

Подъ вечеръ начались нехитрыя приготовленія къ предстоящей свадьбѣ. Одну нару, расположенную посерединѣ комнаты, своротили на сторону, чтобы простору больше было. На мѣсто ея поставили маленькій столишко и покрыли его узенькимъ полотенцемъ съ краснымъ узрочьемъ по краямъ. На столишкѣ воздвигли, въ видѣ мавзолея, бутылъ водки въ плетушкѣ, а по бокамъ, на самомъ полотенцѣ, поставили двѣ тарелки вакихъ-то нехитрыхъ закусокъ.

— Тетка! ты мнѣ дай свою шемягу * ковровую, обратился къ хозяйкѣ одинъ изъ учредителей предстоящаго торжества:—шемяга у насъ замѣсто ризы пойдетъ—потому никакъ безъ ризы вѣнчать невозможно.

— Что и попъ, коли ризы нѣтъ! усмѣхнулась солдатка, и достала изъ сундука широкій, большой платокъ съ бахромой и пестрыми разводами.

— А гдѣ жъ постѣлю молодымъ построимъ? домекнулся другой учредитель.

* Шемяга—платокъ.

— На первой нарѣ, супротивъ дверей, присовѣтовалъ товарищъ—и солдатка вытатила отбуда-то затасканную рогожку, долженствовавшую играть роль постели. Рогожку положили на избранное мѣсто.

Собиравшіеся гости перекидывались остротами и веселыми замѣчаніями на счетъ всѣхъ этихъ приготовленій; по болѣе всего взоры ихъ блонило на заманчивую бутылъ, возвышавшуюся среди маленькаго столишка. Всѣ эти господа, повидимому, чувствовали себя въ ожиданіи чего-то курьёзнаго и смѣшнаго. Всѣ были очень весело настроены, а наиболѣе смышленные и дошлые догадывались, что дѣло тутъ не спроста, что бутылъ не даромъ возвышается мавзолеемъ, и что двое мордобійцъ ужъ навѣрное имѣютъ въ виду устроить какую ни на есть ловушку на счетъ карманной очистки. Эти дошлые помалчивали, переглядывались порою многозначительными взглядами, и только-знай, ухмылялись-себѣ, наблюдая всѣ приуготовленія.

Между тѣмъ, около девятаго часа воротилась нѣмка-шарманщица. Ей напрямки былъ предложенъ полштофъ водки, съ тѣмъ чтобы она отдала на одинъ часъ своего идіота, а сама поиграла бы въ это время на шарманкѣ. Нѣмка, неуспѣвшая еще вапиться, вздумала-было заартачиться, но пьяный мужъ, въ виду такого соблазна, какимъ представлялся ему даровой полштофъ, пригрозилъ ей побоями, показалъ два мощныхъ кулака—и идіотъ былъ отданъ, а владѣтельница его, послѣ такой угрозы, безпрекословно согласилась вертѣть ручку шарманки.

Начало было сдѣлано скоро и вполне успѣшно; — оставалось только добыть теперь идіотву.

Вскорѣ на стекольчатой галлерей показалась и длинная, сухошавая фигура старухи-нищей, со своею обычною ношей. Нищая на сей разъ казалась очень суровой и злою. Сидѣвшая у нея на рукахъ идіотва вздумала-было потащить себѣ въ ротъ бахрому ея головнаго платва, и получила за это затрещину.

— Пузѣрится! замѣтилъ одинъ учредитель другому, намекая на гнѣвъ старухи-нищей.

— То и на руку! возразилъ другой: — значить, выручка плоха; можетъ, ни ваньки не скенить *, а тутъ ей жирмашникъ ** въ зубы—и шабашъ!

* Ни копейки нѣтъ.

** Гривенникъ.



Предположеніе послѣдняго оказалась вѣрнымъ. Старуха дѣйствительно была голодна и трезва, поэтому и не отказалась отъ предложенія двухъ учредителей свадьбы, только выговорила себѣ вмѣсто гривенника пятиалтынный. Тѣ согласились и получили идиотку.

Компанія зрителей, приглашенныхъ на свадьбу, была почти вся уже на лицо. Тамъ случилось человѣкъ тридцать народу, между которымъ виднѣлись фізіономіи разныхъ жоржей, торчалъ костыль хроменькаго, выставлялся краснѣйшій носъ косоглазаго Слюняя, нищенскаго старосты, вертѣлась монашеская ряска ходебщика на построеніе храмовъ; нѣсколько женскихъ юбокъ шмыгали между нарами и юркали за перегородку шушуваться съ квартирною хозяйкой. Нѣсколько мѣстныхъ аристократовъ изъ чиновниковъ тоже присутствовали въ числѣ гостей. На нихъ-то главнѣйшимъ образомъ и метили учредители свадьбы, имѣя въ виду затянуть ихъ потомъ помаленьку въ игру. Для этого они успѣли уже угостить ихъ водочкой. Чиновники были очень веселы и держались отдѣльною группкой. Имъ оказывалось предпочтительное вниманіе со стороны мордобійць и мздовоздателей, и чиновники показывали видъ, что умѣютъ чувствовать и понимать такое предпочтеніе. Нѣмка съ супругомъ и шарманкой находилась тутъ же и успѣли уже угоститься изъ предложеннаго имъ полштофа, а идиотъ, которому дали сосать говяжью кость, озирался на всѣхъ съ весьма тревожнымъ видомъ: онъ не привыкъ видѣть себя въ эту пору среди такого большого общества, такъ-какъ въ этотъ часъ находился обыкновенно подъ замкомъ во тѣмъ громѣшной своего чулана. Это сборище людей, изъ которыхъ многіе обращали на него предпочтительное вниманіе, дотрогиваясь до него, словно до диковинной вещи, руками и пальцами, очевидно, беспокоило идиота, повергая его въ тревожное состояніе духа. Шарманщица, замѣчая это, время отъ времени, ободрительно поглаживала его по головѣ, въ томъ родѣ, какъ обыкновенно поглаживаютъ барсуковъ, лисенятъ и медвѣжатъ тѣ деревенскіе парнишки, чтó показываютъ иногда по дварамъ «чудного звѣря звѣрскѣго».

Среди всей этой компаніи были только два лица, относявшіяся вполне безучастно ко всему происходящему передъ ихъ глазами. Это были Чуха и Маша. Дѣвушка смотрѣла на это сборище, на эти приготовленія совершенно безразличнымъ взоромъ, какъ на нѣчто совсѣмъ постороннее, некасающееся до нея ни-

мало. Она не понимала, что это такое и зачѣмъ, съ какою цѣлью все это творится. На душѣ у нея было еще слишкомъ много своего собственнаго горя и невзгодъ, такъ что погруженная въ свой внутренній міръ, она почти и не видѣла, не замѣчала, что дѣлается вокругъ. Въ ту минуту Маша въ глубинѣ души была искренно рада одному только обстоятельству, что не шатается безъ цѣли по улицамъ голодною безпріютницею, что находится наконецъ подъ теплою кровлей, рука объ руку съ существомъ, которому она довѣрилась и которое успѣла уже искренно полюбить среди своего сиротскаго одиночества.

— Готово! вскричалъ одинъ изъ учредителей, внося на рукахъ барлиду-идіотку, которую только что добылъ отъ нищей на стекольчатой галлерей. Вслѣдъ за нимъ изъ дверей показался и рѣзкій профиль высокой сухощавой старухи.

— Музыка! Играй!... Встрѣчай молодую! распоряжался онъ, пробираясь сквозь толпу со своею ношей.

Шарманщица завертѣла ручку. Раздались сильные, свистящіе и хрипящіе звуки какого-то марша. Пьяный вѣмецъ билъ тактъ ногами и ладонями, и вдругъ пустился маршировать по комнатѣ, начальственно махая рукою и выкрикивая:

— Патальонъ! Стой-равнайсь!... направа маршь!—Алѣ!... Алѣ-маршь! Дирекціонъ впередъ!... Урра-а!...

Публика осталась очень довольна началомъ комедіи и нетерпѣливо ждала продолженія.

— Молодыхъ на переднее мѣсто! Сажай! сажай ихъ, съ почетомъ!

И двухъ идіотовъ посадили рядкомъ на одну нару. Сامةцъ, тяжело и медленно дыша, озирался по сторонамъ дико и подозрительно, а самка сосредоточенно погрузилась въ торопливое жеванье сѣдой космы своихъ собственныхъ волосъ.

— Теперь наибольшій облакаться пойдетъ, а вы, публика почтенная, жди да молодыхъ не задирай, пунцай не пужаются.

Одинъ изъ затѣйниковъ свадьбы ушелъ за перегородку и вышелъ оттуда въ распущенномъ ковровомъ платкѣ, который онъ обвязалъ двумя концами вокругъ своей шеи,

Одобрительный хохотъ зрителей встрѣтилъ появленіе его въ этомъ нарядѣ.

Двухъ идіотовъ поставили посерединѣ комнаты, передъ столомъ, на которомъ возвышалась бутылъ.

— А что же брачущіеся-то безъ свѣчей? компетентно замѣтила монашеская ряса ходебщика: — подобаетъ дать имъ въ руку свѣщи возжѣнныя! Потому безъ свѣщей возжѣнныхъ и бракъ не въ бракъ.

— Хозяйка! дай имъ по сальному огарку! предложилъ кто-то изъ зрителей.

— Ишь ты, чего еще вздумалъ!... По сальному!... Они салото сожрутъ, а за свѣчу, поди чай, тоже деньги платимъ, отгрызнулась солдатка:—и безъ свѣчей повѣнчаются!

— Безъ свѣчей, говорятъ тебѣ, никакъ невозможно!

— Ну, ладно! пушай за мѣсто свѣчки что другое возьмутъ.

— Да чего тамъ! Дать нешто одному ухватъ, а другому кочергу—вотъ и свѣчи имъ будутъ!

Мысль эта встрѣтила полное одобреніе какъ со стороны публики, такъ и со стороны самихъ затѣйниковъ.. Дали одному ухватъ, а другой кочергу и снова подвели къ столу.

Игравшій роль вѣнчателя налилъ изъ бутылки полный стаканъ, обернувшись съ нимъ лицомъ къ идиотамъ, заговорилъ нараспѣвъ:

Вѣнчаются кулики
На болотѣ на рѣки,
Яго масляники.
Ни съ бобами,
Ни съ горохомъ,
А съ картофелью.

Вслѣдъ за этимъ онъ залпомъ выпилъ налитый стаканъ, и командовавъ шарманщицѣ, чтобъ она «дула развеселую», взялъ было за руки идиотовъ...

Публика хохотала и еще тѣснѣе понадвинулась къ мѣсту дѣйствія, сплотившись въ тѣсный вѣжокъ.

Идиоты, испуганные этимъ неумолчнымъ хохотомъ, и этимъ вниманіемъ, которое въ данную минуту было устремлено исключительно на нихъ, стали озираться еще диче и наконецъ оба задрожали всѣмъ тѣломъ. Когда же снова раздались звуки шарманки и вѣнчатель вздумалъ взять ихъ за руки, перепуганные и раздраженные самецъ и самка, побросавъ ухватъ и кочергу, мгновенно порскнули въ разныя стороны.

Хохоть сдѣлался еще громче, еще веселѣе; многихъ уже кололо въ подреберье.

Оба затѣйника принялись ловить брачущихся, а тѣ, вида но-

вую напасть, забились одинъ подъ нары, другая въ уголь около печи. Самца достать было нѣсколько трудно: онъ, какъ раздраженный котъ, урчалъ и шипѣлъ оттуда, выказывая самыя враждебныя намѣренія относительно своего ловца. Самка же, болѣе беззащитная, сильно тряслась всѣмъ тѣломъ, и такъ корчилась да ежилась, словно бы хотѣла уйти спиною въ самую стѣну. Поймать ее не составляло никакого труда, и потому когда присиѣшникъ вѣнчателя, ловившаго идиота, подступилъ къ идиоткѣ, та, вида себя въ крайней уже опасности, присѣла на корточки и вдругъ пронзительно и долго завизжала, тѣмъ самымъ звукомъ, какъ визжитъ иногда заяцъ, когда его уже dospѣла гончая собака.

У Маши не хватило силъ выносить далѣе эту сцену. Заткнувъ уши, съ мутящимъ чувствомъ въ душѣ, она опрометью винулась къ дверямъ и выбѣжала вонъ изъ ночлежной квартиры, въ которой раздавались смѣшанные звуки хохота, шарманки и заячьего визга. Она бѣжала вдоль по галлерей, бѣжала безотчетно, не зная куда и зачѣмъ: — ей только хотѣлося вонъ, поскорѣе вонъ изъ этого вертепа, изъ этой тлетворной заразы.

За нею поспѣшала старая Чуха, но Маша не видала ее. Чуха била дѣвушку по имени — та не слыхала ее. Наконецъ старухѣ удалось догнать ее въ концѣ корридора, уже у самой лѣстницы, и схватить ее за руку. Маша только теперь словно очнулась немного. Она въ отчаяніи схватилась обѣими руками за голову и съ внутреннимъ усиліемъ прошептала:

— Вонъ, вонъ отсюда!... скорѣе вонъ!... Силъ моихъ нѣту!...

Старуха сама была потрясена; а видъ этой несчастной дѣвушки еще увеличилъ ея тревожное, смутное состояніе. Она молча взяла Машу подъ руку, бережно свела ее съ лѣстницы и повела вонъ изъ Вяземскаго дома.

Описывать далѣе импровизированную свадьбу идиотовъ нѣтъ ни малѣйшей возможности для печатнаго слова. Довольно сказать одно, что затѣя наконецъ удалась двумъ мордобійцамъ солдаткиной квартиры. Идиоты были повѣнчаны; публика, наслаждавшаяся отвратительнымъ зрѣлищемъ, хохотала подъ звуки шарманки, и разошлась необыкновенно довольная спектаклемъ. Наконецъ, та часть этой публики, на которую устроители идиот

свой свадьбы имѣли свои расчеты, достаточно напоена и обыграна въ карты и кости. Безобразная оргія и игра длилась до самаго утра, послѣ чего обыгранные и пьяные игроки были вытолканы взащей, а барыши раздѣлены между солдаткой и двумя ея приспѣшниками.

XLII.

Клоповникъ Таировскаго переулка.

Низенькая комнатка въ два окна, оклеенная шпалерами, освѣщалась лампой, повѣшенной на стѣну. Комнатка была перегороджена досчатою перегородкой, недоходившей до потолка, и раздѣлялась на пять или на шесть узенькихъ, тѣсныхъ и темныхъ клѣтушекъ. Оба низкія, маленькія окошка до половины закрывались бѣлой и красной шторкой на вздержжахъ, дабы съ улицы не было видно, что творится внутри, такъ-какъ эта комнатка помѣщалась въ нижнемъ этажѣ огромнаго каменнаго дома и окнами выходила на Таировскій переулокъ, что выводитъ съ Сѣнной на Садовую. На стѣнахъ этой комнатки висѣли двѣ-три раскрашенные литографіи, изъ коихъ одна изображала какую-то торжественную церемонію, а двѣ остальные — сантиментальныя сцены кавалера съ дѣвою. Къ одной стѣнѣ приткнулись убогія, допотопныя клавикорды, къ которымъ страшно было привоснуться—до того они дребезжали и шатались на непрочныхъ ножкахъ. Клавикорды навѣрное отжили Мафусайловъ вѣкъ, въ чемъ можно было вполне удостовѣриться, взглянувъ на пожелтѣлыя, истершіяся клавиши; и все-таки, несмотря на свое инвалидное долготіе, инструментъ продолжалъ каждый вечеръ и каждую ночь добросовѣстно отбивать свою музыкальную службу. За клавикордами возсѣдала растрепанная, рабая, пожилыхъ лѣтъ особа, въ весьма большомъ дезабилье и съ грустной сантиментальностью акомпанировала своему пьяновато-сиплому, разбитому голосу весьма чувствительный романсъ, причемъ ей никакъ не удавалось выговаривать чисто букву *c*, вмѣсто которой все выходило у нея шепелявое *ш*.

Я тиха, скромна, уединѣнна,
Цѣльный день сажу анна,
И сажу амнаивавенно
У камна бляншь окна,

выводила дѣвица свои чувствительныя ноты, причемъ на словѣ

«у камина» взвизгивала во весь полный голосъ. На слѣдующемъ куплетѣ, подъ ту же самую музыку, и подъ тотъ же мотивъ у нея выходилъ уже новый «романецъ»:

Гушаръ на шаблю опирался,
На долго жъ милой раничался,
Прости красавица слезами,
Амуръ всё вѣтвы наши пишеть
Штрѣлюю на водѣ въ водѣ.

Дѣвица вздыхала и пѣла, пѣла и вздыхала, а по комнатѣ въ это самое время бродили съ перевальцемъ еще три или четыре подобныя же дѣвицы, изъ коихъ одна кушала луковку, а другая курила махорчатую папироску, тогда-какъ двѣ остальные поднимали про-межь себя звонкую, тараторливую перебранку.

— Ну, признавайся! Слукавилась? слукавилась? наступала одна и голосомъ и руками.

— Чего признавайся! отмахивалась другая: — развѣ ты мнѣ духовный отецъ, аль послѣдній конецъ?

— Пушай глаза мои лопнуть!

— Не бойсь, не лопнуть!

— Нѣтъ, лопнуть! лопнуть!... А ты — никогда ты меня не порочь, потому я хорошая дѣвушка, а ты подъ присягу поди!

— Пойду ли я присягать! Нешто я дешевле тебя?

— Желтую бъ заплатку тебѣ на спину, коли такъ, да за городъ!

— Сама, сама была запрещена въ столицѣ!

— Эхъ ты, ноздря! съ величайшимъ презрѣніемъ брягнула наконецъ одна изъ спорщицъ, и это слово, какъ фитиль, приложенный къ пороху, произвело взрывъ: обѣ винулись въ цѣпки, поднялась драка, полетѣли клочья.

— А!... Наше вамъ! четыре здоровья, пята легкость! раздался вдругъ звонкій, веселый голосъ — и въ распахнувшихся дверяхъ показалась представительная фигура Луки Летучаго.

— Важная дупка! Индо перье летить! Катай, марухи! * Луки, котятка! Жарче! возглашала. Лука, вступая въ комнату. — Зашто ломва идетъ? обратился онъ къ особѣ, жевавшей луковицу.

— Да ужъ у нихъ дѣло такое, примѣромъ, что у той петельки, а у той врючечки—а застегнуться не могутъ; вотъ и драка схватилась.

* *Маруха, марушка* — женщина.

— Ну, и пушай ихъ, коли развлеченье такое!— Оно не столь-
кѣй чувствительно, сколькѣй занимательно. А ты мнѣ, мадамъ,
«Муфточку» выиграй — очинно ужь любя мнѣ эта самая ваша
пѣсня, отнесся гость къ музыкантѣмъ:— «Муфточку», значить, да
двѣ пары пивка выставьте, потому—благодушествуемъ.

И онъ швырнулъ на столъ желтенькую ассигнацію.

— Ну, марухи, одначе жь будетъ вамъ драться! Не мѣшать
мнѣ пѣсню слушать!

Марухи все-таки дрались, и потому Лука нашель себя вынуж-
деннымъ взять зашиворотъ одну, взять зашиворотъ другую,
приподнять обѣихъ на воздухъ, слегка потрясти, повачать и со
смѣхомъ поставить нѣ землю другъ противъ дружки.

— На всякъ день, на всякъ часъ помни, что ты есть баба,
внушительно обратился онъ къ той и другой, выразивъ почему-
то въ словѣ «баба» великое свое презрѣнье, такъ что тѣмъ оно
даже и обиднымъ показалось.

— Да я-то—баба; съ какой хошь стороны поверни, все буду
баба! раззадорилась марушка, войдя въ азартъ уже противъ Ле-
тучаго и позабывъ свою антагонистку: — а ты...

— Что небось, дурень, скажешь?

— Самъ знаешь, какво врденъ да шить.

— А что жь? — Ничего: дурень да фигурень — въ потемкахъ
хорошъ.

— Хорошъ, кабы не пѣрхатный!

— Чего-о-съ?... Можешь ли ты, насѣкомое ты эдакое, мо-
жешь ли ты мнѣ такое слово связать? Никакъ того моя душа
не потерпитъ, и какъ есть я купецъ...

— Купецъ изъ рабочаго дома! перебила марушка.

— А по твоему—кто?

— По моему—бубновыи тузъ въ кандалахъ—вотъ кто по моему!

— Хм... Тѣтъ-съ!... Пожалуй хотъ и тузъ, да только козыр-
ный, бахвалился Лука, избочаясь и разставляя ноги: — а ты—
той же масти дама, а тузъ даму бьетъ.

И въ подтвержденіе этой теоріи, онъ совершенно спокойно
однимъ ударомъ упражнилъ надъ нею свою руку.

Та съ визгомъ опрокинулась навзничъ, а Лука, словно ни въ
чемъ не бывало, подалъ встревожившейся музыкантѣмъ трехрубле-
вую бумажку и сѣлъ на стулъ у окошка.

— Отдай это ей, мадамъ, на пластырь, да уברי ее куда по-
дале, потому не по сердцу мнѣ такая концерта, пояснилъ онъ

музыкантшѣ, принимаясь за пиво: — да наважи ты ей, цуяй мнѣ еще спасибо сважеть, потому, говорю тебѣ—благодарствуемъ!... Я нониче добрый, совсѣмъ добрый; право!

И отвернувшись къ окну, онъ раскрылъ форточку, объявивъ, что больно жарко ему, и машинально сталъ гладѣть въ нее на улицу.

Вскорѣ на панели остановились двѣ женскія фигуры. Онѣ разговаривали, и можно было слышать голоса.

— Куда жь ты? куда? заботливо и тоскливо раздавался голосъ, очевидно, старухи.

— Все равно... куда глаза глядятъ, отвѣчалъ ему голосъ молодой, но полный отчаянья.

— Да вѣдь... милая, подумай!... вѣдь пропадешь!

— И лучше! одинъ конецъ!... Мнѣ тамъ не переносно — не могу я этого!... не могу!...

Послышалось тихое, судорожное рыданье, сквозь которое прорывались отрывистыя слова дѣвушки, припавшей къ плечу старухи:

— Прощай... Нейди за мной... нейди дальше... я одна... одна я пойду... Прощай... Спасибо тебѣ... Пусти меня!...

Лука Летучій вглядывался, вслушивался — и вдругъ его рожа освѣтилась плотоядно-чувственной улыбкой.

— Эге!... да это звѣрь-дѣвка вчерашняя!... Она — она и есть! пробурчалъ онъ себѣ подъ-носъ, напряженнѣе устремивъ взоръ на фигуру дѣвушки: — ну, вчера въ Малинникѣ изъ рукъ упоркнула лебедка — сегодня не уйдешь!... не уйдешь!...

И съ этой мыслью онъ быстро выбѣжалъ на улицу.

Раздался испуганный крикъ двухъ женскихъ голосовъ — и мнѣе чѣмъ черезъ минуту Летучій, словно ошалѣлый, опять вбѣжалъ въ комнату, облапивши въ охапку молодую дѣвушку, которая отчаянно кричала и тщетно билась изъ его крѣпкихъ рукъ.

Это была Мапа.

Потрясенная и возмущенная вонецъ сценою счастыя идиоты, которая только что разыгралась передъ ея глазами, она чувствовала, что рѣшительно не можетъ уже ни минуты долѣе оставаться въ этомъ дикомъ и страшномъ мѣрѣ, въ смрадно-зараженной средѣ этихъ безобразныхъ людей. Ее душила эта растлѣнная атмосфера порока и разврата; она задыхалась въ ней;

она мгновенно раскаялась теперь, что вчера не хватило рѣшимости броситься въ прорубь, и разомъ покончить съ собою навѣки. Она теперь хотѣла бѣжать, бѣжать и бѣжать — безъ оглядки, безъ цѣли, съ одной только мыслью — забѣжать туда, гдѣ нѣтъ ни слѣда человѣческаго, чтобы никогда, никогда не достигнуть больше до слуха ни единый звукъ человѣческій, чтобы не коснулась ума и памяти ни единая мысль, ни одно напоминаніе объ этой жизни, объ этихъ людяхъ. Внутри ея все — рѣшительно все было потрясено, оскорблено, разбито. Ей стало до мучительнаго ужаса страшно, и холодно не за себя, но за жизнь, за человѣка страшно и до злобы оскорбительно за самого Бога, въ безконечную благодѣтельность котораго она такъ привыкла вѣровать, за Бога, допустившаго возможность подобной жизни и создавшаго подобнаго человѣка.

И вдругъ — неожиданная встрѣча съ Летучимъ, въ тотъ самый моментъ, когда ей думалось, что она уже ушла и покончила съ тѣмъ, что такъ безконечно возмутило ее.

Лука Летучій уже третьи сутки гулялъ и пилъ самымъ безпардоннѣйшимъ образомъ. Онъ прогуливалъ выгодную поживу своего послѣдняго и весьма выгоднаго воровскаго дѣла. Этотъ человѣкъ жилъ только для себя, и не умѣлъ, и не могъ отказаться себѣ въ чемъ бы то ни было, если ужъ оно разъ забрело ему на умъ или запало въ душу. Эти дни онъ обрѣтался въ вакомъ-то угарномъ чаду, который неослабно поддерживался сильнымъ количествомъ спирту. Это была заматерѣлая, закаленная, и какая-то слонвья натура. Взбудораженные и воспаленные инстинкты его расходились теперь до того, что ни въ чемъ не знали предѣла. Въ необузданной чувственности своей онъ дошелъ до бессмысленнаго звѣрства, и со вчерашняго вечера, въ теченіе послѣднихъ сутокъ, къ нему неоднократно возвращалось воспоминаніе о вчерашней звѣрь-дѣвкѣ, дерзнувшей выступить передъ нимъ въ защиту какаго-то мальчонки. Ея поступокъ показался любимъ его сердцу: такая неожиданная дерзость прилась ему по душѣ, а ея поцалуй, это прикосновеніе ея губъ, и потомъ столь близкое прикосновеніе къ ея тѣлу взбудоражили его сладострастіе. Этотъ волею сталъ мечтать объ этомъ ягненкѣ и точилъ на него свои зубы. Въ теченіе всего дня онъ неоднократно съ досадой восклицалъ себѣ: «эхъ жаль! упустилъ низашто дѣву!... Вотъ, кабы такую въ любовницы!» — И эта мысль донимала его. Вдругъ — судьба, словно бы нарочно, даетъ ему опять возмож-

ность овладѣть звѣремъ-дѣвкой — и на сей разъ онъ уже не упустилъ случая.

— Замыкай дверь! замыкай дверь! чуть не задыхаясь говорилъ онъ музыкантшѣ, сцѣпивъ свои зубы и весь дрожа отъ волненія:—все отдамъ, бери все, что есть, только дверь замени, чтобы ни единой души не вошло!

Всѣ женщины, бывшія въ комнатѣ, стояли истуканами, изумленныя, перепуганныя, недоумѣвая, что все это значитъ. А между тѣмъ на улицѣ раздавались отчаянные вопли Чухи, призывавшей караулъ на помощь.

Пьяный Лука, въ конецъ опьяненный еще дикою страстью, уже рѣшительно не помнилъ, гдѣ онъ, и что онъ дѣлаетъ. Бросивъ на полъ почти безчувственную дѣвушку, онъ кинулся къ двери и трепещущими руками старался замкнуть ее на ключъ. Музыкантша, кое-какъ пришедшая въ себя, съ криками пустилась за нимъ попрепятствовать ему въ этомъ намѣреніи—Лука отшвырнулъ ее въ сторону какъ щепку. Остальныя женщины разбѣжались и въ страхѣ попрятались по своимъ конурамъ. А крики Чухи не умолкали. Она тщетно ломилась въ ту же дверь изъ сѣней: Летучій крѣпко ухватился за мѣдную ручку.

Маша почувствовала, что нѣтъ почти уже никакого исхода, что она во власти этого звѣря и вдругъ, инстинктивно вскочивъ съ полу, кинулась къ окну, схватила стулъ и съ размаху привалась вышибать имъ раму. Стекла задребезжали и мелкими звѣньями посыпались на улицу.

Летучій, какъ кошка, бросился къ ней отъ двери, которую такъ и не удалось ему замкнуть, и быстро ухватилъ сзади руки дѣвушки.

Въ ту жъ минуту Чуха ворвалась въ комнату, а подъ окномъ, гдѣ уже успѣла столпиться кучка прохожаго народа, вдругъ пронзительно раздался призывный свистокъ полицейскаго.

Слѣдомъ за Чухой, появился жолный, дворники и нѣсколько любопытныхъ.

Музыкантша съ воемъ указала на Летучаго. Его схватили и скрутили локти назадъ. Сила этого человѣка уступила силѣ осьми дюжихъ ругъ.

Увидя себя связаннымъ, Лука громко вздохнулъ, какъ-бы отъ сильной усталости, оглядѣлся вокругъ, тряхнулъ головою и спросилъ чего-нибудь испить. Испить ему не дали.

Чуха сволокла обезсиленную Машу на диванъ и привалась суетиться около нея, не зная какъ и чѣмъ унять ея глухія, тяже-

лня риданья, а музыкантша, вмѣстѣ съ остальными подругами своими, которыя теперь уже смѣло повныскакивали изъ конурокъ, взапуски и въ перебой объясняли съ воемъ и плачемъ свое великое горе, рассказывая безъ толку всю исторію, случившуюся за минуту.

— Эта дѣвуска, миленькіе, обидѣла меня! пьяно кричала музыкантша, ударяя себя въ грудь и указывая на лежавшую Машу: — я не накал-нибудь, у меня комната шпалергами облеена, а она, подлая, у меня окно вышибла, скандалу мнѣ надѣлала, шуль хорошей поломала; я за шуль въ рынѣкъ шама тоже рубь-цалковый платила!... Не прошу я такую обиду при моемъ бѣдномъ званіи!... Я хорошая дѣвуска, миленькіе, я хорошая!... Я не приглашала ее къ такому тѣлошложенію!

Появились еще двое городскихъ, потревоженные свисткомъ своего товарища.

— Ишь, фараоново войско! не безъ ироніи пробурчалъ себѣ сквозъ зубы Лука Летучій.

— Ты откелева? Ты здѣшняя? обратился одинъ изъ блюстителей къ Машѣ, которая едва лишь успѣла немного опомниться.

— Нѣтъ, отвѣтила за нее Чуха.

— Какъ звать тебя?

Маша назвалась.

— Гдѣ живешь?

Отвѣта на вопросъ не послѣдовало.

— Ну, сталь-быть изъ бродячихъ! порѣшилъ блюститель. — Видь твой при себѣ? Подавай-ко видь сюда!

Маша торопливо опустила руку въ карманъ и вдругъ остолбенѣла: она не нашла тамъ паспорта. Стала искать во всѣхъ карманахъ — нигдѣ не находится. Она и не знала, какъ былъ украденъ въ ночлежной ея видь, во время сна, ея сосѣдомъ по мѣсту на общей нарѣ.

— А впрочемъ, тамъ ужъ въ конторѣ разберутъ, замѣтилъ допросчикъ: — нечего толковать! Маршъ за мною въ кварталъ! Всѣ маршъ! Ребята, ведите-ко! Забирай всѣхъ, сколько ни есть — ужъ разберутъ.

— Ну-у!... Замолдо! свиснулъ Летучій съ значительной долею смѣшливаго ухарства: — мнѣ что? — мнѣ это ровно, что ничего! — одно слово: плевать вамъ въ тетрадь! попотѣемъ денѣкъ да и выпрыгнемъ. Свои люди сочтемся — не впервой вѣдь! Ведите меня, войны поштенные!

— Ишь ты, тигра звѣринская! плакалась на него удрученная музыкантша, отправляясь въ общей кучкѣ по общему назначенію: — ты его считай за апостола, и онъ тебѣ хуже кобеля цѣстрова!

— Ну, ты, насѣкомое, молчать! цыкнулъ на нее Летучій и проходя уже по тротуару мимо толпы любопытныхъ зрителей, бахвалясь гаркнулъ имъ во все горло:

— Эй, вы, баря!... Глади-ко-сь, много ли вашихъ крестьянъ мимо насъ ходитъ!?... Ась?

И пошелъ-себѣ напѣвая:

Тыра, тыра перетира!
 Ты маруша закодыра!
 Тыра зѣмка стремить,
 А карманъ ему грозить,
 Дядинъ домикъ сулить,
 Судить правовки-да
 Бриты маковки!
 Ай-да, ну да два
 Ходи улица мои!

Всеволодъ Крестовскій.



ПРУДОНЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

(Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Сочиненіе Прудона. Переводъ подъ редакціею. Н. Курочкина. Спб. 1865 г.)

Bound to the earth, he lifts his eye to heaven.
Byron.

(Прикованный къ землѣ, онъ поднимаетъ взоръ свой къ небу).

II.

Мы остановились на принципѣ «искусства для искусства». Мы сказали, что принципъ этотъ считается пропавшимъ для искусства. Признано, что его могутъ принимать только враги отечества. Онъ находится въ противорѣчіи съ самыми первыми понятіями объ обязанностяхъ истиннаго гражданина.

Дѣйствительно, нѣтъ другого мнѣнія, которое было бы такъ общепринято и вмѣстѣ такъ презрительно, какъ мнѣніе о совершенной негодности и вредности этого антигражданскаго принципа. Съ нимъ соединяютъ понятіе о чемъ-то болѣе—чѣмъ нелѣпомъ, болѣе—чѣмъ пошломъ, но просто о чемъ-то гнусномъ и предательскомъ. Мы припоминаемъ о достойномъ писателѣ, благородномъ человѣкѣ и истинномъ другѣ художниковъ, теперь уже сошедшемъ въ преждевременную могилу, который, при началѣ нашего умственного столпотворенія, былъ отодвинутъ отъ литературы единственно насмѣшками надъ тѣмъ, что онъ, во вреду своего отечества, вѣрилъ въ «искусство для искусства». Почтенное имя А. В. Дружинина, хотя вполне достойное лучшей памяти, до сихъ поръ не поминается ничѣмъ другимъ, какъ этой язвительной ироніей. И нѣтъ такого пошленкаго гражданина, даже въ самыхъ низменныхъ сферахъ нашего литературнаго гражданства, который бы не понималъ въ совершенствѣ, какъ много яду въ этой ироніи. Нѣтъ такого отверженнаго парія въ этомъ гражданствѣ, который не былъ бы убѣжденъ, что погу-

*

бить челоуѣка, значить — изобличить его въ признаніи «искуства для искуства». И всякій такой парія непременно упражнялся въ этомъ изобличеніи, и никогда не хотѣлъ думать, чтобы подобное душегубство было выше средствъ его. Къ русскому переводу разбираемой нами книги сдѣлано небольшое предисловіе, даже очень небольшое — всего двѣ неполныя странички маленькаго формата, крупной печати. Этотъ умственный трудъ, который можно назвать по истинѣ скромнымъ, принадлежитъ редактору перевода, и сколько намъ извѣстно, это — единственный самостоятельный трудъ его. Но даже и этотъ скромный авторъ этого единственнаго самостоятельнаго труда, несмотря на тѣсное пространство своихъ двухъ страничекъ, не усумнился сдѣлать изъ нихъ гражданскую вылазку противъ «искуства для искуства». Въ переводѣ, сдѣланномъ подѣ его редакціей, попадаются опрометчивости, можно связать, пресмѣшныя, и, однако, оставленныя безъ его редакторскихъ поправокъ; въ этомъ переводѣ встрѣчается, напримѣръ, рѣчь о библейской Сусаннѣ, которая, по тексту перевода, «бросается изъ бани», и редактору не пришло въ голову переправить эту *баню* на купальню. И, несмотря на это, даже онъ, даже этотъ снисходительный редакторъ не довольно исправнаго перевода, даетъ всю волю своей гражданской ревности, какъ только дѣло касается противообщественнаго принципа «искуства для искуства». Такъ, по его мнѣнію и выраженію, люди, нераздѣляющіе всеобщихъ опасеній о погибельности этого принципа — «люди недалъновидные», и въ тому же «недобросовѣстные»; мало этого, забываясь до глупости, онъ называетъ ихъ «дешевыми»; но не довольствуясь и этимъ, и почему-то полагая, будто въ эпоху, когда онъ писалъ свой самостоятельный трудъ, кажушійся перевѣсъ былъ на сторонѣ этихъ людей, онъ пронивается духомъ пророчества и говорить: «Напускное торжество ихъ непродолжительно; въ сферѣ мысли — удѣлъ всему гнилому и мертвому одна смерть». Это почти страшно. И хорошо еще, что это, по крайней-мѣрѣ, недалъновидно, такъ-какъ теперь уже ясно, что тотъ, кто сказалъ это, всего менѣе предвидѣлъ, что его собственное торжество будетъ и того непродолжительнѣй. И вотъ въ какомъ загопѣ находится принципъ, который предписанія разума заставляютъ насъ отстаивать.

Въ книгѣ Прудона почти нѣтъ другого мѣста, которое бы, по энергіи выраженія, равнялось его порицанію «искуства для искуства». Онъ говорить:

«Искуство для искуства, какъ его называютъ, не заключая само въ себѣ своего оправданія, не основываясь ни на чемъ — совершенно ничтожно. Это развратъ сердца и разложеніе мыслей.

Если искусство или идеалъ не подчиняются праву и обязанности, и если, несмотря на то, ихъ считать высочайшею мыслію и важнѣйшимъ проявленіемъ человѣчества, то они, лишившись своей лучшей части, и становясь только какими-то раздражителями чувствъ и воображенія, дѣлаются принципомъ грѣха, основаніемъ всякаго рабства, отравленнымъ источникомъ, изъ котораго, по словамъ библіи, вытекаютъ всѣ скверны и мерзости на землѣ. Выходя съ этой точки зрѣнія, историки и моралисты уже столько разъ указывали на развитіе литературы и искусствъ, какъ на причину развращенія нравовъ и упадка народовъ; вслѣдствіе этихъ же поводовъ, религіи—маговъ, іуданизмъ и протестантизмъ изгнали его изъ своихъ храмовъ. Искусство для искусства, стихи для стиховъ, форма для формы, слогъ для слога, фантазія для фантазіи—вотъ напыщенныя фразы, которыя какъ черви гложутъ наше жалкое время; вотъ выраженія порока во всей его одухотворенной утонченности, вотъ зло въ своей квинт-эссенціи!»

Могущество этихъ строкъ неотрицаемо. Высокій фанатизмъ, которымъ онѣ проникнуты, можетъ имѣть что-нибудь равное развѣ только въ коранѣ. Но за то и сила ихъ убѣдительности можетъ казаться дѣйствительной развѣ только сынамъ Исмаила, то-есть—людямъ, которыхъ убѣждаютъ, поражая ихъ воображеніе. Какъ проповѣдь, обращенная къ «безчисленному множеству», эта фанатическая выходка не можетъ остаться безъ эффекта. Но для тѣхъ, кто получаетъ свои убѣжденія путемъ ума, а не фантазіи, она не болѣе, какъ цѣлый бассейнъ воды, въ которомъ разведена лишь самая малая крупинка истины. Крупинка эта состоитъ въ томъ, что «искусство для искусства», дѣйствительно, понимается весьма многими такъ безмысленно, какъ это представляетъ Прудонъ; и его омерзіе (*homelie*), поэтому, имѣетъ свою относительную цѣну. Но его обязанность, какъ изслѣдователя, состояла не въ томъ, чтобы давать свою санкцію ходячимъ безмыслицамъ, а въ томъ, чтобы на мѣсто безмысленнаго пониманія поставить пониманіе осмысленное. Онъ избралъ легчайшую долю, и весьма понятно, почему онъ избралъ ее. Его свѣтлый, пронизательный умъ остановился на очевидности, на томъ, что ему казалось яснымъ какъ день, и онъ почелъ излишнимъ заглядывать, что находится подъ покрывшкою очевиднаго. Всѣ малыя дѣти понимаютъ, или приучены понимать, что все существуетъ «для человѣка». Съ того самаго возраста, въ который, по словамъ библіи, дается даръ различенія добра отъ зла, они уже понимаютъ, что суша и море, земля и небо—одна съ своими цвѣтами, другое съ своими звѣздами—все это для человѣка. Искусство, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, тѣмъ болѣе и тѣмъ исключительнѣе должно быть «для человѣка». Вотъ

та очевидность, которая должна была поразить Прудона, подобно тому, как она поражает «безмысленное множество». Но объ этомъ смѣшно разсуждать и это смѣшно доказывать, и особенно догазывать съ такимъ фанатизмомъ, какъ это дѣлаетъ Прудонъ. Дѣтскія истины должны быть оставлены дѣтямъ. Пусть это будетъ трижды неопровержимая и никѣмъ неопровергаемая истина, что искусство «для человѣка», все-таки это будетъ истина изъ числа дѣтскихъ. И въ то время, когда эта непреложная истина выражаетъ для нашего ума не болѣе, чѣмъ, напримѣръ, «дрова для человѣка», формула «искусство для искусства» есть почти цѣлое ученіе объ искусствѣ; притомъ, такое, которое одно только истинно, одно только никогда не было опровергнуто, и никогда не будетъ и не можетъ быть опровергнуто, пока существуетъ искусство. Три маленькія слова, составляющія эту формулу, могли зародиться лишь въ умѣ очень большомъ и вполне философскомъ уже потому, что мы напрасно старались бы замѣнить ихъ другими — столь же краткими, столь же точными, и столь же глубокими словами. Вопросъ въ томъ, чтобы знать, что означаетъ эта формула?

Но она такъ прозрачна, что можно удивляться, почему она не для всѣхъ понятна сразу.

Она означаетъ, во первыхъ, истинный законъ нашего эстетическаго развитія. Она выражаетъ, что развиваться эстетически мы способны не по чему-нибудь другому, и въ особенности не потому, что это для насъ полезно, а только потому, что въ нашей природѣ есть потребность такого развитія. Что такое наша эстетическая способность? Ея синонимъ — будетъ способность въ искусству; ея природа — стремленіе къ искусству. Для чего? Сколько человѣкъ можетъ знать, на это возможенъ только одинъ отвѣтъ: для искусства. Можетъ быть, вы способны дать другой? Тогда любопытно его выслушать. Но тогда значило бы, что вы понимаете и первыя причины и конечныя цѣли всѣхъ вещей. А такъ-какъ это невѣроятно, то и слѣдуетъ остановиться на одномъ возможномъ отвѣтѣ; всѣ дальнѣйшіе вопросы были бы чистымъ ребячествомъ. Подобно этому, природа нашей нравственной способности есть стремленіе къ нравственности. Для чего? И опять, сколько человѣкъ можетъ знать, на это возможенъ одинъ отвѣтъ: для нравственности; дальше этого невозможно ни спрашивать, ни отвѣчать. Точно такимъ же образомъ природа нашего ума есть стремленіе къ истинѣ. Для чего? Но и еще разъ, сколько человѣкъ можетъ знать, на это возможенъ одинъ отвѣтъ: для истины; ничего другого сказать на это не найдется мудрецъ, и едва-ли рѣшатся глупецъ. Относительно

двухъ послѣднихъ вещей даже и въ самомъ дѣлѣ никто не спорить, если не считать тѣхъ, съ кѣмъ совершенно не стоитъ считаться. Всѣ моралисты въ мірѣ признають «добро для добра». Это для нихъ высочайшее нравственное правило и вмѣстѣ вѣрнѣйшій законъ нашего нравственнаго прогресса. И это правило одно только и одобряется нашею совѣстію. Въ свою очередь, этотъ законъ понятенъ самому простому смыслу, потому что черезчуръ уже ясно, что какъ бы ни была полезна нравственность для нашего человѣческаго вида, но она просто не была бы возможна, еслибы мы не были способны любить «добро ради добра»; она не имѣла бы своего *raison d'être*. И если вамъ, при этомъ, приходятъ на память утилитарныя ученія, вы отнюдь не должны смущаться. Все различіе этихъ ученій отъ истиннаго ученія, по этому предмету, а также и по многимъ другимъ, ограничивается только словами. Словами, и ничѣмъ болѣе; потому что никто не позволитъ обмануть себя, будто дѣлать добро ради удовольствія, которое отъ того получается, не то же самое, что «добро для добра». Или это будетъ удовольствіе для удовольствія? Хорошо, мы согласны и на это; но мы потому-то именно и сказали, что разница тутъ только въ словахъ. Чтобы отдать справедливость Прудону, мы въ немъ самомъ находимъ одного изъ строжайшихъ моралистовъ, для которыхъ не существуетъ ни болѣе высокаго, ни болѣе строгаго нравственнаго закона, какъ «добро для добра». Въ его книгѣ «О справедливости» встрѣчается цѣлое ученіе, основанное на этомъ принципѣ; и во имя этого принципа онъ позволилъ себѣ возстать даже противъ божественной нравственности евангелія, какъ поощряемой райскими наградами и угрожаемой адскими муками. Наконецъ, надъ добродѣтелью, «ради монтионовской преміи», смѣются даже тамъ, гдѣ, повидимому, не осталось другихъ средствъ водворить добродѣтель. Но если это такъ, если «добродѣтель для добродѣтели», почему же не «искусство для искусства»? Или то и другое, или ни того ни другого. Нравственность и искусство, говора языкомъ политики, двѣ равноправныя наши способности.

Наряду съ нравственностью мы назвали также и разумъ, и почти сказали: «наука для науки». Можетъ быть, мы напрасно выразили надежду, что это ни для кого не покажется скандаломъ. Тѣмъ не менѣе это должно быть сказано. «Истина для истины», «наука для науки» — въ этомъ вся природа нашего разума, и наше дѣло только знать это, а не скандализироваться этимъ. И когда рѣчь идетъ о томъ, почему и для чего нашъ разумъ стремится къ познанию, то о вредности или полезности вещей смѣшио

даже сомнѣть, а не только считать ихъ цѣлью познанія или побудительной причиною къ нему. Дѣло ясное до послѣдней степени, что причина эта можетъ быть только одна, и она до того одинока, до того проста, очевидна и понятна для каждаго, что безъ особаго случая мы остереглись бы даже назвать ее: это свойственная нашему уму любознательность, это та глубочайшая его принадлежность, которая дѣйствительно составляетъ его природу и безъ которой не было бы его самого. Но назвать эту причину, значить указать съ послѣдней очевидностью и на самую цѣль познанія; она не можетъ быть никакая другая, какъ «знаніе для знанія», потому что любознательность это самое и значить—любовь къ знанію для знанія. Пусть полезность обладаемыхъ нами истинъ совершенно безмѣрна; но она потому только такъ и безмѣрна, что любовь къ истинѣ, свойственная нашему познающему уму, вполне безкорыстна—до того безкорыстна, что это состояніе его должно быть названо пассивнымъ, непріобрѣтеннымъ и непріобрѣтаемымъ, а единственно возможнымъ для него; мы, люди простые, можемъ только понимать это, какъ вещь очень ясную, что такова природа нашего ума, а служители науки это даже чувствуютъ. Потому-то чистая наука никогда не думала поставлать себѣ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ; никогда не думала избирать себѣ направленіе по произволу, по соображеніямъ о вредѣ или пользѣ, а идетъ туда, куда должна идти, и познаетъ то, что должно быть познано, а не то, что можетъ приносить намъ вредъ или пользу. Ея восторги и ея муки тоже не имѣютъ ничего общаго съ полезностію или вредностію открываемыхъ ею истинъ. Всѣ физиологи, напримѣръ, скажутъ, что въ то время, когда они, по требованію своей науки, изслѣдуютъ тайну какого-нибудь жизненнаго явленія, они вовсе не думаютъ, и даже считаютъ, что имъ вовсе не для чего думать о томъ, могутъ или не могутъ практическіе врачи воспользоваться результатами ихъ изысканій. И когда Леверье, усомнившись въ равновѣсіи нашей солнечной системы, указалъ въ ней новую планету, онъ, какъ мы можемъ предполагать, если бы даже захотѣлъ соединить съ своимъ открытіемъ понятіе вреда и пользы, не могъ бы этого сдѣлать. Послѣ этого открытія, первое звѣздное небо могло казаться всѣмъ астрономамъ великолѣпной иллюминаціей, устроенной во славу вновь открытой истины. Чему они радовались? Только открытію этой истины, и только для нея самой. Но теперь мы въ правѣ спросить опять, если «истина для истины», почему же не «искусство для искусства»? Прудонъ утверждаетъ, что «искусство для искусства» не имѣетъ въ самомъ себѣ никакого оправданія, никакого основа-

нiя. Напротивъ, мы видимъ, что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ оно не имѣеть такого основанiя и такого оправданiя, какъ въ самомъ себѣ; это основанiе — глубокое изъ глубокихъ, и это оправданiе — полное изъ полныхъ. Другого нѣтъ закона, какъ «истина для истины», «добро для добра», «искусство для искусства».

И вотъ что означаетъ этотъ соблазнъ изъ соблазновъ, этотъ скандалъ изъ скандаловъ, этотъ грѣхъ изъ грѣховъ, это «искусство для искусства», надъ которымъ суровые моралисты раздражаются своими громами, а наивные глупцы своими маленькими глупостями.

Но оно имѣеть еще и другое значенiе, которое несравненно важнѣе и плодотворнѣе, въ практическомъ отношенiи. Все нами сказанное сказано только для истины, изъ любви къ ней самой. Но «искусство для искусства» есть, въ то же время, единственный, незамѣнимый принципъ художественной критики. Его смыслъ и значенiе состоятъ въ томъ, что художественныя произведенiя должны быть цѣнными главнѣйшимъ образомъ по ихъ аргистическимъ качествамъ, а не по какимъ нибудь другимъ, лежащимъ внѣ искусства. Это значитъ, что если мы хотимъ, напрямѣръ, понять или опредѣлить сравнительный поэтический рангъ, принадлежащiй въ нашей литературѣ Пушкину, то должны обращать вниманiе не на то, что его религiозность сомнительна, и въ этомъ отношенiи онъ много уступаетъ благочестивому Глинкѣ, не на то, что его поучительность далеко не такъ ясна и неоспорима, какъ простая мораль любой изъ басенъ Хемницера, не на то, что относительно трезвости своихъ стиховъ, онъ уступаетъ Карамзину и Дмитрiеву, относительно скромности г. Алмазову, что по части гражданскихъ мотивовъ онъ страшно превзойденъ г. Плещеевымъ, а что касается до его вниманiя къ текущимъ вопросамъ дня, то онъ рѣшительно не выдержитъ сравненiя ни съ однимъ изъ полицейскихъ стихотворцевъ «Искры», почерпающихъ свое вдохновенiе прямо изъ «дневника приключенiй»; не въ этихъ отношенiяхъ, чуждыхъ искусству, мы должны сравнивать нашего несравненнаго Пушкина съ другими нашими поэтами и стихотворцами, но только въ отношенiи искусства. Есть ли тутъ мѣсто какому бы ни было возраженiю? Кажется, ясно, что принципъ, выражающiй собою подобное требованiе, не долженъ допускать ни малѣйшаго спора. Вашему выбору предлагается: уважать музыкантовъ или за ихъ трезвость, или за ихъ искусство. Что справедливѣе, что согласнѣе съ вашей логикой? Вамъ представляется дилемма: или, принимая это возмутительное «искусство для искусства», признать Пушкина царемъ нашихъ поэтовъ,

или, отвергая этотъ принципъ, предпочесть нашему великому поэту всѣ нами названныя, а также и нестоющія быть названными, имена. И вы должны предпочесть ихъ не только великому Пушкину, но и величайшимъ изъ всѣхъ поэтовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнью, что, напримѣръ, въ поэзіи гражданина Плещеева не найдеть чѣмъ оскорбиться и самая пуританская нравственность, тогда какъ у Шекспира и Байрона даже свиходительные моралисты должны находить многое циничнымъ и оскорбительнымъ для добрыхъ нравовъ. На чемъ же остановится вашъ выборъ? Сапоги или Пушкинъ, Шекспиръ или гражданская каракатица, трезвые музыканты или искусные? вотъ въ чемъ вопросъ.

Съ другой стороны, мы просто хотѣли бы спросить: какой другой принципъ, поставленный на мѣсто этого, можетъ спасти еще художественную критику отъ смѣшного и недѣлаго? Даже болѣе, мы хотѣли бы знать: какое другое правило, принятое въ замѣнъ этого, не привело бы насъ къ отрицанію самого искусства? Въ нашей критикѣ, вотъ уже цѣлые года открыто издѣвающейся надъ правильнымъ мышленіемъ, открыто узаконяющей свою бессмысленность, открыто презирающей науку и ученіе, философію и философовъ, такихъ правилъ можно насчитать безчисленное множество. Но Прудонъ, какъ болѣе осторожный и отнюдь невраждебный философскому способу мышленія, принимаетъ только два. Это, во первыхъ, принципъ личнаго вкуса— принципъ, честь открытія котораго, если вы помните, по справедливости принадлежитъ нашей академіи. Но что можно возразить противъ этого принципа, мы уже возразили въ предыдущей статьѣ нашей. Теперь же позволимъ себѣ замѣтить только, что это скорѣе принципъ беременныхъ женщинъ, чѣмъ искусства. Со стороны Прудона, весьма послѣдовательно навязывать его искусству, такъ-какъ желая опредѣлить полъ искусства, онъ нашель, что оно, должно быть, пола женскаго. Тѣмъ не менѣе, вполне вѣрный и неопровержимый, относительно прекраснаго пола, въ эпохи интереснаго положенія, принципъ этотъ, введенный въ искусство, вносить въ него деспотизмъ невѣжества, самоуправство, анархію, всѣ элементы хаоса, онъ просто его отрицаетъ. Потому, лучше отвергнуть его самого.

Вовторыхъ, Прудонъ желалъ бы подчинить искусство «праву и обязанности», какъ онъ выражается. Какому праву и какой обязанности? Право, сколько вы знаете, бываетъ гражданское, уголовное и государственное. Мы испробовали всѣ эти права, и нашли, что лучше бы не пробовать. Такъ, по предмету гражданского права, если не считать воздѣлыванія гражданской скор-

би, мы занялись вопросами женской эмансипаціи и объ отцахъ и дѣтахъ. Никто не можетъ сказать, чтобы мы не прилагали всего нашего усердія къ рѣшенію этихъ вопросовъ. Критика, въ этомъ случаѣ, старалась превзойти искусство, а искусство критику. Что же изъ этого вышло? Ни искусства, ни гражданского права. Вышло чортъ-знаетъ что; вышло такое вавилонство, что бѣги изъ дому и кричи — караулъ. Развѣ цѣль искусства такая? И развѣ назначеніе гражданского права мутитъ нашу семейную жизнь?

По части уголовного права, мы имѣли цѣлую литературу, подъ названіемъ «обличительной». Кромѣ стиховъ и романовъ, это право проникло въ наши театры и отчасти въ нашу живопись. Мы не оставили безъ обличенія ни одного полицейскаго проступка, ни одного преступленія по должности, ни одного разряда уголовныхъ дѣлъ. Наша критика, въ свое время, незамедлила сдѣлаться чистымъ подъячествомъ, и не жалѣла легкихъ, натравливая искусство на эту нездоровую добычу. Но что же вышло и изъ этого? Эта критика накричала себѣ злѣйшую чахотку; это искусство, послѣ различныхъ превратностей, переживъ пору успѣха, равнодушія и даже презрѣнія, превратилось наконецъ въ газетную гласность, чѣмъ и должно быть, по всей справедливости, подобное искусство. И само собою разумѣется, что уголовное право осталось не болѣе разработаннымъ, чѣмъ было.

По части государственнаго права, мы имѣли романы и повѣсти съ такъ-называемыми «предпріятіями» и хрустальными фаланстеріями. Но на этотъ родъ искусства мы лучше набросимъ покровъ. Не потому, впрочемъ, чтобы насъ стѣсняли теперешнія обстоятельства, или политика, или опасеніе поступить безтактно, или, наконецъ, органическіе законы нашего государства, которые въ послѣднее время получили совершенно новую и необычайную санкцію національнаго одобренія. Но наша мысль состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что искусство не имѣетъ другого принципа, кромѣ одного, который мы защищаемъ, что всякій другой принципъ, поставленный на его мѣсто, непременно приводитъ къ отрицанію искусства. Наша мысль состоитъ только въ этомъ. Ну, а въ произведеніяхъ, которыя мы назвали, художесто всѣхъ родовъ вообще, и литературное въ частности, какъ разъ отрицается. Оно отрицается тамъ не безобразіемъ только самыхъ произведеній, а простыми, обыкновенными словами, ясно и точно формулированными тезисами, выражающими основныя убѣжденія авторовъ и состоящими въ томъ, что искусство вздоръ, что оно занятіе глупцовъ и пошлыхъ празднолюбцевъ, что авторы возвысились надъ этою пошлостью и презри-

тельнѣйшимъ образомъ ее игнорируютъ. Вотъ причина, почему на эту непокрытую пошлость, на это глупое празднословіе мы рѣшаемся лучше набросить покровъ.

Упомянуть ли намъ о другихъ родахъ права, напримѣръ, о натуральномъ и международномъ? По истинѣ, это значить упоминать объ эстетическихъ ученіяхъ «Русскаго Слова» и о его литературномъ художествѣ, исполненномъ въ духѣ этихъ ученій. Это значить упоминать о его циникахъ, о его омерзительномъ натурализмѣ, о его «мыслящихъ реалистахъ», о его чужездннхъ космополитахъ, о его невѣжественныхъ ретроградахъ, о его бѣшено-либеральныхъ обскурантахъ, которые, исходя изъ своихъ натурфилософскихъ понятій, дѣйствительно отодвигали цивилизацію ко временамъ первобытной дикости. Но если мы, хотя или нѣхотя, уже упомянули о всемъ этомъ, то встаетъ будетъ спросить: что довело этихъ людей до такого паденія, до такого крайняго цинизма, что они вовсе уже не могли и открыто отъазывались понимать изящное? Причина этого любопытнаго явленія, безъ сомнѣнія, должна быть сложная; но главнѣйшимъ образомъ она состоитъ въ томъ, что этимъ людямъ упало на долю разсуждать объ искусствѣ въ то время, когда ученіе о немъ уже окончательно и, какъ тогда казалось, безвозвратно было утверждено на томъ остроумномъ положеніи, что «яблоко лучше искусства». Ибо мы смѣемъ утверждать, что ученіе о превосходствѣ яблока натурального передъ яблокомъ нарисованнымъ означаетъ именно это самое, что «яблоко лучше искусства». Людямъ «Русскаго Слова», къ ихъ несчастію, отлично хорошо удалось понять и усвоить себѣ эту великую глупость, и только неудалось понять того, что это глупость. Вотъ откуда всѣ ихъ заблужденія по части искусства—великія и малыя, смѣшныя и отвратительныя, весь ихъ цинизмъ, всѣ ихъ безобразія и чудовищности. «Русское Слово», какъ мстѣющая Немезида за искусство, сдѣлалось возможнымъ, со всѣми его фуріями, именно въ тотъ самый моментъ, какъ только въ ученіи объ искусствѣ на первомъ мѣстѣ былъ поставленъ принципъ, что «яблоко лучше искусства». Потому что, поймите же, наконецъ, отчего послѣ этого сапоги не лучше Пушкина?

Такимъ образомъ, мы перебрали всѣ роды права, которому Прудонъ хотѣлъ бы подчинить искусство. Оказывается, что опытъ подобнаго подчиненія былъ уже сдѣланъ, и именно у насъ, въ нашей странѣ, гдѣ не отступали еще ни передъ какими опитами. Но онъ повелъ за собою такія испытанія, что повторенія его мы не желали бы злѣйшему татарину.

Что же, послѣ этого, дѣлать? Неужели позволить искусству за-

быть, что на свѣтѣ есть право и есть обязанность, есть семейные и общественные интересы, есть самыя сложныя и запутанныя отношенія, есть матеріальный прогрессъ и прогрессивныя идеи? Нѣтъ; о всемъ этомъ оно должно помнить, подѣ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окно. Но ничему этому оно не подчиняется, не можетъ и не должно подчиняться. Его отношенія ко всему этому исчерпываются единственно тѣмъ, что все это оно поглощаетъ, претворяетъ, ассимилируетъ, точь въ точь какъ наше тѣло ассимилируетъ поѣдаемую нами пищу. Все это даетъ только содержаніе искусству, но не предписываетъ ему законы. Вѣдь если мы живемъ мясомъ телятъ и барановъ, это не значитъ, что мы должны повиноваться телятамъ и баранамъ? Не значитъ, что должны получать отъ нихъ законы? Точно такъ искусство, какимъ бы мясомъ оно ни питалось, къ какой бы области ни принадлежало его содержаніе—къ области права или сапожнаго мастерства—не можетъ подчиняться никакимъ чуждымъ его природѣ законамъ. Оно имѣетъ свои собственные, и только они, а не какіе нибудь другіе, способны охранять его свободу, содѣйствовать его процвѣтанію и предупредить упадокъ. Нужно ли называть эти законы? Они извѣстны всѣмъ художникамъ, и только мало знакомы ихъ критикамъ. Это, вопервыхъ—законъ естественныхъ явленій, которыя должны быть познаваемы, изучаемы, наблюдаемы до поглощенія всего существа художниковъ, и, вовторыхъ, законъ художественныхъ требованій, которыя уже не только должны быть изучаемы, а и дѣйствительно возведены въ правильное ученіе, преподаваемое въ академіяхъ. Но кратчайшее выраженіе этихъ законовъ: «искусство для искусства». Этого, конечно, никогда не грезилось нашимъ философамъ, но, тѣмъ не менѣе, это вѣрно: «искусство для искусства». Или этотъ законъ, или яблоко лучше искусства. Другого выбора нѣтъ.

И когда мы теперь подумаемъ, какъ долго это яблоко, наряду съ другими равносильными принципами, заставляло вращаться наше бѣдное искусство между землей и небомъ, не служа никакому земному дѣлу, то должны сказать, хотя бы и не хотѣли этого: яблоко для яблока, предпріятіе для предпріятія, фаланстеріи для фаланстерій—вотъ сумасшедшія фантазіи, которыя какъ черви глодали наше жалкое время, вотъ выраженія наглости, во всей ея возмутительной нетерпимости, вотъ безуміе въ своей квинт-эссенціи.

Продолжаемъ слѣдить ученіе Прудона. Переставая быть философскимъ изслѣдователемъ искусства, онъ дѣлается на время его историкомъ, и въ краткихъ главахъ, посвященныхъ этой части

своего труда, не сообщаетъ ничего новаго. Египетское искусство, по его, и по общему, мнѣнію, было вмѣстѣ зооморфическимъ и антропоморфическимъ; всему свѣту извѣстны сфинксы—наполовину животныя, наполовину люди; причина этому та, что молодое человѣчество не научилось еще отдѣлять себя отъ животныхъ и выдѣлять себя пзъ окружающей природы. Этого достигли греки, которые, въ противоположность Египту, не отдѣляли человѣческой личности отъ божества; ихъ искусство—обожаніе формы, поклоненіе красотѣ. Христіанство отвернулось отъ этой красоты и отъ этого идолопоклонства, какъ отъ грѣха и соблазна; оттого средневѣковое искусство—выраженіе аскетизма. Искусство возрожденія—торжество папства, его упоеніе успѣхомъ, его побѣдный вѣнокъ; въ силу контраста, оно снова возвращается къ языческому поклоненію формѣ, усвоивъ, однако, себѣ христіанскій идеалъ святости. Реформація вводитъ въ искусство гуманизацию, низводя его до скромной доли обыкновенныхъ людей и заставляя брать сюжеты изъ обыденной жизни. Оттого Рембрандтъ, по мнѣнію Прудона, Лютеръ искусства, передъ которымъ Рафаэль и Мивель-Анджело—жалкіе подражатели древности. Наряду съ нимъ долженъ быть поставленъ Шекспиръ, и именно за то же самое качество, за его глубочайшую симпатію къ обыденной жизни и за его не менѣе глубокое пониманіе ея. Наступила французская революція съ послѣдовавшимъ за нею пораженіемъ народовъ, вызвавшимъ, въ свою очередь, всеобщее ихъ пробужденіе, которое въ искусствѣ и литературѣ проявилось романтизмомъ и столь извѣстною борьбою его съ классицизмомъ. Послѣдствіемъ этой борьбы было то, что литература и искусство на время оживились, горизонтъ ихъ расширился, и они стали болѣе свободными. Но эта свобода—утверждаетъ Прудонъ, становясь снова оригинальнымъ—въ сущности была только неурядица. Страшная нераціональность произведеній этой эпохи, какъ истинныхъ продуктовъ унижительнаго служенія «искусству для искусства», ихъ принадлежность къ старымъ понятіямъ и нравамъ, послѣ того какъ была революція, ихъ безстыдная лесть великимъ и богатымъ міра и забвеніе о бѣдныхъ и малыхъ— все это должно было свергнуть искусство въ новый упадокъ, въ которомъ оно и находится. Однако, зара его возрожденія ужѣ загорѣлась. На сцену появляется школа, во главѣ которой стоитъ новый Рембрандтъ, новый Лютеръ искусства—Густавъ Курбѣ. Это не классикъ, не романтикъ, не поклонникъ возрожденія, не подражатель грековъ или среднихъ вѣковъ; нѣтъ, это человѣкъ, который соединилъ въ себѣ всѣ эти элементы, человѣкъ, съумѣвшій стать выше всякой рутинны и вполне принадлежащій своему времени, короче—это человѣкъ,

который еще съ большею справедливостію и точностію можетъ быть названъ Декартомъ или Кантомъ искусства, чѣмъ другимъ какимъ именемъ. Искусство, по мнѣнію Прудона, съ самаго перваго появленія его у египтянъ, какъ по своему характеру, такъ и по идеалу, было чисто-догматическимъ; догматъ былъ его почвою. Но подобно тому, какъ съ Декарта и Канта существуетъ анти-догматическая или критическая философія, такъ съ Густава Курбэ искусство должно принять, и уже принимаетъ, направленіе, которому не можетъ быть болѣе приличнаго и соотвѣтствующаго названія, какъ названіе *критическаго*, а если это покажется неудобнымъ, то *раціональнаго*. Усвоенное этому направленію названіе *реалистическаго* Прудонъ отвергаетъ какъ совершенно бессмысленное. (Замѣтимъ въ скобкахъ, что и мы, съ своей стороны; ничего не находимъ сказать въ пользу этого термина. Реализмъ и идеализмъ — двѣ стороны предметовъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ внѣшней природѣ, какъ существующая въ ней объективность, другая — истекаетъ изъ нашего духа. Чистый реализмъ будетъ скотство; чистый идеализмъ — будетъ мистицизмомъ. Средина находится въ жизненной правдѣ, въ человѣческой истинѣ, между сверхчувственнымъ и материалистическимъ).

Въ чемъ же состоитъ сущность критической школы? Вопросъ этотъ стоитъ всего нашего вниманія, потому что разрѣшить его, значить — узнать, въ чемъ Прудонъ поставляетъ общественное назначеніе искусства. Къ сожалѣнію, разрѣшеніе этого вопроса у Прудона таково, что критическая школа, хотя послѣдняя изъ всѣхъ, является горшею всѣхъ первыхъ, которыя ей предшествовали. Резонерство и фантазія — вотъ ея истинное призваніе, по мнѣнію Прудона. Ничего другого, кромѣ резонерства и фантазій. Въ этомъ — говоритъ онъ — ея главнѣйшій принципъ, ея общественная служба и ея сущность. Все это у Прудона выражается, конечно, другими словами, но что могутъ значить слова передъ сущностію дѣла? Мы приблизились теперь къ той части его книги, гдѣ въ исторіи онъ превращается въ критика искусства, разбираетъ всѣ новѣйшія знаменитости Франціи и въ обломковъ ихъ славы создаетъ пьедесталъ своему Декарту или Канту искусства. Разборъ этотъ, если о немъ судить по назначенію книги, составляетъ самую существенную часть ея. И весь онъ состоитъ въ требованіи, заявленномъ формально и выраженомъ съ необычайной энергіей, чтобы искусство превратилось въ резонерство: иначе — оно ни на что не годно. За этимъ разборомъ слѣдуютъ заключительныя главы, и послѣднее слово самой послѣдней изъ нихъ то, что отнынѣ все назначеніе иску-

ства — исполнять фантазіи, и еще фантазіи самого Прудона. Это значить, что Прудонъ пришелъ именно къ тому, къ чему долженъ былъ придти—къ отрицанію искусства. Его критикѣ подвергаются Давидъ, Делакруа, Энгръ, Давидъ изъ Анжера, Рюдъ, Л. Робертъ, Орасъ Верне, и всѣ они предаются повору единственно за ихъ разномысліе съ Прудономъ, по разнымъ философскимъ и нефилософскимъ вопросамъ. Одинъ объявляется «измѣнникомъ революціи», другой—«позоромъ нашего времени», третій — «умственнымъ безсиліемъ», помѣшавшимся на *солдатскомъ шикѣ* (Орасъ Верне), и все на одномъ томъ основаніи, что у Прудона есть свои взгляды... не относительно искусства, а значенія арміи и революціи.

Ничто не можетъ быть ничтожнѣе, мелочнѣе, а иногда и просто смѣшнѣе, чѣмъ эта критика Прудона. Но такъ-какъ она вполне вытекаетъ изъ его принциповъ, то мы находимъ не только соблазнительнымъ, но и совершенно необходимымъ привести нѣкоторые образцы ея: это будетъ лучше, хотя еще и не послѣднее, доказательство того, къ какимъ несообразностямъ приводятъ принципы, которыхъ отрицаніе составляетъ всю тѣму этой статьи. Пишущій эти строки отнюдь не считаетъ себя хотя бы сколько-нибудь компетентнымъ судьей въ архитектурѣ или живописи; онъ разумѣетъ въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть, еще несравненно менѣе, чѣмъ самъ Прудонъ; потому онъ никакъ не можетъ принять на себя защиту названныхъ художниковъ, на основаніи ихъ произведеній. Но критическіе приемы Прудона, съ ихъ логикой и рациональностью, ему понятны, какъ онъ смѣетъ думать, въ совершенной степени. И онъ на нихъ только и обращаетъ вниманіе. Такъ, Прудону не нравится, напримѣръ, зданіе бывшаго французскаго Пантеона, обращеннаго въ таковой, подъ надзоромъ Давида (изъ Анжера), изъ церкви св. Женевьевы, по декрету учредительнаго собранія 1791 г. Чтò же онъ возражаетъ противъ этого произведенія архитектуры? Совершенно справедливо указавъ на ту несообразность, что архитектура христіанской церкви и какой-нибудь притани, посвящаемой великимъ людямъ, не должна быть одна и та же, онъ обращается къ другимъ основаніямъ и говоритъ:

«Чтò такое великій человекъ? Есть ли великіе люди? Можно ли допустить съ точки зрѣнія принциповъ, выработанныхъ французскою революціею и обществомъ, основаннымъ на признаніи правъ человекъ, существованіе подобныхъ людей? Въ числѣ принциповъ новаго времени, мы признали, кромѣ правъ человекъ, еще прогрессъ. Но однимъ изъ результатовъ прогресса въ обществѣ, организованномъ на демократическихъ началахъ, есть то, что различіе между людьми пропадаетъ», и проч.

И далѣе:

«Надпись надъ фронтономъ Пантеона: великимъ людямъ благодарное отечество, также не выдерживаетъ критики. Какъ! отечество должно быть благодарно собственнымъ своимъ членамъ, своимъ дѣтямъ! Я думаю, что должно бы было быть совершенно наоборотъ. «Отечеству, благодарные ему великіе люди».

И еще далѣе:

«Выяснивъ передъ читателями свой взглядъ на Пантеонъ, я не считаю нужнымъ много говорить о скульптурныхъ работахъ фронтона. Еслибы эти изваянія еще были сдѣланы какимъ-нибудь Энгромъ, художникомъ индифферентнымъ ко всякимъ идеямъ, но Давидъ былъ республиканецъ и, такъ же какъ и его тѣзка, принадлежалъ партіи Робеспьера. Отчего же у него при недостаткѣ его мыслительныхъ способностей и пониманія искусства, не заговорила, по крайней-мѣрѣ, его демократическая совѣсть?» и проч

Вы можете назвать это чѣмъ угодно — софистикой, резонерствомъ, праздничесловіемъ, разсужденіемъ о твердости скорлупы слоновяго яйца, еслибы слоны несли яйца, но развѣ это критика архитектуры? Прудону угодно утверждать, что отечество отнюдь не должно быть благодарно своимъ знаменитымъ сынамъ, а должно, стало быть, оказывать къ нимъ или равнодушіе, или просто неблагодарность. Съ этимъ мнѣніемъ его не согласится, можетъ быть, ни одинъ человекъ на свѣтѣ, потому что въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего обязательнаго, умозаключительнаго; оно просто — личное мнѣніе Прудона. Это мнѣніе, кромѣ того, относясь къ вопросу о томъ, справедливо или несправедливо вообще воздвигать монументальныя зданія въ честь великихъ заслугъ, не находится рѣшительно ни въ какомъ отношеніи къ красотѣ архитектурнаго зданія, уже выстроеннаго и посвященнаго великимъ заслугамъ. И несмотря на то, это мнѣніе, ни къ чему не годное, является основаніемъ критическаго приговора. Точно такъ же, ни въ какомъ отношеніи къ архитектурнымъ достоинствамъ или недостаткамъ Пантеона не находится и разсужденіе Прудона, отрицающее великихъ людей. Это то же самое, какъ еслибы кого нибудь спросили: находить ли онъ прекрасной архитектуру церкви св. Петра, а онъ пустился бы разсуждать о бытіи Бога, и въ концѣ концовъ объявилъ бы, что церковь не можетъ быть признана прекрасной на томъ основаніи, что онъ не вѣритъ въ Бога. Основаніе — по истинѣ изумительное. Изъ насъ никто, конечно, не вѣритъ ни въ Юпитера, ни въ Аполлона, ни въ Венеру, но отвергать, на основа-

ни этого невѣрія, красоту ихъ статуй, и особенно пускаться, по этому поводу, въ разсужденія о несостоятельности греческой миеологіи никому не можетъ приходить въ голову. Но отчего же Прудона занимаетъ именно одна только миеологія? Причина, кажется, слишкомъ ясна. Оттого, что его не занимаетъ искусство; оттого, что отвергнувъ главнѣйшіи принципы его, онъ неизбѣжно осудилъ себя на это унижительное служеніе миеологіи. Его критика намъ знакома. Это тотъ самый родъ критическаго искусства, который такъ глубоко укоренился въ нашей литературѣ и установители котораго еще пользуются, между нашею умственною чернью, столь значительною популярностію. Это тотъ самый родъ, который еще такъ недавно назывался въ «Русскомъ Словѣ» «теоріей Добролюбова» и практиковался его собственными «мыслящими реалистами».

Другой примѣръ. Прудонъ произноситъ приговоръ Эженю Делакруа. Недовольный ни однимъ изъ предшественниковъ своей «критической школы», онъ судитъ этого художника еще гораздо неумолимѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, за исключеніемъ развѣ Ораса Верне, котораго называетъ позоромъ своей страны и вѣка.

«Делакруа—говоритъ онъ—дѣлаетъ то же, что дѣлали и прежде него и что дѣлаютъ до сихъ поръ классики; онъ примѣняется ко всякому сюжету, выговаривая себѣ право относиться къ нему съ точки зрѣнія личныхъ впечатлѣній: древняя исторія, миеологія, библейскіе религиозные сюжеты, волшебныя сказки и романы, сцены изъ современной жизни—ему все годится. Делакруа, скажете вы мнѣ, прежде всего человѣкъ нашего времени, страдающій множествомъ нравственныхъ недуговъ, несущій всю тяжесть неосуществившихся надеждъ, сарказмовъ, злобы и слезъ. Все это такъ: Делакруа дѣйствительно какой-то двойникъ лорда Байрона, Ламартина, Виктора Гюго, Жоржъ Занда, комментирующій своими рисунками Гёте и Шекспира. Но какое мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ декламаторовъ и плаксъ? Къ чему мнѣ можетъ служить все это пачканье? Могу ли я даже быть увѣренъ въ томъ, что художникъ, проводящій три четверти своей жизни въ созерцаніи, въ своемъ воображеніи, образовъ Іакова, Сарданапала, Марка Аврелія, Лазаря или Мефистофеля, не потеряетъ всякой наблюдательности? *Понимаетъ ли онъ мою мысль, чувствуетъ ли онъ мой идеалъ, можетъ ли онъ понимать мои впечатлѣнія?*»

Спросите: почему художнику нужно понимать мысль и впечатлѣнія, или чувствовать идеалъ Пьера-Жана Прудона? Какая въ этомъ можетъ быть надобность? Требованіе это не имѣетъ другаго основанія, кромѣ личнаго вкуса Прудона. Потому его нужно не оспаривать, а признать только чудовищной необузданностію, истиннымъ капризомъ прихотницы въ интересномъ положеніи.

Допустимъ даже, что Прудонъ, какъ могутъ возразить намъ, говорить не отъ себя, а какъ представитель «безчисленнаго множества». Но и тогда, съ одной стороны, это будетъ воззваніе ко всеобщей подачѣ голосовъ, противъ которой мы уже достаточно высказались, а съ другой, еще сомнительно, точно ли Прудонъ есть истинный выразитель мнѣній, вкусовъ и идеаловъ безчисленнаго множества? Это никогда не было доказано. Но положимъ, что и это не подлежитъ спору. Тогда все сводится къ вопросу: долженъ ли художникъ быть рабочимъ, или учителемъ? Если рабочимъ, тогда непонятно, на чемъ основано право самого Прудона поучать въ своей области. Почему онъ самъ захотѣлъ скорѣе быть живымъ скандаломъ своего времени, чѣмъ раздѣлять чужія мнѣнія и идеалы въ сферѣ своихъ занятій? Потому, полагааетъ Прудонъ, что онъ занимается вопросами высшаго права, а художники пустяками, такъ-какъ искусство, говоря строго—по крайней-мѣрѣ то искусство, которое мы знали доселѣ—въ сущности, все-таки вздоръ; «это излишество, это роскошь, тщеславие, злоупотребленіе, это иллюзія, это все что угодно», только не дѣло. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, для достиженія даже самыхъ счастливыхъ результатовъ въ искусствѣ, нужны всѣ усилія ума и воли, какъ, напримѣръ, въ наукѣ?—Это возраженіе невѣжества, непонимающаго даже того, что искусство есть трудъ и изученіе, слишкомъ извѣстно; и особенно, оно извѣстно намъ. Но мыслителей, разсуждающихъ подобнымъ образомъ, можно спросить: думаютъ ли они, что, напримѣръ, невѣжество, которое бы еще превышало ихъ собственное невѣжество, считаетъ за что-нибудь ихъ умственные труды? Можно ли сомнѣваться, что лакей или кухарка Прудона, видя его за письменнымъ столомъ или книгою, не полагаютъ, что баринъ изволяетъ бить баклуши? Съ другой стороны, рабство не въ состояніи произвести ничего добраго, и это большая новость, что Прудонъ думаетъ противное. Если онъ недоволенъ результатами искусства свободнаго, то поработненное симпатіямъ и идеаламъ невѣжества, оно именно сдѣлается тѣмъ «принципомъ грѣха, тѣмъ отравительнымъ источникомъ, изъ котораго, по словамъ Библии, вытекають всѣ скверны и мерзости на землѣ».

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы показать, какого резонерства хотѣлъ бы Прудонъ добиться отъ искусства. Въ заключеніе покажемъ, какую перспективу фантазій онъ указываетъ ему, въ видѣ общественнаго его назначенія. Сводя концы всѣмъ своимъ частнымъ воззрѣніямъ и утверждая съ нѣкоторою справедливостію, что искусству гораздо болѣе предстоитъ сдѣлать, чѣмъ оно сдѣлало до сихъ-поръ, онъ рисуетъ ему, отъ имени безчисленнаго множества, такую программу занятій:

«Что касается до насъ, людей признающихъ одну справедливость, то мы скажемъ художникамъ и литераторамъ: нашъ идеаль— это правда и истина. Если вы не умѣете создать изъ нихъ искусства, подите прочь! Вы намъ не нужны.

«Намъ нужно создать 40 тысячъ библиотекъ, въ 6 тыс. томовъ каждую—240 мил. томовъ, обсерваторіи, химическія лабораторіи и проч.

«Намъ нужно 36 тысячъ уютныхъ, помѣстительныхъ домовъ, и столько же домовъ для школъ, заль собраний, мастерскихъ, фабрикъ и проч.

«Намъ нужно создать образцы для жилищъ крестьянина и работника, городского обывателя и проч.

«Намъ нужно обратить Францію въ огромный садъ, испещренный рощами, лѣсками, высокими деревьями и проч.

«Намъ нужно образовать народъ, внушить ему съ любовью въ наукѣ пониманіе исторіи и философіи, вѣру въ правосудіе и проч.

«Намъ нужно изучить право, свободу, взаимность и проч.

«Намъ нужно перевоспитать нашихъ женщинъ и вперить имъ слѣдующія истины: порядковъ и чистота въ хозяйствѣ» и проч. и проч.

Что это другое, если не отрицаніе искусства?

Безспорно, что въ этомъ идеальномъ планѣ всеобщаго благоденствія только самая малая доля подлежитъ вѣдомству художниковъ. Безспорно, что и эту малую долю художники могутъ выполнить только при томъ условіи, если ихъ призвать къ тому, и слѣдственно, они и за нее неотвѣтственны. Наконецъ, безспорно, что во всемъ этомъ планѣ нѣтъ и тѣни основанія, по которому мы, люди, «признающіе одну только справедливость», могли бы сказать имъ: подите прочь! Это значило бы ломать мебель по одну тому, что Александръ Македонскій великій человекъ. Наши художники принадлежатъ нашему времени. Завоевывать будущее они въ правѣ; но они никакъ не должны забывать, что ихъ міръ есть міръ естественныхъ явленій. И еслибы они хоть на время одной выставки прониклись духомъ фантастической программы Прудона, вотъ тогда-то мы, люди, признающіе одну жизненную правду, получили бы право сказать имъ: «подите прочь! убирайтесь въ область фантазій, если она вамъ такъ нравится.» И художники должны были бы пенять только на себя, потому что тогда уже дѣйствительно, между ихъ и нашими впечатлѣніями не было бы ничего общаго.

Но все это должно было представиться Прудону наоборотъ. Выходя изъ своихъ принциповъ, онъ роковымъ образомъ осужденъ удивляться Александру Македонскому, и долженъ, на этомъ основаніи, ломать мебель. Онъ не тогда отрицаетъ художниковъ,

когда они перестанутъ быть ими, но теперь, когда они безспорно пребываютъ таковыми. Онъ долго вѣпился и хотѣлъ признавать искусство необходимымъ и естественнымъ, несмотря на свои принципы. Но наконецъ, логика, какъ ни отчаянно онъ боролся съ нею, одолѣла и заставила сказать его художникамъ: «подите прочь!» И, замѣтимъ еще одинъ и послѣдній разъ: это для насъ не новость; такимъ же образомъ начала, и такимъ же образомъ кончила наша отечественная критика.

Можемъ ли мы надѣяться, что она по крайней-мѣрѣ кончила? Редакторъ русскаго перевода оставляемой нами книги полагаетъ, будто по особенно спорнымъ вопросамъ искусства теперь сказано *послѣднее* слово. Но можно ли быть увѣреннымъ въ проницательности редактора? Чего хочется, тому вѣрится. Мы хотимъ вѣрить, что онъ проницателенъ.

Incognito.



МЕТРЪ—ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ ДЛЯ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Статья первая.

I.

.....Поездъ заторопился, потомъ вдругъ пошелъ медленнѣе, еще медленнѣе и сталъ. Въ знакъ прибытія къ мѣсту назначенія, кондукторы ничего не прокричали своимъ отрывистымъ и хриплымъ голосомъ; за то машина самодовольно фырнула, точно говоря: «Ухъ, доватила!» — Изъ вагоновъ хлынула разноцвѣтная волна, хлынула зря, прямо впередъ, рискуя разбиться о стѣны дебаркадера. Справа раздался совѣтъ: «Par ici la sortie, messieurs, par ici!» — Въ широко-распахнутыхъ дверяхъ сдѣлалась давка—чисто-французская давка, гдѣ всѣмъ тѣсно, а никто не помять. Черезъ нѣсколько минутъ всякій пробрался на внутреннюю сторону станціи. Мы очутились въ Турѣ.

Кто пѣшкомъ, кто въ омнибусѣ, кто въ каретѣ — пріѣхавшая толпа нигомъ разлетѣлась по городу. Мы нигуда не спѣшили, не чувствовали ни усталости, ни голода, не имѣли на рукахъ багажа, поэтому, отклонивъ предложенія возницъ, рѣшили—минуя гостиницы, сперва хорошенько побродить по улицамъ бывшей столицы Турэни.

Когда мы спустились съ подъезда амбаркадера и, повернувъ направо, вышли на широкую улицу, всю обсаженную деревьями, насъ такъ и обдало чудеснымъ пахучимъ воздухомъ. Еслибы мы пріѣхали въ Туръ изъ Парижа, или изъ какого-нибудь другого мало-душистаго города, мы непременно пришли бы въ большой восторгъ и усердно занялись бы охватившимъ насъ запахомъ. Не мы явились сюда изъ деревушки, гдѣ прожили нѣсколько недѣль и гдѣ привыкли къ ароматамъ. Турскія благоуханія не вызвали нашего изумленія; мы даже не полюбопытствовали изслѣдовать,

откуда несутся они по улицѣ, на которой не видно ни одного цвѣтка и, почтивъ ихъ холодною формулою удовольствія: «здѣсь хорошо пахнетъ», занялись единственнымъ интереснымъ для насъ въ ту минуту вопросомъ: что именно теперь дѣлать? такъ ли *бродить*, безъ цѣли, для воспріятія общаго впечатлѣнія города, или отдать утро различнымъ *достопримѣчательностямъ*, замкамъ, башнямъ и т. д., которые уже порядкомъ надоѣли намъ въ Турэни и отъ которыхъ чѣмъ скорѣе отдѣлаться, тѣмъ лучше...

Для большей успѣшности обсуждения, мы закурили сигары и стали подъ деревомъ въ живописную группу. Первый пунктъ былъ скоро рѣшенъ: употребляя и пріятное на пользу—*бродить по достопримѣчательностямъ*. Но съ какихъ начать—тутъ возникло разногласіе. Одинъ рекомендовалъ «прославленный Вальтеръ-Скоттомъ» замокъ Плесси-ле-Туръ, а по дорогѣ къ нему башню Гиза и нѣны хорошія башни. Другой возразилъ на это, что отъ Плесси-ле-Туръ не осталось ни одного камешка на мѣстѣ, что еслибы даже онъ и былъ еще цѣль—замковъ и башенъ видѣли мы довольно, специально направляться къ нимъ не стоитъ, взглянемъ какъ-нибудь мимоходомъ; и если ужъ никакъ нельзя обойтись безъ зданій, то лучше посмотрѣть домъ средневѣковой (домовъ мы еще мало видали), домъ Тристана-Пустынника, тоже вальтер-скоттскаго лица... Нѣтъ, прежде типографію Мама; домъ потомъ; въ промежуткѣ — купить рильетокъ, выразилъ свое мнѣніе третій.

Сигары задымилась сильнѣе, и между нами поднялся горячій споръ. Всякій стоялъ на своемъ, все громче и громче, такъ громко, что будь это въ Парижѣ, городовые сочли бы долгомъ подойти на шумъ. Въ Турѣ нравы патриархальнѣе, городскихъ не видно. По раннему часу—едва былъ восьмой утра—не было и прохожихъ, которые обратили бы на насъ вниманіе. Только отъ одного изъ домовъ отдѣлился давно-смотрѣвшій на насъ господинъ, весь въ черномъ, нерѣшительно подошелъ къ нашей группѣ, прислушался и, разобравъ о чемъ идетъ рѣчь (мы толковали пофранцузски), вдругъ бодро вмѣшался въ разговоръ:

— Да не угодно ли въ Метрѣ, господа?

Мы переглянулись съ укоризной. Болтать о пустякахъ, и забыть Метрѣ, куда слѣдовало устремиться сейчасъ по приѣздѣ!—Мы ли не желали видѣть Метрѣ, мы ли о немъ не хлопотали передъ поѣздкой: какъ же мы чуть не измѣнили ему на самомъ его порогѣ!—Или мы виноваты безвинно и, по капризу воображенія, считали его совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ: не здѣсь, возлѣ Тура-въ-Турэни, а близъ Тура-на-Марнѣ?... Что значить смѣять-

ся надъ обычаями британскихъ туристовъ и гордо обходиться безъ гида!...

Уполномочивъ господина въ черномъ — кучера, какъ оказалось — изготовить коляску ¹, въ ожиданіи ея мы присѣли на уютно стоявшую подъ вантами скамейку, и принялись разсуждать о Метрѣ.

Вотъ въ чемъ дѣло.

По французскому законодательству ², малолѣтніе преступники (дѣти моложе 16 лѣтъ) за преступленія, совершенныя ими *безотчетно* (*sans discernement*), не подвергаются установленному наказанію, а *оправдываются* (*sont acquittés*) и возвращаются родственникамъ. За *сознательныя* же преступленія заключаются, на время отъ 1 года до 20 лѣтъ, въ исправительный домъ (*maison de correction*), замѣняющій имъ всякую другую кару ³. Такъ-какъ

¹ Въ большей части французскихъ провинціальныхъ городовъ (понятно, кромѣ такихъ, какъ Марсель, Ліонъ, Бордо), наемныя кареты не ждутъ съдока на улицахъ или на площадяхъ, но стоятъ, незапряженныя, въ сараяхъ своихъ хозяевъ (обыкновенно содержателей гостиницъ), откуда являются не иначе, какъ по призыву. Сарай часты, запрягаютъ скоро, возятъ по обыкновенной таксѣ, такъ что этотъ порядокъ, совершенно понятный въ убогихъ мѣстечкахъ, не представляетъ неудобства и въ нѣсколько-значительныхъ городахъ, которые не на столько велики, чтобы тяжело было ходить пѣшкомъ по освѣщеннымъ газомъ и вымощеннымъ улицамъ. Экипажи употребляются для поѣздокъ за городъ.

² *Code Pénale*, art. 66, 67 et 69.

³ Смертная казнь, вѣчныя галеры и депортація замѣняются заключеніемъ въ исправительный домъ на время отъ 10 до 20 лѣтъ; срочная ваторга и срочное содержаніе въ крѣпости и въ смиренномъ домѣ — заключеніемъ въ исправительный домъ съ сокращеніемъ слѣдующаго по закону термина до половины или до одной трети; лишеніе всѣхъ правъ и временное изгнаніе изъ предѣловъ отечества — заключеніемъ въ исправительный домъ на время отъ 1 года до 5 лѣтъ. Въ преступленіяхъ двухъ послѣднихъ категорій, за исправительнымъ домомъ можетъ слѣдовать полицейскій надзоръ втеченіе времени отъ 5 до 10 лѣтъ. За маловажныя (полицейскіе) проступки малолѣтніе подвергаются тѣмъ же родамъ наказанія, какъ и взрослые, но съ пониженіемъ степени кары не менѣе какъ вдвое. У насъ дѣти, недостигшія 7-ми лѣтъ отроду и потому «еще неимѣющія достаточнаго о своихъ дѣяніяхъ понятія», не подлежатъ наказанію за свои преступленія и проступки. (*Сводъ законовъ*, изд. 1857 г., т. XV, кн. I-я, ст. 106). Дѣти болѣе 7-ми, но менѣе 10-ти лѣтъ, какъ лишенные «надлежащаго о своихъ обязанностяхъ разумія», не подвергаются опредѣленному въ законахъ наказанію, но отдаются родителямъ или благонадежнымъ родственникамъ «для присмотра, исправленія и наставленія». Это правило распространяется и на имѣющихъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ отроду, когда «съ достовѣрностью признано, что преступленіе учинено ими безъ разумія» (*Св. З. т. XV, кн. I-я, ст. 149*). Но за дѣтми старше этого возраста законъ *a priori* не признаетъ возможности совершенія преступленія «безъ разумія» и подвергаетъ ихъ отвѣтственности за уголовные поступки какъ за вполнѣ сознательныя дѣяствія, съ тѣмъ лишь различіемъ отъ взрослыхъ, что, ради малолѣтства, смит-

большая часть преступных дѣтей вовсе не имѣетъ родственниковъ, или самими родственниками бываетъ наведена на преступленіе *, то на практикѣ судъ, по предоставленному ему закономъ праву, часто отдаетъ въ исправительный домъ и дѣтей первой категоріи, «для содержанія и воспитанія», втеченіе обозначеннаго приговоромъ числа лѣтъ, но не далѣе какъ до двадцатилѣтняго возраста. Иначе судъ не можетъ поступить съ круглымъ сиротою или съ ребѣнкомъ, котораго родной отецъ посылалъ на кражу. Лучше всего выхватить дитя изъ губительной среды. Но это *лучше* весьма далеко отъ дѣйствительнаго *сорошо*. Съ одной стороны — оно нарушаетъ правосудіе, ибо подвергаетъ заключенію (то-есть одному изъ видовъ наказанія) *невиннаго* (безотчетно преступившаго) ребѣнка, *оправданнаго* по суду; съ другой — насколько не предохраняетъ его отъ порчи: благодаря плохому устройству, во всѣхъ странахъ свѣта «воспитаніе» исправитель-

чаетъ для нихъ мѣру и отчасти измѣняетъ родъ наказанія. Несмотря на это смягченіе и замишу, провинившихся все-таки ожидаетъ, смотря по важности преступленія, каторга, ссылка на житье или для водворенія въ Сибирь и отдаленныя губерніи, военная служба, рабочий домъ, тюрьма (Св. З. т. XV кн. I-я, ст. 151, 35, 37, 163, 86, 155, 166 и указъ 22-го марта 1860). Возвращаясь къ французскому законодательству, прибавимъ, что исправительные дома, какъ и сѣдууетъ, стоятъ во Франціи особнякомъ отъ прочихъ мѣстъ заключенія. Въ принципѣ несмѣшеніе дѣтей со взрослыми установлено декретомъ 16-го августа 1790 и закономъ 1791 г.; на практикѣ отдѣленіе послѣдовало не раньше 1817, 1831 и 1836 г., когда было рѣшено — сперва устроить въ центральныхъ тюрьмахъ особое помѣщеніе для малолѣтнихъ, потомъ — отвести специально для нихъ Маделонетъ и Ла-Рокетъ.

Вотъ недавній примѣръ одного изъ множества подобныхъ случаевъ. Въ Оппарѣ (*Appergard*), деревушкѣ близъ Діеппа, жили двѣ малытки, Марія-Клементина и Луиза, дѣвочки отъ 8 до 10 лѣтъ, которыхъ мать систематически пріучала къ бродяжничеству и нищенству. Каждый день бѣдняжки должны были ходить за подаліемъ по деревнѣ и окрестностямъ, и если онѣ возвращались съ незначительнымъ сборомъ, дома ихъ ожидали такіе побои, что при недоборѣ несчастныя дѣти обыкновенно ночевали гдѣ-нибудь на сторонѣ, подъ открытымъ небомъ, изъ страха истязаній. История окончилась такъ, какъ обыкновенно оканчиваются исторіи этого рода. Въ августѣ 1864 года старшая сестра, Марія-Клементина, стянула грошевую плетъ да какую-то тряпку съ забора, а младшая, Луиза, опрокинула въ грязь ведра фермера, отказавшаго ей въ подачкѣ, за что обѣ и были призваны въ судъ діеппской исправительной полиціи, какъ уличенныя въ воровствѣ, нищенствѣ и бродяжничествѣ... (Упомянемъ, встаети, что развязка послѣдовала болѣе благополучная, чѣмъ обыкновенно. Судъ, оправдавъ дѣвочекъ, рѣшилъ для избавленія отъ матери помѣстить ихъ въ исправительный домъ; но дѣти показали себя такими милыми, добрыми и симпатическими созданіями, что участь ихъ тронула мѣстныхъ жителей, гг. Осмона, Фрера и Лэндо, которые положили на ихъ имя 2,250 франковъ въ сохранную казну и предложили помѣстить ихъ на свой счетъ въ кружевную школу. Въ виду этого предложенія, дѣло было взято на апелляцію и послѣдовало оправданіе дѣвочекъ *безъ* отдачи въ исправительный домъ).

ныхъ домовъ ведетъ, по выраженію одного юриста, лишь къ тому, что бессознательно согрѣшившее дитя на будущее время научается грѣшить съ сознаниемъ. Последнее замѣчаніе еще съ болѣею силою примѣняется къ осужденнымъ за сознательныя преступленія дѣтямъ, которыя въ исправительномъ домѣ развращаются въ конецъ. Извѣстенъ отвѣтъ одного мальчугана, въ четырнадцатый разъ попавшаго за рѣшотку лондонской тотгильской тюрьмы (*Tothill-Fields*). «Что ты станешь дѣлать, какъ выйдешь отсюда?» спрашиваетъ посѣтитель. «Красть стану, съ другими мальчишками». «Какъ, опять красть?» «Разумѣется: что же дѣлать?» (*Yes, of course! what else?*)

Въ 1837 или 1838 году, г. Демесъ (*Demets*), совѣтникъ парижской апелляціонной палаты, которому судебная практика открыла всю несообразность и злокачественность этой системы, пришелъ къ убѣжденію, что интересы правосудія и народной нравственности настоятельно требуютъ болѣе разумнаго примѣненія 66-й и 67-й статей, то-есть устройства болѣе соотвѣтствующихъ цѣли заведеній. Въ этомъ отношеніи отъ государства ожидать было нечего. Но г. Демесъ недавно посѣтилъ Америку (куда ѣздилъ для изученія тюремъ), ознакомился тамъ съ значеніемъ и силою частной инициативы, и рѣшилъ собственными усиліями доставить закону возможность дѣйствительнаго исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Для этого онъ задумалъ основать образцовый исправительный домъ, колонію, въ которой преступныя дѣти подвергались бы совершенному перевоспитанію и гдѣ они почерпнули бы нравственныя и матеріальныя средства для борьбы съ ожидающими ихъ впереди житейскими искушеніями.

Великій подвигъ—пробудить совѣсть закоренѣлаго преступника, но спасти ребѣнка только-что ступившаго на порочную дорогу — подвигъ еще болѣе большой. Съ этой точки идея г. Демеса должна была возбудить всеобщее сочувствіе. Къ несчастію, родъ людской весьма недовѣрчивъ. Большинство людей заподозриваетъ всякое выходящее изъ ряда обыкновенныхъ начинаніе въ пользу ближняго и съ высоты своей псевдо-практической мудрости провозглашаетъ его шарлатанствомъ или химерою. Недовѣріе становится еще сильнѣе, когда дѣло идетъ о преступникахъ. «Это ватуры, съ рожденія обреченныя на погнѣль. Ихъ ничѣмъ не исправить. Не ихъ спасать, а отъ нихъ должно спасти общество, которое нуждается не въ филантропическихъ теоріяхъ, а въ крѣпко построенныхъ тюрьмахъ, имѣющихъ для него то же значеніе, какое имѣютъ для городовъ помойныя ямы»... Таковы ходячія мнѣнія большинства, и они-то встрѣтили идею г. Демеса. Въ виду общественнаго равнодушія,

г. Демёсу, лишенному собственных материальных средств, пришлось бы отказаться от своего проекта, не явись къ нему на помощь старый другъ и школьный товарищъ, виконтъ де-Бретиньер-де-Куртейль (*de Bretignières-de-Courteilles*), богатый землевладѣлецъ. Де-Куртейль, самъ изучавшій вопросъ о тюрьмахъ, сумѣлъ понять мысль г. Демёса и подарилъ будущей колоніи одну изъ своихъ земель, Метрэ (*Mettray*), близъ Тура. Подарокъ былъ тѣмъ дороже, что на землѣ не находилось никакихъ построекъ, что, слѣдовательно, при устройствѣ заведенія не предстояло вредной надобности «слушаться стѣнъ» и примѣняться къ зданіямъ, назначеннымъ совсѣмъ для другаго употребленія. Съ другой стороны, онъ показалъ, какъ близко къ сердцу принимаютъ идею г. Демёса серьезные люди, и этимъ какъ-бы засвидѣтельствовалъ основательность идеи и подалъ благой примѣръ. Сочувствіе, наконецъ, пробудилось. Нѣсколько вліятельныхъ лицъ приняли участіе въ возникающемъ учрежденіи. Явились частныя пожертвованія. Города Орлеанъ, Лиможъ, Туръ, Пуатье и Парижъ сдѣлали подписку. Составилось цѣлое общество (*la Société Paternelle*) для вспоможенія заведенію, такъ что въ 1839 году на землѣ виконта де-Бретиньера начались работы, и 22-го января 1840 г. девять первыхъ воспитанниковъ вступили подъ кровъ исправительной колоніи Метрэ.

Въ настоящее время 160,000 франковъ, единовременно пожертвованныхъ графомъ Леономъ д'Уршъ (*d'Ourches*), десяти тысячные вклады Бенжамена Делессера, Жиро, г-жи Оберъ и другихъ лицъ, около 80,000 франковъ, оставленныхъ Метрэ по завѣщаніямъ, масса ежедневныхъ частныхъ приношеній, ежегодные взносы 78 департаментскихъ совѣтовъ, 19 апелляціонныхъ палатъ и большаго числа судовъ первой инстанціи, муниципальных совѣтовъ, ученыхъ обществъ, жюри, школъ и т. д. обезпечиваютъ судьбу колоніи, которая, по всеобщимъ отзывамъ, является образцомъ своего рода, такъ что съ первыхъ же лѣтъ своего существованія породила множество подобныхъ заведеній во Франціи, и даже въ Англіи вызвала подражанія *. Нельзя не заинтересоваться этимъ

* Метрэ пользуется въ Англіи весьма лестною репутаціею (см. *Times* 25 декабря 1855) и считается въ ней болѣе 50 членовъ-основателей, изъ которыхъ упоминаемъ колонію *Redhill*, ея директора Сидней Терпера, инспектора англійскихъ тюремъ Парри, вице-канцлера Вуда, гг. Крэмптона и Гладстона, лорда Рэдклифа, маркиза Лондондерри и леди Баронъ. (См. *Rapport du directeur de Mettray, 1859, Liste des Fondateurs*). Въ 1855 году письмо королевскаго адвоката Гилла возбудило интересъ къ колоніи въ лордѣ Бругамъ, который въ томъ же году посѣтилъ Метрэ. Плодомъ этого посѣщенія былъ съ одной стороны—десяти тысячный вкладъ въ колонію (См. *Rapport du directeur, 1855, p. 13*), съ

учрежденіемъ. Не говоря ужъ объ юридическомъ и нравственномъ значеніи Метрэ, не говоря о желаніи убѣдиться, на сколько Метрэ разрѣшаетъ вопросъ о перерожденіи молодыхъ преступниковъ, обзорѣніе колоніи любопытно уже въ томъ смыслѣ, что Метрэ— плодъ частной дѣятельности, выросшій на централизованной почвѣ, смѣлая инициатива, возникшая въ классической странѣ рутинны.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали экипажа.

Минуть черезъ десять мы наконецъ въ него вскочили и, пригласивъ кучера тряхнуть возжами, а не то и болѣе энергически подѣйствовать на сытую, лѣниваго вида лошадку, тронулись съ мѣста. По непремѣнной принадлежности всякого сколько-нибудь уважающаго себя провинціального города, по главной улицѣ, которая подъ разными именами (*rue Royale, rue Imperiale, rue Bonaparte* или и просто *Grande rue*) вездѣ одинаково неудачно копируетъ парижскіе бульвары; мимо столько же непремѣннаго, но болѣе заманчиваго мѣста прогулки, тѣнистаго *Mail*, гдѣ по вечерамъ бьютъ зорю, по воскресеньямъ играетъ музыка, и куда толпами устремляются въ этихъ случаяхъ мѣстные фланеры; по неизбежному висячему мосту, «чуду искусства» (*le merveille de l'art*), отсюда вѣчно открывается лучшій видъ и всегда видна какая-нибудь горемычная, неловко торчащая среди новыхъ зданій башня; взумившись единственной особенностью Тура, странной прихоти одной изъ тамошнихъ дачевладѣлицъ, фонтану, похожему на гробницу — мы выѣхали за городъ. До Метрэ шесть съ небольшимъ верстъ. Но по густо засѣянными, засажеными и заселенными полямъ катишь незамѣтно. Снтая лошадка сколько ни обдумывала что-то, и какъ ни встряхивала головой, однакоже въ угоду бичу мчала быстро, и мы еще не успѣли хорошенько оглядѣться кругомъ и всмотрѣться въ окрестности, какъ уже свернули съ опрятнаго, хотя и неширокаго шоссе, и въѣхали въ еще болѣе узкую алею, минули внезапно выскочившій изъ-за

другой — рѣчь лорда Бругама въ верхней палатѣ, въ которой онъ выразилъ, что «достигнутые колонією результаты вполне убѣждаютъ въ пользѣ употребляемой ею системы». «То, что наши сосѣди сдѣлали для нравственнаго возрожденія преступниковъ, заслуживаетъ уваженія», заключилъ лордъ Бругамъ: «и я желаю бы, чтобы мы послѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру Франціи и заведи у себя колоніи по образцу Метрэ. Если мы ступимъ на эту дорогу, то реформа нашихъ тюремъ сдѣлаетъ шагъ впередъ, какого ей еще не удавалось сдѣлать». Общественное мнѣніе поддержало лорда Бругама, и въ слѣдующемъ (1856) году г. Демезъ былъ приглашенъ въ Англію для содѣйствія дѣлу основанія нѣсколькихъ колоній по образцу Метрэ, которыя въ томъ же году и были окончательно устроены. (См. *Lepeletier-de-la Sarthe, Colonie de Mettray*, pp. 60-61).

деревьевъ сельскій ресторанъ и остановились предъ отворенными воротами, продѣланными въ невысокой изгороди изъ живого кустарника.

— Это и есть Метрѣ, доложилъ вучеръ, поясняя притомъ, что экипажи стоять здѣсь не могутъ — запрещено — а что онъ отъѣдетъ въ сторону и подождетъ насъ возлѣ ресторана.

Мы вошли въ ворота и, раскланявшись съ привратницею, заявили желаніе осмотрѣть заведеніе. Привратница замѣтила, что сегодня суббота — день, неположенный для осмотра; что только однимъ иностранцамъ показываютъ Метрѣ во всякое время. Мы поспѣшили возвѣстить, что какъ-разъ подходимъ подѣ это правило. Тогда привратница попросила записать въ книгу наши имена, и потомъ убѣжала съ книгой, «показать директору и получить разрѣшеніе».

Пока она ходила, мы осматривались кругомъ, чтобы «взять общій видъ» заведенія. Но это, должно быть, еще не сама Метрѣ, а только его приемная. Небольшой дворикъ. Направо отъ воротъ, домикъ привратницы, немного отступя — невысокое, длинное зданіе (больница, кухня, помѣщеніе сестеръ милосердія, какъ мы послѣ узнали). Слева — купы деревьевъ, скамьи, орудія гимнастическихъ упражненій. Прямо впереди — дворикъ вдругъ обращается въ огородъ, огородъ безо всякой стѣны непосредственно переходитъ въ поле. У самыхъ воротъ огромная, выкрашенная бѣлою краскою доска, которой назначеніе, какъ оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи, сразу бросается въ глаза посѣтителю, которую, вслѣдствіе этого, мы и замѣтили послѣ всего другаго. На доскѣ написано крупными буквами: «Просать господъ посѣтителей не входить въ заведеніе не сказавшись привратнику; не ходить по немъ безъ сопровожденія агента; не курить ни въ зданіяхъ, ни на дворѣ, ни въ саду; не заговаривать съ воспитанниками, не испросивъ на то позволенія».

Понятно правило о привратникѣ и агентѣ: нельзя допустить, чтобы всякій прохожій свободно разгуливалъ по колоніи; такъ какъ-разъ забредутъ въ нее тѣ самыя личности, которыя подбили дѣтей на первый проступокъ и отъ которыхъ нужно, какъ можно старательнѣе оберегать дѣтей. Умѣстно правило о куреніи: обыкновенно дѣти оттого берутся за табакъ, что видятъ какъ взрослые вокругъ нихъ не выпускаютъ изо рта сигары или трубки; въ этомъ отношеніи удалить дурной примѣръ значитъ уменьшить вѣроятность нарушенія лежащаго на куреніи запрета. Но къ чему не позволять свободныхъ разговоровъ съ дѣтьми? — Чтобы не отрывать ихъ отъ занятій? — Но вѣдь и предварительно разрѣшенная рѣчь — та же помѣха; съ другой стороны, для того при

вась сбоку и агентъ, чтобы въ случаѣ надобности напомнить, что вы заболтались или, изъ вѣжливости, безъ напоминанія, ловко отвести вась въ другую сторону. Чтобы предохранить дѣтей отъ вліянія тѣхъ негодаевъ, которые спекулируютъ порочными наклонностями и могутъ явиться въ колонію съ цѣлью пробудить въ ея воспитанникахъ дурные зачатки? — Но опять-таки—здѣсь агентъ: онъ не позволить разговору принять вредное направленіе. Если же допустить, что агентъ не можетъ услѣдить за свободно-произнесеннымъ словомъ, то не услѣдитъ онъ и за поведенною съ разрѣшенія рѣчью. Присутствіе агента или вовсе бесполезно, или совершенно достаточно для предупрежденія злонамѣренныхъ разсказовъ; въ первомъ случаѣ нужно наложить на уста посѣтителей печать безусловнаго молчанія; во второмъ — испрашиваніе разрѣшенія лишено всякаго смысла... Очевидно, что присутствіе агента дѣйствительно имѣетъ предупреждающую силу. Слѣдовательно, высказанное на доскѣ правило—ненужная формальность, мале того: формальность вредная, ибо она оскорбляетъ нравственное чувство. Впечатлительный ребѣнокъ непременно обидится отчужденіемъ отъ прочихъ людей, въ которе его ставятъ такъ наглядно; въ немъ зашевелится горькія мысли, и едва ли съ полною довѣрчивостію отдастся онъ направленнымъ къ его переноситанію вліяніямъ и заботамъ.

Но каково бы ни было значеніе правила для цѣли, съ которою устроена колонія, полезно ли оне, вредно ли, или просто безразлично, во всякомъ случаѣ отъ такого способа уберегать дѣтей вѣетъ холодомъ, въ немъ видно не теплое участіе къ дѣлу, а скорѣе извѣстная замашка рѣшать вопросы посредствомъ хитрыхъ параграфовъ, и когда мы его прочитали, то подозрительно взглянули вокругъ себя, стараясь угадать по внѣшнему виду предметовъ—не въ обыкновенномъ ли мы исправительномъ домѣ, присвоившемъ себѣ вовсе непринадлежащее ему знамя. Подъ вліяніемъ сурово-чернѣющихъ съ доски строкъ, при вторичномъ осмотрѣ дворика намъ побазалось, что самъ дворикъ щеголаетъ безжизненною опрятностію гвардейской казармы, красиво подстриженныя деревья слѣва кланяются съ казенною граціею, а зданіе направо глядитъ монументомъ въ честь архитектуры богоугодныхъ заведеній. Мы собирались уже выразить рѣзкое сужденіе; въ счастью, возвращеніе привратницы остановило преждевременныя заключенія.

За привратницею спѣшилъ, застегиваясь и оправляясь, молодой человекъ въ свѣтлосинемъ форменномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и въ форменной фуражкѣ. Подошедши къ намъ, онъ вѣжливо поклонился и объяснилъ, что состоитъ надзирате-

лемъ при заведеніи и посланъ директоромъ сопровождать насъ при осмотрѣ колоніи, «которую вы застали врасплохъ, въ суб-ботнюю чистку», добавилъ онъ, приглашая насъ слѣдовать за собою.

Мы двинулись за своимъ провожатымъ—и съ первыхъ шаговъ, съ первыхъ объясненій поняли неосновательность внушеннаго намъ привратною доскою недоверія. Взявъ направо, чрезъ неширокій проходъ между домикомъ привратницы и больницею, мы вышли на пространный дворъ, по тремъ сторонамъ котораго красиво группировались зданія, и остановились у четвертой, занятой невысокой изгородью, такою же, какою обнесень, при входѣ, и первый дворикъ. Въ глубинѣ двора глазамъ нашимъ представилась церковь не вычурной, но изящной архитектуры, съ надписью на фронтонѣ «Домъ Божій» и съ хорошенькой, легкой колокольней. По бокамъ церкви—два зданія довольно большихъ размѣровъ. Позади, за стѣной, третье; за нимъ кровли чисто-деревенскаго вида. На самомъ дворѣ съ обѣихъ сторонъ рядъ небольшихъ домиковъ въ два этажа. Дворъ усыпанъ пескомъ. Посрединѣ его, въ обложенномъ камнемъ сухомъ бассейнѣ, порядочныхъ размѣровъ совсѣмъ оснащенное трехмачтовое судно. Тамъ и сямъ разбросаны рѣзко-отдѣляющіяся отъ песка полосы газона. Изъ нижнихъ этажей домиковъ, то чистенькихъ, то закоптѣлыхъ, слышался шумъ и мелькали дѣтскія лица, но на дворѣ было тихо и не видно никакого движенія. Только изрѣдка пробѣгалъ здоровый мальчуганъ съ пустыми ведрами, или проходилъ малый уже на возрастѣ, весь черный, съ молотомъ въ рукахъ... Общее впечатлѣніе самое благоприятное. Ни въ чемъ ни слѣда искусственности. Все кругомъ совершенно естественно, будто и не заведено, а само собою сложилось, такъ что объ исправительномъ домѣ и не думалось: казалось, что стоишь на площади небольшого селенія, котораго жители ушли на полевую работу, оставивъ по домамъ мастеровой людъ да малолѣтковъ. Только корабль посрединѣ двора напоминалъ, что все это *устроено*, и устроено съ опредѣленною цѣлью.

— Морской министръ подарилъ, пояснилъ надзиратель: — между дѣтьми случаются иногда бретонцы, прирожденные моряки; такъ чтобы не забывали у насъ своего ремесла. А зданія, что возлѣ церкви—это школа, магазинъ земледѣльческихъ орудій и моделей, и наши квартиры; позади—карцеръ (*quartier de punition*); дальше—ферма, молочная (*laiterie*), конюшни и скотный дворъ. Дѣти помѣщаются вотъ въ этихъ домикахъ кругомъ насъ... Да не угодно ли въ подробностяхъ осмотрѣть колонію?

Мы разомъѣтся сказали, что угодно, и начали осмотръ съ до-

миковъ направо и налѣво, гдѣ живутъ и, какъ оказалось, отчасти работаютъ дѣти.

II.

Всѣ домики, которые расположены саженьяхъ въ $3\frac{1}{2}$, одинъ отъ другого, занимаютъ каждый пространство въ 14 аршинъ длины и 7 или 8 ширины, и обшлись, говорятъ, съ мѣбелью и прочими принадлежностями, въ 8,300 франковъ каждый — всѣ домики построены на одинъ образецъ, въ три этажа. Внизу помѣщаются мастерскія, въ верхнихъ этажахъ—жилье. Въ каждомъ домикѣ поселено по сорока воспитанниковъ. Дѣти живутъ здѣсь не въ одиночку по отдѣльнымъ каморкамъ, но, для сближенія между собою и для возбужденія въ нихъ, по возможности, духа семейственности (*esprit de famille*), всѣ вмѣстѣ, группами изъ 20 человекъ *, въ большихъ комнатахъ, которыя устроены такъ замысловато, что служатъ и спальнею, и рекреационною въ дурную погоду, и даже, въ случаѣ надобности, классомъ. Это — залы во всю длину и ширину этажа (одна во второмъ, другая — въ третьемъ), съ потолкомъ на четырехъ деревянныхъ столбахъ. Въ столбахъ съ двухъ сторонъ продѣланы уключины. У входа и у противоположной стѣны, аршина на полтора или два отъ земли, перекладыны на шарньерахъ, по двѣ съ каждой стороны, которыя подвѣшены къ потолку, и которыя можно поднимать и

* Съ перваго взгляда, попытка возбудить въ дѣтяхъ семейный духъ посредствомъ помѣщенія ихъ въ одной или двухъ общихъ комнатахъ, кажется смѣшною претензiею. Дѣйствительно, это была бы не болѣе какъ смѣшная, ни къ чему не ведущая претензiя въ примѣненіи ко взятымъ изъ родной семьи дѣтямъ. Но питомцы Метрѣ—дѣло иное. Изъ 2,230 дѣтей, принятыхъ въ колонію въ двадцатилѣтній періодъ со времени ея основанія до 1 января 1860 года, 876—сироты, 346—побочныя дѣти, 116—подкидыши, наконецъ 408 съ давнихъ поръ лишены родителей вслѣдствіе заключенія ихъ въ тюрьму или ссылки на галеры, такъ что болѣе четырехъ-пятыхъ воспитанниковъ колоніи (именно 1,746) вовсе не имѣютъ понятія о семьѣ. Не говоримъ уже о томъ, что остальные если и знакомы съ нею, то не знаютъ иной семьи, кромѣ порочной. Соединить *такимъ* дѣтей подъ одинъ общій кровъ, за однимъ общимъ столомъ, значить до нѣкоторой степени пробудить въ нихъ семейные инстинкты, тѣмъ болѣе, что забота объ этомъ не ограничивается единственно устройствомъ общаго помѣщенія. Последнее—лишь первый шагъ къ цѣли, которая затѣмъ болѣе или менѣе достигается единствомъ занятій, интересовъ и т. д. При неизмѣннй кровной семьѣ, окружающіе насъ люди, если не замѣняютъ ее, то, при благоприятныхъ условіяхъ, дѣлаютъ менѣе ощутительнымъ ея отсутствіе. Практическиимъ доказательствомъ вѣрности этихъ соображеній и дѣйствительнаго вліянія на дѣтей принятой въ Метрѣ системы можетъ служить заведенная въ подраженіе Метрѣ колонія Монтаньи, откуда воспитанники все бѣгали и гдѣ бѣгство прекратилось, едва ввели раздѣленіе на семьи. (См. *Rapport, 1855, p. 7 en note*).

опускать по производу. Когда онѣ подняты—зала представляетъ изъ себя рекреационную залу. Чтобъ обратить ее въ столовую, перекладины опускаютъ и владываютъ въ отверстія столбовъ; потомъ на нихъ кладутъ висающія у боковыхъ стѣнъ доски, приносятъ скамьи: такимъ образомъ въ перегороденной вдоль комнатѣ является два ряда обѣденныхъ столовъ направо и налево съ проходомъ посрединѣ, и столовая готова. Она же можетъ служить и классомъ. А на ночь — выносятъ скамьи, снимаютъ доски и вмѣсто нихъ подвѣшиваютъ на крючьяхъ перекладины, опять-таки съ боковыхъ стѣнъ, холщевыя койки, которыя замѣняютъ постели. Спать въ нихъ дѣти, укрываясь не особымъ одѣяломъ, но самою же койкою, которая сдѣлана мѣшкомъ: кто въ нее влѣзъ, тотъ ужъ и укрытъ. И спать не всѣ въ одну и ту же сторону головами, но, для предупрежденія ночныхъ разговоровъ, куда одинъ головою, туда другой ногами. Утромъ воспитанники сами убираютъ койки и приводятъ въ порядокъ комнату. Общій видъ послѣдней весьма веселъ—веселъ нетолько опрятностью и большимъ количествомъ свѣта, который летится изъ часто-продѣланныхъ оконъ, но еще и рѣшительнымъ отсутствіемъ всякаго притязанія на роскошь или шегольство, обыкновенно поражающихъ глаза во всевозможныхъ образцовыхъ заведеніяхъ. Въ Метрэ поняли, что приучать дѣтей къ такой обстановкѣ, какую, безъ сомнѣнія, не дастъ имъ впоследствии ихъ скромная доля *, значить, готовить ихъ къ недовольству будущей судьбою, и такимъ образомъ, вмѣсто исправленія *безотчетно*-дурныхъ свойствъ, которыя привели ихъ въ колонію, забрасывать въ нихъ сѣмена новыхъ, *сознательныхъ* проступковъ. Для избѣжанія такой, какъ-бы умышленной замѣны однихъ пороковъ другими, помѣщеніе воспитанниковъ очень просто—чтобы не сказать очень бѣдно. Въ ихъ комнату ведетъ не удобная внутренняя лѣстница (*escalier*), а простая наружная (*échelle*), прочная и безопасная для ходьбы вверхъ и внизъ, но некрашенная, не совсѣмъ удобная, съ небольшимъ скрипомъ—словомъ, такая, какъ обыкновенно употребляютъ во французскихъ поселянскихъ избахъ. Въ самой комнатѣ, полъ, столбы, перекладины, доски, скамьи—все простого дерева, безо всякой краски или политуры, лишь гладко выстругано, чтобы не случилось занозы. Столовый приборъ—оловянный. Пища — какую ѣдятъ всѣ ремесленники и

* Изъ 660 дѣтей, находившихся въ Метрэ въ годъ, котораго касаются послѣдніе отчеты (1863), лишь трое принадлежатъ къ достаточнымъ семьямъ. Изъ остальныхъ 657—404 дѣти рабочаго люда, 98—дѣти нищихъ, бродягъ и публичныхъ женщинъ, 64—дѣти преступниковъ, наконецъ родители 81 умерли, пропали безъ вѣсти или неизвѣстны.

деревенскіе жители: 1¹/₂ фунта хлѣба, похлебка, овощи, молоко, сыръ; два раза въ недѣлю сало или безъ затѣй приготовленное мясо (*boeuf bouilli*). Койки и всѣ постельныя принадлежности—грубаго холста; бѣлье—тоже. Обыкновенная одежда дѣтей—деревянные башмаки (*sabots*), лѣтомъ полотняные, зимою—толстые суконные блуза и панталоны. Кожаная обувь (подбитая гвоздями) и шуртукъ — форменный, такой же какъ у надзирателя — надѣваются лишь по воскресеньямъ и правдникамъ. Остальное время они мирно покоятся на полкахъ вдоль стѣнъ, вмѣстѣ съ койками и прочю утварю.

Приучая своихъ воспитанниковъ къ простому образу жизни, застраховывая ихъ отъ вліанія тѣхъ матеріальныхъ соблазновъ, которые должны встрѣтиться за порогомъ заведенія, колонія не ограничивается облаченіемъ ихъ въ оборонительные доспѣхи безстрастія и нежеланій, но снабжаетъ и наступательнымъ оружіемъ жизненной борьбы—старается дать имъ любовь и привычку къ труду. Съ этою цѣлью она съ утра до вечера занимаетъ дѣтей различными работами. Понятно, что эти работы — не простое переливаніе изъ пустого въ порожнее, назначенное для обмороженія доврѣчиваго посѣтителя, или много-много для выставки въ торжественные дни, но дѣйствительный трудъ, таковой, который въ послѣдствіи доставилъ бы воспитанникамъ вѣрный кусокъ хлѣба. Дѣтей обучаютъ земледѣлію, садоводству, огородничеству и ремесламъ. Для сельскихъ работъ колонія имѣетъ около 260 десятинъ земли, настолько плодородной, что охота и трудъ дѣтей не тратятся напрасно въ непроеводительной борьбѣ не по возрасту и не по силамъ *. Двѣнадцать десятинъ заняты виноградникомъ; почти столько же находится подъ садомъ и подъ огородомъ. Для воздѣлыванія полей, при колоніи устроена обширная ферма съ маслобойней, сырней и молочной, съ мельницей и

* Метръ имѣетъ во Франціи враговъ, принадлежащихъ преимущественно къ разряду тѣхъ лицъ, которые желали бы, чтобы наказанія преступниковъ имѣли исключительно карательный и развѣ лишь на десятомъ планѣ исправительный характеръ. Наиболѣе свирѣпые изъ противниковъ никакъ не могутъ простить колоніи, что она почеловѣчески обходится съ своими воспитанниками. Съ этой точки они весьма недовольны тѣмъ, что колонія занимаетъ дѣтей воздѣлываніемъ *плодородной* почвы: имъ хотѣлось бы, чтобы и въ земледѣліи малолѣтніе преступники находили нѣчто въ родѣ каторжной рабнты, и такимъ образомъ надрываясь въ безплодныхъ усиліяхъ надъ неблагодарною почвою, «хотя отчасти искупали бы свое паденіе»... Подобныя теоріи, конечно, не нуждаются въ опроверженіи; впрочемъ, г. Демесь отвѣчалъ на нихъ, что цѣль колоніи — между прочимъ, приохотить дѣтей къ земледѣльческому труду, что болотнымъ путемъ этого не достигнешь, и что бельгійскія и голландскія колоніи и неудались именно вслѣдствіе негодности своей почвы.

порадоочнымъ количествомъ рабочаго скота и другихъ принадлежностей. Кромѣ того, колонія имѣетъ еще четыре отдѣльныя небольшія фермы, гдѣ поселены находящіеся на выпускѣ воспитанники, и которыя оставлены безо всякаго приспособленія къ уголовно-исправительнымъ цѣлямъ, совершенно въ такомъ же видѣ, какъ были при прежнихъ владѣльцахъ. Это служитъ для окрестныхъ землевладѣльцевъ нагляднымъ доказательствомъ возможности употребленія воспитанниковъ въ полевныя, да и во всякія работы и, вмѣстѣ, является для воспитанниковъ полезнымъ переходнымъ терминомъ отъ колоніи къ жизни, приготовительною школою полной свободы.

Что касается до ремесла, то мастерскія помѣщаются, какъ уже замѣчено выше, въ нижнихъ этажахъ жилыхъ домовъ, болѣею частью по одной въ каждомъ домикѣ, но иногда и по двѣ: въ такомъ случаѣ одна мастерская отдѣлена отъ другой тонкою перегородкою, недоходящею до потолка, такъ что воздухъ свободно очищается на всемъ пространствѣ отворенными вверху окнами. Обучаютъ ремесламъ весьма усердно, и для вѣрнѣйшаго успѣха приглашаютъ лучшихъ мастеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ въ околоти большую извѣстность. Но главную роль играетъ въ колоніи земледѣліе, какъ такое занятіе, которое представляетъ наиболѣе шансовъ, что воспитанники не останутся по выходѣ изъ колоніи безъ работы, и кромѣ того сулитъ имъ наиболѣе удаленный отъ искушенія родъ жизни. Поэтому на земледѣліе обращаютъ особенное вниманіе, и къ нему стараются приохотить возможно-большее число дѣтей. Въ минуту нашего посѣщенія, изъ 640 воспитанниковъ, составлявшихъ населеніе колоніи, полевнымъ работамъ, садоводству и огородничеству посвятило себя около 440 человекъ², тогда какъ портняжествомъ занималось только 40¹, плетеніемъ веревокъ и изготовленіемъ парусовъ—32, дѣланіемъ деревянныхъ башмаковъ—28, сапожнымъ мастерствомъ—25, кузнечнымъ и машиннымъ производствомъ и механикою—25, а колесниковъ, плотниковъ и каменщиковъ было первыхъ двухъ ремеслъ не болѣе, какъ по 12, послѣдняго же—всего 5. Собственно домашнія работы, конечно, такіа, которыя требуютъ спеціальнаго и постояннаго уxo-

¹ Собственно садоводству и огородничеству болѣе 60.

² Число портныхъ отъ того болѣе числа другихъ ремесленниковъ, что представляетъ не постоянную, а подвижную цифру: всякій воспитанникъ обязанъ побывать въ портняжнѣ, чтобы научиться чинить свое платье. Затѣмъ онъ переходитъ къ другому ремеслу; число же тѣхъ, которые такъ и остаются портными—незначительно: не превышаетъ 10 или 12, сказалъ сопровождавшій насъ надзиратель.

да, ибо прочія составляютъ обязанность всѣхъ питомцевъ колоніи — спеціальныя домашнія работы отправлялись 16 воспитанниками *.

Если прибавить ко всему этому учебныя занятія, то мы увидимъ, что день воспитанниковъ совершенно наполненъ. Встаютъ они лѣтомъ въ 5 часовъ утра, зимою—въ шесть. Одѣвшись и прочитавъ молитву, каждая семья, то-есть обитатели каждаго дома, собираются, по звуку трубы, на дворъ, гдѣ директоръ производитъ имъ смотръ и распредѣляетъ работу. Послѣ этого дѣти, правильнымъ строемъ и опять при звукѣ трубы, отправляются кто въ поле, кто въ мастерскія. Когда полевныя работы невозможны, занимающіеся ими воспитанники бьютъ, подъ навѣсомъ, камни и обучаются мощенію дорогъ и трамбовкѣ. Во всякомъ случаѣ, работы продолжаются до 8 часовъ, времени завтрака и получасового отдыха. Вслѣдъ затѣмъ—опять работы до часу пополудни, то-есть до обѣда, который, вмѣстѣ съ слѣдующимъ за нимъ отдыхомъ, продолжается часа полтора. Послѣ обѣда, лѣтомъ—два часа классныхъ уроковъ, занимающихъ такимъ образомъ самую жаркую пору дня, когда было бы слишкомъ утомительно оставаться въ полѣ; зимою—наоборотъ: сперва работы и потомъ уже два часа классовъ, при свѣчахъ, когда иныя занятія кромѣ классныхъ неудобны. Въ классахъ идетъ элементарное преподаваніе: законъ божій, чтеніе, письмо, ариметика, географія и черченіе—все это въ объемѣ, сообразномъ съ будущимъ скромнымъ положеніемъ дѣтей. Ужинаютъ въ 8 часовъ. Около часа отдается пѣснямъ и молитвѣ. Въ 9 ложатся спать.

Повоскресеньямъ этотъ порядокъ, конечно, измѣняется. Встаютъ въ обыкновенное время и собираются на дворъ все-таки при трубномъ звукѣ, но затѣмъ идутъ не на работы, а въ церковь. По окончаніи обѣдни, состоящей при колоніи священникъ говоритъ небольшую проповѣдь. Остатокъ дня, который въ качествѣ воскресенья долженъ служить днемъ отдыха, но не можетъ быть проведенъ и въ совершенной праздности, несомнѣнной съ внушаемыми дѣтямъ правилами—остатокъ дня наполняется гим-

* Всѣ приводимыя въ настоящемъ очеркѣ цифры, тамъ, гдѣ онѣ касаются времени нашего посѣщенія, записаны со словъ нашего путеводителя или списаны съ вышесказанныхъ въ заведеніи таблицъ; цифры же за прошлое время, средніе выводы и вообще данныя, въ которыхъ необходима точность, взяты изъ официальныхъ отчетовъ колоніи (*Colonie penitentiaire de Mettray. Rapport des Directeurs 1849—1863. Paris et Tours, 24 brochures in-8°*). Въ продажѣ не находится; въ парижской публичной библіотекѣ нѣтъ полнаго экземпляра: за таковымъ надобно обращаться въ самое колонію).

настакой, музыкой, бесѣдой съ директоромъ заведенія¹ и упражненіями съ пожарными инструментами. Воскресныя бесѣды директора, который и вообще не пропускаетъ случая потолковать съ дѣтьми, ведутся не въ формѣ наставительной рѣчи, но простыми разговорнымъ порядкомъ, съ репликами, возраженіями, споромъ и, по увѣренію сопровождавшаго насъ надзирателя, пользуются большою любовью воспитанниковъ. Не говоря ужъ о формѣ бесѣды, эта любовь объясняется еще тѣмъ, что директоръ не принимаетъ на себя относительно дѣтей роли начальника и не ставитъ своихъ питомцевъ въ положеніе подчиненныхъ. Метрэ принимаетъ дѣтей изъ 25 ближайшихъ департаментовъ. Директоръ самъ ѣздитъ за ними, лично беретъ ихъ изъ тюрьмы или исправительнаго дома, и лично привозитъ въ колонію. Уже появляясь въ тюрьму, онъ является ребѣнку другомъ-спасителемъ. Дорогой онъ окончательно сблизается съ нимъ и на все время пребыванія въ колоніи остается къ нему если не въ дружескихъ, то въ отеческихъ отношеніяхъ, которыя скрѣпляетъ постояннымъ общеніемъ съ воспитанниками и частыми откровенными бесѣдами, служащими и для сближенія съ дѣтьми, и для пробужденія въ послѣднихъ дремящихъ чувствахъ добра и чести.

Въ этомъ отношеніи въ Метрэ думаютъ, что, помимо прямого исправительнаго вліянія директора и его пособниковъ, помимо здороваго, трудового образа жизни, лучшее средство вызвать въ дѣтяхъ добрыя инстинкты—это оказывать имъ полное, совершенное довѣріе. Сообразно съ этимъ колонія — исправительное заведеніе для малолѣтнихъ преступниковъ, между которыми есть и убійцы², и откуда воспитанники не имѣютъ права отлучаться—нисколько не напоминаетъ собою мѣста заключенія. Въ ней не принято ровно никакихъ внѣшнихъ мѣръ противъ побѣговъ. Она даже не обнесена стѣною: съ трехъ сторонъ—чистое поле, и только съ четвертой, при воротахъ, поставлена, какъ-бы для красы, невысокая изгородь. Дѣтямъ говорятъ, что они не должны уходить изъ колоніи, берутъ съ нихъ слово—и этимъ ограничиваются всѣ мѣры предупрежденія и пресѣченія бѣгства.

¹ Въ настоящее время колонією завѣдуетъ одинъ г. Демесъ. Виконтъ де-Бретиньеръ умеръ.

² По отчету 1868 года, изъ 660 дѣтей, находившихся тогда въ Метрэ, туда попали: за убійство (*assassinat et meurtre*) и отравленіе — 25 человекъ; за преступленія противъ нравственности (*attentats à la pudeur ou aux mœurs*)—27; за нанесеніе ранъ и ударовъ—6; за воровство-кражу и мошенничество—393; за воровство со взломомъ, фальшь и дѣланіе фальшивой монеты—51; за прошеніе милости—75; за бродяжничество—59.

Понятно, что даже и при такомъ довѣрїи къ воспитанникамъ, 640 человекъ, хотя бы то даже и не преступниковъ, а просто *дѣтей*, не могутъ оставаться совершенно безъ всякаго надзора. Одного директора тутъ недостаточно: его задачу облегчаютъ инспекторъ и надзиратели, которыхъ зовутъ въ колонїи старшинами (*chefs de famille*), собственно-надзирателями (*sous-chefs, surveillants*) и старшими братьями (*frères aînés*). Старшинъ колонїи получаетъ изъ особой, заведенной при ней съ этою цѣлью школы (*école préparatoire*)¹, гдѣ преподаютъ законъ божїй, грамматику, французскую исторїю, географїю, ариметику, геометрію, черченіе, бухгалтерїю, агрономїю съ относящимися къ ней физическими науками, гимнастику, плаваніе, музыку и пѣніе. Окрестные землевладѣльцы охотно приглашаютъ къ себѣ выходящихъ изъ школы молодыхъ людей для завѣдыванія фермами. Это обстоятельство — дающее возможность не оставаться по выходѣ безъ мѣста, еслибы даже его не было ни въ самой колонїи, ни въ сродныхъ съ нею учрежденїяхъ — привлекаетъ въ школу довольно значительное число воспитанниковъ. Съ другой стороны, благодаря хорошему направленїю воспитанїя, изъ нея выходятъ надзиратели, вовсе не похожіе на сторожей (*gardiens*) исправительныхъ домовъ, у которыхъ, по отзыву одного юриста, «вмѣсто всякихъ качествъ только и есть, что свирѣпый взглядъ, зычный голосъ, длинные усы да большая сабля»... Старшины Метрѣ — молодые, благовоспитанные люди совсѣмъ другихъ свойствъ, свѣдущіе, мягкіе, преданные дѣлу. Ихъ назначаютъ съ строгимъ выборомъ², и по смерти теперешняго директора заведенїя, г. Демеса, вѣроятно изъ старшинъ же возьмутъ его преемника. Такъ по крайней-мѣрѣ думаютъ въ Метрѣ, да такъ и должно быть, ибо сердечное участіе къ дѣлу необходимо для успѣха такого учрежденїя, какъ исправительная колонїя, и кромѣ ея основателя никто не въ состоянїи удовлетворить этому условїю въ такой

¹ До устройства школы, надзирателями были нѣсколько молодыхъ людей, понимавшихъ благія намѣренїя гг. Демеса и де-Брегиньера и согласившихся раздѣлять ихъ труды. Основатели прислали ихъ еще до учрежденїя самого заведенїя.

² О строгости выбора можно судить по тому, что, напримѣръ, изъ числа 81 воспитанника, которые втеченіе восьми лѣтъ отъ основанїя школы (1846 до 1854 года) изъявили, по выходѣ, желанїе посвятить себя Метрѣ, принято было лишь 26, остальные же 55, послѣ предварительнаго искуса, отвергнуты колонїей, какъ невольнѣ способные къ трудному дѣлу обращенїя съ дѣтскими преступниками. См. *Notice sur l'École préparatoire de Mettray. Tours, 1854. (8^o) pp. 4—5.* Всего въ этотъ періодъ выпущено 174 воспитанника. За дальнѣйшее время мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣнїй; знаемъ только вообще, что школа растетъ больше и больше.

мѣрѣ, какъ люди, воспитанные въ колоніи, въ ней выросшіе, сроднившіеся съ нею и усвоившіе всѣ тѣ качества, безъ которыхъ цѣль ея не можетъ быть достигнута. Что имъ подсилу не однѣ лишь второстепенныя заботы, но и главное управленіе колоніею—доказательствомъ этому служить теперешній инспекторъ Метрѣ, замѣнившій покойнаго де-Бретиньера и выбранный изъ старшинъ; потомъ примѣръ Освальда, исправительной колоніи близъ Страсбурга, который погибалъ, разстроивался въ конецъ и былъ спасенъ назначеніемъ въ директоры одного изъ агентствъ Метрѣ.

Въ дѣлѣ надзора и присмотра за дѣтьми старшинамъ помогаютъ надзиратели, молодые люди изъ той же школы, практически приготавливающіеся къ обязанностямъ старшинъ, и «старшіе братья»: сами же воспитанники, ежемѣсячно избираемые для этого своими товарищами. Старшины и надзиратели назначаются по одному на семью, то-есть на домикъ съ сорока дѣтьми; «старшихъ братьевъ» каждый домикъ избираетъ по два. Всѣ они неотлучно находятся при воспитанникахъ, спятъ съ ними въ одной комнатѣ (старшина на особой кровати), и слѣдуютъ за ними въ мастерскія и въ поле, гдѣ не ограничиваются однимъ наблюденіемъ, но и сами принимаютъ дѣятельное участіе въ работахъ, подавая дѣтямъ примѣръ и вызывая ихъ соревнованіе. Старшины служатъ также дѣтямъ репетиторами и преподавателями въ классахъ*.

Независимо отъ постоянныхъ работъ, увѣщаній и надзора, Метрѣ вліяетъ на своихъ питомцевъ еще и системою наградъ и наказаній. Для поощренія въ трудѣ употребляютъ заказы: лучшимъ, наиболее прилежнымъ и искуснымъ мастеровымъ и земледѣльцамъ, вмѣсто общей работы, какъ-бы неимѣющей опредѣленной цѣли, поручаютъ сдѣлать именно то или другое, именно для таковаго-то назначенія. Это — говорилъ нашъ проводникъ — чрезвычайно льститъ дѣтямъ, и всякій лѣзетъ изъ кожи чтобы добиться такой же чести. Въ классахъ за успѣхи разсаживаютъ по свамьямъ въ извѣстномъ порядкѣ. Вообще хорошее поведеніе награждается: 1) небольшими подарками книгъ, инструментовъ и т. п.; 2) дозволеніемъ оказывать услуги колоніи и ея членамъ: работать для колоніи въ огородѣ, шить платье товарищу или старшинѣ, и т. д.; 3) внесеніемъ на золотую доску (*tableau d'honneur*), куда записываютъ только тѣхъ, кто втеченіе трехъ мѣсяцевъ не былъ ни разу наказанъ и отсюда вычеркиваютъ при первомъ проступкѣ; 4) почетнымъ знаменемъ (*drapeau d'honneur*, съ надписью: *Честъ и слава такой-то семьи — Colonie*

* Больница, прачешная и кухня находятся въ вѣдѣніи сестеръ милосердія.

de Mettray. Honneur à la famille de...), выдаваемымъ семьѣ, *est* члены которой втеченіе недѣли вели себя совершенно безупречно, не заслуживъ ни малѣйшаго взысканія, ни даже выговора; наконецъ 5) назначеніемъ съ пожарными инструментами тушить случающіеся иногда въ окрестностяхъ пожары, спастись отъ наводненій и вообще помогать въ случающихся поврежденіяхъ бѣдакъ ¹. Читатель обратитъ вниманіе на эту послѣднюю награду, которая говоритъ прямо сердцу и чести дѣтей и удачливѣе которой, кажется, нельзя ничего придумать. Ею отличаютъ только самыхъ безукоризненныхъ воспитанниковъ колоніи.

Чтобы воспитанники заохочивались къ добру не только наградами въ настоящемъ, но и видомъ того, что сулитъ имъ при хорошемъ поведеніи будущность—въ классной комнатѣ вѣшаны портреты отличившихся по выходѣ въ свѣтъ питомцевъ колоніи, двухъ зуавовъ Ришара и N ², украшенныхъ орденомъ почетнаго легіона, который однимъ изъ нихъ полученъ за спасеніе жизни полкового командира. Портреты и крестъ служатъ молодымъ преступникамъ нагляднымъ доказательствомъ того, что преступленіе не вѣчное пятно, что раскаяніе смываетъ его, и что исправившійся преступникъ такой же человекъ, какъ и его никогда негрѣшившіе братья ³. Кромѣ портретовъ, въ классахъ виситъ именная списокъ всѣхъ бывшихъ питомцевъ колоніи, съ обозначеніемъ ихъ мѣстожительста, занятій и отзыва о нихъ теперешнихъ хозяевъ (*patrons*) или служебнаго начальства: этотъ списокъ читаютъ дѣтямъ, обращая ихъ вниманіе на хорошіе отзывы и на то, какъ стыдно заслужить дурную славу, и какъ изъ этого списка всѣ будутъ о ней извѣстаны. Въ *pendant* къ этимъ какъ-бы роднымъ, близкимъ для воспитанниковъ поучительнымъ примѣрамъ, противоположную стѣну занимаютъ болѣе общія изображенія послѣдствій хорошаго и дурного образа жизни, извѣстныя англійскія гравюры, рисующія судьбу честнаго ремесленника и его порочнаго друга.

¹ Въ послѣднее наводненіе Луары (1856), воспитанники Метра провели два дня и ночь въ борьбѣ съ бушующею стихіею и оказали городу столько пользы, что муниципалитетъ Тура выдалъ въ честь ихъ золотую медаль съ надписью: *A la colonie de Mettray, la ville de Tours reconnaissante. Inondation 1856.*

² Фамиліи второго мы не могли прочесть въ нашихъ замѣткахъ, набросанныхъ, при посѣщеніи, карандашомъ, который къ сожалѣнію стерся.

³ Напоминаемъ читателямъ, что крестъ дается во Франціи военнымъ за выходящіе изъ ряда блистательные подвиги, и неизмѣнно подъ условіемъ безукоризненнаго поведенія, такъ что составляетъ мечту всякаго солдата и пользуется громаднымъ почетомъ. *La croix d'honneur*, иначе и не называдтъ его французы низшихъ классовъ.

Наказанія въ Метрѣ строги. Воспитанниковъ, смотря по важности проступка и соображаясь съ ихъ характеромъ, возрастомъ и здоровьемъ, вычеркиваютъ съ золотой доски, лишаютъ рекреаций, посылаютъ въ работы по наряду, оставляютъ на хлѣбѣ и на водѣ, наконецъ сажаютъ въ свѣтлый или темный одиночный карцеръ (*cellule claire et obscure*). Непокорныхъ возвращаютъ назадъ въ исправительный домъ. Посаженныхъ въ карцеръ навѣщаютъ директоръ и священникъ, старающіе довести ихъ до раскаянія, выпужденнаго не заключеніемъ, а сознаниемъ вины. Въ классное время уроки даются имъ въ самомъ карцерѣ. Обѣдню слушаютъ они, по воскресеньямъ, за особою рѣшеткою, которая скрываетъ ихъ отъ глазъ товарищей. Два раза въ день заключенныхъ выпускаютъ на дворъ, подышать воздухомъ и размять члены, но имъ не позволяютъ просто гулять, а обязываютъ рубить дрова или бить камни. Въ карцеръ сажаютъ только за самыя важныя проступки. Жесткость нѣкоторыхъ наказаній смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ большей части случаевъ сами воспитанники судятъ своихъ провинившихся товарищей. Директоръ только утверждаетъ ихъ рѣшеніе, иногда смягчая приговоръ. Когда же совершенъ важный проступокъ, подлежащій суду самого директора, старшина, давъ ему знать о случившемся, посылаетъ виновнаго въ «думную комнату» (*salle de réflexion*), гдѣ его оставляютъ на нѣсколько времени одного. Уединившись, виновный успокоивается; между тѣмъ директоръ разспрашиваетъ, собираетъ свѣдѣнія и когда, убѣдившись въ виновности, опредѣляетъ наказаніе, то произноситъ его не подъ вліяніемъ перваго раздраженія. Вообще въ Метрѣ не любятъ наказаній и стараются избѣгать ихъ, вызывая въ провинившихся сознание вины и раскаяніе, которыхъ чистосердечность обыкновенно избавляетъ отъ взысканія. Кромѣ того въ колоніи особенно заботятся о томъ, чтобы не оскорбить, не унижить ребѣнка рѣзкимъ, суровымъ обличеніемъ его вины, годнымъ лишь на то, чтобы убивать въ виноватомъ чувство чести. Поэтому, когда случится, напримеръ, воровство — день ото дня рѣже встрѣчающагося въ колоніи — не производятъ тотчасъ обысковъ и слѣдствій, но первое время молчатъ, не подавая и виду, что знаютъ о происшедшемъ. Можетъ быть, виновный и самъ раскается, такъ зачѣмъ порочить его предъ товарищами. Напротивъ, вмѣсто мгновеннаго изобличенія, ему даютъ время опомниться и исправить свою ошибку: посрединѣ двора стоятъ ящики, для найденныхъ вещей, гласитъ надпись, но назначенный собственно для того, чтобы раскаявшійся воръ имѣлъ возможность, опустивъ туда покражу, спасти себя отъ позора.

При бдительномъ надзорѣ, при системѣ поощренія и наказаній, которыя не позволяютъ заливаться и дремать, въ Метрѣ ни одной минуты не отдано праздности; съ другой стороны, инныя изъ отправляемыхъ въ колоніи работъ весьма нелегкаго свойства, а рабочіе — еще несложившіяся дѣти, съ болѣе или менѣе слабымъ организмомъ. Несмотря на все это, здоровье обитателей находится въ удовлетворительномъ состояніи. Въ день нашего посѣщенія, въ больницѣ лежало изъ 640 воспитанниковъ всего 8, между которыми не было ни одного тяжело-больного; въ 1863 году изъ 650 или изъ 660 воспитанниковъ, похоронено 9, то-есть менѣе $1\frac{1}{2}\%$. Въ двѣнадцатилѣтній періодъ времени, со дня основанія Метрѣ по 1 января 1852 г., изъ 1,553 человекъ дѣтей, составлявшихъ общее населеніе колоніи за это время, умерло 81¹, то-есть то же $1\frac{1}{2}\%$. Въ 1853, 1854 и 1855 годахъ, особенно неблагоприятныя атмосферическія условія, непогоды, наводненія и проч., увеличили число умершихъ до $2\frac{1}{2}\%$, но потомъ оно опять понизилось до 2% и менѣе, такъ-что въ общей слишкомъ двадцатилѣтней сложности смертность не достигаетъ въ Метрѣ 2% ², то-есть не достигаетъ обыкновенной смертности французской арміи, которая хотя и состоитъ изъ взрослыхъ людей и находится въ сравнительно благоприятныхъ условіяхъ жизни, но все-таки теряетъ ежегодно, среднимъ числомъ, въ мирное время и въ бытность на французской территоріи, по 2% ³.

Такіе добрые результаты происходятъ, конечно, оттого, что Метрѣ лежитъ въ отличномъ климатѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ полями, что большинство воспитанниковъ отдаетъ себя полевымъ работамъ; остальные трудятся въ хорошо устроенныхъ мастерскихъ; всѣ живутъ въ чистыхъ и просторныхъ помѣщеніяхъ, занимаются гимнастикой и при первомъ недугѣ пользуются медицинскимъ уходомъ (при колоніи два доктора). Но независимо отъ этого, большому здоровью и малой смертности воспитанниковъ,

¹ Умершіе скончались: отъ чахотки—51, отъ золотухи—11, остальные 19 отъ воспаления мозга (7), скарлатины (6), тифа (4) и водянки (2). Изъ 81 умершихъ, 32 не пробыли и года въ колоніи, то-есть съ собою принесли зародышъ сразившей ихъ болѣзни. Дѣйствительно, дѣти, взятыя изъ тюремъ и изъ той жизненной среды, гдѣ равно достается и нравственной и физической природѣ человека, болѣею частію являются въ колонію полубольными и здѣсь уже поправляютъ свои силы. Этимъ объясняется сравнительно громадное число погибшихъ отъ чахотки, составляющее $\frac{2}{3}$ всего количества умершихъ.

² Въ отчетахъ слѣдующихъ за 1852 годомъ мы не нашли подобныхъ выше-приведеннымъ указаній на болѣзни.

³ См. *Moniteur*, 21 декабря 1848.

бѣзъ сомнѣнія, много способствуетъ умѣние дирекціи бодрить дѣтей, поднимать ихъ мораль, не допускать ихъ до того, чтобъ они тяготились своею участію. Дѣтямъ, напримѣръ, не навязываютъ ту, а не другую работу, но позволяютъ самимъ избирать занятія по сердцу. Первые дни по прибытіи въ Метрѣ, воспитанника не приставляютъ ни къ какому опредѣленному дѣлу: чтобъ не приучать къ праздности, ему поручаютъ что-нибудь — мытье бѣлья, если силы позволяютъ, и т. д.; но сразу не даютъ ему окончательнаго назначенія, а стараются взглянуть въ ребѣнка и узнать его способности. Потомъ уже, соображаясь съ наклонностями, воспитаннику указываютъ занятіе. При этомъ собственное желаніе играетъ важную роль. Основываясь на томъ, что десяти или пятнадцатилѣтній, незнакомый съ трудомъ, мальчикъ часто самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, г. Демесъ довѣряетъ болѣе собственной опытности и тому, что говоритъ наблюденіе надъ свойствами питомца. Результаты этого наблюденія и опредѣляютъ главнымъ образомъ помѣщеніе воспитанника въ ту или другую рабочую категорію. Но такъ-какъ г. Демесъ не признаетъ себя непогрѣшительнымъ, и считаетъ, что при изученіи и распредѣленіи такого множества дѣтей, ошибка съ его стороны — дѣло весьма важное, то онъ дозволяетъ своимъ питомцамъ перемѣнять указанное имъ занятіе, руководствуясь въ этомъ случаѣ уже однимъ лишь своимъ собственнымъ желаніемъ. Такимъ образомъ, окончательнымъ распредѣлителемъ работъ является свободный выборъ. А чтобы перемѣна занятій служила выраженіемъ не каприза, но дѣйствительной потребности; съ другой стороны, чтобы безусловное исполненіе всякой просьбы о переходѣ не повело къ безцѣльному и вредному для успѣха кочеванію изъ одной мастерской въ другую, для этого принято за правило переводить по желанію только тѣхъ воспитанниковъ, которые записаны на золотой доскѣ и стоятъ въ числѣ лучшихъ по своему ремеслу. При этой системѣ воспитанника не обезкураживаетъ формальный отказъ; вида, что исполненіе его желанія только отсрочено и что отъ него самого зависитъ продолжительность этой отсрочки, онъ съ жаромъ принимается за дѣло и въ два-три мѣсяца удовлетворяетъ назначенному условію. Если и послѣ этого мальчикъ проситъ перемѣны—очевидно, онъ не притомничаетъ, а выражаетъ свою дѣйствительную наклонность. Его переводятъ. Но въ большей части случаевъ, просьба не повторяется. Желаніе перевода является обыкновенно въ первое время вступленія въ колонію, когда разбалованный праздностью ребенокъ не то, что извѣстное мастерство не терпитъ, а просто пи-

таетъ отвращеніе въ труду всякаго рода. Свыкнувшись съ трудомъ вообще, онъ привязывается и къ порученной ему работѣ и уже самъ не хочетъ разстаться съ ремесломъ, которое полюбилъ и въ которомъ сдѣлалъ успѣхи. Такъ или иначе, переведенный или отказавшійся отъ своего первоначальнаго желанія, воспитанникъ работаетъ съ охотой, и осматривая мастерскія, мы не видѣли ни одного утомленнаго и недовольнаго лица, на которомъ было бы написано: «Не въ терпежъ мнѣ здѣсь, чахну за этимъ проклятымъ дѣломъ»...

Н. ЩЕРВАНЪ.



СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Значеніе сѣверо-американскаго посольства въ Россію.—Пражскій миръ и его послѣдствія. — Разсмотрѣніе финансоваго закона въ прусской палатѣ депутатовъ. — Греческое движеніе.

Наша журналистика наполняла въ послѣднее время свои столбцы извѣстіями о приѣмѣ, сдѣланномъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ посольству сѣверо-американскихъ штатовъ. Резолюція вашингтонскаго конгресса и рѣчи, произнесенныя г. Фоксомъ въ различныхъ собраніяхъ, указываютъ на причины, побудившія конгрессъ отправить въ Петербургъ чрезвычайное посольство, встрѣченное у насъ съ такимъ сочувствіемъ и съ такими, небывалыми еще у насъ общественными и народными манифестаціями въ пользу иностранныхъ гостей. Такъ-какъ все это уже извѣстно нашимъ читателямъ изъ газетъ, и такъ-какъ подробности на счетъ приѣма посольства не могутъ служить предметомъ нашей политической хроники, то мы находимъ излишнимъ останавливаться на нихъ, но разсмотримъ только самый фактъ по тому значенію, какое онъ долженъ имѣть въ кругу международныхъ отношеній Россіи съ Сѣверной Америкой.

Россія не содѣйствовала съ своей стороны упроченію независимости сѣверо-американскихъ штатовъ, подобно тому, какъ содѣйствовала этому Франція, и слѣдовательно, по историческому ходу событій, не имѣетъ особыхъ правъ на симпатіи со стороны сѣверо-американской республики. Впрочемъ, представитель Россіи, въ числѣ прочихъ дипломатовъ, подписалъ въ 1783 году версальскій мирный договоръ, признавшій политическую самостоятельность сѣверо-американской республики. Ограниченность въ Америкѣ нашихъ интересовъ не только политическихъ, но и экономическихъ, не давала никакого повода къ столкновеніямъ съ сѣверо-американскими штатами, такъ что вообще между ними и Россіей постоянно существовали добрыя отношенія. Отчужденность

же сѣверо-американскихъ штатовъ отъ важнѣйшихъ политическихъ событій въ Европѣ, отстраняла еще болѣе всякій поводъ нетолько къ какимъ-либо неудовольствіямъ, но даже и разномыслию между петербургскимъ и вашингтонскимъ кабинетами. Сношенія наши съ сѣверо-американскими штатами ограничивались преимущественно торговлею, хотя уже съ давнихъ поръ Россія содержала дипломатическую миссію при вашингтонскомъ правительствѣ, которое съ своей стороны дѣлало то же самое въ отношеніи русскаго правительства.

При такихъ условіяхъ, однимъ изъ препятствій для взаимнаго тѣснаго сближенія обоихъ народовъ, русскаго и сѣверо-американскаго, кромѣ слишкомъ далекаго между ними разстоянія, должна была, повидимому, служить еще разница, и можно даже сказать, совершенная противоположность ихъ государственной организаціи. Россія, какъ неограниченная монархія, Сѣверная Америка, какъ демократическая республика, не имѣютъ въ отношеніи основъ ихъ государственнаго строя ничего общаго. Тѣмъ не менѣе замѣчательнъ тотъ фактъ, что обѣ эти стороны постоянно выражали одна другой взаимное расположеніе въ лицѣ ихъ верховныхъ представителей. Такъ, покойный императоръ Николай Павловичъ постоянно оказывалъ самое дружелюбное вниманіе современнымъ ему президентамъ сѣверо-американской республики, которые и съ своей стороны отвѣчали ему тѣмъ же самымъ. Возможность такихъ отношеній между монархіей и республикой объясняется, по нашему мнѣнію, одной особенностію, существующею въ организаціи сѣверо-американской республики. Глава этой республики, несмотря на то, что онъ управляетъ ею по избранію народа, пользуется лично такими верховными правами и преимуществами в такой обширной властію, какихъ не имѣютъ многіе изъ конституціонныхъ монарховъ Европы, получающихъ власть по наследственному праву. Впродолженіе четырехлѣтнаго срока, на который избирается президентъ сѣверо-американской республики, онъ управляетъ ею безотчетно, безъ отвѣтственныхъ министровъ и не будучи самъ отвѣтствующимъ лицомъ передъ конгрессомъ, этимъ представителемъ народной власти. Такимъ образомъ идея неограниченной монархіи — правда, не наследственной и притомъ обусловленной демократическими формами — можетъ приближаться къ понятіямъ сѣверо-американскихъ республиканцевъ гораздо ближе, нежели къ понятіямъ подданныхъ тѣхъ европейскихъ государей, которые въ каждомъ своемъ дѣйствіи стѣснены гораздо болѣе конституціонными учрежденіями, нежели президентъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Въ лицѣ своемъ глава республики соединяетъ болѣе атрибутовъ верховной власти, чѣмъ конституціонный король Англій, Испаніи, Бельгіи и Италіи или король французскій временъ Луи-Филиппа. Этимъ объясняется, почему въ монархической Европѣ мы, относительно нашей государственной организаціи, встрѣчаемъ менѣе сочувствія, нежели въ республиканской Сѣверной Америкѣ. О конституціонныхъ государяхъ

Европы говорятъ, что они царствуютъ, но не управляютъ, между тѣмъ, президенты сѣверо-американской республики поставлены въ совершенно-противоположныя условия: они не царствуютъ, но управляютъ, такъ что, и по конституціи и фактически, верховная власть сосредоточена собственно въ ихъ рукахъ. Только частая смѣняемость президента и простота его обстановки, отнимаетъ у его званія ту особенность верховной власти, которою отличается наследственная монархія. Не даромъ нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ въ рѣчи, обращенной имъ къ комисіи филаделфійскаго конвента, связалъ между прочимъ: «еслибъ я захотѣлъ продить навсегда свою власть, то какъ бы мнѣ легко было исполнить это! Опираясь на армію, на своихъ сатраповъ въ каждомъ городѣ, и на своихъ подчиненныхъ въ каждой деревнѣ, я могъ бы, не покидая своей столицы, захватить въ свои руки диктаторскую власть». Слушавшіе такое заявленіе г. Джонсона, не сдѣлали противъ него никакого возраженія, но отвѣчали только — это правда! Въ виду положенія, занимаемаго президентомъ республики, конституція сѣверо-американскихъ штатовъ отстраняетъ возможность многолѣтняго нахожденія верховной власти въ рукахъ одного лица, такъ-какъ безъ этого условія президентъ былъ бы настоящимъ монархомъ съ весьма слабо ограниченою властію.

Принявъ въ соображеніе такое значеніе главы сѣверо-американской республики, мы поймемъ, почему американскій народъ можетъ относиться такъ сочувственно къ Россіи, несмотря на то, что, какъ кажется, съ перваго разу, государственные принципы обѣихъ націй представляютъ рѣзкую противоположность. Ко всему этому присоединились еще и другія обстоятельства, непосредственно-вызвавшія особая манифестація со стороны сѣверо-американцевъ въ пользу русскаго государя. Во время страшной междоусобной войны, когда политика двухъ первенствующихъ европейскихъ кабинетовъ, лондонскаго и тюльрійскаго, если и не была прямо непріязненна сѣвернымъ штатамъ, то все же возбуждала къ себѣ недовѣріе со стороны американцевъ. Между тѣмъ, политика петербургскаго кабинета отличалась не только прямодушіемъ, но и сочувствіемъ къ правому дѣлу, защищаемому сѣверянами. Наконецъ, совершившееся у насъ 4-го апрѣля печальное событіе и подобное событіе, предшествовавшее въ Сѣверной Америкѣ, и притомъ почти въ то самое время, когда обѣ стороны стремились къ одинаковой великой цѣли — къ уничтоженію рабства, увеличило еще болѣе сочувствіе сѣверо-американцевъ къ Россіи, и дало имъ поводъ выразить это сочувствіе самымъ блистательнымъ образомъ.

Такой способъ для выраженія сочувствія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отраженіе особой черты характера, присущей американской націи. Черта эта проявляется въ стремленіи придавать всѣмъ своимъ дѣйствіямъ большіе размѣры, нежели тѣ, какіе придаютъ прочія государства. Нельзя однако не замѣтить, что европейская

пресса, обсуждающая въ большихъ подробностяхъ самыя неважныя событія, какъ будто уклонялась отъ обсуждения этого факта. Наиболѣе вліятельныя англійскія газеты не нашли нужнымъ посвятить прибытію чрезвычайнаго сѣверо-американскаго посольства ни одной передовой статьи. Той же системы держалась и французская журналистика. Такое уклоненіе очень понятно, если сообразить то несомнѣннѣе пріятное впечатлѣніе, какое долженъ былъ произвести въ Англіи и Франціи признакъ особаго, тѣснаго сближенія между Россіей и Сѣверной Америкой. Одна только англійская газета «Morning Post» остановилась на прибытіи г. Фокса въ Россію, какъ на событіи, заслуживающемъ особаго вниманія, и по поводу этого сдѣлала между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «императоръ всероссійскій, во все время продолженія кровопролитной междоусобной войны, изъ которой една успѣла выйти американская нація, постоянно обнаруживалъ полное и неизмѣнное сочувствіе къ дѣлу Сѣвера и правительства Соединенныхъ Штатовъ, которое такъ недавно дало почувствовать, что оно неохотно прощаетъ тѣмъ, кто въ чемъ бы то ни было обнаруживалъ какое-либо расположеніе въ пользу враждебныхъ ему стремленій, воспользовалось первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобъ засвидѣтельствовать торжественнымъ образомъ, что оно не забываетъ также и тѣхъ, которые въ тяжкіе дни политическихъ потрясеній, поколебавшихъ его внутреннія силы, продолжали поддерживать дѣло, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ».

Причину сближенія между «великою имперією на Востокѣ» и «великою республикою на Западѣ» упомянутая англійская газета считаетъ и то обстоятельство, что при сравненіи Россіи съ Сѣверною Америкой, между ними открывается много сходства, поразительнаго даже самаго обыкновеннаго наблюдателя. Каждая изъ нихъ — говоритъ «Morning Post» — составляетъ самую значительную націю своего континента въ территориальномъ отношеніи. Каждая изъ нихъ имѣетъ съ одной изъ своихъ сторонъ многія тысячи миль пространства, могущаго распырить ихъ владѣнія на безпредѣльное разстояніе. Обѣ стороны заключаютъ въ себѣ сильныя элементы дикой жизни, и обѣ онѣ ощущаютъ проистекающія отъ того одновременно неудобства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу. Оба народа долго выносили у себя невольничество, и замѣчательно, что какъ та, такъ и другая нація почти въ одно и то же время освободились отъ этой общественной язвы, хотя и различными путями. Но — продолжаетъ газета «Morning Post» — ихъ связи такого рода, что нѣтълько не возбуждаютъ зависти или опасенія въ другихъ государствахъ, но даже считаются ими весьма благодѣтельными для интересовъ всего образованнаго міра. Европейскія державы, и въ особенности Англія всегда будутъ — по словамъ упомянутой газеты — смотрѣть съ радостнымъ чувствомъ на взаимное сближеніе двухъ юныхъ народовъ, передовыхъ стражей цивилизаціи.

Трудно однако вѣрить искренности подобныхъ заявленій со

стороны англійской журналистики вообще, а тѣмъ болѣе со стороны такой газеты, которая еще такъ недавно отличалась сильною неприязнью какъ къ Россіи, такъ и къ Сѣвернымъ Штатамъ. Западной журналистикѣ поневолѣ приходится или умалчивать вовсе о нашемъ тѣсномъ сближеніи съ сѣверо-американской республикой, или дѣлать насчетъ этого отзывъ, подобные отзывамъ газеты «Morning Post» или французской газеты «Temps», признающей въ посольствѣ г. Фокса только искусственность и сантиментальность. Между тѣмъ, настоящіе факты не лишены особаго значенія въ кругу международныхъ отношеній. Хотя обыкновенно племенное родство, единство религіи и одинаковость государственной организаціи служатъ основами международныхъ сближеній, и хотя подобныхъ условий не представляется между Россіей и Сѣверной Америкой, но тѣмъ не менѣе, искусное и прочное между ними сближеніе не только возможно, но и обоюдно полезно. Въ настоящее время, связь между народами упрочиваютъ не одни только политическіе, но и экономическіе интересы. Правда, что правительства и народы, даже самые образованные, не отрѣшились еще отъ обаянія военной славы, такъ что собственно до сихъ поръ и самыя сближенія или союзы народовъ происходятъ преимущественно въ виду военныхъ цѣлей, то-есть, или для обороны противъ непріятеля, или же для нападенія на него совокупными силами. По географическому положенію Россіи и Американскихъ Штатовъ, не предстоитъ для нихъ прямой надобности въ военномъ союзѣ, хотя, конечно, и могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, что взаимная военная помощь для каждой изъ нихъ можетъ оказаться неизлишней. Но здѣсь представляется только случайная польза, тогда какъ при сближеніи обѣихъ странъ въ видахъ экономическихъ выгодъ, является для каждой изъ нихъ постоянная польза.

Самый тѣсный союзъ Россіи съ Сѣверо-американскими Штатами не можетъ имѣть прямого вліянія на увеличеніе ея политическаго значенія въ Европѣ, какъ одной изъ первенствующихъ державъ, занявшей такое положеніе безъ посторонней помощи. Тѣмъ не менѣе однако подобный союзъ можетъ отзываться выгодно для Россіи косвеннымъ образомъ, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, то-есть пока Франція распоряжается Мексикой во имя императора Максимилиана. Само собою разумѣется, трудно предположить, чтобы при неблагоприятныхъ къ намъ отношеніяхъ Франціи, Соединенные Штаты единственно изъ-за этого пришли въ столкновеніе съ нею, но союзъ нашъ съ ними имѣетъ нравственный вѣсъ въ глазахъ какъ тюльрійскаго, такъ и лондонскаго кабинетовъ. Въ этомъ собственно и должна заключаться выгода нашего политическаго сближенія съ могущею американскою республикою.

Говоря объ этомъ, должно остановиться на заявляемомъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ извѣстіи о томъ, что вашингтонское правительство желаетъ учредить въ Европѣ постоянную

морскую станцію, и съ этою цѣлью намѣрено выговорить для себя у Порты уступку одного изъ архипелажскихъ острововъ. Въ этомъ извѣстїи — быть можетъ, нѣсколько и преждевременномъ—нѣтъ ничего невѣроятнаго, особенно въ виду того положенія, какое принимаютъ теперь дѣла въ Турціи. Хотя Сѣверные Штаты и отдѣлены отъ Европы Атлантическимъ океаномъ, но торговые ихъ интересы въ Европѣ такъ велики и важны, что они должны требовать въ ннихъ случаяхъ немедленной вооруженной защиты подъ американскимъ флагомъ. Успѣхи, слѣданныя въ послѣднее время мореплаваніемъ, слишкомъ значительно сокращаютъ разстоянія для того, чтобы такая могущественная держава, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, не могли думать о приобрѣтеніи точки опоры въ Европѣ, если Англія, сравнительно съ ними менѣе сильная на моряхъ, владычествуетъ за океаномъ надъ огромными пространствами. Если подобное предложеніе осуществится и часть военного сѣверо-американскаго флота будетъ имѣть собственную стоянку на югѣ Европы, то въ такомъ случаѣ тѣсный союзъ Россіи съ Сѣверною Америкою можетъ получить большое значеніе и въ общей европейской политикѣ.

Благодаря быстрымъ телеграфическимъ сообщеніямъ и корреспонденціямъ, помѣщаемымъ въ иностранныхъ газетахъ, важнѣйшія политическія событія, нерѣдко даже и съ большими, относящимися къ нимъ подробностями, дѣлаются извѣстными прежде, нежели появляются о нихъ подробныя офіціальныя свѣдѣнія. Такъ о мирѣ, заключенномъ между Австрією и Прусією въ Прагѣ, было извѣстно еще до подписанія мирнаго трактата и даже были сообщены его главнѣйшія условія. Теперь обнародованъ текстъ этого трактата, основаннаго и развитаго на предварительныхъ условіяхъ, подписанныхъ въ Никольсбургѣ 14 (26) іюля. Пражскій договоръ, подписанный 11 (23) августа и ратификованный 18 (30) того же мѣсяца, состоитъ изъ тринадцати статей, заключающихъ въ себѣ слѣдующія главныя условія.

Послѣ выраженнаго въ первой статьѣ договаривающимися сторонами желанія обезпечить для Австріи и Прусіи благодѣянія мира, во второй статьѣ сказано, что во исполненіе предварительныхъ условій мира, заключенныхъ въ Никольсбургѣ, и послѣ того, какъ императоръ Наполеонъ заявилъ, что Венеція приобрѣтена Францією для передачи Италіи, при заключеніи ею мира съ Австріей—императоръ австрійскій и съ своей стороны присоединяется къ этому заявленію и даетъ свое согласіе на соединеніе Ломбардо-венеціанскаго Королевства съ Королевствомъ Италіи безъ всякаго другаго стѣснительнаго условія, кромѣ ливидацинъ тѣхъ долговъ, которые будутъ признаны лежащими на уступленныхъ провинціяхъ. По статьѣ четвертой, императоръ

Францъ-Иосифъ признаетъ упраздненіе бывшаго Германскаго Союза и соглашается на преобразованіе Германіи безъ участія Австріи, а также и на то, чтобы изъ германскихъ государствъ образовались два независимые другъ отъ друга союза. Въ пятой статьѣ рѣшается участь приэльбскихъ герцогствъ тѣмъ, что императоръ свои права на нихъ передаетъ королю прусскому съ условіемъ, чтобы населенія сѣверныхъ округовъ Шлезвига, если они, свободной подачей голосовъ, изъявятъ желаніе быть соединенными съ Даніей, были бы ей уступлены. Статьей шестою выговаривается оставленіе Королевства Саксонскаго въ прежнемъ его территориальномъ объемѣ. По статьѣ одиннадцатой, императоръ австрійскій обязуется, для покрытія части издержекъ, понесенныхъ на войну Прусіею, уплатить королю прусскому 40.000,000 талеровъ, съ вычетомъ впрочемъ изъ этой суммы 20.000,000 талеровъ по счетамъ за издержки Австріи въ датскую войну и за расходы по содержанію прусскихъ войскъ, остающихся въ австрійскихъ владѣніяхъ до заключенія мира. Статьею тринадцатою отчасти отмѣняются, а отчасти утверждаются нѣкоторые трактаты, заключенные между Австріею и Прусіею до начала между ними послѣдней войны. Прочія статьи никольбургскаго трактата относятся къ раздѣлу военнопленныхъ, къ соглашенію на счетъ бывшей союзной собственности, къ пенсіямъ чиновникамъ, служителямъ и пансіонерамъ союза, къ безответственности жителей приэльбскихъ герцогствъ за политическій образъ ихъ дѣйствій во время послѣднихъ событій и войны.

Такимъ образомъ окончилась война, грозившая всеобщими бѣдствиями Европы, еслибы она перешла за предѣлы Германіи. Дѣйствительные результаты оконченной нынѣ борьбы могутъ обнаружиться впоследствии, такъ-какъ, за рѣшеніемъ общаго вопроса относительно Германіи, кроются еще многіе частные вопросы, способные возбудить политическія волненія. Въ отношеніи къ Австріи, несмотря на испытанныя ею пораженія, пражскій миръ можетъ еще считаться благополучнымъ исходомъ, потому что Прусія наносила монархіи габсбурговъ рѣшительные удары не только посредствомъ вѣтшей войны, но еще пользуясь разладомъ Венгріи съ австрійскимъ правительствомъ, готовила внутреннія потрясенія, которыя могли принять огромные размѣры, и окончательно расшатать Австрійскую Имперію. При этомъ условіи война угрожала Австріи страшнымъ переворотомъ. Для Австріи главный ущербъ, вслѣдствіе пражскаго мира, составляютъ: выходъ ея изъ Германскаго Союза и уступка ею Венеціи. Первый изъ этихъ фактовъ уменьшаетъ ея политическое значеніе въ обще-европейской политикѣ, второй—сворачиваетъ ея территориальные размѣры, но это послѣднее обстоятельство не можетъ быть особенно для нея прискорбно, такъ-какъ Австрія давно уже должна была приготовиться къ потери Ломбардо-венеціанской Области и смотрѣть на обладаніе ею какъ на временное, слишкомъ непрочное право. Правда, что въ добавокъ ко всему этому, Австрія

утратила еще права на владѣніе частью приэльбскихъ герцогствъ; но всѣ эти уступки кажутся весьма умѣренными сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какое она была поставлена съ одной стороны осуществившимися успѣхами Пруссіи, а съ другой возможными успѣхами Италіи. Притомъ, если отдѣлить то, что уступила Австрія собственно не Пруссіи, а ея союзницѣ, Италіи, то окажется, что война съ Пруссіей обошлась для Австріи безъ всякихъ потерь изъ тѣхъ территорій, которыя входили въ составъ ея старинныхъ владѣній. Вообще, по отношенію къ Австріи, графъ Бисмаркъ выказалъ неожиданную умѣренность и снисходительность, такъ-какъ ничто не могло помѣшать ему потребовать для Пруссіи отъ Австріи если не всю Австрийскую Силезію, то, по крайней-мѣрѣ, часть этой области, и можно положительно связать, что вѣнскій кабинетъ былъ бы принужденъ, въ силу стѣснительныхъ для него обстоятельствъ, согласиться и на эту уступку.

Изъ настоящаго образа дѣйствій графа Бисмарка надобно заключить, что онъ, на основаніи своей собственной теоріи политическаго равновѣсія, не желаетъ уменьшить могущество Австріи, послѣ устраненія ея отъ всякаго участія въ судьбахъ Германіи, устроенной по плану самого графа Бисмарка. Онъ какъ будто предвидитъ, что послѣ того, какъ Австрія свяжется съ мыслию о потерѣ своего вліянія на Германію, она, движимая иными интересами, можетъ сдѣлаться союзницею Пруссіи. Такой оборотъ дѣла нельзя считать невѣроятнымъ, если сообразить, что Австрія начинаетъ теперь сближаться даже съ самымъ непримиримымъ оеимъ врагомъ—Италіей. У Австріи всегда найдутся такіе политическіе интересы, при которыхъ оказанная ей поддержка со стороны Пруссіи можетъ быть весьма полезна. Австрія, оставаясь въ отношеніи къ Германіи въ томъ положеніи, въ какое поставлена она пражскимъ миромъ, не можетъ быть нисколько опасна Пруссіи для осуществленія дальнѣйшихъ плановъ графа Бисмарка. Онъ можетъ рассчитывать на то, что если отчужденная однажды отъ Германіи, Австрія сдѣлала бы впослѣдствіи какую либо попытку къ возвращенію утраченнаго ею въ Германіи вліянія, то Пруссіи гораздо легче будетъ снова смирить Австрію и окончательно обезсилить ее.

Въ настоящее время Пруссіи предстоитъ рѣшеніе весьма важной задачи касательно управленія завоевательными землями и устройства вновь присоединенныхъ областей. Мы говорили уже о томъ, что прусское правительство, несмотря на заявленное королемъ Вильгельмомъ и графомъ Бисмаркомъ желаніе сблизиться съ палатою депутатовъ, посредствомъ соблюденія конституціи, успѣло уже нарушить ее по отношенію къ вопросу о способѣ соединенія новыхъ территориальныхъ приобрѣтеній съ владѣніями прусской короны. Изданный нынѣ прусскимъ королемъ указъ вводитъ Гановерь, Гессенъ, Нассау, Франкфуртъ и области, доставшіяся Пруссіи отъ Баваріи и Виртемберга, въ составъ прус-

ской монархіи. Такая связь не может однако считаться надежной по отношенію къ населеніямъ этихъ областей, потому что она лишаетъ всѣ эти территоріи не только ихъ прежней политической самостоятельности, но и мѣстной автономіи. Прусія своимъ господствомъ поглощаетъ независимыя прежде германскія государства и республику, а между тѣмъ, по признанію самого графа Бисмарка, завоеванныя Прусіею земли не желаютъ слиться совершенно съ прусскими владѣніями и сдѣлаться провинціями Прусскаго Королевства. Такое нежеланіе не только справедливо, но и законно по отношенію къ прусской конституціи, такъ-какъ по точному смыслу 55-й ея статьи, вновь приобрѣтаемыя Прусіею земли должны были войти только въ личный союзъ съ прусской короной, сохранивъ извѣстную долю своей автономіи и даже нѣкоторую политическую самостоятельность, при которой Берлинъ не могъ бы сдѣлаться окончательно центромъ общаго тяготѣнія въ ущербъ Ганверу, Касселю, Фракфурту-на-Майнѣ и Висбадену.

Второй вопросъ, то-есть объ устройствѣ присоединяемыхъ къ Прусіи областей, введеніемъ въ нихъ прусской конституціи, рѣшенъ правительствомъ въ противность мнѣнію палаты депутатовъ, которая опредѣлила отложить исполненіе этой мѣры до 1-го октября 1867 года. Графъ Бисмаркъ настаиваетъ на безотлагательномъ введеніи прусской конституціи, ссылаясь на упорную оппозицію, встрѣчаемую присоединительными планами прусскаго правительства не только въ областяхъ, лишаящихся въ настоящее время своей независимости, но и въ европейскихъ правительствахъ, сочувствующихъ положенію послѣднихъ. Заявленіе палаты депутатовъ объ отсрочкѣ введенія прусской конституціи въ вновь присоединенныхъ областяхъ клонится къ тому, чтобы вопросъ объ этомъ былъ рѣшенъ не самими правительствомъ, но національнымъ нѣмецкимъ парламентомъ. Прусскіе прогрессисты надѣются, что учрежденіе это дастъ Сѣверной Германіи и Прусіи организацію на началахъ болѣе либеральныхъ, нежели тѣ, которыхъ держится графъ Бисмаркъ. Онъ же съ своей стороны объявляетъ, что отсрочить окончательное устройство вновь присоединенныхъ къ Прусіи земель до созванія національнаго парламента значитъ — подвергнуть правительство самымъ осложненными затрудненіямъ и, быть можетъ, навлечь на Прусію новую войну. Все это показываетъ, что дѣло объединенія подъ прусскимъ господствомъ Германіи, не только всей, но и сѣверной ея части, не такъ легко, какъ это казалось прежде. Изъ заявленій перваго прусскаго министра должно заключить, что онъ по этому вопросу предвидитъ даже возможность военныхъ столкновеній, и что новая организація Германіи не встрѣчается съ особою привѣтливостію не только нѣмцами, но и иностранными правительствами, о которыхъ впрочемъ онъ не упоминалъ повменно.

Такая прозорливость графа Бисмарка не свидѣтельствуемъ однако о томъ, чтобы въ Германіи не было стремленія къ ея по-

литическому объединенію. Стремленіе это весьма ясно отражается во многих явленіяхъ гражданской и общественной жизни. Но Германія едва-ли можетъ быть довольна тѣмъ способомъ, который употребляетъ Прусія для достиженія этой цѣли. Самые сильные и энергическіе порывы къ осуществленію политическаго единства Германіи можно найти въ партіи тамошнихъ либераловъ. Но чтó сдѣлалъ до сихъ поръ графъ Бисмаркъ для того, чтобы привлечь эту партію на сторону Прусіи, какъ представительницы національнаго германскаго либерализма? Вся государственная дѣятельность знаменитаго прусскаго министра служить какъ-бы отрицаніемъ той идеи, подъ вліяніемъ которой должно развиваться политическое единство Германіи. Графъ Бисмаркъ создаетъ только династическое, или прусское единство, тогда какъ германскіе патриоты думаютъ о народномъ, общегерманскомъ единствѣ, которое должно сплотить мелкія нѣмецкія національности гораздо крѣпче, нежели образование изъ нихъ провинціального населенія прусской монархіи. Стремленіе германцевъ къ политическому единству пополняется желаніемъ найти въ національномъ парламентѣ — а если необходимо, то и подъ управленіемъ единого, общаго для цѣлой Германіи государя — скорое и правильное развитіе конституціонныхъ гарантій, которыхъ однако нельзя ожидать при настоящемъ образѣ дѣйствій со стороны прусскаго правительства.

Въ такомъ смыслѣ высказался въ палатѣ депутатовъ г. Якоби. «Не ошибайтесь—сказалъ онъ—насчетъ послѣдствій, которыми сопровождаются успѣхи нашего оружія. Это—не что иное, какъ дѣйствіе силы, а примиреніе въ такомъ основаніи не принесетъ никакой выгоды правамъ и свободамъ. Пусть другія государства соединяются политикою крови и желѣза; германскій же народъ можетъ быть соединенъ только свободою!» Вообще можно сказать, что Прусіи не довѣряютъ даже и тѣ партіи, которыя если въ принципѣ и не противъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Прусіи, но которыя желали бы, чтобъ такое объединеніе произошло не вслѣдствіе завоеваній и порабощенія, но было бы добровольною сдѣлкою между представительными учрежденіями различныхъ странъ и прусскимъ правительствомъ.

Какъ бы ни было сильно государство въ политическомъ отношеніи, но сила его не можетъ считаться вполне упроченной, если она главнымъ образомъ не основывается на финансовыхъ средствахъ. Своимъ успѣхамъ въ послѣдней войнѣ Прусія обязана не только отлично-организованной арміи, но и возможности располагать значительными суммами для веденія войны. Вообще въ настоящее время основы могущества каждой державы извнѣ и внутренняго ея благосостоянія зависятъ отъ успѣшнаго разви-

тія государственнаго хозяйства и отъ имѣнія правительствами достаточныхъ фондовъ. Поэтому-то самому, и вопросы о правѣ распорядиться государственными финансами и о правѣ контролировать государственные расходы составляютъ предметъ разногласія тамъ, гдѣ права на это раздѣляются между правительствомъ и представительными учреждениями страны. Исторія развитія конституціонной жизни въ Европѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, какое важное значеніе имѣли и имѣютъ въ этомъ случаѣ финансовыя вопросы. Такъ, напримѣръ, въ Германіи тамошніе владѣтели безъ особаго сопротивленія предоставляли своимъ подданнымъ разныя либеральныя учрежденія, но упорно отстаивали права верховной власти въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о подчиненіи финансовъ представительному контролю. Въ Пруссіи долголѣтній разладъ между правительствомъ и палатою депутатовъ, угрожавшій конституціоннымъ кризисомъ, происходилъ главнымъ образомъ по финансовому вопросу въ примѣненіи его къ военной организаціи. Въ настоящее время, несмотря на усиленіе прусскаго правительства, вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ имъ политическихъ успѣховъ въ Германіи, все-таки финансовый вопросъ остается на первомъ планѣ, и можно сказать, что отъ того способа, какимъ будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, зависитъ всего болѣе развитіе конституціонной жизни въ Пруссіи, которое въ то же время должно будетъ отразиться болѣе или менѣе чувствительно на всѣхъ германскихъ государствахъ, входящихъ въ составъ союза, образуемаго нынѣ подъ главенствомъ Пруссіи.

Несмотря на сближеніе, послѣдовавшее между прусскимъ правительствомъ и палатою депутатовъ по финансовому вопросу, палата обнаруживаетъ, однако, явное желаніе удержать въ будущемъ принадлежащее ей по конституціи право наблюденія за государственными расходами. Впрочемъ, прежде чѣмъ мы остановимся на этомъ предметѣ, нужно указать на то положеніе, въ какое приведены государственныя финансы Пруссіи оконченою нынѣ войною.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ палатѣ, видно, что расходы за послѣднюю войну состоятъ изъ слѣдующихъ статей: 1) мобилизація арміи, съ усиленіемъ ея двумя корпусами, стоитъ 25.000,000 талеровъ; 2) текущіе расходы до конца августа обошлись въ 33.000,000 талеровъ; 3) разоруженіе арміи — 1 800,000 талеровъ; 4) расходы на ремонтъ оружіемъ, амуниціей, лошадьми — 27.000,000 талеровъ. Къ этому присоединяются расходы на удержаніе готовности къ войнѣ до конца текущаго года — 20.000,000 талеровъ. Такимъ образомъ общій итогъ военныхъ издержекъ Пруссіи простирается до 108.000,000 талеровъ. Такой расходъ значительно отягчалъ бы Пруссію, еслибы она въ числѣ мирныхъ условій съ побѣжденными ею государствами не постановила о вознагражденіи ея за военныя издержки. Сумма этого вознагражденія съ Австріи, Баваріи, Бадена, Виртемберга, Саксоніи и

Гессен-Дармштадта должна простираться въ общей сложности до 65.000,000 талеровъ. Остальные за тѣмъ расходы покрываются на счетъ суммъ государственнаго казначейства, суммъ вырученныхъ отъ выкупа облигацій желѣзныхъ дорогъ, контрибуціею съ города Франкфурта и военною добычею, но при всемъ этомъ открывается необходимость въ займѣ на 60.000,000 талеровъ.

Такимъ образомъ оказывается, что, несмотря на блестящіе успѣхи прусскаго оружія, на кратковременность войны и на обращеніе значительной части военныхъ издержекъ на побѣжденныя государства, война все-таки обошлась Пруссіи не слишкомъ дешево и потребовала усиленныхъ расходовъ изъ собственныхъ ея средствъ. Обстоятельство это важно въ томъ отношеніи, что палата депутатовъ, поддавшаяся общему обаянію, навѣянному на Пруссію военною славою, должна будетъ разочароваться нѣсколько въ своемъ увлеченіи, убѣдившись, что война въ сущности способствовала истощенію денежныхъ средствъ государства.

Съ своей стороны прусское правительство, желая покончить старый разладъ съ палатою депутатовъ по финансовому вопросу, предложило сейму проектъ закона, который снялъ бы съ правительства отвѣтственность за расходование государственныхъ финансовъ безъ одобренія палаты. Законъ этотъ заключается въ предложеніи составлять роспись государственныхъ расходовъ съ предоставленіемъ правительству полномочія производить расходы сообразно съ росписью, утвержденной палатою. Такъ-какъ подобнаго порядка прежде введено не было, то относительно производимыхъ расходовъ правительства за прежнее время министръ финансовъ г. Гейдтъ находить нужнымъ, чтобы палата сняла съ правительства отвѣтственность въ томъ, что оно расходовало государственныя суммы безъ утвержденного законнымъ порядкомъ и опубликованнаго бюджета. Дѣлая такое предложеніе палатѣ, министръ опирался на то, что правительство, при произведенныхъ имъ расходахъ, ограничивалось тѣмъ, что оказывалось необходимымъ для пользы государства. Что же касается расходовъ 1866 года, то такъ-какъ составленіе бюджета было бы теперь дѣломъ запоздалымъ, то правительство просило у палаты полномочія открыть ему на текущій годъ кредитъ въ размѣрѣ 154 милліоновъ талеровъ.

Коммисія, назначенная палатою для разсмотрѣнія этого предложенія, приняла поправку своего доклада, депутата Твестена. Поправка эта состояла: во-первыхъ, въ томъ, что приложенные къ проекту закона обзоры доходовъ и расходовъ должны служить для 1862—65 годовъ основаніемъ отчетности и контроля вмѣсто ежегодно утверждаемаго палатою конституціоннаго бюджета, и, во-вторыхъ, въ томъ, что правительству предоставляется обезпеченіе относительно управленія финансами, происходившаго съ 1862 года безъ росписи, утвержденной законнымъ порядкомъ.

Это обезпеченіе въ отношеніи къ отвѣтственности правитель-ства должно быть принимаемо въ томъ смыслѣ, какъ еслибы управленіе происходило въ означенное время на основаніи законнымъ порядкомъ утвержденныхъ и своевременно обнародованныхъ росписей.

Въ такомъ видѣ финансовый законъ былъ разсматриваемъ палатою депутатовъ, и при обсужденіи его происходили замѣчательныя пренія, которыя указываютъ на стремленія палаты и на то значеніе, какое придаетъ она финансовому вопросу въ связи съ общимъ конституціоннымъ развитіемъ Пруссіи. Внесеніе предложенія объ одобреніи палатою финансовыхъ распоряженій правительства — сказалъ одинъ изъ депутатовъ, г. Ласкеръ — свидѣтельствуешь о сознаніи правительства, что безбюджетное управленіе немисливо при конституціи. Принятіемъ этого закона палата депутатовъ съ своей стороны свидѣтельствуешь, что дѣйствительно существуетъ нарушеніе конституціи, но что имѣются основанія оставить такое нарушеніе безъ преслѣдованія. Амнистія не служитъ еще доказательствомъ, что преступленія должны впредь оставаться безнаказанными. Поводами къ борьбѣ послужили излишніе налоги, недостатокъ законныхъ основаній для преобразованія арміи и безбюджетное управленіе. Что касается послѣдняго, то законъ о кредитѣ можно разрѣшить лишь въ томъ случаѣ, если будетъ признано, что онъ замѣняетъ законъ о бюджетѣ.

Въ подобномъ же смыслѣ говорилъ и депутатъ Шульце, замѣтивъ, что для окончанія распри между правительствомъ и представителями страны нужно ручательство въ дѣйствительномъ отказѣ отъ прежней правительственной системы, между тѣмъ, ничего подобнаго не предвидится. Предложеніе правительства, по словамъ г. Шульце, не составляетъ этого обезпеченія, и доказательствомъ тому служитъ объявленіе министра о томъ, что правительство не желаетъ кредита безъ одобренія. Тамъ нѣтъ признанія права, гдѣ позволяется говорить только — *да*. Во внутренней политикѣ — заключилъ г. Шульце — удержана въ полной силѣ вся прежняя система.

Важность разрѣшенія финансового вопроса и тѣсная связь его съ общей правительственной системой, очень хорошо понимаются и правительствомъ. Это, между прочимъ, видно и изъ словъ, сказанныхъ въ палатѣ депутатовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Предоставьте правительству — сказалъ онъ — требуемое имъ утвержденіе расходовъ, и тогда оно сочтетъ своею обязанностію быть болѣе предупредительнымъ къ вамъ по отношенію къ другимъ вопросамъ. Мы требуемъ этого утвержденія не какъ перемирія, но какъ предварительнаго условія, необходимаго для прочнаго мира». Самъ графъ Висмаркъ въ примирительныхъ заявленіяхъ, высказанныхъ имъ въ палатѣ, ставитъ финансовый вопросъ на первомъ планѣ. Въ такомъ же смыслѣ высказался, какъ извѣстно, и король Вильгельмъ въ тронной рѣчи. Правительству, однако,

не удастся достигнуть полного соглашения по этому предмету. Такъ, хотя вопросъ о прежнемъ безбюджетномъ управленіи и можно считать поконченнымъ, но тѣмъ не менѣе палата желаетъ, повидимому, противостоятъ правительству въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно намѣревается слишкомъ широко распорядиться государственными финансами. Комисія палаты депутатовъ, занимающаяся разсмотрѣніемъ проекта закона о новомъ займѣ, первоначально отказала министерству вовсе въ требуемыхъ имъ 60.000,000 талеровъ. Потомъ она приняла поправку, предложенную депутатами Ревелемъ и Гагеномъ, по которой будетъ дозволенъ выпускъ на одинъ годъ билетовъ казначейства на сумму 30.000,000 талеровъ. Такой оборотъ дѣла не нравится правительству, и министръ финансовъ категорически объявилъ палатѣ, что измѣненія, сдѣланныя ею въ проектѣ закона, представленнаго правительствомъ, не могутъ быть приняты послѣднимъ, и что оно рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ ихъ. Такимъ образомъ едва были сдѣланы первые шаги къ взаимному сближенію между правительствомъ и палатою депутатовъ, какъ снова начали проявляться между ними симптомы разлада на прежнюю тѣму. Ничего нѣтъ мудренаго, что по прошествіи нѣкотораго времени, когда ослабѣть то обязательное впечатлѣніе, какое успѣло произвести правительство на прусскій народъ блистательными успѣхами королевской арміи, палата смѣлѣе и громче заговорить противъ правительства. Въ государственной жизни есть слишкомъ существенные вопросы, которые, счастливою случайностію, могутъ быть заглушены на время, но которые никогда не теряютъ своей силы, и безъ всякаго сомнѣнія, къ числу такихъ живучихъ вопросовъ относится вопросъ о государственныхъ финансахъ.

При проявившихся въ Европѣ стремленіяхъ къ національному единству, греческое племя—одна часть котораго составляетъ независимое государство, а другая находится подъ властью турковъ—не могло остаться чуждо идеи національнаго единства. Четырехвѣковое господство турковъ на Балканскомъ полуостровѣ не подавило окончательно главныхъ элементовъ греческой національности—религіи и языка. Можно сказать, что прежде нежели императоръ Наполеонъ сталъ выдвигать идею національности въ дипломатической ея обработкѣ, она самобытно отзывалась въ греческомъ населеніи, какъ отпоръ турецкому владычеству. Мы не ошибемся, если замѣтимъ, что возстановленіе Греціи, какъ самостоятельнаго государства, представляетъ единственныи примѣръ тому, что главные европейскіе кабинеты старались о созданіи въ Европѣ новаго государства, не руководствуясь при этомъ династическими расчетами, но основываясь единственно на угнетенномъ положеніи греческой націи, стремившейся обно-

вать свое политическое бытіе. Трудно еще сказать, въ какой степени послѣднія событія въ Европѣ и постороннее вліяніе на грековъ содѣйствовали начавшемуся теперь между ними движению, и возбудили въ христіанскихъ населеніяхъ Турціи надежду на освобожденіе изъ-подъ ига мусульманъ. Безъ всякаго сомнѣнія, новое устройство придунайскихъ княжествъ, увеличеніе Королевства Греческаго, присоединеніемъ къ нему Іоническихъ Острововъ, а также тѣ отношенія, въ какія становятся теперь къ Портѣ Сербія и Черногорія, не прошли въ этомъ случаѣ безслѣдно. Двигатели греческаго возстанія могли считать всѣ эти обстоятельства благопріятными для начала борьбы съ турками.

Первые симптомы греческаго возстанія обнаружались на островѣ Кандіи, древнемъ Критѣ; возстаніе это отозвалось и въ другихъ частяхъ Турецкой Имперіи, населенныхъ греками, а также и въ Греческомъ Королевствѣ. Всѣ греческіе журналы открыто проповѣдуютъ возстаніе, напоминая грекамъ о войнѣ 1821 года, предпринятой съ цѣлью освобожденія всѣхъ христіанскихъ провинцій отъ господства турокъ. Въ Аѳинахъ образовались комитеты для пособія кандійскимъ инсургентамъ. Греческое правительство недостаточно сильно, чтобы подавить волненіе, обнаружившееся въ королевствѣ и направленное противъ Порты, такъ что въ этомъ случаѣ дальнѣйшій ходъ греческаго возстанія будетъ зависеть главнымъ образомъ отъ политики главныхъ европейскихъ кабинетовъ, оказывающихъ свое покровительство Греческому Королевству и вообще всему христіанскому населенію на Востокѣ.

Хотя возстаніе въ Кандіи по своему началу имѣло характеръ мѣстнаго волненія, но тѣмъ не менѣе связь его съ общимъ христіанскимъ движеніемъ въ Турціи вполне ясна и несомнѣнна. Около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, кандійскіе христіане собрались мирно и безъ оружія. Собраніе это постановило отправить къ султану жалобу на притѣсненія, испытываемыя островитянами отъ турецкихъ властей, и просьбу о введеніи менѣе обременительной системы налоговъ, улучшеніи путей сообщенія, уваженіи дарованныхъ муниципальныхъ правъ, устройствѣ школъ и госпиталей. вмѣстѣ съ этимъ кандійцы просили о преобразованіи судоустройства, такъ-какъ при настоящемъ порядкѣ очень часто заинтересованная сторона бываетъ судьбою въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Къ этому присоединялась просьба объ уваженіи личной свободы кандіотовъ, допущеніи христіанъ къ свидѣтельству въ судахъ и обнародованіи судебныхъ приговоровъ не на одномъ турецкомъ, но, какъ это было прежде — и на греческомъ языкѣ. Желаніе этихъ, повидимому, мѣстныхъ улучшеній находится однако въ тѣсной связи съ общимъ положеніемъ грековъ въ Турецкой Имперіи, изъ которыхъ кандіоты всегда болѣе другихъ нетерпѣливо переносятъ турецкое иго.

Впродолженіе 200 лѣтъ, населеніе Крита не переставало стремиться къ политической независимости родного острова. Всѣ

усилія турокъ къ подавленію мятежнаго духа критянъ были успѣшны: турки могли только смирять открытыя возстанія, подавляя незначительное населеніе острова многочисленностію. Съ 1669 года на островѣ Критѣ возстаніе слѣдовало за возстаніемъ, но все это не вело ни къ какимъ облегченіямъ. Управление островомъ оставалось въ томъ же положеніи; на христіанъ турки смотрѣли какъ на рабовъ, а о равноправности не было и помину. Критскіе христіане напрасно ссылались на султанскіе гатти-шерифы, издавныя, по настоянію христіанскихъ державъ, для улучшенія положенія критянъ и для обезпеченія имъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Хотя въ силу парижскаго трактата 1856 года критянамъ, въ числѣ прочихъ турецкихъ христіанъ, и были дарованы равноправность передъ закономъ, право собственности, свобода совѣсти и разрѣшено было имъ занимать общественныя должности, но на дѣлѣ всѣ эти права оставались мертвою буквою. Въ особенности же отягчали островитянъ непомѣрные налоги, лишавшіе ихъ возможности произвести кавія либо мѣстныя улучшенія, такъ-какъ всѣ денежные сборы были отъправляемы въ Константинополь.

Такое положеніе дѣлъ принудило критянъ обратиться къ султану съ просьбою, содержащею которой изложено выше. Три мѣсяца прошли безъ всякаго на нее отвѣта, что, конечно, должно было еще болѣе усилить начавшееся волненіе. Наконецъ, Порта дала на просьбу вандіотовъ отрицательный и угрожающій отвѣтъ, усиливъ вмѣстѣ съ тѣмъ турецкія войска на островѣ.

Политическое движеніе греческаго населенія въ Турціи отзывается и на религіозномъ быту грековъ. Такъ, константинопольскій патріархъ далъ согласіе на административное соединеніе церкви Іоническихъ острововъ съ церковью Греческаго Королевства, пользующеюся полною самостоятельностью подъ управленіемъ аѳинскаго синода. Фактъ этотъ не лишенъ значенія, если сообразить ту тѣсную связь, какая, по отношенію греческаго населенія въ отоманскихъ владѣніяхъ къ Портѣ, постоянно существовала между его политическимъ и религіознымъ бытомъ. Вообще должно сказать, что возстаніе на островѣ Критѣ, отозвавшееся по послѣднимъ извѣстіямъ въ Тессаліи и Эпирѣ, выдвигаетъ на сцену грозный восточный вопросъ, и если греки мечтаютъ о возстановленіи византійской имперіи, то первенствующіе европейскіе кабинеты думаютъ нѣсколько иначе на счетъ территорій, принадлежащихъ распадающейся нынѣ имперіи османлисовъ. Опасность восточнаго вопроса заключается собственно не въ греческомъ движеніи. Оно, если приметъ широкіе размѣры, можетъ быть опасно только для Турціи. Главнѣйшая же сторона этого вопроса состоитъ въ томъ, какъ воспользуются этимъ движеніемъ европейскіе кабинеты, какъ они распорядятся турецкими областями, и, наконецъ, до какой степени они при предстоящемъ—по всей вѣроятности—въ скоромъ будущемъ раздѣлѣ Турціи согласатся между собою свои виды и интересы? Начало движенія христіанъ

въ Турціи будетъ только поводомъ къ взаимному столкновенію между первенствующими европейскими державами по восточному вопросу вообще, и, конечно, никакъ нельзя предвидѣть, до какихъ размѣровъ могутъ дойти ожидаемыя столкновенія. Сколько можно судить по настоящимъ, впрочемъ, весьма недостаточнымъ свѣдѣніямъ, то между французскою и англійскою политикою господствуетъ, относительно начавшагося движенія грековъ, полное согласіе. Представители Франціи и Великобританіи пригласили Порту дѣйствовать крайне осторожно, чтобы избѣгнуть общаго возстанія христіанъ въ Турціи, а сами, съ дѣлюю слѣдить за событіями, отправились въ Эпиръ, гдѣ тоже началось возстаніе. Къ этому нужно прибавить, что французскій посланникъ въ Константинополь, маркизь Мутье, назначенный недавно министромъ иностранныхъ дѣлъ, предложилъ проектъ, по которому Тесалія, Эпиръ и Кандія должны образовать особое княжество; во главѣ этого княжества, по проекту маркиза Мутье, будетъ поставленъ христіанскій правитель, такъ что упомянутыя области и островъ, оставааясь подъ верховнымъ господствомъ Порты, будутъ приведены къ ней въ такія же отношенія, въ какія поставлена нынѣ Румынія Лондонскій кабинетъ, повидимому, одобряетъ подобное предположеніе.

Такимъ образомъ, подъ преобладаніемъ французской и англійской политики, въ христіанскихъ областяхъ Турціи подготавливается новый порядокъ дѣлъ, который очень легко можетъ повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Вулканъ Изальво, г. Зеебахъ.—Новыя и періодическія звѣзды, г. Фэ.—О лунѣ, Шагорнага.—Игольные ружья, Сеге.—Птицы Шпидбергена, Ньютона.—Объ атлантическомъ телеграфномъ канатѣ, Бабине.—Данія въ началѣ желѣзнаго вѣка, Энгельгардта.

Въ гёттингенское ученое общество представлена подробная записка г. Зеебахъ о вулканѣ средней Америки, Изальво. Вольный переводъ ея, сдѣланный г. Буве, помѣщенъ въ трехъ нумерахъ журнала, издаваемого французскою академіею наукъ, «L'Institut». Избѣгая подробностей, которыя могли бы утомить большинство нашихъ читателей, мы сообщимъ здѣсь наиболѣе любопытныя мѣста этого мемуара.

Вулканъ Изальво заслуживаетъ особеннаго вниманія потому уже, что онъ обривался на памяти людей, живущихъ въ настоящее время. Его описывали Стефенсъ, Белей, Скьеръ и Шерцеръ, но Зеебахъ находитъ ихъ описанія не вполне точными. Самъ онъ отобралъ свѣдѣнія о происхожденіи этой огнедышущей горы отъ столѣтняго старика Франциско-дель-Кастило, который

Т. СЛXVIII. — Отл. II. 5

родился и до сихъ поръ живеть по близости Изалько. Всѣ же дальнѣйшія подробности основаны на личномъ изученіи самимъ авторомъ природы и устройства этого вулкана, на который недавно всходилъ онъ.

Франциско очень хорошо помнитъ, какъ въ пятницу на страшной недѣлѣ 1793 г. показался густой дымъ надъ лѣсомъ, милахъ въ пятнадцать отъ западнаго берега Гватемалы, омываемаго Тихимъ океаномъ, близъ города Сонсонате, въ провинціи С.-Сальвадоръ. Сначала думали, что работавшіе въ этомъ лѣсу индійцы зажгли костры; но такъ-какъ дымный столпъ достигъ быстро громадныхъ размѣровъ, то у людей, слѣдившихъ за развитіемъ этого явленія, незамедлила составиться мысль о внезапномъ образованіи въ землѣ новаго вулканическаго отверстія. Скоро въ вѣрности этого предположенія нельзя было уже сомнѣваться. Въ воздухѣ показалось огромное количество камней, и вслѣдъ затѣмъ потекла двумя рукавами раскаленная лава. Оба они соединились потомъ въ одинъ потокъ, который подвигался впередъ сажень по двадцати въ сутки. Это медленное, не безпрерывное движеніе густой, влокачущей массы продолжалось около пяти мѣсяцевъ. Жители деревни Изалько, къ которой все ближе и ближе подходила эта страшная рѣка, были приведены въ ужасъ. Начались молебствія, крестные ходы, и огненная масса остановилась передъ самой деревней. Франциско, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ этого событія, приписываетъ, разумѣется, благополучный исходъ изверженія на какимъ либо физическимъ причинамъ, но исключительно покровительству заступника его родной деревни, образъ котораго постоянно носили въ крестныхъ ходахъ.

И теперь еще можно очень легко отличить оба рукава лавы отъ окружающей ихъ почвы. Въ ихъ углубленіяхъ и трещинахъ находилось прежде много аміака. Индійцы собирали и продавали его. Ручей Атекосоль былъ совершенно выгнанъ изъ своего русла продуктами изверженія, которые плыли въ расплавленной сѣрѣ. Самая же земля, по словамъ Франциско, нисколько не поднималась во время этого событія; въ противномъ случаѣ, всѣ ручьи измѣнили бы свое теченіе, чего, однакоже, не было. Но, разумѣется, выброшенные изъ-подъ земли матеріалы тотчасъ составили небольшой холмъ вокругъ образовавшагося отверстія, а потомъ гору, которая продолжаетъ расти и въ настоящее время. Со дня перваго изверженія, дѣятельность Изалько почти не прерывалась. Наибольшей напряженности достигла она въ 1798 г. За подземными ударами слѣдовало сильное колебаніе земли, и потомъ полетѣли на огромную высоту твердыя глыбы, покрывшія своими осколками большое пространство земли. Лавы не вытевало. Гумбольдтъ упоминаетъ о двухъ сильныхъ изверженіяхъ въ 1805 и 1807 годахъ, но Зеебахъ не знаетъ, откуда заимствовалъ онъ свѣдѣнія о нихъ. Франциско говорилъ ему только, что въ началѣ XIX столѣтія обычная дѣятельность вулкана была нѣсколько сильнѣе, но онъ указывалъ на громадную

массу пепла, выброшенную въ 1838 г., прибавляя, что въ такихъ случаяхъ дымъ, извергаемый кратеромъ, принимаетъ темно-сѣрый цвѣтъ, тогда какъ онъ бываетъ обыкновенно бѣлый, если нѣтъ въ немъ пеплу.

Стефенсъ, посѣтившій Изалько во второй половинѣ 1840 г., могъ смотрѣть въ кратеръ этого вулкана съ находящейся близъ него возвышенной плоскости Лос-Кальдеронесъ. Тогда въ немъ было три жерла. Первое не дѣйствовало, второе выбрасывало безпрестанно голубоватый паръ, а изъ третьяго вслѣдъ за глухимъ ревомъ вылетали голубые пары, сопровождаемые клубами черного дыма, который вытягивался высокимъ столбомъ и вспыхивалъ по временамъ, наполняясь раскаленной пылью. Градь камней и туча пепла заключали этотъ подземный взрывъ. Послѣ него наступала совершенная тишина, и только черезъ нѣсколько минутъ начинался глухой рокотъ и снова вырывались на воздухъ паръ, дымъ, камни и пепель въ томъ же порядкѣ. При каждомъ взрывѣ Стефенсъ чувствовалъ легкое сотрясеніе почвы въ деревнѣ Изалько. Подобныя изверженія, иногда сопровождаемыя истокомъ лавы, повторялись впослѣдствіи пять разъ. Послѣднее было въ 1863 г.

Четыре путешественника, о которыхъ упомянули мы, чрезвычайно разногласятъ въ опредѣленіи высоты вулкана Изалько. Довольно сказать, что по мнѣнію Стефенса она не менѣе 6,000 футовъ, тогда какъ по вычисленіямъ Белея вершина этой огнедышущей горы возвышается надъ уровнемъ моря только на 1,100 ф. Тригонометрическія измѣренія Зеебаха тоже не могутъ считаться исполнѣнными, потому что оба находившіеся въ его распоряженіи барометра были испорчены. Онъ опредѣляетъ высоту Изалько въ 1,976 ф. Теперь съ Лос-Кальдеронесъ нельзя уже заглянуть въ жерло вулкана: верхніе края его поднялись на 129 ф. выше уровня этой природной терасы. Она отдѣляется отъ конуса кратера глубокой долиною, которая почти на половину всей высоты горы наполнена отвердѣвшей, но въ близкомъ разстояніи отъ Изалько до такой степени горячей лавою, что проводники Зеебаха отказались идти по ней, и потому онъ одинъ добрался до жерла послѣ цѣлаго часа утомительныхъ усилій. Изалько имѣетъ три кратера, расположенные на прямой линіи, протанутой отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Два крайніе изъ нихъ закрылись; только въ среднемъ находится еще жерло, имѣющее около пяти саженъ въ діаметрѣ. Изъ него не выходило ни малѣйшаго пара, когда г. Зеебахъ поглядывалъ въ темную глубину его, не смѣя приблизиться къ ней по причинѣ слишкомъ крутого и гладкаго спуска. Изъ трещинъ боковыхъ кратеровъ подымались густыя сѣрыя испаренія.

Изалько представляетъ очень правильный усѣченный конусъ, и такъ-какъ высота его—говоритъ авторъ—извѣстна, и стороны наклонены къ основанію подъ угломъ 35° , то объемъ этой горы опредѣлить нетрудно. Онъ равняется 949.820,000 кубическихъ футовъ. Если допустить, что дѣятельность его съ 1793 года не

прерывалась, и что онъ ежегодно выбрасывалъ равное количество матеріаловъ, то обаяется, что масса его увеличивалась среднимъ числомъ

каждый годъ	на	13.191,000	куб. ф.
—	день	—	36,100 — —
—	часъ	—	1,504 — —
—	минуту	—	25 — —

Зеебахъ убѣжденъ, что всѣ дѣйствующія и потухшія высоты вулкановъ средней Америки образовались также точно, то-есть исключительно изъ продуктовъ изверженія, и что ломка и подъемъ земныхъ пластовъ не принимали въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшаго участія.

Можно спросить еще: составляетъ ли Изалко совершенно отдѣльный вулканъ, или же онъ есть только боковое отверстіе потухшаго вулкана Церо-Родондо? По мнѣнію Гумбольдта, дѣйствительные вулканы образуются только въ тѣхъ точкахъ, гдѣ находится постоянное сообщеніе между внутренней частью земного шара и окружающей его атмосферою. Зеебахъ, признавая основательность этого взгляда, находитъ однакоже, что онъ не принятъ ни специалистами, ни обществомъ. Монте-Нуово, на примѣръ, дѣйствовалъ сильно только въ дни своего появленія 28-го и 29-го сентября 1538, и потомъ 3-го и 6-го октября того же года. чтò въ совокупности составляетъ 96 часовъ. Черезъ три мѣсяца онъ потухъ уже совершенно. Однакоже, несмотря на очень краткій періодъ своей дѣятельности, Монте-Нуово относятъ постоянно къ числу вулкановъ. Напротивъ, Монти-Росси, образовавшіяся въ 1669 и дѣйствовавшія также не болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, считались всегда боковыми кратерами Этны. Не продолжительность изверженій и не объемъ массы, но совершенно отдѣльное, самостоятельное положеніе влючили Монте-Нуово въ разрядъ собственно такъ-называемыхъ вулкановъ. Она стоитъ особнякомъ, тогда какъ Монти-Росси, образовавшіяся на скатахъ Этны, исчезаютъ въ громадныхъ размѣрахъ этого сицилійскаго вулкана. Итакъ, существенное отличіе двухъ группъ заключается въ ихъ устройствѣ, на которое не всегда обращаютъ должное вниманіе. Бухъ раздѣляетъ огнедышущія горы на *центральные вулканы* и *вулканическія цѣпи*. Европейцы знакомы преимущественно съ первыми, къ числу которыхъ принадлежитъ классическій типъ вулканологіи — Везувій. Зеебахъ не довольствуется этимъ раздѣленіемъ и дополняетъ его особенностями *внутренняго* устройства, преимущественно направленіемъ жерль. Но его теорія неудовлетворительна по своей сбивчивости. Довольно замѣтить, что европейскіе и канарскіе вулканы относятъ онъ къ первой группѣ, а почти всѣ огнедышущія горы Америки и Явы — ко второй. Зеебахъ несогласенъ съ мнѣніемъ Гумбольдта и Бусенго, которые думали, что вулканы центральной Америки не извергали никогда лавы. Напротивъ, онъ находилъ ее на всѣхъ посѣщенныхъ имъ кратерахъ, но

только не въ очень большомъ количествѣ. Изъ нея образовались собственно вулканическіе конусы, составляющіе, разумѣется, самую незначительную часть всей горной массы, сложившейся изъ другихъ продуктовъ изверженія. Вопросъ: къ какой же группѣ принадлежитъ Изалько—не рѣшено; полагаю авторомъ мемуара. Онъ готовъ считать его и самостоятельнымъ или центральнымъ вулканомъ, и послѣднимъ юго-восточнымъ жерломъ вулканической цѣпи Сан-Марцелино и Церо-Родондо. Скажемъ въ заключеніе, что на всемъ пространствѣ средней Америки, отъ Даріенскаго залива до середины Мексики, нѣтъ огнедышущей горы, которая могла бы выдержать конкуренцію съ Изалько. Дѣятельность этого вулкана почти непрерывна. Высокій столбъ дыма днемъ и огненный отблескъ его ночью служатъ гигантскимъ маякомъ для мореплавателей, которые направляются къ этимъ берегамъ за перувианскимъ бальзамомъ, составляющимъ продуктъ исключительно этой мѣстности.

— Въ 7-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» 1866 г. было сообщено краткое извѣстіе о появленіи новаго острова въ гавани Санторино. Теперь тамъ уже три острова, и каждый изъ нихъ увеличивается въ сутки на полтора аршина. Они растутъ, можно сказать, съ математической правильностью. Входящіе въ составъ ихъ очень тяжелые, похожіе на каменный уголь камни размищуются сами собою съ удивительнымъ порядкомъ, и лава становится плотнѣе. На этихъ островкахъ находятъ растенія и раковины. У береговъ ихъ видно морское дно; вода холодна; нѣтъ ни огня, ни дыму; процессъ развитія происходитъ совершенно покойно. Море вокругъ расширяющихся массъ постепенно мелѣетъ. При входѣ въ гавань св. Георгія, глубина его доходила въ началѣ прошлаго мая до 25 брасъ, а къ концу того же мѣсяца уменьшилась слишкомъ въ шесть разъ.

— Въ засѣданіи французской академіи наукъ 23-го іюля астрономъ Фэ (Faure) прочелъ записку о звѣздахъ. Онъ доказываетъ въ ней, что между періодическими и тѣми звѣздами, которыя появляются внезапно, нѣтъ никакой существенной разницы. Ипотезы, составленныя для объясненія тѣхъ и другихъ на основаніи разныхъ началъ, не заслуживаютъ, по его мнѣнію, серьезнаго вниманія. Астрономы неоднократно убѣждались, что многія изъ мнимо-новыхъ, вдругъ загоравшихся въ небѣ свѣтилъ были величины, видимыхъ только при помощи телескопа. Къ числу ихъ относится и та, которую замѣтилъ Курббесъ прошлаго мая*. Это — звѣзда № 2765 большого англійскаго каталога. Внезапное образованіе мнимо-новыхъ свѣтилъ есть не что иное, какъ чрезмѣрное увеличеніе блеска давно уже существующихъ періодическихъ звѣздъ. Эта гипотеза становится еще болѣе правдоподобна, какъ скоро будетъ принято въ соображеніе, что періодич-

* «Отеч. Записки» № 15.

ность ихъ разнообразна до безконечности. Отъ нѣсколькихъ дней доходитъ она до девятнадцати лѣтъ и болѣе. Надобно прибавить, что по истеченіи этихъ промежутковъ времени, періодическія звѣзды загораются неодинаково ярко — иногда блескъ ихъ доходитъ до своего maximum, а иногда и нѣтъ. Можно предположить, что напряженность этого блеска, на сколько мы въ состояніи видѣть его, обуславливается сравнительно темными спутниками, болѣе или менѣе заслоняющими отъ насъ свѣтлое ядро звѣзды. Но это предположеніе становится несостоятельнымъ при мысли о солнцѣ. Оно — тоже періодическая звѣзда; но его одиннадцатилѣтніе періоды зависятъ отъ другихъ причинъ. Г. Фэ очевидно намекаетъ здѣсь на темныя пятна, о чемъ подробно писали мы въ «Интересахъ» прошлаго года. Общій отличительный признакъ такъ-называемыхъ новыхъ или временныхъ звѣздъ заключается въ томъ, что онѣ очень скоро достигаютъ высшей степени своего блеска и потомъ медленно потухаютъ. Этотъ фактъ внушилъ Ньютону мысль о паденіи на нихъ кометъ, которыя сообщаютъ имъ часть своего собственнаго свѣта. Смотря на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія новой теоріи, извѣстной подъ именемъ *сохраненія силы*, можно было бы сказать, что живая сила или динамическая энергія кометы превращается, при ея столкновеніи съ звѣздою, отчасти въ теплоту и свѣтъ. Такимъ образомъ періодичность этого явленія, равно какъ происхожденіе и бытіе фотосферъ пришлось бы объяснить паденіемъ астероидовъ. Г. Фэ намѣренъ возвратиться въ скоромъ времени къ подробностямъ этого вопроса.

— Другой французскій астрономъ, Шакорнакъ, занятъ теперь объясненіемъ нѣкоторыхъ особенностей, которыми довольно богата обращенная къ намъ сторона луны. На ней видно нѣсколько пятенъ, которыя признаются древними слѣдами былого наводненія морскихъ береговъ, находящихся выше современнаго намъ уровня лунныхъ морей, то-есть думаютъ, что долины, бывшія прежде подъ водою, сухи теперь и окружены морскими осадками, которые, спускаясь въ твердыя груды, высоко поднимаются надъ уровнемъ долинъ. Къ этому мнѣнію надобно прибавить другое. Осадки эти находятся только на отлогихъ берегахъ, никогда не достигая крутыхъ возвышенностей, что намекаетъ на морскіе приливы, бывшіе, повидимому, причиною наводненія. Сверхъ того, на крутыхъ, утесистыхъ берегахъ остались такія глубокія борозды, какихъ не могли бы, вѣжеться, произвестъ волны, образуемая теченіями воздуха. Такъ, напримѣръ, ими размыты и разрушены одинъ бокъ кратера Фравастора, имѣющій болѣе семи верстъ въ толщину тамъ, гдѣ размытая часть его вдается теперь двумя отдѣльными глыбами въ Нектарное море. Основываясь на этихъ фактахъ, выводятъ заключеніе, что все это было слѣдствіемъ прежнихъ приливовъ, которые въ лунныхъ моряхъ отличались нѣкогда особой силою своего напряженія, повинуясь притягивающему вліянію нашей планеты. Отсюда идутъ

уже далѣе и думаютъ, что если морскіе приливы отличались тамъ таковой силою, то стало быть — луна вращалась тогда быстрѣе, нежели въ настоящее время.

— Лландье, производящій нѣсколько уже лѣтъ постоянныя наблюденія надъ радикальнымъ свѣтомъ, пишетъ, что свѣтъ этотъ имѣетъ форму совершенно-правильнаго конуса и бываетъ не всегда одинаковъ. Порою принимаетъ онъ грязно-сѣроватый колоритъ, иногда же — серебристую бѣлизну млечнаго пути. Впрочемъ, Лландье полагаетъ, что все это обусловливается неодинаковой прозрачностью земной атмосферы, сквозь которую наблюдатели видятъ его. Въ прошломъ февралѣ вершина конуса возвышалась до *Шледъ*, а въ маѣ до *Влизнецоъ*. Ось его направлена постоянно къ центру солнца, за которымъ неизмѣнно слѣдуетъ она, и каждый день исчезаетъ подъ горизонтомъ съ созвѣздіями, проходящими по всей длинѣ ея. По этимъ даннымъ Лландье заключаетъ, что свѣтящійся конусъ составляетъ часть неизмѣримой атмосферы, охватывающей солнце со всѣхъ сторонъ. Если такъ, то эта газообразная оболочка должна производить на солнце чрезвычайно сильное давленіе и способствовать могучему испусканію теплоты. Если же она, подобно нашей атмосферѣ, подвержена разнообразной силѣ мѣстныхъ давленій, то причину пятенъ, почти всегда замѣчаемыхъ на ея поверхности, можно было бы объяснить пониженіемъ температуры, происходящимъ отъ уменьшеннаго давленія.

— Въ концѣ прошлаго іюля г. Сегье представилъ во французскую академію наукъ ружье, сдѣланное въ Брюсселѣ Галаномъ (Galland). Оно, какъ прусское игольное, заряжается сзади, то есть со стороны приклада, или — говоря технически — съ казенной части и отличается необыкновенной силою удара. Пуля во 125 граммовъ, брошенная 25 грамами пороха, пробиваетъ на разстояніи 50 сажень стальную доску въ 29 миллиметровъ, или слишкомъ въ дюймъ толщиною. Были представлены также и доски, провизанныя насквозь пулями, которыя имѣютъ коническую форму. Во внутрь ихъ вдается сзади углубленіе, сдѣланное для того, чтобы центр тяжести находился спереди. Ихъ обхватываетъ свинцовый ободокъ, который долженъ вдаваться въ нарѣзки ствола. Пистонъ воспламеняется ударомъ стержня или иглы, скрѣпленной съ пружиною. Между пороховъ и пулею помѣщается упругое тѣло — именно, войлокъ, пропитанный саломъ. Этому войлоку Сегье приписываетъ очень важную роль, потому что онъ, посредствомъ своей эластичности, превращаетъ ударъ газа въ постепенно возрастающее давленіе, а такое превращеніе выгодно какъ нельзя больше для баллистическаго дѣйствія, въ чемъ убѣдился г. Сегье еще прежде, производя опыты надъ духовыми ружьями. При этомъ случаѣ онъ обратилъ вниманіе академиковъ на одну часть прусскаго ружья, о которой до сихъ поръ не упоминали французскіе журналы. Въ немъ, тамъ, куда вкладется зарядъ, находится воздушная камера. Превышая своимъ объемомъ

вчетверо, или даже въ пять разъ величину заряда, она производитъ то же слѣдствіе, какъ войлокъ ружья Галана. Наконецъ, надобно замѣтить, что какъ ни быстръ процессъ воспламененія пороха, однако въ немъ все же есть послѣдовательность. Обращеніе въ газъ начинается съ зеренъ, непосредственно подверженныхъ первой причинѣ воспламененія, и потомъ уже идетъ далѣе. Главная задача заключается, стало быть, въ томъ, чтобы дать всплхнуть и обратиться въ газъ всему заряду, прежде нежели вылетитъ пуля, причемъ, разумѣется, должна сравнительно увеличиться сила производимаго на нее давленія. Въ брюссельскомъ, равно какъ и въ прусскомъ ружьѣ, зарядъ сгараеть весь, и звукъ его выстрѣла не отличается той рѣзкостью, къ которой такъ привыкло наше ухо. Онъ глухъ и походитъ на выстрѣлъ хорошаго духоваго ружья. Г. Реньо замѣтилъ, что обращеніе въ газъ всего пороха обуславливается здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ воспламеняется по направленію отъ пули къ вазеннику, тогда какъ въ обыкновенныхъ ружьяхъ дѣло идетъ на оборотъ, и потому часть невсплхнувашаго заряда выбрасывается вмѣстѣ съ пулею. Надобно прибавить, что изъ новыхъ ружей никогда не вылетаетъ огня, чего, конечно, не могло бы случиться, еслибы не весь порохъ превращался въ газъ внутри ствола.

Обратимся теперь къ исторіи игольнаго ружья, которое послѣ побѣдъ, одержанныхъ недавно прусскою арміею, стало предметомъ общаго вниманія, не составляя исключительно военнаго вопроса, какъ бывало въ доброе старое время. Славу изобрѣтенія этого ружья оспариваютъ другъ у друга три націи—Прусія, Франція и Бельгія. Пруссаки говорятъ, что владѣтель большого ружейнаго завода въ мѣстечкѣ Зомерда, близъ Эрфурта, Николай Дрейзе представилъ изобрѣтенное имъ игольное ружье прусскому королю въ 1844 г. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того игольными ружьями были вооружены въ Прусіи сперва гвардія, а потомъ вся пѣхота и кавалерія. Въ 1848 г. берлинцы, напавъ на арсеналь, овладѣли дюжиною такихъ ружей, а черезъ два года одно изъ нихъ было выставлено въ Парижѣ, въ какомъ-то ружейномъ магазинѣ. Въ 1849 г. игольное ружье было употреблено въ дѣло въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, и произвело большое опустошеніе въ рядахъ инсургентовъ. Французы приписываютъ это изобрѣтеніе своему соотечественнику г. Декютюру, члену политехнической академіи и брату генеральнаго адвоката парижскаго суда. Говорятъ, что онъ представилъ такое ружье императору, который былъ пораженъ его сравнительнымъ превосходствомъ и поручилъ генералу Фаве, въ то время еще полковнику, произвести опыты. Такъ-какъ они были удачны, то императоръ помѣстилъ новое ружье въ особый, спеціальныи арсеналь и даже думалъ назвать его *ружьемъ Наполеона*. Противъ этого изобрѣтенія прежде всѣхъ возсталъ французскій военный министръ. Нѣсколько комисій, составленныхъ для изслѣдованія практическихъ удобствъ игольнаго ружья, признали превосходство его относи-

тельно быстроты выстрѣловъ, но нашли, что отъ него слишкомъ разгорячается ружье и пачкается казенная часть. Вообще главнѣйшія возраженія состояли въ томъ, что слабость окончности ствола препятствуетъ укрѣпленію въ немъ штыка, и что скорость огня затрудняетъ перевозъ патроновъ. Вслѣдствіе этого Декютюръ предложилъ будто бы свое изобрѣтеніе Пруссіи, гдѣ и было оно усвоено съ нѣкоторыми измѣненіями. Уже около двѣнадцати лѣтъ все прусское войско вооружено игольными ружьями. Наконецъ въ одной изъ бельгійскихъ газетъ пишутъ: «Всѣмъ извѣстно имя искуснаго оружейнаго мастера Монтигюи (Montigny), знаменитая коллекція ружей котораго выставлена въ пассажѣ св. Губерта въ Брюсселѣ. Онъ сынъ и сотрудникъ истиннаго изобрѣтателя той системы, которая названа его именемъ, и на которой основано устройство новаго огнестрѣльнаго оружія всѣхъ родовъ. Какъ ни разнообразенъ характеръ игольныхъ ружей, но общее отличительное свойство ихъ состоитъ въ томъ, что зарядъ кладется съ казенной части и воспламеняется посредствомъ удара иглы, а это изобрѣтеніе принадлежитъ не пруссакамъ и не французамъ, но извѣстному оружейному мастеру Жозефу Монтигюи, который жилъ въ Брюсселѣ съ 1818 по 1835 годъ, и первый сдѣлалъ въ 1832 году ружье, заряжающееся именно такимъ образомъ и производящее выстрѣлъ при помощи иглы. Впрочемъ, онъ не ограничился ружьемъ, но примѣнилъ также это изобрѣтеніе къ пушкѣ и представилъ проектъ свой бельгійскому правительству, которое однакоже отвергло его. Послѣ этого императоръ Николай I вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ Монтигюи сдѣлалъ въ 1835 году нѣсколько орудій, заряжающихся съ казенной части и производящихъ выстрѣлъ при помощи иглы. Хотя опыты были совершенно удачны, однакоже рутину взяла свое. Русскіе специалисты, подобно французскимъ и бельгійскимъ артиллеристамъ, нашли это изобрѣтеніе непрактичнымъ. Монтигюи былъ такъ пораженъ непризнанной пользою своихъ трудовъ, что умеръ съ горя въ 1845 г.» Такъ-какъ мы не читали ничего подобнаго въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ; притомъ же «Reader» отъ 21-го іюля, откуда заимствовано это извѣстіе, не называетъ бельгійской газеты, но говоритъ просто «A writer in one of the Belgian papers says», то и желали бы слышать отзывъ о работахъ Монтигюи въ Россіи компетентныхъ судей въ этомъ дѣлѣ. Игольное ружье называется понѣмецки Zündnadelgewehr. Патронъ, которымъ заряжается оно, состоитъ изъ двухъ частей, именно изъ пороха съ конической пулею, и изъ Zündspiegel, кусочка тонкаго картона съ двумя отверстіями, посреди которыхъ находится Zündpille, или трутъ особаго рода. Кто бы ни былъ первымъ изобрѣтателемъ игольнаго ружья, но не подвержено сомнѣнію, что патронъ, употребляемый для стрѣльбы изъ него въ Пруссіи, изобрѣтенъ Николаемъ Дрейзе.

— Гербертъ Сиенсеръ счелъ долгомъ лично подтвердить сообщенное нами въ № 15 «Отеч. Записокъ» извѣстіе о томъ ма-

теріальномъ пособіи, которое получаетъ онъ отъ американцевъ въ продолженіи философскихъ трудовъ своихъ. «До сихъ поръ съ самаго начала ихъ—пишетъ онъ къ редактору журнала «Reader»—американцы съ постоянно возрастающей энергіею поддерживали мое предпріятіе, дѣйствуя въ этомъ случаѣ съ удивительнѣйшимъ тактомъ».

— Много было писано о безчисленныхъ стадахъ морскихъ птицъ, живущихъ на берегахъ Шпицбергена. Теперь это извѣстіе подтверждаетъ снова первоклассный орнитологъ Альфредъ Ньютонъ. Онъ посѣтилъ Шпицбергенъ въ 1864 году и былъ изумленъ тѣмъ, что привелось ему видѣть тамъ, хотя и былъ заранѣе приготовленъ къ ожидавшей его картинѣ. «На длинной цѣпи прибрежныхъ скалъ и на величавомъ утесѣ Альенгорнъ, который замыкаетъ ихъ—пишетъ онъ въ своемъ журналѣ «The Ibis»—гнѣздится такое множество птицъ, преимущественно изъ семейства утокъ, какого нигдѣ никогда не встрѣчалъ я. Крики ихъ, смягченные далекимъ разстояніемъ, достигаютъ уха изъ этихъ воздушныхъ высотъ, какъ однообразный ропотъ ручья, прерываясь порою дерзкимъ лаемъ полярныхъ лицисъ, или крикомъ такой птицы, которая, спасаясь отъ крылатаго хищника, спустилась въ низшій слой воздуха, но все-таки летитъ высоко надъ головою наблюдателя. За выстрѣломъ, грянувшимъ у подошвы скалы, слѣдовала впродолженіе нѣсколькихъ секундъ мертвая тишина, потомъ уже повторило его эхо, и вслѣдъ затѣмъ, стаи птицъ, подобно рою пчелъ, когда потревожатъ ихъ улей, поднялись съ гнѣздъ своихъ и наполнили воздухъ. Онѣ такъ высоко неслись надъ нами, что простыми глазами едва можно было разглядѣть ихъ. Когда направа путь свой къ морю, летѣли онѣ надо мною, я слышалъ глухой шумъ, производимый движеніемъ безчисленнаго множества крыльевъ. Скоро вся эта туча повернула назадъ, и крики чрезвычайно усилились, потому что хищныя птицы, пользуясь случаемъ, успѣли похитить немало птенцовъ. Страшный хаосъ звуковъ, слабѣя понемногу, снова обратился минутъ черезъ десять въ прежній невнятный гулъ. Впрочемъ, всю эту сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, описать рѣшительно невозможно. Нельзя также опредѣлить приблизительно числа птицъ, гнѣздящихся на этихъ скалахъ. Адмиралъ Бичей говоритъ, что въ заливѣ Магдалины, находящемся въ сѣверной части Шпицбергена, онъ часто видалъ громадныя стаи летавшихъ крахалей (Mergus), число которыхъ опредѣлялъ онъ приблизительно въ четыре мильона штукъ. Это почти невѣроятно; однакоже, послѣ того, что самъ видѣлъ я, не могу сказать, чтобы расчетъ его казался мнѣ невѣрнѣмъ».

— Въ одномъ изъ засѣданій французской академіи наукъ г. Бабине высказалъ убѣжденіе, что телеграфный канатъ, такъ счастливо протянутый въ послѣднее время между Ирландіею и Нью-Фондландомъ, будетъ дѣйствовать очень недолго. Онъ основываетъ свою мысль не на какомъ нибудь особенномъ слу-

чаѣ, но на порчѣ каната, соединяющаго Францію съ Англіею, который, будучи много толще атлантическаго, теряетъ въ годъ одинъ миллиметръ своей толщины исключительно отъ ѣдки морской воды. Части прежняго каната, вынутыя изъ Атлантики спустя четыре мѣсяца послѣ того, какъ былъ онъ погруженъ въ море, представляли очень жалкое зрѣлище. Желѣзная проволока прожавѣла, разорвалась и торчала тонкими иглами. Мѣдь была совершенно обнажена. Потому-то Бабингемъ убѣдительно просилъ поспѣшить воспользоваться теперешнимъ канатомъ для опредѣленія долготы одного изъ пунктовъ новаго свѣта, полагая, что это было бы едва-ли не единственнымъ научнымъ результатомъ дватнадцати миліоновъ франковъ, потраченныхъ на такое смѣлое предпріятіе. Онъ объяснилъ также, отчего прежній канатъ работалъ дурно въ продолженіе немногихъ часовъ, которыми ограничился весь періодъ его дѣятельности. Всѣ части этого каната, за исключеніемъ центральной мѣди, должны были непремѣнно вытянуться. Отсюда произошло въ немъ множество разрывовъ. И хотя, несмотря на это, электрическій токъ проходилъ по проволокаѣ, но онъ терялъ большую часть своей напряженности, и потому былъ слабъ неимоверно.

— Мы только что получили новый нумеръ «L'Institut» отъ 22 августа. Въ немъ помѣщена обѣщанная г. Фэ записка по поводу новой звѣзды, замѣченной Курббесомъ въ прошломъ маѣ. «Появленіе новой звѣзды—говорить онъ—принадлежитъ къ числу довольно рѣдкихъ, изумительныхъ и необъясненныхъ еще фактовъ. Я намѣренъ сблизить этотъ феноменъ съ условіями періодическихъ звѣздъ и объяснить эти условія образованіемъ и бытіемъ фотосферы какого бы то ни было солнца, о чемъ писалъ уже я прежде. Звѣзда, замѣченная Курббесомъ, не нова, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Она есть старая звѣзда девятой величины, обыкновенно незримая простыми глазами, № 2765 большого англійскаго каталога. Собранныя нами свѣдѣнія доказываютъ, что блескъ ея достигъ своего maximum внезапно въ ночь 12 мая, когда въ первый разъ попалъ на нее взоръ г. Бирмингэма въ Ирландіи. Послѣ этого онъ началъ слабѣть, но медленно, уменьшаясь на полвеличину ежедневно до 20 мая, и потомъ еще медленно до конца іюня. Къ этому времени стала она тускла почти попрежнему, и въ ней незамѣтно чувствительныхъ перемѣнъ. Сближая это явленіе съ тѣмъ, что извѣстно уже намъ о новыхъ звѣздахъ, появившихся прежде, мы приходимъ къ заключенію, что всѣ эти факты однородны, что тутъ нѣтъ—какъ думали долгое время—никакого образованія *новыхъ* звѣздъ, но только есть перемѣна физическихъ условій, вслѣдствіе которой незримая прежде простыми глазами звѣзда становится несравненно свѣтлѣе, подвергаясь какому-то катаклизму. Впрочемъ, слово это не совсѣмъ точно. Появленіе новыхъ звѣздъ представляетъ въ сущности тѣ же фазы, которыя свойственны періодическимъ звѣздамъ, но только онѣ слѣдуютъ одна за дру-

гою гораздо быстрее. Этой мысли противоречить, конечно, усвоенный взгляд, на основании которого новыя и періодическія звѣзды относятъ къ двумъ совершенно различнымъ категоріямъ. Но рассмотримъ слегка, какимъ образомъ составилъ этотъ взглядъ, и можно ли признать его правильнымъ. Прежде всѣхъ другихъ періодическихъ звѣздъ, астрономы познакомились съ *Mira Ceti*, звѣздой *кита*, большаго южнаго созвѣдія. Она была замѣчена Фабриціемъ, который принадлежитъ къ числу первыхъ наблюдателей, обратившихъ особенное вниманіе на солнечныя пятна. Бульо первый старался объяснить это единственное еще въ то время и тѣмъ болѣе странное явленіе, что тогдашніе астрономы раздѣляли мысль древнихъ о негнѣнности (*incogitabilité*) всего, что существуетъ въ небѣ. Какъ же согласили Бульо эту мнимую негнѣнность съ правильными, періодическими измѣненіями *Mira Ceti*? Онъ вообразилъ, что звѣзда эта съ одной стороны свѣтла, а съ другой нѣтъ, и что, поворачиваясь вокругъ своей оси, подобно солнцу, она обращается къ намъ попеременно то свѣтлой, то темной стороною. Допустивъ эту гипотезу, стоило только опредѣлить при помощи наблюденія періодъ полного оборота звѣзды, совершающагося въ 331 день, и строгая періодичность ея появленія объяснялась сама собою. Это предположеніе раздѣляло поманутыя звѣзды на два совершенно различные вида: на періодическія и новыя. Къ послѣднимъ были отнесены, на примѣръ, звѣзды Гипарха, Тихо и Кеплера, которыя, вспыхнувши вдругъ, блестяи недолго, но чрезвычайно ярко, и потомъ потухли. Очевидно, что ихъ появленія нельзя было объяснить вращеніемъ вокругъ оси, а потому Тихо и Кеплеръ предположили, что онѣ образовались внезапно насчетъ космической матеріи, предварительно разсѣянной въ млечномъ пути, или во всемъ небѣ. Ньютонъ мечталъ о кометахъ, паденіе которыхъ на полупотухшее солнце могло бы возобновить его горѣніе, доставляя новую для этого пищу. Въ настоящее время, мысль Ньютона была бы высказана нѣсколько иначе. Внезапное усиленіе теплоты и свѣта объяснили бы не горѣніемъ, но переходомъ въ нихъ нѣкоторой части живой силы, которою были одушевлены два движущіяся тѣла до своего столкновенія другъ съ другомъ. Итакъ, передъ нами снова одна изъ тѣхъ счастливыхъ гипотезъ, къ которымъ подають поводъ не вполне изслѣдованные факты. Современные астрономы и особенно г. Argenlander, чрезвычайно усложнили занимающій насъ вопросъ своими открытіями. Впродолженіе двухъ вѣковъ, съ 1596 г., когда была открыта *Mira Ceti*, до начала нашего столѣтія, наблюдатели подмѣтили въ небѣ не болѣе тринадцати переменяющихся звѣздъ; тогда какъ въ послѣднія двадцать лѣтъ открыто ихъ около ста штукъ. Стало быть, незначительное число этихъ свѣтилъ въ прежнее время было слѣдствіемъ только общаго невниманія къ нимъ. Теперь увеличивается оно съ каждымъ годомъ, потому что наблюдатели, желая изучить этотъ предметъ, стали внимательнѣе. Случай-

ностью, или исключеніями нельзя объяснить новыхъ открытій. То же повторилось и съ новыми звѣздами. Прежде одна изъ нихъ являлась во сто лѣтъ; теперь же, благодаря лучшему знакомству астрономовъ съ звѣзднымъ небомъ, открыта уже третья съ 1848 года. Также, и самые факты изслѣдованы съ большей точностью. Теперь извѣстно, напримѣръ, что періоды звѣзды *Mira Ceti* совсѣмъ не такъ правильны, какъ полагалъ г. Бульо. Они разнятся другъ отъ друга на шестьдесятъ-семь дней (300 и 367), а такая разница, конечно, очень значительна. Сверхъ того убѣдились, что звѣзда эта въ эпоху своихъ максимъ, не всегда достигаетъ равнаго блеска, но бываетъ то первой, то второй, то третьей величины. Наконецъ, во время Гевеліуса, ея не было видно цѣлые четыре года. Пытались устранить представляемыя этими фактами противорѣчія, говоря, что свѣтлая сторона звѣзды подвергается измѣненіямъ, но такая увертка уничтожаетъ окончательно гипотезу Бульо, потому что мысль о вращеніи вокругъ оси становится совершенно бесполезною, какъ скоро будетъ допущено предположеніе о перемѣнахъ въ самой природѣ звѣзды. Убѣдясь въ несостоятельности этой гипотезы, астрономы составили другую. Они признали звѣзды неподвижными и неизмѣнными свѣтлами, но допустили предположеніе, что вокругъ нихъ движутся болѣе или менѣе тусклыя, непрозрачныя тѣла — спутники, кометы, или планеты, которыя періодично помѣщаются между нами и находящеюся въ центрѣ ихъ орбиты звѣздой. Эта гипотеза показалаcя до такой степени удачною, что надѣялись объяснить ею всѣ сложныя явленія. Но выступившій въ послѣднее время на сцену новый фактъ разрушилъ и это хитросплетеніе. Я говорю о періодичности солнца, которое хотя и очень слабо, но все же измѣняется въ продолженіе каждаго одиннадцати лѣтъ. Совершающихся съ нимъ перемѣнъ нельзя уже объяснить тѣми причинами, которыя были придуманы для *Mira Ceti*. Онѣ зависятъ исключительно отъ физическаго устройства солнца. Это прекрасное открытіе г. Швабе оправдало предчувствіе Пигота, который, увѣряя, что солнечныя пятна имѣютъ чисто-физическій характеръ, совѣтовалъ астрономамъ объяснять измѣненія періодическихъ звѣздъ не условіями небесной механики, но самой природою этихъ свѣтилъ.

Факты не подтверждаютъ также гипотезъ, составленныхъ для объясненія новыхъ звѣздъ. Въ былое время знали только звѣзды, видимыя безъ помощи оптическихъ приборовъ. Теперь же, послѣ того какъ составлены огромные каталоги для 300,000 звѣздъ, астрономы получили возможность узнать маленькую звѣзду, блескъ которой достигнетъ вдругъ и на короткое время особенной напряженности. Итакъ, это не внезапно образовавшіяся тѣла. Другія новыя звѣзды, за которыми слѣдили астрономы прежнихъ вѣковъ при помощи слабыхъ телескоповъ, обнаруживали всѣ признаки періодичности до своего исчезновенія. Новая звѣзда Антелмы, надъ которою производилъ въ Парижѣ очень удачныя

наблюденія г. Касини, находилась въ такихъ же условіяхъ, и перемѣны въ напряженности ея блеска длились два года. Очевидно, что первое появленіе свѣта этой звѣзды было вызвано не ударомъ о нее посторонняго тѣла, или, въ противномъ случаѣ, слѣдовало бы предположить, что удары эти повторялись въ двухлѣтній періодъ черезъ опредѣленные промежутки времени. Еще болѣе замѣчательна звѣзда Янсена, показавшаяся въ 1600 г. при блескѣ 3-й величины, и исчезнувшая послѣ постепенныхъ перемѣнъ черезъ двадцать-одинъ годъ. Ее видѣли потомъ: Касини въ 1655 и Гевеліусъ въ 1665 г. Теперь, возвращаясь въ свое нормальное состояніе, она значится въ каталогѣ подъ рубрикою слабо, но болѣе или менѣе періодически измѣняющихся звѣздъ, изученіемъ которыхъ заняты современные астрономы — это звѣзда *Р Лебеда*, по опредѣленію Эрджлэндера.

Астрономическіе труды послѣдняго времени значительно увеличили наши свѣдѣнія относительно періодическихъ звѣздъ, которыя отличаются такимъ разнообразіемъ, какое только можно представить себѣ. Однѣ изъ нихъ возвращаются въ каждый изъ своихъ періодовъ почти къ той же степени блеска; другія, напротивъ, часто мѣняются. Напримѣръ, *Р Водолея*, не превосходя обыкновенно 8—9-й величины, достигаетъ иногда 6—7-й, а *Mira Ceti* колеблется въ своихъ тахіма между 1-й и 3-й величинами.

Продолжительность самыхъ періодовъ разнообразна въ высшей степени — три и триста дней, пять и десять лѣтъ и т. д. Что касается хода измѣненій, то иногда тахітум и мінітум блеска бываютъ правильны, иногда же два тахіма и два мініма смѣняются другъ друга неправильно. Порою же происходятъ гораздо болѣе сложныя явленія и неправильности, неподходящія ни подъ какой законъ.

Посреди этого разнообразія есть однакоже общія почти всѣмъ періодическимъ звѣздамъ качества. Сюда относится быстрота, въ которую увеличивается блескъ ихъ, и слѣдующая затѣмъ медленность его ослабленія, равно какъ продолжительный мінітум или незримость звѣзды сравнительно съ краткостью ея усиленнаго блеска. Эти же характеристическія свойства замѣчены и во всѣхъ новыхъ звѣздахъ съ 1572 г.

Итакъ, сходныя черты двухъ категорій звѣздъ замѣчательны не менѣе признаковъ, которыми, повидимому, отличаются онѣ другъ отъ друга. Переходъ отъ однѣхъ къ другимъ почти нечувствителенъ вслѣдствіе своей послѣдовательности. Многочисленные факты возбуждаютъ теперь вопросъ: не составляютъ ли періодическія и новыя звѣзды различныхъ фазъ одного и того же явленія? Въ небѣ существуютъ звѣзды съ постояннымъ блескомъ, съ слабыми періодическимъ въ немъ перемѣнами и съ неправильными періодами, звѣзды, почти потухающія во время ихъ мініма, и такия, которыя, переставая измѣняться въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго срока, приобрѣтаютъ снова прежній блескъ, и потомъ уже подвергаются значительнымъ перемѣнамъ,

прежде нежели утратятъ окончательно свою яркость надолго; наконецъ, есть почти потухшія звѣзды, которыя, воспламеняясь конвульсивно, скоро возвращаются къ прежней слабости, или же исчезаютъ совершенно. Повторяю — можно ли при видѣ такихъ фактовъ не напасть на мысль, что они представляютъ постепенныя фазы долгой жизни одной и той же звѣзды—фазы, которыя, относясь исключительно къ данной звѣздѣ, охватывали бы цѣлыя мірады звѣздовъ, тогда какъ теперь мы видимъ ихъ всѣ вмѣстѣ, потому что слѣдимъ одновременно за множествомъ звѣздъ? Не такъ ли составляемъ мы понятіе о всѣхъ фазахъ жизни одного человѣка, при видѣ цѣлой массы городского населенія, въ средѣ котораго замѣчаемъ одновременно людей всѣхъ возрастовъ?»

— Въ Даніи издана недавно очень замѣчательная книга «Данія въ началѣ желѣзнаго вѣка». Авторъ ея — Конрадъ Энгельгардтъ, бывшій директоръ музея сѣверныхъ древностей въ Фленсбургѣ. Она вышла въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, и такъ-какъ ее можно найти только въ публичныхъ бібліотекахъ и у записныхъ любителей археологіи, то мы сообщимъ здѣсь нѣкоторыя подробности о содержаніи этой бібліографической рѣдкости. На западномъ берегу Шлезвига находятся два торфяныя болота, Торсбьергъ и Нидамъ. Вѣроятно, въ былое время они соединялись съ моремъ. Давно уже знали, что береговныя болота западной Даніи, которыми очень богата эта страна, хранятъ въ себѣ много остатковъ минувшей цивилизаціи. Во ста мѣстахъ были найдены предметы «Раннаго желѣзнаго вѣка». Датское правительство рѣшилось въ 1858 г. приступить къ систематическому изслѣдованію двухъ названныхъ болотъ, и поручило надзоръ за работами г. Энгельгардту. Онѣ продолжались шесть лѣтъ, и ихъ прекратили только вслѣдствіе военныхъ событій 1864 г. Повсюду были найдены римскія монеты второго и начала третьяго столѣтій, также разныя вещи римскаго происхожденія. Энгельгардтъ, слѣдуя Ворсаю, дѣлитъ желѣзный вѣкъ Даніи на три періода. Первый или ранній изъ нихъ простирался отъ 250 до 450 года по Р. X. О немъ-то и идетъ здѣсь рѣчь. Племя, населявшее эту страну за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени, было знакомо съ условіями высокой цивилизаціи. Оно занималось выдѣлкою желѣза, золота, серебра, бронзы, слоновой кости, стекла, агата и фарфоровой глины. Для верховой ѣзды и перевоза тяжестей употреблялись лошади. Сверхъ того, у этихъ людей была своя азбука. Переходъ отъ бронзоваго вѣка къ высшей цивилизаціи былъ такъ непослѣдователенъ, что авторъ считаетъ его результатомъ нашествия, потому что иначе нельзя пояснить внезапнаго появленія лошадей, желѣзнаго оружія съ насѣчкою, искусствъ и письменности, которыхъ не было здѣсь прежде. Неизвѣстно, что за народъ были эти пришлецы, но ихъ кладбища доказываютъ, что они распространились по всей Даніи. Такъ-какъ мѣста, гдѣ находятъ теперь слѣды древнихъ вещей, были уже, по мнѣнію специалистовъ, залиты водою прежде, не-

жели начали складывать туда эти вещи, то Бовуа считаетъ ихъ «болотными кладбищами, въ которыхъ погребались умершіе съ оружіемъ и другими предметамъ». Однакоже до сихъ поръ въ торфѣ не найдено человѣческихъ костей, и притомъ многія вещи принадлежать къ предметамъ такого рода, что едва-ли могли хоронить ихъ вмѣстѣ съ трунами умершихъ. Потому-то Ворсай полагаетъ, что здѣсь были нѣкогда священныя озера, въ которыя погружались жертвоприношенія. Но и этому предположенію противорѣчитъ ломка вещей, которая, очевидно, предшествовала ихъ погруженію въ воду. Энгельгардтъ не высказываетъ своего личнаго мнѣнія объ этомъ вопросѣ, думая, что только дальнѣйшія открытія могутъ объяснить его положительно. Изъ Торсбьерга вынуть весь мохъ или торфъ. Найденныя въ немъ древности были скучены преимущественно въ одномъ мѣстѣ. На десять футовъ ниже теперешней его поверхности лежали болѣе легкія вещи: одежда, ободы щитовъ, кожаныя и плетенныя изъ лыка издѣлія. Ближе къ верху, футовъ на пять глубины, находилась болѣе важная часть другихъ предметовъ. Въ ихъ расположеніи соблюдался строгій порядокъ: щиты влялись грудю, и прокалывались насквозь копьемъ, для того чтобы нельзя было имъ соскользнуть другъ съ друга, наконечники копій и мелкое оружіе обертывались обыкновенно кольчугами, золотыя вещи лежали также въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ — словомъ, установленный порядокъ соблюдался такъ строго, что рабочіе, приглядѣвшись къ нему, могли сказать заранѣе, гдѣ именно должна была находиться такая-то вещь. Всѣ найденныя въ Торсбьергѣ вещи были изломаны, или испорчены, какъ будто съ намѣреніемъ сдѣлать ихъ непригодными къ дальнѣйшему употребленію. Предметы, вынутыя изъ нидамскаго торфа, точно также обезображены. «Они были разбросаны — пишетъ Энгельгардтъ — на пространствѣ десяти тысячъ квадратныхъ футовъ, и часто лежали кучами, будучи связаны, или обернуты холстомъ... Здѣсь, такъ же какъ въ торсбьергскомъ торфѣ, почти всѣ вещи были сломаны передъ погруженіемъ ихъ въ воду. Мечи и острія копій иззубрены и согнуты очень затѣйливо... Даже лошадинныя остовы обезображены. На одной головѣ остались знаки тринадцати ударовъ, нанесенныхъ острымъ оружіемъ, вѣроятно мечомъ. Я думаю, что всѣ найденныя здѣсь вещи были сложены сперва въ лодки, уцѣлѣвшія части которыхъ открыты теперь». Между древностями, лежавшими въ наибольшей глубинѣ, найдена обшивка очень хорошо построенной дубовой лодки. Доски были разрублены пополамъ и совершенно изломаны. Что же касается груза, то его, какъ видно, заранѣе опустили въ воду. Двѣ другія ладьи были затоплены посредствомъ дыръ, просверленныхъ въ обшивкѣ ниже ватерлиніи. Но грузъ не былъ вынутъ изъ нихъ, и часть его оставалась до сихъ поръ на своемъ прежнемъ мѣстѣ». Одна изъ двухъ послѣднихъ лодокъ, дубовая, довольно хорошо сохранилась, и теперь снова собрана въ фленсбургскомъ музеѣ, но другую, сосно-

вую, постигло неожиданное несчастье. Доски, входившія въ составъ ея, лежали подъ открытымъ небомъ, прикрытыя изъ предосторожности торфомъ. Когда австрійцы и пруссаки овладѣли Шлезвигомъ, то часть этихъ досокъ была уничтожена. Вѣроятно, солдаты употребили ихъ на топливо, не зная, что они жгутъ дерево, которое шадла разрушительная сила времени въ продолженіе пятнадцати вѣковъ. Уцѣлѣвшій до сихъ поръ остатокъ этой древности тоже, надобно полагать, будетъ скоро уничтоженъ.

Первыя четыре чертежа этого превосходнаго in-quarto посвящены изображенію лодокъ, открытіе которыхъ составляетъ эпоху въ исторіи морской архитектуры. Остальные сорокъ рисунковъ изображаютъ другія вещи. Интереснѣе всего цѣлый комплектъ платья. Онъ состоитъ изъ суконной блузы, такихъ же панталонъ и плаща. Сукно это доказываетъ, что люди желѣзнаго вѣка значительно превосла въ ткацкомъ искусствѣ своихъ предшественниковъ. Образецъ сукна, сотканнаго въ бронзовый вѣкъ, можно видѣть въ копенгагенскомъ музеѣ. Это — одежда, найденная на человѣческомъ остовѣ, который лежалъ въ дубовой колодѣ, сохранившейся внутри кургана Трехой — въ Вамдруискомъ приходѣ. Разнаго рода оружіе занимаетъ бѣльшую часть приложенныхъ къ этой книгѣ рисунковъ, но есть, безъ сомнѣнія, и другіе предметы, напримѣръ, деревянные грабли, рыболовные сѣти, круглыя монеты и множество разной домашней утвари. Однако, вся эта масса древностей не поясняетъ вопроса о національности людей, которымъ принадлежали найденныя вещи. Археологи не могутъ опредѣлить, откуда пришелъ въ Данію этотъ народъ, и какая страна была его родиной. Только языкъ найденныхъ надписей могъ бы рѣшить этотъ трудный вопросъ; но до сихъ поръ не нашлось человѣка, который умѣлъ бы прочесть эти надписи.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Наставленіе отца сыну, молодому воину, отправляющемуся въ походъ противъ непріятелей, о важности военнаго званія и исполненія присяги. Сочиненіе главнаго священника кавказской арміи, протоіерея Стефана *Гумилевскаго*. Изд. третье. Спб. 1866.

Краткая исторія Россіи. Изданіе редакціи «Народной Бесѣды». Спб. 1866.

Святые евангеліе Господа нашего Иисуса Христа на народномъ татарскомъ языкѣ (русскими буквами). Казань. 1866.

Равноапостольныя просвѣтителы Россіи, благовѣрная княгиня Ольга и в. великій князь Владиміръ. Брошюра. М. 1866.

Т. CLXVIII. — Отд. II.

1/36

Житіе св. великомученицы Еватеріны. Брошюра. М. 1866.

Осмотръ губерній юго-западнаго края (съ 15 іюня по 9 іюля 1866 г.). Брошюра. Кіевъ. 1866.

Краткій очеркъ исторіи философіи права. (Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Н. Неклюдова). Слб. 1866. А. Гейера.

Человѣкъ, земля и небо. Популярныя бесѣды о томъ, какъ жить на свѣтѣ и какъ смотрѣть на міръ божій. Брошюра. Слб. 1866.

Сборникъ Муханова, посвященный памяти Карамзина. Большой томъ. Изданіе 2-е. Слб. 1866.

Будьте здоровы! Популярно-медицинскіе бесѣды. Доктора *Бока*. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное подъ редакціей В. Конради. Слб. 1866. Изданіе В. Генкеля.

Разсказъ очевидца о случившемся въ 1848 г. (по поводу холеры), напечатанный на полуиждѣ. М. 1866.

Руководство въ физикѣ Пущемюллера. Переведено подъ редакціей Д. С. Михайлова, съ прибавленіями профессора Э. Э. Петрушевскаго. Выпускъ первый. Слб. 1866.

Земля и небо отъ невримой пылинки до безиредѣльности міра, соч. *Пуше*, съ 85-ю рисунками въ текстѣ. М. 1866. Перевелъ съ французскаго А. Смирновъ.

Основныя правила степнаго ховліяства. Брошюра. Одесса. 1866.

О шероти въ южномъ краѣ Россіи. Брошюра. Одесса. 1866. Сост. А. *Этимеръ*.

Русскіе люди. Жизнеописаніе соотечественниковъ, прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и общественной пользы, съ портретами, гравированными на стали по рисункамъ А. Шарлеманя. Томъ II. Изд. М. О. Вольфа. Слб. и Москва. 1866.

Электрическая телеграфія въ теоріи и практикѣ. Сочиненіе Гр. Э. *Дю-Монселя*. Части I и II, съ чертежами въ текстѣ. 1866. Слб. Пер. съ французскаго. Ю. Оводовъ.

Записки (литографированныя) теоретической хирургіи, составленныя по лекціямъ профессора и академика П. *Заблочкаго*, Адольфомъ Борхманомъ. Выпускъ первый. Слб. 1866.

Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя *Соловьева*. Томъ первый. Изданіе 4-е. М. 1866.

Историческій очеркъ Ладожскихъ каналовъ, стараго и новаго. Брошюра. Слб. 1866. Инженер-полковника *Кознакова*.

По поводу жестокаго обращенія съ лошадьми (отъ російскаго общества покровительства животнымъ). Статья, отдѣльно напечатанная. Слб. 1866. Ф. *Драшлева*.

Учебникъ уголовного права, составленный по лекціямъ профессора П. Д. *Каамыкова*, А. *Любаскиль*. Части: общая и особенная. Слб. 1866.

Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра русской исторіи, Э. *Фирсовымъ*. Казань. 1866.

Сборникъ народно-врачебныхъ средствъ, знахарями въ Россіи употребляемыхъ. Слб. 1866. Собралъ В. *Держкеръ*.

Словарь Православнаго церковно-богослужебнаго языка и священныхъ обрядовъ. Соч. священника Василія *Михайловскаго*. Слб. 1866.

Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ. Публичныя лекціи К. Фогта. Изд. второе П. Гайдебурова. Т. I. Слб. 1856.

Комическій годъ. Каррикатурный альбомъ на 1866. Слб. 1866.

THE BEGGAR'S BENISON; or, a Hero without a Name, but with an Aim: a Clydesdale Story. (Благословеніе нищаго или герой безъ имени, но съ цѣлью).

BULBS and their Culture. (Цвѣточные луковицы и культура ихъ).

CRADOCK Nowell. A Tale of the New Forest. By R. D. *Blackmore*.

DAYS of Yore. By Sarah *Tytler*. (Вѣлые дни, Сары *Титлеръ*).

EIGHT Books of the Laws of Ecclesiastical Polity. By Richard *Hooker*. (Восемь книгъ законовъ церковной администраціи, Р. *Гукера*).

THE END of All Things; or, The Coming and Kingdom of Christ. By the Author of «God is Love». (Конецъ всего, или прішествіе и царство Христа. Автора «Богъ есть любовь»).

EPIGRAMS: Forming the Second Volume of Wild Garlands; or, Curiosities of Poetry, Selected, arranged and classified by J. *Reeve*. (Эпиграмы, составляющія второй томъ Дикихъ Гарландъ, или курьезы поэзіи, выбранныя и размѣщенныя въ систематическомъ порядкѣ Дж. *Ривомъ*).

FIFTH Annual Report of the Inspectors of Salmon Fisheries. (Пятый годовой отчетъ инспекторовъ надъ ловею семги).

THE FIRST Man and his Place in Creation. By George *Moore*. (Первый человекъ и его мѣсто въ твореніи. Джорджа *Мура*).

FOR EVER and EVER. A Novel. By Florence *Marryat*. (Навсегда. Романъ Ф. *Марриата*).

FROM Calcutta to the Snowy Range. By an Old Indian. (Отъ Калькуты до снѣгового хребта, стараго индійца).

LESSONS in Elementary Chemistry. By Henry E. *Roscoe*. (Лекціи элементарной химіи, Г. Е. *Роско*).

LIFE of Lieut.-General Thomas J. Jackson (Stonewall Jackson). By Professor K. L. *Dabney*.

LORDS and Ladies. By the Author of «Margaret and her Bridesmaids».

LUNTON Grange. A Novel. By J. R. S. *Harington*.

THE MAN of Mark. A Novel.

NATURE and the Bible in Agreement with the Protestant Faith. By James *Davis*. (Природа и библія, согласованныя съ протестантской религіею, Джамса *Дэвиса*).

NOTES on the History of Slavery in Massachusetts. By G. H. *Moore*. (Замѣчанія на исторію рабства въ Масачусетсѣ, Дж. Г. *Мура*).

PICTORIAL History of the Civil War in the United States of America. By Benson J. *Lossing*. (Иллюстрированная исторія междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, Б. Дж. *Лосинга*).

A PLEA for a New Translation of the Scriptures, with a Translation of St. Paul's Epistle to the Romans. By Alfred *Dewes*. (Ходатайство о новомъ переводѣ библіи, съ переводомъ посланія апостола Павла къ римлянамъ, А. *Дьюса*).

PRISON Characters drawn from Life. By a Prison *Matron*. (Тюремные характеры, снятые съ натурь).

THE REIGN of Richard the Second. The Sandhope Prize Essay for 1866. By T. P. Taswell *Langmead*. (Царствование Ричарда II. Опыт на сандгопскую премию 1866 г., Т. *Лэммида*).

SPRING Flowers and Spring Gardening. (Весенние цвѣты и весеннее садоводство).

TRUST. By the Author of «The Beginnings of Evil». (Довѣренность. Автора «Началь зла»).

LES AMIS de Madame. Etude.

LES ARMES se chargeant par la culasse, par *Challeton-de-Brughat*. (Огнестрѣльное оружіе, заряжающееся съ казенной части, *Шалетона-де-Брюга*).

LA CAVALIÈRE, par Paul *Féval*.

LE CHOLÉRA épidémique et l'hydrologie médicale. Vichy et ses eaux minérales etc., par E. *Barbier*.

LA CLÈF d'or, par M-le *Fleuriot*. (Золотой ключъ, г-жи *Флѣрио*).

LES DROITS de l'épée, par Gaston *Lavalley*. (Права шпаги, Гастова *Лавалея*).

ÉTUDES sur l'histoire des Gaules et de la France, par L. *Davesies-de-Pontès*. (Этюдъ объ исторіи галовъ и Франціи, Л. *Давези-де-Понтеса*).

LE Foudre, l'électricité et le magnétisme chez les anciens, par Henri *Martin*. (Молнія, электричество и магнетизмъ у древнихъ, Г. *Мартина*).

НІВАВАНІЕ et decentralisation, par A. *Pougnel*.

L'HÔTEL de Carnavalet, par Paul *Féval*.

INFLUENCES des ages dans le mariage, par L. *Berthelot*. (Вліянія возрастовъ въ бракѣ, А. *Бертело*).

LES MACHINES et leur influence, par Frédéric *Passy*.

MERVEILLES de la céramique, par A. *Jacquemart*.

LES MERVEILLES de la végétation, par F. *Marion*. (Чудеса растительности, Ф. *Маріона*).

LES PAPES des temps modernes, par J. *Chantrel*. Tome IV de l'Histoire des Papes. (Папы новыхъ временъ. IV томъ Исторіи папъ).

LE POINT d'honneur, par Etienne *Marcel*.

RAPPORT sur le projet de loi relatif aux crimes et délits commis en pays étranger, lu au Sénat, le 22 juin 1866, par M. le président *Bozjean*, sénateur. (Докладъ о проектѣ закона относительно преступленій и проступковъ, совершенныхъ въ иностранной землѣ, прочтенный въ сенатѣ 22-го іюня 1866 президентомъ *Бовжаномъ*).

LA REINE des mers, Venise, ses doges, ses princes, par M-me *Barbé*. (Царица морей, Венеція, ея дожи, ея князья, г-жи *Барбе*).

LE RÔLE de la Prusse et de l'Allemagne du nord dans l'équilibre européen, par Alphonse *de-Calonne*. (Роль Пруссіи и Сѣверной Германіи въ европейскомъ равновѣсіи, А. *Калоня*).

LE SEIZIÈME siècle au point de vue de convictions religieuses etc., par

C. F. H. *Barjavel*. (Шестнадцатый вѣкъ съ точки зрѣнія религозныхъ убѣжденій и т. д., г. *Баржавель*).

LE SENTIMENT de la nature avant le christianisme, par Victor *de-Laprade*. (Чувство природы до христіанства, В. *Лапрада*).

DE LA SÉPARATION du spirituel et du temporel, par M. *Miron*. (Объ отдѣленіи духовнаго отъ свѣтскаго, г. *Мирона*).

DER ARZT als Giftmischer, oder das Rechtsgefühl der Nichtjuristen. Eine Criminalgeschichte. (Докторъ, какъ составитель ада, или чувство справедливости неюристовъ. Уголовное происшествіе).

DIE WEDERTEHENDSTEN deutschen Romane des XVII Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Literatur, von L. *Chotewitz*. (Лучше нѣмецкіе романы XVII вѣка. Дополненіе къ исторіи нѣмецкой литературы, Л. *Хотевиса*).

BERICHT über Schlachthäuser und Viehmärkte in Deutschland, Frankreich, Belgien, Italien, England und der Schweiz, von Th. *Risch*. (Увѣдомленіе о бойняхъ и рынкахъ для продажи скота въ Германіи, Франціи и т. д., Т. *Риша*).

DEUTSCHER KRIEG. 3 Abtheilung. Von H. *Laube*. (Нѣмецкая война, Т. *Лаубе*).

HANDBUCH zur Geschichte der Literatur, von F. *Raumer*. 3 и 4 Th. (Руководство къ исторіи литературы, Ф. *Раумера*).

LEBENDE BILDER aus dem modernen Paris. 3 und 4 Band. (Живыя картины изъ новаго Парижа. 3 и 4 томы).

EIN LEBENSBIOD von Prof. Balth. Wörner. Mit Briefen und kleinen Schriften Mohlers, herausgegeben von Pius Bonifacius Gams. (Биографія профессора Б. Вёрнера. Съ письмами и маленькими сочиненіями Молера, изданными П. Б. Гамсомъ).

MANNSRUUF an das deutsche Volk. Politische Gedichte aus den Jahren 1857—1866, von Friedr. Wilh. *Helle*. (Воззваніе къ нѣмецкому народу. Политическія стихотворенія изъ 1857—1866 гг. Ф. В. *Гелле*).

MASSREGELN die Entstehung, die Verbreitung und die Gefährlichkeit der Cholera vorzubeugen, von P. E. *Kurtz*. (Мѣры къ предупрежденію начала, распространенія и опасныхъ слѣдствій холеры, П. Э. *Курца*).

DIE NEUESTEN Entdeckungen und Erfahrungen auf dem Gesamtgebiete der praktischen Photographie, von I. *Lemling*. (Новѣйшія открытія и опыты въ области практической фотографіи, I. *Лемлинга*).

DAS ÖSTERREICHISCHE Heer in seiner Organisation und Stärke, Uniformirung, Ausrüstung und Bewaffnung, und in seinen taktischen Formen im Jahre 1866, von *Brix*. (Австрійское войско въ его организаціи, силѣ, обмундировкѣ вооруженіи и тактическихъ формахъ въ 1866 г., *Брикса*).

DIE PREUSSISCHE Expedition nach Ost-Asien. Ansichten aus Japan, China und Siam. 3 Hft. (Прусская экспедиція въ Восточную Азію).

DAS PREUSSISCHE Staatsbewusstsein. Ein neues Zeugniß von Deutschlands Noth und Schmach. (Прусское государственное сознание. Новое доказательство бѣды и позора Германіи).

DIE ROSHDALER Pioners. Ein Bild aus dem Genossenschaftswesen, von *B. A. Huber*.

DER SCHUTZ gegen Cholera. Ein Beitrag zur Gesundheitspflege und ein Mahnruf an Jedermann, von *I. Albu*. (Защита отъ холеры, *I. Альбу*).

SYSTEM der Tonkunst, von *E. Kruger*. (Система тонического искусства, *Э. Крюгера*).

URZUSTÄNDE Alemaniens, Schwabens und ihrer Nachbarländer, bei ihrem Uebergang zur ältesten Geschichte Germaniens, von *I. Haas*. (Первоначальное состояніе Алеманіи, Швабіи и сосѣднихъ съ ними земель при переходѣ къ древнѣйшей исторіи Германіи, *I. Гааса*).

WAS WIRD der Kaiser Napoleon thun? Die wichtigste Frage des Augenblickes. (Что будетъ дѣлать императоръ Наполеонъ? Важнѣйшій вопросъ минуты).

DIE WERTHLOSIGKEIT eines grossen Anzahl von chemischen Formeln, dargethan durch die Grösse der Fehler in Libieg's Analysen, von *A. Krönig*. (Дурная сторона большаго числа химическихъ формулъ, доказанная значительными ошибками въ анализахъ Либиха, *A. Крёнига*).

WILIBALD Alexis und die «preussische» Dichtung unserer Zeit, von *Wilh. Jensen*. (Вилибальдъ Алексисъ и «прусская» поэзія нашего времени, *В. Енсена*).





